

Николай Рерих

ШАМБАЛА
~
СЕРДЦЕ АЗИИ

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

Annotation

Среди множества любителей и профессионалов дальних странствий лишь некоторые покинули свою родину и обосновались там, где живет их мечта. Гениальный французский художник Поль Гоген уехал на Таити, автор «Космической одиссеи 2001» Артур Кларк нашел свою землю обетованную на Цейлоне (Шри-Ланке). *Николай Константинович Рерих* (1874—1947) родился и вырос в столице Российской империи, а умер в «стране снежных гор» (Химачал-Прадеш) в Гималаях, на севере Индии.

Прославился бы Рерих, если бы был только художником? Несомненно, ведь среди 5000 его живописных и монументальных работ немало признанных шедевров мирового уровня. А если бы он был только писателем? Вероятно, ведь вихрь сведений, мыслей, чувств, ассоциаций и гениальных догадок книг Рериха увлекает читателя в свой водоворот и поднимает все выше и выше. А как общественный деятель? Еще бы, иначе как бы он смог пробить стену косности и подвигнуть мир к принятию коллективного решения о защите культурного достояния человечества?! А ведь этот человек состоялся и прославился не только как художник, писатель и общественный деятель, но и как философ, ученый и путешественник.

Перед вами книга, в которой рассказывается о грандиозном и захватывающем путешествии Н. К. Рериха и его спутников по Центральной Азии. Цейлон, Индия, Монголия, Восточный Туркестан, Сикким, Ладакх, Тибет – все было исхожено и изведено. Жара и холод, горные тропы и коварные перевалы, вооруженные столкновения и недоразумения с властями – и беседы, беседы, беседы с местными жителями об автомобилях и железных дорогах, о революции и буддизме, об идолах и тайнах восточных учений. И поиск Шамбалы – страны Духа.

Подробные дневниковые записи о перипетиях этого увлекательного и опасного путешествия гармонично дополняют размышления великого русского гуманиста о путях развития человечества, загадках древних цивилизаций и единстве пути Запада и Востока.

Обработка и систематизация обширных научных материалов, собранных экспедицией, потребовали создания и долгих лет труда целого института. Но одно несомненно – вся жизнь этого замечательного человека, все его свершения говорят об одном – он нашел свою Шамбалу.

Электронная публикация включает все тексты бумажной книги и основной иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы предлагаем подарочную классическую книгу. Издание щедро иллюстрировано цветными и черно-белыми изображениями еще и сегодня труднодоступных экзотических мест, которые посетила экспедиция. Подарочное издание рассчитано на всех, кто интересуется историей географических открытий и любит достоверные рассказы о реальных приключениях. Это издание, как и все книги серии «Великие путешествия», напечатано на прекрасной офсетной бумаге и элегантно оформлено. Издания серии будут украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, станут прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным библиофилам.

-
- [СЕРДЦЕ АЗИИ](#)
 - [I. Сердце Азии](#)
 - [II. Шамбала](#)
- [АЛТАЙ – ГИМАЛАИ](#)
 - [Глава 1. Цейлон – Гималаи \(1923–1924\)](#)
 - [Глава 2. Сикким \(1924\)](#)
 - [Глава 3. Пир-Панджал\[229\]. Знамена Востока \(1925\)](#)
 - [Глава 4. Ладакх\[277\]. Горы \(1925\)](#)
 - [Глава 5. Ламаюру – Лех – Хеми \(1925\)](#)
 - [Глава 6. Лех – Каракорум – Хотан \(1925\)](#)
 - [Глава 7. Хотан \(1925–1926\)](#)
 - [Глава 8. Такла-Макан – Карашар\[416\]. \(1926\)](#)
 - [Глава 9. Карашар – Джунгария \(1926\)](#)
 - [Глава 10. Алтай \(1926\)](#)
 - [Глава 11. Монголия \(1926–1927\)](#)
 - [Глава 12. Тибет \(1927–1928\)](#)
 - [Список организаций, членом которых состоял Н. К. Рерих](#)

- [Участники экспедиции](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)

- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)

- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)

- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)

- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)

- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)

- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)

- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)

- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)

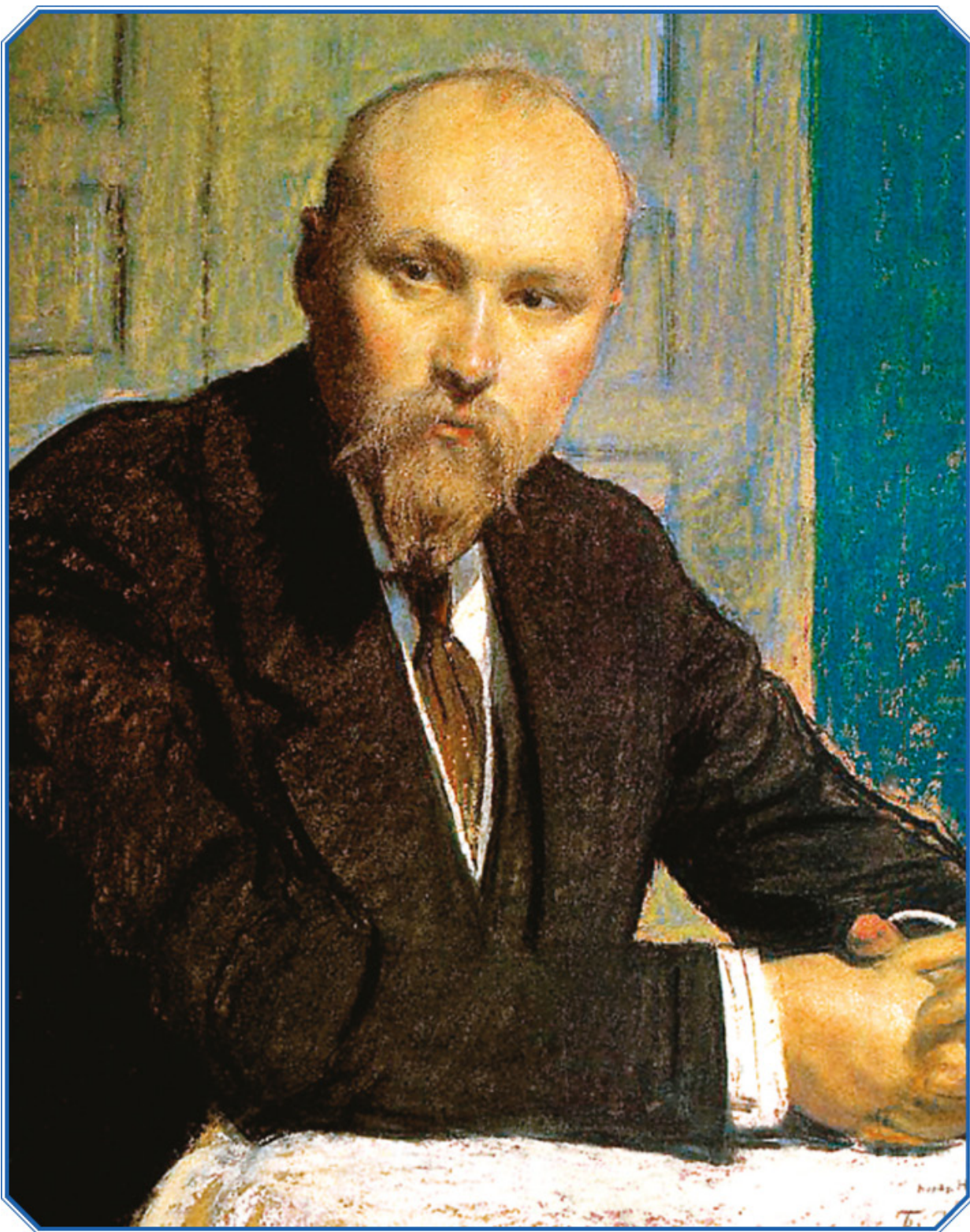
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)

- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)

- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)

- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)

- [591](#)
 - [592](#)
 - [593](#)
 - [594](#)
 - [595](#)
 - [596](#)
-

Николай Константинович Рерих
(1874—1947)

Н. К. РЕРИХ

Сердце Азии Шамбала

Сердце Азии

СЕРДЦЕ АЗІИ

I. Сердце Азии

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брахмапутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии – всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такла-Макан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызенные временем стены древних городов.

Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращенное известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни. В самых отдаленных пустынях, посмотрите, что говорят люди о деятелях цивилизации и гуманизма?

Имя Форда проникло в самые отдаленные хутоны и становища. Среди песков Такла-Макана длиннобородый мусульманин спрашивает:

«Скажите, по старой китайской дороге может пройти Форд?»

И около Кашгара спрашивают:

«А не может поднять наши поля трактор Форда?»

В Китайских Урумчах, в Калмыцких степях, по всей Монголии, слово «Форд» употребляется как синоним движущей мощи.

Седобородый старовер в отрогах Алтайских гор и кооперативная молодежь говорят с завистью:

«В Америке вы имеете Форда, но ведь у нас-то его нет?» Или: «Если бы только Форд был здесь».

Даже в Тибетских нагорьях живет мечта поднять в разобранном виде моторы через горные проходы.

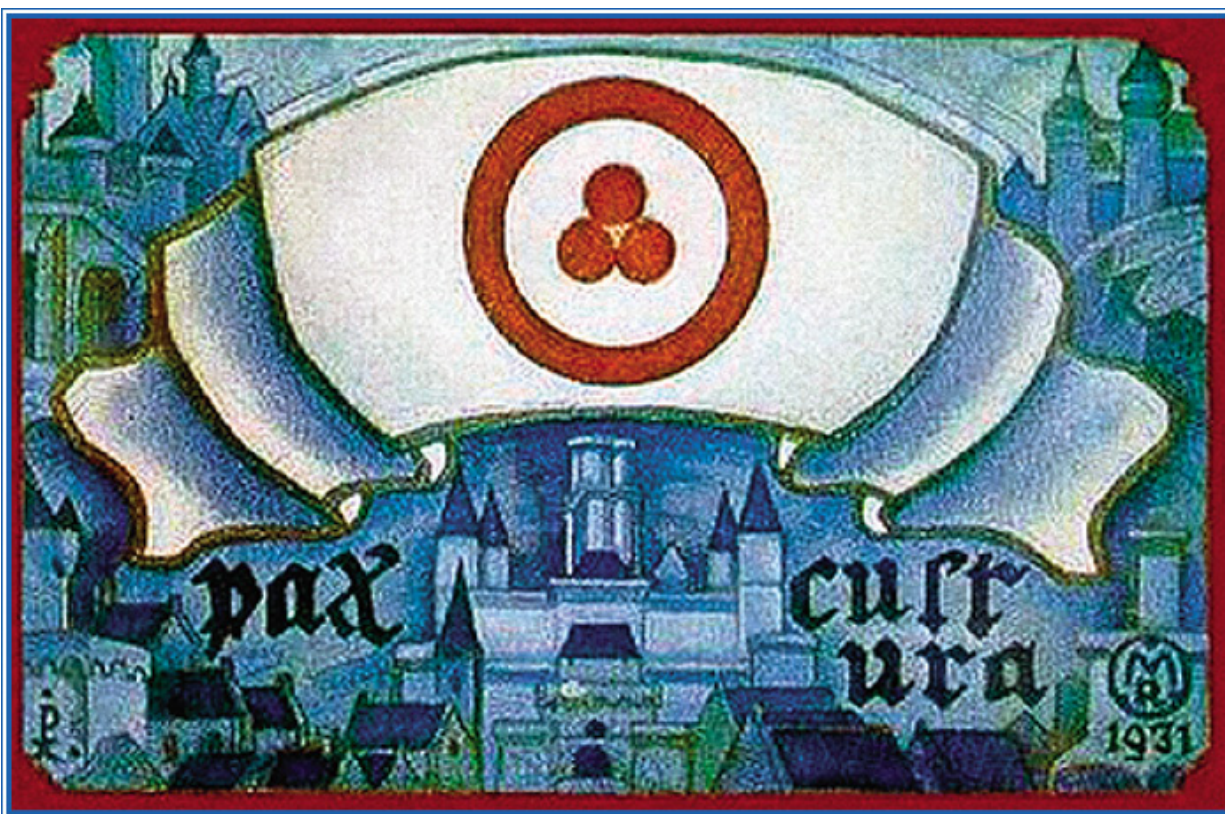
Проходя быстрые потоки, они спрашивают:

«А что, Форд пройдет здесь?»

Взбираясь на высоты, они опять спрашивают:

«А мог бы Форд взобраться здесь?»

Точно бы они говорили о каком-то сказочном великане, который может превазмочь все препятствия.

Н. К. Рерих. Пакт Культуры (Знамя Мира). 1931 г.

Знамя Мира — символ Пакта Рериха, первого в истории международного договора о защите художественных и научных учреждений и исторических памятников, который был принят 15 апреля 1935 г. 14 мая 1954 г. Конференция ООН и ЮНЕСКО в Гааге приняла международную «Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». Эту Гаагскую конвенцию подписали представители 37 государств.

И другое американское имя вошло в самые удаленные местности. В заброшенном углу Алтая в избе на самом почетном месте, где обычно хранились священные изображения, внимание привлекается знакомым лицом. Пожелтый портрет, вырезанный из какого-то случайно

дошедшего журнала. Присматриваетесь и узнаете, что это не кто иной, как президент Гувер^[1]. Старовер замечает:

«Это тот, который народ кормит. Да есть же такие замечательные люди на свете, которые не только свой, но и чужие народы накормить могут. А ведь народный рот не мал».

Старик сам не получил никакой посылки из АРА^[2], но живая легенда прошла реки и горы и сказала, как щедрый Великан добросердечно распределяет пищу и может накормить все народы мира.

На окраине Монголии вы можете думать, что никакие сведения из внешнего мира не проникнут туда. Но в забытой юрте монгол опять рассказывает вам, что где-то за океаном живет великий человек, который кормит все голодающие народы. При этом с большою трудностью произносится имя, которое звучит как-то между Гувером и Куверой – почитаемым буддистами богом счастья и богатства. В самых неожиданных уголках владеющий языками путник может встретиться с вдохновляющей легендой о великих людях, работающих на общее благо.

Третье выдающееся культурное имя, широко известное в пространствах Азии, – имя сенатора Бора. Письмо от него будет всегда служить хорошим паспортом. Иногда в Монголии, или на Алтае, или в Китайском Туркестане вы можете слышать странное произношение этого имени. Вы слышите:

«Бориа сильный человек».

Таким образом мудрость народов судит о лучших людях нашего времени.

Это так ценно слышать. Так ценно сознавать, что эволюция человечества своими несказуемыми путями пробивает путь в будущее.

Всюду шел с нами Американский флаг, прикрепленный к монгольскому копыю. Он сопровождал нас по Сендзяну, по Монгольской Гоби, по Цайдаму и Тибету. Он был парламентаром во время столкновения с дикими панагами. Он приветствовал Тибетских губернаторов, князей и генералов. Много друзей он встретил и только нескольких недругов. Но и эти немногие недруги были совершенно особого свойства: губер-натор Северной крепости Тибета Нагчу, который уверял, что существует только семь стран вообще. Другой был Ма, даотай^[3] Хотана, ко-торый вообще ничего не знал и был известен

только убийствами. Но зато друзей было много. Если бы вы видели, с каким жгучим интересом рассматривались открытки Нью-Йорка и слушались повести об Америке, вы были бы рады знать, что такое множество простых людей тянется к культурным завоеваниям.

Уже Будда заповедал о железных птицах на пользу человечества.

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках все-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого.

Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, мое главное устремление как художника было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления – так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древности Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы Великого переселения народов. Эта последняя задача издавна

была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества! Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Город Варанаси (Бенарес) на Ганге —
средоточие поклонения Шиве

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладакх, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучары, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендзедзонг, Сага-Дзонг, Тенгри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов. Соджи-ла, Кардонг-ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Даван, Улан-Даван, Чахариин-Даван, Хенту, Нейджи-ла, Кукушили, Дунгбуре, Танг-ла, Кам-Ронг-ла, Тазанг-ла, Ламси, Наптра-ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цаг-ла, Лам-Линг, Понг-Чен-ла, Дончен-ла, Санг-Мо-ла, Киегонг-ла, Цуг-Чунг-ла, Чжя-ла, Уранг-ла, Шару-ла, Гулунг-ла, Сепо-ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Танг-ла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Танг-ла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор наш, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, еще трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки «сура», выразившиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотою и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15 000 футов высоты.

Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен: спасти их могло бы лишь одно, а именно спустить их с 17–18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7–8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьезных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом.

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники ладакхцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благотельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допускаемо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням же перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоразмерная работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливали нарушенное кровообращение.

Сидящий Будда. II в. н. э.

В северной и центральной Индии буддизм начал распространяться уже в III в. до н. э. Однако до I в. н. э. Будда и другие Учителя буддизма изображались символически. Это — одно из ранних антропоморфных изображений Будды из Гандхары (территория современного Пакистана).

Среди особенностей снежных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам, и особенно Е. И., так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

Мы имели еще три неприятности в караване, а именно: явления сердечные, от которых погибло трое, и явление простудное, унесшее двоих. Кроме того, несколько людей в караване страдало от цинги, и в том числе заведующий транспортом П. Надо отметить, что в Северном Тибете среди местного населения мы видели много случаев сильной цинги.

Кроме основного состава экспедиции из Е. И., Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шел в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг.

На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошел доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е. И., местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей, Рае, при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трех женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определенно отмечено. В Шарагольцах перед Улан-

Даваном к экспедиции из Китая подошел полковник К.^[4] и заведующий хозяйством Г.

* * *

Начнем с Сиккима.

Необыкновенно благостное впечатление производит эта благословенная страна, связанная с воспоминаниями о великих подвижниках религии. Здесь жил Падмасамбхава^[5], основатель красношапочной секты; здесь проходил на Тибет Атиша^[6], возглашавший учение Калачакры^[7]; здесь по пещерам пребывали многие аскеты, наполняя пространство своими благими мыслями.

За Кинчинджунгой^[8] в подземельях и до сих пор пребывают затворники, и только дрожащая рука, протянутая по условному знаку за пищей, показывает, что физическое тело еще не отошло. Все 17 вершин Гималаев сияют над Сиккимом. С запада к востоку: Канг, Джану, Малый Кабру, Кабру, Доумпик, Талунг, Кинчинджунга, Пандим, Джубони, Симву, Нарсинг, Синиолчу, Пакичу, Чомомо, Лама, Андем, Канченджуа. Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине неисчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая.

Нигде на земле настолько не выражены два совершенно отдельных мира, мир земной с богатой растительностью, с блестящими бабочками, фазанами, леопардами, енотами, обезьянами, змеями и всей неисчислимой животностью, которая населяет вечнозеленые джунгли Сиккима. А за облаками в неожиданной вышине сияет снежная страна, не имеющая ничего общего с кишасим муравейником джунглей. И этот вечно волнующийся океан облаков и непередаваемых разнообразий туманов!

Кинчинджунга одинаково обращала внимание как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы^[9], выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась блистающая Лакшми^[10] для счастья мира. Общее благостное впечатление поддерживается и монастырями Сиккима. На каждом бугре, на каждой вершине, сколько хватает глаз, вы замечаете белые точки – это все прилепились твердыни учения

Падмы Самбхавы, официальной религии Сиккима. Махараджа Сиккима, живущий в Гантоке, глубоко привержен религии.

Супруга его Махарани, тибетского рода, является для Тибета совершенным исключением по своей просвещенности. Большинство монастырей Сиккима связано с теми или иными реликвиями и древними традициями. Здесь пребывал сам Падмасамбхава. Там учитель медитировал на скале, и если скала дает новые трещины, это значит, что окрестная жизнь уклоняется от праведного пути. Монастырь Пемаяндзе является официальным средоточием религии Сиккима. Подле монастыря еще сохранились развалины древнего дворца махараджи. Но гораздо большим духовным значением пользуется лежащий в одном переходе от Пемаяндзе старый монастырь Ташидинг. Туда каждому путешественнику следует заглянуть, хотя путь через бамбуковый мост над гремящим потоком труден. Мы были в Ташидинге в феврале, на тибетский Новый год, когда тысячная толпа из местных селений придает месту необычайную живописность. К этому же времени в Ташидинге совершается и ежегодное чудо с чашею.

Древняя каменная чаша ежегодно до половины наполняется водою и в присутствии лам и представителей махараджи запечатывается. Через год в день Нового года в присутствии тех же свидетелей ларец, в котором заперта чаша, распечатывается. Снимаются с чаши старинные ткани, в которые она обернута, и по состоянию воды произносится предсказание о будущем. Вода или убывает, или, как говорят, иногда прибывает. Так, указывают, что в 1914 году, перед великой войной, вода сильно прибыла, что означало войну и бедствие.

Во всех монастырях Сиккима замечается приветливое отношение к иностранцам, и дружелюбная атмосфера ничем не нарушается. Настоятели монастырей охотно показывают свои сокровища, среди которых немало предметов старинной прекрасной работы. Мы были в Сиккиме во время третьей неудачной эверестской экспедиции, и ламы говорили нам:

«Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам принимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле».

Лакшми.
Традиционное индийское изображение

В этих местах многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно.

Недавно в Дарджилинге произошел характерный эпизод со стариком ламой. Во время какого-то уличного столкновения вместе с участниками беспорядков был захвачен полицией и старик лама, случайный зритель. Лама не протестовал и вместе с прочими был осужден на известное время ареста. Когда же истек срок ареста и лама должен был быть освобожден, он заявил, что просит его оставить в тюрьме, так как это самое спокойное место и наиболее пригодное для концентрации.

Сикким сопровождает нас чудесными благодатными преданиями. В храме гремят гигантские трубы. Лама спрашивает:

«Знаете ли, отчего так звучны большие трубы в буддистских храмах?»

И поясняет:

«Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест Благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука».

«И знаете ли, отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел.

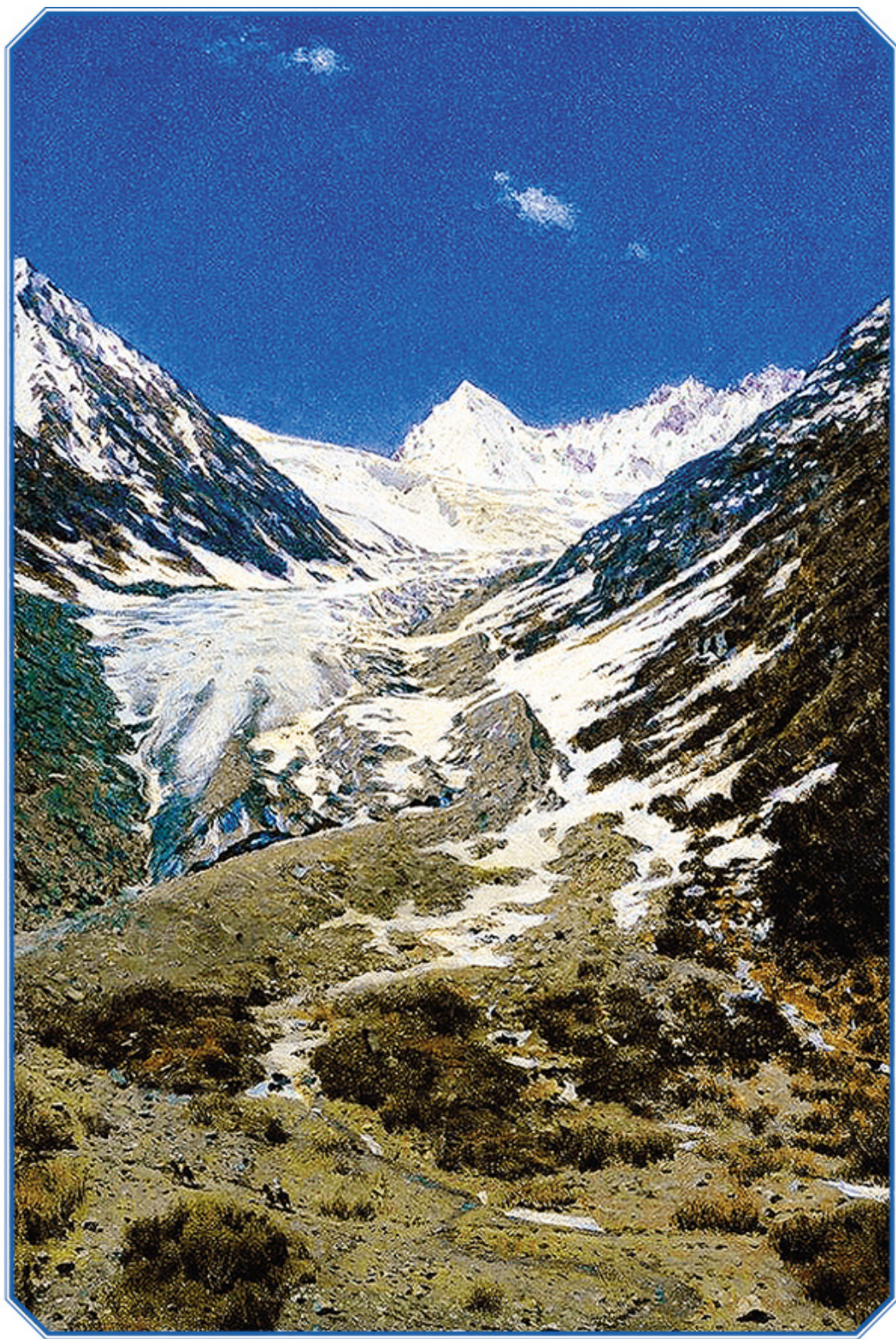
Император спросил: «Если вы все знаете, как же вы сели на священные книги?» – «Здесь нет священных книг», – ответил лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки». И о талисманах поясняет лама:

«Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобою, если не принесешь теперь мне».

Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб на божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы».

Несмотря на краткость изложения, не могу не упомянуть еще о случаях волевых приказов, которые происходят в этих местах. Во время пребывания таши-ламы^[11] в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут таши-лама исчез из вида. Дело происходило в саду, – присутствующие бросились искать таши-ламу, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Таши-лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него сустились тщетно искавшие его люди.

Или другой случай волевого воздействия. В поезде бенгальской железной дороги был обнаружен безбилетный садху, которого и высадили на следующей станции. Садху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижимым. Дали звонок к отходу поезда, но поезд не тронулся. Публика, недовольная высадкой «святого» человека, обратила на это внимание. Второй раз должен был тронуться поезд и опять не двинулся. Тогда пассажиры потребовали пригласить садху занять свое прежнее место, и святой человек торжественно был введен обратно в вагон, после чего поезд благополучно тронулся.

*В. В. Верецагин. Ледник по дороге
из Кашмира в Ладакх. 1874—1876 гг.*

В Гималаях Н. К. Рерих прожил значительную часть своей жизни. Здесь он и умер. 15 декабря 1947 г. тело «Махариши Николая Рериха» было предано огню на погребальном костре в Кулу. Это место отмечает камень с памятной надписью...

Не буду останавливаться на Бенаресе, но удивимся, что большая часть Сарната, памятного места, где Будда начал свою проповедь, еще лежит под буграми, нераскопанная. И те развалины, которые обнаружены сейчас, тоже вскрыты сравнительно лишь в последнее время. Странная судьба окружает большинство мест, связанных с личными трудами основателя буддизма. Капилавасту в развалинах, Кушинагара тоже, Сарнат еще не вскрыт окончательно. В этом есть какое-то особое значение.

До недавнего времени некоторые ученые даже пытались доказать, что Гаутама Будда никогда не существовал. Несмотря на неоспоримые факты огромной буддистской литературы, несмотря на подписи на древних колоннах царя Ашоки^[12], французский ученый Сенар в своем исследовании утверждал, что Будда никогда не существовал и есть не что иное, как солнечный миф. Но и тут точное знание восстановило человеческую личность Учителя Гаутамы Будды. Урна, датированная надписью, с частью золы и костей Будды вскоре была найдена в Пиправе, в непальском Терае.

Такая же историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канишкой и найденная около Пешавара, также определенно свидетельствует о смерти Великого Первоучителя буддизма. Любопытно отметить, что последняя находка была сделана на основании записей старых китайских путешественников. Вообще нужно отдать справедливость старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз.

Северный Пенджаб дает массу исторического материала как по древнейшей эпохе Индии, в Харапа, на севере Лахора, так же и по индийскому средневековью от восьмого века нашей эры. Не забыт здесь и буддизм, хотя официально и не проявляемый. Гаутама-Риши,

как местные пенджабцы и пахари называют Будду, находится в большом почете. Развалины древних буддистских храмов с явно буддистскими изображениями показывают, что и здесь, на древних путях из Тибета, религия буддизма давно процветала. В одной долине Кулу считается триста местных почитаемых Риши. Эти места связаны с самыми большими именами.

Говорится, что сам Арджуна из Кулу проложил подземный ход в Маникарн. Здесь же в махараджестве Манди находится знаменитое озеро Равалсар, соединенное в предании с именем Падмы Самбхавы. До сих пор множество лам со стороны Шипки перевала и Ротанга спускаются в долину для почитания памяти Учителя. Места, насыщенные воспоминаниями! Ведь Манди и Кулу являются тою замечательною страной Захор, которой отведено такое внимание в тибетской литературе. Знаток местности доктор А. Х. Франке в своей книге «Древности индусского Тибета», стр. 123, приводит следующие указания д-ра Фогеля:

«Позвольте мне добавить несколько замечаний о Манди, собранных из тибетских исторических трудов. Не может быть сомнения в тождестве тибетского Захора с Манди. Во время нашего посещения Равалсара мы встретили многих тибетских паломников, которые сказали, что они идут в Захор, подразумевая махараджество Манди. В жизнеописании Падмы Самбхавы и в других книгах этого времени Захор часто поминается как место, где учитель жил – 750 г. после Р. Х. Знаменитый буддистский учитель Ракшита, ушедший в Тибет, родился в Захоре. Опять во время Ралпакана, 800 г. после Р. Х., мы находим утверждение, что во время царствования его предшественников множество религиозных книг было перенесено в Тибет из Индии, Захора и Кашмира.

Захор был средоточием буддистского просвещения. Указывается, что под тем же царем Захор был завоеван тибетцами. Но во время его преемника апостата, царя Лангдармы, было принесено множество религиозных книг в Захор, чтобы спасти их от уничтожения. Между тибетцами существует предание о нахождении скрытых книг в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, относится к упомянутым книгам. Мр. Ховель, британский правитель Кулу, передавал мне, что Такур Колонг в Лахуле был однажды извещен высоким ламой из Непала, где именно скрыты эти книги».

Н. К. Рерих. Падмасамбхава

Видите, какие замечательные традиции связаны с Кулу и Манди. Ведь ученый мир до сих пор тщетно мечтает найти древнейшие экземпляры буддистских книг.

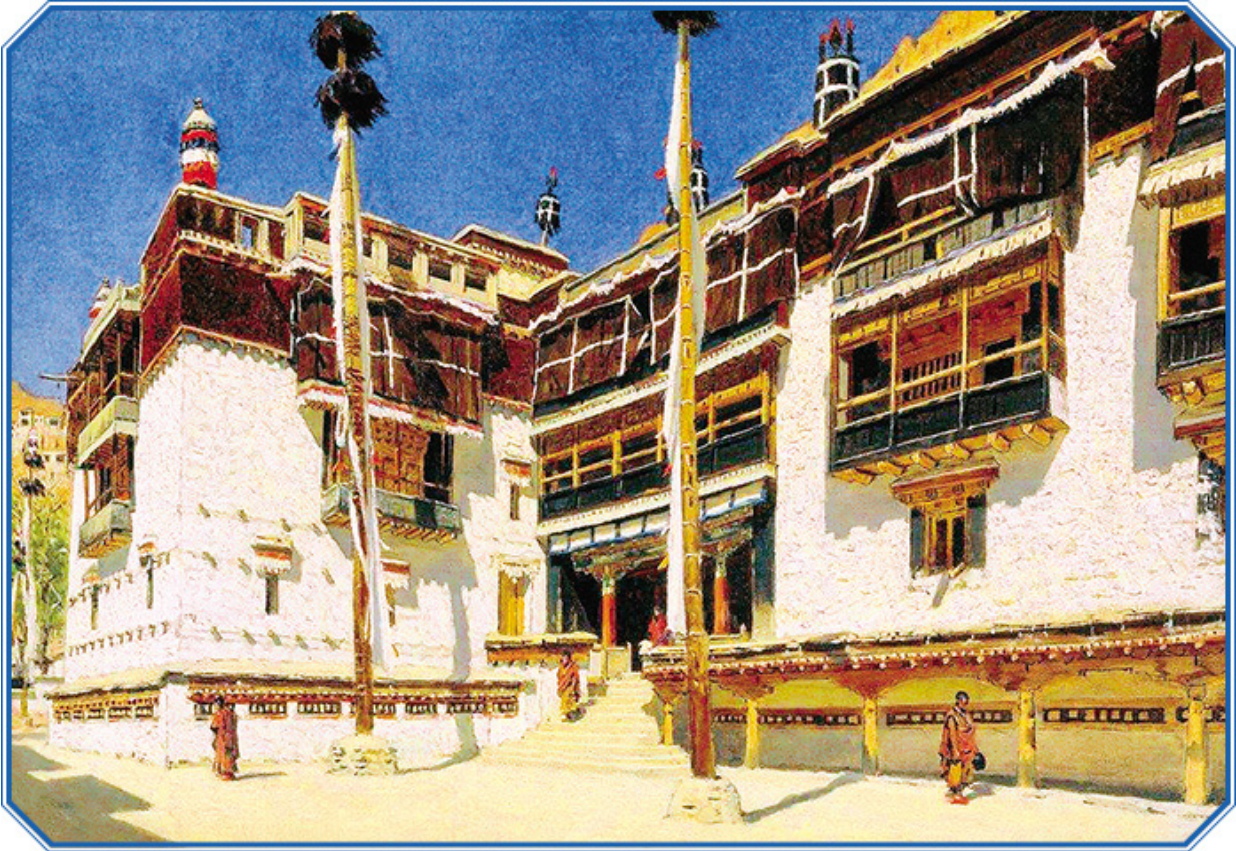
Не только буддистские памятники, не только имя Арджуны связано с долиною Кулу, но сам первый законоположник Ману дал имя месту Манали. Здесь в долине Кулу жил Виаса, слагатель Махабхараты^[13]. Здесь Виасакунд – священное место исполнения всех желаний.

На границе Лахула имеются на скале изображения мужчины и женщины до 9 футов роста. О них рассказывают то же самое, как и об изображениях Бамиана в Афганистане, а именно, что рост их соответствует величине роста древних жителей этой местности.

Также насыщены древностью и области Кашмира. Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина^[14]. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддистских памятников

почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна^[15], Асвагоша^[16], Ракхшита и многие другие, впоследствии пострадавшие при замене буддизма индуизмом. Здесь и трон Соломона и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки. Не говорю о самом Шринагаре^[17]. Правда, в примитивных кладках набережных каналов и фундаментах строений можно видеть отдельные камни отличной резьбы, принадлежащие времени расцвета. Но это частичные обломки, не имеющие ничего общего с современным, чисто переходным состоянием города.

В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладакху и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа во время его длительного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.

*В. В. Верецагин. Монастырь Хемис в Ладакхе.
1874—1876 гг.*

* * *

Древний караванный путь от Шринагара до Леха делается в семнадцать переходов, но обычно предлагается задержаться на день или на два. Только случаи крайней поспешности могут заставить сделать этот путь без перерывов. Такие незабываемые места, как Маулбек, Ламаюру, Базгу, Саспул, Спитуг, заставляют остановиться и запомнить их как с художественной, так и с исторической стороны. Маулбек, теперь одряхлевший монастырь, судя по развалинам, когда-то был настоящей крепостью, отважно утвердившись на вершине скалы. Около Маулбека, на самой дороге, вы будете поражены древним гигантским изображением Майтрейи [\[18\]](#).

Вы чувствуете, что не тибетская рука, но, вероятно, рука индуса во время расцвета буддизма трудилась над ним. Фахиэн^[19], китайский путешественник в своих записках упоминает в этих местах огромное изображение Майтрейи. Думаем, не относится ли его указание именно к этому изваянию. Когда мы уже подходили к Хотану, случайно узнали, что на обратной стороне скалы, носящей изображение, находится древняя китайская надпись. По месту мы могли ожидать и санскритскую, и тибетскую, даже монгольскую надпись, но китайская надпись совершенно неожиданна.

Пусть следующий исследователь осмотрит скалу Майтрейи с обратной стороны. Двигаясь дальше, вы привыкаете к этим романтическим памятникам и постройкам, взлетевшим, как орлы, на безводные вершины. Но первое впечатление, как всегда, бывает самое поражающее.

Нужно было иметь и чувст-во красоты, и мужественную самоотверженность, чтобы укр-епляться на таких высотах. Во многих подобных безводных жильях в скалах были пробиты подземные ходы к реке, чтобы мог пройти груженный ослик. Эта сказка подземных ходов, как увидим, сложила многие, самые лучшие предания. Так же как и в Сиккиме, ладакхские ламы оказались приветливы, терпимы к прочим верам и внимательны к путешественникам, как и подобает буддистам. Все три учения ламаизма выражены в Ладакхе. Гелугпа – желтая вера, преподанная Дзонкапой^[20]; красношапочники, последователи Падмы Самбхавы, и даже бон-по, так называемая черная вера, древнейшего добуддистского происхождения.

Эти почитатели богов Свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но, с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература бон-по еще не переведена и не истолкована и во всяком случае заслуживает вдумчивого внимания.

Лама Цзонкапа (Дзонкапа).
Тибетская тханка

Тханка, или танка, — так называют тибетские «иконы», чаще всего изображающие Будду или лам. Тханки обычно пишут на холсте, обшивают по краям тканью и хранят в свитках. Изготовление тханок — сложный и трудоемкий процесс, требующий, кроме знаний и мастерства, также духовной зрелости и посвящения.

С особенным интересом мы подходили к Ламаюру. Этот монастырь считается твердыней бон-по. Конечно, бон-по Ламаюру не настоящее. Оно уже значительно слилось с буддизмом. В монастыре имеется и изображение Будды, а также изображение Майтрейи, что, как увидим, совершенно несовместимо с основами черной веры. Но сам монастырь и его местоположение совершенно исключительны по своей сказочности. Мы думали, если в Ладакхе — в Малом Тибете — находятся такие чудесные вещи, то что же должно быть в самом великом Тибете? Такое же величественно-романтическое впечатление оставляет Базгу, где существующие храмы переплелись с развалинами. Эти развалины лежат на совести Зоравара и прочих кашмирских завоевателей, которые на пути своем, завоевывая Ладакх, нещадно истребляли буддистские монастыри. Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длиннейших стен по зубцам скал — все это говорит о бывшем процветании Ладакха и о мужественном духе его бывших созидателей. Имя великого героя Азии, Гэсэр-хана, овеивает эти места.

В Каладзе около старого форта на зыбучем мосту через желтый гремящий Инд вы слушаете повесть о том, как рука кашмирца Сукамира, разбитого ладакхцами, в знак назидания была прибита на этом мосту. «Но, — добавляет рассказчик, — кошка съела эту враждебную руку, и для сохранения назидания ее пришлось заменить рукою одного умершего ламы». Таковы неожиданности судьбы.

В Саспуле опять прекрасный храм с древнейшими изображениями Майтрейи. Хотя много написано о Ладакхе, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей.

Так, уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддистские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки буддизма. Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту.

На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Сензиане, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристнингары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать.

В Ниму, маленьком месте на высоте около 11 000 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е. И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до него, как вспыхнуло большое розово-лиловое пламя цвета напряженного электричества, образовавшее как бы целый костер около фута высотой. Е. И. с криком «огонь, огонь!» разбудила меня.

Вскочив, я увидел следующее. Темный силуэт Е. И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е. И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырывался из-под рук, рассыпаясь на части. Эффект от прикосновения был лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя уменьшилось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов. Нам случалось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явление подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шаровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге в Кашмире в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубиное яйцо мы наблюдали всевозможные виды молнии. В

Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления.

Помню, как в Чунаргене на высоте около 15 000 футов, ночью проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различного рода поверхностям – к дереву, бумаге, брезенту – и всюду получался тот же синий свет, неосязаемый, без треска и без запаха.

*В. В. Верецагин. Посмертные памятники в Ладакхе.
1874—1876 гг.*

Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15 000—16 000 футах; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность – все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи – это место для искреннего ученого. Когда мы вспоминали книгу профессора Милликана «Космический луч», мы думали, вот бы этому замечательному ученому произвести исследования у Гималайских высот. Пусть это будут не мечты, но пусть эти пожелания во имя науки обратятся в действительность.

Сам Лех – резиденция бывшего ладакхского махараджи, теперь завоеванный Кашмир, является типично тибетским городом с множеством глинобитных стен, с храмами и целыми рядами ступ субурганов, которые придают месту торжественную молчаливость. На высокой скале завершает город восьмиэтажный дворец махараджи. По приглашению махараджи мы остановились там, занимая верхний этаж этой колеблющейся под порывами ветра твердыни. При нас рухнула одна дверь и часть стены, но виды с верхней плоской крыши заставляли забыть о непрочности древнего строения.

Под дворцом расстился весь город, базар, наполненный шумливыми караванами, фруктовые сады. За городом тянулись поля ячменя. Гирлянды звонких песен кончали дневную работу. Живописно ходили ладакхские женщины в высоких меховых шапках с поднятыми ушами и длинной повязкой по спине, украшенной множеством бирюзы и металла. На плечи обычно накинута, как древнее византийское корзно, шкура яка, скрепленная пряжкой на правом плече. Более богатые носят это корзно из цветной ткани, еще более в этом наряде напоминая некоторые византийские иконы. И фибулы пряжки на правом плече мы могли бы найти в северных и даже скандинавских погребениях.

Недалеко от Леха на каменистом бугре находятся древние могилы, называемые доисторическими и напоминающие друидические древности. Также недалеке место стоянки монголов, пробовавших

завоевать Ладакх. В этой же долине находятся несторианские кресты, еще раз напоминающие, как широко по Азии было распространено несторианство и манихейство.

В Лехе мы опять встретились с легендой о пребывании Христа. Индус – почт-мейстер Леха – и некоторые ладакхцы-буддисты говорили нам, что в Лехе находился недалеко от базара пруд, и теперь существующий, около которого росло старое дерево, под которым Христос говорил проповеди перед своим уходом в Палестину. С другой стороны, мы слышали легенду, рассказывающую о том, как Христос в юных годах прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях. К этой легенде, так широко обошедшей Ладакх, Сензиян и Монголию, мы слышали несколько вариантов, но все они утверждали, что в течение лет отсутствия Христос находился в Индии и в Азии. Безразлично, откуда и как пришла эта легенда. Может быть, она несторианского происхождения. Ценно видеть, что она произносится с полным доброжелательством.

Вообще вся атмосфера Ладакха для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан. Предлагались две дороги, одна через семь перевалов и другая по реке Шайоку с меньшим числом перевалов, но зато с долгим путем по воде. Люди каравана предпочитали горные перевалы, нежели в сентябре простудиться в довольно глубоком Шайоке. 19 сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо монсун Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгонял нас на север.

* * *

Не успели мы выйти за город, как навстречу нам вышли местные женщины с освященным ячьим молоком и помазали им лбы людей и животных, желая удачного пути. И они были правы, ибо путь через перевалы может быть очень суров. Впоследствии в Хотане мы видели людей, привезенных с перевалов с почерневшими отмороженными ногами, и слышали рассказ, как за год до нас около Кардонга был найден замерзшим целый караван около ста лошадей. Люди были найдены стоящими в жизненных позах, некоторые, приложив руки ко

рту, видимо, кричали последний призыв. И действительно, на высотах в морозное утро необычайно быстро наступает охлаждение конечностей. Заботливые ладакхцы то и дело подбегали с предложением растереть ноги или руки.

Фасад храма в Аджанте

Буддистский храмово-монастырский комплекс в Аджанте расположен в пещерах, выдолбленных в подковообразном утесе. Строительство храмовых пещер продолжалось в III—VII вв. С потерей буддизмом своих позиций в Индии (около XIII в.) Аджанта постепенно перестала существовать как монастырь и была покинута монахами. Пещеры Аджанты были «открыты» англичанами только в XIX в. Этот великолепный памятник внесен ЮНЕСКО в Список всемирного культурного наследия человеческой цивилизации.

Из семи перевалов этого пути – Кардонг, Караул-Даван, Сассер, Депсанг, Каракорум, Сугет и Санджу – самый опасный оказался Сассер, а именно подъем по гладкой сферической поверхности ледника, где лошадь Юрия почти соскользнула.

Также неприятен последний перевал Санджу, где на скалистом кряже як должен был перескочить довольно широкую расселину. Не трогайте поводья, дайте опытному горному яку сделать свое дело. Перевал Сугет готовил нам неожиданное затруднение. Подъем на него с южной стороны очень легок. Но грянула сильная метель, и, подойдя к крутому спуску, мы убедились, что тропинка, идущая зигзагами вниз, совершенно занесена. У обрыва столпилось четыре каравана, около 400 коней и мулов. Сперва пустили партию опытных старых мулов без проводников, и осторожные животные, пробиваясь в глубоком снегу, нащупали узкую тропинку. За ними, оступаясь и скользя, сошли остальные караваны. Из всех семи перевалов самый легкий оказался самый высокий Каракорум, что значит «черный трон», названный по темной скале, венчающей перевал.

Рассказать красоту этого многодневного снежного царства невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы.

При этом поражающее звонкое молчание пустыни. И люди перестают ссориться между собою, и стираются все различия, и все без исключения впитывают красоту горного безлюдья. По пути встречаются трогательные караванные традиции. Много раз мы видели оставленные тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраняемые. Может быть, пали животные или обессилели, и товары оставлены до следующего случая. Но никто не тронет эту чужую собственность. Никто не дерзнет нарушить вековую традицию караванов. Мы улыбались, а что если бы в городе на улице оставить тюки неохраненной собственности? Все-таки в пустыне вы в большей безопасности.

Где в точности проходит граница между Ладакхом и Китайским Туркестаном, никто не знает. Там где-то между Каракорумом и Курулом, где находится первый китайский пост. Точно прекрасной пустыней никто не владеет! Точно чья-то неведомая страна! Даже

животных мы видели мало. Встречных караванов тоже немного. Среди них нам попалось несколько верениц мусульманских паломников в Мекку, идущих с товарами заработать себе зеленую чалму и почетное прозвище хаджи. Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров поднимаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразные люди, ладакхцы, кашмирцы, афганистанцы, тибетцы, асторцы, балтистанцы, дардистанцы, монголы, сарты, китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни.

Курул, первый китайский пост на Ерункашдарье – реке черного нефрита – представляет из себя квадрат, обнесенный зубчатыми глинобитными стенами. Внутри запыленный двор с маленькими глиняными постройками, прислоненными к стенам форта. В крошечной сакле живет китайский офицер, и на стене висит длинная одностволка с одиноким огромным курком. Это все оружие офицера. При нем состоит киргиз-переводчик и около двадцати пяти человек киргизской милиции. (Переводчик настойчиво просит вылечить его от скверной болезни.) Сам офицер оказывается китайцем хорошего типа. Он осматривает наш китайский паспорт, выданный китайским послом в Париже Ченг-Лю по приказу китайского правительства. Наш старик китаец задумчиво повторяет: «Китайская земля». Радует ли он или грустит о чем-то?

От Курула мы могли идти или обходным путем через Кокеяр, или через последний перевал Санджу на Санджу-оазис и Хотан. Выбираем более трудный, но краткий путь. Перед самым перевалом Санджу находим еще не описанные буддистские пещеры, или, как их называют местные жители, «киргизские жилища». Подходы к пещерам осыпались, и мы с завистью смотрим на высокие темные отверстия, отрезанные от земли. Там могут быть и фрески, и другие памятники.

Около Санджу-оазиса горы понизились, переходя в песчаную пустыню. Кто видел Египет, тот поймет характер этой местности с ее розовыми отсветами. На последней скале мы увидели неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которые видели и в Ладакхе. А впереди – розовая мгла Такла-Макана и приветливый дастархан от местных старшин сартов. На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко взгляделся и соскочил с

коня, расстилая что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга.

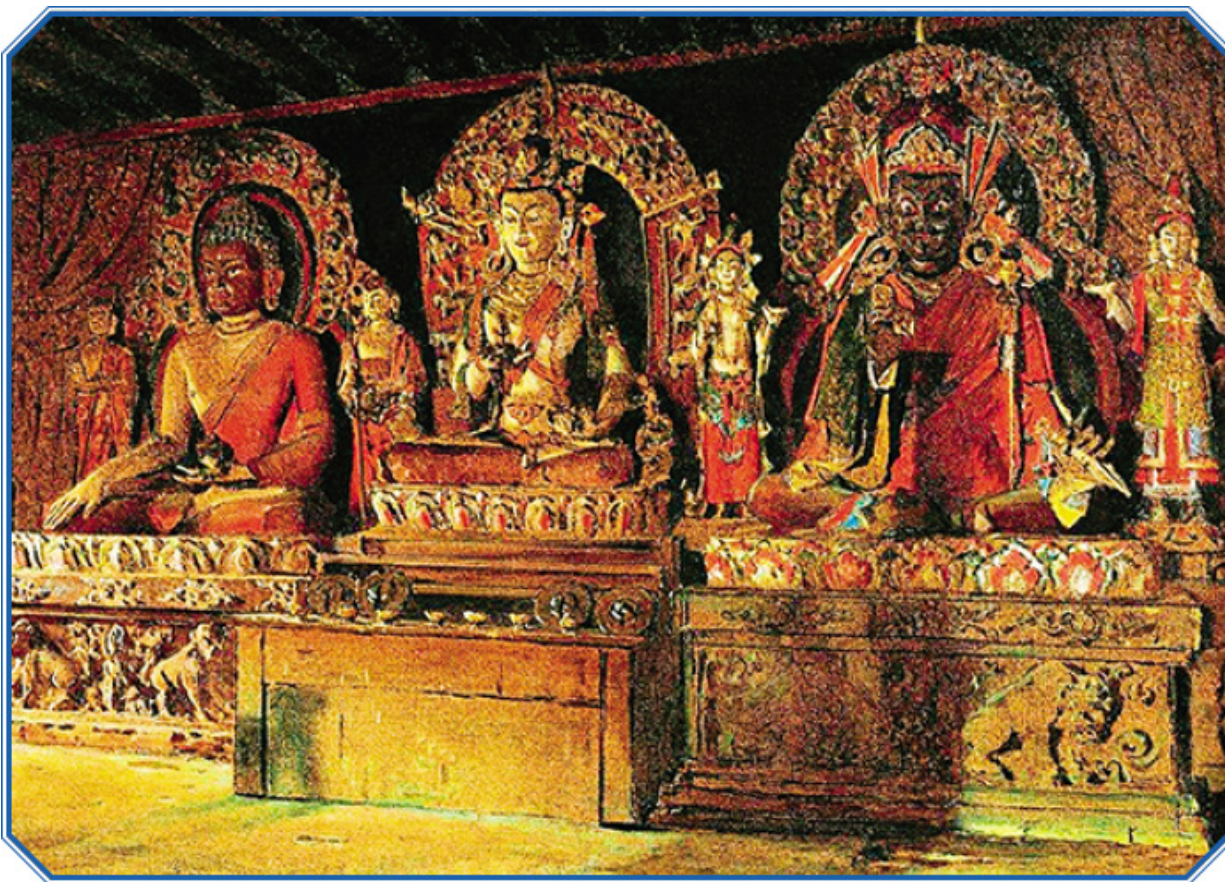
Двигаясь по барханам сыпучих песков иногда без всяких признаков пути, трудно представить себе, что мы идем по великой китайской императорской дороге, так называемой шелковой дороге, главной артерии старого Китая на запад. Кончились живописные мазары, места погребения горных киргизов, начались сартские мечети, незамысловатые, так же как и сартские глинобитные домики, скучившиеся на маленьких оазисах среди угрозы песков.

Среди открытых песков три голубя подлетели к каравану и продолжали лететь перед нами, точно призывая куда-то. Местный житель улыбнулся и сказал:

«Видите, святая птица зовет вас. Вам нужно посетить старый мазар, охраняемый голубями».

Свернули с пути к старому мазару и мечети и были окружены тысячами голубей, охраненных преданием, что убивший голубя этого мазара немедленно погибнет. По традиции купили зерна для голубей и двинулись дальше.

Десятое октября, но солнце еще так жарко, что сквозь сапог раскаленное стремя обжигает ногу.

*В. В. Верещагин. Три главных божества
буддийского монастыря Чингачелинг в Сиккиме.
1874—1876 гг.*

* * *

За переход от Хотана на барханах показался ковыль и участились глинобитные домики. Мы вступаем в Хотанский оазис, в область, которую Фа-Сиен^[21] в 400 году нашей эры характеризует так:

«Эта страна богата и счастлива. Народ ее благоденствует. Они все принадлежат к буддизму. Их высшее удовольствие – религиозная музыка. Священнослужители в числе многих десятков тысяч принадлежат к Махаяне. Они все получают пищу из общественного хранилища».

Конечно, современный Хотан совершенно не отвечает характеристике Фа-Сиена. Длинные грязные базары и множество беспорядочных глинобиток мало говорят о богатстве и благоденствии. Конечно, буддизма не существует. Несколько китайских храмов открываются очень редко, и конфуцианские гонги не звонили за все наше четырехмесячное невольное присутствие там.

На сто пятьдесят тысяч сартов имеется всего несколько сот китайцев, и эти хозяева местности выглядят гостями. Как известно, старый Хотан находился в девяти километрах от места теперешнего селения Ядкан. Старые буддистские места заняты мечетями, мазарами и мусульманскими жилищами, так что дальнейшие раскопки этих мест совершенно невозможны.

Сам Хотан находится сейчас в переходном состоянии. Он уже оторвался от старины. Высокое качество и тонкость старинной работы ушла, а современная цивилизация еще не дошла. Все сделалось бесформенным, хрупким, каким-то эфемерным. Поделки из нефрита огрубели. Буддистские древности, еще недавно обильно доставляемые в Хотан из окрестностей, почти иссякли. Но, к нашему изумлению, появилось много подделок, сделанных иногда довольно точно и не без знания дела.

Древности из Хотана должны быть очень точно исследуемы. Также мы видели в Хотане очень хорошо сделанные имитации ковров, по изданиям Британского музея. Если эти ковры будут называться имитацией, то это очень хорошо, но если они, после общеизвестных манипуляций, перейдут к антикварам, тогда это не хорошо. В основе своей Хотан все же остается богатым оазисом. Почвенный лес очень плодороден, и урожаи посевов и фруктов прекрасны.

Дайте этому месту хотя бы примитивные условия культуры, и процветание восстановится необычайно быстро. Народ очень понятлив, но в этом большом оазисе, насчитывающем более 200 000 жителей, нет ни госпиталя, ни доктора, ни зубного врача. Мы видели людей, погибавших от самых ужасных заболеваний без всякой помощи. Ближайшая помощь, но и то любительская, в шведской миссии в Яркенде, находится за неделю пути от Хотана.

Нужно сказать, что современные китайские правители этой области совершенно не заботятся о привлечении туда полезных культурных элементов.

Еще приближаясь к Хотану, мы слышали рассказы о том, как в прошлом году хотанский даотай Ма, действуя по приказу сенизянского генерал-губернатора Янь-Дуту, распял, а затем умертвил старого кашгарского титая. Нам говорили по пути: «Лучше не ездите в Хотан, там даотай худой человек». Эти предупреждения оказались пророческими.

После первой официальной любезной встречи даотай и амбань ^[22] Хотана заявили нам, что они не признают нашего выданного по приказу пекинского правительства паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные работы, а также писание картин. Оказалось, что даотай и амбань не различают план от картин. Не буду останавливаться на этих неприятных перипетиях, доказавших все сумасбродство даотая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца, и лишь благодаря содействию британского консула в Кашгаре, майора Гиллана, мы в самом конце января могли двинуться по пути Яркенд – Кашгар – Кучары – Карашар – Урумчи. Путь этот взял 74 дня.

Первая часть пути была по снежной пустыне, но к Яркенду в начале февраля последние снежные пятна исчезли, снова поднялись удушающие клубы песчаной пыли, но зато радовали первые листы плодовых деревьев. Амбань Яркенда оказался несравненно более просвещенным человеком, нежели хотанские власти. Он выражал глубокое негодование по поводу нелепых действий Хотана и указывал, что паспорт наш обычный, по которому он должен оказывать нам всяческое содействие. В Яркенде, в Янгихиссаре и в Кашгаре мы встречали дружескую помощь шведских миссионеров, которые снабдили нас многими сведениями о необыкновенном плодородии края и о богатстве минеральных залежей, совершенно неработанных.

Кашгар со своими тройными стенами и песчаными утесами высокого берега производит впечатление настоящего азиатского города. И китайский даотай, и британский консул встретили нас радушно. И опять все не признанное в Хотане оказалось совершенно подлинным. Даже оружие наше было полувозвращено нам, то есть предложено в закрытом ящике отвезти его в Урумчи генерал-губернатору.

Впрочем, за все время пути до Урумчей нам ни разу не пришлось пожалеть о том, что оружие наше заперто. В Кашгаре поучительно было осмотреть за рекою, видимо, древнейшую часть города, где

сохранилась значительная часть буддистской ступы, размерами похожей на большую ступу Сарната. Под Кашгаром находится несколько древнебуддистских пещер, уже исследованных и сопровождаемых поэтическими сказаниями. В десяти километрах от Кашгара находится Мириам-Мазар, так называемая гробница Марии, матери Христа. Легенда говорит, что после преследования Иисуса в Иерусалиме Мария бежала в Кашгар, где место ее упокоения отмечено доныне почитаемым мазаром.

От Кашгара до Аксу путь чрезвычайно томителен, как своею всепроникающей пылью, так и глубокими засасывающими песками и безжизненными лесами корявых карагачей, наполовину сожженных, ибо путники вместо костров часто поджигают дерево. В Аксу мы встретили первого китайского амбана, говорившего по-английски. Молодой человек мечтал поскорее вырваться из этих песчаных мест. Он же показал нам английскую шанхайскую газету, полученную им от почтмейстера в Урумчах, итальянца Кавальери. Я удивился, почему амбань не выписывает сам газеты, но впоследствии узнал, что всемогущий Янь-Дуту запретил своим подчиненным читать газеты. Дальше мы увидим оригинальные способы правления этого владыки всего Синьцзяна.

*В. В. Верещагин. Буддистский лама
на празднике в монастыре Пемсиончи.
Сикким. 1874—1876 гг.*

Окрестности Кучар уже изобилуют старыми буддистскими пещерными храмами, которые дали столько прекрасных памятников среднеазиатского искусства. Это искусство справедливо заняло такое высокое место среди памятников бывших культур. Несмотря на все внимание к этому искусству, мне кажется, что оно все-таки еще не вполне оценено, именно со стороны композиционно-художественной.

Место бывшего пещерного монастыря подле самых Кучар производит незабываемое впечатление. В ущелье как бы по амфитеатру расположены ряды разно-образных пещер, украшенных стенописью и носящих следы многих статуй, уже или уничтоженных, или увезенных. Можно представить себе торжественность этого места во время расцвета царства тохаров^[23]. Стенопись частично еще сохранилась. Невольно иногда сетуете на европейских исследователей, увезших в музеи целые части архитектурных ансамблей.

Думается, что не будет нареканий перевозить отдельные предметы, уже потерявшие свою прикрепленность к определенному памятнику. Но не будет ли несправедливо с местной точки зрения насильственно расчленять еще существующую композицию? Разве не было бы жаль разбить по частям Туанханг – самый сохранный из памятников Центральной Азии? Ведь мы не разрезаем по частям итальянские фрески. Но этому соображению есть и оправдание. Большинство буддистских памятников в мусульманских землях подвергались и сейчас подвергаются иконоборческому изуверству.

Для уничтожения изображения разводятся в пещерах костры, или лица, где может достать рука, тщательно выцарапываются ножами. Мы видели следы подобных уничтожений. Труды таких замечательных ученых, как сэр Орел Стейн^[24], Пельо, Леккок, Ольденбург, сохранили много тех памятников, которые по небрежности бывшей китайской администрации подверглись величайшей опасности быть уничтоженными. Старые среднеазиатские художники, помимо ценных иконографических подробностей, проявили такое высокое декоративное чутье, такое богатство детали в гармонии со щедрой композицией решения больших плоскостей. Можете себе представить, сколько впечатлений накопится, когда каждый день происходят те или иные наблюдения и щедрая старина и природа посылает неисчерпаемые художественные материалы.

Кучары – большой город, чисто мусульманский, и ничто не напоминает о бывшем Тохарском царстве, о высокой бывшей письменности и просвещении этого края. Говорится, что последний тохарский царь, угрожаемый вагами, вылетел из Кучар, унеся с собою все свои сокровища. Глядя на бесконечные извилистые горные кряжи, можно думать, что там есть достаточно места для сокрытия сокровищ. Так или иначе, старое сокровище этих мест ушло, но, глядя на богатые плодовые сады, можно думать, что и новое сокровище может быть при малейшем усилии легко накоплено.

От Кучар к Карашару мы уже не расстаемся с буддистскими древностями. По левую сторону пути в дымке появляются отроги великолепного Тянь-Шаня – небесных гор. Кто-то оценил их воздушно-голубые тона и назвал их правильно. В этих горах уже находятся и постоянные и кочевые монастыри калмыков. Карашарские, олетские, хошутские наездники сменяют сартские мусульманские города.

По пути к нам подъезжают всадники уже на калмыцких седлах и заговаривают с Юрием и нашим ламою. До сих пор калмыки считают себя почти независимыми и рассказывают, как они отстаивали свою независимость при последнем хане. Они говорят:

«Китайцы навели чары на покойного хана, и он передал китайскому чиновнику власть над своим народом. Чиновник поспешил выехать в Урумчи для донесения Янь-Дуту об удаче, но калмыцкие старшины узнали об этом, и достаточное количество всадников догнало китайский караван в горных проходах Тянь-Шаньских гор. И произошло так, что больше об этом караване никто никогда не услышал и никакого признака его никогда не было найдено. Старый хан был окружен старшинами и вскоре умер, а калмыками за малолетством его сына правит Таин-лама».

Н. К. Рерих. Чандра-Бхага
(Путь на Трилокнатх). 1932 г.

Конечно, эта «независимость» калмыков является только кажущейся для них самих. В действительности они находятся в полном распоряжении Янь-Дуту, и даже последний их конный полк, собранный Таин-ламой, переведен в Урумчи. И сам Таин-лама сделался вольным или невольным гостем Урумчей.

Калмыцкие степи с высокой травой, золотоглавые юрты кочевых монастырей, чисто скифские обычаи самих наездников – все это кладет грань между сартским и китайским Синьцзяном и этим калмыцким, совершенно обособленным обиходом.

Временно удаляемся от Тянь-Шаня и ныряем в духоту Токсуна, в турфанские области. Скорпионы, тарантулы, подземные водяные арыки и нестерпимый жар, при котором даже местные люди не могут пройти и двух миль. Помимо замечательных памятников, помимо Матери Мира, эти места послали нам целый ряд сказаний и одну традицию о странствиях. В обычае Турфана было посылать молодежь в странствие под руководством опытных людей, ибо, как говорят турфанцы, «путешествие есть победа над жизнью».

В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы. Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают ее. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещения с дикими куланами?

Урумчи является столицей Синьцзяна и местопребыванием грозного Янь-Дуту, который семнадцать лет, при всех переменах, держал под властью весь китайский Туркестан с его разноплеменным населением. Меры правления Янь-Дуту не должны быть забыты в курьезах истории. Сам он считается образованным человеком и носит титул Магистра. Ему постоянно приходилось сталкиваться с противоречащими интересами китайцев, сартов, киргизов, калмыков, монголов. То правитель объявлял себя другом калмыков, распространяя сведения, что находящийся в Китае таши-лама избран китайским императором.

Заверив буддистов в своей симпатии, Янь-Дуту переходил на сторону китайцев-дунган и завещал быть погребенным на дунганском кладбище. В случае неразрешимого племенного спора правитель говорил, что он не знает, кому отдать свои симпатии, и прибегал для

решения к петушину бою. Для этого у Янь-Дуту воспитывалось несколько петухов разной масти. Правитель знал их качества, в день состязания лично назначал, который из петухов будет представителем каждого племени. Черный был дунганин, белый – сарт, желтый – калмык...

Нужная для Янь-Дуту национальность посредством петушиной доблести брала верх, и правитель возводил очи горé со словами, что его сердце открыто для всех, но судьба оказала преимущество сартам или дунганам, как ему нужно в данный момент. При нас «магистр философии» наказывал местного бога за бездождие. Водяного бога били розгами, но он все же упорствовал и не давал дождя. Тогда ему отрубили руки и ноги и утопили в реке. А на место его возвели в божеское достоинство «местного черта». Разнообразные способы казни, видимо, хорошо известны магистру философии.

Он щедро применяет их к личным врагам и непокорным чиновникам. В «саду пыток» Октава Мирбо упущены два тонких изобретения. А именно: осужденному через глазницы продевают конский волос и начинают с внутренней стороны перепиливать переносицу. Или непокорного чиновника посылают в командировку, а в пути доверенные лица заклеивают его лицо китайской бумагой, покуда он не придет в вечно-покойное состояние. Также рассказываются опытные постановки убийства ненужных сановников. Почему-то это действие всегда происходит после сытного обеда, когда сзади появляется палач и неожиданно отсекает голову. В императорское время иногда предварительно объявлялся вновь дарованный титул.

Плоскогорье и горные цепи Восточного Памира

По улицам Урумчи с громкими барабанами и с бесчисленными яркими знаменами проходят какие-то оборванные толпы, на ваших глазах разбегающиеся по переулкам; это войска Янь-Дуту. Счет войска происходит по шапкам, потому можно видеть арбу, на которой на колышках одето множество фуражек и шапок. Это все едут невидимые воины, а Янь-Дуту через иностранных представителей хитрыми манипуляциями пересылает в далекие банки огромные суммы серебра.

Впрочем, этим богатством правителю не пришлось попользоваться. В двадцать восьмом году он был убит Фанем^[25], комиссаром по иностранным делам. Странно было видеть это средневековье в наше время с ужасами пыток и глубокого суеверия. Новый Китай должен посылать на свои окраины особенно просвещенных людей.

И еще одно обстоятельство поразило нас во всем Синьцзяне. Это открытая купля-продажа людей: детей и взрослых. Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместо найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, то есть менее 20 долларов. Конюха можно купить за 30 сар, а дети – те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девочку киргизку, купленную ею за три сары. Это еще хорошо, что бездетная казачка купила ее, что называется, в дочери.

А то сплошь и рядом вы можете слышать о настоящих ужасах. Кажется, на это явление в китайских областях не обращено достаточного внимания. Так же точно, как и на губительное курение опиума. Казалось бы, распространители и потребители этого бича человечества должны подлежать самой строгой каре, если сознание их до того умерло, что они не понимают, какое преступление и для себя и для будущих поколений они творят.

Но не расстанемся с китайским Туркестаном на темной странице. Передо мной встают четыре картины, напоминающие времена старины.

Вот едет всадник, и на руке его так же, как много веков назад, сидит с колпачком на глазах сокол или прирученный ястреб.

В пустыне вас нагоняет проезжий певец – сказатель легенд и сказок – бакша^[26]. За плечами его длинная ситара, в сумках седла несколько разных барабанов. «Бакша, спой нам!» – и бродячий певец опускает поводья своего коня и вливает в тишину пустыни сказ о Шабистане^[27], о прекрасных царевичах и добрых и злых волшебницах.

Еще один незаметный, но много го-ворящий эпизод. Между Аксу и Кучарами около города Баи в нашем караване появился странный человек с кандалами на руках. Оказывается, местное начальство распорядилось послать при нашем караване преступника. Мы запретили подобное совместительство. Преступник отстал, и несколько дней мы видели его бредущим на большом расстоянии позади каравана без всякой стражи.

После выезда из Урумчи, отъехав пять километров от города, мы заметили спешно приближающуюся к нам китайскую мафу. Оказалось, что наш китаец Сунг, служивший у нас до Хотана, не мог расстаться с нами, не простившись еще раз. Перед нашим отъездом он проплакал несколько ночей, ибо губернатор запретил ему выехать дальше Урумчи.

Но доброе сердце не могло отказать себе в желании еще раз проститься. Таких людей всегда приятно вспомнить.

*Н. К. Рерих. Каракорум.
Путь на Туркестан. 1936 г.*

* * *

После Урумчей идет полоса, также любопытная не только в художественном отношении, но и в научном и бытовом. Здесь мы касаемся области, в которой уже находятся непосредственные памятники Великого переселения народов в виде курганов и многообразных погребений с каменными фигурами. В бытовом отношении отроги Тарбагатайских гор, особенно со времен революции, изобилуют разбойничьими бандами. Киргизы, земли которых тут начинаются, хотя и совершенно похожи внешне на скифов, точно силуэты скулобской вазы, но для современности мало пригодны. Их обычаи грабежа «барантчества»^[28] затрудняют окультурение. Кроме того, в местности Черного Иртыша изобилие золота порождает

бродячие скопища золотоискателей, с которыми лучше не сидеть у одного костра.

Опять вы поражаетесь, насколько богат этот край и насколько мало он исследован и совершенно неиспользован.

Не менее глух и заброшен Алтай, так называемая теперь Ойротия^[29]. Ойроты – вымирающее финно-тюркское племя – находятся на очень низкой ступени развития. Их изношенные овчинные кафтаны и нечесанные волосы могут сравняться разве с некоторыми областями Тибета. Староверы, издавна поселившиеся в этом малодостигаемом краю, конечно, являются единственными крепкими хозяевами. Приятно было видеть, что староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков и мыслят о правильном хозяйстве, об американских машинах и приветливы к иностранцам, чего раньше не было.

Конечно, старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчовыми сарафанами и древними иконами, уже отошел. Мы пожелали, чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием. Ведь в Сибири, где такие минеральные сокровища и прочие естественные богатства, народ имеет наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей. Когда мы проезжали место по Иртышу, где утонул герой Сибири Ермак, алтаец говорил нам:

«Никогда бы наш Ермак не утонул, но тяжелый доспех потянул его на дно».

На Алтае, соприкасаясь со староверами, было поразительно слышать о многочисленных религиозных сектах, и посейчас на Алтае существующих.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы, которые вообще ничего не признают, – сколько непонятных разделений. В Трансбайкалии живут «семейские», т. е. староверы, сосланные в Сибирь со своими целыми семьями, а также темноверцы и калашники. Каждый темноверец имеет свою закрытую в ковчеге икону, которую считает истинной. Если кто-нибудь другой помолится на ту же икону, она делается недостойной. Еще более странны калашники, они молятся через отверстие в калаче. Мы много слышали о темных верах, но о такой еще не слыхали. И это в 1926 году. Здесь же находятся и хлысты,

пашковцы, и штундисты, и молокане – нескончаемое разнообразие верований, исключая друг друга.

*В. В. Верещагин. Калмыцкий лама.
1874—1876 гг.*

Но и в этих заброшенных углах уже шевелится новая мысль, и длиннобородый старовер с увлечением говорит о хозяйственных машинах и сравнивает качество производства разных стран. Если условия верований еще не стерлись, то во всяком случае предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свежие ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, – все это придает Алтаю незабываемое значение!

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно

прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем Курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Среди всей этой смеси племен крайне поучительно наблюдать, как иногда на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьезные сочетания слов, составившиеся из нескольких языков за самое последнее время. Китайский, монгольский, бурятский, русский и некоторые парафразы технических иностранных слов уже дают какой-то новый конгломерат. Трудная задача возникает для филологов при этом образовании новых выражений, а может быть, и целых новых родовых наречий.

Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах – все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища.

Если важно было ознакомиться с ойротами и староверами, то еще значительнее было увидеть монголов, на которых сейчас справедливо обращен глаз мира.

Ведь это та самая Монголия, при имени которой жители древних туркестанских городов, покидая дома в страхе, оставляли записки:

«Спаси нас бог от монголов».

А рыболовы в далекой Дании боялись выходить в море, настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей.

Если прислушаетесь к рассказам о монголах, вас поразит какое-то несоединимое противоречие. С одной стороны, вам рассказывают, что монгольские военачальники до сих пор, беря врага в плен, вырезают у него сердце и съедают его. Причем один военачальник утверждал, что когда у китайца вырезают сердце, он только скрипит зубами, а русский

очень кричит. Рассказывают о шаманских заклинаниях, о том, как в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно пролетают стаи орлов и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идет снег. Эти проявления воли действительно существуют. Между прочим, «шаман» не является ли испорченной формой санскритского «шраман»? Так же точно как «Бухара» не что иное, как измененное буддистское «Вихара»^[30].

В Урге рассказывают следующий эпизод, рисующий волевое воздействие некоторых лам. Некий человек получил указание от уважаемого ламы, что через два года он непременно должен покинуть Ургу. Два года прошло в полном благоденстве, и, как часто бывает, удачливый человек забыл об исполнении указания. Но наступили события революции, и время безопасно выехать из Урги было упущено. В нужде, испуганный, побежал опять к ламе. Тот, пожурив, сказал, что еще раз спасет его, и велел завтра же утром со всей семьей и скарбом выехать в определенном направлении. При этом лама указал, что когда беглецы встретятся с солдатами, то чтобы не пытались бежать, а остановились на месте недвижимо. Сделалось, как указано. Беглецы выехали в повозке и после недолгого пути встретили солдат. Остановились в молчании, как указано. Когда же солдаты проходили мимо, не тронув их, то беглецы слышали, как один солдат говорил другому:

«Видишь, никак люди там?»

А другой ответил:

«Ослеп ты, что ли? Разве не видишь, это камни!»

В то же время, когда вы посещаете монгольскую печатню в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Батуханом и известным бурято-монгольским ученым, почетным секретарем ученого комитета Джамсарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык алгебру и геометрию, вы видите, что казавшееся противоречие сливается в потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое.

Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленной обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу и внимательное исследование своей страны, и желание послать молодежь за границу;

чтобы воспринять приемы техники и современной науки, монголы едут в Германию. Хотели бы они побывать и в Америке, но стоимость проезда и жизни и, главное, незнание языка препятствуют.

Должен сказать, что за все время пребывания в Монголии со стороны собственно монголов мы видели много хорошего. Кроме многого другого, меня приятно поразило серьезное отношение к памятникам монгольской старины, желание сохранить эти памятники у себя и исследовать их строго научно.

Замечательное открытие экспедиции Козлова на монгольской территории дало новую страницу сибирских древностей. Те же животное-образные сюжеты, которые мы знали лишь в металлических изделиях, были найдены в тканях и других материалах. Территория Монголии хранит огромное количество курганов, керексуров^[31], оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования.

Монгольская семья.
Со старой открытки

В Урге нам предстояло решить вопрос о дальнейшем движении экспедиции. Мы могли идти через Китай. В дополнение к нашему паспорту пекинского правительства Янь-Дуту выдал нам еще один паспорт, длиною ровно в мой рост. Но тут пришло новое обстоятельство. В Урге мы встретили представителя далай-ламского правительства Лобзанг Чолдена, который предложил нам идти через Тибет. Не желая вторгаться самовольно, мы просили его подтвердить предложение согласием от лхасского правительства.

Он послал в Лхасу далай-ламе два письма с тибетскими караванами и также запросил тибетского представителя в Пекине снести с Лхасою. Прошло три месяца, и однажды тибетский представитель, исполняющий обязанности консула, сообщил нам, что им получен через Пекин утвердительный ответ и он может выдать нам установленный паспорт и дать письмо к далай-ламе. Мы знали, что подобные паспорта действительны. При таком обороте дела, конечно, мы предпочли идти через Центральную Гоби и Тибет, нежели подвергаться случайностям нападения хунхузов в Китае.

Из приготовлений к отъезду вспоминается любопытный эпизод. Мой сын Юрий, обучая наших монголов ружейным приемам, вывел их на окраину Урги, и они полезли вверх по скату. Оказывается, в то же время с противоположной стороны монгольский спешенный эскадрон производил тоже учение. И было необыкновенно эффектно, когда неожиданные противники одновременно поднялись на гребень бугра друг против друга. Как увидим, эти ружейные приемы оказались не лишними при столкновении с панагами.

13 апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе.

Часть пути от Урги, или, как она теперь называется, Улан-Батор-Хото, до Юм-Бейсе мы сделали на моторах. Тяжело груженные машины выглядели, как боевые танки, а наверху в желтых, синих и красных халатах и остроконечных шапках сидели наши спутники, бурятские и монгольские ламы.

Первоначально предполагалось продолжить пользование моторами и дальше Юм-Бейсе. Люди говорили, что по Гоби можно вполне проехать. Но это было неверно. И до Юм-Бейсе около 600 миль мы

сделали на машинах с трудом в двенадцать дней, причем некоторые дни делали не более 10–15 миль из-за всяких поломок и трудных переправ через реки и каменистые кряжи. И в этом случае собственно дороги не было. Кое-где была верблюжья тропа, а то приходилось идти целиком, производя тут же разведку. Два обстоятельства пришлось запомнить. Первое, что существующие карты очень относительны. А второе, что местным проводникам не следует очень доверять. Проводник-старик лама вел нас не в существующий Юм-Бейсе, а в давно разрушенный, 50 миль западнее. Старик перепутал.

* * *

В Юм-Бейсе окончательно выяснилось, что далее пользоваться моторами невозможно. Пришлось от местного монастыря взять верблюжий караван, который обязался в 21 день доставить нас в урочище Шибочен, между Ансиджау и Нань-шанем. Путь от Юм-Бейсе до Анси был тем интересен, что раньше именно этим путем никто из путешественников не пользовался. Было поучительно выяснить, насколько он пригоден для передвижения в отношении воды, корма для животных и безопасности.

Старый лама из Юм-Бейсе только один знал этот путь и ручался нам, что это направление гораздо благополучнее, нежели два обычных – один в обход, на запад, а другой по собственно китайской дороге на восток. Хваля избранный путь, лама утверждал, что единственная опасность этого пути, а именно могущественный разбойник Джелама^[32], два года тому назад убит монголами. И действительно, в Урге мы видели его заспиртованную голову и слышали много рассказов о жизни этого необычного человека.

Триумфальные ворота Желтого дворца в Урге.
Фотография конца XIX в.

Урга, или Да-хур, — главный город Северной Монголии, расположенный в долине р. Толы, основанный в 1639 г. как кочующая резиденция главы монгольской ламаистской церкви. С 1778 г. глава ламаистской церкви проживал там постоянно.

После провозглашения независимости Урга стала столицей монгольского государства; в 1924 г. была переименована в Улан-Батор.

Монгольские пустыни надолго сохранят легенды о Джелама, но никто никогда не узнает, что именно руководило его необъяснимыми действиями. Джелама окончил курс русского университета по юридическому факультету, выказав особенные способности. Затем Джелама отправляется в Монголию, где отличается в действиях с китайцами, проводит несколько лет в Тибете, изучая ламаизм, а также волевые воздействия, к которым он имел природные дарования. Затем Джелама опять в Монголии, получает титул хошунного князя Гуна, но, повздорив с казачьим офицером, оказывается в русской тюрьме, из которой его освобождает революция 1917 года.

После каких-то неясных набегов и действий в пределах Монголии Джелама с многочисленными сотрудниками укрепляется в Центральной Гоби и строит свой город, употребляя в качестве рабочей силы пленников из многочисленных разбитых им караванов. В 1923 году монгольский офицер является к Джелама якобы с дружественным подношением хатыка, но под белым хатыком оказывается браунинг, и владыка пустыни падает под несколькими пулями. Голову Джелама на копье возили по монгольским базарам. Шайки его постепенно распались. С некоторым волнением подходил наш караван к месту города Джелама. На каменистом скате издалека виднеется белый чортен, священный памятник, выложенный из кусков кварца, – это Джелама заставлял работать сотни своих пленников.

Ламы советуют нам одеть монгольские кафтаны, чтобы не привлекать внимания нежелательных встречных. Темпей Джелама должен быть где-то близко. Темною ночью разбиваем стан. Наутро до восхода слышится какое-то необычайное движение. Нам кричат: «Мы стоим под самым городом».

Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не соглашаются идти исследовать город. Юрий с П. с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джелама, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джелама. О нем поют много песен. Конечно, шайки Джелама не вполне рассеялись.

На другой день к нашему каравану подъезжало несколько подозрительных всадников, спрашивающих о количестве нашего оружия. Но, очевидно, полученные данные не воодушевили их, и они скрылись за холмами.

Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андрюса и последние, судя по газетам, экспедиции Свен Гедина^[33] дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгириобразных гранитных и песчанниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения.

Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длинным молением, требуя для нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию.

Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в полном одиночестве. Кроме двух-трех заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокохото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашел

ничего лучшего, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю.

Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о еще недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. Сперва далекие отроги китайского Алтая, а затем золотоносного Алтын-Тага дают колоритные сочетания. Нет беспощадной подавленности Такла-Макана – разноцветная гальковая поверхность дает твердость и звонкость тонов.

Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившеюся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладакха, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были переграждаемы павшими животными, в прудах городов Синьцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов.

Кроме Монголии, всюду нас поражало количество и чудовищные размеры зобов, происходящих от воды. Мы не могли установить, насколько кипячение воды уничтожает ее вредность, но так или иначе этот повальный зоб должен сильно подрывать работоспособность населения.

Мелькнули глиняные стены Ансиджау, пробежала узкая полоса фруктовых садов, стеснившихся около большой китайской дороги, идущей от Ансиджау на Суджау, и мы вступили в отроги Наньшаня. Появились юрты монголов, уже относящихся к Кукунорской области. Появились стада, появился смышленный старшина Мачен, который под всякими предложениями выудил у нас немало денег. Особенно он обманул нас на курсе китайских долларов к тибетскому нарсангу. Нам нужно было закупить животных для нового каравана, так как ламы из Юм-Бейсе от Шибочена шли обратно.

Кроме животных, нам нужно было запастись и провиантом. Мачен уверил нас, что он может продавать лишь на тибетские нарсанги, которые будто бы стоят гораздо выше китайских долларов. Впоследствии же оказалось, что дело обстоит как раз наоборот и курс нарсанга гораздо ниже. Не буду задерживаться, рассказывая, как пятеро

наших бурят, придя в ничем не вызванное безумие, отправились с доносом на нас проезжавшему вблизи доверенному сининского амбана; они уверяли его, что мы проходим китайскую территорию, не имея китайского паспорта, и что мы с какими-то особыми целями не зашли в Ансиджау.

Кончилась вся эта клевета тем, что седой дунганин в красной чалме с пятнадцатью солдатами приехал в наш стан и после долгих разговоров пожелал осмотреть наши китайские паспорта; мы его удовлетворили, объяснив, что Ансиджау просто не лежал на нашем пути. Старик сделался очень дружелюбен и предложил нам, что он может бить этих бурят-доносчиков. Клеветники были тут же изгнаны, а места их без затруднения были восполнены местными монголами.

Про монголов Кукунорской области из наших стоянок при Шибочене, а затем в Шарагольцах, у подножия хребта Гумбольта, я могу сказать только хорошее. Подходя к Шибочену, мы встретили первого кукунорского монгола Ринчино, который, вознося обе руки вверх, забываемо задушевым жестом приветствовал нас. Под этим же добрым знаком мы и жили с монголами и расстались с ними. Никаких затруднений, никаких ссор они не вносили в караван. Правда, после столкновения с панагами старик Санге-лама с перепугу хотел оставить нас, но он был так испуган и так дружелюбно лепетал что-то, что немедленно дал уговорить себя.

Упомянув о монголах, необходимо указать на знаки бывшего физического единения Америки с Азией. В 1921 году, когда я знакомился с индейскими пуэбло Новой Мексики и Аризоны, у меня неоднократно вырывались восклицания: «Но ведь это настоящие монголы!». По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен, все относилось мое воображение за берега океана. Теперь же, когда мы изучали монголов внешней и внутренней Монголии, я невольно вспоминал об индейских пуэбло. Что-то несказуемое, основное, помимо всяких внешних теорий, связывает эти народы.

Как-то очень давно или от директора музея Академии наук В. В. Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. В поэтической форме рассказывалось, как в соседних урочищах жили два брата, горячо любившие друг друга. Но повернулся огненный подземный змей, и раскололась земля, и разлучились два брата. И тянется душа их друг к другу, и призывают они птиц отнести их вести к любимому родичу. И ждут они небесную огненную птицу, которая перенесет их через расселину и соединит разъединенных. В этом поэтическом образе не сказывается ли сущность земного переворота, о котором в символах помнит народная память?

Со мною были многие фотографии индейцев Новой Мексики и Аризоны, и я показывал их в дальних монгольских становищах. И монголы восклицали: «Это ведь монголы!» Так признают друг друга разъединенные братья.

В одиноких юртах кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной утвари. Костюмы их очень эффектны. Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццолли^[34]. Женщины с многими косичками, с бирюзой и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны. Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадках кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: «Страна Шамбалы!» – и радовались каждой булавке, пуговице или жестянке из-под консервов. Каждый маленький обиходный предмет для них настоящий предмет гордости. И сердце этих людей пустыни открыто к будущему.

В Шарагольчах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направлении Улан-Давана Гумбольтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра.

Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым. Наши ягтаны поплыли, палатка Юрия была залита по колено, и всевозможные предметы уносились безвозвратно по течению. Также были разрушены и жестоко пострадали юрты местных монголов. Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песку и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии. Исследуя многие профили возвышенности, вы изумляетесь сравнительно недавнему происхождению многих верхних слоев, а также их странному смешанному составу. Но такие характерные пертурбации, как мы сами убедились, легко меняют профили поверхности. При раскопках это обстоятельство может давать неожиданности.

*Наскальные изображения из Лахула (петроглифы).
С картины Н. К. Рериха «Скалы Лахула». 1935—1936 гг.*

К 19 августа 1927 года сборы нового каравана были закончены, верблюды подкрепились травой и кустарником и начали обрастать новой шерстью.

Мы выступили через Улан-Даван, решив пересечь опасный Цайдам в кратчайшем прямом направлении и тем установить новый маршрут через Ихе-Цайдам и Баха-Цайдам на перевал Нейджи. Установление этого маршрута избавляет от западной дороги на Махай, где безводная часть пути бывает губительна, а также избавляет от дальнего восточного обхода, обычно предпринимаемого паломниками на Лхасу. Мы были предупреждены о том, что три перехода будут неприятны и опасны, а последние двадцать четыре часа придется идти безостановочно, ибо останавливаться на тонкой поверхности соляных отложений и опасно, и бесцельно для животных ввиду полной бесплодности. Пересекая Цайдам, мы прежде всего убедились, что сплошная зеленая условная окраска на картах совершенно не отвечает действительности.

Такая же неточность всюду обнаруживалась и в названиях местности. Одно и то же место имело и китайское, и монгольское, и тибетское имя, звучавшее совершенно особенно. Конечно, и на карты попадало одно из этих названий в зависимости от национальностей

переводчиков бывших экспедиций. Но особенно странно было с европейскими названиями, насильственно приклеенными к древним местам, давно имевшим свои местные имена. Все эти хребты Марко Поло, Гумбольта, Риттера, Александра III, Пржевальского, конечно, не имели никакого значения для всех местных народностей, ибо для них они были известны и в незапамятные времена.

Еще одно оригинальное условие мешает точности названий. По поверию монголов и тибетцев, нельзя произносить название места в пустыне, иначе боги пустыни будут привлечены этим именем и рассержены.

Когда сгущается дневной жар, проводник каравана начинает тихо свистеть какую-то странную мелодию. Он вызывает ветер. Какой замечательный сюжет для театра: «продавцы ветров». С тем же обычаем можно встретиться, знакомясь с обычаями Древней Греции.

Пришлось отметить и забытые горные кряжи, и песчаные плоскости, и сухие поверхности, усеянные острыми соляными глыбами, зияющими черными отверстиями тонкой воды. Зеленые болотистые поверхности лишь характерны для озер Ихе– и Баха-Цайдам. Тучные табуны цайдамского князя пасутся в этих густых травах. Не могу не упомянуть, что цайдамский князь, за которым числились какие-то столкновения с путешественниками, выказал нам полное дружелюбие и даже прислал письмо, предлагая своих верблюдов до Лхасы, но к тому времени наш караван был уже составлен.

Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Проводники наши, видимо, очень готовились к этим местам, хотя осеннее время по маловодью и по отсутствию мух и комаров благоприятствовало. Странно было идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается самое малоисследованное нагорье Куэн-Луня. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит. Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: «Только не сворачивайте с тропинки!»

Действительно, по бокам среди острых краев плит чернели ямы и сама тропинка была усеяна дырками, попав в которые животное легко

могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалился на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытащен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. И ламы отказывались идти вперед, обращая наше внимание на какие-то случайные силуэты, которые оказывались не чем иным, как соляными столбами. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Скоро показались кусты и высокая трава, которую жадно хватили наши изголодавшиеся животные. Вдали перед нами синели горы. Это было Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Несколько переходов до синевших гор шли по сравнительно плодородной местности Тейджинера, что значит местность, управляемая советом старшин. Казалось бы, и растительность была хороша, и поля обрабатывались, но мы видели брошенные становища, а в редких жилых юртах мы замечали смятение. Оказывается, между монголами и голоками, живущими за Нейджи, шла война. Нам говорили, что еще на дороге мы увидим убитых, и жители с тревогой ожидали нападения разбойников Тибета. Были какие-то неясные намеки о чем-то готовящемся против нашего каравана.

Мы припомнили необыкновенное происшествие, бывшее с нами в Шарагольчах. Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени. Это неожиданное дружественное предупреждение вспомнилось теперь нам при рассказах о панагах и голоках.

Тибетские женщины
в праздничных одеяниях

На следующий день мы видели при дороге трех убитых монголов и одну лошадь. На песчаной поверхности ясно были видны следы каких-то бешеных скачек. Приняв военные меры, мы по-двигались сперва по течению реки Нейджи, затем к перевалу Нейджи. В одной заросшей кустарником долине трое из нас видели силуэт всадника и нашли на том месте свежесложенный костер и трубку. Решили не идти на обычный перевал, очень песчаный и затрудняющий движение, а переменить маршрут на несколько миль дальше, пользуясь следующим перевалом того же наименования. Это неожиданное решение было для нас спасительным.

На следующее утро мы вышли задолго до восхода. Е. И., имеющая необычайно острый слух, уверяла, что она слышит отдаленный лай собак. Но все было тихо, и мы должны были, спускаясь, вступать в ущелье между двумя холмами. Зорко осматриваясь, мы заметили в утреннем тумане, как через ущелье проскакивают силуэты всадников. Мы различили длинное копьё, длинные винтовки с рогатками. Нас ждали при выходе из ущелья. Вместо того чтобы продолжать двигаться, мы отступили на вершину холма и таким образом заняли господствующее положение, чего противник не ожидал. Сзади нас подтягивались наши торгоуты, лучшие стрелки. С вершины холма мы видели группы неприятеля и, заняв выгодное положение, послали монголов предупредить их, что в случае продолжения враждебных действий мы не будем щадить ни их, ни их юрты. Переговоры уладились.

Панаги опять твердили о каких-то 50 всадниках, за которыми они послали, а через несколько часов мы видели их стада, возвращавшиеся из гор к юртам; значит, были приняты заблаговременные меры. На другой день в боевом порядке, сопровождаемые подозрительными всадниками, мы перешли перевал Нейджи. Здесь разразилась необычайная для сентября гроза и повалил сильный снег. Монголы сказали нам: «Горный бог Ло гневается за то, что панаги хотели тронуть великих людей, по снегу они более не нападут на нас, ибо останутся следы».

Перед нами стоял хребет Марко Поло, грозный Ангар-Дакчин, за ним живописное Кокушили и мощное Дунгбуре. Можно писать целую книгу об одних этих местах, о многосотенных стадах диких яков, о доверчивых медведях с белыми ошейниками, о волках, преследующих

серн и антилоп. Можно наблюдать минеральные источники, горячие гейзеры и удивляться неожиданностям этой особенной природы. От Цайдама, где мы находились на высоте от 8000 до 9000 футов, мы поднялись на Тибетское северное нагорье от 14 000 до 15 000 футов.

* * *

Остановимся на характерных эпизодах сношений с тибетцами.

Двадцатого сентября караван наш с волнением заметил первую палатку тибетского поста. Пришли к нам какие-то лохматые люди в грязных овчинных кафтанах и потребовали наш паспорт. При достаточном числе свидетелей мы вручили им наш тибетский паспорт, после чего нам разрешено было идти дальше. Паспорт был послан по начальству.

Шестого октября тибетцы предложили нам остановиться в местечке Шенди и ожидать дальнейшего разрешения от тибетского генерала Капшипа-Хорчичаба, то есть главного начальника Хоров и командующего северным тибетским фронтом. Через два дня мы были передвинуты к ставке этого генерала на реке Чунаргене. Это место останется памятным для нас.

Унылое кочковатое нагорье арктического характера, окаймленное пологими линиями осыпающихся гор. Первый прием генерала заключал в себе верх любезности и дружелюбия. Он сказал нам, что ввиду паспорта и письма он пропустит нас следовать дальше на Лхасу через Нагчу. Нагчу – это северная крепость Тибета, стоящая в трех днях от Чунаргена. Генерал попросил нас постоять всего три дня и перенести наш лагерь к его ставке, так как он хочет лично осмотреть наши вещи, ибо, как он сказал: «Руки малых людей не должны касаться вещей великих людей».

При этом генерал добавил, что до разрешения он останется с нами и в честь меня велит каждый день играть какую-то особо торжественную вечернюю зорю. По-видимому, у генерала было больше музыкантов с барабанами, кларнетами и шотландскими волынками, нежели солдат. При нашем посещении стреляли из пушки, развешивали знамя и ряд странных солдат в грязных куртках с оборванными пуговицами держал винтовки в разных направлениях. Так

или иначе свидания с генералом были очень дружелюбны, и, вероятно, в последующем генерал не был виноват.

Через неделю ответ о нашем дальнейшем продвижении все еще будто бы не пришел. Генерал сообщил нам, что по обязанностям службы он должен уехать, но что он оставит при нас майора с пятью солдатами и даст распоряжение местным старшинам хоров.

Н. К. Перих. Капли жизни. 1924 г.

Генерал уехал, и вместо трех дней мы остались в этой унылой местности пять месяцев. Положение сделалось губительным. Началась суровая зима, на пятнадцати тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами

далай-ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде. Мы неоднократно писали американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту полковнику Бейли в Ганток и нашим учреждениям в Нью-Йорк, прося губернатора Нагчу все это отправить по телеграфу из Лхасы на Индию.

Нам было отвечено, что телеграфа из Лхасы на Индию больше не существует, – явная ложь! Мы просили через майора отпустить нас тронуться обратно или разрешить идти в ставку генерала, но нам было запрещено двигаться как вперед, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. Конечно, бывшие при нас американские доллары были совершенно бесполезны. Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два.

На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, не приготовленных для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровою частью Азии.

У Е. И. пульс доходил до 145, и наш доктор прибавлял: «Ведь это пульс птицы». У меня вместо обычных 64 пульс был 130. У Юрия, у Богдановых пульс держался около 120. Доктор пророчил самые мрачные перспективы и писал докторские свидетельства о том, что задержание в таких условиях равняется организованному покушению на убийство. Об этом стоянии можно было бы написать тоже целую книгу, полную грустных бытовых страниц.

Чтобы дать тип губернаторов в Нагчу, из которых один считался очень доверенным лицом далай-ламы и сам был ламой, хотя и имел семью, достаточно вспомнить два эпизода, рассказанные ими нам.

Один эпизод о Ладен-Ла, генерале тибетской армии, человеке несомненно талантливом, которому одно время было поручено реформирование этого разношерстного войска. Лама-губернатор

сообщил, что Ладен-Ла отставлен от реформирования армии за введение красных обычаев, ибо он ввел европейскую форму и отдание чести офицерам.

Тот же губернатор излагал русскую революцию в следующем виде: «Жил человек Ненин, который не любил белого царя. Ненин взял пистолет и застрелил царя, а затем влез на высокое дерево и заявил всем, что обычаи будут красными и церкви должны быть закрыты. Но была женщина, сестра царя, знавшая и красные и белые обычаи. Она взяла пистолет и застрелила Ненина».

Долго рассказывать обо всех наших переговорах с нетрезвым майором, а затем с губернатором Нагчу. Так или иначе шестого марта мы двинулись в Индию, посланные также нелегким обходным путем, унося в себе неразрешимый вопрос, как могло лхасское правительство не признавать выданный их чиновником паспорт и можно ли держать мирную экспедицию, имевшую в составе своем трех женщин, всю зиму в летних палатках на наиболее губительных высотах? И к чему тибетцам нужно было вредить нашему здоровью, уморить весь наш караван и вследствие резких смен температуры погубить все наши кинофильмы?

Поистине Чантанг – северное нагорье Тибета – справедливо заслужил славу самого холодного места Азии. Свирепые вихри необычайно усиливают действие мороза, а разряженная атмосфера 15–16 тысяч футов создает особые, необычайно тяжелые условия. Можно представить себе состояние температуры, когда в палатке у доктора в закрытой фляжке замерз коньяк. Сколько же требовалось градусов, чтобы крепкое вино могло замерзнуть? Конечно, в одиннадцатом часу утра солнце начинает значительно пригревать, но после заката, ночью, а главное, предрассветный час бывает свиреп. Наш доктор имел необыкновенную возможность наблюдать с медицинской точки условия этих исключительных нагорий.

После Нагчу-Дзонга наш путь лежал минуя Тенгри-Нор на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брахмапутры к границам Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзонг были последними пунктами этого двух с половиной месячного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После Сепола мы спустились через Тангу в Ганток, столицу Сиккима, и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли,

его супругою и махараджею Сиккима. 26-го мая 1928 года прибыли в Дарджилинг, поместившись опять в нашем Талай-По-Бранге для обработки художественных и научных материалов.

Тибетские рукописи в переплете

Ганджур — тибетский канон, свод буддийских сочинений, предмет культа и источник догматики. Слово Ганджур имеет также смысл «Прямые слова Будды».

Теперь оглянемся в кратких характеристиках на современную жизнь Тибета и на искусство его.

Тибет являет самое поразительное стечение противоречий.

С одной стороны, мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии. С другой же стороны, полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многомужество как-то уживается с заветами буддизма, хотя бы и в ламаистической форме.

С одной стороны, мы встречаем вместо замков бедные глинобитки. С другой стороны, тибетские губернаторы называют их прекрасными снежными дворцами и не стыдятся этих гипербола.

С одной стороны, правительство Лхасы называет себя «правительство, победное во всех направлениях», с другой стороны, эту надпись мы видели только на несчастных медных монетках – шо. Ни золотых, ни серебряных монет ни в дзонгах, ни у народа мы не встречали. Удивительно и то, что полушо и четверть шо, тоже медные, по размерам своим более самого шо. Все население вместо своих тибетских шо предпочитает или серебряные рупии, или серебряные мекдоллары. При продажах даже называют две цены: или высокая цена на тибетское шо, или со значительной уступкой в случае уплаты рупиями или китайским серебром. С китайским серебром тоже не всегда легко. В одних местах требуют императорские монеты, в других республиканские с шестью буквами, в третьих – с семью. Так что требуется целый ассортимент денежных знаков.

Но мы не удивлялись, ибо к странностям денежного обращения мы были уже приучены в Синьцзяне, где в некоторых местностях деревянные знаки, выпускаемые игорными домами, ценятся больше, чем местные бумажные деньги, в которых иногда большую часть ассигнации составляло подклеенное объявление о мыле и других продуктах. Даже из правительственного казначейства выдавали нам бумажные знаки, которые следующим амбаном объявлялись недействительными.

Вся жизнь как бы состоит из противоречий.

После живописных городов и монастырей Ладакха мы тщетно ждали увидеть в «великом» Тибете нечто еще более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчались бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брахмапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли. Часты эти развалины. Около них видны остатки когда-то возделанных полей.

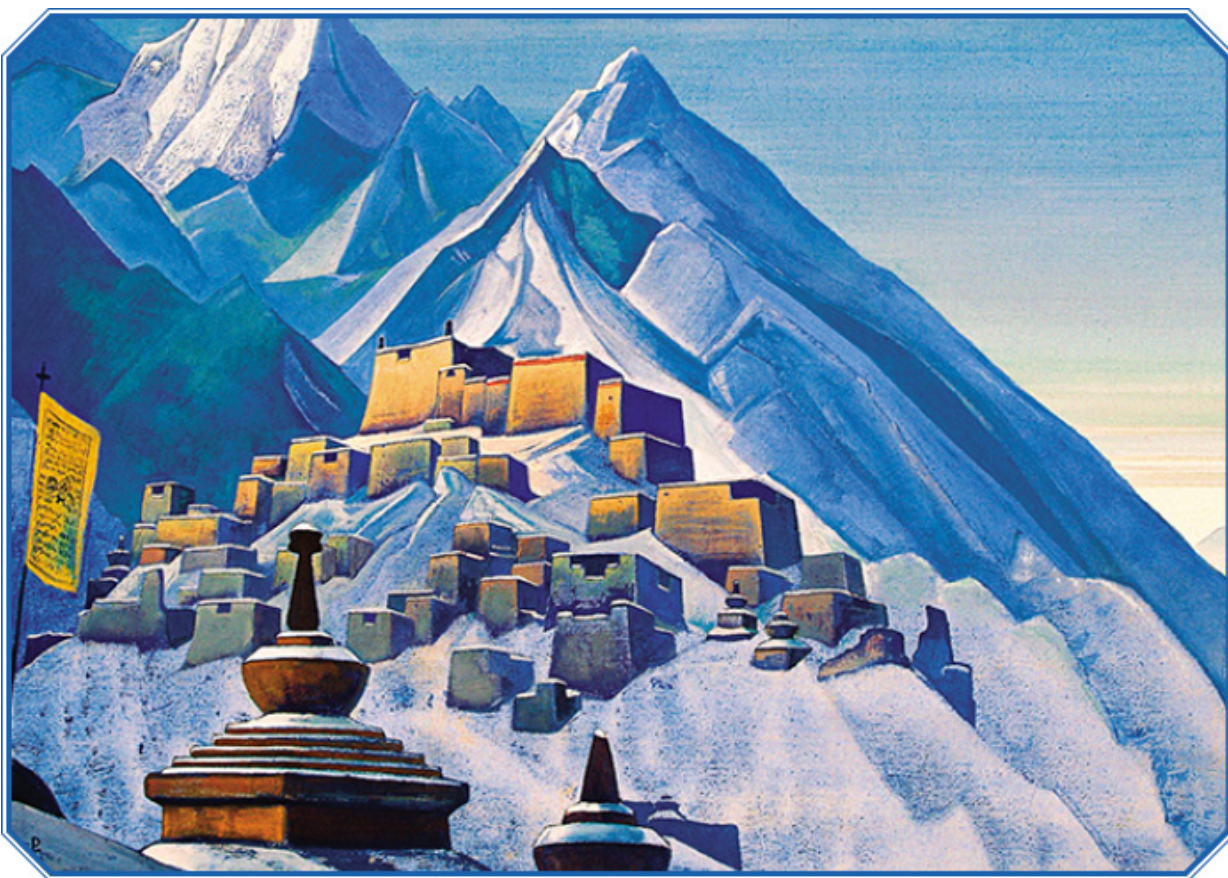
Но ведь это все прошлое. Все это говорит об ушедшей, несуществующей жизни. Сага-Дзонг – бедное селение с хрупкими глиняными стенками. Черные палатки, как пауки, протянулись на длинных черных веревках. Как паутина, нависли над селением вереницы оборванных грязных флажков. Грязь такая же, как в Нагчу-Дзонге. Помню, как в Нагчу, когда мы указывали на непозволительную грязь города, доньер – чиновник, вроде консула-губернатора, нам сказал: «Если здесь вам кажется грязно, то что же вы скажете о Лхасе?» Тенгри-Дзонг, считающийся самой большой крепостью к Непальской границе, поражает не только убожеством, но и непригодностью к обороне. Тинкю, Шекар и Кампа-Дзонг внушительны лишь в тех частях, где еще сохранилась старина. Но старина ветшает, и ее заменяют хрупкие глинобитные стены. Дзонгпены, начальники замков, уже не живут на вершинах, а ютятся под горою.

В отношении изучения жизни наше пятимесячное пребывание в области Хоров и долгий путь по Северному, Западному, Центральному и Южному Тибету дали огромное количество материала. Первый раз экспедиции не требовался переводчик, ибо сами тибетцы находили, что Юрий знает тибетский язык лучше сэра Чарльза Белла, который считается знатоком языка. Без личного знания языка, конечно, опрометчиво судить о состоянии страны. Один путь от Чунаргена до Сиккимской границы должен представить целую книгу.

Мы шли на уртонных яках от местного населения. Перед нами прошла вся картина противоречий между народом и лхасскими чиновниками. Создалось впечатление, что часть лам и народ, с одной стороны, а группа лхасских чиновников – с другой; про них сами тибетцы говорят, что «сердца их чернее угля и тверже камня».

Мы стоим лагерем недалеко от стана голоков. Оба стана не доверяют друг другу. Всю ночь из стана голоков несется клич «ки-хохо». – «Хой-хе», – отвечают наши хоры. Так всю ночь предупреждают друг друга о недреманной бдительности стана.

В Тенгри-Дзонге, который считается второю после Шигатзе крепостью, заведующий транспортом усмотрел на одном из наших яков странный предмет, обернутый в красный шелк. Мы исследовали эту находку – оказалось, что с нашим караваном идет стрела с наверху на нее приказом о мобилизации местных войск для подавления восстания в Поюле, на востоке Тибета. Вместо того, чтобы послать спешный приказ особым гонцом, население прикрепляет его к яку частного каравана, который, может быть, будет идти по десяти миль в день.

Н. К. Перих. Тибет, Гималаи. 1933 г.

Около Сага-Дзонга старшины отказываются признать паспорт далай-ламы, высланный нам из Лхасы. Они заявляют, что ничего общего с лхасским правительством не имеют. Без конца можно припоминать подобные бытовые картины, происходящие у караванных костров, около которых тибетцы едят сырое мясо.

Далай-лама считается воплощением Авалокитешвары и хранителем истинного учения Будды. В то же время по всему Тибету передается пророчество, вышедшее из монастыря Дарджилинг, о том, что нынешний тринадцатый далай-лама будет последним. Относительно всезнания далай-ламы в народе и среди лам ходит целый ряд забавных историй. Например, один высокий лама, имевший доступ к далай-ламе без особого доклада, подойдя к двери, выставил из-за двери свою ногу. Далай-лама спросил:

«Кто там?»

Тогда лама выставил свою руку и вызвал вторичный вопрос:

«Кто там?»

И лама с поклоном вошел, говоря:

«Ваше святейшество напрасно беспокоились спрашивать, ведь по всезнанию вашему вы должны были знать, кто стоит за дверью».

Во время переговоров наших с губернаторами Нагчу, при вопросах их, мы несколько раз им говорили:

«Ведь у вас имеется в Лхасе государственный оракул, отчего вы не спросите его касательно нас?»

При этом оба губернатора переглядывались и хохотали.

Совсем другое отношение повсеместно замечается к таши-ламе, имя которого произносится с глубоким почтением.

«Обычаи Панчен Ринпоче совершенно другие», – так говорят тибетцы.

Тибетцы ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он восстановит Тибет и драгоценное учение при нем процветет снова.

О бегстве таши-ламы из Тибета в 1923 году во всех местностях говорится с особою значительностью и почтением. Рассказывается об удивительных случаях, сопровождавших этот героический экзодус. Говорится: когда таши-лама бежал около озер северо-западной области, вооруженная погоня из Лхасы одно время почти настигла его. Предстоял длительный обход еще не замерзшего озера, и смутились

сопровождаявшие таши-ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За ночь ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом, а затем запорошил неожиданный снег. Перед зарею беглецы перешли озеро по льду, чем и сократили путь свой. Между тем возшло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней.

Некоторое время, следуя по указанному нам пути, мы шли как раз по линии следования таши-ламы, и поучительно было слышать говор народа и общее ожидание возвращения духовного владыки Тибета. Ведь именно таши-ламы связываются с понятием Шамбалы.

Сами тибетцы говорят все это и указывают, что лхасские чиновники не ведут к расцвету ни народ, ни религию.

Посмотрим несколько религиозно-бытовых картинок, чтобы понять, насколько современное состояние религии в Тибете должно быть очищено.

Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты. Допустимо ли это?

Или водяные и ветряные мельницы и даже часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая богомольцев от затраты энергии. Относится ли это к заветам Будды?

Недалеко от правительственного дзонга стоит новейшее языческое мольбище – высокий камень, обмазанный жиром. Оказывается, само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного оракула.

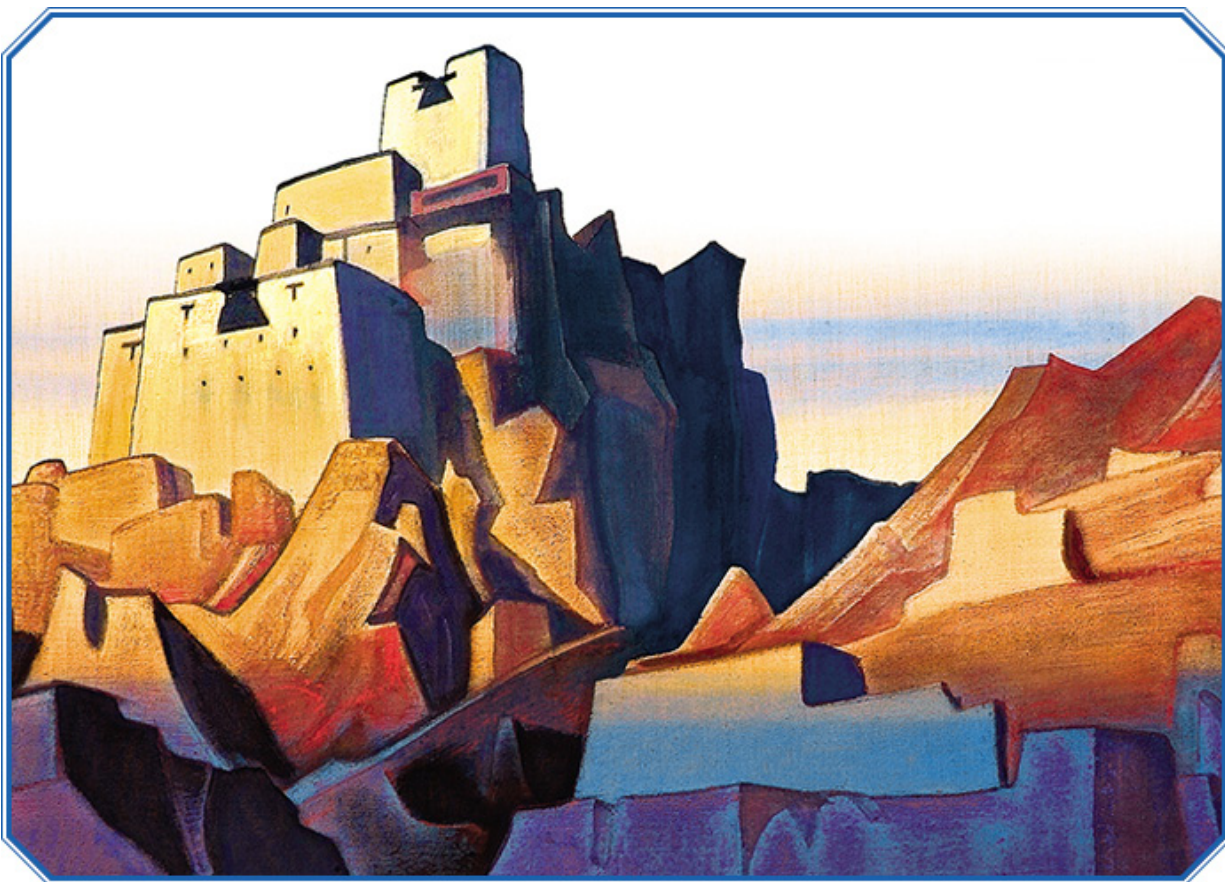
Запрещается убивать животных – это очень хорошо. Но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков. Рассказывают об особенном способе безгрешного убийства, когда животных загоняют на скалу и они, падая, убиваются сами.

В углу лавочки сидит хозяин лама и крутит молитвенное колесо. На стене висят изображения Шамбалы и Дзонкапы. Но тут же стоят корчаги с огромным количеством местного вина, выделанного хозяином для спаивания народа.

Лицо, состоящее при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в триста рупий. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание

на нем самом. Но верующий лхасец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять о чудесной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхасец уходит возмущенный.

Высшим наказанием считается лишение перевоплощения. Для этого у наиболее важных преступников отрезают голову и сушат ее в особом помещении, где хранится целая коллекция подобных останков.

*Н. К. Перих. Замок Ладакха.
1933 г.*

Около священных мандангов и храмов валяются дохлые собаки, и священные надписи покрыты человеческими испражнениями. На дороге и на полях валяются священные надписи, и распалось много ступ, и многие храмы заброшены.

Около Лхасы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих

трупных остатках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цибилов в своей книге о Тибете уверяет, что его святейшество далай-лама выполнил этот ритуал.

Очень замечательны показания тибетцев о так называемом «Ролланг» – воскресении трупов. Всюду говорят о «воскресших трупах, которые вскакивают и, полные необычайной силы, убивают людей».

Тибетцы рассказывают, что отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущество отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужой пищей. Можно слышать рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищей, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и кольцах.

Кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть.

Таких картинок из действительности можно приводить множество. И все они показывают, как многое около вопроса религии должно быть очищено и исправлено. Но мы знаем целый ряд очень достойных лам и будем надеяться, что они смогут просвещенно вести оздоровление Тибета.

«Зачем наши так часто лгут?» – сокрушается тибетец на берегах Брахмапутры. И этот порок должен быть исправлен.

Слышно, что таши-лама, находясь сейчас в Монголии, занят утверждением мандалы буддистского учения. От этого нужно ждать благотельных последствий, ибо Тибет так нуждается в духовном очищении.

Говоря о состоянии религии в Тибете, нужно упомянуть о черной вере противников Будды. Как нам пришлось убедиться, помимо Гелугпа, помимо красношапочной секты Падмасамбхавы и многих других ответвлений, в Тибете очень развита черная вера бон-по. Распространена она гораздо шире, нежели можно предполагать. Даже говорят, что бон-по усиливается; целый ряд монастырей мы видели в различных областях Тибета. Все они имеют очень зажиточный вид.

В Шаругене нас приняли в монастыре бон-по очень дружелюбно и даже допустили в свой храм и показали свои книги, предлагая Юрию

читать их. Но затем вдруг отношение изменилось; оказывается, бон-по прослышали о нашем отношении к буддизму и сочли нас за врагов. бон-по говорят, что буддисты их враги. Будда не признается. Далай-лама считается лишь светским правителем.

Обряды совершаются противоположно буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца. Вместо Будды изобретен свой особый покровитель, биография которого странно совпадает во многих частях с жизнеописанием Будды. Имеются свои священные книги. Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнести к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы несомненно находились в основе бон-по, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно.

И в отношении бон-по, и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставляло нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее бон-по, может быть, как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов.

Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки, и сравним их с такими же из аланских и готских погребений Южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла – ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге.

Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения. Кроме менгиров и кромлехов в области Шендза-Дзонга,

тоже в Трансгималаях, нам удалось найти древние могилы, напомнившие алтайские погребения и могилы южных степей. Жаль, что в Тибете невозможна раскопка, ибо говорится, что будто бы Будда запретил трогать недра земли.

В той местности Трансгималаев, называемой Доринг – Длинный Камень, очевидно, от древних менгиров, мы встретили совершенно необычайный для Тибета женский головной убор. Убор представлял собою ярко выраженный славянский кокошник, обычно красного цвета, украшенный бирюзою, серебряными монетами или унизанный бусами. Ни к северу, ни к югу подобный убор уже не был встречен. Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени. Язык их ничем не отличается от прочих северных испорченных наречий. Вообще с наречиями в Тибете трудно, ибо кроме основного лхасского наречия каждая местность имеет свой говор, иногда настолько отличный, что сами тибетцы лхасского наречия не понимают своих соплеменников.

Еще две аналогии вспомним. Когда я показал тибетцу геральдического единорога, он не удивлялся, но начал утверждать, что в Тибете была и даже где-то в Каме до сих пор встречается единорогая антилопа. Другие тибетцы даже брались достать нам этот вид антилопы, если мы побудем в Тибете.

*Ламы и монахини в Кейланг, Лахул.
Со старой фотографии*

Изображение единорога встречается на китайских и тибетских тханках. Британский исследователь Брайан Ходсон вывез один экземпляр особой единорогой антилопы. Таким образом, геральдический миф около Гималаев делается действительностью.

Другое обстоятельство, встреченное нами в разных областях Тибета, – это священные бусы дзи, или зи. Можно различать два вида этих бус. Один новый – китайские подделки, но другой, старинный,

ценится в Тибете очень высоко. Некоторые виды бус до 1500 рупий за каждую. Бусам приписывают чудесную силу. Говорят, что зи при обработке полей выскакивают из земли. Говорят, что это отвердевшая стрела молнии или помет небесной птицы.

Ценность бус различается по знакам на них. Сами бусы представляют вид роговика со знаками, нанесенными на них каким-то особым способом. Интересно, что подобная же буса была найдена при раскопках Таксилы среди древностей не позднее первого века нашей эры. Так что древность зи правильно оценивается тибетцами. Может быть, это были древние талисманы или терафимы.

Также не следует забывать, что католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в четырнадцатом веке, сообщает, что Лхаса или местность ее называлась Гота. Вспомним и о легендарном царстве Готл.

Чтобы покончить с аналогиями, вспомним, не делая никаких выводов, что племена Северного Тибета хоры странным образом напоминают некоторые европейские типы. Ничего в них нет ни китайского, ни монгольского, ни индусского. Перед вами в искаженном виде проходят лики с портретов старофранцузских, нидерландских, испанских художников.

Жители Лиона, баски, итальянцы кажутся вам в этих орлиных носах, больших прямых глазах, в характерных морщинах, в сжатых губах и черных длинных прядях волос. Эта область еще даст интереснейшее сопоставление.

Теперь оглянемся на искусство Тибета. Старое искусство Тибета справедливо в последнее время начинает цениться и входить в число признанных ценностей. Это будет совершенно справедливо. Больше того – предскажем, что оценка старого искусства Тибета еще повысится.

Возьмем ли мы живописные изображения, тханки и стенопись. Если они будут принадлежать ко времени ранее девятнадцатого века, они доставят нам величайшее наслаждение. Не будем настаивать на том, что существует какой-то особый тибетский стиль. Конечно, в искусстве Тибета мы всегда узнаем сочетание старого Китая, Индии или Непала. Ведь первое изображение Будды Тибет получил в шестом веке из Китая и Непала. Но китайские и индусские первоисточники

были так прекрасны, что каждое сочетание их давало высокое художественное целое.

Но в девятнадцатом веке началась механизация искусства. Начался трафарет и дряблое пересказывание хороших образцов. Так что, устанавливая точку зрения на искусство в Тибете, скажем, что в настоящее время, во время переходное, собственно искусства и творчества в Тибете нет. И сами тибетцы отлично понимают, что старинная работа во всех отношениях далеко превосходит современную. Но и в этом заключении нет безвыходного приговора.

На опытный глаз можно заметить, что хотя и в робкой манере, но какие-то новые попытки входят в жизнь. Будем думать, что переходное время Тибета найдет решение в разумном подходе к своим ценностям.

Просвещенные ламы найдут средство возвысить религию, внося в нее истинные заветы Будды. Народ найдет применение своим способностям, ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты.

Строительство тибетское тоже включает в себе необыкновенные возможности. Возьмите старые тибетские твердыни, начиная от главного и единственного здания Тибета – семнадцатизэтажной Поталы. Разве подобные сооружения не пригодны для новейших усовершенствований и разве не подают они руку нашим небоскрегам?

Сейчас в Лхасе запрещено электричество на улицах города, запрещен кинематограф, запрещены швейные машины, запрещено носить европейскую обувь.

Опять в Тибете запрещено светским людям стричь волосы. Военным высшим чинам за обрезание шиньона угрожает разжалование. Опять приказано людям облечься в длинные халаты, мало удобные для работы, и в тибето-китайскую обувь. «Стэтсмэн» от 17 февраля 1929 года сообщает к предположению о четвертой экспедиции на Эверест:

«Если было трудно получить разрешение для экспедиции ранее, то сейчас это совершенно невозможно. Даже жители долины Арун, которые сделали хорошие деньги от иностранцев, противятся разрешить им вступить в страну в четвертый раз. Рассказывается, что, когда экспедиция 1924 года вернулась в Индию, далай-лама заболел на один день. Было сделано изыскание по всему Тибету, чтобы найти, где

монахи нарушили свой обет, и было найдено, что монах в долине Аруна съел рыбу. В объяснение своего действия, которое вовлекло в опасность жизнь далай-ламы, он мог только объяснить, что он пришел в возбуждение, видя так много иностранцев вблизи монастыря».

*С. Н. Рерих. Портрет Н. К. Рериха
с Ларцом (с Камнем). 1928 г.*

Вспоминаю историю о трех курицах. У нас в караване было три куры, которые, несмотря на ежедневные переходы в корзине на спине верблюда, продолжали исправно нестись. После задержания в Нагчу, не имея, чем кормить, мы отдали их тибетскому майору. Исчезновение кур из нашего лагеря было немедленно донесено губернаторам в Нагчу, причем возникла целая переписка о курицах, съеденных иностранцами. Майор должен был письменно свидетельствовать о пребывании куриц в живых.

Странно, птиц и рыбу есть нельзя, убить бешеную собаку или опасного кондора нельзя, но зарезать яка и барана можно, не только на потребу светских людей, но даже и лам. Думаем, что не рыба, съеденная монахом, причинила болезнь далай-ламе, но, может быть, это было последствие той невероятной грязи, которою «украшены» некоторые монастыри. Кто сказал, что ламы должны иметь черно-блестящие лица и руки до плеч?

Мы были потрясены, увидав этих черно-угольных людей, имеющих явное отвращение к воде. Воображаю, насколько трудно таши-ламе и просвещенной части лам воздействовать на черную и самодовольную массу. Ведь именно невежество порождает самоудовлетворение и самодовольство.

Все эти признаки и грязи, и лжи, и лицемерия не завещаны Благословенным Буддой. Учение Будды прежде всего предусматривает самоусовершенствование и движение вперед. Указанные же запрещения показывают тупое поклонение старине. Но в ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцев! Хороша старина, пока она не мешает будущему. Но что же должно произойти, если допущена смерть прекрасного прошлого и запрещено будущее?

Тибет присваивал себе духовное преимущество над своими соседями. Тибетцы смотрят свысока на сиккимцев, ладакхцев, калмыков и называют монголов как бы своими обязанными подданными. Между тем все эти народы уже растут сознанием. Лишь Тибет старается насильственно задержать шаги эволюции. А ведь посмотрите, насколько тибетский народ сам по себе тянется к удобным вещам и инструментам, облегчающим работу. Говорю эти наблюдения не с желанием унижить тибетцев. Много раз мне приходилось отмечать сметливость, поворотливость и работоспособность этого народа.

Мы имели в доме нескольких тибетцев, были довольны ими и расстались друзьями. Е. И. вспоминает о своей тибетской ани, которая так хорошо и с таким достоинством сотрудничала в нашем доме. Зная эти хорошие черты тибетской природы, можно только жалеть, что народ этот не получает достаточного руководства, а те, кто мог бы руководить им, лишены этой возможности. Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами. Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукунор. Вспомним, что далай-лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета. Не забудем, что целый ряд таши-лам оставил просветительные памятники и именно таши-ламы объединены понятием Шамбалы.

Временный мрак пройдет, и те, кто когда-то умели строить орлиные гнезда на горных вершинах, те опять вспомнят о славных днях бывшего Тибета и найдут решение их в современности.

Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко – месторождение реки Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непреодолимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы давно невиданных рододендронов. Опять мы в Сиккиме.

*Н. К. Рерих. Жар-Цвет.
1924 г.*

Опять вереницы бронзовых полуголых сиккимцев с венками на головах несут за плечами корзины танжерин.

В деревьях свистят и шуршат обезьяны. Огромные синие бабочки, как птицы, вспархивают перед лошадей. Все напитано разнообразной зеленью. С высот, окруженные радужным облаком, шумят водопады.

У реки Тишты на дорогу к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зеленой листве.

Гималаи закрывают Тибет. Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему

прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герои, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои...

Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в богатстве своем создали для этой снежной страны высочайшую славу. По всему миру пробежала легенда о жар-цвете. И в Китае, и в Монголии, и в Сибири, и в Сербии, и в Норвегии, и в Бретани вы можете услышать о чудесном огненном цветке. В конце концов, куда же приведет вас происхождение этой легенды? К тем же Гималаям!

В отрогах Гималаев растет особый вид черного аконита. Местные жители говорят, что они выходят собирать его ночью. В темноте растение светится, и они отличают его этим путем от других видов аконита. Истинно жар-цвет растет в Гималаях!

Опять индус поет:

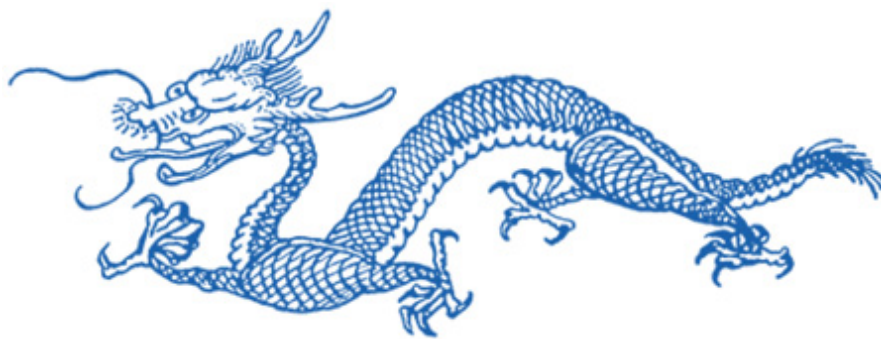
«Могу ли я говорить о величии Творца, если знаю несравненную красоту Гималаев».

Вы спросите меня:

«Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?»

Без колебания скажу вам:

«Шамбала!»

*Н.К. Рерих. Шамбала Дайк
(Весть Шамбалы). 1931 г.*

II. Шамбала

Если будет произнесено здесь самое священное слово Азии – «Шамбала», вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски – «Калапа», вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя великого Владыки Шамбалы – Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии.

Если же вы хотите быть поняты в Азии, как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции.

Бурятский ученый Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное, в Монголии основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы – Шамбалин Дацан.

Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти Дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени.

Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные пространства Азии, Дацаны Шамбалы зазвучат, как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего. В этом кратком сообщении человек, прикоснувшийся к истокам Азии, почувствует, насколько живы и реальны в Азии так называемые пророчества и легенды, идущие из незапамятной древности.

Древнейшие Веды^[35] и последующие Пураны^[36] и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычайное значение для Азии таинственного слова – Шамбала.

Ригден-Джапо (Рудрачакрин) в образе
гневного божества. Деталь мандалы
Шамбалы, Монголия, XIX в.

И в крупных азиатских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о Великой Шамбале, или таинственной Калапа индусов, звучит как символ великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Прежде чем говорить о Шамбале собственно, вспомним о мессианских понятиях, рассыпанных среди разных народностей Азии,

которые при своем разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего.

Хорошо известны палестинские устремления к Мессии. Известны ожидания великого пришествия у Моста Миров. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик Великого Всадника. Ученые раввины и знатоки каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому вопросу.

Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенду о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре. Правда, многие мุลлы, когда вы скажете о Мунтазаре^[37], начнут резко отрицать это, но если вы будете утверждать и, главное, покажете знание вопроса, они переглянутся, улыбнутся и отложат свои отрицания. Даже скажут много значительных подробностей. Они скажут, что в Исфагане стоит белый конь, уже оседланный для великого Пришествия, а в Мекке уже приготовлен саркофаг для будущего Пророка Правды.

Высокие ученые японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, почерпая мудрость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калки Аватаре. И прибавят, что эта новая эра в отличие от прошлых должна наступить стремительно.

Чтобы дать более реальное представление о фактах, скажем просто о том, как в жизни выявляется понятие новой эры и Шамбалы. Во всех этих понятиях, главное, нужно хранить полную правдивость. Всякая цветистость и всякое личное представление может извращать и вредить.

Мы уже знали о Шамбале из тибетского манускрипта, переведенного проф. Грюнведем^[38], под названием «Путь в Шамбалу». Книга написана таши-ламой Третьим, одним из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, каждый читавший этот манускрипт знает, насколько трудно разобраться в громаде символов и в сложных географических намеках.

Пойдем через путевые знаки о Шамбале, встреченные в пятилетнем странствии.

В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, вы узнаете вместо центрального изображения Будды гигантское изображение

Майтрейи, Грядущего Будды. Это изображение сделано подобно изображению в Ташилунпо, святилище таши-ламы, духовного вождя Тибета. Владыка Майтрейя сидит на троне, ноги его не скрещены по восточному обычаю, но опущены на землю. Это знак скорого пришествия Владыки. Монастырь Гум построен около двадцати лет назад одним ученым монгольским ламою. Лама пришел из Монголии, оставался в Тибете и затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать монастырь, посвященный новой эре Владыки Майтрейи.

В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, говорил нам, стоя перед изображением Владыки будущего:

«Истинно, приблизилось время великого Пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, уже готовит свое непобедимое войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы тханку Владыки Шамбалы и его победу над злыми силами? Когда наш таши-лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие изображения и среди них несколько картин Шамбалы.

Многие ученые ламы покинули тогда Ташилунпо. Только что из Тибета пришел геше ларива – лама художник, гелонг^[39] из Ташилунпо. Он знает, как писать тханку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой Владыки».

Скоро затем в белой галерее Талай-потанга на желтом коврике сидел ларива – лама-художник. На особо приготовленном холсте он чертил сложную композицию. В середине изображался мощный Владыка Шамбалы во всей славе своих владычных палат. Внизу шла жестокая битва. Беспощадно поражались темные враги праведного Владыки. Картина была украшена следующим посвящением: «Славному Ригдену, Владыке Северной Шамбалы».

Трогательно было наблюдать, с каким глубоким уважением и почитанием писал изображение лама. Когда же он произносил имя Владыки Шамбалы, он молитвенно складывал руки.

Наш приезд в Сикким как раз совпал с бегством таши-ламы из Ташилунпо в Китай. Все были поражены этим беспримерным действием духовного главы Тибета. Правительство Лхасы в смятении всюду разыски-вало высокого беглеца. Ползли слухи, что таши-лама,

будто переодетый, бежал в Китай через Калькутту. Кто-то даже был арестован.

Рассказывая об этом событии, лама добавил:

«Истинно, исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опустошат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю. И Панчен Ринпоче покинет Тибет. Истинно, уже наступило время Шамбалы. Великая война опустошила страны. Погибли многие троны. Землетрясение в Японии разрушило храмы. И теперь наш почитаемый Владыка покинул свою страну».

Следуя примеру духовного вождя, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых высоких лам – Геше Ринпоче из Чумби, которого тибетцы считают воплощением Дзонкапы. Уважаемый лама, в сопровождении нескольких лам и художников, следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладакху, всюду воздвигая изображения Благословенного Майтрейи и возглашая учение Шамбалы.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг – наш дом в Дарджилинге, где жил далай-лама. Прежде всего Ринпоче обратил внимание на изображение Ригден-Джапо, владыки Шамбалы, и сказал:

«Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы – вы знаете будущее».

При следующих беседах высокий лама не раз говорил об учении Калачакры, давая этому учению не столько внешне церковное значение, но применяя его к жизни как истинную йогу.

В 1027 году нашей эры впервые встречается учение Калачакры, возглашенное Атишей. Оно включает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями. С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных монастырях, были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Ташилунпо, а таши-ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы.

В Лхасе особо связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своею ученостью. Число лам в Морулинге не превышает трехсот. Говорится, что время от времени некоторые ламы из Морулинга уходят в какое-то горное убежище в Гималаях, из которого не все возвращаются обратно. В некоторых других монастырях желтой секты практикуется учение Калачакры. Также имеется особый Дацан Шамбалы в Кумбуме на родине самого Дзонкапы и в китайском монастыре Утайшане, где настоятель монастыря написал замечательную книгу: «Красный путь в Шамбалу». Книга еще не переведена.

В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы. В этой картине можно видеть множество воинов, спешащих из всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы.

Когда внимание устремлено в определенном направлении, тогда, как из темноты под лучом света, выясняются новые и новые подробности.

В «Шанхай таймс», а затем во многих других газетах появилась длинная статья, подписанная «Д-р Лаодзин», о его хождении в долину Шамбалы. Д-р Лаодзин рассказывает многие подробности своего замечательного путешествия в сопровождении йога из Непала через пустыни Монголии, по суровым нагорьям, в долину, где он нашел поселение замечательных йогов, изучающих Высшую Мудрость. Он описывает библиотеки, лаборатории, хранилища, а также знаменитую башню. Эти описания поражающе совпадают с описаниями этого замечательного места из других, малодоступных источников. Д-р Лаодзин описывал замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей. Было поучительно видеть, какой огромный интерес произвели эти сообщения в различных странах.

Во время нашей поездки по Сиккиму мы встретили несколько лам, которые хотя принадлежали к красной секте, но с увлечением говорили о Шамбале и о тех новых возможностях, которые это время дает человечеству.

Ученый лама, указывая на лесистые скаты Гималаев, говорил:

«Там, внизу у потока, замечательная пещера, но спуск туда очень труден. В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около

горячих ключей, жил сам Падмасамбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную Страну. Тогда поднялся Благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падмасамбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли».

Другой лама передавал:

«Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет Некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936».

Среди сумерек гелонг рассказывает о Владыке Майтрейе:

«Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конскими волосом пилит железную палку. И твердит:

«Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю».

Смутился человек:

«Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям».

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

«Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на Меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём».

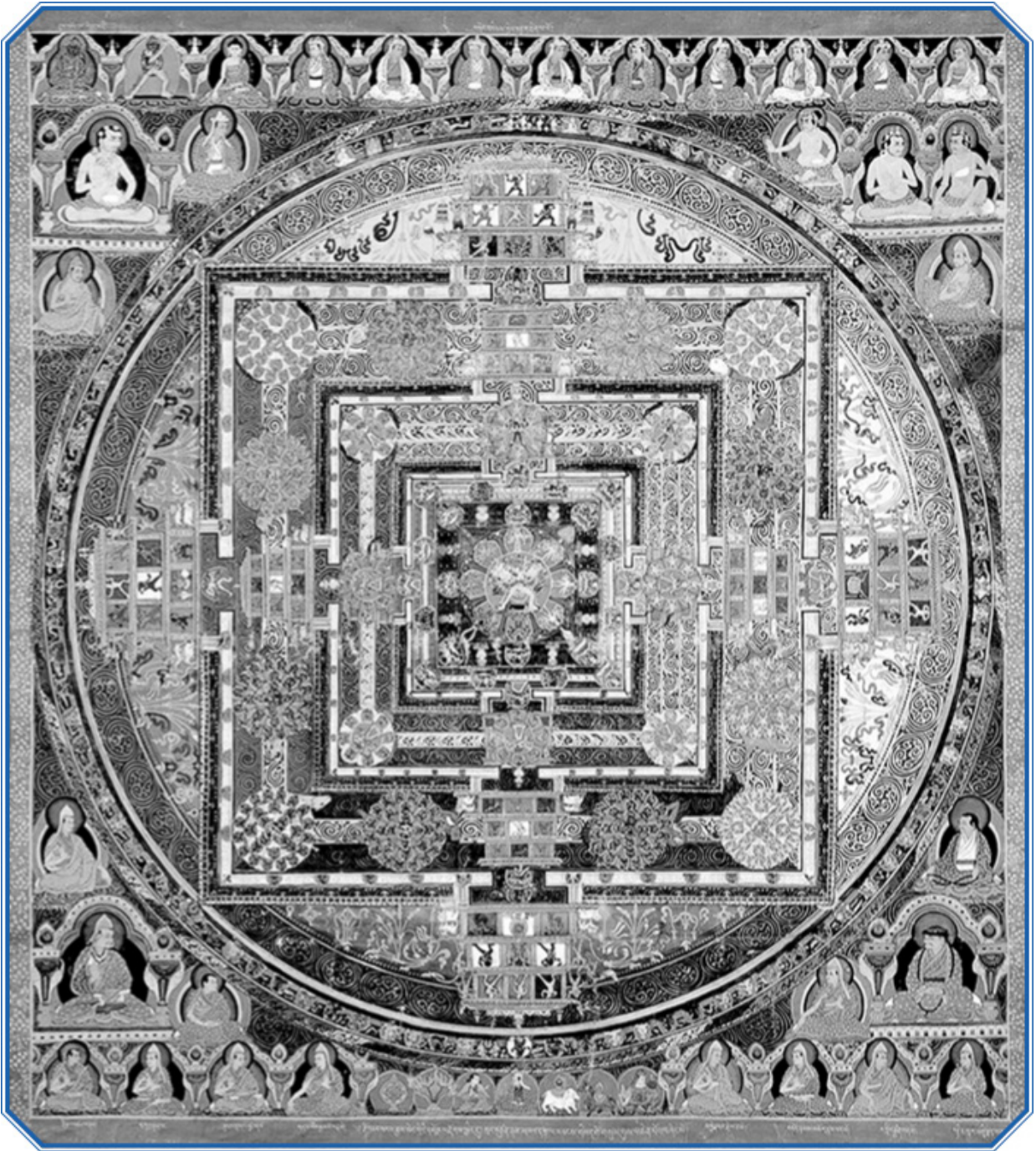
Пошел человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

«Почему бежите вы, люди?»

«Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака».

И опять не увидели люди Майтрейю Будду. И увидели, чего каждый достоин.

Чуткие здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, чего хотите. Иначе вместо Бога увидите собаку.

Манда́ла Кала́чакры

Мандала означает «круг с наружными стенами». Она может быть нарисована или создана при помощи драгоценных камней, цветов, крашенного риса, цветных камешков или песка. И божество, находящееся в центре мандалы, и сама мандала являются собой чистое выражение полностью просветленного ума Будды. Мандала Калачакры, т. е. «Мандала Колеса Времени», создается для церемонии Калачакры — сложной практики инициации.

Церемонию осуществляет далай-лама обычно при большом стечении народа, хотя при этом не предполагается, что все присутствующие смогут понять и принять ее.

Суть и цель этой церемонии в том, чтобы способствовать вызреванию в умах семян просветления, преобразовывать разрушительные эмоции в мудрость. В соответствии с буддистскими воззрениями, построение мандалы Калачакры благотворно влияет не только на присутствующих на церемонии, но и на судьбу страны, где она проводится, и всех людей, ее населяющих, а значит, и на все человечество. Церемония Калачакры посредством создания, а затем разрушения мандалы, очищает пространство и вносит гармонию в отношения между людьми, направляя их помыслы к идеалам мира и созидания.

Старый настоятель Ташидинга рассказывал:

«Наш храм очень стар. Уже много лет я оставался на ночь в храме, кончая и начиная день в молитве. Однажды я имел сонное видение. Две женщины, одетые по-тибетски, предупредили меня о необходимости спешно выйти из храма. Я последовал, и не успел я выйти из двери, как рухнула вся стена, около которой я спал. Так Благословенные Тары спасли мою скромную жизнь. И приняли они в видении вид тибетских

женщин, чтобы не испугать меня. Время Шамбалы приходит, и много замечательных знаков будет явлено».

Старый настоятель знал много других явлений. Он слышал беззвучные голоса, подобно великому отшельнику Миларепе. Он слышал полет невидимых птиц и пчел. В день нашей беседы перед зарею он имел видение: по вершинам гор зажглись гирлянды огней.

Огненные знаки сопровождают эру Шамбалы.

Говорю так, как слышал на месте видений. Нас не должна отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах.

Насколько надо понять местную чувствительность, вы увидите из следующего случая, бывшего с нами. Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

«Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря».

Так мы получили давно желанное изображение.

Или другой незабываемый случай около Гума. Мы четверо после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидали на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует. Что в портшезе носят лишь далай-ламу, таши-ламу и высоких покойников. Что корона надевается лишь во храме. При этом мы шептали: «Верно, мы видели ламу из Шамбалы».

Другой тибетский лама во время посещения памятных мест Индии около станции Амбала встретил в вагоне индусского садху, не знавшего по-тибетски. Случайно лама заговорил с садху по-тибетски, а тот

ответил ему на индустани, и оба поняли друг друга. Когда лама рассказывал нам про эту необычайную беседу, он добавил:

«Только во время Шамбалы языки будут понимаемы без знания слов и знаков. Мы слышим и понимаем не внешним звуком и видим не телесным глазом, но третий глаз – глаз Браммы, это есть глаз всезнания. Во время Шамбалы мы не будем нуждаться в телесном глазе. Мы будем в состоянии пользоваться великими скрытыми силами».

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балю и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Канченджанги и сказал:

«Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священного места. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там».

Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях.

Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхасе, старый ученый лама, лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

«Стэтсмэн», наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора:

«Во время странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но к его еще большему удивлению его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему:

«Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну».

Мы спросили ламу об этом рассказе о снежных людях, и опять ответ пришел удивительно спокойный и утвердительный.

«Очень редко можно увидеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых гималайских областей. Там скрыты священные ашрамы^[40] Махатм^[41]. Раньше даже в Сиккиме находилось несколько подобных ашрамов».

«О, – добавил он, – эти мудрые Махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии».

К нашему удивлению, наш друг упомянул историю, которая уже вошла в западную литературу, как один из Махатм по какой-то неотложной причине предпринял спешную поездку в Монголию, оставаясь в седле по шестидесяти часов.

Какое это особое ощущение, когда в далеких горах в живом изложении вы слышите то, что вы на далеких страничках книг видели за океаном. Этот простой рассказ без всякого личного повода дает особое убеждающее впечатление.

Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы Махатм не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Вы, может быть, спросите меня, почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высоко поучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности. В индусской литературе в Вишну Пуране вы можете найти указания, которые одинаково будут понятны как изучающим учение Махатм, так и преданным ученикам мудрости Шамбалы.

В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества. О священном городе Калапа и о попытках Архатов^[42] поднять спящий

человеческий дух один раз в каждом столетии. Мы видим в учении Великих Махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустани, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и во множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего.

Иногда вы можете даже подозревать какие-то общемессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее мессианизма и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий.

В основных учениях Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змия, окружающего землю и переносящего тяжести для человечества, узнаются символы железных дорог. Под символом летающих железных птиц можно понять аэропланы. В указаниях на жизни на различных звездах и в намеках на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой; жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов.

Действительно, так странно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Но должны не забыть, что уже Будда пришел поднять падающую и извращенную культуру и указать на тончайшие космические энергии. Лишь совсем недавно в области Карачи и Лагора^[43] были найдены остатки древних городов от 5000 до 6000 лет, показывающие на высокую древнейшую культуру Индии. Эта культура напоминает одну из культур суммарийских или эламских. Много цилиндров с надписями, напоминающими вавилонские, найдены в этих развалинах; и, когда их удастся прочесть, они, вероятно, дадут новую страницу человеческой жизни. Без этих открытий еще совсем недавно расцвет индусского средневековья обрывался на нескольких столетиях до нашей эры.

Белая Тара

Тара — женщина-бодхисатва, «Спасительница». У нее семь глаз — на обычном месте, а также на каждой ладони и ступне и во лбу, что символизирует ее всеведение о страданиях всей Вселенной. Белая Тара считается целительницей. Ее изображают с цветком лотоса в левой руке. От нее исходит белый свет.

Голоса древних сказаний и позднейшей записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды.

Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспристрастном изучении оказываются родственными.

Пример. Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Но уже Ориген, один из самых ранних писателей христианских, упоминает буддистов в Британии. Конечно, проповедники царя Ашоки могли проникать даже к далеким британским островам. Культ змия Шот-ландии имеет аналогии с культом китайского дракона и со змием Индии. Всемирный знак креста проходит все тысячелетия, через Египет, через свастическую к несказуемой древности.

С особым ощущением слушаете вы старые пророчества и сказания, которые являются для образованных лам и браминов мудрым учением жизни.

Чтобы войти в эту атмосферу, послушаем отрывки из Вишну Пуран и перевод тибетских пророчеств.

Среди заветов Дзонкапы находится сообщение, что архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Сказано, что лишь когда таши-лама согласится быть рожденным в стране Пелингов^[44], т. е. на Западе, и явится как духовный воитель, только тогда будут разрушены ошибки и невежество веков.

В 1924 году из Тибета пришла в Сикким м-с Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гэсэр-хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, Владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гэсэр-хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхасы от нечестивцев. В своей статье «Будущий герой Севера» Дэвид Ниель говорит:

«Гэсэр-хан – это герой, новое воплощение которого произойдет в Северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их Владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвященными».

Владыка Гэсэр-хан идет с непобедимым войском, чтобы уничтожить нечестивые элементы Лхасы, и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. В Тибете мы могли удостовериться в распространенности этого предания. Нам говорили о дворе Гэсэр-хана в Каме, где собраны мечи его воинства, служащие балками этого замка. Стрела – это знак Гэсэр-хана. Стрела – это молния, и наконечники стрел, находимые в полях, принято считать отвердевшей громовой стрелой. Война объявляется посылкою стрелы. Приказ о вооружении, как мы видели, наворачивается на стрелу. Гэсэр-хан вооружен громовыми стрелами, и сужденное войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира.

Тот, кто умеет читать тайные руны, поймет, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Вспомним тибетские пророчества о Шамбале и о Майтрейе.

Пророчества о Шамбале и Майтрейе

Сокровище с Запада возвращается. По горам зажигаются огни радостей.

Посмотрите на дорогу – идут носящие камень. На ковчеге знаки Майтрейи.

Из Священного Царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания.

Знаками семи звезд откроются Врата.

Огнем явлю Моих посланных.

Соберите предуказания счастья вашего.

Так исполняются предсказания предков и писания мудрых.

Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу.

Дам Мой знак молнии.

Указ Гэсэр-хана

«У Меня много сокровищ, но могу дать их Моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копие спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством Мои сокровища поровну и живите в справедливости.

Тому Моему Указу скоро поспеть над всеми пустынями.

Когда золото Мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать Мое Имущество.

Тогда заготовит мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю».

«Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но Истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их».

Так заповедано.

Приходящий Майтрейя изображается со спущенными ногами – символ спешности.

Явление Майтрейи сказано после войн, но последние войны будут за истинное Учение.

Причем каждый восставший против Шамбалы будет поражен во всех делах своих. И волны будут смывать дом его, и даже пес не придет на зов его.

Не тучи, но молнии будет видеть он в последнюю ночь.

И огненный Вестник встанет на столбах Света.

Учение указывает, как каждый воин Шамбалы наречется непобедимым.

Сам Владыка спешит, и знамя Его уже над горами.

Благословенный Будда посылает вам Любимого Майтрейю, чтоб вы могли приблизиться к Общине. Ваши пастбища протянутся на заповеданную землю.

Когда вы стережете стадо, не слышите ли голоса в камнях? Это работники Майтрейи готовят для вас сокровища.

Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майтрейи летят на защиту?

Когда молния озаряет ваши улыбки, знаете ли вы, что это свет вашего желанного Майтрейи?

Кому же поручается стража в первую ночь? – Вам.

К кому же направляются Мои посланные? – К вам.

Кто встретит их первыми? – Вы.

С запада, с гор придут Мои люди. Кто же примет их и сохранит их? – Вы. Молите Тару побыть с вами.

Желайте сердца омыть до прихода Моего. Каждый узнавший о Моем желании покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красной тесьмою.

Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где Моя чаша, там ваше спасение.

На горах зажглись огни, приходит новый год. Кто проспит, тот более не проснется.

Северная Шамбала идет.

Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния.

Дуккар многоокая и многорукая посылает вам чистые мысли.

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями.

Раз, два, три – вижу три народа. Раз, два, три – вижу три книги. Первую – Самого Благословенного, вторую – явленную Асвагошею, третью – явленную Дзонкапой.

Раз, два, три – вижу три книги Прихода Майтрейи. Первая написана на Западе, вторая написана на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три – вижу три явления. Первое с мечом, второе с законом, третье со светом.

Раз, два, три – вижу три коня. Первый черный, второй красный, третий белый.

Раз, два, три – вижу три корабля. Первый на воде, второй под водою, третий над землею.

Раз, два, три – вижу три орла. Один – сидящий на камне, второй – клюющий добычу, третий – летящий к солнцу.

Раз, два, три – вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый – серебряный.

Утверждаю, что Учение вышло из Бодхгайя^[45] и вернется туда.

Когда шествие с Изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к Первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбала.

Тогда можем получить пользу от произнесения этого слова.

Тогда мысль о Шамбале даст пищу, тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

И великое и малое проникнется понятием Учения.

Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю – непобедима Шамбала.

Завершился круг несения изображения.

В местах Будды, в местах Майтрейи пронесено Изображение.

«Калагия» – произнесено.

Как знамя, развернулось Изображение.

Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о священной Шамбале.

Обойдет знамя Шамбалы срединные земли Благословенного, признавшие его возрадуются и содрогнутся отвергшие.

Спросит таши-лама великого далай-ламу, что суждено последнему далай-ламе.

Отвергнувший будет предан суду и забвению, и пойдет воинство под знаменем Майтрейи, и станет город Лхаса омраченным и пустым.

Восставшие против Шамбалы низвергнуты будут.

Субурган в честь Шамбалы, построенный в лагере экспедиции на Шараголе

Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли Нового Мира для затемненных и, как огненное солнце, для понявших.

Найдет таши-лама великого далай-ламу, и скажет далай-лама:

«Пошлю тебе лучший знак мой – молнии, иди и прими Тибет. Кольцо сохранит».

Вспомним также индусские традиции.

Калки Пураны указывает Калки Аватару, который придет:

«По желанию вашему, я буду рожден в месте Шамбала... Я снова поставлю на земле двух владык – Мару и Девапи. Я утвержу опять сатьяюгу и восстановлю Дхарму в ее прежней силе. После поражения калиюги я возвращусь в мое местопребывание».

Вишну Пураны продолжают:

«Девапи и Мару... живущие в месте Калапа, исполненные великой йогической мощи, в конце калиюги восстановят Варну и Дхарма Ашрам, как ранее».

Шримад Бхагавата в книге VI говорит:

«Эти Великие Риши и другие великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам». Шанкарачария в его Вивека Чудамани говорит:

«Эти Великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество».

Вишну Пураны говорят о конце калиюги, когда варвары будут владеть берегами Инда:

«И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко злу. Они будут убивать женщин и детей... Они отнимут собственность подданных. Жизнь их будет коротка и вожделения ненасытны. Люди разных стран соединяются с ними... Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир.

Имущество станет единым мерилom. Богатство будет причиной поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Женщины станут лишь предметом вожделения. Богатый будет считаться чистым. Роскошь одежд будет признаком достоинства...

Так в калиюге будет постоянное падение... И тогда в конце черного века явится Калки Аватара... Он восстановит справедливость на земле... Когда Солнце, и Луна, и Тишья, и Юпитер будут вместе, тогда вернется Сатиа – век белый».

Агни Пураны говорят следующее:

«В конце калиюги смешаются касты. И будут процветать разбойники без пощады. Под личиною религии будут проповедовать ересь. И злые духи под видом владык будут раздирать людей. В доспехе вооруженный Калки, сын Вишнуяши, уничтожит злых духов, восстановит порядок и достоинство и поведет народ по пути истины. Исполнив это, он оставит облик Калки и вернется в высшие сферы. После чего Критаюга установится, как ранее».

Продолжим наше хождение пилигрима через Бенарес, где, сказано, будет рожден Майтрейя. Пересечем старую дорогу на Кадарнат, ведущую к Великому Кайласу, местопребыванию мощных отшельников, и к путевому знаку на Шамбалу. Пройдем затем Лагор с соседними старинными областями.

Дойдем до Кашмира, где трон Соломона и так называемая гробница Иисуса. В Кашмире жили великие подвижники первоначального буддизма – там произносилось имя Майтрейи.

Достигнем границы Ладакха. В Драсе, в месте с рисунками старого неолита на скалах, мы найдем первое изображение Майтрейи. Рядом с ним на камне можно увидеть изображение всадника. Опять великий всадник Калки Аватар Индии и Майтрейя, завещанный буддизмом, стоят вместе, на одном пути, благословляя путников.

В Маулбеке, в древнем месте, наполненном развалинами, можно вспомнить о прекрасном прошлом. У самой дороги, где с древнейших времен проходят караваны, мы были приветствованы величественным изображением Майтрейи, вероятно изваянным рукой индуса.

На обратной стороне скалы китайская надпись. Не есть ли это то самое замечательное изображение, которому Фа Сянь, знаменитый китайский путешественник, посвятил почтительное описание в своих записках.

Даже в Ламаюру, в этом старом месте бон-по, – этой необъясненной еще полушаманистской религии, – к нашему великому изумлению, мы нашли изображение Майтрейи.

Странно было найти его в храме бон-по, где даже отрицается сам Будда. Но этот призыв к будущему, как видно, проникает даже в самые неожиданные места.

В Саспуле – еще более древнее изображение Майтрейи, не моложе шестого века. Старый лама, показывая нам эту достопримечательность, шептал о скором наступлении новой эры. В этом маленьком уснувшем месте, окруженном развалинами прежних крепостей и храмов на вершинах гор, было так странно слышать о блестящем будущем. Но именно эта преданность будущему дает даже заброшенным местам не только смысл о прошлом, но делает их путевыми вехами к сужденным достижениям.

Только покажите старому ламе, что вы понимаете его говор не только грамматически, но и внутренно, и он добавит вам еще многие

замечательные указания. Если же покажете ему еще пророчества, полученные вами в Индии или Сиккиме, посмотрите, с каким оживлением попросит он у вас разрешения списать их. Будьте уверены, он не сохранит их только для себя, но бродячие ламы понесут к другим одиноким местам эти знаки возрождения.

Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей Спитуг.

Старший лама этого монастыря, видимо, сомневался, как принять нас и о чем беседовать с нами. Так что первый момент нашего посещения был довольно сдержан. Но мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенного ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. Вместо натянутой беседы мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренно огорчены, когда пришло время оставить их. Шептали они:

«Кто-то с Запада – и знает о Шамбале: это знак нового времени!»

В Лех, столице Ладакха, особенно много собралось воспоминаний о Гэсэр-хане и Шамбале. Ладакх считается родиной Гэсэр-хана, и махараджи Ладакха ведут свой род от этого героя. Много прекрасных романтических песней и сказаний посвящено великому герою Гэсэр-хану и его жене Бругуме. Здесь в Ладакхе вы можете видеть на высоких скалах белую дверь, ведущую в замок Гэсэра. Здесь же на скале изображение огромного льва, соединенное с тем же героем. А на дорогах вы можете видеть разнообразные изображения Майтрейи, и грубые, и заботливо обработанные.

В самом Лех около храма Будды и Дуккар, Матери Мира, находится особый, очень тонко украшенный храм, посвященный Майтрейе. В молчании сумерек высокого храма вы различаете на стенах тонко написанные изображения бодхисатв^[46]. А в середине, высотой в два этажа, опять готовый сойти с трона, высится сам Великий Майтрейя. Этот храм особенно украшен. И вы видите какое-то особое почитание лам около великого изображения.

Один из наших западных друзей, невежественный в делах буддизма, смотря на тханку Шамбалы, сказал мне: «Мне кажется, что это совершенно обыкновенное тибетское знамя».

Я спросил его:

«Если это совершенно обыкновенное изображение, как часто и где именно вы видели этот сюжет?»

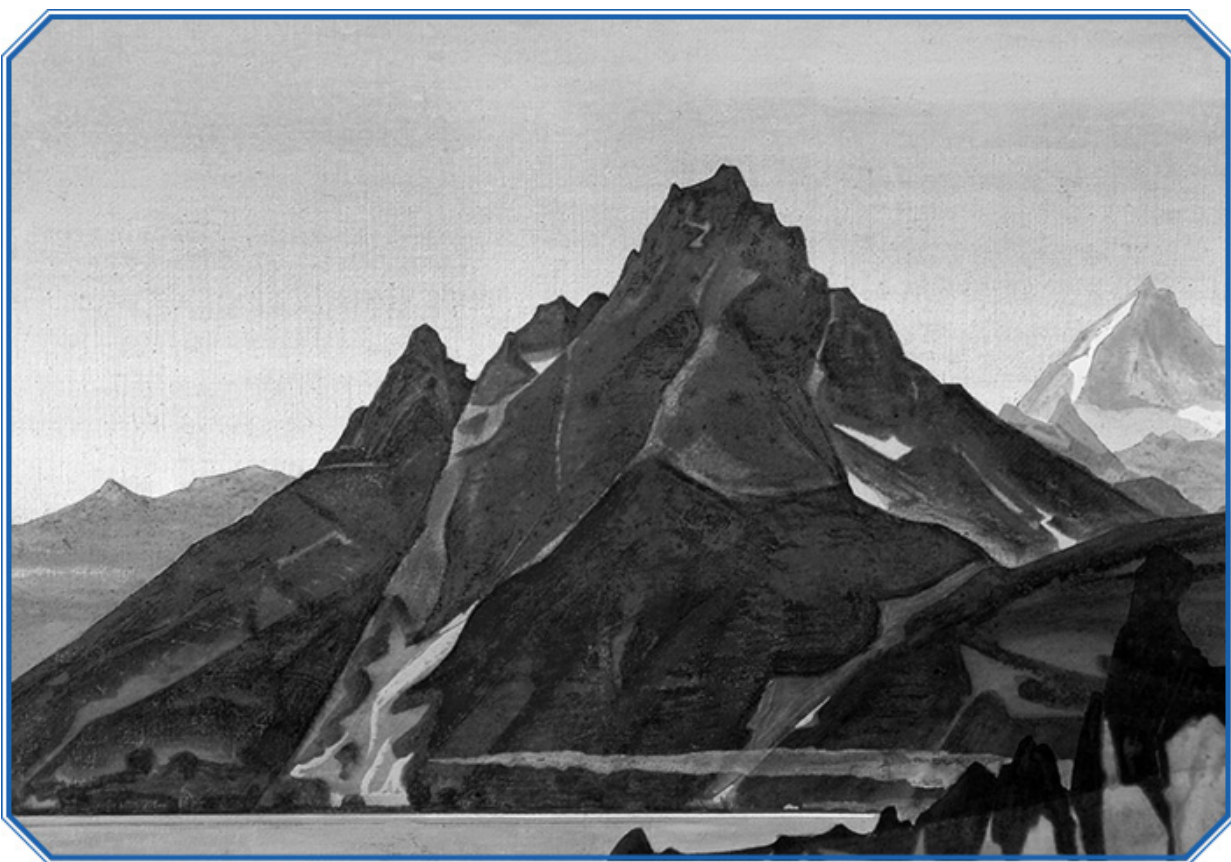
И он признался простодушно:

«Конечно, может быть, не совсем этот, но какой-то такой же с какими-то Буддами».

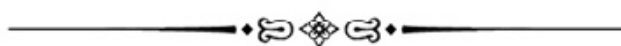
Когда вы знаете сложное значение восточных символов и буддистской иконографии, тогда особенно странно слышать такое легкомысленное замечание о «каких-то Буддах». Вы можете представить себе, какое впечатление может произвести этот господин, толкующий «о каких-то Буддах», в восточном храме, где он начнет простодушно обсуждать неизвестные ему вещи. Для некоторых людей каждый, сидящий со скрещенными ногами, – уже Будда. А ведь через это незнание происходили тяжкие недоразумения.

Один образованный буддист рассказывал нам, как он спас трех немцев, которые вошли в храм с сигарами во рту, и добродушная толпа немедленно обратилась в бешенство, и кровопролитие казалось неминуемо.

Мы должны знать не только потому, что мы не должны оскорблять чувства иноверцев, но потому, что мы должны расширять свой взгляд и тем получать радость истинного знания.

Н. К. Рерих. Озеро Нагов

Озером Нагов называется священное пресное озеро Манасаровар, или Мапам-Юмцо, на Тибетском нагорье в 950 км к западу от Лхасы. Озеро расположено на высоте 4557 м над уровнем моря; рядом с ним бьют горячие источники.

По легенде, озеро Манасаровар — первый из сотворенных в сознании Брахмы объект, поэтому оно — место паломничества. Омовение в нем или глоток его воды дают прощение грехов. Вокруг озера совершаются ритуальные обходы — коры.

Вспомним некоторые ладакхские песни на религиозные темы. Прежде чем мы приблизились к суровому Сассеру и Каракоруму, в последний раз мы встретили изображение Майтрейи в пограничном монастыре Сандолинг. Этот монастырь знаменит тем, что на скале за ним лучи заходящего солнца очень часто создают удивительные облики. Это очень старый и даже внешне уже ветшающий монастырь. И тем неожиданнее было найти здесь совершенно новое изображение Майтрейи, Шамбалы и Дуккар. Глядя на эти новые изображения, можно представить себе, куда движется местная современная мысль.

В продолжение многодневного прохода через необитаемое нагорье, конечно, нельзя ожидать найти какие-либо следы религиозной жизни. Тем не менее даже около ледников несколько раз обстоятельства напомнили нам великие имена будущего.

Поздним вечером, как раз перед переходом скалистого Караул-Давана, нас посетил неожиданный гость, старый седобородый мусульманин. Окруженные огромными скалами, сидя перед входом в палатку, залитые яркой луной, мы беседовали о Коране и Магомете. Он говорил нам о том, как Магомет уважал женщину. Затем он говорил о манускриптах и легендах об Иссе, лучшем из сынов человеческих. Исса – это Иисус. Он говорил, как мусульмане жадно собирают всеми способами все относящееся до Иссы. После Иссы мы толковали о Мунтазаре, этом соответственном понятии индусскому Калке Аватаре и Майтрейе буддистов. Наш неожиданный друг вошел в полный энтузиазм. На его губах имя Майтрейи звучало с тем же уважением, как и имя Мунтазара. Будущее единение мира, будущие радости взаимного понимания звучали в его надеждах.

Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам тханку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах Владыки Шамбалы, о его чудесном перстне, обладающем великими силами.

Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого Владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко.

Может быть, говорится, как Благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладакха появляется могущественный Владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости.

В Ладакхе впервые мы встретились с замечательным обычаем лам. В ненастную погоду они всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие изображения коней в помощь страждущим путникам. Вспомнилось сказание Северной Двины, где Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился, сидя на высоком берегу мощной реки. Знаки человеколюбия!

Спускаясь с гор к пескам Такла-Макана, встречая только мусульман, сартов или китайцев, видя лишь мечети и китайские храмы Хотана, вы не можете ожидать что-либо о Шамбале. Но именно здесь мы встретились с еще одним ценным указанием. Вокруг Хотана имеется много развалин старых буддистских храмов и ступ. Одна из этих древних ступ окружена сказанием. Указывается, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы будет излучаться таинственный свет.

Указывается, что этот свет уже был виден.

Много калмыков из Карашара приходят оказать почтение этому месту. Также указывается, что через эти именно места сам Будда проходил во время пути своего к Алтаю.

Во время наших стоянок в Яркенде, Кашгаре и Кучаре мы слышали такие сказания:

«В Кашгаре жил святой человек. На заре он слышал, когда поют петухи в далекой священной стране, за шесть месяцев пути отсюда».

Между Марал-Баши и Кучарами наш конюх Сулейман, указывая на гору к юго-востоку, говорил:

«Вот за тою горою живут святые люди. Ушли они от мира, чтобы спасти людей мудростью. Многие ходили в их страну, но мало кто

дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу».

Вы легко можете понять, что эти сказания имеют в виду то же самое место Шамбала. Даже географическое направление, даваемое при этих рассказах, относится к местонахождению средоточия всех народов.

После мусульманских городов и пустых пещерных храмов существующий и теперь буддизм показался в области Карашара.

Карашар является не только средоточием карашарских калмыков, но и последним упомянутым историографами местопребыванием чаши Будды. Чаша Благословенного была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. «Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы».

Пурушаиура, или Пешавар, некогда был городом чаши Будды. Принесенная туда после смерти Учителя, чаша в течение долгого времени была предметом преклонения. Во времена китайского путешественника Фа Сяня, около 400 года нашей эры, чаша еще находилась в Пешаваре, в нарочно для нее выстроенном монастыре. Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее.

Во время другого китайского путешественника Сюанцзана, около 630 года нашей эры, чаши уже не было в Пешаваре. Она была в Персии или уже в Карашаре.

Чаша Будды чудотворна и неистощима – это чаша жизни.

Вспомним о почитании чаши бессмертного напитка, о борьбе из-за которого так поэтично повествует Махабхарата. Индра берет от царя Нагов чашу и относит ее на небо. У мусульман в Кандагаре есть тоже своя святая чаша.

По персидским сказаниям, когда Джемшид стал рыть основания города Истакара, была найдена волшебная чаша «Дшами Джемшид», из бирюзы, полная драгоценного напитка жизни.

Сказания Соловецкого монастыря о ветхозаветных лицах упоминают чашу Соломона: «Велика чаша Соломона, сделана из драгоценного камня. В ней написаны три стиха самарейскими письменами, и никто истолковать их не может».

В Харране имеется священная чаша Фаа Фага. Из нее пьют принимающие участие в мистерии и на седьмой день возглашают:

«Учитель, да возвестится неслыханное!»

В обрядах ведизма, буддизма, маздоизма – всюду является священный символ чаши жизни.

Джатака рассказывает о происхождении чаши Будды:

«Тогда с четырех стран пришедшие четыре хранителя мира поднесли чаши, сделанные из сапфира, но Будда отказался. Снова они предложили четыре чаши, сделанные из черного камня мугаванна, и он, полный сострадания к четырем учениям, принял четыре чаши. Одну в другую поставил и приказал: да будет одна! И края четырех чаш стали видимы только как черты. Все чаши вошли в одну чашу. Тогда Будда в эту новосделанную чашу принял пищу и, насытившись, совершил благодарение».

Лалита Вистара, рассказывая о таинстве чаши Будды, приписывает Благословенному следующие значительные обращения к царям принести чаши: «Поклонись чашею Будде, и ты будешь в чаше, как в сосуде познания». «Предложив чашу нам подобному, не будешь оставлен ни памятью, ни суждением». «Кто дает чашу Будде, тот не будет оставлен ни памятью, ни мудростью».

Эта чаша – ладья жизни, чаша спасения – скоро снова должна быть найдена. Так знают в пустынях.

В Карашаре мы встретили Таин-ламу, вождя карашарских калмыков. Он также окружен легендой, что он является перевоплощением знаменитого Санген-ламы из Шигатзе, первого министра Таши-ламы, который был замучен лхасским правительством по обвинению в измене за сношения с известным путешественником Чандра Дасом. Интересно вспомнить, что старый Санген-лама предсказал свой конец и даже заказал изобразить в стенописи то озеро, в котором он затем был утоплен. Также он предсказал, что он скоро опять воплотится в калмыцкой стране, и на колене Таин-ламы имеется тот самый характерный дефект, которым отличался покойный Санген-лама.

В великом изумлении глава калмыков Таин-лама услышал от нас о Шамбале. Он воскликнул:

«Истинно, великое время пришло, вот вы приходите с запада и вы знаете величайшую мудрость. Мы все готовы пожертвовать все наше

имущество, решительно все, что может служить на пользу Шамбале. Все всадники будут на конях, когда Благословенный Ригден-Джапо пожелает иметь их».

Когда приближаетесь к Турфану, то еще большее количество легенд доходит до вас. Древние буддистские пещерские храмы, подземные ходы, наконец старые подземные арыки для орошения, – все это придает необычайность этой местности. Опять все это приводит к тому же понятию о далекой священной стране, где живут мудрые люди, готовые помочь человечеству.

Рассказывается:

«Из пещеры как-то вышел незнакомый человек, высокий и не в нашей одежде. Пришел на базар в Турфан. Хотел овощи купить, только дает за них золотую монету, а как рассмотрели ее, видим, что таких денег уже тысячу лет как не бывало. Этот человек пришел из Святой Страны».

Или говорят:

«Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу – помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из Святой Страны».

«Несколько всадников совсем особого вида были видны около пещеры. А затем исчезли они. Должно быть, ушли через подземный ход в свою страну. По их ходам даже на коне проехать можно».

И сколько таких неизвестных всадников-посланцев привлекает внимание.

Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где серебрится снегами хребет:

«Вот там священная наша гора Саур. С вершины ее в ясные дни видны горы Священной Страны. Под горою засыпан песком город Аюши-хана^[47]. Можно видеть еще и стены, и храмы, и субурганы».

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников – финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя – Ойротия. Страна Благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И еще чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали.

В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам Благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана^[48] и придет сам Бурхан скоро.

Пророк Исса с ангелами.
Старинная турецкая миниатюра

Дал Благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания Благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали

вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

Вы, живущие за белыми облаками,
За синими небесами —
Три Курбуста́на!
Ты, носящий четыре косы —
Белый Бурхан!
Ты, Владыко Алтая —
Белый Бурхан!
Ты, населяющий вокруг себя
Народы, в золоте и серебре,
Белый Алтай!
Ты, сияющий днем!
Ты — солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты — месяц Бурхан!
Пусть зов мой запишется
В священную книгу Садур!

Местная администрация смутилась, узнав об этой новой вере, как они называли ее. Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жестокому преследованию. Но наставления Благословенного Ойрота не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растет вера в Белого Бурхана. В разбросанных юртах шепчется легенда, что на реке Катунь произойдет последняя битва людей, и что из-за далекой Белой Горы сияет уже свет Белого Бурхана. И при этих словах головы собеседников обращаются на юг от Алтая, туда, где далеко вздымаются высочайшие горы, сверкающие в снежном уборе. Такое случилось среди ойротов в Алтайских горах.

В тех же горах и другое чудо замечено, и опять в направлении Шамбалы и светлого будущего. В тех же алтайских округах живет много староверов. Века тому назад они скрылись в темных лесах, спасая свою старую веру от новых законов Никона, а затем Петра.

В чистоте и строгости еще соблюдается там старинная вера. Они имеют свои иконы и своих начетчиков и блюдут свои молитвы и

обычай. И даже при последних событиях в Сибири этот край внутренне был мало затронут.

В середине XIX столетия необычайная весть была принесена к алтайским староверам:

«В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье».

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту.

Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям.

Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

«Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается.

Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать».

Когда вы сообразите названные географические имена, вы легко поймете их смысл. Иртыш и Аргунь произнесены правильно. Соленые озера, конечно, это озера Цайдама с их опасными переходами. Богогорше, или Богогорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда.

Кокуши – каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т. е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов. Это учение о Беловодье и теперь так сильно на Алтае, что всего шесть лет тому назад целая группа староверов отправилась на поиски священного места; до сих пор они не вернулись. Но когда мы проходили Алтай в 1926 году, некий ойрот принес письмо от одной женщины, ушедшей в той же группе. Она сообщает родственникам, что они еще не достигли святого места. Но все же полны надеждами дойти до него. Она не могла сообщить, где она живет сейчас, но говорит, что жизнью довольна. Итак, опять легенда и сказка переплетаются с жизнью. И эти люди твердо знают о Беловодье – Шамбале. И они шепчут путь к Гималаям.

Когда мы пересекали Алтай, несколько школьных учителей пришли к нам, шепча вопрос:

«Неужели вы из Индии? Расскажите нам, что вы знаете о Махатмах?»

И глаза жадно ловили ответ, и они схватывали каждый намек из учения Великих Махатм. И опять тихо говорили они:

«Мы не одни, нас много. И мы только мечтаем об этом учении!» – И это было в диких горах, в глухих лесах.

Странную повесть слышали мы. Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении Махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания.

Опять к тому же источнику.

Уже покидая Алтай для Монголии, я слышал священный стихирь, напевно сказанный пожилым старовером.

Старик поет:

«А прими меня, пустыня тишайшая». —

«А и как же приму я тебя, царевича?

Нет у меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат». —

«А и не нужно мне ни палат, ни дворцов».

Маленький пастух на горе поет:

О Учитель мой любимый,
Почто Ты покинул меня?
Ты покинул меня, сироту,
Провести в печали все мои дни.
О пустыня прекрасная!
Прими меня в свое лоно.
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.
Я бегу, как от змея,
От земной славы и прелести,
От богатства и палат блестящих.
О пустыня возлюбленная, прими меня!
Я пойду в твои поля
Дивиться на свету чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до скончания дней моих.

Я распознал в этом напеве старый стихирь о Иосафе, сыне царя. Это был старинный напев о жизни Будды, причем жизнь Учителя была представлена под именем жизни Иосафа, сына царя Индии. Иосаф, Иосафат – это измененное бодхисатва, искаженное в арабском произношении.

Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит:

«Вот здесь и ушла чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела чудь остаться под Белым царем. Ушла чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять чудь, со всеми добытыми сокровищами».

В Бурятии и в Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты.

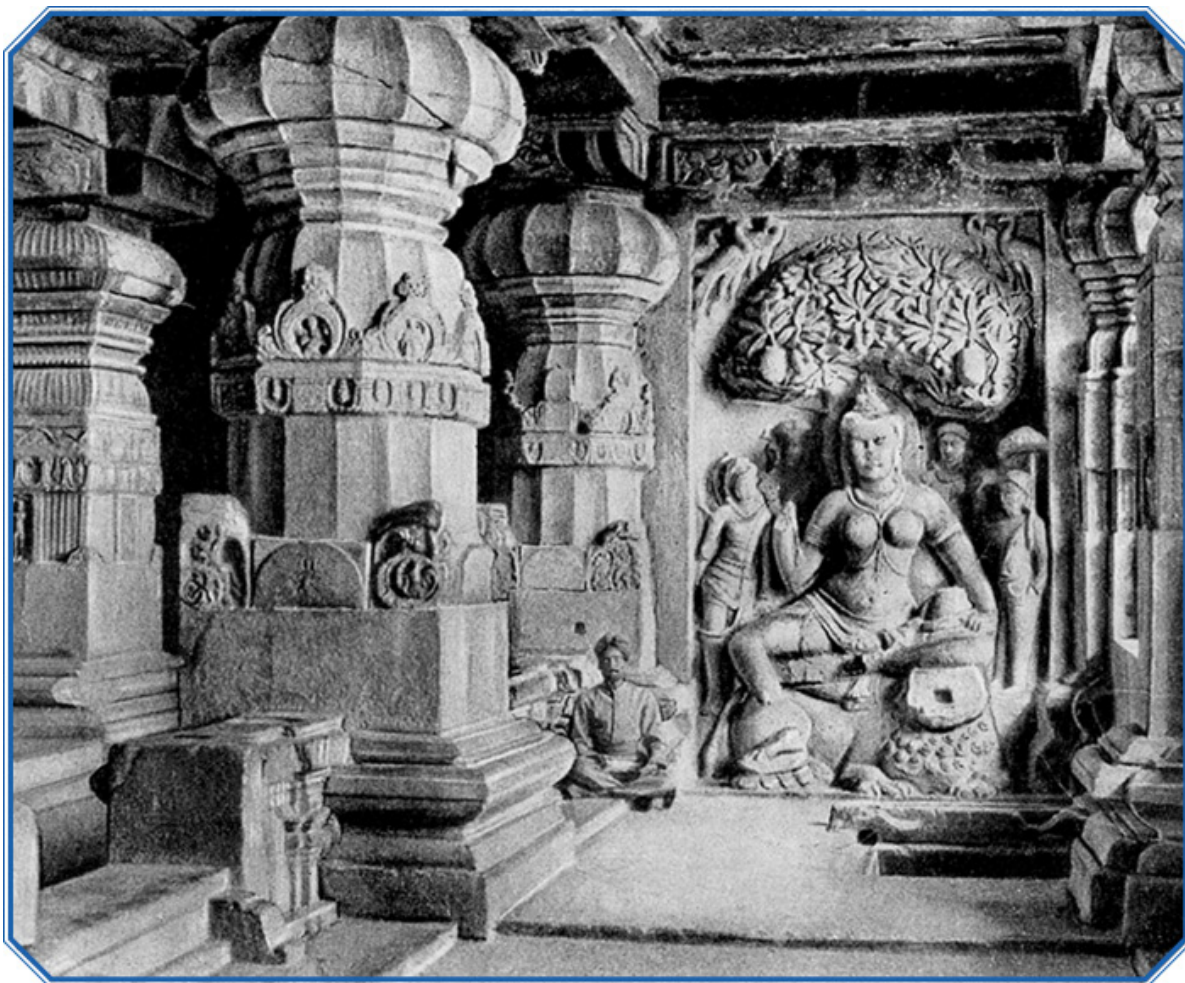
Когда мы приближались к Урге, столице Монголии, мы должны были переночевать на берегу реки Иро. Поздним вечером на другой стороне реки засветились какие-то огоньки. Мы спросили о них и получили совершенно необычайный ответ:

«Там стоит большой монастырь, и сейчас он доставляет много хлопот Монголии. В прошлом году около этого монастыря родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, как он сказал по-монгольски замечательное пророчество о будущем. А затем больше ничего не говорил, как обычный ребенок».

Видите, вот опять весть о будущем.

Когда мы вошли в Ургу, около одного храма мы заметили окруженное тыном пустое место.

«Что это?»

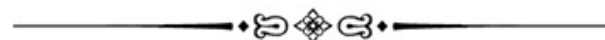

Пещерный храм Индры Сабха в Эллоре

Индра — в индуистском пантеоне бог-воитель, громовержец, владыка, царь богов, покровитель военной дружины. В древнегреческом пантеоне ему соответствует бог грома и молнии Зевс, в древнеславянском — Перун.

Одно из великих деяний Индры — одновременно являющееся и подвигом, и грехом, — победа над гигантским драконом Вритрой, из черепа которого Индра сделал себе чашу, — сюжет, прекрасно известный и в славянских землях.

И опять неожиданный ответ:

«Это место будущего храма Шамбалы. Какой-то неизвестный лама пришел и приобрел это место для будущей постройки».

В Монголии не только много образованных лам, но даже много светских людей и членов правительства могут сообщить вам немало замечательных подробностей об этих вопросах.

Когда мы показали некоторые из привезенных пророчеств о Шамбале лицу, близкому монгольскому правительству, он воскликнул в величайшем изумлении:

«Но ведь это то самое пророчество, которое сказано мальчиком на Иро! Поистине, великие времена приходят».

А затем он рассказал нам, как совсем недавно молодой монгольский лама из Улясутая написал новую книгу о Шамбале, объясняя высокое значение Шамбалы для будущего и говоря о способах достижения этого замечательного места.

Другой очень интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Среди описания этого необычного пути попадались некоторые поразительно реалистичные подробности. Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже границы священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженных солью.

Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть. Другая маленькая подробность из этого же путешествия останавливает внимание. Когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно узким подземным ходом... Он встретил там двух людей, проводивших с большим трудом породистого барана, который нужен был для научных опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На улицах Урги проходит отряд всадников монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню.

«Что это за песня?»

«Это песня о Шамбале».

При этом рассказывают, как Сухе-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распеваётся сейчас по всем углам Халки.

Начинается она так:

Чанг Шамбагин Дайн.
Северной Шамбалы Война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно поднимаются в честь Шамбалы.

Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы.

Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину – «Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы», она была принята с совершенно особыми чувствованиями. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое правительству, спросило меня:

«Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам Благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине».

Такие совпадения с картиной и с пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

«Истинно, время Шамбалы пришло!»

Много других удивительных событий было рассказано образованными бурятами и монголами. Они знали о таинственном свете над Хотанским субурганом. Они говорили о будущем нахождении утраченной Чаши Будды. Много внимания уделялось чудесному камню,

упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями.

Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным камнем.

Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис – Блуждающий камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Волфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами:

«И этот камень называется Граль».

Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении Великим Махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один Эрдени-Цзу на Орхоне и другой Нарабанчи.

О посещении Махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели сведения в литературе, но приятно было узнавать совершенно те же подробности и от лам далекой Монголии. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм, и немедленно зажглись все лампы. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хувараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо-гэгэна^[49] и открыл свой лик. И все присутствующие узнали самого Благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и прибыли.

Другой рассказ о прибытии гималайского Махатмы в Монголию был сообщен нам членом монгольского Ученого комитета. Он сказал следующее:

«Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его

лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой.

Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному преемнику. Великие Держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из Великих Держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских нагорий в наши Монгольские степи.

Поездка была так спешна, что Держатель оставался в седле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как Великие Держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь Великому Будущему».

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах в седле вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии. В Монголии они называли Махатм Держателями и не знали, который именно из Махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии они не могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии. Кто приносит эти новости? Из каких тайных ходов появляются неведомые вестники? Встречаясь со скучною рутиною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

Звонят колокола верблюдов. Долгие пустынные переходы.

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки

Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом. Что-то прилежно выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор – это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому учению.

На высотах Шарагольчи, перед Улан-Даваном, на месте, где останавливался Махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы. Все наши ламы и мы сами носим камни и скрепляем их глиной с травой. Верх субургана строится из дерева и покрывается жестью из бензиновых банок. Мои краски служат для расцвечивания. Из гор Гумбольта привозится известь, – субурган сверкает белизною среди пурпура пустыни. Бурятский лама расписывает красным, желтым и зеленым многие узоры и изображения. Местные монголы привозят Норбу-Ринпоче, скромные дары – бирюзу, кораллы и бусы для вложения в субурган. Приезжает на освещение сам великий лама Цайдама. Монголы клянутся оберегать памятник Шамбале, если только китайцы, дунгане или верблюды не нарушат.

В. В. Верецагин.
Караван яков, груженных солью

День Шамбалы. У шатра Шамбалы ламы служат великому Ригден-Джапо. Перед изображением Владыки поставлено полированное зеркало. Из узорного сосуда на его поверхность льют воду. Струи сбегая по лику зеркала, покрывают его странным узором. Колеблется и живет поверхность. Символ магических зеркал, где выявляется будущее, пишет руны откровений.

Лама, проводник каравана, платком завязывает себе рот и нос.

«Почему? Ведь день не холодный».

Он поясняет:

«Теперь уже необходимы некоторые предосторожности, мы приближаемся к заповедным областям Шамбалы. Скоро мы встретим «сур», ядовитый газ, которым охраняется граница Шамбалы».

Наш тибетец, Кончок, скачет к нам и говорит шепотом:

«Недалеко отсюда, когда далай-лама следовал из Тибета в Монголию, все люди и все животные каравана начали дрожать, но далай-лама объяснил, что пугаться не следует, потому что караван

коснулся заповедной границы Шамбалы и воздушные колебания необычны для каравана».

Из Кумбума, с родины Тзон-Ка-Па, к нам приехал нирва монастыря со своим украшенным шатром и многоцветной свитой. Он привез нам подарок и передает знак Шамбалы. Рассказывает, как некоторые китайцы просили недавно таши-ламу выдать им паспорта в Шамбалу. Только таши-лама может делать это.

Только что таши-лама опубликовал в Китае новую молитву о Шамбале. Теперь все может быть достигнуто только через Шамбалу.

Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных.

Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается:

«Чувствуете вы ароматы Шамбалы?»

Солнечное безоблачное утро – сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу:

«Что там такое? Белый воздушный шар?»

«Аэроплан?»

И мы замечаем – на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут:

«Знак Шамбалы».

На сером фоне холмистой пустыни нечто белое сверкает на солнце. Что это может быть? Большая палатка? Или снег? Но в это время не бывает снега в пустыне. Это белое пятно слишком велико для палатки. И почему оно так резко отличается от всего окружающего?

Приближаемся. Белая масса оказывается еще большего размера, чем казалась. Это огромная белая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера – целое состояние для

дрогиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет:

«Это знак третьей границы Шамбалы».

Приближаясь к Брахмапутре, можно найти еще больше указаний и легенд, связанных с Шамбалой. И еще одно обстоятельство дает этим местам еще более убедительное впечатление: здесь в направлении к Эвересту жил провидец-отшельник Миларепа, слушавший перед восходом солнца голоса Дэв.

Ближе к области Шигатзе, на живописных берегах Брахмапутры и в направлении к священному озеру Манасаравар, еще совсем недавно существовали ашрамы Махатм Гималаев.

Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная Махатмами Индии. На этом дворе Гомпа произошел эпизод с письмом, которое, было съедено козой и феноменально затем восстановлено.

Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне такой скромный ашрам. Посторонним людям, которые не бывали в этих местах, вопросы о Махатмах не могут быть существенны. Но проходя Трансгималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, а целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине может остаться совершенно потревоженным. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого случая.

Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с леденистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно напитанной горячими источниками. В пустынном нагорье Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Трансгималаях. Когда мы стояли в Нагчу, местные

жители рассказывали, что на север от озера Дангра Юмцо, среди обнаженного нагорья в 15 000 ф., лежит плодоносная долина. Около Лхасы в иных дворах заключены горячие источники, питающие весь домашний обиход.

Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей, и будучи свидетелем – вы знаете о Махатмах. Я не собираюсь начать убеждать о существовании Махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Если же кто-то в неведении спросит: «Все-таки не есть ли это миф?» – посоветуйте ему прочесть труд профессора варшавского университета Зелинского о реальности происхождения греческих мифов. Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри. Нам важно фактами установить, на каких огромных расстояниях живет одно сознание и насколько это сознание свободно открыто для будущего.

На всем Востоке почитание понятия Учителя дало облику Гуру сокровенность и недостижимость.

Восьмой Богдо-гэгэн (1870—1924).
Фотография начала XX в.

Восьмой Богдо-гэгэн (1870—1924) в 1911 г. стал главой независимого от Китая монгольского теократического государства.

В 1919 г. китайские войска, взяв Ургу, отстранили его от власти. В 1921 г. после Монгольской революции был освобожден бароном Унгерном и до своей кончины оставался монархом, хотя и не абсолютным.

Понятие Гуру – Учителя – только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню из Агни Йоги легенду о мальчике индусе, познавшем Учителя.

«Спросили его:

«Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся:

«Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

«Есть проводники электричества, также есть объединители познания. Если варвар посягнет на Учителя, скажите ему, как человечество назвало разрушителей книгохранилищ».

Основа Востока укрепляется понятием Гуру. Какие прекрасные выражения и достойные жесты находятся в Индии в отношении Учителя!

Многие индусы, китайцы и японские ученые знают многое значительное о Махатмах, но почтение перед Учителем, характерное для Востока, препятствует им объявлять это свое знание посторонним. Значение слово «Гуру» – Учитель, духовный руководитель, действительно во всей Азии очень затрудняет вопрос осведомления о Махатмах. Легко понять, почему многие путешественники по Азии вообще не встретились с этим вопросом. Или незнание языков, или

совсем противоположные интересы, или просто неудача во встречах с людьми не позволили им увидеть многое ценное. Ведь все мы знаем, как, посещая музеи и храмы без особого разрешения, мы не можем изучать склады и сокровищницы, где иногда хранятся наиболее ценные предметы.

На Востоке вы можете услышать много рассказов о пропавших людях, и некоторые из этих повестей опять будут соединены Шамбалой. Я мог бы даже назвать вам имя члена одного из научных обществ, который посетил Индию в шестидесятых годах прошлого века. Затем он вернулся на родину, даже появился на придворном приеме, а затем опять поспешно отбыл на Восток, и с этого времени люди не слышали о нем. Впрочем, дошло одно доказательство о его существовании в совершенно необычных условиях.

Можно назвать многих еще живущих, которые лично встречали Махатм. Эти памятные встречи происходили как в Индии, так и в Англии, Франции, Америке и других странах. Когда мы проходили берега Брахмапутры, мы вспоминали, как тибетский представитель в Урге советовал нам посетить необыкновенного отшельника несказуемого возраста, который жил в горном убежище на расстоянии нескольких дневных переходов на запад от Лхасы. Тибетец настаивал, что этот отшельник был совершенно необыкновенным, ибо он был не тибетец, но, как говорили о нем, западный человек.

Мы опять вспомнили, как почтенный житель Сиккима рассказывал нам тоже о странном отшельнике на север от Кинченджунги. Круг завершается. Опять Сикким. Опять сверкание Гималаев остается к северу.

Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям.

Канг-чен-цзод-нга – Пять Сокровищ Великих Снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? – золото, алмазы, рубины?

Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: «Придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится Некто, кто откроет великие сокровищницы и напичкает все человечество».

Конечно, вы понимаете, что некто напичкает человечество не физической, но духовной пищей.

Восходя Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое понятие благословляет вас. Шамбала питает человечество духовною пищей познания великих энергий.

Нет худых вестей из Сиккима.

За это время наш друг Ринпоче из Чумби построил еще два монастыря, и везде есть изображение Майтрейи и Шамбалы.

Наш лама-художник ларива еще в Гуме и написал на стене храма фреску «Мандала Шамбалы».

Геше Ринпоче рассказывает в символических образах о мощи эпохи Шамбалы. За эти годы он стал говорить о Шамбале менее скрыто. Ринпоче подарил нам тибетскую книгу, изданную недавно и посвященную Шамбале. В этой книге собраны молитвы Шамбале, данные Панчен Ринпоче таши-ламой во время его последнего путешествия. Из этого собрания молитв вы можете видеть, что духовный глава Тибета в каждом месте, где он останавливался, давал особую молитву Шамбале. Это достойно примечания. А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы.

Седой, уважаемый Гуру долины Кулу говорил нам:

«В северной стране – в Утракане – на высоком нагорье живут великие Гуру. До этого места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот – они не любят калиюгу. Но в случае надобности они посылают своих учеников – Чела – предупредить правителей народов».

Так в древней местности Кулу претворяют знание о Махатмах.

* * *

Передо мною шесть изображений Шамбалы.

Вот самое эзотерическое изображение. Мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху Идам, как знак стихийной мощи, и тот таши-лама, который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре – как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне сам он, свет которого сияет в сужденное

время. Внизу мощное воинство ведет победную битву, и сам Ригден-Джапо – предводитель. Победа духа на великом поле жизни. Новое изображение геше из Ташилунпо.

На другом изображении, внизу, та же победная битва. В середине сам Ригден-Джапо, приказывающий. Перед Владыкою все счастливые знаки и сокровища, которые суждены человечеству. За Владыкою дворец, по сторонам его мать и отец. А наверху Будда. Новое изображение из Сиккима.

Третье изображение без битвы, торжественное, со многими золотыми украшениями. В середине крупная фигура – Ригден-Джапо, благословляющий. Перед ним выпуклым золотом сверкает Акдордже, крест из знаков молнии. Ниже расположены сокровища. Наверху Владыка Будда и по сторонам два таши-ламы: третий и живущий теперь. В этом последнем утверждении выражена современная мысль. Изображение из Гума.

В четвертом изображении вокруг Ригден-Джапо собрались всадники и пешие воины, предводители его войска и советники. Изображение из Нагчу.

Пятое изображение из Ташилунпо представляет Ригден-Джапо поучающим нескольких Гуру заветам мудрости.

Шестое старинное изображение привезено из Ташилунпо бежавшим ламой. Крупное изображение РигденДжапо в середине. За Владыкою – спинка трона в виде синих крыльев, окруженная цветами. В левой руке колесо закона, а правая призывает в свидетели землю. Внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакхцев, калмыков, монголов, тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгами, кто с оружием, кто с цветами. В середине сокровище. Битва уже исполнилась. Народы призваны к благоденствию.

Теперь подведем итоги разбросанным указаниям о Шамбале. Учение Шамбалы – это целое учение о жизни. Так же как в индийских йогах, это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе.

Значит, и Азары и Кудхумпа относятся к Шамбале? Да.

И Великие Махатмы и Риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многие из цикла Гэсэриады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Аргьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарты с подземными городами? Да.

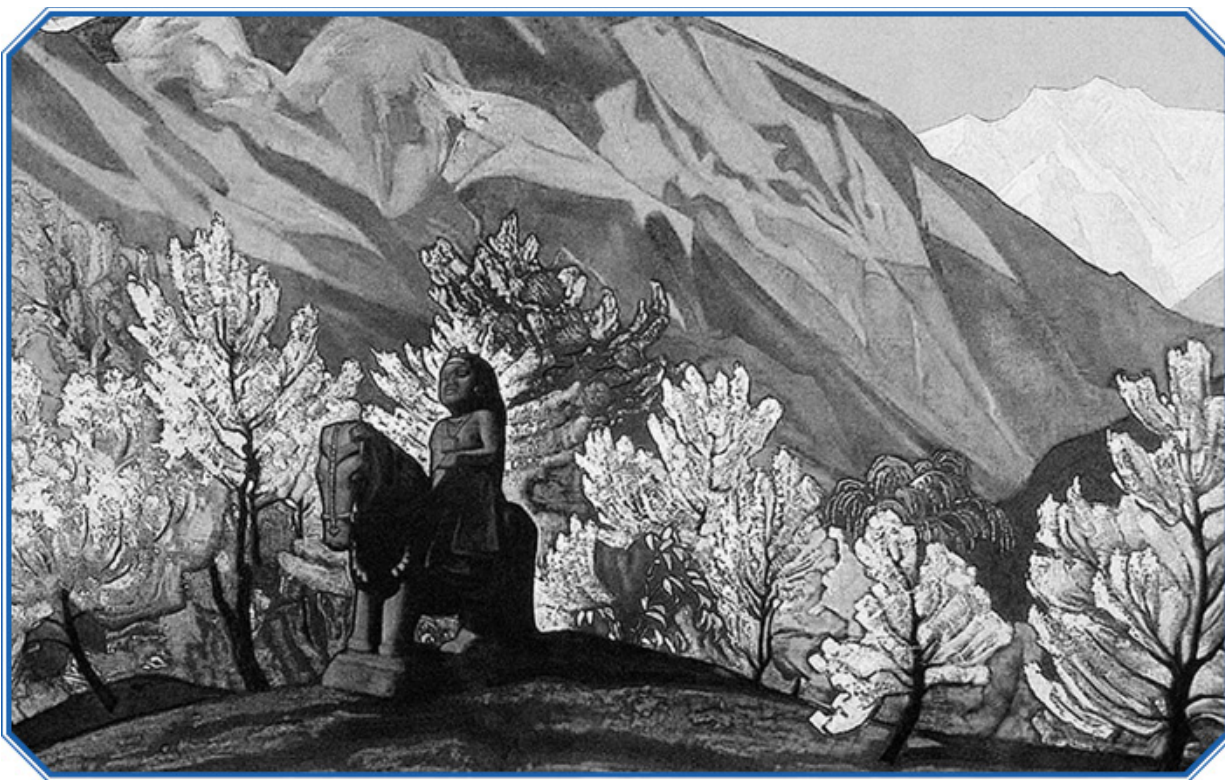
И Минг-Сте? И Великий Яркас? И Великие Держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцзина? И Граль Lapis Exilis, блуждающий камень? И чудь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Белая Гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни Йога? И Деджунг? И книга Утаншаня? И таши-ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же как я и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко очувствованная, если и недосказанная.

Полагается, что эзотерический буддизм проник в Тибет в VI в. по Р. Х., но до нашей эры эзотерический буддизм имел свои оплоты на склонах Кайласа и на севере Пенджаба, может быть, в местности долины Кулу.

Само учение Шамбалы, хотя считает Атишу как распространителя этого учения, конечно, существовало несравненно древнее, теряясь в веках.

Шамбала, или «Белый Остров», указан на запад от Химавата. Можно уважать, с какою осторожностью выдается приблизительное местонахождение этого замечательного места. Бхантеюл и Деджунг являются также названиями самого места «Белого Острова».

Н. К. Рерих. Гуга Чохан

На север от Кайласа, к Куэн-Луню и Черчену лежала так называемая Аргиаварша, откуда ожидается Калки Аватар.

«Место трех тайн», «Долина посвящения Будды» – все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая.

Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые из предположений относят это место на Крайний Север, говоря, что северное сияние есть лучи этой невидимой Шамбалы. Отнесение Шамбалы на север легко понятное.

В Тибете Шамбала называется Чанг-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним. Манифестация учения произошла в Индии, откуда все по ту сторону Гималаев, очевидно, является северным. На север от Бенареса, находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе. Таким образом, еще раз становится

ясным, почему загималайская Шамбала называется Северной Шамбалой.

Некоторые указания, затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памирах, Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге «Иезуиты путешественники по Центральной Азии» упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 году в Шигатзе. Каселла, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалы. Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных.

Так, например, указывается, что в местности Шамбалы люди живут в юртах и занимаются стадами, почему некоторые думают, что это относится к местности кочевьев Туркестана, но не забудем, что горные киргизы в местностях Куэн-Луны также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Откроем перевод, сделанный профессором Грюнведем, тибетской книги «Путь в Шамбалу», написанной знаменитым таши-ламой Третьим. Вы будете поражены нагромождениями географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большое осведомление о старых священных местах и о местных терминах может помочь вам как-нибудь разобраться в этой сложной пряже.

И опять вы поймете, почему такой покров нужен. Один из Махатм был спрошен, отчего они так заботливо скрывают свои ашрамы. Махатма ответил:

«Иначе бесконечные шествия и с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводнят наши уединенные места, куда без разрешения никто не дойдет и не потревожит наши занятия». И, действительно, это так: отсюда, среди сутолоки города, невозможно и представить, сколько людей стремятся к учению Махатм.

Образованный лама, имя которого сделалось известным на Западе, говорил нам, что много вопросов и писем он получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с Махатмами и как получать их учение. Опять реальность и сокровенное устремление сходятся.

Вы видите, что это не мессианизм, но новая эра могучих энергий и возможностей выражена в понятии Шамбалы.

Теперь каждый день мы поражены открытиями в области физики, обнаружением мощных свойств кислорода, реальностью великого пространственного огня. Когда с высот дается Агни Йога, тогда совершенно искренно можем обращаться к нашим друзьям в Азии во имя наступающей Шамбалы. С радостной улыбкой мы можем приветствовать великое будущее мощных энергий. «Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь на земле без всякого замедления».

Наши друзья ведантисты указывают, что эпоха Шамбалы в отличие от прочих прежних эпох, вместо постепенной эволюционности, наступит стремительно. Разговор оборачивается на стремительные завоевания науки последних лет.

Традиция Вед указывает, что близко время, когда новые энергии, ближе всего энергии Агни – космического огня, приблизятся к нашему плану и создадут новые условия для жизни. Время начала приближения этих энергий исчисляется в сороковых годах нашего столетия. Брахмачарии ашрамов Шри Рамакришны и Свами Вивекананды подтвердили нам эти даты и всю указанную традицию.

Учение о жизни Махатм Гималаев определенно говорит о том же. Агни Йога в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества.

Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего поймем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем

сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая – огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», – утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать. Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего; Йога обращается к врачу так:

«Скажите врачу: можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Потому своевременно сказать о наблюдениях за огнями жизни. Советую не откладывать, ибо нужно пояснить миру явления реальности и общности бытия. Незаметно входят в жизнь новые сочетания понятий. Эти знаки, видимые для немногих, составляют основу жизни, проникая во все построения. Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями. Потому следует позвать ученых для освещения очевидности. Врач, не упустить!»

«Учение наше устремляет к познанию совершенных явлений природы, считая человека частью ее».

«Очевидность препятствует видеть внутренние течения».

«Каждый может припомнить, как он смешивал случайность с основами, составляя совершенно произвольное представление. То же можно сказать о стихии огня. Кто-то недомыслящий полагает: «Деды жили без познания огня и спокойно сошли в могилу. Какое мне дело до огня?»

Но мыслящий думает: «Откуда необъяснимые эпидемии, иссушающие легкие, гортань и сердце? Поверх всех причин есть еще нечто, непредусмотренное врачами. Не условия жизни, но нечто извне косит толпы».

Этим путем внимательных наблюдений можно прийти к заключению без предрассудков. Или Агни Йога призывает:

«Агни Йога приходит ко времени. Кто же иначе скажет, что эпидемии инфлуэнцы должно лечить психической энергией? Кто же обратит внимание на новые виды душевных, мозговых и сонных заболеваний? Не проказа, не старая форма чумы, не холера страшны. К ним имеются предохранительные меры. Но следует задуматься над новыми врагами, созданными современной жизнью. Нельзя к ним применять старые средства, но новый подход создается расширением сознания.

Можно проследить, как в течение тысячи лет шли волны болезней. По этим знакам можно составить любопытную таблицу человеческих уклонов, ибо болезни показывают негатив нашего существования. Надеюсь, что живые умы вовремя помыслят. Поздно строить насос, когда дом пылает!»

Так Агни Йога говорит о психической энергии. Люди совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия, приведенная в действие, порождает инерцию. Почти невозможно остановить эту инерцию, потому каждое проявление психической энергии продолжает свое воздействие по инерции, иногда даже продолжительно. Можно уже видоизменить мысль, но следствие прошлой посылки все-таки будет пронизывать пространство; в этом сила психической энергии, но и качество, заслуживающее особой заботливости.

Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми послылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные пыльные части, пресекая движение. Когда говорим – летите светло, или – не сорите, предупреждаем о действии.

Все, сказанное о психической энергии, относится к каждому действию. Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомнит о себе. И дело просвещения – научить человечество обращаться с этим сокровищем. Если наступило время говорить о физических видимых отложениях психической энергии, значит, действительность вступила в

очевидность; значит, люди должны неотложно стремиться к овладению психической энергией. Огонь пространства и психическая энергия связаны между собою и представляют основание эволюции.

Как пример жизненных указаний Агни Йоги можно привести место о последовательности нервных центров. Указывается, что кундалини, как центр, уводящий в самадхи, в дальнейшей эволюции уступает свое значение другому центру около сердца. Этот центр называется чашею и является местом манаса – средоточием чувствования. При расширении сознания чувствование ведет к действию, которое и является главным отличием будущей эволюции. Центр третьего глаза действует в сочетании с чашею и кундалини. Эта мириада как нельзя лучше характеризует действенное начало ближайшей эпохи. Не уводящее восхищение, но деятельное утверждающее начало предопределено для грядущего подвига человечества.

Можно привести из Агни Йоги множество указаний первой важности, рассыпанных в учении, как драгоценная мозаика.

«Научились ли вы радоваться препятствиям?» – какое мощное сознание звучит в этом бодром призыве!

«Йога, как высшая связь с космическими достижениями, существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева, они расстилают тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжает путь. Он не отнял ничто чужое. Он не извратил устремление. Он допустил явление благодати пространства. Он дал свободу силам сужденным.

Он овладел своим единственным имуществом. Не избегайте сил Йоги, но, как свет, относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем ото сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Так напутствует путника жизни Агни Йога, данная «в долине Брахмапутры, взявшей исток от озера Великих Нагов, хранящих заветы Ригвед».

Слишком долго люди оставались в низшем физическом состоянии. Они должны торопиться овладеть сужденными блестящими возможностями. Вы поражены, когда вспоминаете, что фонограф Эдисона в 1878 году в собрании французской академии был осмеян, как фокус шарлатана. Мы можем вспоминать, как первые моторы были объявлены непрактичными. Как электрический свет был сочтен опасным для зрения, а телефон – вредным для уха. Теперь это смешно вспомнить, но, к сожалению, это было так недавно. Так трудно человечество воспринимает новые понятия. Предрассудок пронизывал устои общества.

Мухаммед закладывает черный камень в Каабу.
Персидская миниатюра, ок. 1315 г.

Черный камень — мусульманская святыня, прикосновение к которой дает прощение грехов. В мусульманских странах известен как аль-хаджар аль-асвад.

Камень обладает удивительным свойством — он плавает в воде. Полагают, что это метеорит.

Камень, заключенный в серебряную оправу, вмонтирован в восточный угол Каабы. По одному из преданий, этот камень прощения был послан Адаму и Еве Богом после их раскаяния и изначально был белым, а от прикосновений грешников со временем потемнел.

Вы можете себе представить необыкновенно благостное и воодушевляющее впечатление, когда среди белых вершин Гималаев вам приносят почту из Америки. Друзья среди многих сведений широкого размаха присылают ряд газетных вырезок о заседаниях американского Общества содействия развитию науки, возглавляемого таким славным именем, как профессор Милликен, и другими лучшими силами Америки. Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждаются Агни Йогой.

Вооруженная древнейшим опытом, Агни Йога в свободном движении распространения истинного знания говорит о научном исследовании и обосновании сущего. И где же мы видим ответ на этот призыв? За океаном, в Америке свободные умы ученых, не стесненные предрассудками, обращаются к тому же истинному направлению. Вершины Азии и Вершины Америки подают друг другу руки на почве истинного изыскания и самоотверженного утверждения.

Космический луч Милликена, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно, – древние ведические и буддистские традиции подтверждают их. Так встречаются Восток и Запад. Разве не прекрасно, если мы можем приветствовать старые понятия Азии, исходя от нашей современной научной точки зрения?

Если Шамбала Азии уже наступила, будем надеяться, что наша собственная Шамбала просвещенных открытий тоже пришла. «Мировое единение», «взаимное понимание» – эти понятия делаются мечтами непрактичного оптимизма. Но ныне даже оптимист должен быть практичен, и понятие мирового единения из записной книжки философа должно войти в реальную жизнь. Если я обращусь к вам: «Объединимся» – на чем? Может быть, вы согласитесь со мною, что наиболее легкий путь будет через красоту и знание. И эти принципы создадут искренний и общий язык.

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен:

«Какая красота и какое знание?»

Но когда я отвечу: «Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы», тогда я буду выслушан с особым вниманием.

Из моих замечаний вы могли видеть, что учение Шамбалы чрезвычайно жизненно. Не мечты, но самые практические советы даются в этом учении с Гималаев. Агни Йога и несколько других книг, в которых фрагменты этого учения о жизни даны, очень близки каждому сильному и ищущему духу. Давно уже высказывались многие противоположения востоку и западу, северу и югу. Все это звучало разъединением. Действительно, где же настоящая граница между западом и востоком? Отчего Алжир – восток, а Польша – запад? Не будет ли Калифорния крайним востоком для Китая?

Агни Йога говорит: «Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового... Старый и новый мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках».

С большой радостью я заметил, что в заседании от 5-го февраля 1929 г. Азиатского Общества Бенгала президент Общества д-р Рай Упендра Нат Врамачари Бахадур заявил:

«Теория, что «Восток есть Восток и Запад есть Запад, и никогда близнецы не встретятся», по моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать».

Итак, надо всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово – «Шамбала».

Поистине, стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть произносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не боятся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад. Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: «Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате».

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей:

«Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком».

Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе.

Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова: «Калагия!» Это значит: «Приди в Шамбалу!»

Алтай - Гималаи

АЛТАЙ – ГИМАЛАИ

Глава 1. Цейлон – Гималаи (1923–1924)

«Урус карош!»– кричит лодочник в Порт-Саиде, увидев мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!» – привет Востока!

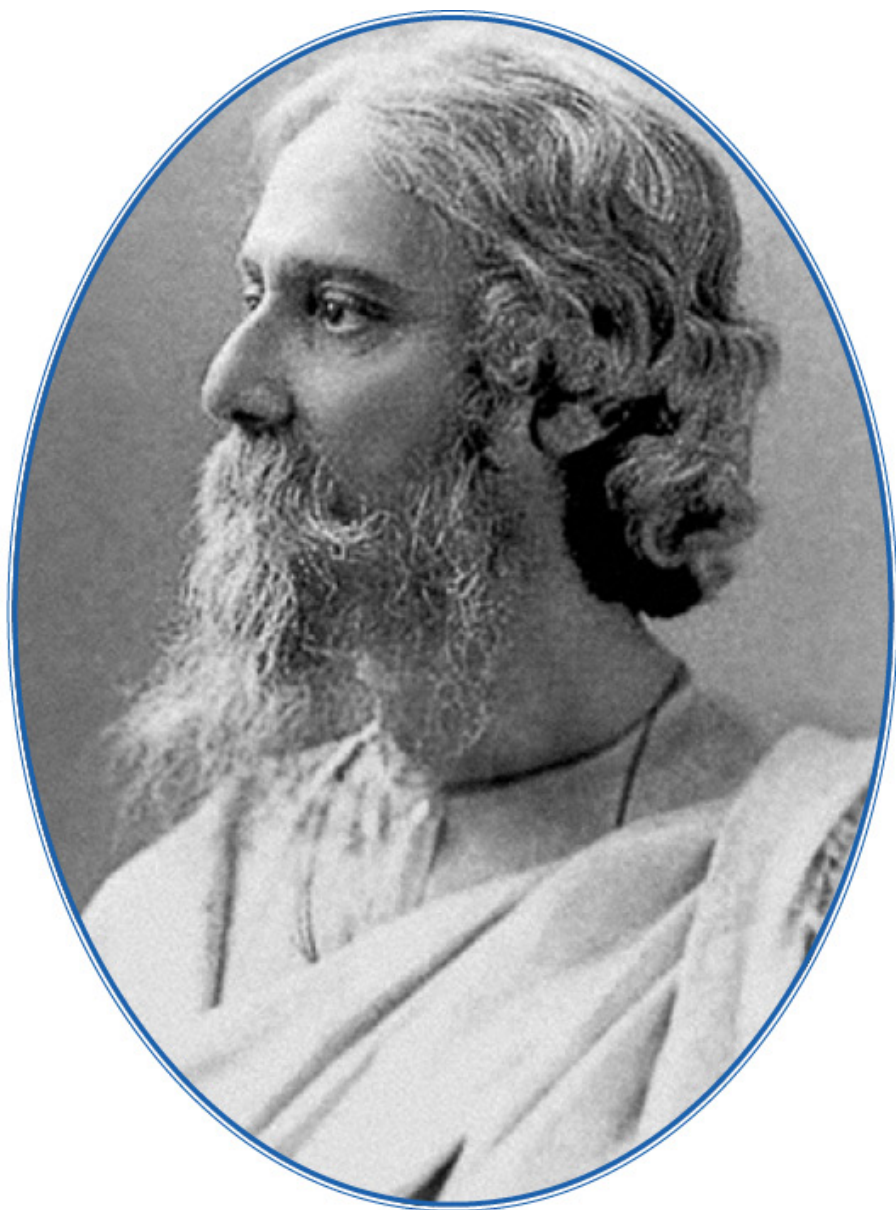
Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама^{[50][51]}. Вот и «двенадцать апостолов» – причудливые островки. Вот и Джидда^[52] – преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии^[53]. На рифах торчат остовы разбитых судов. Чермное море^[54] умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недаром грозил и предупреждал ночью.

Но теперь, зимой, Чермное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы – Кория Мориа^[55].

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы же договоримся наконец с Россией», – деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса^[56].

Если обезображен Сфинкс Египта, то сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел.

Рабиндранат Тагор
(1861—1941)

Индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1913), автор гимнов Индии и Бангладеш.

Древний Цейлон – Ланка Рамаяны^[57]. Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Английский полицейский – ирландец. Француз – торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы – чаевики. Итальянец – шофер. Где же, однако, сингалезы^[58]? Неужели все переехали в театры Европы?

Будда и Майтрейя^[59] скрыли свои лики в потемках храма Келания около Коломбо. Мощные изображения заперты в каких-то гигантских стеклянных шкафах по темным углам. Хинаяна^[60] гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной^[61].

Обновленная большая ступа^[62] около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане^[63], Раме, Раване^[64] и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени учения^[65]. Кроме известных развалин сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон – важное место.

Общие купания около кисло-сладкой горы Лавиния являют царство гиганта современности – всепоглощающей пошлости. Тонкие пальмы стыдливо нагнулись к пене прибоя. Как скелеты, стоят фрагменты Анурадхапуры^[66]. По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Борободур^[67] на Яве.

И опять неумоимо мелькают лица наших спутников японцев, с которыми мы оплакивали останки каирских пирамид, перешедших из славной истории в паноптикум корыстного гида.

Тягостный осмотр вещей в данушкоди^[68]. Люди хотят досмотреть обоюдную сущность, вывернуть наизнанку ценности. Но никогда эти досмотры ничего не создавали, кроме пропасти между человечеством.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные

драви́ды^[69] еще не напоминают Веды и Махабхарату.

Пестрый Мадурай^[70] с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена – около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и сказитель Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий. Замысловатая каменная резьба храма раскрашена грубыми нынешними красками. Художник Шарма горюет об этом, но городской совет не послушал его и расцвел храм по-своему; Шарма горюет, что многое тонкое понимание уходит и заменяется пока безразличием. Предупреждает не ходить далеко в европейских костюмах, ибо значительная часть населения враждебна саибам^[71].

А в Мадурайе все-таки один миллион жителей. Шарма расспрашивает о положении художников в Европе и Америке. Искренне удивляется, что художники Европы и Америки могут жить своим трудом. Для него непонятно, что искусство может дать средства к жизни. У них занятие художника – самое бездоходное. Собирателей [картин] почти нет. Махараджи^[72] предпочитают иметь что-либо хоть поддельное, но иностранное, или вообще [ничего] не имеют, заменяя продукты творчества аляповатыми побрякушками, или тратят тысячи на лошадей. Довольно безнадежны эти соображения о положении искусства.

Сам Шарма – высокий, в белом одеянии, с печально-спокойной речью, ждет что-то лучшее и знает все тяготы настоящего.

Часто жалуются в Индии на недостаток сил. Говорят, что тем же страдает школа Рабиндраната Тагора в Больпуре (Шантиникетане). Недавно, в 1923 году, школа понесла тяжелую утрату. Умер друг дела Пирсон; помните его прекрасную книжечку «Заря Востока»? Было в школе несколько приезжих хороших ученых, но их влияние было кратковременным. Профессор С. Леви^[73] жаловался, что состав слушателей не отвечал его курсу. Индийцы боятся за дальнейшую судьбу школы Тагора. Они говорят: покуда поэт жив, он может давать на это дело личные средства и личным воздействием доставать вспомоществование от махараджей и навабов^[74]. Но что будет, если дело останется без руководителя и без притока средств?

С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке удавалось видаться, в Нью-Йорке, а Юрию – в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились.

Мы не могли поехать в Больпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проехали три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских, и лавочников, и прохожих бабú^[75] посылала нас в самые различные закоулки. На нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы наконец сами припомнили название улицы, где дом Тагора.

Передавали, что, когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутация от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!

Встретили родственников нашего друга Тагора. Абаниндрнат Тагор^[76] – брат Рабиндраната – художник, глава бен– гальской школы^[77]. Гоганендрнат Тагор – племянник поэта – тоже художник, секретарь бенгальского общества художников. Теперь подражает кубистам. Хороший художник Кумар Халдар теперь директором школы в Лакхнау. Трудна жизнь индийских художников. Надо много решимости, чтобы не покинуть этот тернистый путь. Привет художникам Индии! Отчего во всех странах положение ученых и художников так необеспечено?

Тернист путь и индийских ученых. Вот у нас на глазах борется молодой ученый Бхош Сен, биолог, ученик Джагадиса Бхоша^[78]. Он открыл свою лабораторию имени Вивекананды^[79]. В его тихом домике над лабораторией помещается комната, посвященная реликвиям Рамакришны^[80], Вивекананды и других учителей этой группы. Сам Бхош Сен – ученик близкого ученика Вивекананды – несет в жизнь принципы Вивекананды, бесстрашно звавшего к действию и познанию. В этой верхней светелке Бхош Сен собирается с мыслями, окруженный вещами, принадлежавшими его любимым учителям. Запомнился ярко портрет Рамакришны и его жены. Оба лица поражают своею чистотой и устремленностью. Мы посидели в полном молчании у этого памятного очага. Привет!

Тут же (в Калькутте), недалеко за городом, – два памятника Рамакришне. На одном берегу – Дакшинисвар, храм, где долго жил Рама– кришна. Почти напротив, через ре– ку, – миссия Рамакришны, усыпаль–ница самого учителя, его жены, Виве– кананды и собрание многих памятных вещей. Вивекананда мечтал, чтобы здесь был индийский университет. Вивекананда заботился об этом месте. Там много тишины, и с трудом сознаете себя так близко от Калькутты со всеми ее ужасами базаров и «колониальной цивилизации».

Встретили сестру Кристину, почти единственную оставшуюся в живых ученицу Вивекананды. Ее полезная работа была прервана войною, а затем английское правительство не пускало ее вернуться в Индию ввиду ее отдаленного немецкого происхождения, хотя она и американская гражданка. И вот после долгого ряда лет сестра Кристина снова приехала на старое пепелище. Люди изменились, сознание занято местными проблемами, и нелегко сестре Кристине найти контакт с новыми волнами индийской жизни. Бхош Сен понимает и ценит ее лично, работавшую с сестрой Ниведитой под руководством Вивекананды. В памятный день Рамакришны собирается до полумиллиона его почитателей.

После самого чистого – к самому ужасному. В особых кварталах Бомбея за решетками сидят женщины-проститутки. В этом живом товаре, прижавшемся к решеткам, в этих тянущихся руках, в этих выкриках заключен весь ужас современности. И индус-садху^[81], с зажженными курениями в руках, медленно проходит этим ужасным местом, пытаясь очистить его... Калькутта, так же как Бомбей и Мадрас, как и все портовые города, оскорбляет лучшие чувства. Здесь гибнет народное сознание.

Когда мы входили в Чартеред-банк, навстречу из дверей вышла священная корова. И это сочетание банка со священной коровой было так поражающе нелепо.

Огорчило нас «Модерн Ревью»^[82]. Мы хотели установить связи с Америкой, но редактор сказал: «Мы интересуемся только тем, что касается самой Индии». При такой национализации кругозора трудно развиваться и эволюционировать.

Много национальной узости, с одной стороны, и много запутанности и подозрительности – с другой. От этого тухнет пламя искания и смелости. Хотел я зайти в редакцию газеты. Друг остановил

меня: «Вас не должны там видеть, могут возникнуть подозрения». И так трудно лучшим людям Индии. Книга по изучению древних религий, присланная нам из Америки, была принята за мятежную литературу. «American Express»^[83] имел много переписки, прежде чем смог доставить нам посылку. А оттиски статьи Юрия и совсем не дошли из Парижа.

Рычат тигры в Джайпуре^[84]. Махараджа запрещает стрелять их. Пусть лучше пожирают его подданных, но его светлость должна иметь безопасную забаву – стрельбу тигров из павильона на спине слона. В Голта-Пасс^[85] сражаются два племени обезьян. Проводник устраивает этот бой за самую сходную плату. Теперь все битвы могут быть устроены очень дешево.

Сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов. Крутится на базаре жалкий хатха-йог^[86], проделывая гимнастическую головоломку для очищения своего духа. «Спиритуалист» предлагает заставить коляску двигаться без лошадей, но для этого нужно, «чтобы на небе не было ни одного облачка».

И тут же, рядом, фантастичный и романтичный обломок старой Раджпутаны^[87] – Амбер, где с балконов принцессы смотрели на турнир искателей их сердец. Где каждые ворота, где каждая дверка поражают сочетаниями красоты. И тут же углубленный и причудливый Голта Пасс, который не может представить фантазия – только «игра» жизни наслаивает такие неожиданные созидания. И тут же Джайпур со сказочной астрологической обсерваторией и с очарованием неиспорченного индо-мусульманского города. Фатехпур-Сикри^[88], Агра^[89] – редкие обломки ушедшей культуры. И стенопись Аджанты^[90] уже не прочна.

Все остатки строительства Акбара имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятные современникам. В Фатехпур-Сикри он беседовал со своим мудрым Бирбалом и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей своих и предчувствовал, как не сохранится созданное благополучие государства. И Агра, и Фатехпур-Сикри – все это полно безграничную грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии

дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик...

Новый Дели^[91] с какими-то ложноклассическими колоннами, казарменно-холодными, нарочито вычерченными, показывает, что это строительство не может иметь общее понимание с сознанием Индии.

Очистить Индию и возвеличить ее можно не этими мерами. И прежде всего надо вместить индусское сознание.

При всей запыленности временем архитектура Бенареса^[92] все же сохраняет очарование. Все смешение форм, староиндусских, дравидских и мусульманских, может давать новые решения для непредубежденного архитектора. Можно представить комбинацию многоэтажного тибетского строения с удобствами американского небоскреба. Можно провести уравнивание от дворцов Бенареса к дворцам Венеции и к жилому особняку. Можно разработать стиль американских пуэбло^[93] в новейшем понимании, как делается в Санта-Фе.

Но обезобразить Индию чуждыми ей ложноклассическими колоннами и казарменными белыми бараками! Это глубокое безвкусие происходит от отсутствия всякого воображения и прозрения.

Один индиец жаловался мне на отсутствие индийцев-архитекторов. Я говорил: «Если нет архитектора, дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы». Нельзя опоганить весь мир одним казенным бунгалом. Нельзя из Явы делать шведский Стокзунд^[94]. И нельзя команчей и апачей видеть в коттеджах Бостона. Соизмеримость должна быть соблюдена.

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу [из] рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю пранаяму^[95]. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых брахманов^[96] Золотого Храма^[97]. Вспоминалось иное...

Гигантские ступы буддизма – погребальные памятники, обнесенные оградой, те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же

торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан^[98]. Всюду те же очищающие сожжения.

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжел дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято.

Значит, опять писатели напутали, когда описывали исключительно «дикие» погребальные обычаи Тибета. Откуда же это желание показать все чужое более диким? Черня других, сам белее не станешь. Лишь отсутствие горючих материалов заставляло отступать от лучшего способа, т. е. от сожжения.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада.

Махараджа Майсора просыпается под особые песни. Песни начала и конца.

В Мадурае, в тесном закоулке, старик чеканит изображения «богов». Последний старик, с ним умрет это умение. Прошлое умирает. Так приходит будущее.

На полях стоят круги из белых керамических коней. Откуда эти Световитовы кони^[99]? На них тонкие тела женщин мчатся по ночам. Спина, днем согбенная в домашнем обиходе, выпрямляется ночью в полете. Что это – козлий прыжок на шабаш? Нет, это скачка валькирий^[100] – дев воздуха. Скачка за прекрасным будущим. Привет женщине!

Рука женщины каждый день покрывает особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме все благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины замолкает. Как бы щит красоты в час благополучный полагает перед домом рука женщины. Уже девочки в школах учатся разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота живет в этом обычае Индии.

Вивекананда звал к работе и свободе женщину Индии, он же спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Иисуса, почему вы ни в чем ему не следуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех учений и научившегося на жизни «не отрицать». Вивекананда не есть прилежный «свами»^[101]. Что-то львиное звучит в его письмах. Как он был бы нужен Индии сейчас.

«Буддизм – самое научное учение», – говорит индусский биолог Бхоше. Радостно слышать, как этот большой истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о *Веданте*, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему сущему достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебристые звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира.

Дворец Бирбала в Фатехпур-Сикри

Мать Бхоша в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите,

как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Бхош написал на высотах Пенджаба, в Майявати^[102], в общине Вивекананды.

Фрески Аджанты, мощная Тримурти Элефанты^[103] и гигантская ступа в Сарнатхе^[104] – все это говорит о каких-то других временах, теперь уже неприложимых [к настоящему]. Существует известие, что уже во времена Будды культура Индии начала поникать. И сейчас, может быть, нигде так не мерещится эта бывшая красота, как иногда в тонком и стройном силуэте женщины, несущей свою вечную воду. Воду, питающую очаг. И колодезь, так же как в библейские времена, остается местом средоточия всего поселения.

На самых задворках в маленькой клумбочке убогих цветов покоится безобразненькое изображение Ганеши^[105] – слона счастья. Семья индийского кули, живущая в шалаше, уделяет ему последние зерна риса. Не много счастья принесло им это изображение. Индию надо знать не из дворца махараджи.

По разным соображениям, понятным лишь для побывавших в Индии, пришлось отказаться от личной встречи с Ауробиндо Гхошем. Помните ли, видели ли замечательные предсказания Гхоша о ближайших судьбах человечества в Азии? Эти замечательные письма Поля Ришара и прозрения Ауробиндо Гхоша? На современном фоне близоруких политик его работа полна знания для будущего. Обычно о нем мало слышат люди. Помните ли слова о семи нациях?^[106] И о мировых катаклизмах?^[107] Привет!

Слишком рано ушел Вивекананда; Бхош, Тагор и Ауробиндо Гхош – лучшие лики Индии.

И ведь люди, ругающие все русское, втайне мечтают о какой-то торговле и сношениях именно с Россией.

Экспортеры Цейлона, Ассама и Дарджилинга^[108] очень хотели бы иметь дело с Россией. Китайский Туркестан^[109], говорят, мечтает об этом, ибо трудный караванный путь через Каракорум и Кашмир необычайно сложен.

Несмотря на обилие туристов, как-то мало знают Америку. Оно и понятно. Вся масса туристов быстро протекает через блиндированные каналы Томаса Кука и К^о^[110] и Американского Экспресса и не может

входить в действенный контакт с жизнью страны. На севере Индии американцев называют «кочевниками», ибо агентства придают этим спешащим, запыхавшимся группам особый характер, совершенно вне народного понимания. Из окон вагона мелькают притаившиеся деревушки – эти первоначальные поставщики всех продуктов и делатели народа. Кому дело до этих первоисточников?

Могучий «Сварадж»^[111], где он? Устой его, Дас^[112], умер. У Ганди^[113] вырезали аппендикс. Сароджини Найдугупта^[114] – прекрасная деятельница и поэтесса, но не борец. Мотилал Неру^[115] утомлен.

При наличии таких изысканных ценностей, как Рабиндранат Тагор, Джагадис Бхосе и Ауробиндо Гхош, нельзя примириться с тем, что еще составляет содержание храмов.

Вот фаллический культ в Элефанте. Еще до сих пор в святилищах этого культа видны следы свежих жертвоприношений. Из древней мудрости мы знаем, что «Линга – сосуд знания»^[116], и знаем научное объяснение этого незапамятного понимания мудрого распределения сил. Но ведь сейчас, вне всяких пониманий, идет суеверное поклонение.

Еще безобразное зрелище! В Золотом Храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Ее увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время ее, отчаянно упиравшуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма, и широкий нож брахмана отсек ей голову. Трудно было поверить, что было совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу брахманам. Ведь брахманы мяса не вкушают, за исключением мяса жертвенных животных.

А таких животных запуганное население, вероятно, приводит ежедневно. Плохи, очень плохи брахманы в храмах. Даже декоративно они не хороши. Учение, предполагавшее брахманов, очевидно, видело их какими-то иными, но не теми, как они выродились сейчас. Могут ли они хранить красоту символов знания? Пока уложение каст^[117] не изменено в Индии, страна не может развиваться.

Теперь касты пришли в не-описуемую неразбериху. Махараджи иногда бывают из низшей касты чистильщиков нечистот. Впрочем, каждый чистильщик нечистот знает, что в следующем воплощении^[118] он будет королем. Не отсюда ли происходят внешность и мозговые качества некоторых королей? А сколько драм, убийств и самоубийств

происходит вследствие кастовой разницы между мужьями и женами? Даже за наше пребывание пришлось читать о нескольких тяжелых семейных драмах на этой почве явного пережитка. В то же время Веданта и Адвайта^{[119][120]} ясно устанавливают принцип единства. Некоторые, наиболее космогонические части Вед написаны женщинами. И теперь в Индии приходит время женщины. Привет женщине Индии!

Памфлет о Бенгалии кончается обращением к Великой Матери Кали^[121]. Люди, мало знающие Индию, были бы удивлены. Индию и весь Восток надо знать во всех его ликах.

Может быть, мы пристрастны к брахманам? Вспомним, что о них говорит Вивекананда в своих письмах. Строго и полно осудил этих суеверов Вивекананда.

Рамакришна говорил: «В атмане^[122] нет различия между мужчинами и женщинами, между брахманами и кшатриями». Рамакришна исполнял самые черные работы, чтобы лично показать отсутствие различий.

В декабре хотим ехать к Гималаям. На нас смотрят изумленно: «Но ведь там теперь снег». Снега боятся! Между тем единственное время для Гималаев – ноябрь – февраль. Уже в марте подымается завеса тумана. А в мае – августе совсем редко можно на короткое время увидеть всю сияющую гряду снегов. Правда, такое величие нигде не повторено.

Так же как когда приближаетесь к Большому каньону Аризоны, подъезжая к взгорьям Гималаев, попадаете в особо неинтересный пейзаж. И только на рассвете в Силигури^[123], как первые вестники, перед вами на миг покажутся белые великаны и опять скроются в курчавых джунглях. И опять чайные плантации. И опять казарменные бараки и фактории. Иногда только покажется «местное» жилье и спрячется, точно видение другого мира. Рассказы о нападениях тигров и леопардов. Горы ящиков чая с меткою Оранж-Пико. Миссионер-бельгиец из Курсеонга.

Становится студено. Толпы маленьких кули чинят обвалы минувшего муссона. В морозном воздухе нельзя себе и представить гнет муссонного летнего ливня, от которого плесневевает вся природа. Птиц мало. Видны орлы.

Горы плотно закрылись. Вид самого Дарджилинга разочаровывает. Неужели нужно искать Гималаи, чтобы найти такую неталантливую Швейцарию? Цветистые типы базара не видны сразу, а бесталанные бараки и бунгало уже бьют в глаза. Еще хуже выглядит Лебонг^[124], где угрожают перевалами на Тибет Нату-ла и Джелан-ла.

Ищем дом. Первые сведения неутешительны. Уверяют, что хороших домов нет. Показывают нечто, лишенное и вида, и простора, нечто тонущее в закоулках деревянных дач и заборов. Все не то. Мы хотим вот туда, перед ликом всех Гималаев, где не играет городской оркестр, где нет приглашений на игры в клубах. «Там ничего не найдете». Но мы упрямы. Идем сами. И сами находим отличный дом. И тишину. И уединение. И всю цепь Гималаев перед нами. И еще неожиданность. Именно здесь жил далай-лама во время своего долгого бегства^[125] из Лхасы, И до сих пор паломники приходят издалека поклониться этому жилью. А для нас именно это то, что надо.

Не раз мы просыпались от пения и мерных ударов вокруг дома. Это ламы, земно простираясь, многократно обходили наш дом. Побывали и тибетцы, и бутанцы, и непальские шерпы^[126]. Появляется в огненно-красном халате монгол из Ордоса^[127]. Все само пришло.

Кто-то сказал, что это дом привидений. Где-то в народе болтали, что в этом доме живет черт и показывается в виде черной свиньи. Но чертей мы не боимся, а в соседней деревне Бхути-Басти много черных свиней, похожих на диких кабанов. Не исполняли ли роль черта наши милые обезьяны, забиравшиеся к нам в ванную и поедавшие около дома горох и цветы?

Скучная необходимость иметь много слуг. И причины – все те же касты. Доходит до абсурда. Сторож не чистит дорожки... Почему? Оказывается, по касте своей он кузнец и не имеет права взять метлу в руки, иначе он осквернится и станет чистильщиком нечистот. Он решает проблему оригинально: начал разгребать дорожки пятернею, ползая по земле. Конюх оказался из высокой касты кшатриев и намекал на потомков короля, что не мешало ему утаскивать лошадиную пищу. Иногда на кухне устраивались религиозные митинги, и повар – председатель местной Арья Самадж^[128] – в чем-то долго убеждал своих слушателей. Лучше всех себя вели тибетцы. У них, у буддистов, нет никаких запретов. Работают быстро. Веселы. Очень понятливы и легко усваивают. А уж если пойдут по круче скалы, то не угонитесь.

Много рассказов о Тибете, о воинственном племени кхампа^[129] и о диких голоках^[130], которые сами себя называют «дикие псы». Там еще времена Зигфрида^[131]: закрепляют братскую клятву, смешивая и выпивая братскую кровь. Не расстаются с оружием. И среди шкур часто выглядывает профиль самых тонких пропорций. За все время от тибетцев мы не видели ничего дурного. Наоборот, было несколько трогательных проявлений [их отношения к нам].

Складывается серия «Его страна» и начинается серия «Знамена Востока»^[132]. В июне после первых дождей оказалось, что вся темпера^[133] покрылась белыми пятнами плесени. Нужно было усиленно топить, чтобы она высохла и начала сходить.

Ганеша, сын Шивы и Парватти.
Гравюра XIX в. по фотографии

«Его страна». В самом Сиккиме находился один из ашрамов Махатм. В Сиккиме Махатмы проезжали на горных конях. Их физическое присутствие сообщает торжественную значительность этим местам. Конечно, сейчас ашрам перенесен из Сиккима. Конечно, сейчас Махатмы оставили Сикким. Но они были здесь. И серебро вершин цепи сияет еще прекраснее...

В сопровождении учеников, художников и ваятелей приходит величавый ринпоче из Чумби^[134]. Ходит по всему краю, воздвигая новые изображения Майтрейи. Все ускоряется. В длинной беседе лама указывает, что все может быть достигнуто лишь через Шамбалу. Для тех, кому Шамбала представляется легендарным вымыслом, это указание – суеверный миф. Но есть и другие, вооруженные более практическими знаниями [о Шамбале].

Славный Атиша^[135], столп учения, шествовал из Индии в Тибет для очищения учения. Учитель проходил мимо уединения Миларайпы^[136]. Великий отшельник обратил внимание на проходящее шествие и, желая испытать силы столпа учения, оказался сидящим на конце стебля травинки. Славный Атиша, увидя это проявление отшельника, сошел с носилок и также поднялся на конец соседней травинки. И тогда обменялись ученые дружественным приветом. Миларайпа сказал: «Одинаковы познания наши, но отчего подо мною слегка погнулась травинка, а под тобою она сохранила свое напряжение?» Славный Атиша улыбнулся: «Поистине одинаковы знания наши, но я иду из страны, где жил и учил сам благословенный Татхагата^[137], и это сознание возносит меня».

Какие магниты заложены в Индии? Неповторяема прелесть детского хора под Мадрасом. Эти крошечные Гопи и малюсенький Кришна – Лель и Купава^[138]. Самые лучшие образы рассыпаны в неосознаваемом богатстве. Индия знает всепроникающее качество магнита.

«А как же с чудесами в Индии?» – спросят приятели Запада. Скажем, «чудес» не видели, но всякие проявления психической энергии встречали. Коли говорить о проявлениях «высшей, чудесной» силы – тогда вообще не стоит говорить. Но если осознать материально достигаемое развитие психофизической энергии, тогда Индия дает и сейчас самые замечательные проявления. Знаменитый «злой смертный глаз» Востока существует, и люди покорно умирают в назначенный

срок, если не сумеют противопоставить свою, еще более тренированную волю.

Передача волевого приказа на расстоянии – существует. Внушение в любой форме – существует, и в очень сложных сочетаниях. Часть явлений производится сознательно, а значительная часть – бессознательно, в силу природной способности и благоприятных атмосферических условий. И то, что для цивилизованного европейца необычайно, то самое для культурного индуса или вернее азиата, будет самым материально обыденным.

Посмотрите, как замечательны физиологические сравнения, проводимые индусами между явлениями космическими и человеческим организмом. И матка, и пуповина, и фаллос, и сердце – все это в данное время введено в стройную систему развития мировой клетки. Только трудно вызвать их на эти беседы. Опять нужно то доверие, которое пирушкой не установите.

Во времена инквизиции за *инвольтацию* ^[139] сжигали, но в Индии и сейчас практикуется этот способ воздействия напряжения воли. Еще в Америке рассказывали о ксендзах, применяющих это воздействие. И сейчас на *Малабарских холмах* ^[140] могут прийти темные люди и за неисполненное желание будут стремиться прикоснуться к вам, сказав: «Господин будет болен» или: «Проживешь только десять дней». Если организм в этот момент утомлен или воля слаба, то приказ исполняется. И вылечить можно тогда только контрвнушением. Но часто обратное воздействие менее сильно [или не применяется вовремя].

Передаваемые случаи «смертного глаза» составляют замечательное и совсем не изучаемое задание для психиатров и криминалистов. Лицо, получившее волевой удар ^[141], в назначенные сроки начинает терять жизненную энергию и теряет самозащиту, и, наконец, аппарат останавливается. Врачи, не применив вовремя внушение, теряются в средствах и начинают еще более отравлять парализованную нервную систему. Злостное малокровие, поражение сердца или селезенки, или желчного пузыря, нервные спазмы и удушья часто являются официальным следствием волевого приказа.

Трудно установить, как происходит качество поражения органов; вернее представить, что наиболее слабый орган скорее реагирует на поражение нервов. В малой и грубой степени то же явление знакомо в шаманизме, но степени воли и применения ее совершенно несравнимы.

Справедливо указывается, что такое волевое убийство или повреждение гораздо опаснее механического. И где искать границы этих воздействий? На Востоке можно иногда услышать многозначительную фразу: «Он не будет жить». Значит, почуяна искра волевого удара.

Два качества нужно отдать англичанам – выдержка и точность во времени. Оба этих качества поразительны для Востока. Если бы к ним еще прибавить чистоту мысли! Но этим свойством все европейцы мало отличаются. Именно детскими попытками скрыть истинные свои намерения европейцы закрывают себе врата Востока. Точность в назначенных сроках, конечно, совершенно необходима, ибо «худшая кража есть кража чужого времени», но одна точность без ясности и чистоты мысли еще мост между людьми не создает.

Не опаздывайте, если хотите, чтобы вас уважали. Не лгите мысленно, если собираетесь найти друзей на Востоке.

Началось с неизвестных следов, найденных Эверестской экспедицией^[142]. Затем в «Statesman»^[143] английский майор рассказывал, как во время одной из экспедиций в область Гималаев он встретил странного горного жителя. На восходе солнца, среди студеной снегов майор вышел из стана и поднялся на скалы. Взглянув на соседнюю скалу, майор, к изумлению, увидел высокого, почти обнаженного человека, стоящего опершись на высокий лук. Горный житель не смотрел на майора.

Его внимание всецело было привлечено чем-то невидимым за изгибом утеса. И вдруг человек нагнулся, напрягся и безумно-опасными скачками бросился со скалы и исчез. Когда майор рассказал своим людям о встрече, они улыбнулись и сказали: «Саиб видел «снежного человека». Они стерегут охраняемые места».

Рассказывают недавний случай в Бенгалии. Садху ехал в поезде без билета. На ближайшей станции его высадили из вагона. Раздаются звонки. Паровоз свистит и не двигается. Так продолжалось некоторое время. Пассажиры вспомнили о высаженном садху и потребовали водворить его на место. Тогда поезд двинулся. Вот это массовое воздействие!

Европейка, жившая в Индии, зашла в глухую часть сада и задумалась, отчего не проложены дорожки на этих полях. Через три дня она идет туда же и видит свежепроведенную дорожку, но окончание дорожки как-то затерялось. Позвали старика садовника. «Кто провел

дорожку?» – «Ведь мемсаиб хотела иметь дорожку, но я не знал, как окончить ее». И женщина вспомнила, что конец ее мысли о дорожке был неясен.

Джагадис Бхош утверждает, что чувствительность растений совершенно поразительна. Так, растения чувствуют образование облачка задолго до его видимости глазом. Восток чувствует мысль при ее зарождении.

В реальном чередовании очевидного и незримого глазом, в эпической простоте особых возможностей очарование Индии. Махендра Пратап^[144] замечательно говорит о Лемурии^[145] и о сравнении Запада и Востока.

Приходит тибетский портной шить кафтаны. Всю мерку снимает на глаз. Но удивительнее всего то, что кафтан выходит впору. И все то делается не зря. И качество золота на обшивку, и цвет подкладки, и длина, и все – обдуманно. Местная домодельная ткань очень узка, и надо удивляться, как умеют загладить многие швы. Для войска эта же ткань делается гораздо шире, но в частную продажу она не поступает.

Тибет помнит о троекратном разделе всех имуществ^[146], бывшем в VIII веке.

Если возьмем твердые исторические даты прошлого века, то можно поразиться, как планомерно освобождалось народное сознание от явных пережитков Средневековья. Защитники пережитков могут просмотреть исторические пути и удостовериться, что происходящее сейчас не случайно, но определенно планомерно. Кто страшится этой планомерности, тот не может понять эволюцию.

Неожиданная поддержка основного буддизма. Реальнейший из реальных Хаксли говорит: «Никто, кроме поверхностных мыслителей, не отвергает учения о перевоплощении как нелепость. Подобно учению о самой эволюции, названное учение имеет свои корни в мире реальностей, и оно имеет право на такую поддержку, на какую имеет право каждое рассуждение, исходящее из аналогий».

Две прекрасные подробности буддизма: «Подобно льву, не уstraшенному шумами. Подобно ветру, неуловимому сетью. Подобно листу лотоса, непроницаемому водою. Подобно носорогу, иди в одиночестве». «Изучение и проявление энергии во всех ее видах. Энергия вооружения. Энергия приложения в действии. Энергия

неудовлетворения, рождающая вечное устремление, вводящее человека в ритм космического потока», – так говорит *Асанга* ^[147].

Где же бездейственный пессимизм? Где же философия отчаяния? – как иногда называли буддизм малопонимающие люди. Сколько книг было написано под влиянием ложной романтики девятнадцатого века. Сколько ученых, не владея языками, питали свое сознание этими мечтательно-кислыми заключениями. А теперь показался иной лик: Будда с мечом, в львином дерзновении, во всеоружии всех энергий в мировом строительстве, в космическом устремлении.

«Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем, и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобное представление очищает от грязи земной жизни» – так размышляет Марк Аврелий ^[148]. То же самое говорит вам образованный индус Гималаев.

Л. Хорн пишет: «С принятием учения об эволюции старые формы мысли рушатся повсюду, встают новые идеи на место изжитых догматов, и мы имеем перед собой зрелище общего интеллектуального движения в направлении, до странности параллельном с восточной философией.

Небывалая быстрота и разносторонность научного прогресса в течение последних пятидесяти лет не могли не вызвать небывалого ускорения мышления и в широких вненаучных кругах общества. Что высочайшие и наиболее сложные организмы развились из простейших организмов; что на единой физической основе жизни стоит весь живой мир; что не может быть проведена черта, разделяющая животное и растительное царство; что различие между жизнью и нежизнью есть различие по степени, а не по существу – все это сделалось уже общими местами в новой философии. После признания физической эволюции нетрудно сказать, что признание эволюции психической – вопрос лишь времени».

В «Дао дэ цзин» ^[149] сделано такое подразделение типов ученых: «Ученые высочайшего класса, когда слышат о Дао, серьезно проводят свои знания в жизнь. Ученые среднего класса, когда слышат о нем, иногда соблюдают его, а иногда снова теряют его. Ученые самого низшего класса, когда слышат о нем, лишь громко над ним смеются». Лао-цзы знал это.

Наблюдательность на Востоке и поражает, и радует. И не показная наблюдательность, сводящаяся к мертвому трафарету, но тонкая, молчаливая наблюдательность по существу. Вспоминается, как учитель предложил новопришедшему ученику описать комнату. Но комната была пуста, и в сосуде плавала лишь одна маленькая рыбка. За три часа ученик написал три страницы. Но учитель отверг его, сказав, что об одной этой рыбке он мог бы писать всю жизнь.

В технической подражательности сказывается та же острая наблюдательность. В усвоении песенного лада, в характере зова, в движениях вы видите старую мощную культуру. Где-то сравнивали индийцев, завернутых в плащи, с римскими сенаторами. Это сравнение ничтожно. Скорее, философы Греции, а еще лучше – создатели Упанишад^[150], Бхагаватгиты^[151], Махабхараты. И никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия. И последние раскопки начинают поддерживать этот несомненный вывод^[152].

Проникновенно смотрит индеец на предметы искусства. Конечно, от индийца вы уже ожидаете интересный подход и необычайные замечания. Так оно и есть, и потому показывать картины индийцам – настоящая радость. Как увлекательно подходят они к искусству! Не думайте, что их занимает лишь созерцание. Вы будете изумлены замечаниями о тональности, о технике и о выразительности линии. Если зритель надолго замолчит, не подумайте, что он заскучал.

Наоборот, это добрый знак. Значит, он вошел в настроение и можно ждать особо интересных выводов. Иногда он скажет целую притчу, и в ней не будет ничего грубого или пошлого. Удивительно, как преображаются люди Востока перед художественным произведением. Положительно, зритель Европы труднее входит в струю творчества и часто менее умеет синтезировать свои впечатления.

Житель Мадраса. Гравюра XIX в.

В эпических узорах Индии все укладывается. Окажется в толпе вашим ближайшим соседом остов человека, побелевший от проказы, – вы не пугаетесь. Прислонится к вам садху, выкрашенный синими разводами, с прической из коровьего помета – вы не удивляетесь. Обманет вас факир с беззубыми кобрами – вы улыбаетесь. Давит толпу колесница Джагарната^[153] – вы не поражаетесь. Двигается шествие страшных нагов^[154] Раджпутаны с кривыми жалами клинков – вы спокойны.

А где же те, ради которых вы приехали в Индию? Те не сидят на базарах и не ходят в шествиях. И в жилища их вы не попадете без их желания. Да правда ли они есть? Не пишут ли о них досужие писатели только для необыкновенности? Есть, есть и они^[155]. И есть их знание и умение. И в этом изощрении человеческих качеств возносится вся человеческая сущность, и никакая проказа не отвратит вас от Индии.

Все происходящее в метапсихическом институте Парижа, опыты Нотцинга и Рише по эктоплазме, опыты Барадюка по фотографированию физических излучений, работы Котика по экстериоризации чувствительности и попытки Бехтерева по передаче мыслей на расстоянии – все это знакомо Индии, только не как маловероятное новшество, но как давно известные законы. Мало говорят на эти темы по недостатку сведущих, научно просвещенных собеседников. Древний метод индуизма и буддизма – открывать двери постучавшемуся, но никого не зазывать и ничего не навязывать. Но и качество стука должно быть мощно. В практическом учении буддизма четко развивается самодеятельность сознания, и как следствие ее – непоколебимая выдержанность и всепобеждающее терпение. Наибольшее терпение склонит победу. Вот бы невеждам-отрицателям окунуться в настоящий Восток, поучиться и воспринять способность вмещения.

Передают два характерных эпизода о *таши-ламе*. Когда *таши-лама* был в Индии, к нему обратились с вопросом, владеет ли он какими-либо психическими силами. Таши-лама молча улыбнулся. Через короткое время, будучи тесно окружен хранителями и офицерами, таши-лама неожиданно исчез. Все по-иски были безуспешны. Наконец, через значительное время, офицеры увидели его спокойно сидящим тут же в саду, а вокруг него суетились в бесплодных

поисках хранители. Так же и далай-лама был спрошен в Индии. Так же и он промолчал.

Потом он показал присутствующим большую картину Поталы, и вдруг все увидели его сидящим над Поталой. Этот случай напоминает, как говорил мне когда-то Горький, что он сам смотрел яркие изображения индийских городов на чистых металлических листах альбома, показанного ему однажды на Кавказе индусом. При всей своей реальности Горький, однако, утверждает, что видел в ярких красках то, что указал индус. Привет Алексею Максимовичу!

Очень чувствителен мир Востока. Притяжение мыслью поразительно. Хотелось иметь старого тибетского Будду, но это уже трудно теперь. Говорили и мыслили между собою, как достать. Через несколько дней приходит лама и несет отличного Будду: «Госпожа хотела иметь Будду, и мне указано отдать Будду с моего домашнего алтаря. Не могу продать священное изображение – примите в дар». – «Как же вы узнали наше желание иметь Будду?» – «Белая *Тара* явилась во сне и указала отнести вам». Так и бывает чудесно и просто.

Только что прочли в «Statesman», что низшие касты Индии начинают охотно принимать буддизм. Рабиндранат Тагор в беседе с Ганди высказался против каст. Из уст брахмана это признание значительно. Много значительных и прекрасных знаков!

Особое внимание должно быть обращено на пураны. В них множество ценнейших указаний. «Когда сочетаются Солнце и Луна, и Юпитер, и калиюга^[156], тогда наступит век сатья – век истины». Так отмечает вишнупураны^[157] век Майтрейи.

Постоянно приходят ламы. Развешивают по лужайке картины. И нараспев, указывая палочкой, говорят целый эпос. Яркие краски картин сливаются с самоцветами природы. Воздействие через зрение уже издавна оценено.

Приходит монашка. Садится у порога и, закинув благообразную голову, поет молитвы. Разбираем только «та-ти-шо!».

Вообще с языками трудно. Все эти горные наречия немного похожи на тибетский, но все же разница очень велика. А число наречий маленьких племен тоже велико.

Наконец приезжает из Лхасы кунг Кушо из Доринга, чтобы поклониться дому далай-ламы. Кунг (титул вроде герцога; замечательно совпадение конунг, кунг, кинг) – важный старик с добродушной женою

и круглолицей (как украинка) дочерью, с многочисленными слугами. На черных рослых мулах – подбитые серебром высокие седла и многоцветные чепраки. На лбах – ярко-красный колпачок с изображением чинтамани^[158]. В 1912 году на кунга напали китайские солдаты, едва не ранили. Убили его секретаря. Это повело к восстанию Тибета. Кунг удивлен и обрадован нашим буддистским предметам. Завтракаем. Делаем тибетские блюда.

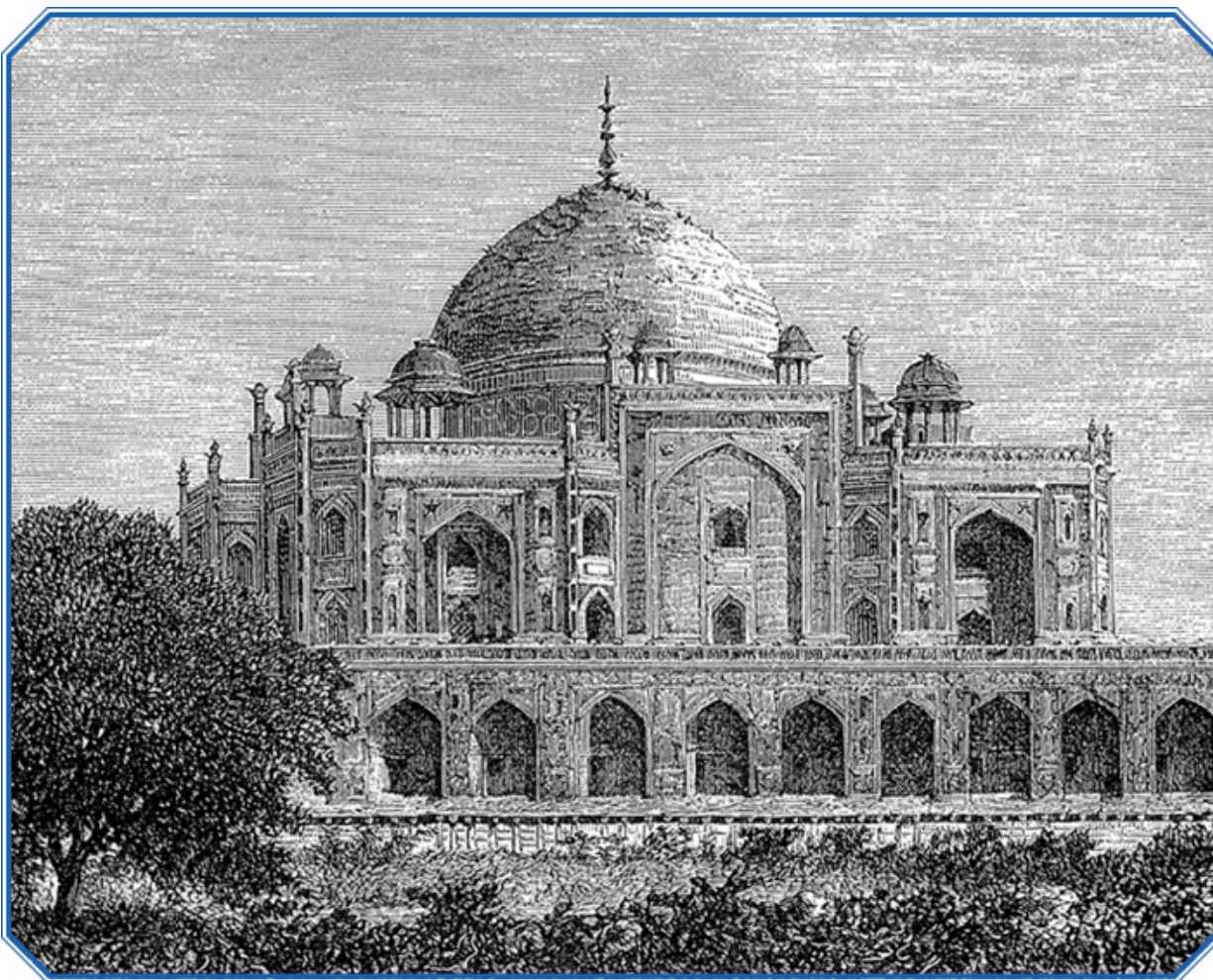
Очень чинный старик, полный свое-образной культуры.

Интересны рассказы об атаках конницы кхампской и голокской. Дикие наездники не нуждаются в уздах. Кони их, как в древних описаниях, принимают участие в битве зубами и копытами. На битву всадники сбрасывают халаты до пояса. В шлемах, с мечами, копьями и ружьями эта лавина несется, временами всадники исчезают под брюхом коня. Если все средства нападения иссякли, всадники хватают с земли камни и бьются с криком, похожим на хохот. Есть один знак, который сразу обуздывает эту лавину. Конечно, каждое племя имеет свои особенности в битве, и незнанием их можно ослабить самую лучшую силу. Тибетские женщины и в песнях, и в жизни не отстают в проявлениях отваги. Они обливают врага горячим варом; они насмешливо встречают временных победителей.

С двух сторон пытались поработить Тибет^[159]; пытались сделать из сильной страны механический заградительный барьер; пытались нарушить внутреннее сознание страны. Но свободен дух Тибета, и эта срединная страна хранит потенциал своего достоинства. Умеет хранить непроницаемо.

Около Гума^[160] стоит высокая скала. Говорят, на вершине ее лежит знаменательное пророчество. В каждой ступе положены какие-нибудь значительные предметы. Ошибочно думать, что те книжные полки, которые показывают в храмах некоторым путешественникам, составляют все книжное имущество монастыря. Кроме этих официальных томов учения всюду в тайниках у настоятеля имеются рукописи необычно интересные. Одно опасно: часто эти тайники повреждаются сыростью или мышами, или просто забываются при стремительных отъездах. Часто лама вам скажет: «У меня записаны пророчества, но с собой их не ношу. Они лежат под камнем». Но происходит какое-то нежданное событие, лама спешит закинуть мешок за спину и идти, а нужные списки погибают.

Характерны некоторые условные приказы [у тибетских племен]. «Надеть штаны» – значит готовиться к походу. Условные выражения часто вносят затруднения в переговоры. Однажды посланник говорил в очень высоких выражениях о «волосах Брахмы». Никто не понял, и переговоры прекратились. Между тем он имел в виду не что иное, как реку Брахмапутру.

Мавзолей Хумаюна в Дели. Гравюра XIX в.

Часто языки, преподаваемые в университетах, не помогают на местах.

Китайская книга «Вей Цзян-ду ши» описывает Поталу: «Горные дворцы сияют в пурпурном блеске. Сияние вершин гор равняется

смарагду. Истинно, красота и совершенство всех предметов делают это место несравненным».

Читаем о строителе Поталы при Пятом далай-ламе, именуемом «Владыка заклинаний, красноречивый, священный, океан бесстрашия». Это он, вступив в достоинство далай-ламы в 1642 году, строил Поталу – Красный дворец (Пхо Бранг Марпо) на Красной горе (Марпори). Он же строил замечательные монастыри Мору, Лебран, Гармакия и много других. Он же воздвиг на скале колоссальный рельеф Будды и подвижников буддизма. При нем монголы во второй раз вступили в Тибет.

Иезуит Грубер очень не любит этого сильного деятеля, хотя и находит, что он был осторожен в средствах, стремителен и предан искусству и знанию. Конечно, уже одна Цитадель Поталы, это фиксирование духовной субстанции Тибета, не могла нравиться иезуиту.

Необычен конец этого далай-ламы. По одной версии, далай-лама умер в восьмидесятых годах, и смерть его в течение нескольких лет была скрываемая, чтобы дать истечь разным политическим обстоятельствам. По другой версии, далай-лама добровольно покинул правление и много лет скрывался в уединении в Гималаях.

История сопровождается следующим древним преданием: «Каждое столетие архаты^[161] делают попытку просветить мир общиной. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Неудача следовала за неудачей. Сказано, до тех пор пока лама не родится в западном теле и не явится как духовный завоеватель для разрушения векового невежества, до тех пор будет мало успеха в рассеянии козней Запада».

Другое предание говорит, что «истинное учение будет сохраняться в Тибете, пока Тибет будет свободен от иностранных вторжений».

Китайские императоры жили согласно астрономическим временам года. Для каждого времени года имелся особый цвет одеяния. Каждая часть года проводилась в особой части дворца.

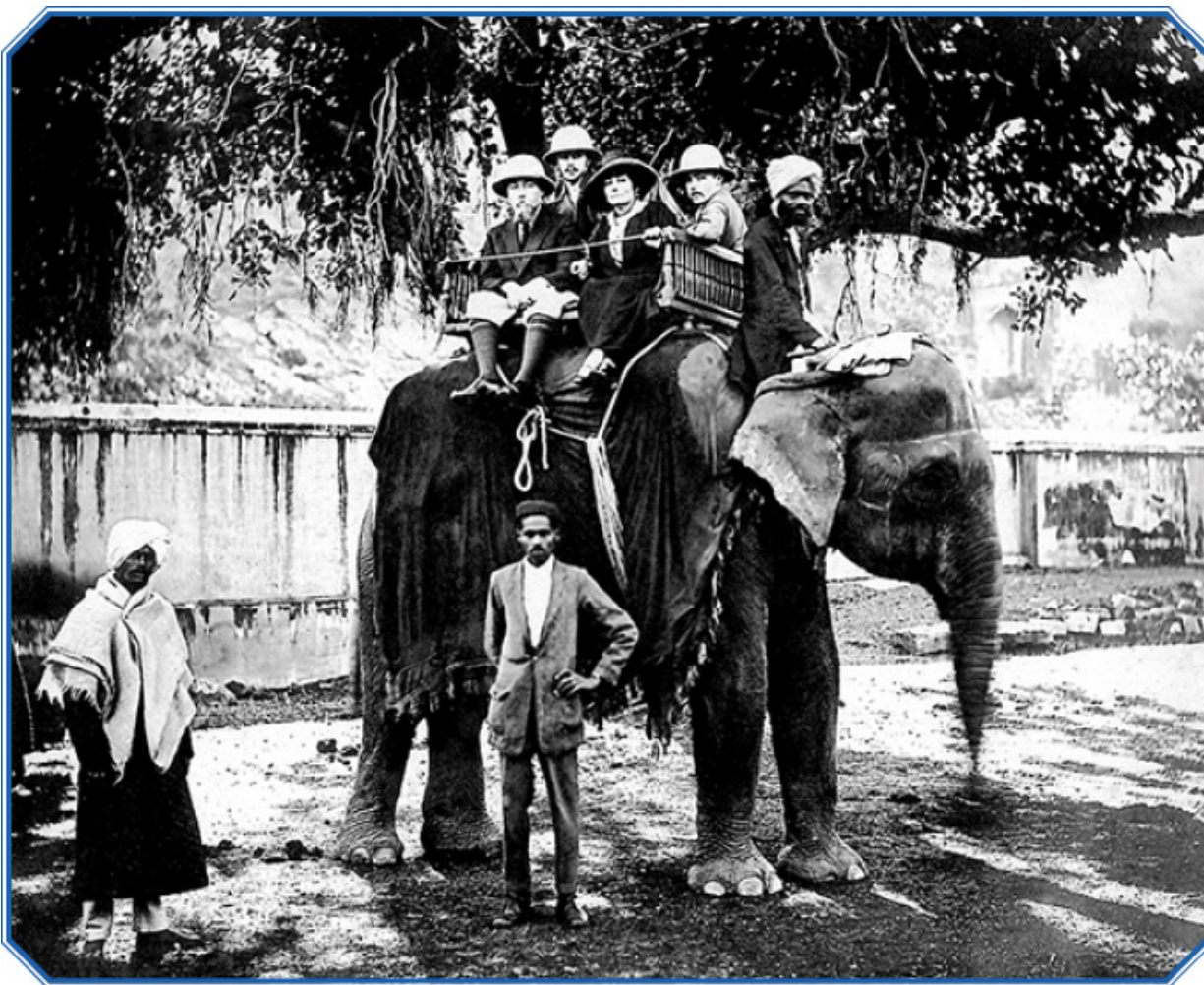
Метод буддистского учения напоминает метод Каббалы^[162]. Не навязывание, но привлечение и указание лучшего пути.

Говорят о замечательном монастыре Мору, об особой учености лам монастыря. На три летних месяца ламы уходят для сосредоточения за три дня пути на запад.

При «слушании» ламы часто закрывают голову тканью. Это напоминает библейские обряды^[163]. Напоминает свидетельство Дамиса – ученика Аполлония Тианского, как Аполлоний, когда слушал свой «тихий голос», всегда обертывался весь, с головой, в длинный шарф из шерстяной ткани. Этот шарф сохранялся лишь для этого употребления. Совсем из других времен доходят те же подробности. Современники удивлялись, как иногда Сен-Жермен^[164] странно «закутывался». Вспомним и теплый платок Блаватской^[165]. Ламы очень наблюдают известное состояние температуры [тела], что подсказывает научное отношение к разным явлениям.

Приезжала леди Литтон смотреть картины. В семье Литтон остались традиции их знаменитого деда Бульвер-Литтона^[166]. Приезжал полковник Бейли^[167]. Потом пришла вся экспедиция с Эвереста^[168] [Джомолунгмы]. Все-таки непонятно, что они оставили двух погибших товарищей без длительных розысков. Между прочим, добивались узнать, не поднимались ли мы к Эвересту. На картине «Сжигание тьмы» они узнали точное изображение глетчера около Эвереста и не понимали, как этот характерный вид, виденный только ими, попал на картину.

Опять вспоминаем споры об учении в нашей кухне. Повар руководит спорами. Тибетец Вонг-тю хихикает: «Не умеют спорить. Не знают, как ведутся разговоры об учении у нас в Тибете». Спор идет до полуночи.

Рерихи во время экспедиции по Индии

Страница истинного Востока: «Опять приступят с вопросом, как быть с препятствиями? Кому семья мешает, кому – нелюбимое занятие, кому – бедность, кому – нападение врагов. Добрый всадник любит изощряться на неученых конях и предпочитает препятствия ровной дороге. Всякое препятствие должно быть рождением возможности. Явления затруднения перед препятствием все-таки возникают от страха.

В какой бы убор ни нарядился трус, мы должны найти страницу о страхе. Друзья, пока нам препятствия не являются рождением возможностей, до тех пор мы не понимаем учения. Удача лежит в расширенном сознании. Невозможно приблизиться [к цели] при наличии страха. Луч мужества поведет поверх явления препятствий,

ибо теперь, когда мир знает, куда идет, семя крови растет... Если народы говорят на незнакомых языках, значит, можно открыть душу. Если надо спешить, значит, где-то новый враг готов. Будьте благословенны препятствия, – вами мы растем!»

Индия, знаю твои скорби, и все-таки мы будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу.

Из брахманов твоих мы выберем самого лучшего, который понял мудрость Вед. Изберем раджу^[169], который стремился к нахождению путей истины. Усмотрим вайшыю и шудру, которые вознесли свое ремесло и труд для восхождения мира.

Котел кипящий – горнило Индии. Кинжал верований над белою козочкой. Призрак пламени костра над вдовицей^[170]. Вызывания и колдовство – преступления.

Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия.

Но мы знаем благовония твои. Но мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу.

Глава 2. Сикким (1924)

Зазывно и остро свистят стрелы через овраг из рощи бамбука. Сиккимцы вспоминают свое исконное любимое занятие. Говорят: «Стрела лучше пули. Стрела поет, поражая, а пуля кричит, [вылетая]».

Утром принесли красный лист: «Вечером придет сангха»^[171]. После заката по зигзагу тропинки засверкали огни и загудели трубы. И вот пришло, привалило. Пестрое, шумное, трубное, барабанное. И с драконом, и с самодельными конями, и с бумажными яками. И с хлопушками, и с разноцветными огнями. И само действие, и пестрая толпа, уходящая в лиловую эмаль ночи, и взрывы пламенных искр. Это половецкие пляски! А знамена на шестах – это бунчуки Чингисхана!

Если вы поймете, то и вас поймут. Трогательны дары лам. Надо знание, чтобы понять всю тонкость замысла подарков. Кому какое именно изображение. Кому – медвежью шкуру. Кому – леопардову. Кому – шубу. Кому – халат. Кому – хадак^[172] или с рисунками, или белый. По иероглифам вещей можете прочесть все отношение к вам. Признаны ли большим ученым, или оставлены в пределах условной вежливости, или оставлены без внимания. Часто непонятная «церемонность» – просто краткий изысканный шифр жестов и отношений.

Два мира выражено в Гималаях. Один – мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков, курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена, субурганы, или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъемы. Орлы спорят в полете с многоцветными бумажными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима.

Разнообразен земной мир. Суровая лиственница стоит рядом с цветущим рододендромом. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу.

Странно, поражающе неожиданно, после этой законченной картины увидеть новое надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенные мглой.

Помимо Эвереста пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан^[173]. Если от реки Великий Рангит^[174] осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе – особое зовущее впечатление и величие Гималаев: «Обитель снегов».

В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную. Зубчатый бесконечный хребет священного ящера. Трудно догадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джелан-ла и Нату-ла по дороге на Шигацзэ и Лхасу. Туман особенно часто закрывает этот путь.

Навершие буддистских знамен составлены из крестовидного копья, диска, полумесяца и лепестков лотоса. Не все ли эмблемы учений срослись на одном древке? В этих напоминаниях о символах элементов мира каждый найдет изображение, ему близкое.

На иконах и священных украшениях Тибета часто горит драгоценными камнями изображение рыбы^[175] – священный знак, такой же, как на стенках римских катакомб. Сошлись в одном понимании «колесо жизни» Будды, круг «начал, тайну образующих» христианской церкви и колеса Иезекииля^[176]. Многоокие серафимы^[177] и бесчисленные глаза светлого духа Дуккар^[178] проникают в те же тайники души.

Н. К. Рерих. Крепость Чаконг

В культах Зороастра^[179] изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шекелях^[180] времени Соломона и древнее. В индийских раскопках эпохи Чандрагупты Маурьи^[181] видим то же самое, мощно стилизованное изображение. Сергей Радонежский^[182], трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях бодхисатвы^[183] держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов^[184]. Горела чаша Грааля^[185]. Не воображением, но именно делами сплетаются великие учения всех веков. Язык чистого огня!

Давно сказано: «Вера без дел мертва». Будда указал три пути. Долгий – путь знания, короче – путь веры, самый краткий – путь действия. Давид и Соломон славословят устремления труда. Веданта

твердит о проявлении дел. Поистине в основании всех заветов положено действие. Творящий огонь!

Разве чужды символы индусской Тримурти – Троицы? Разве буддистское «древо желаний», увешанное предметами всех желаний, не отвечает нашему понятию рождественской елки? А все детали устройства алтарей, храмов? А схимники и пещерники, затворившиеся в каменных гробах? А лампы и огни заклинаний? А венки и свечи добрых молений, посылаемые по течению Ганга? Троицына березка. Мускус и ладан. Кованые, усыпанные камнями ризы икон. И камни, брошенные в Будду его близким родственником, разве не сродни камням Стефана^[186]?

Право, не случайно запечатлена буддистская легенда на фресках пизанского Кампо Санто^[187]. И глубокое значение имеет мусульманское предание, что мать Иисуса явилась матери Магомета перед рождением пророка. И ладакхские замки возносятся в том же взлете, как орлиные гнезда Фаэнцы или Монте-Фальконе^[188].

В Джидде – в этом преддверии Мекки – мусульмане особенно почитаемо берегут так называемую могилу Евы. Тот же самый архангел Гавриил – (Старого и Нового Завета) – на горе Хира указал Магомету начать проповедь.

Монгольские царицы носили почетный титул Мириам. Мириам, Мария, Мать Мира. Уже давно древнейшие забытые храмы славословят ожидание новых эпох.

В древнем городе Киш недавно найден храм Матери Мира.

Сарнатх и Гайя^[189], места личных подвигов Будды, лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же, как Иерусалим остается лишь местом паломничества. «Ибо сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве».

По преданию, Будда принял посвящение в присутствии высших [существ]. Место посвящения названо «святейшая ступа», но где оно – не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти учителя – в Непале^[190]. По некоторым указаниям, посвящение совершилось еще севернее – за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же Иисус был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? Где эти Кория Мория? Можно ли их поведать?

Легендарная гора Меру^[191], по Махабхарате, и такая же легендарная высота Шамбала в буддистских учениях – обе лежали на севере и служили высотами посвящений. И всюду подробно нельзя говорить о таких местах высокого знания.

Мудрые общения. Сверху виднее. Вместо мелких ссор отрицания история напоминает нам о поистине международных связях. Указывается как на исторический факт, что монгольский *богдохан* ^[192] был спасен от болезни «явлением Николая». Монгольские хутухты, чье знание и духовность считаются очень высокими, указывают это. Все полно знаками. Лишь не просмотрите. Смотрите зорко и радостно и подвижно.

На кисти руки тибетской женщины – странный синий знак. Присмотрелись. Оказалось – нататуирован синий равноконечный крест. Спросили, откуда такой знак. Получилось разъяснение, что знак нанесен тибетским врачом во время «очень опасного кашля» – по-видимому, воспаления легких. Под таким знаком обычно тибетские врачи впрыскивают лекарства. Этот знак был сделан личным врачом далай-ламы во время трехлетнего пребывания в Дарджилинге. Этот знак – символ зарождения жизни и огня.

По пророчеству ламы Царинпоче и нынешняя попытка овладеть Эверестом окончится лишь потерями. Посмотрим, прав ли старый лама.

Лама изумился желанию чужеземцев непременно подняться на вершину Эвереста. «Зачем принимать столько трудов в земном теле. Не проще ли побывать там в духе?» Ламы легко выделяют астральное тело, которому, конечно, любая высота не является препятствием.

Из этого окна^[193] посылал верховный священник моления обеспокоенному китайцами Тибету. Три года перед стеной Гималаев. Бодрствовал. Спать далай-лама не ложится. На отдых остается сидя, в молитвенном движении. Для освобожденного духа нет ни стены, ни войны.

Во времена старых иезуитских миссий, около трехсот лет тому назад, в Лхасе была христианская часовня. Великие ламы посещали ее. Сейчас никто не помнит даже приблизительного места ее.

Лама жалуется на приезжих охотников. Пришли и убили много оленей. И теперь, когда лама идет в лес, к нему приходит очень мало оленей. А он любит, чтобы к нему приходили животные. Не

«дикостью», но культурностью звучит эта жалоба. Напоминает сказ про старца Аврамия, который пастушествовал за Уралом, и когда обращался к Востоку, то и все овцы в молчании обращались к восходу солнца.

В буддистских монастырях был обычай запира́ть в библиотеку проигравшего в ученом споре. Поучись еще. Отличный обычай.

Китайский амбань, человек злой и распутный, добивался навестить почитаемого святого игумена местного монастыря в Тибете. Настойчиво и властно потребовал свидания. Но когда вошел в приемную комнату, где был игумен, то на троне вместо святого увидел обличье уродливой свиньи. И бежал в ужасе. Распутный человек, ворвавшись силою, нашел облик, которого был достоин. Прекрасное напоминание всем насильникам. «В какую меру мерите – возмерится и вам».

Среднеазиатское предание говорит о таинственном подземном народе агарти. Приближаясь ко входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. Вспомним русское предание о таинственной чуди^[194], ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном граде Китеже ведет в тот же тайник.

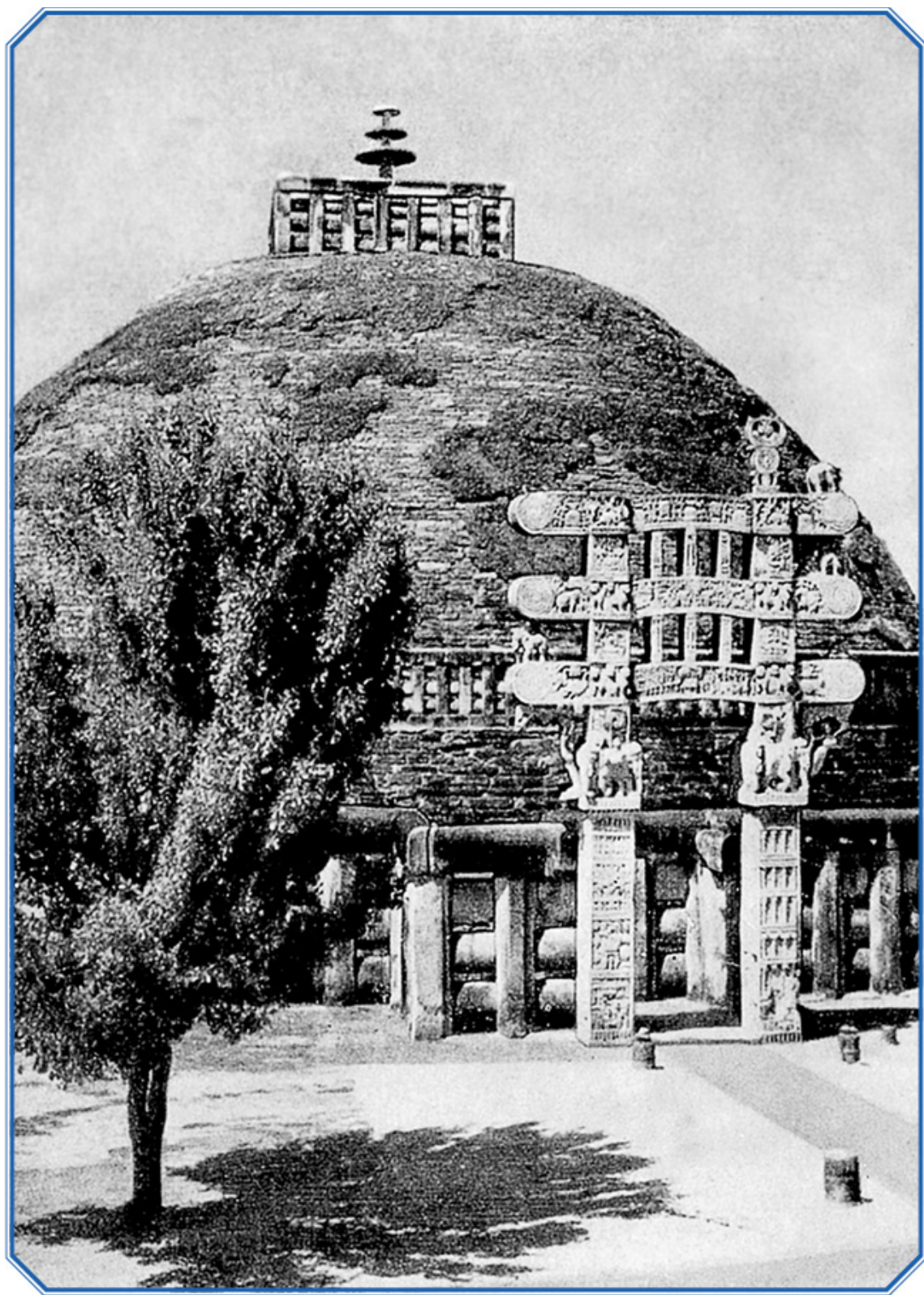
Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду^[195]. И русский, и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков пустынь, и снова – до времени – уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много, когда в Ла-Манше и сейчас виден город, ушедший под воду.

О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание: когда строили основание монастыря Гандана^[196] во времена учителя Дзонкапы^[197] (XIV век), то заметили, что через щели скалы подымаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где недвижно сидел старец. Дзонкапа вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какое теперь учение на земле. И затем исчез.

Также указывается, что Потала, дворец далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности. Конечно, проверить это

случайным путешественникам не удалось. По выражению лиц высоких лам ничего не поймете. Иным путем надо искать.

Если так много лежит под землею, то как же много лежит под молчанием! Наивно утверждать по первому осторожному ответу. Опытный астролог уверяет, что он ничего не знает, так, что-то только слышал. Знающий пути ко многим древностям только что утверждал, что он и не слышал о них. Да и как же иначе? Не предать бы. Самое горшее – предательство. И так много предателей. Видим и настоящую преданность, а за нею и глубокую сохранность.

Большая ступа в Санчи. III в. до н. э.

Соломон явил такую преданность делу строения храма, что, даже испустив дух, остался стоять на молитве, пока муравей не подточил его посох. Пример стойкости и преданности.

Осталось непонятным стремление Соломона к единому началу, приютившему все прочие проявления знания. Покинутый Фатехпур-Сикри – около Агры – полон знаками Единого начала, которое понял Акбар Великий, проповедуя Единый храм. На дворцовой площади еще стоит храм объединенной религии. Легкомысленные писатели изумляются, отчего на стенах этого загадочного дома еще видны остатки столь разнородных изображений. Следы буддизма перемешаны с индусскими и христианскими фрагментами. Единый светоч уже был проявляем в жизни.

«Премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против Него и оставался в покое? Он распростирает небеса и ходит по высотам моря. Сотворил Ас, Кесиль и Хима (Медведицу, Орион и Плеяды), и тайники юга, делает великое, неисследимое и чудное без числа», – восклицает Иов о Едином. Не туда ли ведут указания таинственных знаков вотана и сензара, получаемых великими ламами? Спросили ламу: «Правда ли, Праздник Общины приблизился?» Он посмотрел и сказал: «Таковы предсказания».

С 1924 года по тибетскому летосчислению начался новый век. Век считается не в сто лет, а в шестьдесят...

Самые формулы часто поражают своею общечеловечностью. В них соединяются возгласы мистерий с молитвами самых неожиданных культов, разделенных целыми эпохами, целыми материками. Язык Матери Мира^[198] одинаков для всех колыбелей.

«Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя», или «Аллелу, Аллелу, Аллелу» – заклинание древних служений против демонов. От халдеев, вавилонян, через израильтян дошло оно до христианства. Оно же известно у некоторых племен Индии.

Простой человек, проводник, вдруг оборачивается на пути и спрашивает: «Ведь должны люди наконец признать, что все едино и все равны?» Так мыслит и допрашивает простой и бедный человек среди синюющих холмов Сиккима. Из-за ожиданий проводника слышится мощное признание Вивекананды: «Если бы я встретил на моем пути Иисуса, я бы омыл кровью сердца моего его ноги». Откровенно

утверждал мужественный Вивекананда; пытался идти близким путем языка сердца. Без отрицаний, лишь во всемогущем обобщении и благом понимании. Хочется, чтобы наши священнослужители так же мыслили о Будде, как просвещенные ламы говорят об Иисусе. Только в таком понимании залог будущего строительства. Все созидатели общины должны быть узнаны.

Главное – поменьше невежественных отрицаний.

С трудом удастся достать растения, которыми питаются мускусные бараны. Но как довести эту горную хвою до лаборатории? Ниже шести тысяч (футов) растения гибнут.

Со стороны Бутана чаще всего наплзают мохнатые сизые клубы тумана. Не только снеговой хребет, но все предгорные ступени проваливаются в густую мглу. Трудно поверить скрытому сверканию. Не начать ли отрицать самое существование Гималаев? Раз их не видно, значит, их нет. Раз нам сейчас что-то невидимо, значит, оно и не существует. Так полагает убожество.

Горные пути сложны. Столько поворотов. Столько осыпей под копытами. Столько пересекающих дорогу потоков и ручьев с мертвящей сыростью из-под зелено-синей листвы. Поистине, много змей под цветами. И язык шорохов в листве непонятен.

Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах старых обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное. Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона^[199], поражает своей распространенностью.

Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов^[200] перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского Азиатского общества многозначительна неожиданная заметка: «...в окрестностях Баракоха находится мечеть, называемая Джавца Маджид. Истинное значение этого названия есть «дом Ориона». Джавца есть имя Ориона». С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабером, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь.

Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ориона включает знаки

«Три Мага»^[201]. В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока.

Только на Востоке ощущаете жизненный смысл астрологии в ее научном понимании. Обсерватории в Джайпуре и в Дели покоряют своей фантастической убедительностью.

Великая мечеть на реке Хугли, около Калькутты.
Гравюра XIX в.

Воздух чист. Маленькие лепча – сиккимские кули – несут на спине огромные камни в гору. К неведомому строению. Головы их так низко нагнулись, что не рассмотрите лица из-за платка и металлических колец и цепочек. Донесут ли? Можно ли перегружать четырехфутовое тело

непомерною тягостью камня? Но вместо скрежета [зубов] раздается смех из-под согнутой спины.

Много смеха слышится в Сиккиме. Чем дальше к Тибету – тем говорливее. И поют чаще. И провожают шуткой. Воздух тут лучше.

«Сардар» – называется начальник каравана. Плотно сидит в лиловом кафтане на белой горной лошадке. Много белых коней.

Далеки еще пещеры Канченджанги^[202], где хранились сокровища. В одной из пещер находится статуя Падмасамбхавы (учителя Тибета), а за нею виднеется каменная дверь, никем никогда не открытая. А они говорят: «Ничего сокрытого не осталось».

«Сознание человеческое часто – как хвост собачий. Уж если свернулся калачиком – как его ни выпрямляй, а он все скрутиться норовит» – как сказали древние китайцы.

Но ведомо также, как всецело преображается сознание лишь одним прикосновением.

«Отчего вы не говорите подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или вехи расставляете». По вехам сами весь путь пройдете. Сами – ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Руками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. «Отдадите», излучите свою волю.

Иначе материя опять не выльется «в песне труда немолчного». Таким путем отделится пустое любопытство от истинного стремления. Один «современный мудрец» предлагал основать институт, где бы каждый пришедший с улицы мог немедленно удостовериться в феноменах. «Мудрец» забыл предложить этим уличным приходящим хоть руки вымыть для опыта. Дух очищения сознания тоже был бы далеко не излишен. Есть пути, которые должны быть пройдены с чистыми руками и своею волею.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса – какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза. Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга. И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

Разноцветная толпа фигур ада^[204] попирается мощными ногами Белых духов^[205]. Красные и зеленые «хранители входов» многоруки, в страшном оскале зубов грозят нарушителям. Взрывно кудрявятся золотые языки стихийного пламени. Мерцают тускло-цветные ауры сияний...

Почтительно и холодно-ватно или писарски-научно рассматриваем тибетские и непальские знамена-картины в Британском музее или в Музее Гимэ в Париже, или в Фильдс-Музее в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем иное. Каждое движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые духи с их бесчисленными символами из орнамента преобразуются в живущий эпос. Оправлены образы поражающей гармонией тонов. Лучше старинная работа, но и новые картины бывают отличны.

Предскажем этим изображениям большое будущее, так же как двадцать лет назад было указано грядущее значение русских икон.

Было оказано справедливое внимание китайскому и японскому искусству. Сложная литература кристаллизовала это тонкое художество. Но после изучения классического Египта, после японской зоркости, после романтического Китая и после узорчатости персидской и могольской миниатюры^[206] теперь появился новый предмет изучения и любования. Подходит среднеазиатское и тибетское искусство. В пламенной фантастике, в величавости тонкой формы, в напряженной сложной гамме тонов явлено совершенно особое яркое творчество. Своим спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества. Образует собою Азию, к которой вовремя направлены вопросы и поиски.

Только бы постучаться в двери этой красоты без угроз, без оружия, без грабежа. С полной готовностью собрать жемчуг глубочайших, анонимных достижений. И без внешне научного лицемерия. И без подкупного предательства.

Изучать жизнь соловья, прежде всего убив его, не есть ли это варварство?

Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова в Хара-Хото^[207], в Монголии. Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости.

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

Не только о мечях татарских надо вспоминать, представляя жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается высокой. Даже к ханским ставкам приглашались лучшие художники.

Помню, как бедствовал один молодой доктор, по службе посланный в Ургу [Улан-Батор], в Монголию. Бедный, он не знал, как и что искать. Если бы молодежь знала, какие сокровища для нее уже приготовлены и лежат на краю дороги не поднятыми! Иногда только взять остается.

Пастушонок нашел три пуда золота в скифских вещах, ибо заинтересовался искоркой металла, блеснувшей в откосе смытого дождями холма. Сколько таких искр сверкает, но часто глаза полны лени.

Благословенный Майтрейя-Мессия всегда изображается в венце. В большом образе. В Ташилунпо (монастырь таши-ламы) три года назад поставлено гигантское изображение Майтрейи – носителя нового века мировой общины. Эту идею принес наступающий век тибетского летосчисления.

Во время служения в храмах разносят дымящийся тибетский чай. Есть идея Грааля в этом наполнении сосудов перед Ликом Благословенным. Не оставьте сосуд пустым – это противно обычаю Востока. И потом эти гигантские трубы, как глас грозы с громом, с призывом к будущему. И согбенные спины в пурпурных плащах мыслят о будущем. И сто восемь огней огненным полем переливаются под ликом Мечты Мира [Майтрейи].

В особом помещении хранятся маски хранителей^[208] религии. Неужели страшные личины могут символизировать религию блага? Они не символы религии, но образы земных сил стихийных. И небо и земля.

Даже физический мир учения тантры^[209], опустившийся в современном понимании, должен быть оцувствован возвышенно. Не

мог учитель Падмасамбхава явить лишь низменное учение.

Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния учителя Падмасамбхава. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь. Вот спасает утопающего. Пленяет мелких злобных духов. Безоружно покоряет зверей. И магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей. Вот он заклинает бурный поток. И посылает дождь. Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом. Вот учитель летит выше всех гор. Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И, наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно.

Или другая старинная картина – «Рай Падмасамбхавы». Учитель сидит в храме, окруженный праведными. Храм стоит на горе, отделенной от земного мира голубою рекою. Через реку протянуты белые хадаки, и по ним самоотверженные путники совершают переход к храму. Опять ясная картина духовного восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии.

Конечно, учитель Дзонкапа нам еще ближе. Он повысился за пределы магии. Он запретил монахам проявлять магические силы. Его учение – «желтые шапки» – представляется менее испорченным.

Под Новый год, четвертого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по холмам. И звон гонгов и дальние барабаны звучат... Утром – танцы.

Перед Новым годом уничтожают злых духов заклинаниями, танцами. В оленьем танце разрубается фигура злого духа и части его разбрасываются. И важно ходит по кругу покровитель религии, взмахивая мечом. И кружатся, размахивая крыльями широких рукавов, черношапочные ламы. И музыканты в желтых высоких шапках выступают, как берендеи в «Снегурочке». И орлы черкают по воздуху над узорными углами храма. И на уступах холма пестреют собравшиеся толпы.

И самые танцы в день Нового года со страшными символами злых духов и скелетов приобретают жизненное значение. И как далеко впечатление страшных масок на солнечном фоне Гималаев от давящей черноты углов музеев, где такие атрибуты часто составлены, пугая посетителей видом условного ада. Конечно, весь этот ад и создан для слаборазвитых душ. Много фантазии положено на изощрение адских обличий.

В монастыре «красных шапок» впечатление не так светло. Там, где ближе благословенный Майтрейя, там звучнее и светлее движения и мощнее трубные гласы. В Красных монастырях Падмасамбхавы символика более условно земная. Действо начинается простой «мистерией» суда над умершим. Приходит важный владыка ада со своими помощниками. Зверообразные служители влекут черную душу умершего злодея: взвешивают преступления. Чаша проступков перевешивает, и злодея тут же ввергают в кипящий котел. То же происходит с душой преступницы.

Но вот ведут святого – в одеянии ламы. Белый шарф украшает его. Конечно, суд милостив, и три вестника радости ведут вознесенного в рай.

*Вооруженные жители Китайского Туркестана.
Гравюра начала XX в.*

Пятнадцать лет назад умер замечательный лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных событий будущего. Мы видели его изображение – в типе русского схимника. Сильный лик. Непобедимо тверды скулы. Остро зорки глаза. «Во время ухода этого сильного духа радуга играла над основанным им монастырем». У него были редкие книги.

Книги доставать трудно. Надо посылать доверенное лицо в далекий путь. Существуют замечательные книги. Есть книга одного таши-ламы о посещении им священной Шамбалы. Имеются сборники символических притч, имеется трактат о переселении душ^[210]. Не переведены.

Учения, принесенные из Шамбалы, попадают и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек. Венгерец родом. Живший в начале XIX столетия. Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В

тридцатых годах прошлого века Чома де Кереш^[211] скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддою иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии – характерно. Загадочна его деятельность.

Еще искра из Шамбалы. Известный таши-лама часто впадал в экстаз во время бесед с учениками. Иногда же и вовсе как бы исчезал, переносясь в святилище Шамбалы. Эти экстазы живо переносят во времена бесед св. Иоанна Делакруа со св. Терезою^[212], когда оба блаженных собеседника, придя в восторг, поднимались к потолку комнаты.

Среди благих действий припоминаются и искры возмущения. Поноситель приблизился к Будде, но Благословенный так возмутился, что искра молнии поразила дерзкого. Конечно, Благословенный остановил обратный удар и вернул к жизни нечестивца. Но тот уже был так потрясен случившимся, что забыл все свои приготовления нападения. Искры обратного удара.

Известен случай, когда Сенген-лама, перед казнью в Лхасе, указал, что он скоро снова воплотится на земле. И действительно, очень скоро в Китайском Туркестане родился мальчик с тем же редким характерным физическим недостатком на колене, каким отличался покойный лама. У нас был сын слуги покойного ламы, ездивший по поручению отца к молодому князю.

Кому ведома верховая езда по Кавказу или по каньонам Аризоны и Колорадо, тот знает, как взбираться по кручам холмов Сиккима. Только вместо красочной трагедии американских чудес вы имеете восходящий сад, возвращенный таинственным подъемом возвышенного учения. И сейчас по неведомым пещерам сидят отшельники и на струнах земли творят легенду жизни неба.

Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси с их цветущими холмами и пряно пахучим бором, тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Каждый перевал увенчан красивым мендангом^[213] с колесами жизни, с рельефами молитв и с нишами седалищ перед ликом зовущих далее. Здесь медитируют ламы и путники. Здесь развеваются знамена. Здесь каждый ездок приостановит коня.

С перевалов опять окунаетесь в уходящие холмы. Убегают ребра разноцветных бугров. Точно спины барсов, тигров и волков.

После холмов – опять сказки леса. Зеленые лесовики и чудища загораживают путь. Спутались зеленые нити. Змеи переплели стволы. Притаились мшистые тигры и леопарды. Заколдованный мир.

Самые причудливые холмы и скалы образуют как бы священную чашу – обширную долину. Посередине долины неприступно стоит опоясанная двумя реками гора Белый Камень, увенчанная монастырем Ташидинг, что значит «долина, открытая небу». Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал. Попробуйте найти сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний. И бессмертную амриту^[214]. И сто изображений Будды. И все священные, временно сокрытые книги. И все другое, указанное в древней рукописной книге «Путешествие по Сиккиму».

Очень трудны подступы к Ташидингу. Лишь недавно непроходимые тропы обратились в крутые пешеходные тропинки. Поистине, путь духа должен быть пройден ногами человеческими. Один переход через висячий бамбуковый мост не легок. Гремит и мчится под ним горная река, неся ледяной поток с Канченджанги. И выше моста, по отвесным склонам, много раз остановитесь: дойду ли. Много дыхания надо набрать, чтобы одолеть вековую гору.

На верхнем склоне [нам] устроена почетная встреча от землевладельцев. Брага, сахарный тростник и танжерин^[215] под плетеным навесом, украшенным желтыми букетами. Дальше гремят барабаны и звенят серебряные гонги. Встреча от монастыря. На последнем уступе встречают рожечники и трубы.

Среди рядов пестрой толпы идете к старому месту. За воротами монастыря встречают нас ламы в пурпурных одеждах. Впереди них – чудесный старик, настоятель монастыря. Точно тонкое резное изображение XV века. Так идете до раскинутых бирюзовых палаток. Среди леса ступ и разноцветных знамен. Среди веселых верениц огней приношений.

В первое полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидинге годовой праздник. Происходит чудо наполнения чаши.

С давних времен, более восьми поколений, заповедано это чудо. Из указанного места горной реки берется небольшой сосуд воды и

вливается в старинную деревянную чашу. В присутствии свидетелей, представителей махараджи Сиккима, чашу плотно закрывают и запечатывают. Через год в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается^[216]. В год великой войны вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки.

Этот недобрый знак увеличился еще другим знамением. Двадцатого февраля было полное лунное затмение. Небывалый знак, недобрый.

Загудели трубы, пронзительно завывли свистки. Народ в костюмах из «Снегурочки» устремился к большой ступе. Громкий хор пошел толпой вокруг. Многие распростерлись ниц на земле. Гулко загремели барабаны лам. Только что ясное лунное небо зачернело. Золотые огни приношений засверкали, как по черному бархату. Полное затмение! Демон Раху^[217] похитил луну! Такого еще не бывало в день «чуда» Ташидинга.

Сказал асура^[218] Раху солнцу: «Так как ты обманом унес рашиану, да проглочу я тебя, бог солнца, в то время, когда тридцатого числа ты соединишь узлы орбиты». И еще произнес Раху пророческое пожелание: «В воздаяние за то, что ты, луна, узнав меня, указала меня разрубить, да схвачу и пожру я тебя пятнадцатого числа, во время полнолуния». И внимательно следят люди за лунными и солнечными затмениями, и бьют в барабаны, и угрожают Раху.

Но был и один добрый знак. На восходе солнца старший лама видел, как по вершинам гор загорелись гирлянды огоньков.

Когда луна была возвращена миру, вокруг главной ступы пошли танцы. Сущий русский хоровод. И песни тоже словно русские. Содержание духовное. «В монастыре живет наш владыко Будда. Ему несем наше приношение». Так начинается одна песня. Или: «Велика священная книга, но я найду ей место у моего сердца». Или: «Вспоминаю я священный монастырь».

В белом кафтане подходит художник, делавший роспись местного храма. Сговорились. Пойдет с нами и будет писать Благословенного Майтрейю. Покажет технику местного живописания.

Красные, желтые, белые, лиловые кафтаны. Алые, зеленые, белые женские рукава. Остроконечные шапки с опушками. Говор. Молитвы.

Две ночи хождения вокруг ступы.

Прикладываются к камню, на котором благословлял сие место учитель Падмасамбхава. Обходят другой камень с отпечатком ступни учителя и отпечатком копыт и звериных лап. И опять хоры вокруг ступы исполнения всех желаний.

Входя в храм, идете по левую руку до стены алтаря. В храмах желтой секты, в середине алтарной стены, – статуя Будды или теперь даже Майтрейи-будды. В красной секте посередине Падмасамбхава, а Будда – по правую руку. Иногда нижний храм посвящен Падмасамбхаве (земля). По боковым местам изображения Авалокитешвары^[219] – духовный коллектив, многоглавый и многорукий, как наша русская Сторучица, а также статуи «держателей молний», основателей монастырей, и шестнадцать архатов, сидящих в резных пещерах. На алтаре – светильники и всякие приношения. Семь чаш с водой. Блюдце риса и кадиланицы курений. Ковчег реликвий.

Стены покрыты росписью. Чаще всего одна стена – алтарная. При входе – изображения четырех хранителей частей света. В каждом храме найдется изображение семи сокровищ, предлагаемых человечеству. На белом коне изображение чудесного камня [чинтамани].

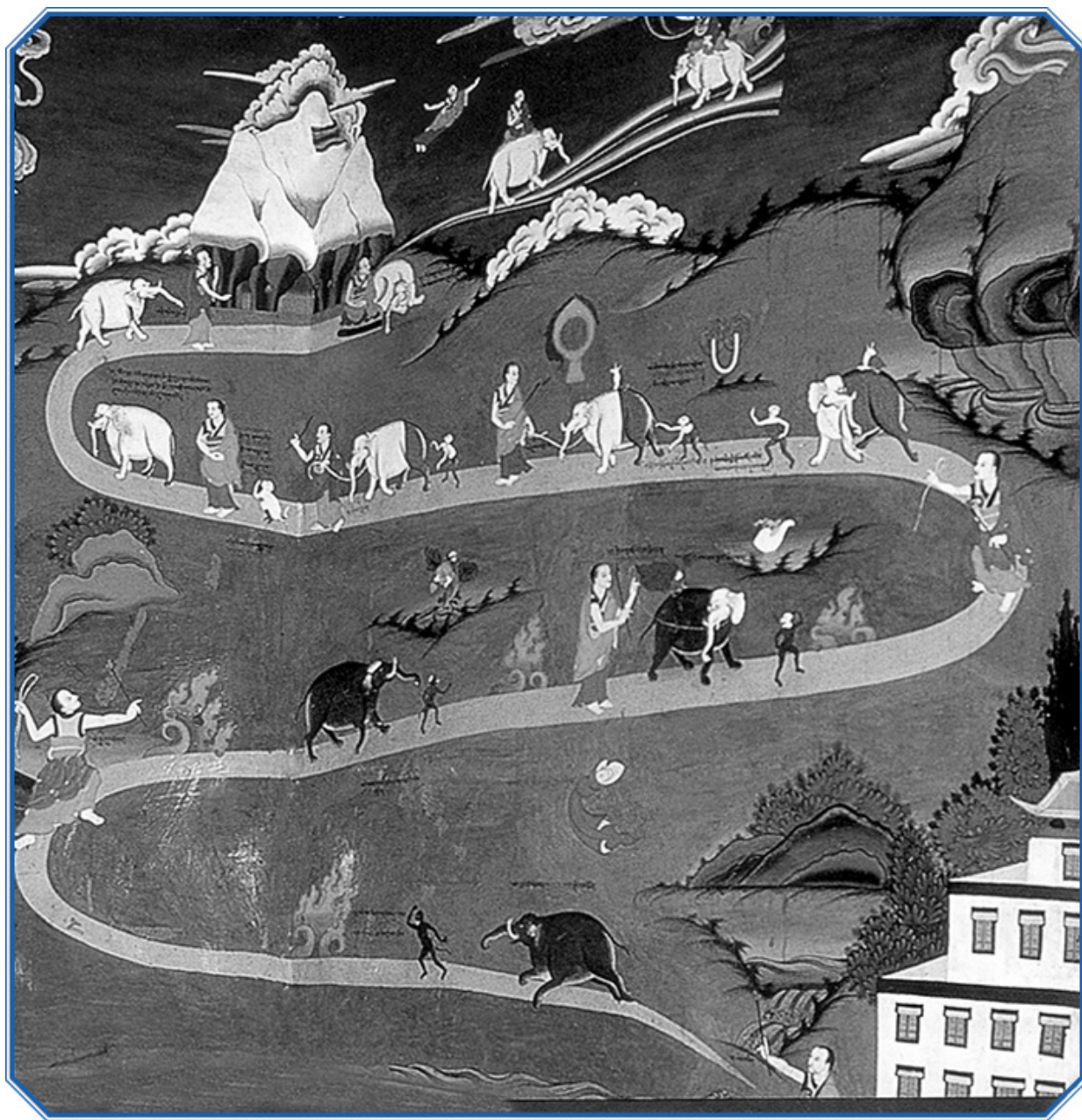
В особом помещении хранятся священные книги. Общая мечта монастырей увеличить число книг. Но книги дороги. Священный сборник – до тысячи рупий.

Особо трогательно служение тысячи огней под вечер перед «чудом». Низкий храм с росписными колоннами и балясинами. Посередине – длинный стол, уставленный огнями. Вдоль стен тоже вереница огней, и все это море огоньков ласково колышется и мерцает, подернутое облачком курений сандала, дикой мяты и других благовоний, сожигаемых в кадиланицах. Стройно, хорошо пели во время этого служения.

По всем тропинкам выются караваны богомольцев. Высокие седла покрыты яркими тканями. Совсем дикие лошадки несут пузатую поклажу. Все толпится. Ищут места ночевки. Воздвигают новые знамена в память живых, но чаще умерших. Толпа собралась до двенадцати сотен. Но мирная, добрая толпа.

На ранней заре задолго до восхода, когда снега на горах еще мутно янтарны, лагерь уже шевелится. Ползет и ширится неясное гуденье. Ранние молитвы мешаются с ударами копыт коней и мулов.

Утром к нашим шатрам идет шествие. Сам старший лама возглавляет несение даров. За ним, высоко поднятые, следуют подносы с рисом, с ребрами барана, с сахарным тростником, с брагой и плодами. Сам лама передает приношение в нашу походную кухню.

Путь к просветлению.
Фреска из Ликира, Ладакх

Посреди ступ раскинулись шатры богомольцев. Вот под зеленым навесом сидят ламы из Тибета. Женщины им переворачивают страницы длинных молитвенников. Под ручные барабаны и гонги ламы поют тантрическую песню. Где же Стравинский, Стоковский, Прокофьев, где же Завадский, чтобы изобразить мощный лад твердых призывов? И как тонко бело-золотое лицо у той, которая переворачивает страницы перед певцами.

Недалеко группа из Непала бьет в такт ладонями и припевает. Посреди них женщина с застывшим лицом экстатически танцует танец шерпов, полный тонких движений волхования. Иногда она трепещет руками, как птица, и издает какое-то птичье рокотанье. Очень замечательно.

Тут же странники из Бутана молятся под красным навесом. Перед «чудом» и раздачей целебной воды вокруг ступ идет священный ход. Впереди – трубачи в высоких красных шапках; за ними – ламы в тиарах. Следом – длинный ряд священных книг.

На закате в палатке старший лама тихо говорит о святынях Сиккима, о чудесах, слышанных и им самим виденных. То шум роя невидимых пчел, то пенье и небесная музыка, то явление образов священных. При нашем отъезде лама указал два добрых знака. По пути три полных бамбуковых водоноса и два дровосека с полными вязанками дров навстречу.

Талай-Пхо-Бранг (1924)

Ташидинг принадлежит к приходу большого монастыря Пемайанцзе в дне пути. Тоже на вершине. Пемайанцзе стоит властно. Недавно перестроен, но сделано подновление с чутьем. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России. И сановиты главные ламы. И торжественны пурпурные одежды. И красные тиары на головах полны достоинства. Но все-таки еще больше вспоминается восьмидесятилетний настоятель Ташидинга. И все-то он борется, и

заботится, и старается улучшить строение свое. И хозяйственный глаз его везде проникает.

За воротами Пемайанцзе стоят стражи трехсотлетних деревьев. Сказочный лес Берендея. А улочка домов лам, как берендейская слобода, раскрашена и оснащена крылечками цветными и лесенками.

Вот «Небесная Священная Гора», и на вершине ее блестит горное озеро. Там маленький храм, основанный на месте жития основателя красной секты в Сиккиме. Из Дубди основатель перешел на Святое озеро, а оттуда в древний Санга Челлинг.

Четыре древнейших монастыря Сиккима: Дубди, Санга Челлинг, Далинг и Роблинг. И значение названий отличное: «место размышления», «остров тайного учения», «остров молнии», «остров счастливого устремления».

Славный монастырь Санга Челлинг. Незабываем Далинг с белосиним, словно фарфоровым, входом среди бамбуковой рощи. Там бережно у алтаря хранится запечатанный, нескрываемый ящик с реликвиями основателя храма. Знамена – золотые по черному фону. В Санга Челлинге нет реликвий, но зато там камень, освященный благословением основателя. Когда чиста жизнь монастыря, прочен и камень. Всякая грязь жизни заставляет камень трескаться.

Вот они, мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она, прекрасная фресковая живопись. Вот они, цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей. Вот те же согбенные спины богомольцев., преданных вере. И огни прилежных приношений. И наши кули засвечивают огонек. Истинная лепта вдовицы. А над ними властно возвышается «держатель молнии».

В Пемайанцзе учитель Падмасамбхава не был, но в монастыре хранятся вещи, принадлежавшие основателю религии. Вещи запечатаны, но изредка показываются. Одевание. Головные уборы. Четки. Колокольчики чудного звона. Два магических кинжала и небольшое чудесное изображение Будды.

И трубы громче в Пемайанцзе. И драконы-охранители страшнее. И влияние монастыря больше. И развалины дворца махараджи вблизи. А первый махараджа был (по-библейски) избран на царство главою религии. Но фигуры Майтрейи нет в большом монастыре.

Некоторые одинокие храмы с единым огоньком, обвеянные персиковым, розовым цветом и усыпанные орхидеями и дикими

пионами, еще ближе ведут по стопам простого постижения учения.

Из леса выходит мужик, и голова его украшена белыми цветами. Где же это возможно? В Сиккиме.

Бедны ли сиккимцы? Но там, где нет богатства, там нет и бедности. Просто живут люди. На холмах, среди цветущих деревьев, стоят мирные домики. Сквозь цветные ветки горят яркие звезды и сверкают снежные хребты. Люди носят овощи. Люди пасут скот. Люди приветливо улыбаются. Со сказочной музыкой ходят по крутым тропинкам в свадебных шествиях. Зная о перевоплощениях, спокойно сжигают прах тел. И поют. Заметьте, часто поют.

Правда, можно петь под навесом из разных цветов и растений. Орхидеи, как цветные глаза, прилепились к стволам великанов. Розовые, пурпурные и желтые букеты заливают путь веселыми искрами. И не простые растения. Много среди них издревле лечебных.

Полная даров ждет природа. Придите излечиться. Шарура, парура, оррура – три самых главных плода против простуды, кашля и лихорадки. Шарура – как желтая вишня. Парура – как зеленый каштан. Оррура – зелено-желтое яблочко. Все терпки и полны танина. Вот красная кора аку омбо против ран. Как гигантский сухой боб серги пруба – от лихорадки. Шута – сухой, горький корень от опухоли и от горла. Бассак – коричневый порошок от простуды. Красный стебель цо поставляет маженту. Горькая на вкус пурма – для курений. Вареву из корней берекуро – для женских болезней. Цветы дангеро – от желудка, так же как и цветы красного рододендрона. Лист дисро – для дезинфекции ран. Мемшинг-пати – священное растение в Непале, им украшают голову на торжествах. Без конца полезных растений, ждущих лучшего применения и изучения.

Листья травы ауа дути размягчают камни, так же как и снежные лягушки в Гималаях. Потому, если видите на камне отпечаток копыта оленя или лапы зверя, значит, они или ели, или касались чудесной травы. Еще один поворот к легенде. Около Фалюта, на путях к Канченджанге, растет драгоценное растение – черный аконит. Цветок его светится ночью. По этому свету и отыскивают это редкое растение. Легенда русского жар-цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведет не к предрассудку, а в тот же родник, где скрыто еще так многое.

Шагающий Будда.
Таиланд, XV в.

Перед нашими воротами оказался странный дар. Ветка пихты, рододендрона и еще какого-то растения лежали, обращенные листьями к нашему дому, прикры-тые плоским камнем. Это сунниум, заклятие. Человек, поднявший это приношение, получает на себя то, что положено. Или худое, или хорошее. Или болезнь, или горе. Или радость. Много дней лежал этот сунниум, и даже лошади как-то не касались его. Такое же заклятие видели мы в предместье Джайпура. Там посреди улицы в плоской корзине лежала печень барана, цветы и три серебряные рупии. Никто не дотронулся до них. Эти заклятия очень древнего происхождения.

Инвольтация черных магов^[220] всегда говорит о заклятых предметах.

Так же всюду известны легенды о случайном посещении охраненных мест, причем болтливость вызывает немоту или даже смерть. Так, говорят, что один шикари (охотник) в Ассаме случайно дошел и видел тайны священного места, но пытался рассказать об этом и потому онемел.

По берегу моря шагает палка. Одна шагает, кверху ее привязан зажженный трут. Это колдуны Малабарского берега посылают заклятие поджечь дом врага. Доктор Джонс из Калькутты пытался догнать такую палку, но она «ушла» быстрее его.

Легенда около Монголии. «Скончалась почитаемая мать, и сын хотел, чтобы высокий лама, обладающий высшими силами, совершил по ней службы. Но такого ламы не нашлось. Сын в момент смерти собрал дух умиравшей в сандаловый коробок и крепко обмотал это хранилище, а сам пригласил лучших лам из Тибета. Ламы сосредоточились над коробком. И вот один из них изменился в лице. Сперва покраснел, потом посинел. И у всех на глазах коробок лопнул и разлетелся вдребезги. Этот лама мог освободить дух и потому мог совершить служения».

Много говорят. Трудно отличить магические приемы от символов.

Все знают. Обо всем слышали. Обо всем могут толковать и припоминать в сумерках: нам-иг (небесные письма) — письма и священные книги, падающие с неба; кольца, меняющие цвет серебра или бирюзы в знак предостережения или предвещения; зи — камень-

буса, посылаемый с неба поддержать здоровье. Нахождение предметов, после исчезающих. Все это знают.

Женщина была очень набожна и мечтала получить изображение Будды. Работая утром в саду, среди цветов она увидела изображение и принесла в божницу, но скоро забыла его, и Будда исчез из божницы. Женщина нашла в саду крутящийся сверкающий камень. Положила его в сундук и забыла. Камень тотчас исчез. Всякое небрежение вызывает уход посланного счастья.

Записывайте не то, что прочтут из книг, а то, что расскажут, ибо эти мысли живут. Не по книге, но по мысли будете судить жизнь.

В сумерках, при загорающихся звездах, в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о «владыке мира»^[221], о его мощи, о его действии и мудрости, о его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какою-либо чудесною силою. О сроках нового века общины.

Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под правление обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936.

Когда пришло время благословенному Будде покинуть эту землю, просили его четыре владыки Дхарма-пала оставить людям его изображение. Благословенный дал согласие и указал лучшего художника. Но не смог художник снять точные промеры, ибо дрожала рука его, приближаясь к благословенному. Тогда Будда сказал: «Я стану у воды. Ты сними промеры отражения». Смог художник это сделать, и таким путем произошли четыре изображения, отлитые из священного состава семи металлов. Два из них сейчас в Лхасе, а два пока сокрыты до времени.

Тибетский владыка женился на китайской и непальской принцессах, чтобы за ними привлечь в Тибет два священных изображения Будды.

Через тысячу двести лет после Будды учитель Падмасамбхава приблизил к земным путям учение благословенного. При рождении Падмасамбхава все небо светилось и пастухи видели чудесные знаки. Восьмилетний учитель показался миру в цветке лотоса. Падмасамбхава

не умер, но ушел, чтобы научить новые страны. Без его ухода миру грозила бы опасность.

В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей жил сам Падмасамбхава^[222]. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную Страну. Тогда поднялся благой учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падмасамбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли.

Отчего так звучны большие трубы в буддистских храмах? Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест жизни благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука.

Отчего так звучны гонги в храмах? Серебром звучат гонги, и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?» – «Здесь нет священных книг», – отвечал лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола^[223] с хрустальным звоном, ясным, как волны реки.

Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобой, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул его желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли сынок мою последнюю просьбу?»

Подает он ей зуб собачий в шелке и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб в божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает все свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы.

Человек двенадцать лет искал Майтрейю-будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит – странник конским волосом пилит железную палку. И твердит: «Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю». Смутился человек: «Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством, вернусь я к моим исканиям». И тогда явился человеку сам Майтрейя-будда и сказал: «Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь, и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём». Пошел человек, зная, что несет Майтрейю, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза. «Почему бежите вы, люди?» – «Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака». И опять не увидели люди Майтрейю-будду. И увидели, чего каждый достоин.

Перевод буддистских манускриптов на тибетский
(переводчик за работой под наблюдением будд
и бодхисатв). Тханка, Тибет, XVIII в.

Лама сказал: «Три рода учения: одно – для посторонних. Другое – для своих. Третье – для посвященных, могущих вместить [его]. Вот по

неразумию они убивают животных^[224], и пьют вино, и едят мясо. И живут грязно. А разве учение позволяет все это? Где красота – там учение. Где учение – там красота».

Чувствительны здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, что хотите. Иначе вместо Будды увидите собаку.

Главное не то, что захоронено в прошлом, что запылено в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас возвращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа.

Под Канченджангой притаились пещеры, где хранимы сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего. Но будущее уже овеяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете – почитание и ожидание Майтрейи-будды. Уже три года, как таши-лама в своем Ташилунпо торжественно и явно воздвиг великое изображение грядущего. Идет незримая, напряженная работа.

Таши-лама через Сикким и Калькутту, путями Китая проехал в Монголию. Никогда такое не бывало. Тайна. Впрочем, может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам лама двинулся на Монголию.

В священное утро на горах засветились вереницы огоньков. Тайна.

Сейчас волна внимания к Тибету. За стеною гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез таши-лама? Какие военные действия на границе Китая?

Что делается на монгольской границе?^[225] Год событий. Называли Сикким страной молний. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней»? Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроницаемая страна скал и цветов.

Как в сказке. Как на блюдечке за серебряным яблочком. Открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима. Наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконге. Большой субурган и монастырь в Ринченпонге. На следующей горе белеет Пемайанцзе. Еще выше – Санга Челлинг. Ташидинг мало виден. По другую сторону долины – Далинг. Против него – Роблинг. Ближе – Намцзе. За сорок миль видны монастыри. Забываем, что здесь видится необычно далеко.

И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но белоснежный пояс раскинулся по вершинам стены. Пояс Земли. Поставим стрелу на север. Там должны быть основания горы Меру.

Талмуд говорит, что голубь принес первую масличную ветвь Ною с горы Мория. И гора Мория, и гора Меру – в Азии. Здесь начало всего. Здесь – начало всех путников, всех искателей. Здесь воздвигнуто первое изображение Благословенного Майтрейи – Мессии – Мунтазара (Мунтазар – Мессия, ожидаемый мусульманами). Трижды мощное М! Здесь, поверх всех споров, учения подняли масличную ветвь нового Мира. Здесь заповедана Мировая Община.

Подошел сам, потрогал – прикоснулся к шатру. Кто этот человек, с длинной черной косою, с бирюзовой серьгой в ухе, в белом кафтане? Местный иконописец – лама Пема Дондуб. «Можешь ли написать нам благословенного Майтрейю совершенно так, как в Ташилунпо?» Взялся, и вот сидит на ков- рике, в уголке белой галереи, и разноцветно пишет полный символами лик. Приготавливает ткань для писания, покрывает ее левкасом (мел на клею) и выглаживает раковиной. Совершенно как русские иконописцы. Так же растирает краски, так же греет их на жаровне, так же втыкает запасную кисть в черные густые волосы. И жена его, из Тибета, помогает ему готовить краски. И так в уголке белой галереи расцветчивается замысловатый образ. Все символы укрепляют благословенного. И страшный, птицеподобный Гаруда^[226], и мудрые Наги, и Ганеша – слон счастья, и чинтамани – конь белый, несущий на спине чудесный камень – сокровище мира. Целый священный хоровод избранных образов. А на лик и благие руки кладется чистое золото.

И так же, как наши иконописцы, поет лама-иконописатель стихиры^[227] во время работы. Стихиры усилились – значит, приступил к самому Лику.

И еще диво, возможное только в этой стране. В глубоких сумерках, когда наливающийся месяц уже вступает в права, по дому разносятся серебряные звуки самодельной флейты. В темноте художник лама на коврике переливчато играет перед ликом Майтрейи – Мессии – Мунтазара^[228].

Струны Земли!

Глава 3. Пир-Панджал^[229]. Знамена Востока (1925)

Где проходили орды великих монголов? Где скрылось исчезнувшее колено Израилево^[230]? Где «Трон Соломона»^[231]? Где пути Христа-странника^[232]? Где зарево шаманского бон^[233] – религии демонов? Где Шалимар – сады Джахангира^[234]? Где пути Памира, Лхасы, Хотана^[235]? Где таинственная пещера Амаранта^[236]? Где тропа великого Александра к забытой Таксиле^[237]? Где стены Акбара? Где учил Асвагхоша^[238]? Где созидал Авантисвамин^[239]? Где твердыни Чандрагупты Маурии? Где мудрые камни царя Ашоки^[240]? Все прошло по Кашмиру. Здесь старые пути Азии. И каждый караван мелькает, как звенья сочетаний великого тела Востока.

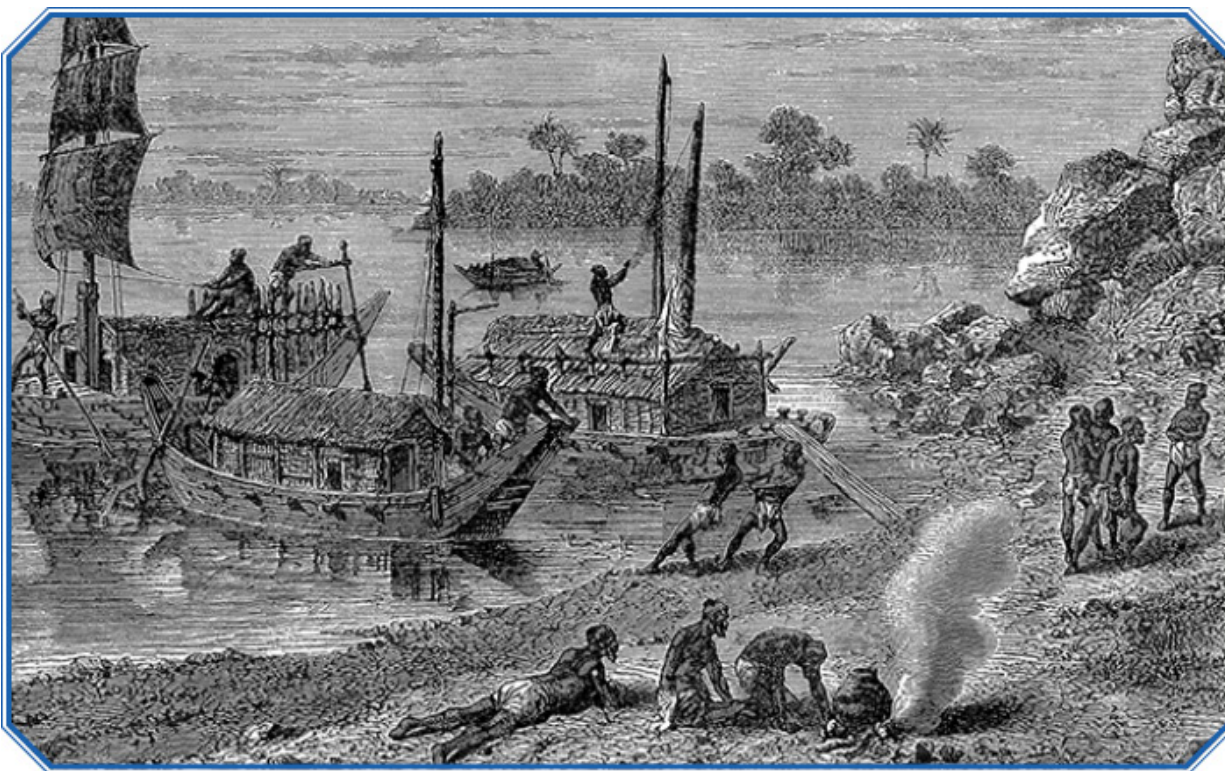
И песчаные пустыни на пути к Пешавару^[241]. И синие вершины Сонамарга^[242]. И белые склоны Соджи-ла^[243]. И в полете орлов – тот же неутомимый дух. И в резвых конях – то же непреклонное движение. И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков.

«Весна Священная»^[244]. Когда мы сочиняли ее со Стравинским, не думалось, что Кашмир встретит нас этой постановкой. В Гари, на ночлеге, когда вызвездило яркое весеннее небо и засинели горы, мы заметили вереницы огней по горам. Огни двигались, расходились и странно кружились. И по всем склонам зажглись эти огненные процессии. И в деревне внизу закружились темные силуэты, размахивая смоляными факелами на длинных шестах. Огненные круги возвещали о конце холодов зимних. И песни возвещали весну священную. Этот праздник девятого марта.

«Бюль-бүль» – соловей-птица поет на яблоне. Кукушка отсчитывает долгую жизнь. На лужайке расстелены белые полотна и кипит самовар. Красные и желтые яблоки и сдобные лепешки предлагаются сидящим на весенней траве. Глазки фиалок и бело-желтые нарциссы ткут пестрый ковер. А вечером стада уток и станицы гусей^[245] усеивают мочежины озер. Выходят на весенние поляны

маленькие медведи. И никто не боится их, разве если это matka с детьми...

Пологие речные берега. Вереница бурлаков ведет крытые лодки... По широкой дороге тянутся волы и скрипят колеса. Трехсотлетние чинары и высокие тополя оберегают пути. И часто блестят зубы встречных путников в улыбке привет.

*Корабли и корабельщики на Ганге.
Гравюра XIX в.*

На сеновале лежат сани – московские розвальни. На дворе скрипит журавль над колодцем. Соломенная крыша проросла зеленым мхом. Скрючились придорожные ивы. Гомонят приветствия детишек. Где же это? В Шуе или Коломне? Это в Сринагаре^[246], в «городе солнца».

Пузатые белые колонки. Мелкая роспись орнаментов. Крутые каменные лесенки. Золоченая крыша храма. Скрипучие расписные ставни окон. Заржавленные замки. Низкие дверки «с поклоном». Резные балюстрады. Покосившиеся плиты каменных полов. Запах

старого лака. Мелкие стекла оконцев. Где же мы? В Ростовском кремле? В суздальских монастырях? В ярославских храмах? И стаи бесчисленных галок. И голые ветки за окнами. Это главный дворец махараджи Кашмира. Любопытно все, что от старины сохранилось. Все новейшие приделки ужасны.

По дорогам много моторов Форда. В столовой гостиницы видны лица американцев. В ювелирной лавке рядом висят две картины. Одна – вид Дели. Другая – вид Московского Кремля. Среди кристаллов, в которые смотрят судьбу, среди кашмирских сапфиров и тибетской бирюзы зеленеют китайские жадеиты^[247] и цветными садами раскинулись полы шитых кафтанов. Как ценные шали, залиты комнаты музея мелким иранским узором, и оббитая судьбою Гандхара^[248] сводит воедино расколовшиеся ветви Запада и Востока.

В характере храмов и мечетей, в угловых резных драконах, в шатровой четырехскатной вышке неожиданное сочетание деревянных старых церквей Норвегии и китайских пагод. Из одного колодца почерпнуты романская химера, звериный орнамент Алтая и зверьки Китайского Туркестана и Китая. Сибирские пути народов далеко вынесли оди-наковый смысл украшений.

Твердо стоит крепость Акбара. Но когда подыметесь по всем кручам и ступеням, то видно, что старые кирпичи и глинобитная смазка с трудом держатся. Своды готовы упасть.

Нишад – сад Акбара, – занял место от озера до взгорья. Высокое место. Строения скромны и по углам любимые им башенки. Характер простоты и ясности.

Шалимар – сад Джахангира. Тоже в характере своего хозяина. Стоит «для себя». Меньше внешнего вида. Больше роскоши. Той роскоши, которая довела до нищеты потомков моголов. Последний могол в Дели тайно продавал мебель из дворца и разрушал ценные облицовки стен^[249] Шах-Джахана и Аурангзеба^[250]. Так кончилось.

Ткач Кашмира сопровождал каждый узор особым напевом. Великую гармонию труда напоминает такое искание ритма.

Ни в одной песне не сказывается, отчего гора «Трон Соломона» носит это имя. Ведь это место очень древнее. Еще Джалаука, сын Ашоки, утвердил там один из первых буддистских храмов. Через семь веков храм был перестроен и посвящен Махадеве^[251]... Но откуда имя Соломона? Имя Соломона гора получила от легенды, что Соломон,

желая скрыться от условностей царской жизни и тягостей двора, на ковре-самолете переносился с любимой женой на эту гору. Опять упоминание о «летательном аппарате» Соломона. Такая же гора в [Русском] Туркестане^[252] и в Персии.

Не только гора «Трон Соломона» переносит сознание в библейские сферы. В долине Синдха почему-то особенно почитается пророк Илия. Очень звучны легенды о том, как пророк, сидя в пещере, спасает рыбаков и путников. В различных обликах, то благий, то грозный, пророк является на защиту дел справедливости и благочестия. Мусульмане и индусы, разрозненные многими причинами, одинаково чтут пророка Илию.

Лиловый ирис всегда напоминает мусульманское кладбище. Они залиты этими цветами. Но вот радость: распустилась сирень, закивали ландыши и забелела черемуха...

После «мелкого рисунка» современного Кашмира отдыхаете на развалинах Мартанда и Авантипура^[253]. И здесь девятый и десятый век дали расцвет. Здесь фантастика азиатской колыбели романеска^[254] торжественно слилась с радостным культом Вишну^[255]. Чувствуете, что и здесь, на фоне сапфировых предгорий Гималаев, стояли величественные сооружения. Вскрыты они лишь частично. Пологие наносные бугры скрывают целые дворцы и города. Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках. Любящие руки соберут чашу прекрасного сознания.

«Слава тебе Хакаура, Гор^[256] наш, бог по бытию, защищающий страну, обуздатель пустыни змеем своего урея^[257], без лука пускающий стрелу, как делает богиня Сихмет^[258]. Язык царя обращает в бегство азиатов». Так говорит гимн в честь Сенусерта III^[259]. Два выражения имеют особое значение. «Пускающий стрелу без лука» – воздействующий на расстоянии. «Обуздатель пустыни змеем своего урея» напоминает о древнейшем культе Азии – жена и змей. Змеинообразные капители колонн Азии и майев говорят о том же культе – мудрой жены. О том же указывает старое блюдо из Кашмира.

Посредине сидит царь змеев с волшебным цветком в руке. У царя две пары рук – черные и светлые, ибо мудрость имеет полное вооружение. Перед царем женщина с покрывалом на голове. Женщине царь вручает мудрость. Вся группа находится на фоне множества змей, поднявшихся и соединивших головы. Вокруг срединного изображения

– ряд отдельных фигур властителей, имеющих на шее изображение змея. Этот знак мудрости заставляет человекообразных и животноподобных джинов служить и помогать владельцам древнего знака. В длинную трубу джинны передают далекие вести. Джинны приносят цветы для украшения жизни. Джинны в виде животных переносят по воздуху. Джинны приносят ларцы драгоценностей. Джинны присутствуют в виде стражи. Так хранит древний знак мудрости.

«Гулиджан-Марда», «Илло-Алладин – Шабаша», «Илайла-Сулейман»^[260], – перекликаются гребцы. Весла с сердцевидной лопаткой режут желтую воду.

Ладакх

Гималайское княжество Ладакх расположено между хребтами Куньлунь и Гималаи. Через него пролегал путь из Индии в Тибет. Может быть, поэтому храм столицы Ладакха Леха кажется уменьшенной копией дворца Потала в Лхасе?

Современному Сринагару не более 150–200 лет. От старого «города солнца» ничего не осталось. Старые мечети стоят лишь в остовах. В уродливых облицовках «набережной» видны следы рельефов отличных камней девятого, одиннадцатого веков. Отдельные осколки. Ничто не связывает их с домиками современности. Старые мосты должны скоро рухнуть. Кто положил начало кашмирских

каналов? Кто обсадил дороги частым тыном тополей? Не сделал ли это кто-то из пришельцев от Средней Азии, где зима заставляет обозначать путь и пески требуют каналы орошения? И откуда эти шикара – легкие гондолоподобные лодки?

У ровного берега пошли бечевою. И желтые плесы напомнили Волгу или Миссисипи. Река Джелам – нерв Кашмира.

Самое большое озеро – Вулар. Самое красивое. Самое грозное. Две ночи опасно било лодку о глинистую отмель. Еще остались бы, еще поработали бы, но «ковчег» может треснуть. На этом озере все привлекательно. Весь сияющий снегами Пир-Панджал на западе. Густые горы – на север и восток. Даль Сринагара – на юг. Перед закатом строится изумительная Вальгалла^[261] над Пир-Панджалом, а утром – кристально синие горы востока. На отмелях – стада, и каждый конь виден на далекой мели – так воздух небывало прозрачен. На восточной отмели виден островок. На нем – развалины храма и, бывает, сидят размышляющие садху и факиры. Мир религии в Кашмире менее заметен.

Детали разрушенного храма на островке могут быть перенесены в любой романский собор. Много ходили готы^[262] и всюду посеяли свой стиль. Украшения женских шапочек напоминают готские фибулы^[263]. Только не красная эмаль, а красные стекла вставлены в медную оправу.

Около лодки носятся касатки-ласточки. По борту важно шагают удоны. Над полями звенит жаворонок. Посреди деревни – кладбище – бугор, усеянный камнями, – наш северный «жальник». На бугре – часовня с шатровой зеленою крышей. Старинные костистые чинары сторожат покой. Около деревень – остатки храмов и «городища» – песчаные бугры с засыпанной стариною. Гребцы под вечер поют протяжные песни «бурлацкие» и горласто гремят стаи собак. От дальнего севера до юга одно и то же строение жизни. Удивительно!

На северо-востоке озера Вулар горы сходятся. В этом проходе какая-то зовущая убедительность. Само селение Бандипур^[264] уже имеет какой-то особый характер. Когда подходите к почтовому отделению, вы поймете значительность места. Здесь подымается в горы дорога на Гилгит. Вы проходите до первого подъема и следите за извилинами восходящего пути. На вершине перевала – первый ночлег. Потом путь сперва идет по самому гребню, где еще белеет снег полоскою, а затем окунается в новое преддверие. Гилгит и Читрал

берегутся особо. Если трудно идти на Ладакх, то Гилгит и Читрал всегда под особым запретом. Лиловые и пурпурные скалы. Синева снежных вершин. Каждый всадник в чалме привлекает внимание: не с севера ли? Каждая вереница груженных лошадок тянет глаз за собою. Значительный угол [подъема]!

Сундук, караул, самовар, чай, чепрак, сюды-сюды, кавардак, колпак и много других слов странно и четко звучат в кашмирской речи. И плетеные лапти напоминают о других, северных путях.

Лодочник устраивает нам кашмирский обед. Приходят шесть поваров. Стол засыпается синими ирисами. С утра, кроме чая, нам ничего не дали. Собра, и его брат Рамзана, и сметливый Ибрагим, и какие-то неведомые братья и дяди, и, может, сам столетний дед, сидящий с хуккой (трубкой) в кухонной лодке, – все заняты каким-то таинством. Наконец в семь часов вечера появился таинственный обед. В очередь было подано двадцать семь блюд. И каждое должно было быть испробовано.

Перечень всех изощрений шести поваров: миндальный суп, намкиплов, мехти, табак маэ, кабаб, руган яш, дупиаз, батхакурма, абгош, алюбукар-курма, чана-курма, марзеванган-курма, субзе-курма, намки-кабаб актаби, коофта, тикча, дампокта, кокарпугу, канди руган иош, мета-плов, тула-шум, риван, мета-зунт, мета-тул, дизи-алю, пирини, тула-халва. Так назывался этот апофеоз баранины и пряностей. И как было сказать, что именно изысканность обеда была так далека нам.

Кашмирское пение. Семеро в белых чалмах. Один – рыжий, с длинной ситарой^[265]. У троих – саазы^[266]. В глубине сидит искусник на двух таблах (узкие барабаны). По углам двое поющих. В середине – певица в синей шали с серебряными браслетами и пронизками. Поют персидские песни, арабские, урду и кашмирские. Как на ассирийских рельефах, певица поднимает указательный палец или левую ладонь, или складывает руки у лба. Иногда она вскакивает и «уточкой», мягко обегает круг. Персидская песня «Сурам» – песнь разлуки и вечных воспоминаний. «Шахназ» – арабская песнь: «Самый богатый не возьмет с собою имущество после смерти».

«Когда Христос возносился, прославляли его все слуги». Вот песнь урду: «Два друга на всяком расстоянии думают взаимно. Мир – ничто, и каждый должен уйти из него». «Кошюр» – кашмирская песнь: «Ты

идешь по пути, но невидим ты мне. Дал мне вина жизни и ушел от меня. Все зависит от Бога». «Если я увидел одного человека или женщину – я уже увидел весь мир». «Камач» – кашмирская песнь: «Говорят хвалу Христу всякими словами. Он был лучше солнца и луны».

Так на красном ковре восемь мусульман непрошенно и неожиданно до полуночи славословят Христа и мироздание. Вслед за ними и все лодочники шевелят белыми чалмами и качаются, подпевая. И саазы гудят, как шепот леса. И наш конфуцианец-китаец твердит по-тибетски: «Як поду», т. е. «хорошо». А потом виктрола повторяет «Песнь Леля» Римского-Корсакова, и чутко кивают чалмы кашмирцев. Одно сознание. Кончаем песней про Акбара. И вся полночь проходит без всяких отрицаний. И все обоюдно найденное принято с доброй улыбкой.

Можно ли превратить эту полночь понимания в пошлость безобразия? Вероятно, можно. Видели постыдные письма, посылаемые иностранцами [местным жителям]. Постыдные запросы плоти. Можно заменить улыбку гримасой звероподобности? Конечно, не трудно. Можно вызвать весь ужас безобразия. Можно разрушить всеобщее благо. Можно уйти с клеймом пылающим пошлости. Можно уйти во мрак невежества и предрассудка.

Как и в Сиккиме, так же и в Кашмире поражает духовная понятливость. Не успеете подумать, а уже собеседник делает соответственный жест. И сколько добрых мыслей можно сеять этими струнами чутя.

И опять ритмично перекликаются гребцы: «Ампошьпампошь», «Дазгир-Кашмир», «Шахан-шах – падишах». А значат эти клики: «Страна роз», «Храм», «Царь царей», «Лотос», «Человек», «Все хорошо».

Живем на взгорьях Пир-Панджала. Грозы сплошные, ослепительные, по трое суток. Град в голубиное яйцо. Звезды – свечи! Землетрясения – каждую неделю.

В Сибири есть такие городища на крутых буграх, опоясанные гремучими потоками. Кедровые и сосновые рощи сурово хранят эти жилья, а высоко сверкают белые шапки гор. Дятлы, горлинки, иволги, мускусные бараны и горные козлы. Так и живем в желтом, некрашеном рудовом домике. Если солнце – все напоено хвоею, но если гроза... Трое суток свирепо грохотало и ослепляло ночью кольцо молний. И

неслись ливни, и град в голубиное яйцо сразу белил все зеленеющие бугры. Грозно.

Разрешение на Малый Тибет через три недели получено. Тысячи рупий были истрачены на поездки и телеграммы. А тот вообще даже на письма не отвечает.

Серия «Знамена Востока» сложилась [\[267\]](#).

1. «Будда Победитель» перед источником жизни.
 2. «Моисей Водитель» на вершине, окруженный сиянием неба.
 3. «Сергий Строитель» – самосильно работает.
 4. «Дозор Гималаев» в ледниках.
 5. «Конфуций Справедливый» – путник в изгнании.
 6. «Иенно Гуйо Дья» – друг путников (Япония).
 7. «Миларайпа Услышавший» – на восходе познавший голоса дев.
 8. «Дордже Дерзнувший» стать лицом к лицу с самим Махакалой.
 9. «Сараха – Благая Стрела», не медлящий в благих посылках.
 10. «Магомет на горе Хира (весть архангела Гавриила)», предание.
 11. «Нагарджуна – Победитель Змия» видит знамение на озере владыки Нагов.
 12. «Ойрот – вестник Белого Бурхана», поверие Алтая.
- Уже в музее: 13. «Матерь Мира». 14. «Знаки Христа». 15. «Лао-цзы». 16. «Цзонкапа». 17. «Падмасамбхава». 18. «Чаша». 19. «Змий Древний».

Богиня Гуаньинь

В Монголии есть обычай большой древности. В случаях народного бедствия или нужды ламы всходили на высшую гору и с заклинаниями разбрасывали бумажных коней. Конь, как символ Будды, силы и счастья. И, кружась, неслись эти кони валькирий, эти световитовы кони, неся помощь неведомым бедствующим. На Двине сидел Прокопий^[268] и благословлял неведомых плывущих; на хребтах Азии ламы слали коней неведомым бедствующим. И в этой неведомости – та же забота об общем благе.

Такие обычаи лам ценны. Это не «сидение под деревом», не просьба в пространство, не фигурные движения ритуала, но «приказ» о помощи неведомым бедствующим, горный голос, требующий, чтобы умиротворились беды людские.

И еще два трогательных облика не должны быть забыты. Основатель так называемого манихейства^[269], Мани, в III веке распятый на воротах города в Персии за синтез учений и за идею общины. Другой – гуру Камбала, отдавший голову свою как символ преданности и служения. И Камбала, и белые кони в сущности тоже входят в «Знамена Востока».

Манихейство жило долго. В самой Италии манихеи, преследуемые, жили до XIV века. Может быть, от них Беноццо Гоццоли^[270] воспринял содержание пизанской фрески о четырех встречах царевича Сиддхартхи – Будды, озаривших его сознание. Вместо индийского владетеля движется кавалькада итальянских синьоров... И в некоторых восточных трактовках, точно где-то в глубине понимания, чудится характерная фантастика Гоццоли, с его пышно-узорными скалами и хвойными деревьями, с его золочеными чепраками и наверхияши ярких знамен. Ручные «пардусы»^[271] Востока сидят за седлом, и чалма охотно обвивает шлем, как на символах крестоносцев. Что это? Отзвучия Крестовых походов, о которых мечтал даже Герри Мет де Блес^[272]? Или более древняя организация синтеза верований Мани пронизала и связала сознание Востока и Запада?..

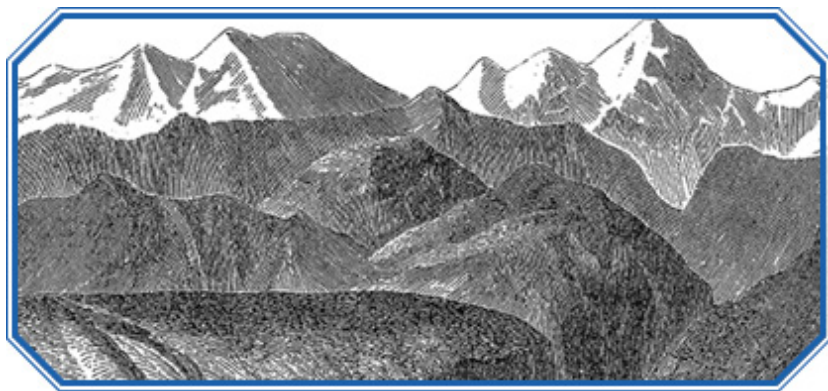
И еще подробность, связующая Восток и Запад. Помните ли турфанскую Матерь Мира с младенцем? Среди Азии, может быть, несториане^[273] или манихеи оставили этот облик. Или, вернее, этот облик остался претворенным от времен гораздо более древних. Кали или Гуаньинь^[274] – кто знает сколько им веков? За ними скрывается

жена и змий. Древность этого символа уже неисчислима. Не к библейской странице, не к символам Каббалы ведет этот облик. Несуществующие материки уже сложили красоту Матери Мира – этой Materia Lucida [светоносной материи]. Только невежество толкует о незнании древности.

Спрашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр, с легендами о небывалых народах. То зловещий балет кашмирских купцов-шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессии коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо^[275] града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц, когда весь мир участвует в мистерии эволюции. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно в новообразованиях вселенской красоты.

В Монголии поход объявлялся посылкой стрелы князю-нойону. Стрела, прилетевшая к Федору Тирону^[276], шла с востока.

Юрий едет на коне из Яркенда. Я и китаец – на конях из Хотана. У моего [клеймо] – звезда; у яркендского коня китайское – крест в квадрате.

Глава 4. Ладакх^[277]. Горы (1925)

Индра, Агни и Сурья – воздух, огонь и солнце! Индусская Тримурти – Троица – остается позади. Древняя Сарасвати^[278] Вед – великий Инд – ведет к своим снежным истокам. Если Ганг – приветствие, сидение, сосредоточение, то Инд – движение, неуклонность, стремительность. Как притягательно неуклонны пути движения народов через Гиндукуш и Памир!

Опять караван. Опять легко забываются дни и числа. Качество дня становится значительнее его числа или названия. Подобно египтянам, называвшим года по их качеству: «год битвы» или «год неурожая», – можно сохранить лишь качество дней. День коня, когда лошади провалились на снеговом мосту. Ночь волка, когда звери пробрались к становищу. Заря орла, когда беркут со свистом налетал на шатер... Закат замка, когда вознесся самый неожиданный замок, приросший к медно-огненной вершине... Вместо тюрбана из-за камня поднялась мохнатая шапка. Путь в страну Будды.

Качества Будды: Шакьямуни – мудрый из рода Шакья. Шакья-сингха – Шакья-лев. Бхагават – благословенный. Саттха – учитель. Джина – победитель.

Говорил Будда^[279] изуверам и ханжам: «Все ваши правила низки и смешны. Иной из вас ходит нагой. Иной не станет есть из кувшина или с блюда. Не сядет за стол между двумя собеседниками или между двумя блюдами. Иной не примет подаяния в том доме, где есть беременная женщина или где встретит собаку. Иной не ест из двух сосудов и на седьмом глотке перестает есть. Иной не садится на скамьи или на циновки. Иной лежит нагой на колючих растениях или на коровьем помете.

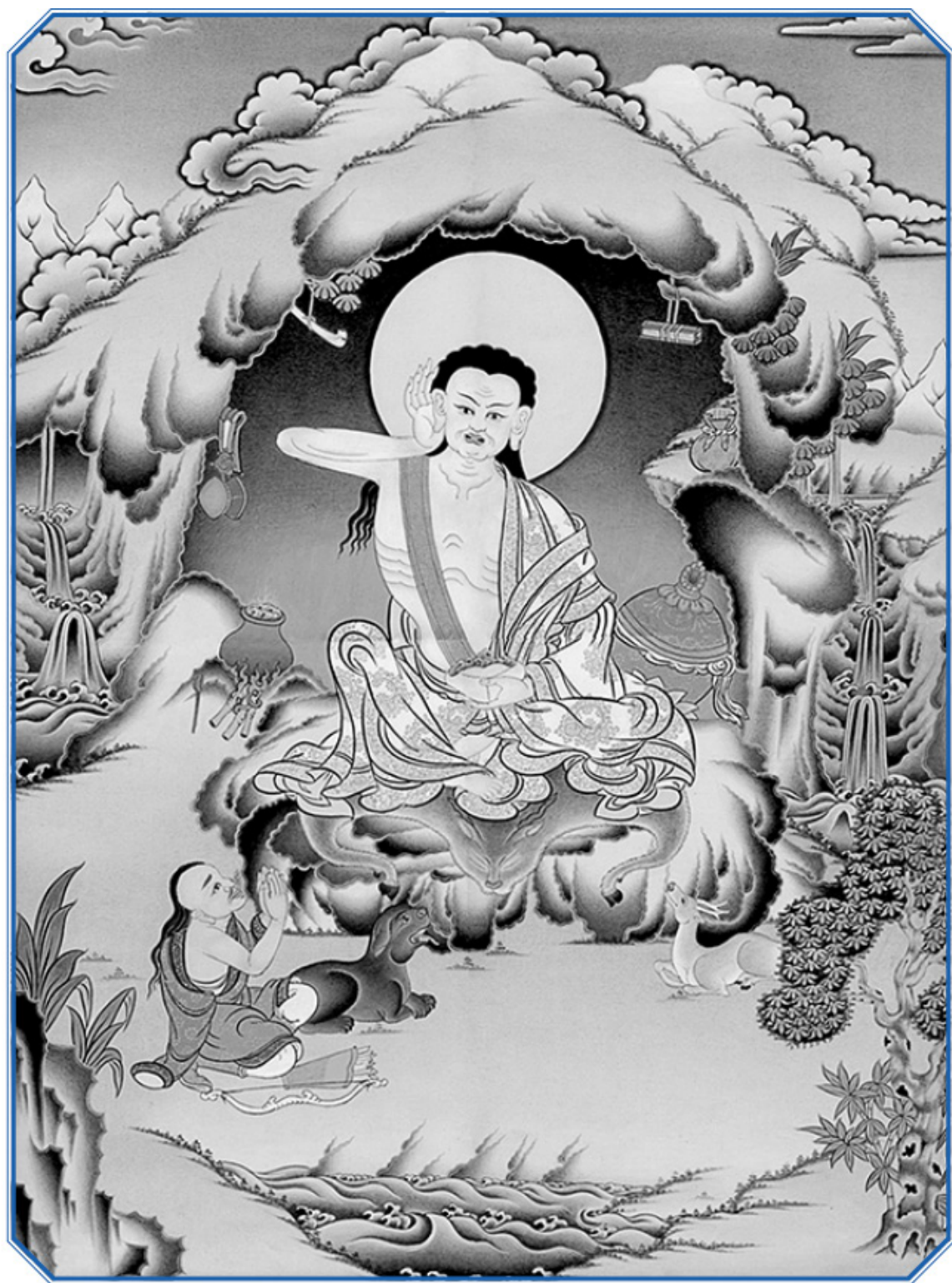
Чего ожидаете вы, произвольные труженики, за свои тяжкие» труды? Ожидаете от мирян подаяния и уважения, и, когда достигнете этой цели, вы крепко пристращаетесь к удобствам временной жизни и не хотите расстаться с ними. Если завидите издали посетителей, как тотчас показываете вид, будто вас застали в глубоком размышлении. Когда вам подают грубую пищу, вы отдаете ее другим, а всякую вкусную еду оставляете у себя. Предаваясь порокам и страстям, вы надеваете личину скромности. Не таково истинное подвижничество».

Шесть лет положил Будда на убеждение Кашьяпы^[280]. Даже возжигал огни чуждых ему алтарей, прежде чем упрямство старых убеждений Кашьяпы было сломлено и Будда мог присоединить к новому учению «старый авторитет». Там, где выдвигается красота, научный подход и просвещенная жизненность, там «старые крепости» особенно прочны. Надо понять все трудности Будды при ломке предрассудков, если один человек потребовал шесть лет на усвоение прекрасной простоты, чтобы потушить огни никому не нужных приношений суеверия.

Прожить восемьдесят лет в постоянном учительстве^[281], видеть, как на глазах извращалось учение, понимать, как многие государи и священники принимают учение лишь из своекорыстных соображений, предчувствовать уже приготавливаемую оболочку новой условности...

Он, сам вместивший понятие ничтожности власти, сказал: «Идите, нищие, несите спасение и благо народам». В одном слове «нищие» заключена вся программа. Пришло время, когда из-за позолоты идола появляется лик Будды, великого общинника, учащего против собственности, против убийства, пьянства, излишеств. Появляется могучий облик, зовущий к переоценке ценностей, к труду и познанию.

Много раз очищали учение Будды, и все-таки оно быстро засыпалось копотью предрассудков. Жизненность превращалась в грудку трактатов и метафизическую номенклатуру. Что же изумляться, если и сейчас еще высятся стены монастыря Ламаюру – твердыни верований бон, с их шаманскими вызываниями, зародившимися задолго до рождения Будды.

Джецун Миларепа (1040—1123)

Миларепа, или Миларайпа, Мила, — учитель тибетского буддизма, знаменитый йог-практик и аскет, поэт, автор многих песен и баллад, до сих пор популярных в Тибете, один из основателей школы кагью.

Н. К. Рерих совершенно справедливо называл Миларепу «тибетским Орфеем».

Но все-таки произошло полезное сознание: привыкли очищать учение. Конечно, не пресловутые соборы в Раджагрихе, Весали и Патне^[282] возвращали учение к первоначальной простоте общины. Но сильные духом отдельные учителя искренно пытались снова явить прекрасный лик учения. Атиша, поражавший условщину, боролся с темным пережитком чародейства бон. Асвагхоша — основатель всей махаяны Севера, применявший для убедительности и наглядности форму драматических представлений. Смелый Нагарджуна, почерпнувший на озере Юмцзо^[283] мудрость из бесед с Нагом — «змеиным царем».

Тибетский Орфей Миларайпа, окруженный животными и слушавший вещие голоса гор. Поборовший силы природы Падмасамбхава, мощный, хотя и искаженный условностями «красных шапок». Ясный и деятельный Дзонкапа, так полюбившийся всему Северу, основатель «желтых шапок». И многие другие, одинокие, понимавшие предуказанную эволюцию, счищали пыль условности с заветов Будды. Их труды снова прикрывались затхлым слоем механических ритуалов. Условный ум обывателя, даже признав учение Будды, все-таки пытался одеть его по своему предрассудочному разумению.

Ни у Алары Каламы^[284], ни у Уддаки Рамапутты^[285] Будда не нашел спасительных решений. Преобразователь, стремившийся к жизненности, не мог удовлетвориться перетолкованиями Ригведы. Далеко уходит Будда, в тайники гор. Предание доводит смелого искателя до Алтая. И сказание о Белом Бурхане^[286] сохраняется на

Алтае во всей жизненности. Около таинственной Урувелы^[287] Будда приближается к простейшему выражению всех накоплений.

И на берегах Наирнагары озаряется решимостью сказать слова об общине, об отречении от личной собственности, о значении труда на общее благо и о смысле познания. Установить научный подход к религии было истинным подвигом. Обличить своекорыстие жрецов и брахманов было высшим бесстрашием. Явить истинные рычаги скрытых сил человеческих было неслыханно трудно. Царю прийти в обличье могучего нищего было необыкновенно прекрасно.

В осознании эволюции человечества облик общинника Будды занимает неоспоримое, прекрасное место.

Будда должен был телесно услышать грохот разрушения родного города Капилавасту^[288]. Конфуций^[289] должен был переезжать изгнанником с места на место. И его странственная колесница поставлена в храме вместе с его сочинениями и музыкальными инструментами. Не диво, ибо в основе учения Конфуция лежит та же община. Вспомним его учение:

«Если любовью будут воспламенены сердца смертных, то весь свет будет наподобие одного семейства. Все люди будут представлять в себе одного человека, и все вещи, по причине удивительного взаимного порядка и союза, покажутся одним и тем же существом. Мы должны любить других, как самих себя, следовательно, должны желать им всего того, чего себе желаем».

«Лицемерие есть порок ненавистнейший».

«Тот, кто прикрывается одною внешностью добродетели, походит на злодея, который днем показывается честным человеком, а ночью занимается похищением имущества ближнего».

«Опасайся тех, которые учиняются скорей хвалителями добродетели, нежели ее последователями. Не обманывайся их учеными рассуждениями, которые хотя бы можно было понимать за выражение души убежденной, но они являются лишь плодом испорченного ума и выдуманностями побуждения сердца. Те, которые говорят с некоторым родом чувствительности о смиренномудрии, о благе общем, не всегда сами бывают в том примерами».

«Воздержание, простота в одеянии, приличество, изучение наук и искусств, отвращение к ласкателям, любовь к низшим, бескорыстие, благоразумие, постоянство, доброта – суть обязанности предписанные».

«Учись наукам и изящным искусствам, пользуйся наставлениями мудрости».

«Скупой, будучи сам в беспокойствии, делается для других предметом страшным и отвратительным. Благоразумие да управляет всеми твоими делами».

«Для познания людей, добры ли они или злы, нет лучшего способа, как смотреть на зрачок глаза; ибо зрачок глаза не может скрывать порока, таящегося в сердце».

«Не давай чувствовать высокого твоего положения низшим, не покажи преимущества твоих заслуг равным».

«Нет ничего такого, чего не могло бы достигнуть постоянство. Могу всякий день приносить корзину земли. И если я то [буду] продолжать [делать], то наконец воздвигну гору».

«Человек должен стать сотрудином неба и земли».

«Все существа питают друг друга».

«Законы движения светил совершаются одновременно, не нарушая друг друга».

«Действия неба и земли разделяются на бесчисленные потоки, действуя на каждое существо по отдельности; их общее действие совершает великие превращения – вот в чем величие неба и земли».

«Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но, чтобы приложить их, нужна искренность».

«Человек, не осознавший свое назначение, не может считаться великим человеком».

«Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя».

«Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?»

«Мудрец тверд, но не упрям».

«Будьте медленны в словах и быстры в действии».

«Мудрый ждет все от самого себя, ничтожество – все от других».

«Я люблю блеск добродетели, который не проявляется громкими словами и напыщенными движениями. Шумиха, возвешение – вещи очень второстепенные в преобразовании народов».

«Невежда, гордящийся своим знанием, ничтожный, желающий чрезмерную свободу человек, возвращающийся к древним обычаям, подвержены неминуемым бедствиям».

«Стрелок являет пример для мудреца. Когда он не попадает в середину цели, он ищет причину в себе».

Уча об общем благе, Конфуций должен был всегда под рукою иметь свою колесницу...

Толкует старый китаец о Конфуции. Эти старые мысли сливаются со следами старых китайских путешественников, оставивших столько полезных сведений об Индии и всей Средней Азии.

先師孔子行教像

Конфуций.
Древнекитайское изображение

Если из-за идола Будды трудно усмотреть высокий Лик Будды Учителя, то еще неожиданнее в Тибетских горах встретить и узнать прекрасные строки об Иисусе. Буддистский монастырь хранит учение Иисуса, и ламы отдают почтение Иисусу, здесь прошедшему и учившему. Если кто-либо будет слишком сомневаться в существовании таких документов о жизни Христа в Азии, то, значит, он не представляет себе, как широко были распространены в свое время несториане и сколько так называемых *апокрифических* легенд ими было распространено в древнейшие времена. И сколько правды хранят апокрифы!

Ламы знают, что Иисус, проходя по Индии и Гималаям, обращался не к браминам и кшатриям, но к шудрам – к трудящимся и униженным. Записи лам помнят, как Иисус возвеличил женщину – Матерь Мира. Ламы указывают, как Иисус отрицательно относился к так называемым чудесам.

Записи лам говорят, что Иисуса убил не еврейский народ, но представители римского правительства. Империя и богатые – капиталисты – убили Великого Общинника, несшего свет и трудящимся, и бедным. Путь подвига света!

Послушаем, как говорят в Гималаях о Христе. В рукописях, имеющих древность около 1500 лет, можно прочесть: «Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе с купцами из Иерусалима направился к Инду, за усовершенствованием и изучением законов Учителя.

Он провел время в древних городах Индии Джаггарнате, Раджагрихе и Бенаресе. Все его любили. Исса жил в мире с вайшиями и шудрами, которых он обучал.

Но брамины и кшатрии сказали ему, что Брама запретил приближаться к сотворенным из его чрева и ног. Вайшии могут слушать Веды лишь по праздникам, а шудрам запрещено не только присутствовать при чтении Вед, но даже смотреть на них. Шудры обязаны только вечно служить рабами браминов и кшатриев.

Но Исса не слушал речей браминов и ходил к шудрам проповедовать против браминов и кшатриев. Он сильно восставал против того, что человек присваивает себе право лишать своих ближних человеческого достоинства.

Исса говорил, что человек наполнил храмы мерзостью. Чтобы угодить камням и металлам, человек приносит в жертву людей, в которых обитает частица Высшего Духа. Человек унижает работающих в поте лица, чтобы приобрести милость тунеядца, сидящего за роскошно убранном столом. Но лишаящие братьев общего блаженства будут лишены его сами, и брамины и кшатрии станут шудрами шудр, с которыми Высший Дух пребудет вечно.

Вайшии и шудры были поражены изумлением и спросили, что они должны делать. Исса говорил: «Не поклоняйтесь идолам. Не считайте себя всегда первыми и не унижайте своего ближнего. Помогайте бедным, поддерживайте слабых, не делайте зла кому-либо, не желайте того, чего не имеете, но что видите у других».

Многие, узнав про эти слова, решили убить Иссу. Но Исса, предупрежденный, оставил ночью эти места.

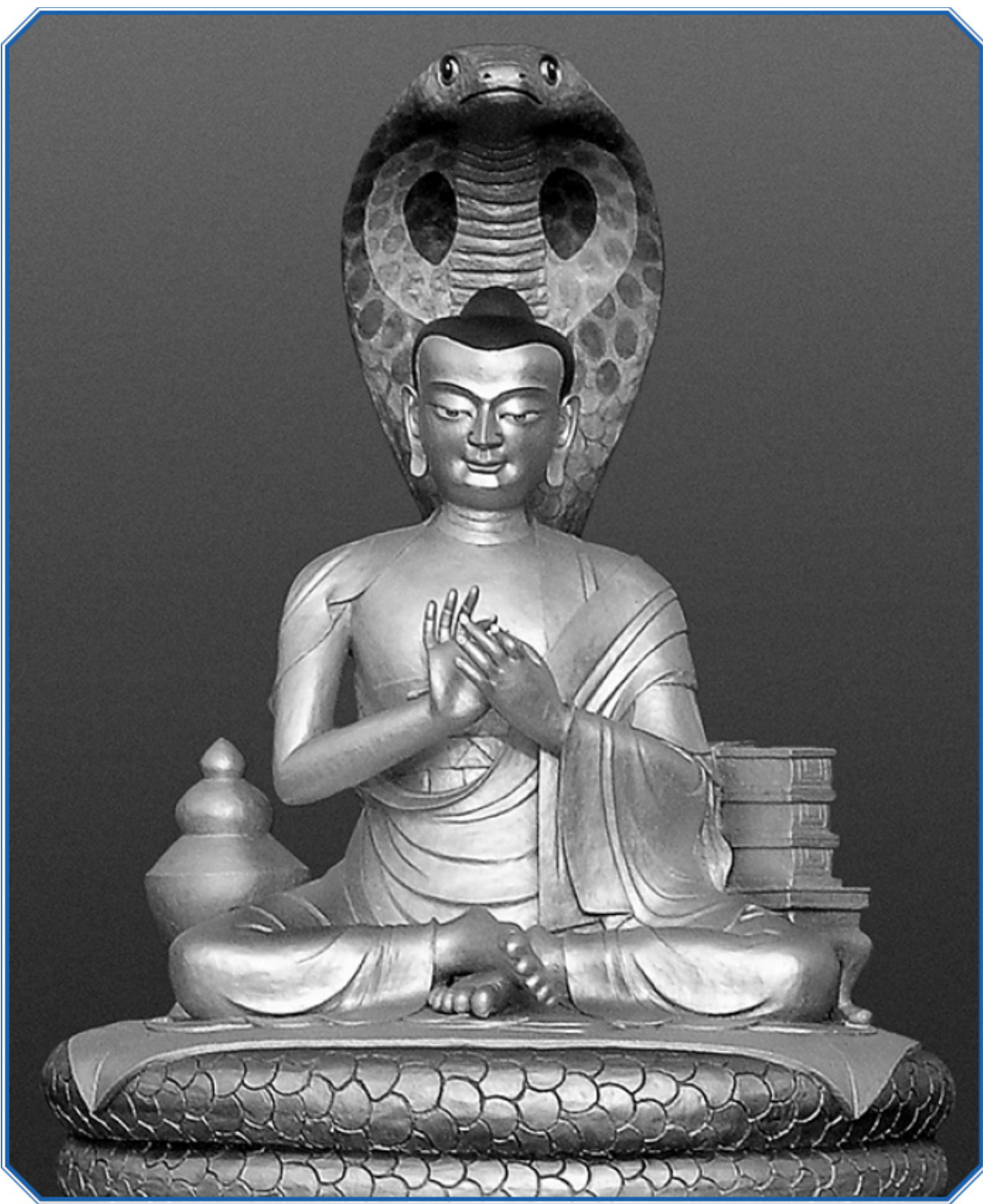
Затем Исса был в Непале и в Гималайских горах...

«Сделай же чудо», – говорили ему служители храма. Тогда Исса сказал: «Чудеса начали являться с первого дня, как сотворился мир. Кто же их не видит, тот лишен одного из лучших даров жизни. Но горе вам, противники людей, горе вам, если вы ждете, что Он засвидетельствует свое могущество чудесами».

Исса учил не стараться видеть своими собственными глазами Вечного Духа, но чувствовать его сердцем и стать душой чистой и достойной... «Не только не совершайте человеческих жертвоприношений, но и не закалывайте животных, ибо все дано на пользу человека. Не воруйте чужое, ибо это было бы похищением у ближнего. Не обманывайте, чтобы вас самих не обманули. Не поклоняйтесь солнцу, оно только часть мира».

«Пока народы не имели жрецов, естественный закон управлял ими, и они сохраняли непорочность души».

«И говорю: бойтесь все совращающее с истинного пути и наполняющее людей суевериями и предрассудками, ослепляющее зрячих и проповедующее поклонение предметам».

Нагарджуна. Рисунок по фотографии

Нагарджуна (предположительно II—III вв.) — великий индийский мыслитель, основатель буддистской школы мадхьямики.

В дословном переводе с санскрита его имя означает «серебряный змей». У китайцев известен как Луншу; у японцев — Рюдзю. По преданию, много лет провел в знаменитом буддистском монастыре-университете Наланда, чтобы сделаться достойным обрести сутры Праджня-Парамиты — Запредельной Премудрости, которые Будда за пятьсот лет до того сокрыл у змеев-нагов. Медитируя над этими сутрами, Нагарджуна разработал свою философскую систему — Праджняпарамиту. Уже при жизни он почитался бодхисатвой, позднее стал объектом поклонения.

Иссе исполнилось 29 лет, когда он прибыл по возвращении в страну Израиля. Исса учил: «Не впадайте в отчаяние, не покидайте дома вашего, не губите благородства чувств ваших, не поклоняйтесь идолам, наполняйтесь надеждой и терпением. Вы поднимите упавших, дадите есть голодным, поможете недужным, чтобы быть совершенно чистыми и праведными в день последний, который я вам готовлю. Если хотите совершать дела благодати и любви, делайте их со щедрым сердцем. Да не будет в этих действиях надежды на прибыль или на торговый расчет. Дела прибыли и расчета не приблизят вас».

Тогда Пилат, правитель Иерусалима, приказал схватить проповедника Иссу и доставить его судьям, не возбуждая, однако, недовольствия народа.

Но Исса учил: «Не ищите прямых путей в темноте и под страхом, но соберите силы и поддержите друг друга. Поддерживающий соседа укрепляет самого себя.

Разве не видите вы, что могущественные и богатые сеют дух мятежа против вечного небесного сознания.

Законы Моисея я старался восстановить в сердцах людей. И вам говорю, что вы не разумеете их истинного смысла, ибо не мести, но прощению они учат, но значение этих законов извращено».

Правитель же пришел в гнев и подослал к Иссе своих переодетых слуг, чтобы следить за всеми его действиями и доносить о словах его к народу.

«Праведный человек, – сказали Иссе переодетые слуги правителя Иерусалима, – научи нас, нужно ли исполнять волю кесаря или ожидать близкого освобождения?»

Но Исса, узнав прислужников переодетых, сказал: «Я не предсказывал вам, что вы освободитесь от кесаря, – я сказал, что душа, погруженная в грех, будет освобождена от него».

Тем временем старая женщина приблизилась к толпе, но была отстранена одним из переодетых. Тогда Исса сказал: «Почитайте женщину, мать Вселенной; в ней лежит истина творения. Она – основание всего доброго и прекрасного. Она – источник жизни и смерти. От нее зависит существование человека, ибо она – опора в его трудах. Она вас рождает в муках. Она следит за вашим ростом. До самой ее смерти вы причиняете ей томление.

Благословляйте ее. Читите ее. Она – ваш единственный друг и опора на земле. Почитайте ее. Защищайте ее. Любите ваших жен и уважайте их, ведь они завтра матерями будут, а позднее – праматерями всего рода. Любовь их делает человека благородным, смягчает ожесточенные сердца и укрощает зверя. Жена и мать – неоценимое сокровище, они – украшение Вселенной. От них родится все, что населяет мир.

Как свет отделяется от тьмы, так женщина владеет даром отделять в человеке добрые намерения от злых мыслей. Черпайте в них ваши нравственные силы, необходимые вам, чтобы помогать ближнему. Не подвергайте ее унижениям, этим вы унизите только самих себя. Этим вы потеряете то чувство любви, без которого ничего здесь на земле не существует. Принесите почитание жене, и она защитит вас. Все, что сделаете матери, жене, вдове или другой женщине в скорби, – сделаете для духа».

Так учил Исса; но правитель Пилат, испуганный приверженностью народа к Иссе, который, если верить его противникам, хотел поднять народ, – приказал одному из соглядатаев обвинить его.

Исса, думавший только о блаженстве своих братьев, переносил страдания. Сказал Исса: «Недалеко то время, когда Высшею Волею народ очистится, ибо явится объявление освобождения народов и соединение их в одну семью».

И затем обратился к правителю: «Зачем унижаешь свое достоинство и учишь подчиненных жить во лжи, когда и без того ты имеешь возможность обвинить невинного?»

Так создаются сказания и легенды.

Такой высокий и близкий всем народам облик Иисуса сохраняют буддисты в своих горных монастырях. И не то диво, что учения Христа и Будды сводят все народы в одну семью, но диво то, что светлая идея общины выражена так ясно. И кто будет против этой идеи? Кто умалит простейшее и красивейшее решение жизни? И община земная так легко и научно вливается в великую Общину всех миров. Заветы Иисуса и Будды лежат на одной полке. И знаки древнего санскрита и пали объединяют искания.

Другой источник, менее известный, говорит также о жизни Иисуса в Тибете. «Около Лхасы был храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел ознакомиться с ними сам. Минг-Сте, великий мудрец всего Востока, был в этом храме. Через много времени, с величайшими опасностями, Иисус с проводником достигли этого храма в Тибете. И Минг-Сте, и все учителя широко открыли ворота и приветствовали еврейского мудреца. Часто Минг-Сте беседовал с Иисусом о грядущем веке и священной обязанности, принятой народом этого века. Наконец, Иисус достиг горного прохода, и в главном городе Ладакха – Лэ он был радостно принят монахами и людьми низкого состояния. И Иисус учил в монастырях и на базарах; там, где собирался простой народ, – именно там он учил.

Недалеко жила женщина, у которой умер сын, и она принесла его Иисусу. И в присутствии множества людей он возложил руку на ребенка, и ребенок встал здоровый. И многие приносили детей, и Иисус возлагал руки на них, излечивая их.

Среди ладакхцев Иисус провел много дней; он учил их лечению и тому, как превратить землю в небо радости. И они полюбили его и, когда пришел день ухода, печалились, как дети. И утром пришли множества проститься с ним».

Иисус повторял: «Я пришел показать человеческие возможности. Творимое мною все люди могут творить. И то, что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран – это вода и хлеб жизни».

Сказал Иисус об искусных певцах: «Откуда их таланты и эта сила? За одну короткую жизнь, конечно, они не могли накопить и качество голоса, и знание законов созвучий. Чудеса ли это? Нет, ибо все вещи происходят из естественных законов. Многие тысячи лет назад эти люди уже складывали свою гармонию и качества. И они приходят опять еще учиться от всяких проявлений».

После жизненного облика Иисуса, сохраненного в Азии, нельзя не вспомнить слова Евсевия в его труде «Жизнь Константина»: «Чтобы придать христианству большую привлекательность в глазах благородных, священники приняли внешние облачения и украшения, употреблявшиеся в языческих культах». Всякий, знающий культ Митры, оценивает справедливость этого замечания. Преданный неоплатоник, почитатель древней философии, Климент Александрийский поучал христианских епископов.

Незнание! Русские князья гибли в ханских ставках за нежелание почитать изображение Будды; в то же время монастыри Тибета уже хранили прекрасные строки об Иисусе. Кирилл Александрийский погубил подвижницу Ипатию, но именно ученику ее, Синезию, была предложена епископия Птолемаиды, даже до принятия им крещения.

Суеверие! Иероним советовал новообращенным христианам топтать тело их языческой матери.

Цинизм! Папа Лев X воскликнул: «Как полезна нам сия притча Христова!»

Не должен быть забыт Ориген^[290], знавший значение древних мистерий и понимающий истинный смысл учения Иисуса. Ориген еще мог сказать словами «деяний»: «Все же верующие были все вместе и имели все общее^[291], продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца».

Ориген знал, почему это общее благо важно, и глубоко заглядывал в истину. За это Церковь, иногда очень щедрая на звания святых, лишила его этого титула. Но даже враги не отказали назвать Оригена

учителем. Ибо он подходил к учению научно и не боялся говорить об очевидном.

Н. К. Рерих во время работы над росписью церкви
в Талашкине. 1914 г.

В чем обвиняли Оригена? «Жития святых» говорят: «Ориген, чудо своего века по фомадности своего ума и глубине учености, на двух Александрийских соборах и, после кончины, на Константинопольском соборе был осужден как еретик. Ориген неправильно мыслил о многих истинах христианской церкви. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправильно мыслил о Христе, полагая, что было создано определенное число духовных существ разного достоинства, из которых один с такой пламенной любовью устремился, что неразрывно соединился с Высшим Словом и стал его носителем на земле.

Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира, Ориген неправильно понимал и крестную смерть Христову, представляя ее чем-то духовно повторяемым в духовном мире. Ориген приписывал слишком многое действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа...» Хороши были соборы, которые могли говорить против бесконечного, космического смысла материи!

Сергий, Строитель Общин, запрещал своим сотрудникам принимать подаяния. Пища и вещи могли быть принимаемы лишь в обмен на труд. Голодая, сам он предлагал свою работу. Строение общины и просвещение были единственными занятиями этого замечательного человека. Отказ от митрополичьего сана и от ношения на себе ценных металлов в его жизни является естественным поступком без всякой рисовки. Неутомимость труда; подбор молодых, никому не известных сотрудников; простота как наверху, так и внизу. Отказ от личной собственности не по указу, но по сознанию вредности этого понятия. В списке строителей общины Сергий сохранил большое место.

Их не так много – строителей жизни, отвечающей во внутреннем смысле грядущей эволюции. И бережно мы должны отбирать эти имена грядущего света, продолжая список их до современности.

Один из Великих Махатм Индии говорит: «Вам было сказано, что наше знание ограничивается нашею Солнечною системою; значит, как философы, желающие быть достойными этого наименования, мы не можем ни отрицать, ни утверждать существование называемого вами высшего, всемогущего, разумного Существа за пределами нашей Солнечной системы. Но если такое существование и не вполне

невозможно, все же, если только единообразие законов природы не нарушается у этих пределов, мы держимся положения, что оно в высокой степени невероятно.

Тем не менее мы горячо отрицаем положение агностицизма в этом направлении касательно нашей Солнечной системы. Наше учение не знает компромисса: либо утверждает, либо отрицает, ибо оно учит лишь тому, что известно как истина, и поэтому мы отрицаем Бога, как философы и как буддисты. Мы знаем, что в нашей системе нет такого существа, как Бог, личный или безличный».

В борении и явлении истины, на колесницах времени встают законо-положенники общего блага: неутомимый водитель Моисей; суровый *Амос* [\[292\]](#); Лев-Победитель – Будда; справедливость жизни – Конфуций; огненный поэт Солнца – Зороастр; преображенный, отраженный «теньями» – Платон; великий в жертве бессмертия – Благий Исса; толкователь мудрости, одинокий Ориген; великий общинник и подвижник Сергей. Все ходившие неутомимо; все подлежавшие современному преследованию; все знавшие, что учение общего блага придет непреложно; все знавшие, что каждая жертва общему благу есть лишь приближение путей.

На горах говорят об этих учениях и внимают им просто. И в пустынях, и в степях люди поют в каждодневном обиходе о вечности и том же – общем благе. Жители Тибета, Монголии, буряты – все помнят о благе общем.

Как мыслят народы Азии? Алтайцы помнят о Белом Бурхане. Даже пострадали за ожидание его лет двадцать тому назад. Они обращаются к Белому Бурхану на вершине Херема [крепости]:

Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы, —
Белый Бурхан!
Ты, дух Алтая, —
Белый Бурхан!
Ты, поселивший в себе, в золоте и серебре,
Народ, Белый Алтай!
Ты, который светишь днем, —
Солнце-Бурхан!

Ты, который светишь ночью, —
Месяц-Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур^[293].

Белый Бурхан требует сжечь идолов и обещает плодородие общей земли и пастбищ. И вот общее благо дойдет и до алтайских становищ. Так претворяют давнее предание о приходе Будды на Алтай.

Как мыслят народы Азии? Буряты поют:

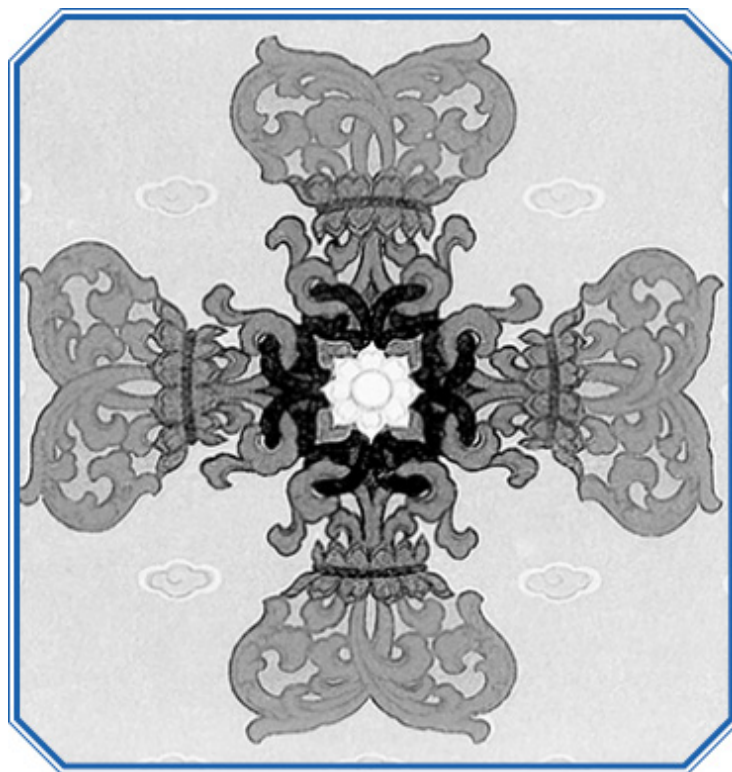
Скажешь: солнце, стой ты!
Что же значит его захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?
Скажешь: луна, стой ты!
Что же значит ее захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?
Скажешь: снег, останься ты!
Что же значит его таяние?
Скажешь: старцы, останьтесь вы!
Что же значит их отправление?
Скажешь: облако, стой ты!
Что же значит, что оно скрывается?
Скажешь: старцы, стойте вы!
Что же значит их отшествие?

Монголы поют:

Тот, кто не имеет вещей, которые он собирал бы
корыстолюбиво,
Не имеет вещей, с которыми не хватит у него сил расстаться.
Кто твердо мыслит —
Обладает прочным и прекрасным наслаждением.

Да, Азия мыслит твердо. И под чалмою, и под феской, и под тюбетейкой – находчивый ум и умение богато применяемое.

Древние китайцы сохранили прекрасный гимн матери Солнца, называя ее владицей Востока.

Глава 5. Ламаюру – Лех – Хеми (1925)

В древних китайских сторожевых башнях были находимы среди манускриптов словари и биографии знаменитых женщин. На далеких границах были такие устремления.

Когда уже знаете красоты Азии, уже знаете всю насыщенность красок ее, и все-таки они опять поражают, опять возносят чувства. И самое недостижимое становится возможным.

Мухи, москиты, блохи, ухвертки. Всякие дары Кашмира. Уход наш был не без крови. В Тангмарге^[294] банда провокаторов напала на наш караван и начала железными палками избивать наших людей. Семерых повредили. Пришлось с револьверами и маузерами оберегать порядок. За выход из Кашмира можно и заплатить. Заплатили и вышли. В Хунде конюхи накормили коней ядовитой травой – кони начали дрожать и легли. Всю ночь их выхаживали. Особенно пострадали мой Мастан и Сабза Юрия. Погонщики развели костры вокруг ящика с патронами. В палатку под постель Юрия заползла дикая кошка. Много мух, москитов, блох, ухверток и «шайтанов» в Кашмире.

Пришел Саттар Хан (караванщик), привел пять оборванцев: «Это особая стража от деревни. Поблизости ходят африди^[295] (из Афгана [Афганистана]). Могут грабить». Оборванцы спали около палаток. Никто грабить не пришел.

Мокрый, ненастный Балтал^[296]. Не успели раскинуть мокрые палатки, как является новая провокация. Приходит полицейский с рапортом о том, что наши люди только что уничтожили санитарный пост и тяжело оскорбили врача. По счастью, сторож почтовой станции не подтвердил эту злую выдумку. Повторяем нашим людям: не отвечать ни на какие оскорбления. Караванщики заставили лишний день простоять в Балтале из-за боязни обвалов на Соджи. Толковали, ходили на гору и с трудом решились тронуться. Никаких обвалов не было, хотя, как всегда на горных карнизах, могли быть отдельные падающие камни. На перевале, как всегда, ледяной ветер. Шуба делается легче газа.

Балтистанец заболел животом. По неосторожности ему дали коньяку. Немедленно «заболели» еще трое, а когда им дали очистительного, они стали требовать того же лекарства, как и первому.

Около Драса^[297] в поле работали замечательно красивые женщины. Арабский тип. Одеты в черные рубахи. На головах черная повязка. Думали, что это дарды^[298], но, говорят, это африди, пришедшие на летние пастбища из Афгана. Те самые, которых боятся.

Рассказы, как уничтожаются караваны: один тибетский караван был захвачен сининским амбанем. Другой был уничтожен полностью монгольским Джеламой, который, начав национальным деятелем, кончил феодальным бандитом. Его хошуны^[299] до сих пор грабят в Цайдаме^[300].

Рассказы о высоких процентах, взимаемых китайцами. Чиновники и офицеры – все дают деньги в рост, беря до 20 процентов месячных. Ужасно.

Идут встречные караваны. Всякие народы – дарды, балтистанцы, ладакхцы, астарцы, яркендцы^[301]. Языки совершенно различны. Точно переселение народов.

Древние готы не сравнивали ли Тироль с Кашмиром? Или с Рейном? Ажурна, непрочна красота Кашмира. Трудно представить себя в мощной Азии. Дальше, дальше, туда, к скалам и янтарным пескам.

Показалась береза – белая сестра. Встречный старик говорит об обвале на Соджи. Будто идти нельзя. Пошлем шикари^[302] разведать. Из-за оползней просидели день в Балтале. Много ядовитых трав в Балтале, и все эти травы принимают благонамеренный вид. Опасно для коней. На Соджи выпал снег – очень рано для половины августа.

После Соджи все изменилось. Позади остался Кашмир со всеми его ядовитыми травами, холерой и насекомыми. Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, пришли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, и камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром – крепкие заморозки. В полдень – ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки. Все готово принести дары. Здесь возможны большие решения.

Мать Мира — Белая Тара
как Авалокитешвара

После Драса встретили первую буддистскую весть. Около дороги две каменные стелы, изображающие Майтрейю. Около них — камень с изображением всадника. Не на белом ли коне этот всадник? Не вестник ли нового мира? Значительно, что первым буддистским знаменем является именно облик Майтрейи.

В Маульбеке^[303] побывали в настоящем тибетском доме старого уклада. Взошли по приставной лестнице, как по подъемному мосту. Домашняя моленная. Запах курений. Степенная вдова — хозяйка. С балконов прекрасный вид, со всеми горами и фантастикой песчаных

изваяний^[304]. Тихие горницы. На полу, около двери, девушка выжимает растительное масло для лампад. За спиной у нее шкура яка. На голове тяжелый убор из бирюзы.

В Дресе лишь первый знак Майтрейи. Но в древнем Маульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земле. Знают – Майтрейя идет. Не об этом ли гигантском изображении писал Фа Сянь^[305] в своих дневниках? Похоже!

Монастырь Маульбек с двумя храмами и бесчисленными развалинами венчает скалы необычно героическим аккордом. Как драгоценный бронзовый слиток! И спит страна забытого героизма. Забыта легенда Геродота о муравьях, приносящих золото с берегов Инда. Но кто-то помнит об этом золоте. И Гэсэр-хан^[306] в срок обещает открыть золотые поля людям, которые сумеют достойно встретить грядущее время Майтрейи. Век общего блага, век мировой общины, завещанный самим Буддой.

Ладакхские погонщики-буддисты перед каждой едой моют руки, голову и полощут рот. И поют звонко и радостно. И мой черный конюх начинает пляс по дороге. Идем весело. Замечаем краски и профили скал.

Те, кто строил Ламаюру^[307] и Маульбек, знали, что такое истинная красота и бесстрашие. Перед таким размахом, перед такой декоративностью тускнеют итальянские города. И эти торжественные ряды ступ, как радостные светильники на турмалиновых лесках. Где вы найдете такую декорацию, как замок «Тигровая вышка», или бесчисленные развалины замков около тибетской Карну, увенчавшие все утесы? Где же страна, равная этим забытым местам? Будем справедливы и преклонимся перед истинной красотой.

Поразительно! В Ламаюру, в этой твердыне не только красной секты и даже бон, в ряду прочих изображений стоит большое изображение Майтрейи. Поставлено около 200 лет назад. Даже сюда проникло это знание. Только Майтрейя прочно связывает махаяну с хинаяной. В этом почитании соединились желтая и красная секты. Есть величие в этом почитании будущего.

Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: «Откуда?» Никогда не спросят: «Кто вы?» Личность уже тонет в

движении. Над караваном несутся возгласы: «шабаш», т. е. «хороший конец [пути]», или «каварда», т. е. «опасность, внимание». И правда, по крутым откосам желто-гремящего Инда всегда могут быть жестокие потоки щебня, могущие срезать коня в кипень потока.

Саспул^[308] – открытое, веселое место. Кругом много монастырей. При самой дороге – маленький монастырь, а в нем – гигантское изображение сидящего Майтрейи. По бокам тоже гиганты – Манджушри^[309] и Авалокитешвара^[310]. В переднем храме древняя каменная стела с теми же изображениями (век X или ранее). Лама при храме сознательно говорит о Майтрейе. Храм этот мало отмечен описаниями. Майтрейя стоит, как символ будущего. Но видели и знаки прошлого. На скалах – изображения оленей, круторогих горных козлов и коней.

Где мы видели такие же изображения? На камнях Северной Америки, на сибирских скалах. Та же техника, та же стилизация и то же уважение к животным. Людских изображений мало. Видели лишь одного стрелка из лука и какую-то вереницу людей, может быть, ритуальную. Через эти изображения Америка и Азия протягивают руку друг другу. На стене полугрота, где мы остановились на отдых, рука неведомых путников также оставила изображение животных.

Басго – старинный монастырь на острых скалах. Такую причудливую линию без всякой мелочности редко встретишь.

В деревнях ладакхских не пахнет гадко. Наоборот, часто слышны запахи курения, дикая мята, шалфей, яблоки и абрикосы.

Прошли Калацзе. Там на мосту была прибита рука «разбойника» Сукамира, пытавшегося завоевать Ладакх для Кашмира. Кошка съела кровожадную руку, и пришлось позаимствовать руку у умершего ламы, чтобы символ не пострадал. В Калацзе уже миссионеры.

Станы от Сринагара до Леха: Гандербал, Канган, Хунд, Сонамарг, Балтал (Соджи), Матайян, Драс, Карбу, Каргил, Маульбек, Тибетское Карну, Ламаюру, Нурла, Саспул (Басгу), Ниму. Последний можно сократить, если ночлег в Лехе заготовлен.

Пшеница не боится 12 000 футов высоты, а ячмень – освоился с 15 000. Лошадей вместо овса кормят ячменем. Какой-то ветеринар доказывал, что ячмень очень вреден коням, но весь Тибет на деле доказал обратное.

За время войны и революции усилилась торговля [Китайский] Туркестан – Индия. В Лехе назначен особый торговый агент, бывший политический инспектор Гилгита.

Ягнятники бородатые, орланы и пустельги коричневым золотом висят на сапфирах и турмалинах гор.

На Новый год тибетцы приносят Будде свежепроцветшую зелень. Ведь на тибетский Новый год, в начале февраля, в Лхасе уже готовятся к полевым работам. Что же лучше и свежее и устремленнее поднести Будде, нежели свежую рассаду? Эту первую весть проснувшейся жизни.

Или брать так, как есть, в полной действительности, или предаться личному суеверию. Конечно, драгоценна действительность. Но тогда нужно взять истинные жизненные факты. Эти факты принесут и трогательную зелень Будде. Принесут и мечты о единении народов. Принесут построение новых союзов. А другие факты покажут, как мелочно благополучие бухгалтера и как лицемерны поцелуи Лиги наций. А проверить эти факты можно лишь в пустыне, вне пределов досягаемости. Вне сферы влияния, где нет ни клеветников, ни лжецов. Где думается все заново, где решения не зависят ни от каких изжитых постановлений.

Смотрим на неисчерпаемо богатые формы скал. Замечаем, где и как рождались образцы изображений символов. Природа безвыходно диктовала эпос и все его богатые атрибуты. Нужно показать, как вливаются формы изображений в горную обстановку. Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуаньинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо^[311], то яик Махакала^[312] может выдвинуться из массива утеса. И сколько очарованных каменных витязей ожидают освобождения. Сколько заповедных шлемов и мечей притаилось в ущельях.

Это не неправдоподобный Дюрандаль^[313] из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И Бругума^[314] Гэсэр-хана сродни Брунгильде^[315] Зигфрида. Изворотливый Локи^[316] бежит по огненным скалам. А под огромным баньяновым деревом сидит в оранжевом плаще саньясин^[317], тот самый и так же точно, как во времена Гаутамы Будды.

По горам звучит «Ковка меча», и «Клич валькирий», и «Заклятие огня», и «Рычание Фафнира»^[318]. Помню, как-то Стравинский собрался уничтожить Вагнера. Нет, Игорь, этот героический реализм, эти созвучия подвига не уничтожить. И музыка Вагнера тоже настоящая, и в горах она звучит необычайно. Ректаймы, фокстроты Вагнера не поглотят. На утесах Тироля и на пизанской вилле Вагнер исполнился настоящего энтузиазма, и его [размах] годится для высот Азии. А человечество все-таки живет красотой.

Необыкновенный огонь в местечке Ниму^[319]. Я был разбужен криком Е[лены] И[вановны]: «Огонь, огонь!» Просыпаюсь, вижу силуэт Е. И. на фоне колеблющегося синеватого пламени. Постепенно огонь прекратился. Оказывается, когда Е. И. подошла к постели и прикоснулась к одеялу, вспыхнуло синеватое пламя – теплое, без запаха. Е. И. пробовала тушить руками, но пламя разгоралось все сильнее, и тогда она крикнула мне. Огонь прекратился так же, как и начался, без малейшего следа на вещах. Незабываемо это перебегающее пламя, неопалюющее и яркое. Палатка была вся освещена. Как всегда при феноменах, лишь после мы могли обсудить необычайные подробности этого огня.

Доктор Франке^[320] приводит рассказ его тибетского спутника в верховьях Инда при виде некоторых высот: «За ними лежит Баюль^[321], страна высоких существ. Только высокоразвитые люди могут нечто узнать о жизни в этом Баюле. Но если простой человек приближается к снеговым границам, он иногда слышит только непонятные ему голоса».

Ладакхская песнь

Через врата Востока вошла индийская вера.
Скажите, прошли вы путь священного слова?
Персидское царство строит врата Юга.
Следовали вы ими?
Небесная весть Китая открывает нам западные врата.
Как вы прошли путь китайского знака?
И врата Севера принадлежат Гэсэр-хану.
Как прошли вы путь удара меча?
Прошли ли вы через врата, ведущие к Лхасе,

куда ведет путь искателей истины? Восток – врата Индии.
Там, почитая священное слово и обычай, отдохнули мы.
Персидское государство владеет воротами Юга.
Там мы почтили границу благородных.
Небесная весть Китая открыла нам Западные врата.
Подтверждая сроки, нам дала счастье.
Врата к воителю Гэсэру на севере.
В звоне мечей мы прошли эти народы.
И вратами Лхасы, ища истину, мы прошли,
В молчании испытывая дух наш.

Географические странности песни, очевидно, происходят от
разноплеменных наслоений.

Вот другая красивая ладакхская песнь:
Кто удостоен мудростью, а кто – лишь приходом сюда.
Некоторые вообще ничего не могут, потому нужно испытать себя
здесь.

Если кто уже приходит с мудростью, в том – особое благо.
Нуждается высокий в мудрости девятизначной?
И нуждается ли в том же посредственный?
Приходите ли вы как друзья высокого рода
или вам нужен лишь кошелек?
Пришли вы без угрозы?
Хотите ли договор дружбы?
Есть три рода врагов.
Есть три рода друзей.
Хотите ли их перечесать?
Есть три врага:
Враг, который посылает болезнь,
Враг, ненавидящий дух,
Враг, мстящий кроваво.
Мы не врагами пришли,
Мы вам друзья.
Трех друзей называем:
Освободитель наш Будда,
Союз дружной семьи,
Любви и крови союз. Вот три рода друзей.

Именно так.

Вспоминаем прекрасную книжечку Клода Брэгдона^[322] «Эпизоды из незаписанной истории». Могли бы доставить ему еще несколько эпизодов. Всегда приятно встретиться с Брэгдоном. Все, что он делает, так искренно и так тонко.

Обратите внимание на сочетание Гуаньинь. Арья-Бало – Авалокитешвара. Гэсэр настаивает на постройке храма Арья-Бало. Имя Гэсэра дошло до Волги (Астрахань). Гэсэра объединяют с Ассуром^[323]. Храм Гэсэр-хана был выстроен на месте явления Авалокитешвары.

Ордосцы ставят перед домом знамена пятицветные – в цвета радуги, ожидая прихода великого существа «Тенгирас Очиртая»^[324].

Настоятель монастыря Утайшаня в книге «Красный путь в Шамбалу» описывает многие подробности пути в это заповеданное место. В конце характерна подробность, что путник видел на самой границе охраненного места караван монголов с солью, причем они не подозревали близости жилья.

Бурятский лама сообщает, что когда он шел в Шамбалу, то его вели подземным ходом. Ход иногда так сужался, что с трудом могли протолкнуть племенного барана, которого вели в заповеданное место.

Монгольские ламы указывают несколько «охраненных» мест в пределах Хангая и Гоби^[325]. Туда приходили спешные посланцы из Гималаев.

Около Калацзе указывают многие места, посвященные имени Гэсэр-хана:

1. Гаруда Гэсэр-хана.
2. Седло Гэсэра.
3. Бубен Бругумы – жены Гэсэра.
4. Прялка Бругумы.
5. Замок Гэсэр-хана – высокая скала, белое пятно является знаком двери.

У Сумура на скале – изображение увенчанного льва. Этот лев – на тибетских военных знаменах.

Монголы говорят о скором приходе «Меру».

Весною в Ладакхе бывает праздник Гэсэра с пеньем и стрельбой из лука. Из названий песен сплетается целый венок Гэсэра^[326]. (Запомним названия: «Гэсэр-победитель», «Гэсэр и клад великанов», «Мудрость Бругумы», «Отец и мать всемогущие», «Возвращение

Гэсэра и Бругумы», «Голоса неба», «Заклятие стрелы», «Четыре победы Гэсэра», «Молитва Гэсэра на вершине Шрар», «Гэсэр – владыка молнии», «Победная песнь Гэсэра», «Хвала Гэсэру».)

Одни названия являют путь народного сознания, народного достоинства и мечту о герое свободы.

И ладакхцы, и монголы ждут борцов и строителей жизни. Наделяют их не только львиным мужеством, но и змеиною хитростью и неутомимостью оленя. Как чудесно наблюдать рост сознания и чеканку его в героических символах.

Изображения на скалах можно отнести к трем периодам: неолиту, древней веры бон-по и суеверий более позднего времени. В самой технике изображений можно отличить твердую, сочную стилизацию древности и более сухую, резкую линию поздних рисунков.

Базар в Карашаре.
Фотография начала XX в.

Имя Ориона часто связывается с повествованиями о Гэсэр-хане. На Алтае гору Белуху называют Уч-Сюре^[327]. Уч-Орион^[328]. Сюре – жилище богов, соответствует монгольской Сумер и индийской Сумеру. На гору Уч-Сюре восходят по белому хадаку. Небесная птица на горе Уч-Сюре победила дракона. Цаган-убугун – «белый старик» – всегда близок Большой Медведице.

Говорят в караванах, что монгольские солдаты-цирики носят особые знамена и поют сложенный ими гимн о наступлении времени Шамбалы. Из края в край, из уст в уста.

Не хочется давать здешним изображениям этнографический или географический характер. Пусть они идут как символы «святыни и твердыни». Пусть своим общим тоном героизма и подвига они скажут об этом крае.

Могуществен монастырь Спитуг. Первый – из учения Дзонкапы. Не развалины, но живая и работающая община. Настоятель монастыря и его сотрудники знающие и поражающе понятливы. Вы еще не кончили мысль, а они уже готовы продолжить ее правильно. В Спитуге изображение Майтрейи и знание пророчеств. В отделении Спитуга в Леха, в особом помещении стоит большое изображение Дуккар – Матери Мира с бесчисленными глазами всеведения и со стрелой справедливости. По правую ее руку – Майтрейя Грядущий. По левую руку – многорукое изображение Авалокитешвары, этого коллектива братства великой общины. Запомните такое сочетание этих трех символов. Это сочетание не было отмечено и объяснено.

Хороша стенопись в обоих Спитугах – крепкие тона и чутье пропорций. Обещали достать нам того же художника, который писал эти звучные стены.

К нашей стоянке подъехал миссионер из Яркенда. Только что на яках перешел Кардонг. Утерял дни и числа. Часы у него остановились. Повторял: «Потрясающий, трудный путь». Говорил, что особенно труден Кардонг и Сасир^[329]. Каракорум хотя и выше, но легче. Хвалил народ Китайского Туркестана. Сообщил, что амбань уже ждет нас и считает своими гостями.

Прекрасно расположен монастырь Шех в семи милях от Леха. Огромная, в два этажа фигура Будды. Лучшая стенопись из всего виденного.

В Трикше тоже большие изображения Будды, Майтрейи и Манджушри. Живопись несколько проще. Хороших лам не видели. Один монгольский старый лама, но, видимо, не вполне нормален, судя по страшному смеху.

Нужно видеть и обратную сторону буддизма – поезжайте в Хеми^[330]. Подъезжая, уже чувствуете атмосферу мрачности и подавленности. Ступы с какими-то страшными ликами – рожами. Темные знамена. Черные вороны. Черные псы гложут кости. И ущелье тесно смыкается. Конечно, и храмы, и дома – все скучено. И в темных углах навалены предметы служения, точно награбленная добыча. Ламы полуграмотны. Наш охотник (проводник) смеется: «Хеми – имя большое, а монастырь маленький». Конечно, маленький не размерами, но внутренним содержанием. Вот оно – суеверие и корысть! Лучшее было, что на близкие острые скалы утром выходили олени и долго стояли, поводя головой навстречу солнцу.

Монастырь старый. Основан большим ламою, оставившим книгу о Шамбале. И лежат эти манускрипты под спудом, может быть, кормят собою мышей.

О манускриптах об Иисусе^[331] сперва полное отрицание. Конечно, отрицание прежде всего идет из миссионерских кругов. Потом понемногу ползут отрывочные боязливые сведения, очень трудно добываемые. Наконец, выясняется, что о манускриптах слышали и знают старые люди в Ладакхе.

Такие документы, как манускрипты о Христе и книга о Шамбале, лежат в самом «темном» месте. И фигура ламы – составителя книги о Шамбале – стоит, как идол, в каком-то фантастическом уборе. И сколько еще других реликвий погибает по пыльным углам. И тантрикам-ламам нет до них дела. Надо было видеть и обратную сторону буддизма.

И как легко убрать эту грязь и пыль изуверства. Как легко привести в порядок звучную стенопись. Как легко очистить тонко сделанные статуи. Нетрудно вернуть организациям монастырей смысл трудящихся общин, по завету великого Льва (Сингха) Будды.

«Я – Ладакхский король», – пришел худощавый, стройный человек в тибетском костюме. Это бывший король Ладакха, завоеванного кашмирцами. Тонкое, интеллигентное лицо. Сейчас имеет очень ограниченные средства. И вот мы сидим за чаем, говорим о том, как

нам нравится его страна и как мы полюбили его народ, отмеченный спокойностью и честностью. Говорим об учении. Гость тонко замечает о том, что желтая и красная секты во многих отношениях теперь почти одно и то же. Говорим о старинных вещах, о тонкости работы. Король приглашает осмотреть его дворец, высоко поднявшийся на скале над Лехом.

Ходим по крутым обсыпающимся лестницам. Минуем темные переходы. Застываем от радости на террасах и балконах, где раскинулся вид на все горы и песчаные взгорья. Сгибаемся в низких дверках, ведущих в домашний храм. Храм посвящен Дуккар – светлой Матери Мира. В середине – ее изображение. По правую руку – Будда.

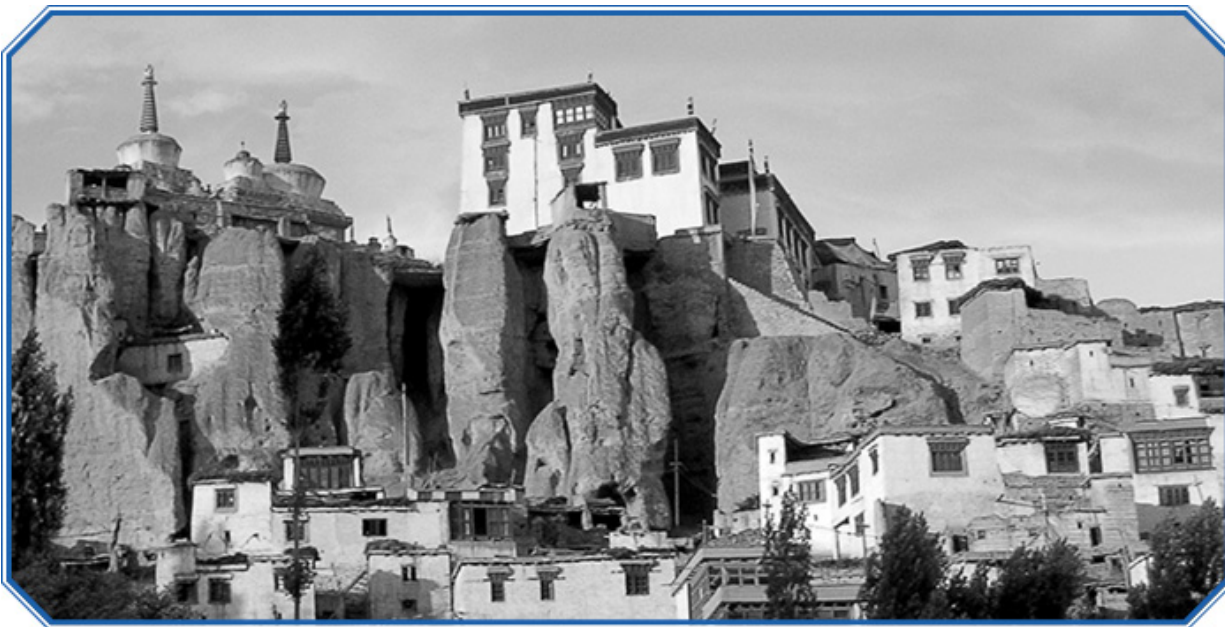
Хотя король сейчас живет в Стоге в летнем помещении, но перед изображениями стоят свежие цветы. По стенам висит много очень тонких колоритных тханок. Общий уровень живописи здесь выше, чем в Сиккиме. Большое влияние Ташилунпо.

Около дворца в отдельном храме помещается гигантское изображение Майтрейи. Стенопись там очень величественна. Часто стенопись Италии или русских церквей бывала или мелка, или обща по пятнам; но здесь бросилось в глаза необычное сочетание широты понимания общих пятен с богатыми деталями. Изображение Майтрейи – в двух этажах. До пояса – в нижнем. Лик – в верхнем. Может быть, это разделение статуи сделано позднейшими соображениями, но идейно оно очень знаменательно. Приходящему человеку как бы не охватить сразу все величие символа. Надо подняться в следующий этаж, чтобы достичь лика – как бы высшего мира. Нижний этаж тонет в сумраке, а вверху через узкие окна (без стекол) вливаются лучи яркого, всепроникающего солнца. Опять около вас многообразие ступ, сверкающий песок и причудливые переходы ворот.

Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхасе ждут наш приезд. В монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама уже побывал от Урги до Цейлона. Как глубоко проникающая эта организация лам!

Толкуем с ламой про бывшее. Научно-метафизически объясняет лама наш случай, бывший около Дарджилинга. Надо записать его. Ехали в моторе около монастыря Хум. Навстречу показался в портшезе, несомом четырьмя слугами в белых одеяниях, лама в чудесном, прекрасном облачении с короной на голове. Светлое, приветливое лицо

с небольшой черной бородой. Мотор должен был задержаться, и лама улыбался и радостно кивал нам головою. Мы думали, что это важный настоятель большого монастыря. После узнали, что в портшезе лам не носят. Корону в пути ламы не надевают. И в таких прекрасных одеяниях ламы в Сиккиме вообще не появляются.

*Монастырь Ламаюру.
Фотография начала XX в.*

Никто о таком ламе не слышал, и подобного лица мы нигде не нашли. Шофер задержал машину, объезжая ламу, что позволило четко заметить лицо его.

Последнее бегство таши-ламы носило героический характер. Триста вооруженных лам сопровождали идейного беглеца. Каждый из них и сам таши-лама вел в поводу запасную лошадь, ибо бегство было быстрым и отовсюду грозила погоня. Вовремя получилась весть о пятистах лхасских всадниках, спешивших перерезать путь из Лхасы на перевал Нагчу. Успели свернуть в сторону и пробраться ущельем. Поднялась снежная буря, и погоня была отрезана.

Так, в полном вооружении, среди непрерывной скачки, совершился исторический выезд – исполнение древних пророчеств, таких значительных для будущего. По свидетельству очевидца –

монаха-живописца, гелонга^[332] Чампа Таши, таши-лама взял с собою из Ташилунпо только картины Шамбалы. Из них две он дал по пути известным хутухтам^[333]. И в Ладакхе, и здесь был Ринпоче из Чумби, который говорил, что теперь единственный кратчайший путь – через Шамбалу. Во многих монастырях воздвигаются и возобновляются изображения Майтрейи.

По рукам местных жителей ходят пророчества и новые указы. И они готовятся и ждут, ждут, ждут...

Кто-то приходит вечером и шепчет о новой рукописи о Шамбале. Просим его принести ее.

Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее. Нужно заглянуть в глаза этих приходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы. И сроки событий для них не любопытная странность, но связаны с построением будущего. Если даже иногда эти построения запылены и извращены, но сущность их свежа и движет умы. Следя за развитием мысли, вы познаете мечты и надежды. Из этих фрагментов сложился реальный отъезд таши-ламы, многозначительный, полный возможностей. Новая пряжа мира.

За три года до отъезда таши-лама указал расписать стены его внутренних помещений. В этой росписи в ясных символах изображены странствования таши-ламы в некоторых странах.

По всему Ладакху рассеяны камни с изображением креста, вероятно, друидическим или несторианским. Эта древнейшая и теперь заброшенная страна хранит знаки друидов и всевозможные позднейшие символы. Недалеко от места Будды имеются древнейшие могилы. Их называют древнедардскими могилами. Время их, конечно, значительно старше тысячелетия.

В один день три сведения о рукописи об Иисусе. Индеец говорит: «Я слышал от одного из ладакхских официальных лиц со слов бывшего настоятеля монастыря Хеми, что в Лехе было дерево и маленький пруд, около которого Иисус учил». (Какая-то новая версия о дереве и пруде, ранее не слышанная.)

Миссионер говорит: «Нелепая выдумка, сочиненная поляком, сидевшим в Хеми несколько месяцев». (Спрашивается, зачем сочиненная? Почему совпадает с другими версиями и доводами?)

Еще один говорит: «Этот манускрипт, не есть ли это несторианское предание? Среди них были очень древние и подлинные. Но

миссионеры об этом ничего не знают».

Так обсуждается манускрипт. Так медленно выплывают сведения. Главное же – необычайная глубина текста и прекрасное отношение к нему со стороны лам по всему Востоку!

Хороший и чуткий индеец значительно говорит о манускрипте, жизни Иссы: Почему всегда направляют Иссу на время (его) отсутствия из Палестины в Египет? Его молодые годы, конечно, прошли в изучении. Следы [буддистского] учения, конечно, сказались на последующих проповедях. К каким же истокам ведут эти проповеди? Что в них египетского? И неужели не видны следы буддизма, Индии? Не понятно, почему так яростно отрицается хождение Иссы караванным путем в Индию и в область, занимаемую ныне Тибетом».

Учения Индии славились далеко; вспомним хотя бы жизнеописание Аполлония Тианского и его посещения индийских мудрецов.

Другой собеседник напоминает, что в Сирии найдена плита с вырезанным эдиктом правительства о преследовании Иисуса как врага правительства. Эта археологическая находка любопытна для тех, кто отрицает историчность Иисуса-Общинника. Не то ли самое подтверждают маленькие особые монетки – знаки, употреблявшиеся первыми христианами в катакомбах. А древнейшие катакомбы еще существуют до сих пор.

Есть такие любители нагло отрицать, если что-нибудь трудно принимается их сознанием. Но ведь тогда и знание обращается в семинарскую схоластику, а природная потребность клеветы достигает высокой техники. Каким образом недавняя подделка могла проникнуть в сознание всего Востока? И где тот ученый, который написал длинное изложение на пали и по-тибетски? Такого не знаем.

Лама каждый день удивляет и радует. Столько он видел, столько он знает и так определенно разбирается в людях. Только что принес сведение, что одно, очень близкое нам имя упоминается в старых пророчествах. Нет в ламе ни чуточки ханжества, и для защиты основ он готов и оружие взять.

Шепнет: «Не говорите этому человеку: все разболтает» или: «А теперь я лучше уйду». И ничего личного не чувствуется за его побуждениями. И как легок он на передвижение.

Лех – место замечательное. Здесь предание соединило пути Будды и Христа. Будда шел через Лех на север. Исса беседовал здесь с народом по пути из Тибета. Тайно и тщательно хранимые предания. Трудно нащупать их, ибо ламы умеют молчать лучше всех людей. Только найдя общий язык – не только физический, но и внутреннее понимание, – можно приблизиться к их многозначительным тайнам. Как пришлось убедиться, каждый образованный гелонг (монах) знает очень много. Даже по глазам не догадаетесь, когда он согласен с вами или внутренне смеется, зная более, чем вы. Сколько у этих молчаливых есть рассказов о проезжих «ученых», попадавших в самые смешные положения. И сколько ошибок незнания вынесла печатная бумага Европы. Пришла пора просветления Азии.

Прекрасные голоса у ладакхцев. Наряды странно напоминают русско-византийские уборы. Часто вместо шкуры за плечами – расшитая узорами матерчатая накидка, дающая впечатление древнего корзно (византийская накидка-мантия). Высокие расшитые шапки, точно боярские. За поясом – металлическое хранилище для пера и пара свирелей, наполняющих вечернее время зовущими мелодиями. Во время полевых работ на головах венки из ячменя и цветов. И песни – такие звонкие, радостные, как природа Ладакха.

Опять приехал король Ладакха. В результате проживем в его замке. С этого места поучений Иссy, с террас высоких, надо написать серию всего, что видно оттуда. На высоких, очищенных ветрами местах были следы великого общения. Конечно, места изменились: разрушение и созидание сменяли друг друга. Завоеватели наносили новые нагромождения, но основной силуэт остался невредимым. Горное обрамление, так же как и прежде, венчает землю. Те же сверкающие звезды и волны песков, как застывшее море. И оглушающий, отрывающий от земли ветер...

Вот и место Будды. Оно изглажено временем. Предание говорит об «очень большом и древнем строении», но теперь устои утесов и щебень напоминают лишь о разрушении. Старые тесаные камни пошли на постройку позднейших ступ, которые, в свою очередь, успели рассыпаться. Одно лишь обстоятельство несомненно – вы стоите на месте древнего строения. Невдалеке старинная деревня и остроконечная груда развалин – остатки древнего укрепления, слившегося, как монолит.

Дни заняты нашим водворением в Ладакхском дворце. Приходят толпы народа, послы из Лхасы, тибетские торговцы, старшина-аксакал, тахсильдар (кашмирский уездный начальник) и опять – король Ладакха.

Пришел сам старый король-лама. Несмотря на бедность, он привел с собой до десяти провожатых – лам и родственников. В беседе выяснилось, что семья короля знает рукописи об Иссе. Они же сказали, что многие мусульмане хотели бы завладеть этим документом. Затем беседовали о пророчествах, связанных с Шамбалою, о сроках, о многом, что напоминает действительность красотою. Уходит король-лама, и толпа в белых кафтанах почтительно склоняется перед ним. Просто и красиво.

Так же просто вчера на улице женщина, возвращаясь от жнивья, подошла и протянула руку в рукопожатии привет. Теперь они жнут золотой ячмень. Вереницы людей с венками цветов на головах несут за спиною связки золотых колосьев и поют звонко и радостно, поют золотыми полноголосными гирляндами.

Живем в Ладакхском дворце. Развалины исполинских замков бледнеют перед этим живописным нагромождением, вознесшимся среди чаши разноцветных гор. Где мы встречали такие высокие террасы крыш? Где мы ходили по таким разрушенным закоулкам? Это было на картине «Мехески – лунный народ»^[334]. Да, это те самые башни. Только здесь живут не мехески, а потомки Гэсэр-хана. Короли Ладакха ведут свое происхождение от героического Гэсэр-хана.

Как прекрасно, что Юрий знает все нужные тибетские наречия! Только без переводчика люди здесь будут говорить о серьезных вещах. Сейчас нужно брать в полном знании, в ясном, реальном подходе. Любопытство неуместно. Только настойчивая любознательность!

Восьмого сентября письма из Америки. Многие вести нас уже не застанут. Письма шли шесть недель – удачно попали на пароход.

В комнате, избранной как столовая, на стенах писаны вазы с разноцветными растениями. В спальне, по стенам, – всё символы чинтамани, камня сокровища мира. И черные от времени резные колонны держат потемневший потолок на больших берендеевских балясинах. Низкие дверки на высоких порогах. И узкие окна без стекол. И вихрь предвечерний довольно гуляет по переходам. Пол покрыт яркендскими цветными кошмами. На нижней террасе лает черный пес

Тумбал и белый Амдонг, наши новые спутники. Ночью свистит ветер и качаются старые стены.

Пишу в верхней палате, имеющей выход на все крыши. Двери с широкими резными наличниками. Колонны с тяжелыми расписными капителями. Приступочки, ступеньки и патинированный временем темный потолок. Где же я уже видел эту палату? Где же уже играли те же пестрые краски? Конечно, в «Снегурочке» – в чикагской постановке^[335]. Входят мои и говорят: «Вот уж подлинный Берендей в своей собственной палате».

Кончилась «Берендеевка» раньше, чем думали. Осень не ждет. Надо пройти Каракорум до осеннего, северо-восточного ветра. Путь на Шайок хорош, но длиннее на неделю. Кроме того, жители разобрали мосты на топливо, а вода в человеческий рост. Остается путь через Кардонг и Сасир перевалами. Много разных повелительных соображений заставляет ускорить срок пути. При большом караване делаешься подневольным.

И с конями, и с мулами, и с яками, и с баранами, и со псами мы идем по старому пути, но со знаками новых возможностей пойдем в горы. А там – вниз, к пустыням. Неужели сойти с гор? Но стихия песков тоже зовуща, а пустынные ночи и восходы тоже сверкающи. И в этом сверкании красоты – весь смысл и надежда.

Каракорум – «черный трон». За ним Китай – опять старая вотчина Будды.

На красном коне, с красным знаменем неудержно несется защищенный доспехами красный всадник^[336] и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи; снега, и Белая Тара шлет благословение. Над ним ликует собрание великих лам. Под ним – охранители и стада домашних животных как символы места.

Эта замечательная старинная тибетская картина принесена нам в последний день жизни в Ладакхе.

Кончают грузить яков. Сейчас идем! День сверкающий.

Глава 6. Лех – Каракорум – Хотан (1925)

18 сентября.

Наконец можно окончательно оставить всю кашмирскую ложь и грязь. Можно забыть полуразрушенный Сринагар. Можно забыть, как [чиновники] играют в поло и гольф, когда население гибнет в заразах и полном отупении. Можно отвернуться от Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных [провокаторами] бандитов на наш караван. Пришлось шесть часов пробыть с поднятыми револьверами. А в довершение всего – [отправленная] от нашего имени телеграмма, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших людей? Можно пожалть плечами на [такую наглость и] невежественность. Даже Моравская миссия в Лехе не отстала [в этом] и уведомила нас о согласии сдать нам один из их домов, если я дам подписку, что не будем заниматься «пропагандой религиозной, полурелигиозной и т. д.».

При этом никто не мог пояснить, что значит таинственная «полу... и т. д.». Кто же даст подписку в том, что не нарушит никому не понятных пределов «полу... и т. д.». Обошлись и без помещений миссии – во дворце ладакхского короля. Только в горах чувствуете себя безопасными. Только в пустынных переходах не достигает невежественность.

19 сентября.

Решительные сообщения приходят в последний час. Так мы узнали о подлинности преданий об Иссе: в Хеми лежит старый тибетский перевод с манускрипта, написанного на пали и находящегося в известном монастыре недалеко от Лхасы. Наконец узнали преемственность очевидцев. Сказки о подделке разрушены. Есть особый смысл в том, чтобы рукопись сохранялась в Хеми. Есть особое значение в том, что ламы так тщательно скрывают ее. Этой рукописи уместно лежать около Леха, где была проповедь Иссы об общине мира еще до проповеди в Палестине. Важно лишь знать содержание этого документа. Ведь рассказанная в нем проповедь об общине, о значении женщины, все указания на буддизм так поразительно современны. Понятно, почему рукопись сохранилась именно в Хеми.

Это один из старейших монастырей Ладакха, счастливо не разрушенный во время нашествия монголов и при гонениях на буддизм невежественными ордами Зоравара^[337]. Укромное положение монастыря, быть может, помогло его сохранности. Путь великого общинника проходил из Индии около этого места. Ламы знают значение документа. Но почему миссионеры так яростно восстают и порочат рукопись? Неужели общинный облик Иссы и защита женщины им не нравится?

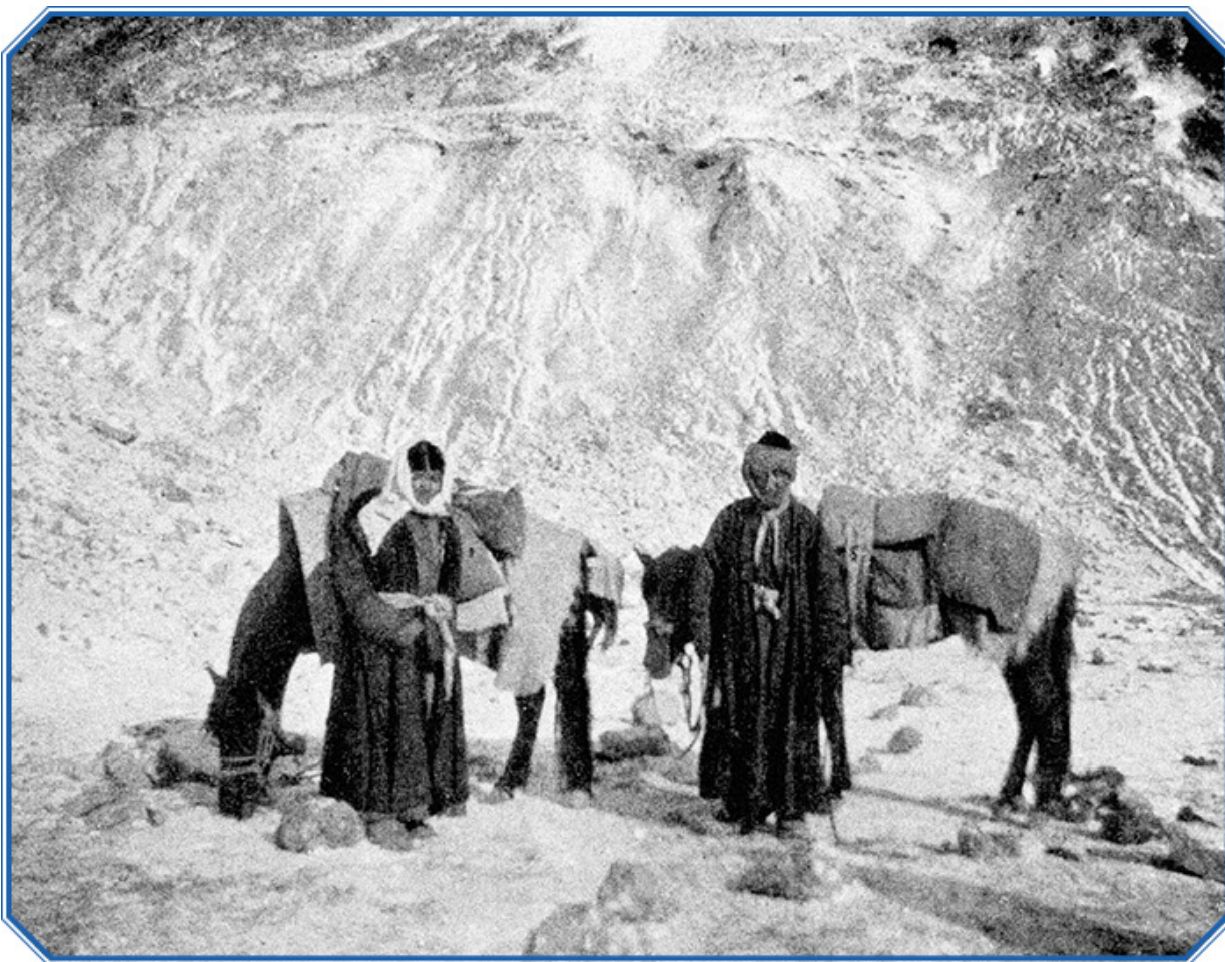
Порочить так называемые апокрифы всякий умеет; для порочения много ума не надо. Но кто же не признает, что очень многие «апокрифы» гораздо более основательны, нежели многие официальные свидетельства. Всеми признанная Краледворская рукопись^[338] оказалась подделкой, а многие подлинники не входят в чье-то разумение. Достаточно вспомнить про так называемое евангелие эбионитов, или двенадцати^[339].

Такие авторитеты, как Ориген, Иероним^[340] («Adversus Pelagianos»), Епифаний^[341], говорят о существовании этого жизнеописания. Иринеи^[342] во II веке знает его. Где же оно теперь? Вместо бесцельных споров лучше по-человечески продумайте факты и мысли, сообщаемые в жизнеописании «Иссы (то есть Иисуса), лучшего из сынов человеческих». Оцените, насколько содержание манускрипта близко современному сознанию. И подивитесь, как широко знает весь Восток об этом документе.

В конце концов важен не самый манускрипт, но важнее жизненность этой идеи в умах Азии.

Долго грузились на яков. Кони, мулы, яки, ослы, бараны, собаки – целое библейское шествие. Караванчики – целый шкаф этнографического музея. Прошли мимо пруда, где, по преданию, впервые учил Исса. Влево остались доисторические могилы, за ними – место Будды, когда древний основатель общины шел на север через Хотан. Дальше – развалины строений и сада, так много нам говорящие. Прошли каменные рельефы Майтрейи, при дороге напутствующие дальних путников надеждою на будущее. Остался позади дворец на скале, с храмом Дуккар – светлой, многорукой Матери Мира. Последним знаком Леха было прощание ладакхских женщин. Они вышли на дорогу с освященным молоком яков. Помазали молоком лбы

коней и путников, чтобы придать им мощь яков, так нужную на крутых подъемах и на скользких ребрах ледников. Женщины проводили.

Паломники на высоте 18 000 футов
над уровнем моря. Фотография конца XIX в.

До самого Кардонга^[343] подъем легкий. Жаркое солнце зашло, и к вечеру поднялся пронзительный ветер и холод. Лагерь пришлось разбить на голой арктической поляне^[344] под режущим ветром. Кашмирцы лукаво не показали ладакхам многие вещи. В сумерках под вихрем шла неопишуемая суматоха.

Над нами стоял запорошенный снегом Кардонг. Высился неподступно.

20 сентября.

Поднялись на яках через перевал в три часа утра. Эти грузные мохначи действительно незаменимы своей мягкой поступью и устойчивостью. Конечно, при условии мирности. Дикий як совершенно неукротим.

Однажды тибетцы поставили для китайского полка необъезженных яков, и немедленно три четверти наездников оказались сброшенными на землю.

Подъем наш был нетруден. Вид с Кардонга величествен. Но вся северная сторона Кардонга представляет крутой, мощный глетчер. Спуск очень утомителен и опасен. Пришлось идти и ползти. Мы видели, как один груженный як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко уперся своими короткими, крепкими ногами.

Многие животные и люди начинают страдать кровотоением и головной болью на подъемах выше 16 000 футов. По дороге уже видна замерзшая кровь. Уже мелькнул остов павшей лошади. У нас все благополучно. После перевала нам говорят о целом караване, замерзшем на Кардонге. Караван балтистанцев, около ста коней, весь найден замерзшим. Некоторые замерзли, как бы крича, держа руки у рта. Даже осенью пальцы на руках и ногах очень легко стынют. Приходится оттирать снегом. Рисовать почти невозможно. Можно представить, каково здесь зимою. Но прекрасен этот грозный глетчер. Далеко внизу – бирюзовое озеро. Говорят, очень глубокое. Путь весь сложен из гигантских валунов. Обернетесь – и кажется пройденное непроходимым.

21 сентября.

После трудов перевала – легкий путь. После пронзительного холода – жара и яркое солнце. Жаркие пески и уходящие горы со снежными оторочками. Руслу ручьев. Иногда поток исчезает в каменистых нагромождениях, и лишь гулкий шум выдает стремление невидимой воды. Терновник, тамариск. И приветливые люди, жители долины реки Нубры^[345]. Сама река в разливе бывает мощным потоком. Сейчас, осенью, течение разбилось на многие русла необыкновенно замысловатого и красивого рисунка. Идем дальше обычной остановки.

Ночевали в Террите^[346], в настоящем тибетском доме. В нашем стане три течения: буддистское, мусульманское и китайское. Не обходится без взаимных подозрений. Едят отдельно.

Наш старший Лун-по, оказывается, сын лехского старшины и является крупным помещиком. У него всюду поместья и дома: и в Лехе, и в Хеми, и в Террите, и во многих местах Чантанга. Рассказывает, сколько монастырей разрушено во время бывших нашествий. В одном из его поместий имеются такие развалины, полные обломков статуй и остатков поврежденных книг. Жалеем, что Лун-по пришел к нам только в последние дни. Это он пришел, и на вопрос: «Кто он?» – гордо вскинул головою и звонко отчеканил: «Бодхи», т. е. буддист. Рассказывает также, что его брат состоит казначеем в Хеми и знает, сколько там скрытых предметов, не показываемых приезжим.

Лун-по хочет остаться с нами, он хочет идти по разным странам, хочет учиться русскому, но просит об одном: «Не режьте косу». А коса у него отличная, черная, до колен. Успокоили его. Никто на его национальную гордость не покушается. Очевидно, он уже знает, что в Китае указано резать косы, а в Тибете запрещено высовывать язык в знак преданности и признательности. А Лун-по в минуту удовольствия любит высовывать широкий, здоровый язык.

Хороший спутник для высот и ледников, но в доме трудно вмещаем. Подходим к его поместью. Он просит не стоять в шатрах, а переночевать в его доме. С гордостью показывает ворота-чортен ^[347] с яркой росписью на стене. Много полей и плодовых деревьев. Ночуем в расписной тибетской комнате. Яркий карниз. Широкое окно. Низкая широкая дверь с большим кольцом запора. Песочный пол устилается цветными кошами. В рисунке орнаментов часто повторена свастика. Посредине комнаты – грузная колонна. На широкой пилястре изображение чинтамани – сокровища мира.

Каждая тибетская усадьба странно напоминает схему феодального замка. Все жилье обнесено стеною выше человеческого роста. Вход – через плотные ворота. За стеною – квадрат внешнего двора, здесь ржут кони и горят огни. Со двора входите как бы в оружейный зал. За ним – внутренний двор со многими дверями в хозяйственные и жилые помещения. Оттуда же – приставная лестница во второй этаж, тоже со многими комнатами. Такая же приставная лестница ведет на плоскую крышу, откуда открывается широкий вид на все далекие горы и реки, на весь путь. Угол крыши занят парадной расписной горницей, как бы башней. На крышу горницы ведет также приставная лестница. Готовые к обороне, независимо стоят тибетские усадьбы.

22 сентября.

Ясное утро. По сторонам дороги целые изгороди из терновника. Легкий путь. Впереди золотые пески, а за ними синие горы всех тонов с белыми шапочками раннего снега. Даже жарко. В миле от дороги – старый монастырь Сандолинг^[348]. Решили зайти, не там ли наш лама? Между сельских усадеб, через каменистые ручьи, через нагромождения, опасные для ног лошадей, поднялись. Ламы, бывшие при нас в монастыре, не понравились нам. Но за ними есть какая-то невидимка. Кто-то много знающий и ведущий Сандолинг по пути будущего.

Ведь Сандолинг является конечным пунктом буддизма перед пустыней, и потому хотелось знать, какие символы несет этот монастырь. Оказывается, в нем большой новый алтарь Майтрейи. Новое, сияющее крепкими красками изображение. Также имеется отличное изображение Дуккар. Приятно видеть богатое собрание знамен. Писаны знамена в Ладакхе. Среди них есть по-настоящему цветные с разнообразными, фантастическими сюжетами. Все отделаны в яркий шелк. Хорошая библиотека. Настоятеля монастыря мы не видали. Также не нашли нашего ламу. Был и ушел еще рано утром по дороге к границе. Спешим найти его.

Длинное селение. Еще один дом нашего Лун-по, но мы спешим дальше. Берега ручьев и склоны гор покрыты белоснежной содой. Синие, малиновые и коричневые наслоения гор показывают насыщенность металлами. Кажется почему-то, что и радий должен быть в этих благословенных и неиспользованных краях.

23 сентября.

Пограничное место Панамик^[349]. Здесь кончается сфера [английского влияния]. Конечно, на картах граница показана через Каракорум, но на высотах никто границ не устанавливал, а [чиновные] люди кончаются в Панамике. Конечно, их «забота» простирается иногда и дальше. За Панамиком, как [и] следует для нашего прохода, «развалился» мост. Чиновник «совершенно случайно» удостоверился в проходе нашего каравана. Таинственная починка пути встречалась нами и в других пограничных частях Индии. И полицейский при этом отдавал честь, а иногда «случайно» спрашивал и паспорт для просмотра. Все заботы о «драгоценном здоровье» нам уже знакомы.

Нам говорят, что в селении остановились два саиба из Яркенда. Не успели раскинуть палатки, как они идут к нам. Два шведских миссионера. Один из них – болезненный Германсон. Едет в Стокгольм. Германсон говорит о трудных местах пути. О Китайском Туркестане он говорит без особого энтузиазма.

Против Панамика, за рекою, на фоне красной скалы прилепился монастырь красной секты. На красном фоне гор даже не видно подходов к монастырю. Точно спасаясь от врагов, монастырь взлетел и притаился на невидимом уступе. Далеко влево пошла Нубра, а наш путь клонится вправо, почти упираясь в гряду скал. Так к вечеру подходим к подножию перевала Караул-Даван^[350]. Фантастика нагромождений. Останавливаемся у самого начала крутого подъема.

Вечер кончается неожиданной встречей с мусульманином. Вот на границе пустыни разговор идет о Магомете, о домашней жизни пророка, о его уважении к женщине^[351]. Разговор идет о движении ахмадиев^{[352][353]}, о легендах, говорящих, что могила Христа находится в Сринагаре, а могила Марии – в Кашгаре. Опять о легендах об Иссе. Мусульмане особенно интересуются [этими легендами].

Всходит луна и борется с кострами. Наконец пришел лама. Чтобы миновать мост, его провели где-то через поток. В горах всюду так. Даже зная тридцать путей, все-таки не знаете тридцать первый. На перевал лама пойдет ночью, ему справляют фонарь и топор.

24 сентября.

Караул-Даван, хотя и ниже Кардонга, но нам показался труднее. Особенно свирепы груды огромных валунов при спуске. Какая гигантская работа должна была совершаться, чтоб отполировать и нагромоздить эти тяжкие груды. Около Террита был путь терновника, здесь же начался путь скелетов. Лошади, ослы, яки. Во всех положениях, во всех стадиях разложения. Хорошо, что зловоние мало чувствуется в студеном воздухе. Многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий. Между валунами протискиваемся у скал. У Омар-хана пала лошадь. При переправе утонул баран. Неужели великий древний караванный путь вечно спотыкается об эти громады?

Из-за камня поднимается странная фигура в мохнатой яркендской шапке. Меховой кафтан и фонарь. Это лама переоделся яркендцем. Ночью луна скоро вошла, и лама благополучно перебрался через

гребень перевала. В тот же день – неожиданное открытие. Оказывается, лама отлично говорит по-русски. Знает многих наших друзей. Все это время нельзя было даже предположить такое его знание. Когда при нем говорили по-русски, ни один мускул не выдавал, что он понимает. В своих ответах ни разу он не показал знания сказанного нами по-русски. Мы оценили, почему именно он был нам указан. Еще раз становится ясным, как трудно оценить размеры знания лам. Только невежественность не понимает двадцатипятивековую организацию^[354].

К вечеру ветер и снег. Слуги и караванщики решают прервать путь в четыре часа, хотя еще два часа можно идти смело. Делаем ненужную уступку и попадаем в полосу первого снега. Ночуем у мощного глетчера, среди бесчисленных валунов. Пали еще две лошади.

25 сентября.

Подход к перевалу Сасир^[355], выше 17 000 футов. Полная арктическая тишина. Глетчеры и снеговые пики. Красивейшее место. Волны облаков перекачиваются и открывают новые, бесконечно новые комбинации космического строительства. Широкие линии. Весь орнамент и арабеск сброшен.

Люди делаются более сосредоточенными. Всюду трупы животных. Есть и человеческие могилы, и наши люди пытаются это скрыть, точно это имеет значение... Омар-хан потерял еще двух коней. Начинается пурга. За ночь плотно занесены снегом. Вода в кувшинах замерзла. Рисовать невозможно, так быстро коченеют руки. Хорошо, что в Кашмире подбили палатки толстой тканью. меховые сапоги оченьгодились.

Вам, молодым друзьям, напоминаю. Запаситесь одеждой и на жару, а главное, и на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукою аптечку. Главное – зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли – пирамидон. Не ешьте много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

В. В. Верецагин. Китайские палатки

Не перекормите собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Проверьте, были ли уже кони на высотах. Многие новички погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все различия: все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям.

Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в пустынях. Только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг – уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными рунами. Основа всех учений – бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах учитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепло натопленной аудитории, но на студеном глетчерах создавайте мощь работы материи. И вы поймете,

что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумно трепещут, хотят улететь.

26 сентября.

Сасер-Даван [Сасир] встретил нас совсем сурово. Еще до рассвета началась колючая пурга. Подъем на Сасир! Эта гигантская морена вся закрылась леденеющим снегом. Торопились идти, ибо будет еще хуже. Весь путь сопровожден многими трупами животных. Обледенелая тропинка по карнизу иногда совсем суживается – только для конского копыта. Кони сами идут. Шесть часов шли ледниками. У гегена – кровотечение, он упал с лошади. Особенно опасно поды-маться по полусферической поверхности шапки глетчера. Сабза, конь Юрия, страшно скользит по зеленоватому льду. Среди глетчеров на момент вспыхивает солнце. Все белое царство сияет невыносимым блеском. Прямо под нами открывается причудливое черное озерко в белых берегах; и опять все застилается беспросветною пургой.

После ледников идем арктическими кряжами. Наконец, к удивлению, увидали пасущихся верблюдов. Они доходят до северного подножия Сасира и обменивают груз, перевозимый конями и яками через Сасир. Некоторые наши ладахцы, идущие впервые через перевалы, никогда не видали верблюдов и опасливо обходят эту долговязую диковинку. Кони храпят. Мой конюх Курбан оборачивается и грозит кулаком, зловеще твердя: «Сасери, Сасери!»

Прошли мимо Сасир-Сарая – развалившегося каменного каре. Остановились в прекрасной долине по течению реки Шайок. Направо по течению реки идет зимняя дорога на Туркестан. Эта дорога минует перевалы. Но зато приходится очень часто переходить реку, а местами даже идти по течению. В сентябре река доходит до плеч и для людей и коней опасна. К тому же этот путь почти на неделю длиннее. Мы пойдем короче. Неожиданно вступаем в узкую расселину между двумя фиолетовыми скалами. Непонятно, до какой степени часто исчезают все признаки пути. Надо не раз пройти этими местами, чтобы запомнить все свороты и изгибы дороги-невидимки.

Прекрасны краски! Позади – белые великаны, и странно понимать, что мы спустились именно с них. Налево – многие остроконечные снеговые пики и желтые взгорья. Прямо перед нами – светло-серое

русло Шайока с какими-то красными и бронзово-зеленоватыми островками. За ними – фиолетовые и бархатно-коричневые скалы. Направо уходит река и крутятся облака снежной пыли. Небо беспокойно. Молочно-белые тучи густыми волокнами лезут из-за Сасира. На один день нужно было поспешить до Сасира, и мы избежали бы снежных преследований. Сентябрьский муссон Кашмира ползет, гонится по горам за нами, превращается из ливня в жестокую пургу. Беспокойствие природы отражается на животных. Кони лягаются, собаки грызутся.

27 сентября.

На рассвете опять все замерзло. Все засыпано глубоким снегом; кони дрожат. Им сейчас предстоит еще брод через Шайок. Как черные силуэты, мечутся всадники по светлому берегу. Удачно нашли брод. Всего по брюхо коню.

После широкой долины сразу окунулись в узкое ущелье. Оно построено необычно фантастично. В голубом ручье трещал ночной ледок. Красные стены полны забелевших трещин – точно страницы рун. Опять неожиданные подъемы и повороты в узких проходах – и мы оказались в широкой долине, окруженной разноцветными горами. Какие-то внутренние богатства отливаются разно-сияющими пластами в отрезках гор. На откосах копошатся две одинокие фигуры. Каждый новый человек поражает в этом безмолвии. Не кладоискатели ли? Нет, это люди какого-то каравана, посланные за корнями и ветками чахлого кустарника для топлива. Здесь всякое топливо кончается, и надо запастись на несколько дней.

Между горами – маленькие болотистые озерки. По мшистым берегам бегают проворные кулики. Высота 16 000 футов для них не страшна. Каркают вороны. Очень мало орлов. Из-за отсутствия топлива и мы останавливаемся необычно рано – уже в два часа. Люди пошли складывать в мешки корни кустарника. Как на фресках Гоццоли стоят группы граненых лиловых гор, отрезанные горяче-коричневыми буграми. Светло-желтая болотная травка покрывает котловину. Необычно резко стоят черные кони на светло-желтом фоне. И кажутся какими-то непомерно большими. Здесь, в просторах Азии, родились сказания о великанах-богатырях. Высота ли, или чистота воздуха увеличивает все размеры, и всадник, поднявшийся из-за бугра, глядит

великаном, а средняя киргизская собака принимает размеры медведя. Велики здесь масштабы.

Велики должны были быть потоки между горами, чтобы оставить широкие русла, полные обработанной гальки. В Большом каньоне вы чувствуете какую-то трагическую катастрофу, преломившуюся в красоте. Около Каракорума чувствуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов^[356]. Не здесь ли готовили построения грядущего?

Какой ветер! Кожа лопается, как разрезанная.

Трудно с языками. В караване слышится шесть языков, совершенно между собою несхожих.

Пропал запас сена. Ясно, что погонщики скормили сено своим лошадям. Назар-бей долго кричал что-то. Наконец поняли, что наш повар съел сено. Повар очень обиделся.

Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно видеть, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство. Разные страны как бы под стеклами разных цветов. Еще раз поражаемся мощности и неуловимости организации лам. Вся Азия, как корнями, пронизана этой странствующей организацией.

Удивительно, как быстро ползут слухи без всякого почтового поощрения. И потом, эти караванные огни, как светляки ночи, собирают неожиданных слушателей. Быстрее вестников разлетаются крылатые вести по базарам и перешептываются за длинной трубкой. Поймите!

28 сентября.

Студеная ночь. Все крепко замерзло. Весь день построен в красивых желтых и красных тонах. Сперва шли по крутым осыпям красного ущелья. Миновали старый каменный вал. Остатки укреплений военных или граничная линия. Внизу переливались желтые, зеленые и ультрамариновые ручейки. Потом перешли на широкое старое русло – нагорье Депсанг. Шесть часов мимо всяких торжественных песчаниковых формаций. Точно пирамиды великанов. Точно города с зубчатыми стенами. Точно одинокие дозорные башни. Точно ворота в какие-то заповедные страны. Точно памятники замолкших боев. В полном разнообразии, никогда не повторенные и расцвеченные с бесконечным чутьем. Так бы и остановился здесь на неделю. Но

караванщики поглядывают на небо, где ледяной кашмирский дракон уже кажет свои бурные крылья.

Е[лена] И[вановна] все десять дней на коне. Она не любит малых решений. Никогда верхом не ездила, а тут сразу верхом через Каракорум. И всегда бодр и готова первая. Даже колено, поврежденное в Кашмире, как-то затихло. Прямо удивительно.

К вечеру дошли до Депсанг-Давана. Стало еще холоднее. Депсангу лучше именоваться Улан Корум, т. е. «красный трон» – при входе торчит мощный утес, как красная шапка.

Будьте осторожны с горными ручейками. Они радуют своей хрустальной чистотой, но за порогом лежит в воде павшая лошадь или верблюд с окровавленной мордой.

29 сентября.

Перевалили Депсанг. Вышли на крышу мира. Иначе и назвать нельзя. Все острия исчезли. Перед нами – точно покрытие каких-то мощных, внутренних сводов. Глядя на эти песчаные своды, невозможно представить себя на высоте 18 000 футов. Бесконечные дали. Налево, далеко, – белый пик Годвина [Чогори]^[357]. Направо, на горизонте, – громады Куньлуня. Все так многообразно и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, бестравные купола-своды отливают золотом, а далекие пики режутся ярко-белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира.

Конюх спрашивает: «Отчего здесь, на такой высоте, такая ровная поверхность? Что там внутри находится?» Прочли латинскую надпись на камне о стоянке здесь экспедиции Филиппи^[358]. Слуги думают, что здесь зарыто сто ящиков экспедиции.

Очень пронзительный ветер. Торопимся к Каракоруму. Подошли к нему, но переход должны были оставить на утро. Каракорум значит «черный трон». Его черная шапка была видна за несколько миль. А когда подошли, было уже темно, чтобы зарисовать или снять. Вечером решили: вместо Каргалыка^[359] идти на Сугет-Даван [Сугет] и на Санджу-Даван^[360]. Правда, Санджу опять выше 18 000 футов и считается трудным в зависимости от количества снега, но зато мы сберегаем лишних шесть дней. К тому же по пути на Каргалык много воды, и люди жалуются, что им несколько раз в день придется идти в воде по пояс, а в октябре это опасно.

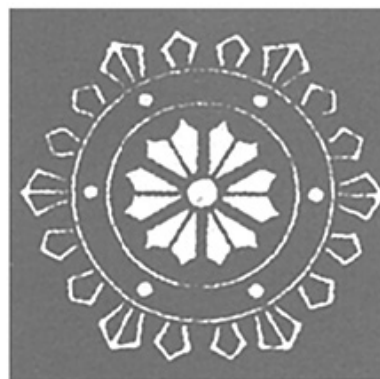
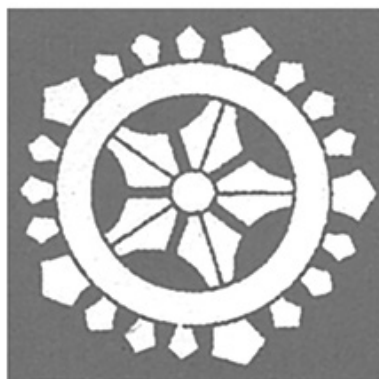
30 сентября.

Каракорум^[361]. Опять все замерзло. Утро началось колющей вьюгой, все покрылось мглой. Ни рисовать, ни снимать. С трудом иногда маячила черная шапка Каракорума.

Вся видимость не имеет ничего общего с виденным вчера. Так и шли под пронзительным ветром от 7 до 2-х часов при разреженном воздухе. Сам перевал широк, но не труден. Пешеходам трудно; странно ощущение, что при сравнительно малом движении уже чувствуете одышку. На кряже перевала – маленькая пирамида камней. Люди, несмотря на одышку, не забывают положить свой камень в этот межевой знак как память преодоления перевала, прокричать приветствия преодолению.

*Колесо Дхармы. Скульптурное изображение.
Тибет, XIX в.*

*Разные начертания Колеса Дхармы —
сакрального символа буддизма*

Спуск не крут, но ветер все крепчает. Нужно чем-то повязать лицо. Вспоминается целесообразность тибетских шелковых масок для путешествий. Среди дня снег унялся и показались чудесные снеговые панорамы. Целые группы снеговых куполов и конусов. Даже птиц нет.

Остановились в шесть часов на широком русле реки. Кругом – глубокое молчанье, целый амфитеатр снеговых вершин. Тонкость жемчужных тонов невиданная. Полная луна. Молчание студеное, чистой, непогнанной природы. Прошли самую высокую дорогу мира – 18 600 футов. Перешли границу Китая. Наш китаец задумчиво сказал: «Китайская земля!» – и почему-то покачал головою.

1 октября.

Дошли до раздела путей на Кокяр или Санджу^[362]. Против Баксун-Булака – чудесная белая гора, такая тонкая, такая нетронутая и нежная в своих профилях. Яркое солнце напомнило замершие фиорды Норвегии или голубую сказку зимней Ладоги. Но здесь все шире и мощнее. Впереди вдали горы, испещренные белыми контурами, как на старых китайских пейзажах. Ближе от дороги паслись две тибетские антилопы. Одна подняла голову и долго следила за караваном. Буддисты не стали стрелять в них – ведь пищи с собой достаточно. Кто-то другой обманет доверчивость стройных животных. На самой дороге лежит осел с благовонным грузом корицы. Где же хозяин? Объясняют, что усталый ослик оставлен отдохнуть до следующего каравана. Зверей нет. Никто из путников не нарушит эту своеобразную этику караванов. Видели также на Сасире кем-то оставленные грузы. Не тронуты.

2 октября.

В морозном солнце утра перед стоянкой четко вырисовалась снеговая гора Патос. Так назвал высший пик хребта (Патос фонетически, но по-местному Актаг) Махатма Ак-Дордже^{[363][364]}, проходя здесь из Тибета. Гора Патос стоит над разветвлением дороги на Каргалык – Яркенд и Каракаш – Хотан. Путь Каргалык – Яркенд ниже, всего два невысоких перевала, но зато много рек. Путь Каракаш – Хотан выше, гористее, перевалы выше, но зато короче. Гора высится конусом между двух крыльев белого хребта.

Лун-по неожиданно стал русофилом: учится у ламы по-русски. Кричит: «Пора обедать», «Нож», «Чашка», «Вода горячая».

День начался мирно. Шли с семи часов по пологому взгорью Сугет-Давана. Подъем почти не заметен. Не страшно видеть

многочисленные скелеты и остовы. Мирность природы заставляет забыть высоту. Около дороги лежит пушистая собачка, совсем как живая. К трем часам незаметно дошли до самого перевала. Всегда спросите о северной стороне перевала. Эта сторона всегда сурова. Так было и здесь. Ровный, легкий путь вдруг обрезался мощным отрезом – спуском. Вдали раскинулись бело-лиловые горы, полные какого-то траурного рисунка. Закрутилась метель, и в прогалины снежной пыли (зазвенело) беспощадно почти черно-синее небо. Путь замело.

Столпилось четыре каравана. До четырехсот коней. Раньше пустили опытных грузовых мулов. За ними пошли мы. Весь откос заполнился черными зигзагами конских силуэтов. Воздух затрепетал от криков: «Хош, хош», и все поползло вниз, оступаясь, скользя и толкая друг друга. Было опасно. Люди дивились раннему снегу. Только к девяти вечера при луне дошли до стоянки. [Тюрки] пререкались с буддистами. Назар-бей хотел нас завести куда-то далеко. Китаец с кнутом кидался на него. Людские препирательства передались животным. Кони фыркали и лягались. Кончилось дракой собак. Свирепый Тумбал очень повредил Амдонга.

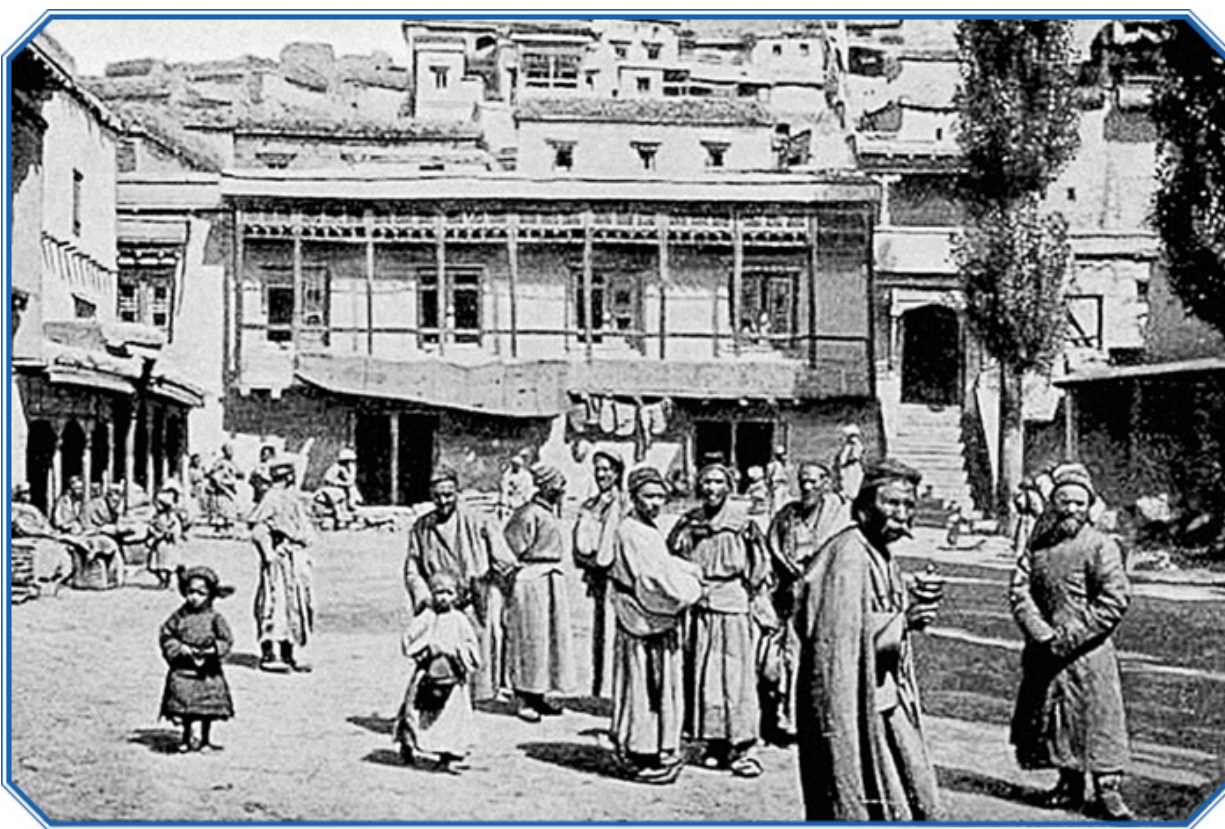
Е[лена] [Ивановна] едет, не слезая с коня, более 13-ти часов. Значит, так называемая обычная усталость побеждается чем-то иным, более сильным.

3 октября.

Опять груды камней. Показались желтые и красные кустарники. Очень красивы они на тепло-белой пелене песков. Показалась тощая верба у потока. Показались куропатки и зайцы. Но животных поразительно мало. Прошли какие-то старые стены, превратившиеся в груды булыжника. Люди ждут прихода в китайский пограничный пост Курул^[365], или Караул-Сугет. Постепенно опускаемся; уже видны какие-то плоские стены. Вот кто-то выбегает за ворота. Суетливо скрылся. Нас выходят встречать.

Посреди широкой горячей равнины, окруженной снеговыми горами, стоит глинобитный квадрат – Курул. Вдали заманчиво серебрится Куньлунь. В форте 25 солдат [казахов] и киргизов и один китайский офицер с секретарем и переводчиком. Оружия мы не видали. Только в тесной комнатке офицера висела огромная одностволка с курком, точно утиная голова. Этим инструментом много не застрелить.

Если бы знал этот китайский пограничный офицер Шин Ло, как мы были тронуты его сердечным приемом. Зброшенный в далекие горы, лишенный всяких сношений, этот офицер своим содействием и любезностью напомнил черты лучшего Китая. Нам это так важно – ведь едем в Китай с искренней дружбой и с открытым сердцем. И встретились и простились с Шин Ло очень сердечно. Из дружбы даже разбили палатки на пыльном дворе форта. Люди хотели простоять здесь хотя бы еще один день – ведь уже началась пустыня. Радуются, а нам жаль чего-то неповторимого. Кристаллы высот, возместит ли вас кружево песков?

Базарная площадь в Лехе.
Фотография 1909 г.

Подошли еще караваны. У костров говор. Говор, улыбки, трубки и отдых. Шепчут: «В Бутане ждут близкого прихода Шамбалы». «Сперва

была Индия, потом был Китай, потом – Россия, а теперь будет Шамбала».

«В храме под изображением Будды – подземное кипучее озеро. Раз в год туда спускаются и бросают в озеро драгоценные камни...»

Говорится целая сага красоты. Эти костры, эти светляки пустынь. Вы стоите, как знамена народных решений.

4 октября.

Не прошли и мили от Курула, как достигли течения реки Каракаш, что значит «река черного нефрита». По течению Каракаша добывались известные сорта нефрита, составившего былую славу Хотана. Даже одни из западных ворот Великой китайской стены назывались нефритовыми, ибо через них ввозили этот излюбленный камень. Теперь на местах даже и не помнят о добыче нефрита. Только цвет Каракаша – такой сине-зеленый, напоминает о лучших сортах нефрита. Быстрая река, веселая река, шумливая река. Не только родина нефрита, но и золота.

Каракаш делается нашей водительницей на несколько дней. Проходим несколько мазаров, т. е. почитаемых мусульманских могил. Можно думать, что их полусферическое покрытие и вышка в центре – не что иное, как форма древнего буддистского чортена. Когда подходим к могиле святого, проводник-киргиз соскакивает с коня и очень красивым жестом [выражает] почитание. Трудно было ждать от его неуклюжей фигуры такого красивого движения.

Форт Шахидулла покинут, [тот же] одинокий глинобитный квадрат. Впрочем, в этих местах пушки вообще еще не появлялись и не угрожали глиняным стенам.

Стало жарко. Высота не более 12 000 футов и после 18 000 футов чувствуется на дыхании. Получено сообщение, что яки для перехода Санджу-Давана готовы. К вечеру поднялся шамаль – северо-восточный вихрь. Впервые мы очутились в настоящей песчаной пурге. Красные горы скрылись. Небо стало серым. Высокими плотными столбами подымался песок и медленно двигался, крутясь и пронизывая все встречное. Палатки пытаются взвиться. Кони понурились и повернулись задом к ветру. Все краски исчезли, и одна только Каракаш мчалась все такая же изумрудная.

5 октября.

Шли весь день по течению Каракаша. Нельзя запомнить, сколько раз переходили через реку. Где по брюхо, а где ниже колена коня. На одном скалистом повороте снесло всю тропинку. Пришлось спешиться и пробираться по отдельным валунам среди рокота течения. Опять жестко – каменистый путь. Две лошади Назарбея сломали себе ноги. Вчерашний шамаль всюду оставил последствия. Горы затянуты седой дымкой. Весь день в воздухе висит облако всепроникающей пыли. Страдают глаза. Весь колорит изменился. Небо стало лиловым. Только резвая река по-прежнему сверкает зелеными искрами.

Появились первые стоянки горных киргизов. Юрты, крытые кошмами, или каменные квадраты, прислоненные к скалам. Зачатки маленьких полей. Низкорослые киргизки в высоких белых уборах и красных кафтанах. Маленькие остроконечные красные шапочки киргизов. Лишь бы снимки удались. Живописная группа на лиловом фоне песчаниковых мягких тонов гор. На крошечном сером ослике – женщина в ярко-красном кафтане и высоком головном уборе. На руках – ребенок в светло-сером покрывале. Рядом – мужчина в зеленом кафтане и красной конической шапке. Над ними – тускло-лиловое небо. Кто хочет писать бегство в Египет?^[366]

Очень круты тропы над самой кипенью реки. Стоянка на песчаной долине. Посреди нее – запыленный караван-сарай. Нет сил остановиться на этом пропыленном дворе. На соседних взгорьях тоже трудно примоститься лагерем. Или сплошной камень, или мягкий переливчатый песок; и то и другое не держит шесты палаток. Кое-как нашли место. Постепенно обнаруживается поломка багажа: то замок сбит, то промочен яхтан^[367] при падении лошади в реку.

Опять костры. Опять собираются какие-то незнакомые мохнатые люди. Вот уже нужно сказать, что никто из этих корявых незнакомцев нам не сделал ничего дурного. Пресловутое воровство киргизское нас не коснулось.

Еще из шепотов у костра: «Бурхан-Булат (т. е. меч Будды) появляется в определенные сроки, и тогда ничто не противостанет ему». «Улан цирик (т. е. красные воины) стали ужасно сильными». «Все, что ни сделают пелинги, все обернется против них». «Лет более ста [назад] два ученых брахмана ездили в Шамбалу и направлялись на север». «Благословенный Будда был в Хотане и оттуда решил держать путь на север». «В одном из лучших монастырей Китая доктор

метафизики – бурят». «В большом монастыре Д. настоятель – калмык». «На картине «Будда Победитель» из меча благословленного брызжет огонь справедливости». «Пророк говорил, что Дамаск будет разрушен перед новым веком». Шепчут буддисты-паломники по пути в Гайю, Сарнатх и Мекку. Длинные вереницы седобородых ахунов^{[368][369]} и закрытых женских фигур встречаются на пути. Спешат перед близкою зимою. Скорая почта!

День кончился шамалем. Гигантские клубы пыли. Точно незримое переселение народов. Надо знать и этот грозный лик Азии. Где же иначе так разительна смена жары и стужи? Где так невыносимы ветры после полуденного часа? Где же так гибельны реки в половодье и так беспощадны пески? Где же золото не убрано по берегам рек? Где же столько черепов белеет под солнцем? Широкая рука Азии.

6 октября.

Опять шли течением Каракаша. Большое старое киргизское кладбище. Мазары с полусферическим сводом. Низкие могилы, уставленные бунчуками с конскими хвостами на концах. Положительно, мазары очень часто – старые буддистские чортены. После мазара расстались с течением Каракаша. Пошли заметно в гору против течения горного ручья. Ущелье постепенно сужалось слева, в желтой песчаниковой горе увидали пещеры в несколько этажей. Наподобие пещер Дуньхуана^[370]. Местные жители и караванщики называют их старокиргизскими домами. Но конечно, мы имеем здесь остатки исчезнувшего буддизма. Подходы ко многим пещерам совсем выветрились. Высоко остались отрезанными входы, как орлиные гнезда. Характерно, что пещеры притаились так недалеко от перевала Санджу, точно защищаясь горами от волн мусульманства. Конюх Курбан (мусульманин) знает еще такие же пещеры в этих краях, но относится к ним явно пренебрежительно. Но пещеры внушительны.

Несказуемой древностью дышит от этих гор. Песочная дымка точно возносит их в небо. И горы вместо значительного ограничения и преграды опять влекут ввысь. Подошли к самой подошве Санджу. Слышно, на перевале снега нет. Но не успеваем получить это сведение, как кашмирский дракон долетает и все начинает покрываться снегом. Пронзительно. Жмемся в ожидании запоздалых палаток. В темноте доходит караван. Из-за перевала приваливает черная лавина яков и с разбега чуть не сокрушает весь стан. Гомон и шум. Снег и холод. Но

стан, прижавшийся в ущелье, имеет необычно живописный вид. Что-то от старого Босха^[371] или Питера Брейгеля^[372]. Пламя освещает бронзовые лица. Из тьмы выдвигаются рога черно-невидимых яков. Крылья палаток вспархивают, как птицы. На скале – гигантская тень Омар-хана. Еще шепоты пустыни: «Около священной горы Сабур виден неизвестный древний город. Много домов и чортенов».

Завтра вставать со звездами. Путь длинный. Днем и снег, и ветер опять начнут надоедать.

7 октября.

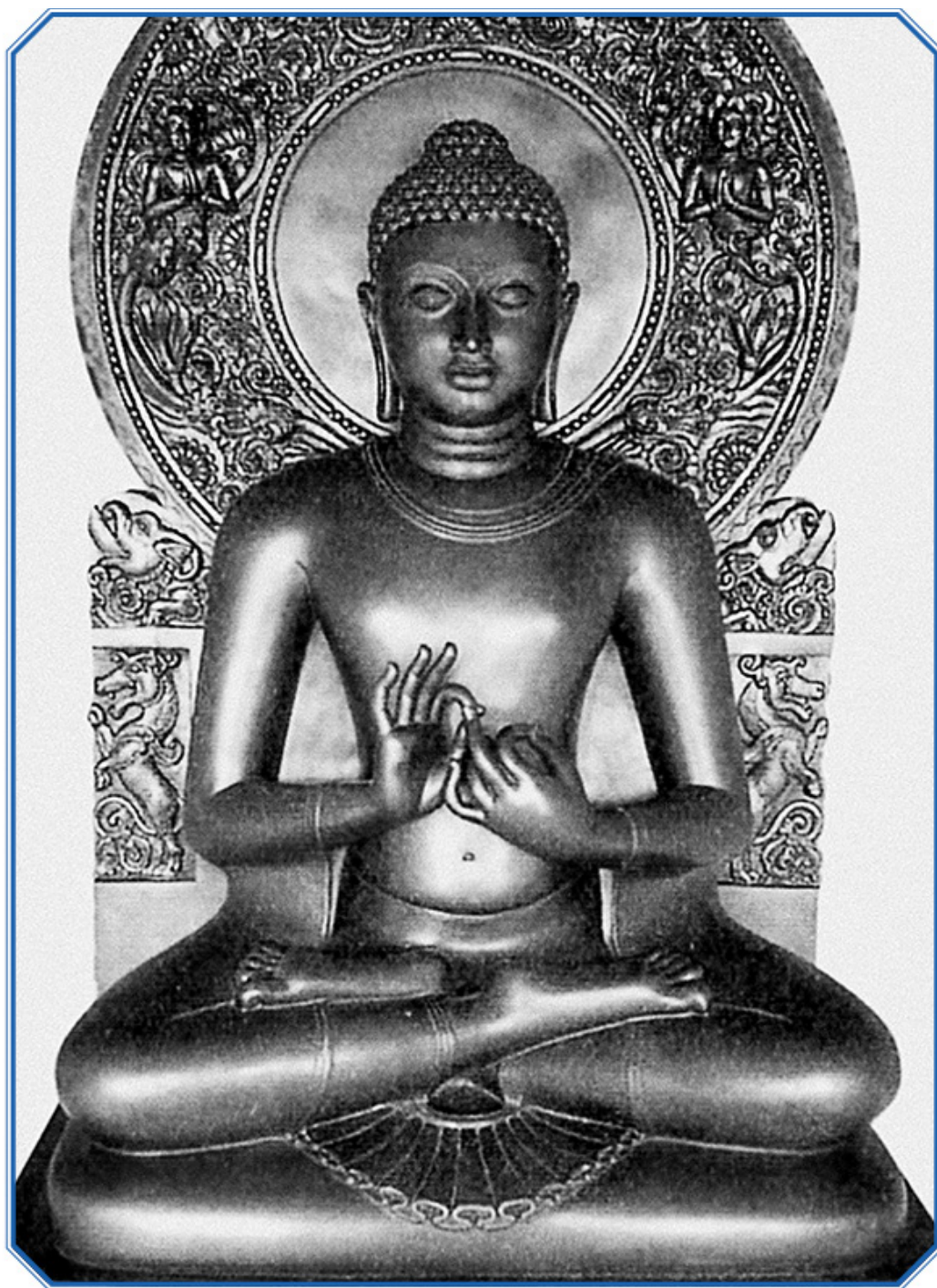
Дракон все-таки догнал, и за ночь все засыпано снегом и примерзло. Пробуем яков. Спешим. Седьмой перевал – Санджу. Самый крутой – 18 300 футов, – но не длинный. Как цепко идут яки; еще раз поражаемся. У моего яка с шумом лопается нагрудный ремень седла. Пришлось привязать веревками – одна подпруга не удержит на крутизнах. Опасна лишь самая вершина Санджу. Там як должен изловчиться и перепрыгнуть через расселину между верхними зубцами оголенной скалы. Тут вы должны довериться цепкости яка. Геген упал с яка, но, по счастью, лишь зашиб ногу. Могло быть много хуже. Конечно, на северной стороне оказалось много снега. Пришлось спешиться и, скользя по резким зигзагам, круто спускаться. Не берите горных палок с остриями, гораздо лучше плоский металлический наконечник.

В серебряном тумане потонули снеговые горы. Жаль провожать высоты, где хотя и студено, но кристально чисто и звонко. Где само название «пустыня» звучит вызовом всем городам, уже превратившимся в развалины или еще не превратившимся.

Отчего же так грустно отдаляться от Куньлуня, от хребта древнейшего? Начались опять становища горных киргизов. Дети и женщины чисты. Не видно ужасных безобразных кожных болезней, которыми так опоганен Кашмир.

Внизу, в песчаных откосах, какие-то темные выбоины – пещеры. Из них вылезают мохнатые яки и переносят вас в доисторические времена. То же самое было и тогда. Посредине нагорья громоздятся желтые обветренные бугры; из них торчат каменные глыбы самых изошренных форм. Носороги, тигры, собаки или какие-то остовы на тронах – все работа давно убежавшей воды. Нагорье ограждено теплолиловыми горами. Снегов в направлении пустыни более не видно.

Остановились около аула из девяти юрт. Внутри чисто. Приносят дыни, арбузы, персики, получаемые из Санджу-Базара [Санджу] или из Гума-Базара [Гума]^[373]. Горы полны переливчатого эха, лай и ржанье бесконечно гремят по ущельям, как горные трубы. Киргизки показывают вышивки, но не хотят продать: каждая делает для себя.

Древняя статуя Будды, найденная
среди руин Сарнатха.
Фотография начала XX в.

8 октября.

Короткий спокойный переход. Остановились в 10-ти милях от оазиса Санджу. Разбросаны одиночные юрты киргизов. Часто один мальчик гонит целый караван верблюдов.

Каждый день приходят пациенты желудочные или простудные. Еще раз почувствовали, что значит великий песок пустыни. Всепроникающий, иссушающий, затрудняющий дыхание. Вот горе! Горы стали заметно понижаться. Высота пути не более 7000 футов. Ведь южная часть пустыни не ниже 4000 футов. Становится все теплее. Задумана серия картин «Майтрейя».

Опять костры. Опять караванные шепоты: «Известный губернатор в Китае приказал сечь китайцев. Ах, как худо! Теперь китайцы высекут англичан».

«Ринпоче говорил, что теперь путь только через Шамбалу – это все знают». «Много пророчеств везде закопано». «Три похода монголов». «В пустыне за Керией вышла наружу подземная река». «А как взорвали скалу, а она вся из драгоценных камней...» «А там, где не пройти, там можно подземными ходами...»

Много говорят, и будничное сплетается с чем-то великим, предрешенным. Много говорят про подземные ходы, но оно и понятно. Из многих замков, прицепившихся на скалах, были устроены к воде длинные подземные ходы, по которым на осликах привозили воду. Постепенно встает новая картина значительных жизней.

9 октября.

Санджу – оазис. Простились с горами. Конечно, опять придем к горам. Конечно, другие горы, вероятно, не хуже этих. Но грустно спускаться с гор. Ведь не может дать пустыня того, что нашептали горы. На прощанье горы подарили нечто необыкновенное. На границе оазиса, на самой последней скале, к которой мы еще могли прикоснуться, показались те же рисунки, какие мы видели в Дардистане^[374], по пути в Ладакх. В книгах о Ладакхе такие рисунки называются дардскими, хотя, очевидно, они восходят к неолиту.

И здесь, в Китайском Туркестане, на глянцеvито-коричневом массиве скалы – опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами. Те же ритуальные танцы. Хороводы и шествия верениц людей. Предвестники переселения

народов. И был какой-то особый смысл в том, что это начертание было оставлено на границе в горное царство. Прощайте, горы!

Показались кипы тополей и абрикосовых деревьев, а за ними раскинулось царство песков. Напоминало Египет по Нилу или Аравию.

Время завтрака; хотим остановиться, но скачут какие-то всадники и зовут ехать дальше. Там приготовлен дастархан^[375] от киргизских старшин. На узорчатых, ярких кошмах очень картинно разложены горки дынь, арбузов, груш, яиц, жареных кур и посреди – запеченная половина барана. Круглые с дырками и ямочками желтые лепешки точно сорвались с картины Питера Эртцена. Напомнило милое Ключино, Новгород; раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь те же кафтаны, и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные волком или речным бобром.

И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь. Почти совсем не знают Америки. Английское влияние вытеснило всякое представление об Америке. Хорошо бы дать этому народу несколько книжек об Америке, напечатанных [по-тюркски]. Кто-то должен об этом подумать: ведь когда-то Америка и Азия были неразорванным континентом^[376].

Впервые увидели китайских солдат в мундирах имперского времени с красными надписями вдоль всей спины и груди. Очень оборванные солдаты, киргизы – ополченцы в Куруле – были вовсе без мундиров. Может ли такая армия действовать?

Спросят: где же опасности? Где же увлекательные нападения? Ведь на кладбище в Лехе несколько памятников над могилами убитых путешественников. Правда, но все эти люди были убиты кашмирцами и афганцами. Никто не был убит ладакхцем-буддистом. И потом, есть особая прелесть сознания, что в самом удаленном безлюдье вы целее и безопаснее, нежели на улице западных городов. Полицейский Лондона при входе в Ист-Сайд осведомляется, есть ли у вас оружие и приготовлены ли вы к опасности.

Ночная прогулка по окраинам Монпарнаса или Монмартра в Париже, или по Хобокену в Нью-Йорке чреватые гораздо большими опасностями, нежели пути Гималаев и Каракорума. А торнадо в Техасе или Аризоне разве не равен вихрю на высотах? К тому же эти

опасности природы так веселы по существу, так будят бодрость и так очищают сознание. Есть собиратели жгучих восклицаний опасности, но самый неверный бамбуковый или веревочный мост будит в вас упрямую находчивость. Как жаль из безлюдия спускаться в кишлаки людских толп.

В одном переходе от Санджу уже могут быть буддистские древности.

10 октября.

Окунулись в совершенно иную страну. Нет более ладакхского героизма. Нет более гирлянд звучного пения ладакхцев. Странно, сильные, приятные голоса слышали лишь у тибетцев и у ладакхцев. Нет более замков на безводных, отважных вершинах. Нет более субурганов и курганов бесстрашия. Горы ушли в седую мглу. Чем же жить и куда взгляд направить? Здесь мирные земледельческие, ничего ни о чем не знающие [киргизы]; забытый оазис. Мирные, медлительные тюрки, уже совершенно забывшие о своем участии в шествиях Чингиса и Тамерлана. Жарко. На Санджу-Базаре – песчано. Из-за глинобитных стен, из-за фруктовых деревьев выглядывает множество лиц пугливых и прикрывшихся. Целая толпа. По краскам похожа на Нижегородскую ярмарку. Приношения фруктов и жареных баранов. Наконец, привели в подарок киргизскую собаку.

Гремят бубенцы, и на майдан въезжает китайский чиновник. Опять предупредителен и любезен. Удивлен, что не получил о нас письма от амбана Яркенда, но объясняет, что республиканский Китай отменил особые извещения, если есть китайский паспорт. У нас пространный паспорт на имя Лолучи, что значит «Рерих». Такие ли предупредительные и китайские чиновники более высоких рангов? Хочется, чтобы Китай оправдал наши ожидания. Ведь при выдаче паспорта говорилось о содействии всех губернаторов, о встрече от Пекинского университета... Китайский чиновник говорит о проходе Рузвельтов, повернувших на Яркенд; говорит о развалинах императорского дворца в 12 днях от Хотана, откуда и до сих пор притекают древности. Мы понимаем, что это должно быть Аксу.

Скоро вступаем на старую «шелковую» дорогу. Первое место, где могут быть древности. Ведь эти места, так же как Хотан, упоминаются в литературе за 3–4 века до текущей эры. В островах пустыни, в оазисах, крепились последние толпы перед переселением в

неизвестные края. На горизонте стоят тучи, но это не обычные облака, это сплетения песчаных вихрей. Верно, где-то был сильный буран.

11 октября.

Под щебетание птиц и блеяние стад, под веселое журчание арыков вышли из Санджу. Скоро отвернулись от оазиса, поднялись по песчаному откосу русла и оказались в настоящей пустыне. Холмы легли слабым неопределенным силуэтом. На горизонте дрожит воздух, точно сплетая какие-то новообразования. Развернулся полный узор песков. Это уже именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис, и Тамерлан проходили именно здесь. И так же, как на волнах не остается следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намека на эти движения.

Встала вся нежность и вся беспощадность пустыни. И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток – там великая Такла-Макан^[377]! Там захороненные города. Там Куча – столица бывших тохаров^[378]. Известны их манускрипты, но знаете ли, как произносить эти знаки? По аналогии можно прочесть, но начертание звука пропало. Дальше, там, на склонах гор, – Карашар, древнее место. Там долго, до сокрытия, находилась, по свидетельству китайских историков, чаша Будды, перенесенная в Карашар из Пешавара. А еще дальше – отроги Небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А еще дальше – великий Алтай, куда доходил... Будда.

Трепещет щит песков. Текучие смываемые знаки. Расспрашиваем о древностях. Из пустыни уже многое вывезено, но еще большее скрыто песками, и найти это можно лишь ощупью. И сейчас, после сильного бурана, из недр обнаруживаются новые ступы, храмы и стены неведомых селений. По малым признакам скажете ли, где захоронено самое главное? Сами жители к находкам, на словах, безучастны.

Вдали маячат стада диких куланов. Далеко зачернел встречный верховой. Издалека оглядел нас, остановился, слез и расстилает что-то белое. Подъезжаем, видим белую кошму, на ней две дыни, два граната. Это дастархан от неизвестного встречного путника. Неведомая дружеская рука – гостю. Истинная скатерть-самобранка, белеющая среди неизмеримых песков. Привет от неизвестного – неизвестным.

Дошли до Санджу. Населенное, хозяйственное, запыленное место. Лабиринт глинобитных стен. На детях уже видны лишай, чего в горах

не было. Древностей не нашли. Рассказывают, будто приехали два китайских чиновника и увезли все, что накопилось у жителей из буддистских древностей. Если это верно, значит, императорский Китай без знания раздавал свои сокровища, а республиканский Китай начинает понимать значение изучения древних памятников. Надо отметить, если вообще этот рассказ верен и если чиновники не увезли вещи просто в свою пользу.

12 октября.

От Санджу до Пиалмы – все по той же «шелковой» дороге. И не потому только «шелковой», что по ней шли караваны с шелком, но и сама она шелковая и отливает всеми комбинациями радуги песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер несет жемчужную пыль. И она на ваших глазах ткет новое кружево по лицу земли. Стоят старинные верстовые башни. Бóльшая часть их полуразрушена.

Сзади звенят бубенцы. На широком сером коне догоняет нас сын соседнего амбана. Едет на побывку в Дуньхуань, в отпуск. Путь предстоит ему около двух месяцев. Любопытен, но очень необразован. Дает несколько сведений о Хотане. Говорит о древностях Дуньхуаня. В Пиалме тоже бывают древности из Такла-Макана.

Переход большой. Шли быстро, от 7-ми [утра] до 4 1/2 [дня]. Говорят, что завтра путь будет еще больше. Стоим в фруктовом саду. Лучше, чем в Санджу, где верблюды, ослы, лошади, петухи и собаки неумолчно гремели хором всю ночь.

13 октября.

От Пиалмы до Зуава^[379] около 38 миль. Вышли еще до рассвета под знаком Ориона. Первый раз за весь путь увидели любимое созвездие. Опять пустыня. К 10 часам уже жаркая, рдеющая, опаляющая. Стремя обжигает ногу через сапог. А что же здесь летом? Недаром летом идут ночными переходами.

По правую руку голубеют взгорья Куньлуня, напоминают Санта-Фе. По левую руку розовеют пески Такла-Макана – вспоминаю пустыню Аризоны.

Сын амбана поет китайские намтары – сказания о китайских богатырях. Неожиданно резко, с носовыми придыханиями, с выкриками, с высчитыванием какого-то непонятного темпа, с финальными каденциями. Трудно ассоциировать с богатырским эпосом.

Под шеями коней гремят нити бубенцов. Качаются красные кисти под уздою. Так же гремели здесь великие орды.

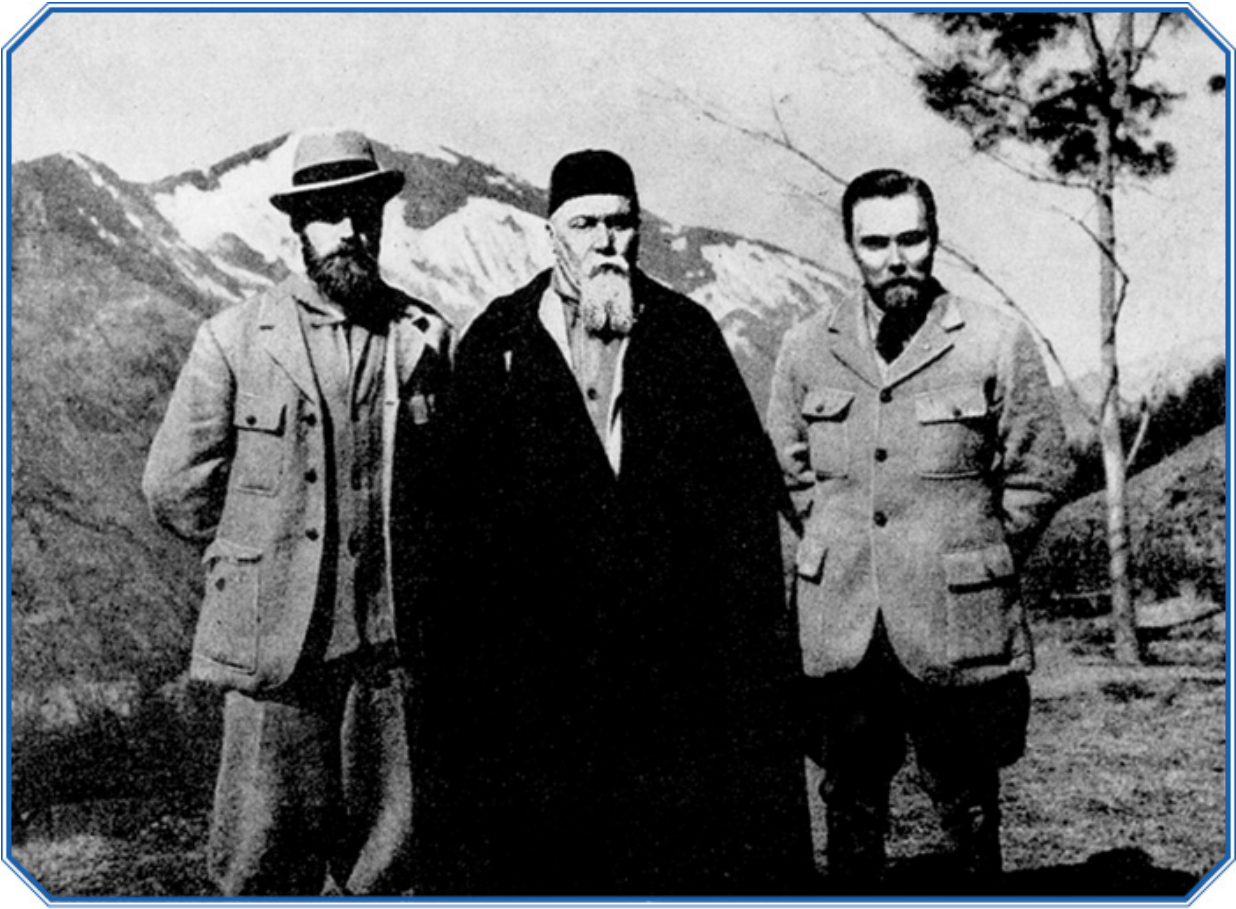
Три голубя давно летели с нами. Откуда быть им в пустыне? Они – вестники, они довели нас до замечательного места. Старый чтимый мазар и мечеть. Там, среди пустыни, живут тысячи голубей, охраняемых преданием. Каждый путник бросит им пригоршню маиса. Это благое место, очень чтимое. Странной неожиданностью веет от этих несметных стай голубей. Неожиданный Сан Марко^[380]. Эти голуби-путевестники. Они указывают путь пустынным путникам. Рассказывают: «Один китаец убил и съел такого голубя и немедленно умер».

Кончился день золотою ковыльною степью с барханами в виде курганов. Это начало хотанского оазиса. Похоже на Южную Украину. Вечером огорчение. Погиб Амдонг. Горная лхасская собака не выдержала жары пустыни. Жаль, Амдонг так напоминал финских лаек, такой пушистый и проворный. Остался черный Тумбал. Свирепый и пугающий население. Чтобы не потерять и этого сторожа, завтра его понесут в паланкине.

14 октября.

От Зуава до Хотана весь путь идет оазисом. Непрерывные селения, маленькие базары и сады. Убирают маис и жито. Быки, ослы и лошади тянут всякую домашнюю работу. Опять закрытые лица у женщин. Маленькие боярские шапочки и белая фата, как на византийских миниатюрах. Постепенно, незаметно въезжаем в базары самого Хотана. Мало что осталось от древнего города. Хотан славился нефритом, коврами, пением. От всего этого ничего не осталось. Ковры модернизированы. Поделки из нефрита грубы. Пение осталось лишь в виде несложных мусульманских песен под игру длиннейшей двухструнной «гитары». Осталось производство шелка, хлопка, маиса и сушеных фруктов. Остались малопривлекательные тесные базары и пыльные закоулки глинобиток.

Древний Хотан лежал в 10 милях, там, где теперь деревня Яткан. Как часто бывает, наиболее интересные места застроены мечетями и мазарами. Приток древностей из Яткана почти прекратился.

Н. К. Рерих с сыновьями в Кулу

Стоим пока в пыльном квадрате сада в центре города. Пытаемся отвоевать загородный дом. Это вовсе не легко, ибо, очевидно, встречаются чьи-то малопонятные нам интересы. Китайские власти вначале приличны. Почетные караулы, стража из солдат и беков. Но осведомляются, долго ли будем жить здесь? Визиты к даотаю^[381], амбаню и военному губернатору. Всюду чай и тарелочки с нехитрыми сластями. Без замедления – ответные визиты. У военного губернатора – карета зеленая, с пурпурной обивкой. У даотая – парная карета, причем на каждой лошади – по отдельной дуге. Упряжь вся русская.

Затем завтрак у даотая. От 2 часов до 6-ти [дня], и более 40 блюд. Виктрола^[382] гремит китайские легенды и песни. Конечно, сложный ритм и разнообразие инструментов мало передается в трескучих пластинках. Под конец завтрака старый чиновник ямыня^[383] напился и плаксиво бормотал что-то, должно быть смешное.

Местный купец предлагает: «Вместо найма прислуги купить дюжину барышень на всю жизнь. Цена хорошей барышни тридцать рупий». Но мы покупать барышень не намерены, хотя выслушиваем все серьезно, ибо привыкли ничему не удивляться. Хотя продаже людей позволительно и удивиться.

Началось. Приставленный к нам Керим-бек оказался жуликом. Амбань тупо улыбается, говорит: «В доме писать картины можно, а вне дома нельзя». Спрашиваем причины, он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет свое необоснованное запрещение.

Самым ярким пятном нашего вступления в Хотан был въезд Тумбала на паланкине. Ладакхцы внесли «его мохнатое величество» на базар с громкими песнями. Черное существо насупилось и сидело очень важно. Толпа хлынула к паланкину, но тотчас понеслась по базару с воплями: «Русский медведь!» Все власти, приезжая к нам, считали долгом осведомиться о страшном звере. А военный губернатор, желая осмотреть наше тибетское животное, для верности даже взял Юрия за руку. Отличные сторожа эти тибетские волкодавы.

24 октября.

Едем от даотая вечером. Воронье кони «почетного эскорта» пугаются и тревожат наших коней. При луне молчаливо стоят вышки с гонгами при конфуцианском храме. За все время эти гонги молчали.

Дорога лежит на север. Прямо впереди, низко над горизонтом, ярко стоит Большая Медведица.

Глава 7. Хотан (1925–1926)

Наши верные ладакхцы собирались идти с нами в самые далекие края. В Хотане они скоро как-то приуныли. Ходили по базарам. Жаловались, что их хватают за косы. Плакались на китайские власти. Уверяли, что китайский даотай будет их бить. Говорили, что даотай сам человека убил. Наконец вся сермяжная ватага ладакхцев пришла, улыбалась, топталась, теснилась, повторяла, какие мы добрые юм-кушо (госпожа) [и] яб-кушо (большой господин) и наконец слезно просили отпустить их. Намекали, что, если бы немедленно идти дальше, они останутся, но в Хотане жить невозможно. Очень трогательно ушли, спеша через снежные перевалы. К началу ноября они уже были задержаны на Санджу, где путь стал непроходим. Мы оценили тогда совет идти как можно раньше, ибо именно после нашего прохода началась сплошная выюга и сильнейший мороз.

Намеки ладакхцев на невозможность жить в Хотане мы не приняли к сведению, но скоро начали приходить к убеждению, что наши простые друзья, храбро шедшие через все скелеты Каракорума, загрустили в Хотане не зря.

Начались самые странные симптомы. Нам не только не хотели дать подходящий дом, но уверяли, что мы должны поместиться на базаре, где даотаю удобнее следить за нами. Когда мы сами устремились к подходящему дому за городом, то нашлась масса препятствий, которые мы должны были неустрашимо лично преодолеть. Наш доброжелатель Худай берды-бай и афганский аксакал много помогли в добыче дома, но амбань разрешил сделать условие лишь на месяц. Дал этим понять, что жильцы мы нежелательные, но и уехать не разрешил. Разрешения писать этюды не дано. Приставлен отвратительный бек.

Наконец приехал новый амбань, и дело пошло еще сложнее. У даотая заболел ребенок. Просили Е. И. приехать и помочь. Лечение оказалось удачным, и все три правителя приехали якобы благодарить, но вели себя возмутительно. Хохотали, махали руками, плевались, заявили, что наш паспорт вообще недействителен. Предложили за выдачу такого паспорта ругать г[осподина] Чен Ло (китайского посланника в Париже). Все приняло поистине безобразные пределы. Но это были цветки – ягоды показались на следующий день.

Приехал амбань и заявил, что получена телеграмма из Урумчи^[384], от губернатора области, с требованием выслать нашу экспедицию и непременно через Санджу, т. е. через закрытый зимой снежный перевал.

Конечно, мы уже привыкли к мошенничеству и двоедушию властей Хотана и не сомневались, что никакой телеграммы нет и вся история подложна. Впрочем, прибавил грозный амбань, если лично попросить господина даотая, то, может быть, он смиростивится. Надо сказать, что власти не пропустили ни одну нашу телеграмму и мы должны были изыскать возможность окольными путями послать телеграммы в Нью-Йорк, Пекин и Париж через консульство в Кашгаре^[385]. Кроме того, амбань указал, что власти имеют право вообще отобрать все мои художественные принадлежности.

На следующий день даотай сменил гнев на милость и по причине излечения его сына Е. И. сообщил, что высылать на Санджу нас не будет. Но милость за излечение сына скоро испарилась, и власти начали угрожать нам обыском. Наконец 29 декабря был произведен осмотр вещей. Наше оружие – три ружья и три револьвера – было опечатано и увезено. Сказали, что в Кашгаре мы можем его получить. Свидетельства на право ношения оружия от британских властей не были приняты во внимание. Когда внесли огромный ящик для укладки оружия, то даже китайцы попятись, шепча: «Гроб». Е. И. прибавила: «Это гроб для подобных властей».

Казалось бы, вся изобретательность утеснения была уже изощрена, но невежество подсказало еще одну «игру». Сообщили нам, что наши американские бумаги властей не интересуют, и потребовали русский паспорт. При этом мудрые власти республиканского Китая потребовали не что иное, как старый императорский паспорт. Совершенно случайно при нас оказался старый паспорт и патент на командора шведского ордена «Северная звезда». «Зубры» скопировали и то и другое и будто бы куда-то послали.

Торговые ряды в Хотане. Фотография конца XIX в.

Требование царского паспорта через девять лет после [русской] революции показало нам, что власти Хотана не только недоброкачественны, но и безмерно невежественны, и оставаться здесь было бы уже опасно. Мечтаем немедленно ехать на Кашгар и Урумчи, чтобы найти более разумную власть.

Друзья мои, если хотите испытать свое хладнокровие и терпение, поезжайте в город Хотан. Здесь даотай Ма (т. е. «лошадь») и амбань Чан Фу научат вас со всею изобретательностью средневековой невежественности. Перед отъездом слышали базарную молву, что даотаю готовится сильная неприятность. Толкуют, что он получил от правителя области должность даотая и звезду за собственноручное убийство военного губернатора Кашгара в прошлом году; между тем выясняется, что убийство произведено не только им самим, но и

солдатами. Теперь можно думать, что все убийцы должны стать даотаями.

Подробности убийства средневековы. Победленного распяли и после двух дней распятия нынешний повелитель Хотана в упор выстрелил в него, так что кровь брызнула на победителя; с ним стреляли и солдаты его. Голову побежденного выставили на базаре.

Пишу с болью за китайцев. Воображаю, как лучшие китайцы покраснеют за таких современников. Вспомним рассказы Свена Гедина, как китайские власти искали в его сундуках русских солдат. Как Фильхнер^[386] давал подписку амбаню, что не имеет претензий за грабеж. Как бедствовал в Хотане Пржевальский. Как Козлов принужден был въехать во двор амбана с 20 казаками, и тогда беззаконие умолкло. Грустно сознавать и видеть, что новый строй государства не изменил мрачное средневековье. Пусть амбань справляется со своим носом без помощи платка – не в том дело, но пусть амбань хоть что-нибудь знает.

При досмотре вещей амбань много раз припомнил, что русские на маньчжурской границе у него разбили чайник; вся мелочная злопамятность сказалась в этом сообщении. И еще русские совершили тяжкое преступление: подумайте только, они привили оспу жене даотая из Аксу! Это «кощунство» рассказывается с негодованием. При досмотре возмущенная Е. И. сказала амбаню, указавшему открыть яхтан с ее принадлежностями: «Смотри, амбань, вот мой корсет». Таким образом, жена даотая из Аксу была отмщена.

Наш китаец возмущен и потрясен. У него на глазах – у него, у китайского офицера и дипломата, отмеченного в книгах, – у него на глазах отобрали и увезли оружие. Лишили экспедицию средств защиты. Он говорит: «Это работа разбойников». Приходят местные мусульмане и советуют, и предупреждают, и стараются высказать сочувствие. Можно представить, сколько приходится терпеть этим тихим людям, забитым и обезличенным. Можно представить, сколько приходится терпеть китайским студентам и молодежи, которая так чутка на грязь произвола.

Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать. Верблюды готовы. Старик китаец шепчет: «Велите конвойным солдатам, если у них винтовки, ехать впереди, а не сзади: китайцы в спину стреляют». Готово знамя экспедиции. Его повезут впереди. Сун сшил его, красное с

желтым, и надпись черная: «Лю, американский художественный офицер».

Амбань про искусство вообще ничего не знает. Бек – монгольского происхождения – вежливо поучает его следующей старинной легендой: «В старое время в Куче жил знаменитый художник. Однажды он принес в залог свою картину, изображавшую кочан капусты и бабочку, и просил за нее 3000 сар (т. е. 2700 американских долларов). Мальчик, заменивший хозяина, выдал ему просимую ссуду. Пришел хозяин. Возмутился, что за капусту и бабочку можно дать такие деньги. Выгнал мальчика и считал деньги потерянными. Наступила зима, и в указанный срок художник принес деньги и спросил картину обратно. Достали картину, хозяин, к ужасу, видит, что бабочка исчезла с картины. Художник требует картину по описанию в ее полном виде. Бедствует хозяин.

Говорит художник: «Вот ты несправедливо выгнал мальчика, но сейчас только он может помочь тебе». Позвал хозяин мальчика. Тот держал три дня картину около огня, и бабочка опять выступила. И сказал мальчик: «Ты не ценил художника, но он настолько совершенен, что краски его имеют все качества природы. Бабочки являются в теплое летнее время. На зиму они исчезают. То же происходит и на картине. Лишь тепло огня вызвало бабочку к жизни и зимою. Так совершенен этот художник». И хозяин устыдился и возвысил мальчика и сделал его богатым за его мудрость». Так поучает бек амбаня. Но еще Будда в сутрах^[387] сказал: «Самое большое преступление – это невежественность».

Среди мусульман дошли вести о разрушении французами Дамаска^[388] и о грабежах французских офицеров. Мусульмане возмущены: «Видимо, Франция решила порвать с мусульманским миром. Именно повреждением святынь и грабежом легче всего закрепить этот разрыв навсегда». В Париже и не представляют себе, как быстро по глубинам Азии летят птицы-вестники. Между тем течение мусульманской мысли заслуживает большого внимания. На днях один мусульманин спрашивал нас, отчего Мунтазар, Мессия, Майтрейя – все на ту же букву «М». Не есть ли это одно и то же проявление? Так же спрашивали о буддизме. Слушали внимательно о том, что Будда такой же человек, но велик своим высоким знанием. О том, что Будда почитал женщину. О том, что Будда сам указал явление Майтрейи.

На днях приезжали калмыки из Карашара. Пришли поклониться буддистским предметам, которые у нас. Калмыки знают, что здесь проходил Будда, направляясь на север. Интересно отметить, что сэр Чарлз Белл^[389] в своей последней книге о Тибете указывает, что Будда мог быть монголоидного происхождения^[390]. Непал населен монголоидами, и род шакья мог быть из них. Тогда особенно интересно обращение Будды к северу. Все знаки, все остатки надо пересматривать заново. Гигантское изображение Майтрейи на скале около Маульбека много раз упомянуто и описано. Не приходит в голову, что всю огромную скалу надо исследовать со всех сторон.

Но уже в Хотане совершенно случайно пришлось услышать о китайской надписи на оборотной стороне скалы. Было бесконечно жаль упустить эту возможность. Ведь с нами был и китаец. И притом, что может значить этот неожиданный язык? Можно ожидать санскрит, пали, тибетский, наконец, монгольский! Но почему китайская рука писала^[391] на скале о Майтрейе? Подходите к памятникам всегда заново.

Древности в Хотане действительно иссякли. За два месяца, кроме двух-трех осколков, да десятка фальшивых вещей, ничего не принесли. Само занятие кладоискательства выродилось. И рассказы отдают старыми сообщениями, уже описанными сэром Аурелом Стейном^[392]. Яткан, т. е. место старого Хотана, действительно заселено мирными [киргизами] и закрыто мусульманскими кладбищами. Так же как итальянские антиквары цитируют анекдоты про Воде^[393], так же и здесь уже механически твердят про сэра Маршалла^[394] или про Аурела Стейна. В обиходе домашнем не сохранилось старинных предметов. Жизнь застыла, как бывает перед волной новых построений.

Почему-то Хотан все-таки считается торговым центром Китайского Туркестана. Не видим нерва этой торговли. Живем на большом пути, разветвляющемся на Аксу^[395], Кучу^[396] и Дуньхуан^[397] в провинцию Ганьсу^[398] — в глубь Китая. Но редко звенят колокола верблюдов. Редко окликают ослов. Таким шагом торговое обращение не создается. Ковровое дело очень упало — условно и безжизненно. Собственно хотанские узоры совершенно выродились. Торговля нефритом пропала. И еще одна особенность, указанная древними авторами, исчезла — исчезло пение, заменившись неистовыми

выкриками. Перед таким пением пение ладакхцев полно и ритма, и свежести. Если люди перестают петь, значит, они очень подавлены.

Дико подумать, что это тот самый Хотан, которому Фа Сянь в IV веке нашей эры посвящал восторженный отзыв: «Эта страна счастливо благоденствует. Народ богат. Они все буддисты и находят радость в музыке. Здесь более десяти тысяч общинников, и почти все принадлежат к махаяне. Все они живут и питаются от общины. Селения раскинуты на большом пространстве, и перед дверью каждого дома воздвигнута небольшая пагода (субурган). Все очень гостеприимны и снабжают гостей всем необходимым. Правитель страны поместил нас в [монастыре] Гомати, принадлежащем к махаяне. При ударах в гонг все общинники собираются к трапезе. Все садятся в согласном порядке и хранят молчание, не стучат посудой...»

До чего может меняться действительность! И очевидность не может соединить современный Хотан с его бывшим. Так же как современная Аппиева дорога^[399] или дорога на Остию^[400] не ведут к настоящему римскому Риму.

Жаль, что не ездил Фа Сянь дальше Кашгара по теперешнему русскому Туркестану. Ведь там везде, и даже в Персии, имеются следы буддизма, еще совсем не открытые^[401]. А Бухара есть не что иное, как «вихара» – испорченное название буддистского монастыря. Юрий удачно в Париже раскрыл эту филологическую трансформацию, и Пеллио^[402] вполне согласился с ним. Памир, Афганистан, Персия – всюду следы того расцвета культуры, когда, как говорят хроники: «Искусство было несравненно, и произведение творчества и книга были лучшим подарком».

Сун видел сон. Мы трое – я, Е. И. и Юрий – зарубили саблями Яня^[403]-дуту. Прибежал, рассказывает и смеется: «Очень хороший сон, теперь вся победа будет ваша, а дуту будет плохо». Цай Хань-чен переводит этот сон и тоже широко ухмыляется от удовольствия, что хоть во сне их дуту пришлось плохо. Сун углубляет значение сна: «Если дуту худо обошелся с великими гостями, будет ему плохо, и не жить ему».

Так в далеком Хотане пишется приговор урумчинскому дуту: «Более года не проживет». Говорим [киргизу] об этом решении. Тот смеется: «Вы уже сместили Керимбека, видно, и с дуту ваша правда будет». Хоть дуту и смеется над пекинским правительством, но сам он

сидит в горниле ненависти. Кто же сядет вместо него? Хотанский грабитель Ма? Или Аксу? Или из Кульджи со своими маньчжурами? Любая предприимчивая дружина может легко забрать Синьцзян.

Ходят странники, приносят новые вести. В Урге [Улан-Баторе] будет отведено место под храм Шамбалы. «Когда изображение Ригдена-Джапо достигнет Урги, тогда вспыхнет первый свет нового века — истины. Тогда начнется истинное возрождение Монголии». Задумана картина «Приказ Ригдена-Джапо».

В Куче на базарах недавно два пришлых ламы раздавали изображения и молитву Шамбалы. Здесь же приютились ячейки возрождающегося буддизма...

Серия «Майтрейя» сложилась из семи частей: 1) Шамбала идет. 2) Конь счастья. 3) Твердыни стен. 4) Знамя грядущего. 5) Мощь пещер. 6) Шепоты пустыни. 7) Майтрейя Победитель.

1 декабря 1925 года.

Нельзя себе представить более разительный контраст, нежели тона Гималаев и Ладакха сравнительно с пустыней. Иногда кажется, что глаза пропали, засорились. Где же эти кристаллы пурпура, синевы и прозелени? Где же насыщенность желто-пламенных и ало-багровых красок? Седая, пыльная кладовая! Всепроникающая труха времени, режущая кожу, как стекло, и разъедающая ткань. Глаз так привык к бестонности, что, не захватывая цвета, скользит, как в пустоте.

Так же незаметно поднимается песчаный буран, и наш черный Тумбал становится серо-мохнатым. Иногда бывают хороши звезды. Очень редко напоминает о горном очаровании слабо-голубая гряда Куньлуня. Вопят на свою судьбу ослы, и стонет домодельный привод молотилки. Отвратительны гигантские зобы у населения^[404]. Одни говорят: «От воды». Другие: «Уж такая порода». Размеры зоба должны пагубно влиять на нервы и психологию сознания.

Начались морозы. Вода в арыках покрылась льдом.

Лама говорит, что один очень ученый буддист в Ладакхе хотел иметь ученое рассуждение с Юрием о буддизме. Тогда лама побоялся устроить этот диспут. Говорит: «Я боялся, может ли сын ваш говорить об основах учения. Теперь много иностранцев, которые называют себя буддистами но ничего не знают и судят по неверным книгам и толкованиям. Теперь очень много таких лживых буддистов. Но сейчас я жалею, что не устроил это рассуждение в Ладакхе. Ведь ваш сын все

знает. Он знает больше многих ученых-лам. Вот я вам задавал разные вопросы незаметно и постепенно, и вы все мне разъяснили. Жаль, что в Ладакхе мы не побеседовали. Вот я ездил с большим ученым П.^[405] Ему я задавал разные вопросы, но он не отвечал на них, а только сердился. Потому что не знал, как ответить».

Лама очень хотел бы повидать хазареев – монгольское племя, оставшееся после нашествия в Афганистане.

1 января 1926 года.

Ламы часто повторяют слова Будды: «Лампада, перед тем как погаснуть, начинает чадить». Вместо возможности тихо уехать из-под десницы даотая – новые оскорбления и бессмысленные неприятности. Вещи уже уложены. Верблюды готовы. Мы чувствуем радость покинуть опасный Хотан. Но первого января рано утром приезжает вестник даотая и конфузливо заявляет: «Г[осподин] даотай назначает вам ехать на Дуньхуань, а не на Кашгар». Мы говорим: «У нас отобрано все оружие. Ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники-американцы едут на Урумчи. И, в-четвертых, сам даотай только что согласился на наш выезд на Кашгар».

Посланный улыбается: «Все это верно, но г[осподин] даотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Дуньхуань».

«Но ведь туда трудно ехать? Но ведь сам даотай сказал, что в провинции Ганьсу – разбойники?»

«Совершенно верно, но г[осподин] даотай изменил свое решение и указывает вам путь через пустыню в Дуньхуань».

«Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам?»

«Поговорите сами с г[осподином] даотаем. Сегодня Новый год, и, если хорошенько попросить г[осподина] даотая, может быть, он опять изменит распоряжение».

«Но мы не просить желаем, но хотим справедливости».

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к даотаю.

Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, сделанный неисповедимо огромных размеров в виде гроба,

несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор даотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: «Гроб», а сам даотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямын амбаня. Знает, что творит пакости, за которые придется ответить.

Торговец-китаец в лавке с сыном.
Фотография XIX в.

Едем к даотаю. Как полагается для действий трагического «Гран Гиньоль»^[406], драма смешивается с балаганом. По пути встречаем шествие с бумажными драконами, ладьями, рыбами и всякой мишурой, идущее поздравить нас с Новым годом.

Сидение у даотая превысило всякие меры терпения. Мы говорили ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщить с Нью-Йорком. Говорили, что своим поведением он оскорбляет достоинство Америки. Говорили о всех причинах и доводах. Но даотай ответил, что мы можем идти или через перевал Санджу обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Ганьсу (безоружными, через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане.

Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Даотай твердил свое, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, негоден. Неужели г[осподин] Чен Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта? Но даотай ни о какой Лиге Наций вообще не слышал. Я указал, что ввиду таких оскорбительных отношений я желаю вообще уехать из Китая. Даотай твердил свое. Люди даотая хохотали за его спиной и показывали на его голову. Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай расстреливал нашу симпатию к Китаю. Вспомнился один наш знакомый, прогрессивный китаец в Америке. Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: «А вы сами были уже в Китае?» Я ответил: «Собираюсь ехать». Он добавил: «Поговорим после вашего возвращения».

И вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием обращения к консулам Кашгара: «Экспедиция Рериха накануне отправления в Кашгар была арестована китайскими властями Хотана без всякого повода со стороны экспедиции.

Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в городе Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае

если разрешение кашгарского даотая недостаточно, просим телеграфировать за наш счет генерал-губернатору области Урумчи.

Три причины заставляют нас неотложно спешить, а именно: 1) необходимость связаться с нашими представителями из Америки; 2) необходимость видеть врача шведской миссии; 3) необходимость получения денег в Кашгаре».

И вот будем сидеть. Письма наши могут дойти лишь через девять дней, если вообще дойдут. Нам уже вернули пять наших очень нужных и неотправленных телеграмм. Все становится действительно опасным, ибо власти всячески препятствуют нашим сношениям с Америкой. Оружие наше отобрано. Чего еще хотят лишить нас?

Прислали расписку в отобрании нашего оружия. Начинается она так: «Даю сию бумагу в том, что против мне явился русский человек Хулизу другой имя Лолючу» и т. д. Оказывается, Хулизу значит «Рерих» и Лолючу тоже значит «Рерих». Кто может разобраться в этой дьявольской бессмыслице и в таком искажении имени!

Знаменательно, что Америка опять совершенно игнорируется в этом манускрипте. Вообще, кажется, даотай более Колумба сомневается в существовании какой-то неведомой ему Америки, которую зовут Мэй-гуо.

Е. И. очень удручена. Она ехала сюда с таким открытым сердцем. Говорит: «Что же делать с человечеством? Ведь это не люди!» Юрий очень подавлен. «Ведь тот Китай, который нам в музеях и на лекциях показывают, не имеет ничего общего с происходящим». Наш китаец совсем осунулся и молит более ни о чем не говорить, ибо могут убить. «Ведь это воры, разбойники и собаки». Лама шепчет: «Китайцы иначе и не поступают». Все это становится опасным.

Сэр Аурел Стейн передает в своей книге за достоверное, что даотай в Кашгаре за несколько лет своего даотайства перевел в Ханькоу на свое имя 2 000 000 таэлей. Мы не верили этому сообщению, хотя Аурел Стейн – ученый солидный. Но неужели? Неужели... это возможно?.. Как же вам, молодым борцам нового Китая, должно быть тяжело. И много ли вас? Но, конечно, историю мира всегда творило меньшинство.

Надеюсь, что Рузвельтам пришлось легче. Они счастливо миновали мешок Хотана. Притом охота в горах избавляет от каждодневных сношений с даотаем и амбанем. В горах нам никто не

вредил и не строил препятствий. И некому было ежедневно менять свои же решения. И ведь это не есть разница психологии. Ведь и китаец наш, и мусульмане одинаково понимают всю опасную нелепость положения.

Сейчас предложили найти верного человека, который подбросит наши письма консулам в почтовую сумку, ибо сегодня около почты замечены какие-то подозрительные соглядатаи.

Е. И. вспомнила, что на днях, 15 декабря, было тридцатипятилетие моей художественной работы.

Калькутта. Резиденция европейца.
Гравюра XIX в.

2 января.

Пришел купец, справляется о возможностях торговых сношений с Америкой. Но какие же тут сношения, если Хотан так враждебно

встречает именно приезжих из Америки. Ни въехать, ни выехать. Вот так торговые сношения!

Чем враждебнее относятся к нам власти, тем сочувственнее стремится к нам народ. Предлагают вернее отправить наши обращения к консулам. Люди наши искренне возмущены, особенно за отнятие оружия. Говорят: «Никогда они оружия не отдадут». Три китайца советуют ехать по русским дорогам. Высказывается предположение, что власти, по обычаю, хотят вымучить крупную взятку. Наш случай толкуется всячески на базаре. Сегодня бек поехал сопровождать Юрия даже на верховую поездку. Значит, надзор за нами еще усилен.

Записываю подробности, ибо все это для кого-то очень пригодится. Действительно поучительно! У нас паспорт от пекинского правительства, особое рекомендательное письмо от китайского посланника в Париже, прекрасное письмо от консула Соединенных Штатов в Калькутте, письмо от Музея Виктории и Альберта^[407] в Лондоне, письмо от Археологического общества в Вашингтоне, письма от шести учреждений в Соединенных Штатах. С нами китаец, бывший офицер и дипломат. С нами книги, изданные о моих картинах. С нами паспорта – английский, французский, русский. И со всей этой библиотекой все-таки вы рискуете попасть [под] произвол опасных самодуров. Ведь все это очень поучительно.

Сейчас принесли новое «достоверное» базарное сообщение. Видите ли, у нас при обыске найдено много скорострельных пушек. Завтра сочинят, что мои картины – это крылья аэропланов. Говорят о русском, идущем из Тибета на ста конях. На поверку выходит, все это о нас же.

3 января.

Говорят на базаре о борьбе десяти китайских генералов. Говорят о смерти Чжан Цзо-лина^[408]. Говорят о русских, привезших четыреста ящиков оружия. На поверку выходит, что и этот слух – про нас же. Сегодня пошли письма к консулам. Люди боятся идти по пустыне без оружия. Невозможно предвидеть, во что выльется все происходящее.

4 января.

Воскресное базарное сообщение. Калмыки гадали на базаре о нашем успехе, и гаданье вышло удачным как никогда. О чем и прибежали сообщить нам. Сам даотай со своими дурацкими обысками способствует распространению нелепых слухов. Мы-то как-нибудь

выедем, а он сам задохнется в своем саду безумия. Решаю снести с Америкой и отказаться от плана следования по Китаю. У меня слишком много причин для этого. Я взялся картины писать, но не брался вести бессмысленные препирательства с безумцами. Можно перейти самые высокие горы, можно найти общий язык с самыми первобытными племенами, но дикари во фраках с какими-то звездами и со многими женами совершенно неприемлемы и ни в какую эволюцию не входят.

Пришли просить помочь женщине в трудных родах. Мы, конечно, бессильны. Но китаец знает «верное средство». «Это черт сидит под постелью и мешает женщине родить. Надо выстрелить из ружья под постель и черт убежит, а женщина сейчас же родит». Китаец знает и другое важное соображение, он говорит с очень важным видом: «Тибетцы дураки, они думают, что на небе один дракон. Это глупо, на небе дракон и птица. Один дракон дождь не сделает». Китаец также знает, что существует область, где живут только женщины, и у них рождаются только девочки. Очень не любит «воскресающие трупы».

Формулируем обвинение даотая для генерал-губернатора. Обвиняем Ма Да-жэня, даотая Хотана, в следующем:

1. В глубоко оскорбительном отношении к достоинству Соединенных Штатов Америки и к культурным целям нашей экспедиции.

2. В оскорбительном отказе принять во внимание письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки в Индии.

3. В оскорбительном запрещении свободной художественной работы в Хотане под угрозой конфискации всех художественных материалов, принадлежащих экспедиции.

4. В оскорбительном отказе принять во внимание все письма и удостоверения от американских учреждений, организовавших экспедицию.

5. В оскорбительном отношении к нашему личному достоинству.

6. В оскорбительном отказе признать действительным наш китайский паспорт, выданный по приказу пекинского правительства через г[осподина] Чен Ло, китайского посланника в Париже.

7. В отказе принять во внимание письмо, данное г[осподином] Чен Ло ко всем губернаторам [Китайского] Туркестана.

8. В насильственном задержании экспедиции в Хотане, что разрушило срочные планы экспедиции.

9. В оскорбительном отнятии всего нашего оружия (2 винтовки, 1 охотничье ружье и 3 револьвера), что лишило экспедицию всех средств защиты, хотя каждый путник, переходя пустыню, имеет при себе оружие.

10. В оскорбительной и бесчеловечной угрозе выслать экспедицию из пределов Китая через закрытый снегами перевал Санджу.

11. В оскорбительном отказе принять во внимание присутствие в экспедиции пожилой дамы.

12. В оскорбительном и бесчеловечном намерении послать экспедицию в пустыню в направлении Дуньхуаня безоружными, без денег и с больными зубами.

13. В оскорбительном и глумливом ежедневном изменении своих собственных распоряжений.

14. В оскорбительном и бесчеловечном отказе иметь личную консультацию с врачом шведской миссии в Кашгаре.

15. В оскорбительном отказе устроить наши денежные дела лично в Кашгаре.

16. В оскорбительном требовании от нас недействительного царского паспорта через девять лет после [Октябрьской] революции.

17. В оскорбительном отказе разрешить нам сноситься с американскими учреждениями из Кашгара.

Если бы Ма Да-жень, даотай Хотана, хотел следовать указаниям генерал-губернатора в Урумчи, он стремился бы направить экспедицию именно туда. Но его повторный отказ в следовании нашем именно в Урумчи и Кашгар показывает его преступные намерения. Вышесказанные обвинения заставляют нас требовать полного и немедленного удовлетворения.

Также нужно отметить, что во всех переговорах мы указывали властям, что подобные их действия отражаются на китайских студентах и на китайских кварталах, так многочисленных в Америке. Но было ясно, что судьба соотечественников совершенно не интересует преступную власть.

Наш лама передает, что известный ему лама, собравшийся в паломничество в Тибет, был арестован китайскими властями. Лама дал взятку местному полковнику в размере 1000 лан, коня и два куска сукна, и тот ночью пропустил его. Лама шел девять суток ночными переходами, а днем скрывался в песках.

5 января.

Ведантисты называют буддистов «настика», то есть безбожниками. Между тем и веданта не знает личного бога, а знает принцип. Формула посвящения буддиста: «Прибегаю к Будде, прибегаю к учению, прибегаю к общине». Разве эта формула не ведет к бесконечному познанию? Будда – человек, великий учитель жизни, почитающий знание и зовущий бесстрашно идти путем общего блага. Вся современная эволюция была завещана Буддой – этим львом бесстрашия и подвига.

Дошла случайная газета из Индии. Бхош открыл у растений мускулы. Конечно, если есть нервы, то как же не быть мускулам. (Бхош являет именно ту страницу, которая нужна для грядущей эволюции.)

6 января.

Еще «прекрасная» деталь Хотана. Месяц тому назад пришла наниматься женская прислуга. Странная мусульманка: сейчас же откинула покрывало и как-то нагло улыбалась, предлагая себя. Щеки нарумянены. Брови в палец толщиной – в одну линию. Почувствовалось что-то подосланное, грязное. Отказались. Ушла. Сегодня старик китаец жалуется на слух, распускаемый амбанем, что он делал гнусные предложения прачке. Старик опять негодует. Сразу вспомнилась та, нарумяненная. Путники, будьте осторожны! Старик негодует: «У самого амбаня винная лавка в Яркенде. Если бы нам прислали солдат от консулов». Если уже китаец мечтает о консульских солдатах, то можно представить настроение его.

В своей статье 1925 года в «Шанхай таймс» «В дебрях Тибета» доктор Лао Цзинь говорит: «В одном из святилищ мне удалось увидеть одно из самых замечательных его атрибутов – превращенное в мумию тело одного ученого^[409], который, как говорят, умер 350 лет тому назад. Одетый в костюм тибетского ламы, каким он был в жизни, он сидит в кресле и имеет вид человека скорее уснувшего, нежели омертвевшего уже столетия тому назад. На столе перед ним лежит незаконченная рукопись, над которой он работал перед смертью. Тело пожелтело и высохло от времени, но в общем сохранилось непостижимо хорошо.

Много легенд уже сплелось вокруг этих останков древнего тибетского ученого. Меня уверяли, что три раза за все это время, протекшее после его смерти, его тело меняло свое первоначальное положение, а один раз исчезло совершенно и возвратилось лишь через

два-три дня. Однажды хранители храма, войдя в помещение, где находились останки, обнаружили, что лежавший перед ним манускрипт закончен посланием величайшей для всего мира важности».

Оакура замечает: «Какие ужасающие последствия для человечества несет с собою его презрительное невежество в проблемах Востока! Империализм Европы, не гнушающийся бросить клич о «желтой опасности», не представляет себе, что Азия тоже может проникнуть однажды в жестокий смысл «белого бедствия»! Вы можете смеяться над нами, имеющими «слишком много чая», но не можем ли и мы заподозрить вас, западников, в «недостатке чая» в вашей конституции?».

Ауробиндо Гхош говорит: «Мы говорим человечеству: настало время, когда вы должны отважиться на великий шаг и подняться из повседневности к более высокой, глубокой и широкой жизни, к которой движется человечество. Проблемы, которые тревожили человечество, могут быть разрешены лишь внутренним сознанием, не насильственным утруждением сил природы в угоду пошлости и роскоши, но овладением силами интеллекта и духа, завоеванием человеком как внутренней, так и внешней свободы и победою внешней природы внутренним устремлением. Для этого подвига возрождение Азии необходимо, и потому Азия подымается».

Еще Гхош говорит: «Силы старого мира, силы деспотизма, силы традиционных привилегий и эгоистических эксплуатации, силы братоненавистнической борьбы и себялюбивого соревнования вечно борются, чтоб снова воссесть наземные троны. Определенное движение реакции очевидно во многих странах и сейчас здесь, может быть, более, нежели в Англии. Попытка вернуться к старому миру есть один из тех необходимых поворотов, без которого он не может быть окончательно истощен и исключен из эволюции. Старый мир подымается лишь для того, чтоб быть побежденным и снова раздавленным».

«Вы достигли распространения ваших владений ценою отсутствия всякого спокойствия; мы создали гармонию, бессильную против нападения. Поверите ли вы? Восток в некоторых отношениях выше Запада! Небо современного человека разбилось в циклопической борьбе за богатство и деспотизм. Мир движется ощупью во тьме себялюбия и пошлости. Покупают науку с негодной совестью, являют доброжелательство из любви к утилитарности. Восток и Запад, как два

дракона, бросаемые волнующимся морем, тщетно борются, чтоб завоевать драгоценный камень жизни.

Нам нужна «Наука», чтоб исцелить великое бедствие. Мы ожидаем великой аватары^[410]!»

Ауробиндо Гхош говорит: «Мы говорим человечеству: настало время, когда вы должны отважиться на великий шаг и подняться из повседневности к более высокой, глубокой и широкой жизни, к которой движется человечество. Проблемы, которые тревожили человечество, могут быть разрешены лишь внутренним сознанием, не насильственным утруждением сил природы в угоду пошлости и роскоши, но овладением силами интеллекта и духа, завоеванием человеком как внутренней, так и внешней свободы и победою внешней природы внутренним устремлением.

Для этого подвига возрождение Азии необходимо, и потому Азия подымается». Еще Гхош говорит: «Силы старого мира, силы деспотизма, силы традиционных привилегий и эгоистических эксплуатации, силы братоненавистнической борьбы и себялюбивого соревнования вечно борются, чтоб снова воссесть на земные троны. Определенное движение реакции очевидно во многих странах и сейчас здесь, может быть, более, нежели в Англии. Попытка вернуться к старому миру есть один из тех необходимых поворотов, без которого он не может быть окончательно истощен и исключен из эволюции. Старый мир подымается лишь для того, чтоб быть побежденным и снова раздавленным».

Александра Давид-Ниль^[411] в своей статье «Будущий герой Севера» («La vie de Peuple», Париж, 1925) говорит: «Мы можем улыбаться этим безумным мечтам, но в тех огромных областях, где они принимаются с непоколебимой верой и с величайшим почитанием, влияние их может стать мощным и дать призыв к совершенно неожиданным событиям, которые наискуснейший из политиков не в состоянии предвидеть».

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принесшем цветы на ледники. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. Из местного сказителя лама обращается в деятеля международных событий. Давид-Ниль привезла из Тибета несколько новых вариантов рукописей о Шамбале.

Для ученого представляет поразительный интерес целая сеть пророчеств и самых многочисленных указаний, протянувшаяся по всем неизмеримым пространствам Азии. Поэт сказал бы, что пески и камни говорят, ибо часто положительно непонятны пути стремительного осведомления. И стоит вам сказать одно из них, как немедленно вам дают реплику еще более значительного осведомления. И при этом полужакрытые глаза чуть поблескивают.

Так и живем. То сведения с высот, то сведения из пропасти. Сегодня нашего китайца солдат остановил на базаре, схватил лошадь под уздцы и потребовал с него денег. Вчера один из наших «конвойных» остановил на дороге женщину и пытался потребовать с нее деньги. И в такой стране нас оставляют безоружными. Странно, что и Пржевальский имел неприятности именно в Хотане. Марко Поло осуждал нравы Хотана. Так и сидим на сундуках среди несказанного безобразия. Принесли базарное сведение, что даотай вводит в Хотане торговлю опиумом.

8 января.

Часть братии Будды занялась ссорами, и благословенный покинул их. Соседние жертвователи отшатнулись от сварливых, и они смирились и пришли к Будде, прося забыть все, не касаясь причин ссор, бывших между ними. Но Будда сказал: «Такое примирение будет непрочным. Напротив, бесстрашно обнажите все корни ссор и вражды вашей. Только тогда примирение будет действительно».

Беседующие японцы. Японская миниатюра XIX в.

Отправляясь в Азию, не берите с собой много съестных припасов. Все имеется в достаточном количестве. Кашмирские агентства ничего не знают. Заставили нас везти с собою и муку, и рис. Пугали, что нет сахара. Заставили взять пищу для лошадей. Между тем все имеется, а для десяти дней пути через Каракорум не нужно много запасов. Только караван бессмысленно удлиняется!

10 января.

[Как же наше сознание обогатилось пребыванием] в Хотане? Становится еще раз ясным, что жизнь, подобная жизни Хотана, существовать не должна. Подумайте, жизнь ста тысяч людей превращена в беспросветную тьму. Из тьмы рождаются болезни, пороки, ложь, предательство и невежество. У людей осталась одна торговля,

мелкая, добываемая обманом и предательством. Понятие о качестве продукта умерло. Понятие о срочности работы погибло. Понятие о победе труда опустошено. Идет погрязание в слизи луж базара и взаимное удушение. Так продолжаться не может.

Лама, предупреждавший, что «китайцы иначе и не поступают», предсказывает еще одно обстоятельство. Он говорит: «Когда увидят они, что дальше идти нельзя в наглости и в жестокости, они будут уверять, что вообще ничего не было, что нам все только показалось, а они всегда были друзьями. Обратите внимание, они все передают устно, и запуганные беки откажутся от всего ими виденного и слышанного. Единственное доказательство – это расписка в отнятии оружия».

Вы, строители нового Китая, уберите скорее «зубров». Место им – в зоологическом саду. Молодые борцы, вас зовем!

Наш хотанский приятель Худайберды-бай рассказывает с юмором Востока о посещении им своего скупого приятеля: «Прихожу к нему, а он сидит и моет кучи серебряных монет, совершенно почерневших. Оказывается, он держит свое богатство в земле, а у нас земля такая, что серебро совершенно чернеет. Я и говорю ему: „Видишь, даже серебро чернеет, когда от людей спрятано. И лицо твое так же почернеет на том свете, если ты будешь бесполезно скрывать свои богатства“».

Это рассказ разумного Востока.

В двух днях пути от Хотана по течению Каракаша недавно найдены большие золотые россыпи. Тысячи золотоискателей, работавших по течению Керии, бросили там работы и устремились к Каракашу. Названо еще несколько золотоносных рек. Конечно, все это обрабатывается самым грубым способом. По естественным богатствам Синьцзян очень богатая провинция.

11 января.

Сенсация Хотана. Пришли базарные сведения об обеде, устроенном консулом советских республик в Кашгаре. Обсуждается на базарах, и шепчется сочувственно, и восторженно рассказывается. На обед были приглашены даотай, китайские власти, английский консул, купцы, а также многие из самых беднейших жителей. Места были распределены так, что даотай и английский консул оказались среди самых оборванных бедняков. То же произошло и с наибольшими богатеями города. Консул и его сотрудники, в простых костюмах, сами

подавали блюда, меняли тарелки. Консул сказал: «Не правда ли, мы теперь не на службе, здесь мы все люди, мы все равны. Завтра вы будете начальником, даю вам, а сегодня мы люди равные». Судя по откликам в Хотане, впечатление получилось громадное, незабываемое. Так рассказывается на базаре. Не разобрать, где начинается народное творчество.

12 января.

Пришли письма из Америки. Через Кульджу от 5 ноября и через Ташкент от 1 декабря. Почти тот же срок, как в Ладакх из Нью-Йорка. Любимые друзья, читали с радостью о всех работах, о выставках, о лекциях, о школе, о пропаганде искусства в широких массах. Ведь все это так неотложно полезно для Америки. Вы приносите истинную радость в жизнь молодежи и зажигаете сердца.

Френсис пишет: «Мы получили письмо из Вашингтона, сообщающее, что резидент Кашмира писал правительству об инциденте, случившемся в Тангмарге, враждебно, но мы ответили, протестуя против недостойного отношения к нашей экспедиции во время ее пребывания там». Вот это вы не ладно делаете...

...Вы много играете в гольф, но не играйте человеческой совестью. Неужели Вы можете отрицать, что Вы не отвечаете на письма? Неужели Вы можете отрицать, что наши люди были избиты и поранены в Тангмарге? Неужели Вы можете отрицать, что шлем был сбит с головы сына моего Юрия и он сам случайно не был ранен стальной палкой? Неужели Вы можете отрицать, что телеграмма, подписанная мною, была составлена инспекторами полиции? Неужели Вы можете отрицать, что нам же, атакованным, пришлось заплатить полиции?

Неужели Вы можете отрицать, что среди нападавших в Тангмарге был шофер Вашего консульства? Неужели Вы будете отрицать, что, несмотря на все наши телеграммы и находясь в часе езды от места происшествия, Вы в течение шести часов не нашли нужным оградить достоинство экспедиции? Неужели можете отрицать, что письмо от Генерального консула Соединенных Штатов Америки было брошено... на стол с замечанием, что оно его не интересует?

Давно замечено, что при распаде империй именно на окраинах появляются чиновники, усиленно подрывающие центральную власть. Мы три раза жили в Лондоне, мы видели и знаем, какова там жизнь интеллигентной молодежи и лучшей части трудящихся. Должна

существовать хотя бы примитивная справедливость. Со стороны лорда Литтона и его семьи мы встретили культурное отношение, и это нужно сказать. Поведение Ди-Вуу и его подчиненных было высоко недостойным, и это нужно сказать... Ди-Вуу называл американского путешественника Баррета «Ужасная ерунда» и говорил, что будет очень рад, когда Рузвельты уберутся с его территории.

Вообще отношение к приезжающим из Америки очень плохое; достаточно вспомнить подробности более чем странного следствия по поводу «гибели» молодого, полного сил американца Ленгдона в прошлом году. Подробности этого возмутительного случая знают англичане, спутники Ленгдона. Как возмущались бы наши английские друзья!

Слышали о каких-то гигантских статуях в Центральной Азии. Трудно распознать, может быть, это известные статуи в Бамиане^[412] – полуразрушенном городе между Кабулом и Балхом. Высота одной из них достигает 170 футов. Одни считают их всецело буддистского происхождения, другие же видят в них самую глубокую древность. Такая же неясность, как и относительно каменных гигантов на острове Пасхи.

Наш китаец совершенно оскорблен властями. Не хочет более возвращаться в Китай. Мечтает о Тибете или о России. Вывесил на воротах какое-то огромное яркое (черное и красное) объявление. В переводе оно значит: «Американский художественный офицер Ло воспрещает входить во двор не имеющим дела». Оказывается, Ло значит «Рерих»! Ло – по-китайски «набат».

В Хотане был ночной пожар. [Местные жители] приписали его худому обращению властей с хорошими гостями.

13 января.

Пришла телеграмма: «Вашингтон принимает необходимые меры». Но оружие все унесено, а без оружия я не выхожу на этюды в чужих странах. Имею много опыта и оснований к этому. Не только люди, но и одичалые псы научили этому обычаю. Разве не нагло – игнорировать все американские бумаги и лишать всех средств защиты? Были всякие случаи притеснения экспедиции, но такой акт в литературе неизвестен. Возлагаю на правительство Китайской республики ответственность.

15 января.

Пришла телеграмма из Америки, так исковерканная, что никакого смысла понять невозможно. Невидимые друзья с базара принесли весть о крупной ссоре между даотаем и амбанем.

И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрейя. Вот сведения о том, что часто правитель области Китая просто не признает денег своего предшественника. И люди не знают, [в какой валюте] держать деньги. Из будней рассуждение восходит к проблемам общественного строя. Бывают времена, называемые «шар событий», когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем некое зеркало, и отражения его неизменно являют звенья одной спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец – затворник горных обителей уверенно изображает битву и победу Майтрейи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих. И спокойно неоспоримо подписывает посвящение: «Почитание владыке закона, славному владыке северной Шамбалы». В БурханБулате будет храм Шамбалы.

17 января.

Власти углубляют преступность свою. Амбань начал вскрывать пакеты, нам адресованные. Сегодня вскрыт пакет из шанхайского банка. Скажем ему: «Не забудьте, амбань, что именно статуя Свободы открывает путь в сердце Америки. Теперь весь Хотан знает о получении нами денег, а вы и даотай лишили нас всех средств самообороны».

Амбань сообщил, что есть приказ из Урумчи вскрывать все письма и отнять оружие, но что взамен оружия нам дадут стражу из солдат. Отвечаю ему, что мы не можем доверять их солдатам, ибо все они бегут лишь при виде одной нашей собаки. А между тем три года назад именно американская экспедиция должна была отстреливаться от нападения стаи овчарок. Ставлю на вид амбаню, что оружие, им захваченное, принадлежит американским учреждениям, но опять Америка совершенно игнорируется им.

Не успел амбань доехать до города, как в подтверждение моих замечаний о страже к нам прискакал секретарь от даотая, прося помочь

в тяжком хирургическом случае: два ближайших телохранителя даотая стреляли друг в друга. Конечно, мы не хирурги. Оказывается, офицер стражи даотая крал вещи, другой стражник открыл это и в результате – два тяжело раненных. И вот из этих воров и убийц даотай хочет составить нашу стражу. Наш старик Пай Хань-чен говорит: «За вскрытие чужого письма в Китае прежде полагалось выколоть глаз и отрубить руку, но здесь не офицеры, а разбойники». Поучительно будет посмотреть, какова в Урумчи центральная власть всей провинции Синьцзян.

18 января.

Выпал первый снег. Е. И. кормит птиц. Масса пестрых птичек окружила ее. Индийцы часто кормят птиц в течение зимних месяцев.

19 января.

Получено письмо от английского консула в Кашгаре. Видимо, там начали хлопотать, чтобы мы могли выбраться из ужасного Хотана.

20 января.

Письмо от английского консула. Сообщает, что по ходатайству его и кашгарского даотая генерал-губернатор приглашает нас немедленно ехать в Кашгар. Посмотрим, как и когда известят нас здешние «правители».

К вечеру амбань через Худайберды-бая коротко уведомил, что получено от генерал-губернатора разрешение нам ехать на Кашгар. Даже приказы генерал-губернатора сообщаются через частную записку частного человека. Вот так организация: при первом свидании я говорил даотаю, что Акбар Великий называл путешественников лучшими послами его государства и всегда заботился об их добром отношении. Могу теперь сказать даотаю: «Вот, Ма Да-жень, три месяца вы деятельно создавали наше настроение, и я не скрывал от вас, что буду описывать все происходящее.

Конфуций заповедал, что на сделанное зло надо отвечать по справедливости. Китай – страна конфуцианства, и, по Конфуцию, я должен написать на вашем портрете: «Ма Да-жень – невежественный и жестокий дикарь». По учению Будды, «невежественность объявлена величайшим преступлением». И тот же мудрый Конфуций отверг всех восстающих против искусства и знания. Между тем все мы ехали с искренним желанием занести в записки, что власти республиканского Китая стали просвещеннее, нежели во времена упадка империи. И

теперь опять пытливно будем всматриваться в глаза новых властей, не притаился ли у них за плечами невежественный Ма Да-жень?

Люди зашевелились. Сборы. Из всех сундуков лучшие – американские «белбер». Не погнулись на всех перевалах и не пропускают пыль. Лошадь вполне несет два сундука. Плохи кашмирские яхтаны.

Наш китаец ликует, он, видимо, боялся прямых эксцессов со стороны даотая. Теперь он признает, что его следование «обычаям» было излишне. Он заставил везти даотаю хлопушки в день окончания его нового дома. Он устраивал шествие с подарками, когда мы приехали в Хотан. Он без нашего желания возил карточки к новому амбаню. По результатам суда, все это было зря. Он же объясняет тем, что это не офицеры, а разбойники, но согласен, что эти обычаи надо оставить.

Как и можно было ожидать от невежественных властей Хотана, теперь они дают понять, что приказ генерал-губернатора пришел по их ходатайству. Они не знают, что в письме консула ясно изложен порядок получения приказа, и думают, что мы им поверим.

Мафа (повозка) от Хотана до Кашгара стоит 25 сар. Грузовая лошадь – 6 сар.

Из проявленных негативов очень многие и нужные оказались испорченными. Какие-то полосы и черные пятна. Еще в Индии нас предупреждали, что так называемые тропические пленки дают результаты очень плохие.

У нас все обычные фильмы благополучны, а «Кодак» тропические – все мутны, часто целая половина или белая, или черная. Очень хороша «Агфа».

Горный лес в Гималаях. Гравюра XIX в.

Приходят местные бородачи потолковать о всякой всячине. Конечно, истинное намерение сразу не сказывается. Конечно, хотят слышать об обычаях новых русских. Соглашаются, что обычаи хороши, что все древние учения заповедали эти обычаи. Согласны, что все люди должны трудиться. Все хорошо, и чай пьется в согласии, но вот один тащит из-за пазухи номер лондонской английской газеты с перепечаткой рисунка из московского «Безбожника». Аллаху там тоже досталось.

Бородач «наивно» спрашивает: «А ведь, кажется, это Аллах?» Конечно, не скроешь. И конец беседы выходит кислый: «Мы ведь Ленина не трогаем, даже хвалим, а зачем они нашего Аллаха обижают? Да и знают ли они весь Коран? Можно ли все ошибки приписать

Корану? Пусть не обижают нас, мусульман. Нас много, а он хотел, чтобы всем хорошо жить было». Вовремя Молдаван достал газетку, и четко отпечатали в Лондоне клише. А рисунок-то к тому же не из важных и вовсе не убедительный. Угрюмо ушли бородачи...

В Каире около наполеоновских ядер, торчавших в стене мечети, я спросил проводника: «Отчего вы не уберете эти следы варварства?» Было отвечено: «Мы будем хранить этих свидетелей варварства Европы». Сколько таких меморий сохранит Восток! Ничто не забыто. Пряжа мира должна быть начата вновь.

Там опять пришел человек. Хочет говорить. «Откуда?»— «Не сказал». — «Кто такой?» — «Видимо, лама». — «О чем говорить?» — «О свободе, о приходе Шамбалы». — «Ну веди сюда». — «Скажи тибетского чаю дать». И опять неожиданный друг несет новую пряжу радости.

Представитель японских газет был спрошен: «Применяются ли в Японии телесные наказания для детей?» И ответ был отрицательный, как и подобает великой стране. Действительно, справедливы ли многие нападки на Японию? Мужество и честь самураев, воинов; героизм и самоотверженность женщины; углубленный труд рабочего и земледельца придают несомненное очарование Ниппону. С японцами у меня никогда не было столкновений. Наоборот, являлись чуткие японские друзья. Вспоминаю мои давние статьи о Японии. Не откажусь, но даже усилию многое сказанное.

Елисеев рассказывал о методах учения в японских монастырях. Очень замечательно. Неожиданные вопросы и требования, чтобы в ответе была наименьшая примесь личного. Стоит живым эпизод японской драмы: убийцы крадутся убить царевича. В безысходности кормилица подменяет царевича своим ребенком. Потрясающе тонка экспрессия ее холодно-официального плача над предполагаемым царевичем, когда ее материнское сердце разрывается от горя.

«Дао дэ цзин» указывает: «Мудрец ставит свою личность на последний план, и тем не менее она оказывается на первом месте. Он относится к своей личности как бы к чужой для него, и тем не менее личность его сохраняется. Не потому ли осуществляются его главные цели, что у него нет личных и частных целей? Он свободен от самовыставления, и поэтому он светит. Он свободен от самоутверждения, и потому его отличают.

Он свободен от самовосхваления, и потому признаны заслуги его. Он свободен от самодовольства, и потому он пользуется превосходством. И потому, что он настолько свободен от всякого состязания, никто в мире не способен состязаться с ним. Тот, кто обладает свойствами Дао, подобен ребенку. Ядовитые насекомые не будут жалить его. Дикие звери не будут бросаться на него; хищные птицы не станут поражать его».

Будда заповедует: «Углубленностью, добродетелью и чистотой мудрый человек делает из себя остров, который никакими наводнениями не может быть затоплен» (Уданаварга).

23 января.

Наш китаец и лама, видимо, хорошо знают известный сорт китайских властей. Все сбывается по их «пророчествам». Власти повторно уверяют в своей дружбе и все случившееся сваливают на генерал-губернатора Синьцзянской провинции. Конечно, мы уверены, что старик начальник области или дуту ни о чем не знают. Теперь у властей забота, под каким предлогом вернуть нам арестованное оружие, чтобы свести все к неуловимому устному изложению и сказать: «Все бывшее – это фантазия путешественников». За три месяца мы прошли отличную школу. Кое-что из пройденного нами курса остается все-таки неясным.

Например, для чего власти всячески препятствовали нашим сношениям с Америкой и вернули неотправленные телеграммы, тогда как всем известно, что через Кашгар и через английского и русского консула всегда можно сноситься? Местные люди нас сразу предупреждали не верить властям. И на наш вопрос «почему?», ибо мы ничего худого не сделали, местные бородачи твердили: «А потому, что они дураки». Но ведь и в действиях отъявленного глупца есть же какой-то, хотя бы извращенный, смысл. Значит, здесь скрывается не одна глупость, а также и преступность.

Пришла телеграмма из Нью-Йорка: «Министр Америки действует».

Кончим страницей того Китая, который мы не видели. «Наконец желтый повелитель, Солнце Неба, победил дракона земли и мрака. Но гигант в своей агонии ударил головою в солнечный свод и разбил на куски купол голубого нефрита. Звезды потеряли гнезда свои, и луна блуждала без цели посреди раскинутых осколков ночи. В отчаянии

повелитель повсюду искал, кто бы мог восстановить небеса. Он не напрасно искал. Из восточного моря поднялась владычица, божественная Ниука, сверкающая в своем доспехе пламени. Она спаяла пять цветов радуги в своем волшебном горне и восстановила небеса». Так помнит Дао.

Не забудем цветочную пыль Японии, которую мы еще не видали: Камио^[413], владычица Нары, пела: «Если я сорву тебя, моя рука тебя осквернит, о цветок! Таким, каким вижу тебя на груди луга, таким я посвящаю тебя буддам прошлого, настоящего и будущего».

И еще страница истинного Востока, посвященная Матери Мира: «Покрывшая лик свой. Соткавшая пряжу дальних миров. Посланница несказанного. Повелительница неуловленного. Дательница неповторенного!

Твоим приказом океан замолкает и вихри черты невидимых знаков наносят... Она, лик покрывшая, встанет на страже одна, в сиянии знаков. И никто не взойдет на вершину. Никто не увидит сияние двенадцатизначника^[414] ее мощи. Из спиралей света знак соткала сама в молчании. Она водительница идущих на подвиг. Четыре угла, знак Утверждения, явлен ею напутствием решившимся...

Приказ безмолвный, всепроникающий, неотменный, неделимый, неотвергаемый, ослепительный, щедрый, неопиcуемый, неповторяемый, неповрежденный, неизреченный, безвременный, неотложный, зажигающий, явленный в молнии»^[415].

Глава 8. Такла-Макан – Карашар^[416] (1926)

27 января 1926 года.

Тимур-бай – наш новый караванщик. Куда ни оглянешься – всюду какие-то исторические имена. И все шахи, султаны, баи. Даже самый незаметный и тот прибавляет себе – ахун. Приходит взвешивать наши вещи. Устройство весов переносит во времена неолита. На перекладине висит палка с какими-то «магическими» кружками и метками. Массивный зеленый кусок нефрита на веревочке передвигается в противовес сундука, и «маг» в круглой шапочке изрекает цифру, ему одному очевидную. Положительно, в неолите мы находили такие камни с дырками и называли их грузилами, но, вернее, это гири.

Нам нужно на восток, и потому завтра идем на запад. Остановки до Кашгара: 1) Зуава, 2) Пиалма, 3) Зангу (Чуда), 4) Гума, 5) Чолак, 6) Акин, 7) Каргалык, 8) Фоскан, 9) Яркенд, 10) Кокрабат, 11) Кизил, 12) Янгигисар, 13) Яборчат, 14) Кашгар.^[417]

Наши друзья калмыки уже вчера прошли мимо нас по краткому пути на Аксу – Карашар. В темноте рассвета мимо наших ворот звенели басистые колокола их верблюдов. Они повезли Таин-ламе ковры из Хотана.

Опять в нашем караване будет три течения: буддистское, мусульманское и китайское. Последнее – слабее. Последнее изобретение Цай Хань-чена – знамя экспедиции с крупной надписью «Ло (Рерих)», т. е. «набат», – водружено на ярко-красное древко. Цай Хань-чен отвез наши карточки властям, и, как следовало ожидать, мошенники даотай и амбань уверяли, что они нам очень помогли...

Пришли мафы для ламы и Цай Хань-чена. Ясно, что эти экипажи не изменили вид с XV века и годились бы в любой музей. Худайбердыбай привез дастархан в виде жареного барана и пирожков. Так он и остался нашим единственным другом в Хотане. Впрочем, еще полковник китайский понял, что вышло нечто плохое. Опять выюки. Опять мохнатые шапки. Опять яростный рев Тумбала. Утром в путь. Последний раз прилетели к нам хотанские птички и пришли бараны. Тумбал, как черная статуя, застыл на груди яхтанов.

28 января.

С семи утра собирали караван. Видели мы работу тибетцев – отличная была работа, спешная, энергичная. Хуже работа дардистанцев и кашмирцев. Хороша работа ладакхцев, но хуже всего работа хотанцев. Такую лень и неприспособленность трудно представить. С семи до двенадцати с трудом навьючили сорок лошадей. Шли по Хотану и еще раз убедились, что все, что носит признаки старого Хотана, не так было плохо и являет остатки резьбы, каких-то украшений и пропорций. Но все новое превратилось в бессмысленную груду глины и жалких кольев. Лица на базаре попадаются неплохие, но забитые и лишенные всякого выражения.

Ясно, что места, подобные Хотану, изжили все свои старые соки и могут обновиться лишь коренным потрясением. Китайцы сидят за глиняными стенами китайского города. [Единения] с населением у них нет. Они остались случайными пришельцами, угнетателями и не думают помочь стране хотя каким-нибудь улучшением. Запылилась жизнь, запылились мозги. Нужна искра сильной молнии.

Вдали мелькнул силуэт светло-серого Куньлуня. Щемяще удаляться от этого замечательного хребта. Щемяще знать, что Гималаи удаляются. Сознание новых приближений зовет обернуться к Востоку.

Опять стража из пяти солдат. Неизвестно, мы ли их стережем или они нас. Каракаш замерзла, и лошади разбивают легкий ледок. Утро студено, но в середине дня солнце уже печет. На ветках почки. У дороги сидят серенькие хохлатые жаворонки. Проехали 9 дорожных башен. Опять Зуава. Цай Хань-чен говорит, улыбаясь беззубым ртом: «Даотай Хотана думает, что мы опять вернемся в Хотан. Такой глупый офицер».

Но теперь всякие соображения о глупых офицерах от нас далеки. Ведь мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры. Караван с вещами сильно запоздал, и мы сидим налегке, как будто и не бывало этих вещей, которые так усложняют всю жизнь. На песке – пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам. Вечером в Зуаве оказалось, что приставленный к нам бек и офицер накурились опиума. Юрий просил Цай Хань-чена выговорить им. Тот говорит, конечно, «это очень дурно, но главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя^[418] на коне. Англичане нас приучили к этому яду». И свет луны, и тишина ночи опять наполнились человеческим ядом...

29 января.

До рассвета пришлось самим поднять весь караван. Тимур-бай куда-то уехал и оказался лентяем. По-тибетски я кричал по палаткам: «Лонг, лонг, лонг», – как кричат тибетцы ранним утром, поднимая народ. На бугор вышел человек с огромным рогом и начал протяжно трубить на все стороны. Оказывается, мельник оповещает селян о готовности своей молотить их зерно. Опять пустыня. Опять мазар с голубями. Но теперь всюду пробелки тонкого снега. Серебристые тона стали строже.

Снеговые горы с левой стороны стали и воздушнее, и разнообразнее. Но пески по-прежнему утомительны. Редко, когда так уставали. В сумерках весть из пустыни со спины неизвестного верблюда: «В Пиалме вода высохла». Ну все же кое-как пойдем. В восемь часов в темноте при мутной луне вошли в Пиалму. Здесь нас ждал шведский миссионер Нистром (по-китайски – Лисети). Судя по рассказам, он имел много случаев с китайскими властями, подобных нашим. Такая же лицемерная неустойчивость и наглая изменчивость решений.

30 января.

Затуманилось. Кругом бело-сизый туман и круглая тарелка песков. Иногда пески приобретают скульптурный характер или приближаются к жемчужной раковине. Но все-таки сегодня идем по ровной тарелке с редкими низменными барханами, с торчащими тонкими кустиками. Полузасыпан остов осла. Торчат полуразвалившиеся башни – потай ^[419]. Каждый из них делится на десять ли. Потай можно пройти легко в сорок минут. Волны песка сливаются в ровную линию горизонта. Что же нарушает однообразие этой тарелки?

В Хотанскую пустыню пришел слух о нашем путешественнике Козлове. Толкуют, когда Козлов был в Карашаре, там жил «страшный дракон». Но храбрый русский богатырь победил опасного дракона, заклил его и запечатал в стеклянную банку. Этим был спасен весь край. Толкуют о засыпанных городах и показывают рукой в сторону Такла-Макана. Какое-то почтение и суеверный страх звучат при произнесении названия великой пустыни. В эту сторону тянутся две ниточки караванов.

Идут из Гиалмы за топливом. И больше ничего. И звуков никаких. И красок больше нет. И жемчужная пыль взвивается голубым пологом. Как древние катафалки, мерно идут мафы и широко машут

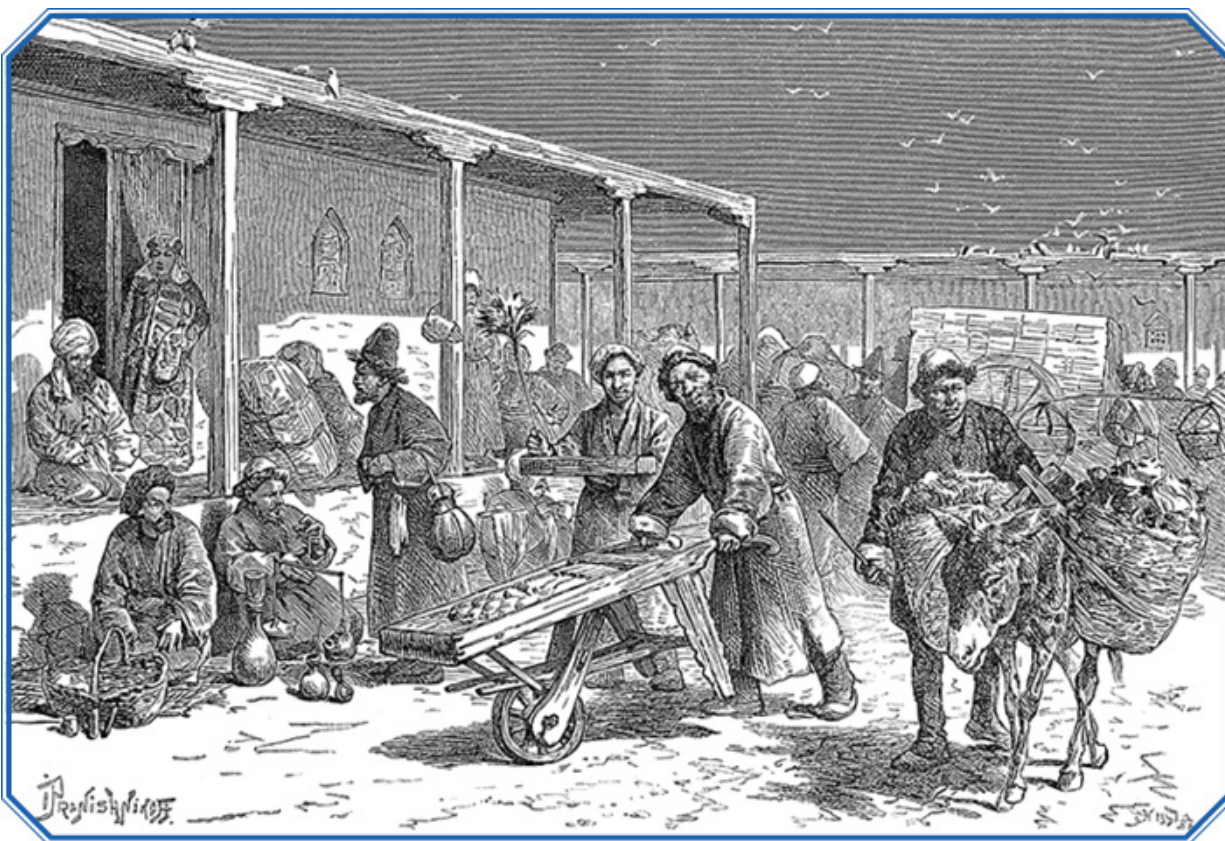
пурпурными колесами. Красочно, ярко горит красный наспинник китайского офицера. Против ветра он надел уморительный желтый капор с длинейшим красным наспинником. Откуда это изобретение? В нем скрыты какие-то тысячелетия.

Влево уходит нить каравана. Куда он? Ведь это направление идет прямо на Тибет, на Чантанг. Так и есть, они идут на тибетские озера за солью. И еще памятная встреча. Зачернел далеко человек. Бодро шагает. Шаг не киргизский, а китаец по пустыне один не ходит. Шапка с ушами. Серый армяк. Да, это ладакхец. Этот пойдет хоть куда один по пустыне. Поравнялись. У него все зубы засветились. И руки протянул: «Джули, джули», – приветствует. И его к нам потянуло. Нашлись разные знакомые. Говорим, кто куда ушел. Кто в Чантанг. Кто через Кокяр. Кто мерз на Санджу. Что же это такое, что так сближает нас с тибетцами и ладакх-цами? В чем же этот общий язык? Откуда общий бодрый шаг? Откуда смелость одиноких хождений? Хотелось оставить с нами этого прохожего друга.

31 января.

После ветра и тумана сияет яркое утро. Идем до Чуда: люди просят прервать поход до Гумы на два дня. Так и сделаем. Китайский отдел каравана развалился первым. На четвертый день Цай Хань-чен уже похож на мертвеца. Тан Ке-чан сильно ослабел и даже застрял на дороге. Сун потерял перчатки и впал в раздражение. У китайского солдата пала лошадь. Словом, еще раз нам показано, что для похода китайцы совершенно негодны. Цай Хань-чен отлично клеит бабочек.

Тан Ке-чан заботливо возится около своей постели, ибо порядочная китайская постель должна походить на гору. Сун бойко налетает на [киргизов]. Солдаты и офицер в капоре похожи на все что угодно, но не на воинов. И эти винтовки с наглухо заткнутыми дулами и завязанными замками – ведь они превратились в символ. Конечно, разбойников здесь нет, но вся эта рать побежит при виде первой организованной колонны.

Торговая улица в Яркенде. Гравюра XIX в.

Опять попадаются бело-синие пятна снега. С северной стороны каждого бархана притаилось такое светлое благоуханное пятно. Положительно, снег дает почве какое-то благоухание. Нельзя верить, что сегодня последний день января, – это весна. Тюрки сегодня работали лучше, за что и получили барана. Бедные, они ценят каждое проявление внимания. Видимо, хозяин каравана их жмет. Что же это за «лестница спрутов»? Геген опять сердится на китайцев.

Приятно прийти на стоянку до темноты. В Тибете идут с четырех утра до часу [дня]. Да, да, положительно весна. Рисовал.

1 февраля 1926 года (понедельник).

Гума. Шли какими-то фантастическими песочными формациями. Иногда казалось, что это остатки ступ или башен. Снега больше. Белые откосы дают впечатление берегов, а между ними – точно море. Настолько убедительно впечатление моря, что приходится вспомнить, что в пустыне нет таких водных поверхностей.

Опять «приготовлен» для нас пыльный сад, опять беки и солдаты. Не успеваем разложить палатки, как приезжает амбань. Впечатление лучшее, нежели в Хотане. Амбань знает о наших хотанских невзгодах. Возмущается хотанскими властями. Удивляется, как можно запрещать художнику работать, и подтверждает, что дорога на Дуньхуан по пустыне очень трудная и для «тай-тай» невозможно было бы ехать таким путем два месяца (тай-тай значит «госпожа»). Разговор переходит на детские темы: в Гуме летом очень жарко, жарче, чем в Ганьсу. В Урумчи теперь очень холодно и нельзя, как здесь, сидеть на дворе.

В Гуме хороших лошадей нет, но зато в Кашгаре есть высокие лошади, а самые лучшие иноходцы – в Карашаре. Все это мы и без того знаем. С амбанем его сын девяти лет. Потом и отца, и сына сажают в пестрый двухколесный ящик – мафу, и все уезжают. А Юрию опять приходится садиться на коня и ехать с ответным визитом. У ворот толпа. Поверх глиняных стен торчат вереницы голов в мохнатых шапках. Солдаты шумно стегают непрошенных зрителей. Завтра стоим в Селяке вместо Чолака: в Чолаке вода вся пересохла.

Вечер закончился китайскими танцами. Пришла процессия с бумажными фонарями. Перед воротами сада сомкнулся тесный круг, и пошел пляс. Сперва старик, молодуха и верблюд. Молодуха убегает от старика, тот ловит ее, и верблюд очень декоративно машет косматой шеей.

Потом танец корабля с песней. В красной бумажной ладье качается «красавица», и гребец вроде Харона^[420] гребет перед носом ладьи. Потом – дракон и ездоки на бумажных конях. Пели: «Как из неба рождаются звезды, так из земли выходят воды».

Нехитро, но ничего грубого и мерзкого не было. Взрослые голоса мешались со звонкими молодыми. Вся темь ночи была полна движения простой и негрубой толпы.

2 февраля.

Очень зимняя, белая пустыня. Потоки замерзли. После Гумы – сразу плоская равнина. На горизонте низкие снежные холмы. Из-за воды должны остановиться в Селяке в час дня. Такого короткого перехода еще не бывало. Селяк – простой глиняный караван-сарай с несколькими корявыми деревьями среди молчащей пустыни. Серое небо. Восточный ветер. Какие-то верблюды, полдюжины собак и

запуганные детишки хозяина. Ничего больше. И здесь догоняет нас странное сведение о Хотане. Керкембай, он же Молдаван, так поразительно похожий на англичанина, выдавал себя за персидского подданного, но оказался беглым директором Оттоманского банка и католиком. Вот уж подлинно безобразное наслоение, и становится понятнее, почему он три недели задерживал наши телеграммы. В его мастерской по изданиям Британского музея подделывают ковры. С какой фирмой в Лондоне или Париже он в связи и в каких антикварных магазинах встречаются его подделки?

На базаре в Гуме женщины откинули фаты с лица, чтобы лучше нас рассмотреть. Откинута фата складывается как кокошник. Наверно, форма некоторых кокошников получилась от закинутой фаты. Бек в Гуме – совершенный Садко, и гримировать не надо. Для всех опер [Римского-]Корсакова здесь готовые персонажи.

В пути солдаты рассказывают нашему Цай Хань-чену, почему плохи их кони. «Ведь начальство ставит на счет правительству 25–30 саров, а само платит 15 или 10». Все толкуют об убийстве дао-таем Хотана кашгарского Ти-Тая. Почему-то убийца поторопился прикончить арестованного без суда генерал-губернатора. Всюду какие-то корыстные причины.

Тан Ке-чана мы должны были покинуть в Гуме, он совсем развалился. Пример губительного действия опиума. Как только из своей прокуренной закутки курильщик попадает в условия бодрой природы, он разваливается, как карточный домик.

Вода в Селяке, как жидкий кофе. Чай получается совершенно безобразного вида и вкуса. Опять ставим палатки. Недалеко – одинокая могила с двумя хвостами на погнувшихся кольях. Рисовал.

Читаем Владимирцева^[421] – жизнеописание Чингисхана. Хороший, жизненный ученый Владимирцев. За время революции выпустил уже несколько книг, и все такого бодрого содержания и такие нужные по времени. Жаль, что Руднев^[422] замолк: ведь все, что [касается] Монголии, теперь так значительно. Надо бы жизнеописание Чингиса перевести для Америки. Эта стихийная предприимчивость будет там оценена.

3 февраля.

За ночь ходили караваны мимо нас. Целым оркестром звенели колокола верблюдов. Наконец один караван наехал на нашу палатку и

чуть не сокрушил. С утра ветер. Пустыня вся побелела. Началась зима, и весь длинный переход шли как по дальнему северу. Прошли старый лянгар^[423] с остатками башен. Зачернели низкие деревья, и показался Ак-кем – маленькая деревня в несколько мазанок. Караван наш очень запоздал, и опять сидим в ожидании.

Опять бесконечные рассказы о трусости [китайского] полковника Ду Линя, о предательстве даотая, о глупости амбаня. Никогда и нигде мы не слышали такого дружного осуждения властей. Даже записывать скучно: так продолжаться не может; новому Китаю придется совершенно изменить качество своих чиновников. Сун два раза упал с лошади. Китайскому отделу каравана положительно не везет. Е. И. с восьми [утра] до четырех [дня] ехала рысью, вот это удивительно. Когда-то она была ездоком.

Откуда-то приносят для покрытия пола очень красивые кошмы. В Хотане таких не видали. Очень сложный мозаичный рисунок. Лучше, нежели ковры. Положительно, кошмы и набойки – лучшее из местных производств. Рисунки набоек те же, как в России XVII века или раньше. Рисовал.

4 февраля.

От Ак-кема до Каргалыка – небольшой, но студеный переход по снежной пустыне. Говорят, через день снег опять уйдет. Почему-то полоса от Селяка до Каргалыка всегда особенно снежная. Может быть, это влияние какой-нибудь гряды гор – других причин не видно. Другая особенность здешних мест – серебро и даже золото совершенно чернеют – верно, состав почвы способствует. Постепенно по длинной слободе въезжаем в Каргалык. Увы, по жестокому запаху он напоминает Сринагар. Спрашиваем, отчего здесь так грязно, хуже, чем в Гуме. Обычный ответ: «Амбань бухао», т. е. «амбань скверный».

Нам отведено помещение на самом базаре, среди невероятной грязи. Пришлось махнуть рукой на весь опереточный эскорт и на беков и самим отыскивать сад за городом. Нашли уединенный дом с садом. Завтра кончатся мрачные владения хотанского даотая. Не будет ли лучше? Одно не мог испортить этот преступник: он не мог засорить воздух пустыни. Чудный, предвесенний, студеный воздух.

День закончился опять танцами. Дракон и ладя были обыкновенны, но лучше всего был танец на ходулях. Сказались природные артисты. Тот же русский танец с ухаживанием молодца за

девицами под струны, похожие на балалайку. И Дягилев^[424], и Больм^[425] могли бы позаимствовать для своих композиций. И слуги в красном с бумажными фонарями были неплохи. Эта черточка творчества на минуту осветила мертвенность пустыни.

Зобов здесь меньше. Дайте этому народу хоть маленькое окошко света, и буйное пламя сердец вспыхнет.

5 февраля.

Каргалык проводил нас плохо. Приставленные беки оказались идиотами. Лошадей не достали. Наконец один бек явился на диком жеребце, который ударил Оллу – лошадь Е. И. Удар пришелся по ноге Е. И., но, по счастью, был смягчен гильгитским мягким сапогом. И к чему только навязывают этих беков и солдат? Кроме неудобства и расходов, они ничего не приносят. Вчера пришел китаец наниматься в слуги. Оказывается, он застрял в Каргалыке после убийства амбаня солдатами. Много убийств. Спрашиваем Суна: «Отчего даже беки в Каргалыке скверные?» Следует стереотипный ответ: «Амбань скверный» (выговаривают здесь не «амбань», а «амбал»).

Снег сразу прекратился за Каргалыком. Видимо, снеговая полоса кончилась, но зато начались белые солончаки. Проехали два базара. Миновали убогие мечети и кладбища и въехали в длинный базар Посгам. Стоим не в палатках, а в доме старшины. Большой дом с разными темными комнатками. Опять на полу цветные кошмы, даже стол и кресла с кожаными сиденьями. Конечно, дом этот указал случайный пенджабец с базара, а все беки только мешали двигаться.

Когда же кончатся эти безнадежно однообразные селения, лишённые красок и гибнущие в лени и одичалости? Вот проехали кузницу. Конечно, она прекрасна как декорация для постановки «Нибелунгов», но как сельскохозяйственное приспособление она никуда не годна. В маленьких ямках полуголые люди и ребятишки дуют в игрушечные меха. Уберите отсюда волнение от [прибытия] каравана, и все погрузится в полный паралич.

6 февраля.

Почти весь переход до Яркенда – среди мирных заборов оазиса. На миг блеснула бурливая поверхность Яркенда. Мелькнула колоритная переправа на паромах среди обледенелых берегов, среди скопления коней, верблюдов, ишаков и маф, а затем опять те же мазары и глинобитки и головастые остовы придорожных ветел. Так до самого

Яркенда, до самых глиняных стен. Опять нам приготовлен дом на самом базаре, но является избавитель в виде ладакхского аксакала. Нас везут за город, и в спокойном саду мы находим белый дом со службами, с красными коврами и, главное, с лхасской речью самого аксакала.

Из Посгама нас проводило приветствие пенджабца: «Урус хорош», а здесь – знакомая речь тибетская. Заехали к шведским миссионерам. Лечили нашего старика китайца. Слушали опять разные рассказы о местных обычаях: как китайцы-чиновники доводят население до полного разорения и затем легко управляют обнищавшими париями. Пришло письмо английского консула: зовет остановиться у них. Местный Русско-Азиатский банк тоже предлагает три комнаты в Кашгаре.

7 февраля.

День в Яркенде. Люди наши едят баранов. Тишина. Странная вещь – решительно все просят идти с нами дальше. Даже китайские солдаты эскорта говорят, что с радостью пошли дальше бы с нами. В подметальщики поступил китайский капитан. Русский офицер, какой-то армянин, мажордом бывшего амбана – все просят. Этак до Урумчи пройдем в международном составе. Были с визитом у местного амбана. Впечатление производит лучше хотанских «правителей».

Когда наш Цай Хань-чен начал излагать обстоятельства нашего хотанского плена, то амбань искренне возмутился. Но самое замечательное это то, что, по словам амбана, всюду получено письмо из Пекина о нашем проезде и об оказании нам содействия. Амбань возмущается, как смели хотанцы не признавать пекинский приказ.

Опять едем базарами. То же самое, как в Хотане. Маленький вариант: на воротах ямыня вместо кошкоподобного дракона изображен ряд воинов с мечами. В три часа к нам являются солдаты и беки и в предшестве красного зонтика шествует сам амбань. Следует мирное чаепитие. Амбань извиняется, что не мог устроить нам завтрак из-за скорого нашего отъезда. После всяких любезностей расстаемся. Является китайский доктор для Цай Хань-чена. Стоят часовые в черных тюрбанах.

Приходит китайский театр. Пробуют лошадей. Мирная средневековая чепуха в роде Вингбонса.

Откуда-то пробрались в Яркенд слухи о каких-то событиях в Китае, о каких-то выступлениях Фыня^[426], о закрытии банков в Пекине,

о действиях старой династии. Но никто ни о чем не знает и ничего понять нельзя.

8 февраля.

Будда был противником тюрем. Он требовал труд и усиленную работу. В Дарджилинге недавно был любопытный случай. Случайно в толпе был арестован старенький лама. Он ни в чем не оправдывался и был посажен в тюрьму. Пришел срок выпустить его, а узник не уходит. Говорит, никогда и нигде он не имел такого спокойного места, где не шумят, где кормят и не мешают размышлять. С трудом уговорили старика покинуть тюрьму.

Лама говорит: «Не бейте людей, пусть по справедливости отработают». Так замечает лама, видя, что беки бьют народ и поселяют вереницу ненависти, крика и унижения.

При отъезде не обошлось без драки. Сам Яркенд производит лучшее впечатление, нежели Хотан: и больше размерами, и разнообразнее товарами, и даже глиняные башни и стены дают хотя бы небольшое декоративное впечатление. А потом за верхушками деревьев показались горы – Кашгарский хребет^[427] и не покидали нас с левой стороны весь путь. И все как-то скрасилось – и озерки во льдах, и синие речки, и коричневые бугры на синем фоне скалистых гор. Уж очень любим мы горы. Наша собственная планета была бы очень гористая!

Опять хлопоты с китайцами. Оказалось, что Цай Хань-чен начал сильно курить опий и этим вносит разложение среди прочего каравана. Придется применить строгие меры. Стоим за околицей маленькой деревни Кокрабат. Будет объявлено, что «каждый курящий опий будет удален немедленно».

9 февраля.

Опять мазары, могилы со знаменами. Маленькие мечети для намазов. Насколько трогательнее намаз в пустыне на коврике перед ликом неба, нежели намаз перед голой глинобитной стеною. Очень убоги эти придорожные глиняные мечети с кривыми стенами и игрушечными башенками. Куда же ушло творчество этого края? За все время видели одну недурную серьгу филигранную и пару серебряных пуговиц. При солнце красиво едут женщины на ослах в ярко-зеленых и пунцовых чекменях. Как будто здесь зобов меньше, чем в Хотане. Интересна задача исследовать, отчего происходит такое чудовищное

разрастание щитовидных желез. Кроме качества воды должны быть еще причины.

Мимо проезжает человек с соколом на руке. Соколиная охота здесь еще является любимым спортом. Нас провожают стаи назойливых ворон. Вспоминаем, как в Монголии иногда приходится отстреливаться от несметных стай воронов, нападающих на коней. Идем по каракумским пескам^[428], т. е. по «черным пескам». Слой щебня и гальки дает пустыне сероватую, жемчужную поверхность. Налево все время продолжают груды гор. Странно думать: за этими горами уже Русский Туркестан, а упираются эти хребты в высоты Памира. Первый день после трех месяцев, когда пустыня действительно красива, красочна и разнообразна. И голубое небо разукрасилось особенно изысканным рисунком белых перистых облачков. На гребнях гор сверкает снег; розовые предгорья вливаются в синюю дымку, из которой выплывают очертания хребтов. Светлый день.

Люди ждут Кашгар. Все хорошее в Кашгаре называется русским. Хорошие дома – русские, хорошие сапоги – русские, хорошие кони – русские, хорошие телеги – русские. Проезжаем два-три заброшенных лянгара – постоянных двора – и в облаках беспросветной пыли входим в Кизил на стоянку. Переход считается длинным, но пришли уже в два с половиною часа [дня]. Кизил – странное, полузаброшенное место с молчаливыми глинобитными квадратами мазанок. Бол

ьшое старое мусульманское кладбище. Издали оно походит на целый город из красноватой глины. Чернеют дыры старых могил. Люди жалуются на Цай Хань-чена. Старик целую ночь курил опий. Решили оставить его как можно скорей; нельзя держать в караване такой скверный пример; лучше всех китайцев держится Сун, не курит и проявляет находчивость. Спросили, отчего у него отрублен мизинец на левой руке. Оказывается, он был отчаянным игроком, все проиграл, обнищал и заплатил долг тем, что сам себе отсек мизинец. Итак, у нас один игрок, один офицер убитого амбаня, один из каравана убитого американца Ленгдона, один отчаянный курильщик опиума. Довольно пестро!

Наш ладакхец Рамзана так нарядился, что даже приколот на грудь две пряжки от подвязок. Вот уж истинный кавалер ордена подвязки! Но главное желание Рамзана – нести ружье и ехать на доброй лошади. Ему 18 лет, из него может выйти полезный человек. Отец его мусульманин,

мать — буддистка. По каким-то приметам ламы признали его перевоплощением умершего настоятеля монастыря, но отец, как ярый мусульманин, помешал его монастырской карьере.

10 февраля.

Мгла. Северный ветер и густые облака пыли. Долго шли какими-то песчаными коридорами и глубокими выбоинами. Давно не видели такого количества всепроникающего песка. Затем пошли седые солончаки и низкие бугры зеленовато-бурого тона. Стало красивее. Когда же дошли до Кингулдарьи, с высокими берегами, с обледенелым высоко висящим мостом, с запрудами и нагромождениями стен и домов, стало совсем хорошо. Такие пейзажи бывают на старокитайских рисунках. Входим в длинный базар Янгигисара. Приготовлен дом на базаре и, как всегда, негодный. Остановились в шведской миссии. Разговоры о Стокгольме, о лечении зубов (йодом), о продвижении Фыня на Синьцзян.

Рассказывают, что позади гробницы Магомета находится пустая гробница, приготовленная для Иисуса во время его второго пришествия. В Исфахане в Персии держится оседланный белый конь, готовый для пришествия Мессии, — каждый по-своему!

Сейчас пришли индийские купцы сказать «салам», передать приветствие к приезду. Показывают фотографию с распятого Ти-Тая и с его убитого сына. Рассказывают подробности этого средневекового убийства без суда. В общем сведения хотанские совпадают, кроме детали отрезывания головы. Здесь говорят, что распятый правитель оставался на кресте два дня, а затем тело его было куда-то заброшено. И теперь мазар (гробница), выстроенный правителем, стоит пустой. В газетах мало писалось об этой трагедии с распятием. В Пекине заседают какие-то комиссии. В Лиге Наций произносят какие-то безжизненные формулы, а здесь идут своим чередом распятия, и предательства, и продажи людей, и щедрая плата убийцам. Необходимо ускорение эволюции.

Говорят, что около Кашгара есть развалины буддистского храма. Так и должно быть, ибо в этих краях буддизм был, но интересно, что об этих развалинах не приходилось слышать ранее. Значит, в Кашгаре есть и мечети, и мазар Мириам^[429], и развалины буддизма.

Вечер проводим со шведами. Тихий ужин. Рассказы о богатствах этого края, где обрабатывается не более 3 % всей площади. В близких

горах находится железо, медь, серебро и каменный уголь. Убитый Тит Тай предполагал начать какие-то разработки, но теперь эти проекты опять погрузились в темноту.

11 февраля.

Простились с гостеприимной семьей Андерсона. Семимесячный Свен уставился своими голубыми глазами на Е. И., крепко захватил ее палец и не хотел отпускать. Поговорили о хлебобродности края, где кроме разных овощей в диком виде растут многие целебные растения: рицинус^[430], лакрица^[431], дигиталис^[432] и другие. Можно представить, как заработала бы эта равнина под фордовским трактором. Говорят о безлесии этих мест, но в двух днях пути (а переходы короткие) – отличный каменный уголь. Везем с собой кусок этого продукта, не уступающего лучшим образцам. А кто сказал, что здесь же поблизости нет и нефти? Или в горах нет радия? Притом, как легко засадить целые плоскости деревьями.

При раскопках часто находили огромные пни и стволы давних лесов^[433] в этих местах. Стоит лишь применить минимум трудолюбия и находчивости, и край делается неузнаваем. Вод летом очень много, стоит лишь собрать их в хранилища. Вот в феврале дни стоят совершенно весенние. Только декабрь и январь дают холодок. Студеный ночной воздух освежает природу. Если бы только китайцы не боялись всего нового и если бы их чиновники назначались по достоинству, а не по способности грабить.

Иначе откуда же эти непонятно скорые обогащения амбаней и даотаев? Таким путем каждое проявление трудолюбия оказывается лишь поводом к быстрейшему обогащению чиновников, погрязших в опиуме и в игре. Стоим в Яборчате. Маленькое место в четырех часах от Кашгара. Могли бы легко сделать путь до Кашгара в один день, но из-за грузовых лошадей приходится стоять за околицей среди головастых ив и глинобитных стенок.

12 февраля.

Мгла, низкий кустарник, голые ветлы и ухабистая дорога с переходами через ледяные потоки. Сперва минуем новый город Кашгар. Стены значительнее яркендских. На базаре больше нерва и движения. Арестанты в цепях просят милостыню на прокормление. Между новым и старым городом – около двух потаев расстояния. Навстречу скачут два ярко-красных «чепраси»^[434] от английского

консула. Консул ждет завтракать, пока приготовят дом [местного] Русско-Азиатского банка. Консул и его жена участливо расспрашивают о хотанских делах. В банке говорят «о характере» китайского правления. Оказывается, хотанский даотай известен по всей провинции, и никто не удивлен его поступками. Приваливает караван. Приемка вещей. Сложности.

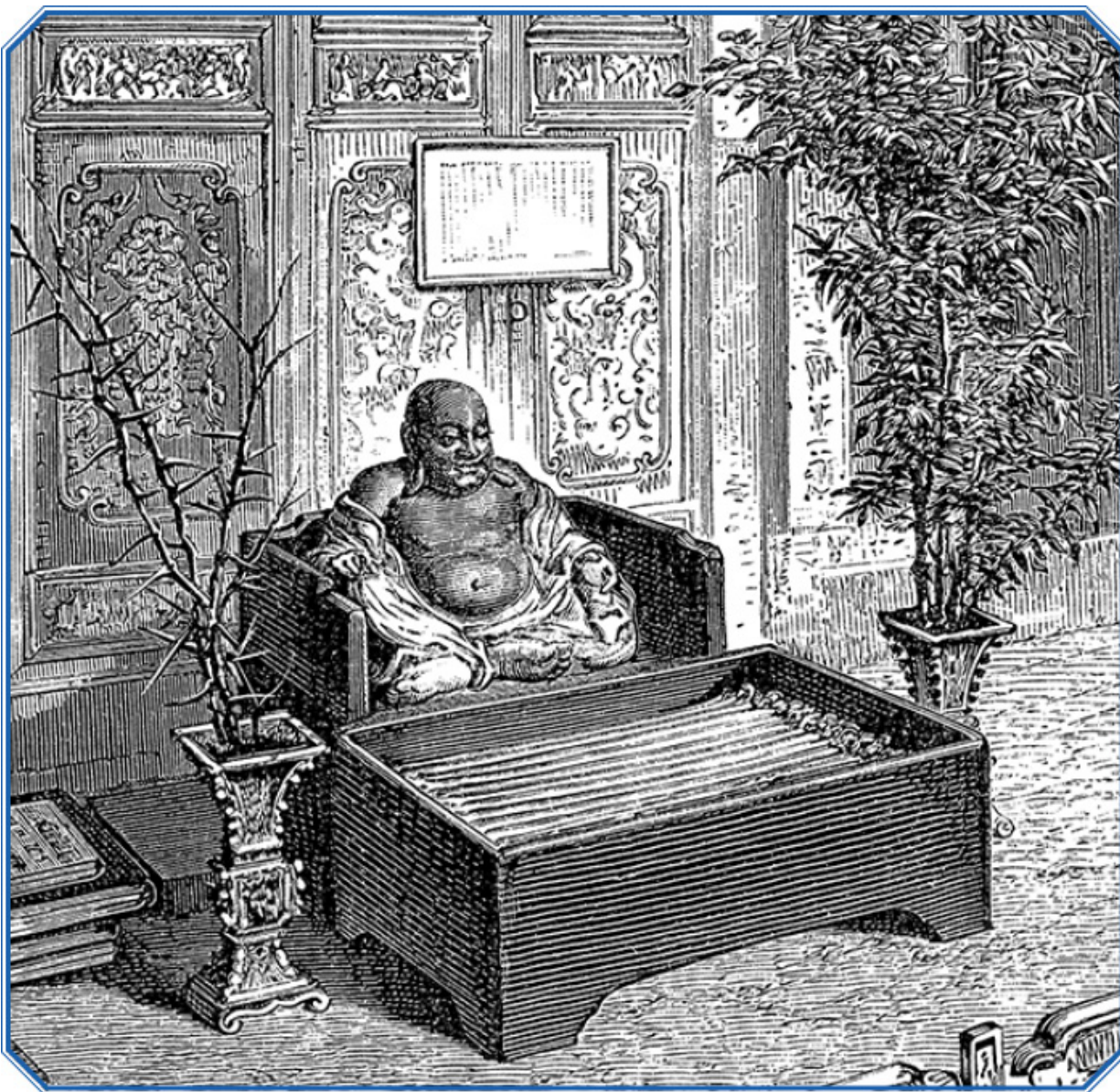
13 февраля.

Китайский Новый год; в четыре часа утра разбужены хлопаньем петард и ракет. За стеною столб пламени и выстрелы. Думали, что это пожар... Приходят консул Гиллан с женою. Оказывается, оба они шотландцы. Среди шотландцев мы давно встречали много симпатичных людей, и эти принадлежат к хорошему типу шотландских кланов. Приходит ладакхский аксакал. Мусульманин, долго живший в Лхасе и Шигацэ. Приходит старый переводчик русского консульства. Жалуется на развитие курения опиума и конопляного гашиша. Богатые позволяют себе роскошь употреблять дорогой опий, а бедные одурманивают себя домодельным гашишем. Возможность заработков здесь уже очень плоха. Прежде до тридцати тысяч народа уходило ежегодно на заработки в Россию.

И опять бесконечные рассказы о грабительском обогащении китайских властей.

Когда сидите в мирном китайском ресторане в Америке, вспоминайте о грабителях даотаях и амбанях, держащих народ в полном отупении. Увеселительные моторы^[435] в китайских кварталах пусть напомнят, как во мраке невежества гибнут миллионы людей.

Приходит директор отделения Русско-Азиатского банка Анохин. Новая волна информации. В каждой части провинции свои деньги, трудно принимаемые в соседнем уезде. В Кашгаре – сары. В Урумчи – ланы, стоимостью в одну треть сара. В Кульдже – свои ланы, которые население называет рублями. При этом половина или четверть лана достигается разрыванием знака на соответственные части. Вследствие этих операций денежные знаки обращаются в труху, лишенную всяких обозначений. Когда же является необходимость вернуть знаку его прежние размеры, то подклеивают куски случайной бумаги. Можно получить ланы, на которых половина состоит из объявления о продаже мыла или чего-нибудь настолько же неожиданного.

Домашний алтарь со смеющимся Буддой.
Гравюра XIX в.

Повидали миссионера — шведа Пальмберга. Несмотря на медицинскую деятельность шведских миссий, они периодически подвергаются преследованию со стороны властей. Недавно даже должны были временно прекратить работу, а между тем они являются единственными докторами на весь большой край. Даже при гарнизонах нет ни одного врача. Местные жители говорят нам: «Нигде в мире не знают, что творится в заброшенном Китайском Туркестане, отданном на

разграбление кучки невежд». Просят: «Напишите, скажите миру об одичании целого края». Опять проходят арестанты в цепях, просящие милостыню. Этот обычай был характерен для XV века, но видеть его применение сейчас поражает.

14 февраля.

Сидим в полубездействии, ибо китайский Новый год празднуется несколько дней. Вспоминаю, как американский консул в Калькутте, милый Дженкинс, высчитал все дни в году, не затронутые праздниками всех местных национальностей. Осталось всего 52 рабочих дня. И здесь праздновался европейский Новый год, а теперь китайский. Очень мешает исчисление месяцев в разных толкованиях. Мусульманское, китайское, тибетское – все считают на разные сроки.

Приходит [киргиз], рассказывает, что около Кучи население разрушает остатки буддистских храмов. Отчего? Много путешественников и китайцев интересуются этими развалинами и фресками, и населению трудно принимать всех этих гостей. Они раскладывают в развалинах большой огонь, и фрески гибнут. Подозревали и другую причину – давнишнее иконоборчество мусульман. Так или иначе, но скоро и эти небольшие остатки тохаров и уйгуров исчезнут.

15 февраля.

Утром были у даотая. [Он производит впечатление добродушного [человека]]. Ямын имеет более жилой вид. Не видно оборванной солдатчины. Нет толпы беков. Там же был заведующий иностранною частью господин Дао. Конечно, паспорта наши оказались совершенно правильными. Рекомендательные письма найдены отличными. И выражено изумление действиями Хотана. Немедленно пошлют телеграмму генерал-губернатору о выдаче нам нашего оружия. В течение дня видели шведского миссионера Торквиста и много жителей местной колонии. Любопытно отметить, что генерал-губернатор давно стремится выбраться из Урумчи восвояси с награбленным добром. Но соседняя провинция не пропускает его без уплаты многомиллионного выкупа.

Так, один его караван из нескольких арб с серебром был уже захвачен. Теперь «сановник» пытается перевести свои капиталы в иностранные банки через британское консульство. Надо также отметить, что после убийства Ти-Тая и его сына в Кашгаре их семьи

подверглись полному ограблению. Из ушей жены сына были даже вырваны серьги. Принесли фото с распятого Ти-Тая. Друзья, посмотрите на это зверство без суда и без ответственности. Впрочем, говорят, что даотай из Аксу уже собирает солдат, чтобы идти на Хотан. Награбленное добро недолго лежит на одном месте.

16 февраля.

Приезд даотая. Нудные разговоры о культе предков, об астрологии, о погоде. Смотрел снимки с моих картин. Говорил, что уже телеграфировал в Урумчи о разрешении нам ехать дальше. Эти разрешения для каждого шага напоминают самые жестокие времена и просто надоели до последней степени. Даже пожаловаться на грубость властей можно лишь с разрешения. Проходя по городу, еще раз всматривались в местные типы. Есть очень жестокие лица. Гораздо больше нищих и калек, нежели в Яркенде. Нужно обменять оставшиеся рупии. Советуют взять русское золото. Сейчас оно стоит наравне с червонцем. Привозят его киргизы с гор. Индийцы и турки охотно берут его.

17 февраля.

День обмена денег. Выборы тарантаса. Новый кучер – казак из Оренбурга. Поучительная сцена на базаре. Мулла плетью сгоняет народ в мечеть. Удары сыплются на спины, плечи и лица. Молитвенный энтузиазм плохо достигается, и многие спешат укрыться в переулках. Говорят, что медресе – школы при мечетях – плохо посещаются. Народ даже среди дикости ждет более утонченных и углубленных форм познания.

18 февраля.

Недалеко от селения Артуш можно видеть высоко в скале три окна. Конечно, это буддистские пещеры, осмотренные Лекоком^[436] и Стейном. Снизу можно различить остатки росписи. Особо значительных предметов там не нашли. Народ украшает эти пещеры преданием. У старого царя была дочь, ей была предсказана смерть от укуса скорпиона. Чтобы спасти ее, царь устроил жилье высоко на скале. Но судьба исполнилась. Царевна захотела отведать виноград. На веревке подняла к себе корзину, в которой притаился ядовитый скорпион.

В пятнадцати верстах на восток, среди кладбища, показывают могилу Марии, матери Иссы. Подробности легенды ускользают.

Почему именно Марии, в Кашгаре никто не может рассказать. Так же как и об Иссе в Сринагаре. Нет ли здесь следов несторианства или манихейства?

По базару важно проезжает с плетью в руке кадий – судья. Едет ловить игроков в азартные игры. Конечно, кучки игроков быстро разбегаются и после проезда «блюстителя» снова тотчас смыкаются. Так же, как опий, азартные игры истощают население.

Входим в китайское жилье. Против входа – алтарь новогодних приношений и сластей. На стене яркая картина «владыки» богов. Кто же это? Ведь это тот самый Кейсар^[437]; ведь это тот, кого ждут каждый по-своему. Новый год приветствуется именно его изображением. Даже в почти мусульманском Кашгаре притаилось дальневосточное верование. Там же увидели Гуаньинь – Матерь Мира, и человека – долгую жизнь (коллектив всех возрастов), и еще одно изображение «владыки богов». Это изображение менее сложно, всего две фигуры: «владыка» и его хранитель. «Владыка», сидя у стола, следит за пламенем красной свечи. Во лбу «владыки» – драгоценный камень, как красная звезда. Картина новейшей простой работы, но очень декоративна. Зашли во двор храма. Самый храм заперт. Служба не совершается. Против входа – сцена для китайского театра.

Предвечернее солнце заливает берега Тюмендарьи. По узкому мосту идете к песчаным обрывам. Как мертвый город, недвижимо и неодушевленно стоят над песчаными кручами глиняные стены. Деревья голы; можно видеть далеко. Это первый вид, который можно назвать среднеазиатским городом. И не под вонючими навесами тесных базаров, не в лице прокаженных, но в золоте лучей солнца и в недвижимости стен вы верите, что Кашгар действительно старое место.

19 февраля.

Много подпочвенных вод в Кашгаре. Разливы рек и рисовые поля дают особый вид лихорадки, вроде малярии. Самые разнообразные симптомы. Ломота суставов, сонливость, боль конечностей.

Нелегко получить деньги по чекам из Китая. Нас должны ждать таэли еще с ноября, но вот уже конец февраля, а почта оттягивает выдачу. Конечно, может быть, деньги отданы в рост. Рассказывают, что один из местных амбаней долго отказывался перевести собранные налоги генерал-губернатору, ибо все они были отданы в рост для обогащения амбаня. Принесли снимки с жертв «правосудия»: ряды

людей с отрубленными пальцами, ступнями, с перерезанными сухожилиями. Большинство из них не сумело или не могло вовремя заплатить «кому следует».

Здесь же снимки с убитого Ти-Тая в полной «славе»: с двумя лентами накрест, со звездами и с растопыренными ногами. Здесь же снимки с разработки нефти, начатой Ти-Таем. Группа жен Ти-Тая и других местных чиновников. Пришли старые письма из Америки от 30 октября через Пекин. Этим путем потребовалось три с половиной месяца, чтобы достичь нас.

Найти лошадей здесь, по-видимому, еще труднее, нежели в Яркенде. У доктора Яловенко нашлись все лекарства, нужные нам. Его маленький госпиталь гораздо более оборудован, нежели в шведской миссии.

Пьем чай у Гилланов; идем с ними осматривать ступу. Около реки дорога начинает уже вязнуть. Переходим узкий мост и поднимаемся среди причудливых песчаных формаций, созданных водою и землетрясениями.

Конечно, здесь была древнейшая часть Кашгара; здесь могут быть найдены буддистские следы. Сама ступа превратилась в бесформенную глыбу, и лишь остатки кирпичной кладки внизу выдают ее построение. Размеры ее велики; не менее большой ступы в Сарнатхе. В сущности сохранилось лишь одно основание, а весь верхний купол исчез. Трудно среди песчаных оползней признать развалины строений. Сколько таких замаскированных развалин погребено близ течения рек и под пологими курганами, под этим типично азиатским покровом...

Холодает к вечеру. И лиловым силуэтом стоит Кашгар с китайским храмом на стене города. Силуэт не лишен покоя и величия, но это, так сказать, ложное величие, ибо громада силуэта превращается в хрупкость глиняных и песчаных строений. Поздно вечером к нам стучится Джордж Чжу, китаец, секретарь британского консула. С доброй вестью, с телеграммой от дуту из Урумчи. Разрешено ехать. Но, несмотря на представление кашгарского даотая и британского консула, наши две винтовки и три револьвера оставлены запечатанными, а о разрешении писать картины вообще не упомянуто, хотя и консул, и даотай об этом определенно спрашивали в телеграммах. Мистер Джордж Чжу улыбаясь говорит: «Я учился английскому языку у

американского учителя в Пекине, и я рад был помочь и принести добрую весть американской экспедиции».

20 февраля.

Спешно готовим караван, чтобы уйти как можно скорее до наступления весенней распутицы и до разлива рек. До Урумчи добрых 1800 верст. Трудно достать лошадей. Все лучшие лошади угнаны в Фергану, где огромный спрос на лошадей из России.

Надо уволить Цай Хань-чена: он совсем взбесился. Побил вчера вечером ладакхца Мусу и погряз в курении опиума. Идем сказать благодарность Гиллану за его помощь и телеграммы. Говорю ему, как приятно отметить такое [внимательное] отношение к задачам нашей экспедиции. Жалею, что, несмотря на его представление, ни оружие, ни разрешение писать этюды не дано. Прошу его дать текст посланных им телеграмм для внесения в дневник. Потом толки об обмене рупий, которые поднялись в цене, на сары. Ходит слух о замене ходящих сар новой монетой. Никто ничего не знает.

Именно, как миссионер Торквист назвал этот уголок Туркестана: заводье стоячей воды. Торквист говорит: «Китайцы рождаются конфуцианцами, живут даоистами, а умирают буддистами». Хотелось бы посмотреть настоящих китайцев. Столько говорится о напряженной работе в Кантоне. Неужели там не знают о темной жизни Китайского Туркестана? Неужели не знают, как один грабитель сменяет и распинает другого грабителя не для блага народа, не для суда, но ради личных счетов и личного обогащения? А пособники «власти» богатеи беки гуляют нагайками по согбенным спинам бедняков.

21 февраля.

Невозможно найти лошадей. Все годные лошади зафрахтованы на Андижан для перевозки товаров из России. Ходят слухи, что в Андижане заготовлено товаров на три года. Теперь же требуют за лошадей по 1 сару в день. Цена неслыханная. Придется взять арбы, а это значит, что до Урумчи вместо 40 дней придется идти 55 дней. Ведь 1800 верст. Надо безмерно спешить, иначе начнется ростепель. Под городом, около конного рынка, интересный Гиссарлик-мазар, приписываемый какому-то монгольскому князю. Есть поверие: если бросить кусок глины в купол мазара, то отпадают бородавки.

22 февраля.

Послали в Америку телеграммы и письма. Пусть купят Бурлюка и вещи новаторов. Ведь максималисты-художники борются против той же всепожирающей пошлости и лицемерного мещанства. В будущем американском музее должен быть большой отдел иностранцев, обогативших Америку своим творчеством. И привлекайте больше молодых; надо, чтобы резерв был силен и подготовлен. Нельзя биться в одну линию.

Если сочтем все задержки, последовавшие от хотанского плена, то окажется, что мы потеряли три месяца, которые так были нужны, чтобы успеть до наступления весенних разливов.

23 февраля.

Не легко получить деньги через китайскую почту. С ноября месяца почта не может собрать 1600 мексиканских долларов. Прямо смешно, когда знаете, что местный генерал по поручению генерал-губернатора тут же переводит 10 000 фунтов «частных сбережений».

Ездили к даотаю [говорить] о нашем оружии и о разрешении писать этюды. Даотай положил резолюцию. «Пробуйте писать картины, а если полиция будет запрещать, то перестаньте». Оружие наше заржавело от сырости. Когда мы указали на это, то нам было сказано переводчиком британского консула: «Не делайте затруднений». Мы опять почувствовали себя не в стране права, а в стране личного произвола. Еще было сказано нам, что если дуту (генерал-губернатор) найдет нас достойными, то разрешит нам и оружие, и работу. Нужно большое хладнокровие, чтобы принимать серьезно все эти сентенции.

Интересно, каким путем и аппаратом будет генерал-губернатор исследовать нашу «достоинность» для работы и оружия... Но «достоинность» подобных властей для нас ясна без всякого особого аппарата. Откуда эти залежи невежественности? В довершение нам было указано, чтобы мы из оружейного ящика не вынули более того, нежели позволено (т. е. не вытащили бы револьверы). А ведь китайцы в Америке оскорбились бы за такое предупреждение. Как всегда, визит кончается уверениями, что нам очень помогли. Этакое лицемерие!

24 февраля.

Интересны рассказы о передвижениях китайской армии Синьцзяна. Пушку везут две лошади. На каждой из них сидит по солдату. На дуле пушки тоже сидит воин. В случае остановки лошадей, из деревни припрягают еще одну клячу. «Армия», вышедшая в составе

20 000 человек, при затрате в 6 000 000 сар, доходит до места битвы в составе около 2000. Счет армии производится по количеству шапок. Потому в случае нехватки «воинов» на арбах, на колышках выставляются фуражки. Счет конницы идет по всадникам и по коням, т. е. вдвойне. Об этой забытой провинции нигде не написано так, как оно есть на самом деле. По незнанию некоторые путешественники еще надевают смокинг, отправляясь к даотаю. Но пора сказать то, что есть на самом деле.

Пора сказать просто во имя достоинства человеческого. Можно принять «всерьез» пережитки жителей Соломоновых островов, но государство с 400 000 000 населения^[438] не может быть рассматриваемо в наше время лишь с точки зрения этнографического курьеза. Следует всячески помочь истинным деятелям Китая вывести страну из трагикомического положения. Не знаем, что и как будет в дальнейшем пути, но наблюдения над неприкрашенной жизнью Синьцзяна приводят в содрогание. Синьцзян завоевали в свое время монголы, арабы, китайцы, тибетцы. Сартская спина все сносила и приносила свои салямы.

25 февраля.

Если имеете китайский правительственный почтовый перевод, то это еще не значит, что вы имеете уже деньги. Китай даже не может удовлетворить чек в 1600 мексиканских долларов. Между тем Среднеазиатский банк через Ташкент немедленно рассчитывается с вами. Друзья, не пользуйтесь китайской почтой. Письма вскрывают, и многое не доходит. А деньгу не выдают. Опять приходится передвинуть свое сознание на Соломоновы острова, и тогда более понимаете все действия синьцзянской компании. Впрочем, не будем обижать Соломоновы острова такими сравнениями.

И вот опять британский консул и его секретарь Чжу должны хлопотать, и их личным воздействием вы наконец в виде особого одолжения получите то, на что имеете обычное право. Пожелали г[осподину] Чжу встретить его в составе вашингтонского или парижского посольства [Китая]. Обменялись приветом с Гилланами. Действительно, они помогли выбраться нам из Хотана. Спросили друг друга, где теперь встретимся.

26 февраля.

Поехали. Утром пришли проститься консул Гиллан с женою. Секретарь консульства Чжу. Директор банка А. Т. Анохин. Доктор Яловенко. Семья Крыжовых. Простились. Посидели. Опять вопрос: где встретимся? Прошли кашгарскими базарами. Пошли песчаной седой дорогой. По левую руку синее кашгарская река. Заводья, рисовые поля – рассадники лихорадки. По правую – селения, болотистые озера. Висит весенняя молочная мгла. Переход невелик. К трем часам остановились в маленьком селении Яндома.

Расстались с Цай Хань-ченем: курит опиум, водит женщин с базара и бьет слуг. Вспоминаю его два рассказа: лошадь под ним испугалась, и он свалился. За это он камнем сломал лошади ногу. Еще рассказ: орел налетел и оцарапал ему руку. Тут месть была изысканной: был положен кусок мяса, начиненный порохом при длинном фитиле. Орел, подхвативший мясо, был взорван.

Обрывки манускрипта, обнаруженного в городе,
погребенном под песками Такла-Макана

Человек – вестовой, едущий впереди, – называется «дорога». Количество слов, совпадающих с русским значением, становится еще поразительнее.

Под вечер становится холодно. Снега нет. Гор не видно.

27 февраля.

Солончаки, кусты, ветлы, маленькие селения. Недлинный переход до Файзабада. Уже к половине второго на месте. Между тем в английской книге маршрутов путь от Кашгара до Файзабада разделен на три дня. Даже тихим пешим ходом и то скорее пройти. Настолько все книги, сообщающие «факты», должны быть пересмотрены. Слишком много неверных «фактов» лежит на полках библиотек и слишком много затаилось почтения к печатному слову без всякой переоценки.

Заново, заново, заново – новым сознанием и новым вмещением.

Еще кто-то уважает деньги как таковые. А вот нам сейчас принесли деревянные щепочки с нарезанными знаками и уверяют, что это подлинные деньги. И самые лучшие деньги, ибо они выпущены игроками в азартные игры. Этот авторитет, видимо, стоит очень высоко. На базарах всюду кучки, деятельно занятые игрою. Помню, в каком-то банке я слышал ожесточенное восклицание: «Я вам не щепками плачу». По здешним обычаям это замечание не было преувеличением. Щепочка коричневого цвета, вершка два длиною, и на ней рукодельные китайские знаки. Люди любят эти деньги, ибо они не рвутся.

Погашение знаков здесь производится очень просто. После изнашивания знак не принимается в казначейство, и последний собственник такого знака погашает государственный долг. Исследовали места дальнейших остановок и нашли, что места станций в книге маршрутов неверны; приходится часто соединять по два прогона, иначе и в 50 дней до Урумчи не доехать. Прислали двух солдат эскорта – сущих бандитов. Пришлось их отправить обратно.

28 февраля.

Всю ночь, до 4-х часов, при полной зеленой луне пели кругом в разных кишлаках (деревня, селение), вероятно, к месяцу барат^[439]. Пели неистово, но, сглаженное расстоянием, иногда пение звучало красиво. Это пение было не [киргизское], но торгоутское. В чем же дело? Как же попали торгоуты^[440] в мусульманский Файзабад? Конечно, это пленники былых войн. До сих пор они хранят свои

обычаи и звенят при полной луне звонкими песнями. Разбирая народности, иногда отличите их по остаткам одежды, иногда по языку, иногда по старинным священным напевам. В ночное время звенят песни к своему краю. И где-то сердце отвечает на этот зов. Поучительно проследить конгломерат народностей, засыпанных песками пустынь.

Встали рано, в 5 часов, ибо путь длинный – 15 потаев, т. е. 150 китайских ли, т. е. 60 русских верст. Сперва – солончаки, зеленоватоседые. Потом мертвый песок, барханы, пыль стоит беспросветно. Тощий кустарник, его выдергивают на топливо и тем окончательно омертвляют пустыню, а за два перегона от Кашгара и прекрасный уголь, и чудесная нефть. Сами люди стараются по невежеству омертвить свою почву. Около мелких речек еще лежит ледок, а под солнцем уже печет, и трудно двигаться в меховых одеждах. Место стоянки – Караджулгун – маленькая серая деревня. Караван запоздал. Пьем чай из местного кумгана^[441]. Для описания этого чайника не хватает черной краски. Накопляются наброски.

1 марта.

Кажется, самый безотрадный переход. Почти все время шли по местам старого опустошенного леса. Все барханы наполнены старыми, гигантскими пнями и корнями. Видимо, здесь был большой лес. А теперь люди его унесли, пески разметали, и вы следуете, как по корявому кладбищу. Тощий кустарник не может сдержать песчаных буранов. Все серо. Так же серы заводы и начавшиеся весенние разливы. Из-за этих разливов делаем вместо восьми 12 потаев. Ухабы, пни, оползни. Самая большая китайская дорога равняется маленькому русскому проселку. За день встречается несколько тощих караванов, но они, конечно, не могут явиться нервом истинной торговли. Все умерло.

Серая деревня Урдаклык. На плоских крышах маячат молчаливые фигуры. И ничего они не могут видеть со своей крыши, кроме запыленного горизонта. И нет у этих людей ни просвета, ни надежды. Мимо них идут редкие путешественники; на ночь загорится огонек каравана. И опять то же подавленное безмолвие. Пролетают гуси и утки на весенние разливы, но домохозяйничают одни вороны и грачи. Вместо плугов – какая-то деревяшка каменного века. Неужели и с этих людей ухитряются наживаться беки и китайские амбани?

Не везет нашему китайскому эскорту. За три дня три «воина» умудрились слететь с лошадей. А если целый полк таких «цириков», как их здесь называют?!

Рассказывают, что некоторые китайские армии пушки возят на людях. И враги днем стреляют на воздух, а ночью сидят за общей азартной игрой.

2 марта.

Говорилось о Китайском Туркестане со стороны археологии, говорилось о давнишних завоеваниях и о смене владений, но не говорилось о текущем самосознании края. А ведь в нарастании мировой эволюции нельзя обойти молчанием этот обширный и забытый судьбою край. Очень поучительно следить за остатками тохарских, уйгурских и монгольских построек, но так же поучительно и поражающе видеть, во что превратилось самосознание края. Опять та же песчаная серая безнадежность.

Буран целый день. Идем «лесом», вернее, лесным кладбищем. Оставшиеся деревья карагачи торчат искривленно, мохнато, рогато. Вместо солнца – серебряный кружок. Как ясно представляется причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей^[442] на запад и на юг. Изображая великое переселение, не изображайте ноги, обувь, копыта – все до пояса тонет в густом пыльном облаке.

Обгоняем старика. На что-то жалуется. Поняли, что ему сломали плечо и угнали шестнадцать его лошадей. Конечно, на каракорумских высотах больше своей этики. За день встретили три каравана ослов и полдюжины арб. Стоим в Чуге. Прошли 14,5 потаев. Неужели это и есть самая большая китайская дорога? И может ли именоваться правительством власть, содержащая свою главную артерию в подобном состоянии? Ведь об этом нужно кричать, как о каждом невежественном антикультурном проступке. Е. И. простудилась.

3 марта.

Особенно нелепо сознавать, что целый день утомительного пути равняется двум часам езды на моторе или часу на аэроплане. Ведь здешние пути могут быть так легко приспособлены для мотора, а для аэропланов даже не нужно аэродромов строить. Может быть, ничто так не пробудило бы народное сознание, как стальная птица с доброю вестью и с нужными вещами. В ряды запыленных и перегруженных ослов была бы внесена брешь разума. Сэр Аурел Стейн в своих книгах

высказывает опасение, как бы примитивность этого края не нарушилась проведением железных дорог и проявлениями цивилизации. Этот сентиментализм граничит с бесчеловечием. Я всегда был против некультурных проявлений цивилизации. Но бывают моменты такого паралича края, что нужны самые экстренные меры просвещения.

Но буддист знает причину омертвления края. В книгах Ганджур сказано, что в земле, отступившей от учения Будды, засохнут деревья и поникнут травы и уйдет благосостояние.

Идем сперва так называемым лесом, потом солончаками, попадаем в разлив Яркенда. Наконец доходим до глиняных стен и башен Маралбаши. Не стреляйте по этим стенам из пушки – слишком много пыли останется. Длинный базар Маралбаши. Грязнее или темнее других базаров. Или такой же, как и все прочие. Стоим в саду, далеко за городом. Амбань присылает спросить нашу фамилию. Оказывается, в распоряжении кашгарского даотая о нашем проезде пропущена наша фамилия. Нет, с китайским делопроизводством далеко не уедешь!

Среди сар, с таким трудом нам выданных в Кашгаре, много негодных. Должно быть на них десять букв, но часто десятая, средняя буква бывает вырвана и тогда денежный знак более не принимается. Тщательно пересматривайте все деньги, здесь получаемые, будут ли они с базара или из губернаторского ямыня.

Юрий вспоминает, что наш Пржевальский первый сказал о Дуньхуане, но затем честь этого открытия была взята иностранными учеными. Пржевальский уже в семидесятых годах говорил об этих замечательных пещерных храмах.

Около Маралбаши несколько озер. Много рыбы, но часто попадаетесь чем-то отравленная.

Новая наглость амбаня. Заявил, что пришлет нам солдат, если мы его попросим. Но ведь не нам солдаты нужны, а они сторожат по приказу генерал-губернатора отобранное и запечатанное оружие наше. Как же мы должны просить амбаня об исполнении приказа генерал-губернатора? И нагло, и нелепо. Опять говорят люди: «Амбань не знает никаких обычаев». Сун должен был, несмотря на усталость и поздний час, ехать и вразумлять неразумного амбаня, что солдаты не нужны нам, а нужны по приказу генерал-губернатора.

4 марта.

Прислали новых солдат. Даже на людей не похожи, просто какие-то насекомые. Вспомнили рассказы М.^[443], как он один обратил в бегство тридцать цириков, и как целый полк цириков сдался двум пулеметчикам. Да, видно все это не преувеличения. Ехали сперва унылой равниной. Скоро справа выделился на желтом небе опаловый силуэт гор.

Здравствуйте, родные горы!

Сулейман рассказывает: «Жил богатырь. Увидел, что озеро здесь слишком велико, и нарубил мечом своим утесы от соседних гор и накидал сюда. За этой горою лежит прекрасный сад и живут там святые люди, но никто туда без дозволения их не пройдет. Пробовали сарты^[444] идти туда – никто назад не вернулся». И показывает Сулейман на юго-восток.

Скоро нас ожидала неприятность. Скачут навстречу – предупреждают, что вода через дорогу пошла. Пришлось делать объезд в двадцать верст. Тоже надо поставить за счет ареста и задержки в Хотане. Потеряли лучшее для пути время. Теперь придется всюду мучаться с разливами.

Опять рассказ: «Под Урумчи утесная гора, и тоже живут там святые люди. Раз подранил калмык горного барана. Тот и довел калмыка до святого человека. Приглашал человек калмыка остаться с ними, но калмык домой отпросился. И дал калмыку святой полную полу деревянных щепочек. Понес калмык и думает: куда понесу эту невидаль. Взял да и вывалил в лес. Только две щепочки зацепились. А как пришел домой, глядь, а в поле-то золото зацепилось. Так и прогадал калмык».

Идем дальше, мимо серых песчаниковых гор с сильными напластованиями. Прошли старый могильник, потом прошли мазар богатыря – святого человека. Говорят, даже след копыта коня его остался на горе. Горы – все красивее и выливаются в библейски-романтичный силуэт. Здесь недалеко древнее городище Хайвар. Около дороги остатки китайского укрепления Анджалык. Затем опять пески и разливы.

Еще рассказ: «Недалеко от Анджалыка старый дом. Кто войдет в него – дивится богатому убранству и грудам золота. Наберет золота кучу, а дверь уже и заперта, и никуда не выйдешь. И покуда не отдашь обратно все золото до последнего зернышка, до тех пор и двери не

отопрутся. Такое же место есть около Учтурфана^[445]. Стоит строение, словно город, даже дымы видать, а войти можно только по пятницам. Но золота тоже не вынести из этого городища. А в Куче нашли подземный ход, как бы целую подземную дыру. Навезли тысячу телег камня, чтобы засыпать, да так и не могли. Камни и теперь видать. Там же нашли могилу святого. Тридцать девять дверей в нее открыли, а сороковую не могли. Так и зарыли обратно». Помнит народ и о сужденных садах прекрасных, и о чужом золоте.

Становится темно. Пришли в деревню Томчуг. Костры и звезды. И народные мечтания. И долго-долго молился один, освещенный костром. О чем? Не о просвещении ли? Высоко стоит чаша Ориона. Вокруг костра лежат босоногие подростки – это наша стража.

5 марта.

Если хотите дать подарок босоногим ночным стражам – ваше желание тщетно. Все данное будет забрано старшиною. Один из скучных переходов до Якка-Худука. Опять несносная пыль. Скрытые ямы. Горелый лес. Кабаньи заросли и затоны. Кабанов много. Часто над нами тянется одна проволока телеграфа. Это та самая линия, которая передает телеграммы в абсолютно непонятном виде. В последней телеграмме из Нью-Йорка значился ряд нечленораздельных букв и ясно одно последнее слово «совет». Кому и о чем? Можно подумать, что это очень хитрый шифр или злая шутка, где понятно лишь последнее, вызывающее ответ слово.

Еще рассказ: «В Кашгаре недавно жил один святой человек. Он слышал, когда в святом месте люди молились, а ходу до этого места шесть месяцев. Есть такое святое место за горами. В Оренбургском крае тоже жил такой человек. Слышал он и про будущее, и про настоящее, и про войну, и про голод. Через двести лет сарты ждут великого святого. А может быть, и раньше». Стоим на пыльном берегу Яркенда. Иногда подымается ветер и крутит высокие жестокие столбы песка. Маленькие мазанки, голые кусты и песчаные отмели реки.

6 марта.

Очень просто изобразить наш сегодняшний переход. Насыпьте на круглое блюдо много серой пыли, бросьте несколько серых шерстинок и воткните обломки спичек. Пустите муравьев ползти по этой ухабистой равнине и для правдоподобия дуйте, чтобы создать столбы пыли.

Так и ползли. Должны были стоять в Старом Чулаке, но там вода горькая, и пришлось делать обход, чтобы переночевать в кишлаке Новый Чулак. При подходе к его серым глинобиткам неожиданно обозначился легкий силуэт гор – преддверий к Тянь-Шаню. Все еще мучает простуда Е. И.

Сулейман рассказывает, как сейчас в этом крае гибнут кишечные дела – немецкое (Фауста) и американское (Бреннера). Цены на кишки так неслыханно поднялись, что дела сделались невыгодными и идут на закрытие. И эта отрасль погрузится в бездействие. Странно было узнать, что оболочка для колбас на рынки Америки шла из Хотана и из Аксу. Такие же затруднения и с торговлей хлопком. Для повышения цены смешивают разные несходные сорта и тем губят ценность всего состава. С шелком происходит тоже трудность. Невозможно получить качество всей поставки по принятому образцу, невозможно получить окраску материала по данному тону. Все это ввергает промышленность в условия Средневековья. Хороши дыни, изюм.

Янтарное солнце растворилось во мгле горизонта. По далям зажглись глаза костров. Кто-то где-то сидит и ткет узор слухов. В потемках гремят песни. Идет шумливая тамаша^[446].

7 марта.

Оказывается, в Старом Чулаке вода очень хорошая, даже лучше, чем в Новом. Но жители Нового Чулака решили перебить проезжающих и накидали в озеро Старого Чулака дохлых ишаков и собак. Караван – это нерв страны, и этот случай переманивания проезжих очень характерен. Шли тринадцать потаев до маленького селения Чуту-Худук. Забитая маленькая деревушка. Нелепо даже подумать, что эта станция на самом большом пути Китая. Все время пески, но с левой стороны протянулась гряда гор и жемчужные взгорья скрашивают горизонт.

Еще рассказ: «У города Ош еще есть гора Соломона. Даже сохранились ямки, где на коленях Соломон молился».

Вспоминаем, как британский консул в Кашгаре сообщил нам, что еще в ноябре в Урумчи был друг Юрия Аллан Прист. После Бостона мы встретили Приста на пороге Ватикана в Риме. А теперь он попадает к нам на азиатских путях. Подвижной, чуткий человек. Консул говорит, он получил от Советов разрешение ехать через Сибирь в Пекин. Не

застанем ли его еще в Урумчи? Есть люди, с которыми всюду приятно встретиться. Где-то встретим наших дорогих американцев?

Давно мы не видели такой благородный закат с широкой градацией опалово-лиловой гаммы. Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневый столб. За этими горами – русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине – наши палатки. Сверху глядит Орион.

Е. И. почти поправилась.

8 марта.

Дошли до Аджкула. Сперва песками; после двух потаев селения – поля, всего – десять потаев. Начинают сеять, пашут. Плуг каменного века. Два вола тащат одну рогатую деревяшку. Глубоко ли можно взять подобным орудием? День весенний. Свежий ветер и жаркий припек. Аджкул – длинное, пыльное селение. За день несколько караванных происшествий. Пала лошадь: с утра [у нее] вспухла голова, и к трем часам [она] кончилась. В мафе у гегена упала средняя лошадь на плохом мосту, боялись, что не поднять. При этом выяснилось, что вчера опрокинулась одна арба. Вся поклажа вывалилась. А охранный цирик скрыл это происшествие. Когда ему выговаривали, он глупо, идиотски усмехался.

Приближается прохладный вечер; толкуем о падении китайского языка. Собралось сорок тысяч знаков, а между ними ни один не выражает букву «р». В старое время был знак, довольно близко выражавший эту букву, а затем он куда-то исчез из восьми тысяч знаков, употребляемых в обиходе. Спрашивается, для чего словари хранят тридцать две тысячи ненужных знаков? В этой ненужной ветоши сказывается все падение китайской эволюции. В результате местные люди шепчут: «Не заходите в этот двор: там китайцы» или: «Разве можно ожидать справедливости от китайцев!»

Белая Тара.
Тибетская тханка. XIX в.

И сколько молодых людей безвинно волочат за собой этот приговор, сложенный невежеством и жестокостью их отцов и дедов. Как им надо спешить отделаться от такого наследства. Если вся многотысячная груда знаков привела к невежеству, надо скорее раскрепоститься от этих скелетов условности. Бодро и сурово надо сбросить тухлятину пережитков. Иначе отчего же часто стирались из истории Земли целые народы?! «Великая материя ткёт свой узор и сурово изгонит всякую гнилую нить из своей космической пряжи». Отчего уже Конфуций должен был держать всегда наготове свою дорожную колесницу? Вот когда преступная власть уйдет, тогда нужно немедленно дать народу железные дороги и возможность роста и обмена. И как легко здесь протянуть железные линии среди равнин!

Сегодня особенно плоха вода. Всю неделю она желто-коричневая, а сегодня еще какая-то мыльно-серая и вонючая – пить нельзя. Того и жди – выудят в ведре из колодца голову дунганина. Это бывало.

9 марта.

От Аджкула до Аксу, до столицы неудачного Якуб-бека^[447], который полвека назад пытался освободить Туркестан от китайского владычества, но не сумел выбрать себе союзников. Дорога большею частью мокрая, в ухабах. Река Аксу, т. е. «белая вода», уже начала разливаться. Мосты, как и всюду, пляшут, как живые. И это главный путь Китая! Серое небо и желтая пашня. Вспоминаем Америку. Вспоминаем красоты Санта-Фе, Большого каньона Колорадо и Аризоны. Еще раз мысленно убеждаем друзей-американцев лучше знать красоты своей прекрасной страны. Вспоминаем, как пытаются всякие бездарные Жаны Кокто^[448] в Париже предложить американцам специальное блюдо чепухи. Но Америка полна своих возможностей.

Незаметно въезжаем в пределы Аксу. Те же глинобитки и ларьки. Как всегда, два города. Один старый – на болотистом месте. Новый – посуше, там живет китайское управление: даотай, амбань и полковник. В пяти днях отсюда перевал Музарт – на Илийский край и к калмыкам^[449]. Стоим в новом городе, в саду андижанского аксакала. Пыльно.

Сегодня – первая кровь. Двое бродяг разбили в кровь и почти выбили глаз одному из наших мафакешей. Крик. Шум. Бродяг изловили. Вяжут. Уводят к амбаню. А наши револьверы запечатаны,

ибо генерал-губернатор, т. е. дуту, не доверяет нашим американским верительным бумагам и уверяет, что путь по его провинции совершенно спокоен. Губернатор, конечно, не знает свою провинцию, он занят пересылкой своих богатств в разные банки разными фантастическими путями. Скорее из китайской территории! Лама просит не стоять долго в Аксу. Здешний базар славится ворами и развратом.

Темнеет. Приезжает с визитом амбань. Приятное исключение: говорит по-английски, немного по-русски, служил в Русско-Азиатском банке и знает лично Аллана Приста (сейчас Прист в Пекине). Долго беседуем, амбань просит остаться на день, иначе он не может нам устроить двух лошадей до Кучи. Рассказываем ему о хотанских невеждах. Он пожимает плечами и говорит: «Верно вы первый раз в Китае».

Симпатичный тип молодого чиновника, следящего за событиями и знающего значение многого. Завтра приедет к завтраку. Для нас он первый культурный китаец. В нем нет той агрессивности, как в Чжу (в Кашгаре). Амбань Аксу скорее в типе хороших китайских студентов, которых можно встретить в американских и парижском университетах. Рады мы встретить этот тип, ибо по нему мы складывали понятие о современном Китае, а не по «зубрам». Посмотрим, что будет дальше.

10 марта.

Рано утром слышалось знакомое пение. Так на восходе пели молитвы ладакхцы на перевалах. Так и есть. Наши два ладакхца-караванщика сидят под деревом и складно поют гимн Таре и владыке Майтрейе.

Приехал Пан Цзи-ли, амбань. Говорили о китайских проблемах, о религиях, об учениях жизни. Очень жалуется на жизнь в Аксу. Мечтает уехать, ибо здесь делать ничего не может; конечно, один и подначальный человек не может начать ничего существенного. Пожелали ему удачи в его намерениях. Амбань привез два номера китайских газет от 9 и 16 января. Читаем, как Чжан Цзо-лин объявил себя независимым от центрального правительства, как Монголия присоединилась к Союзу Советов. Читаем также об отставке Фына. Очень значительно.

11 марта.

Лопнул последний китаец в караване. Выяснилось, что Сун каждую ночь проводит на базаре в карточной игре. Отрубленный палец не помог. Из четырех китайцев двое оказались курильщиками опиума и двое игроками. Вот и лучший из встреченных китайцев, амбань в Аксу, стремится покинуть эту страну и чувствует, что ничего не может сделать. А кто же будет тот, кто мужественно и самоотверженно возьмется превратить это пыльное кладбище в цветущий сад? И серебро, и медь, и уголь, и нефть – все есть здесь, но нет заботливой руки человеческой.

Идем длинный путь до Карахудука (18 потаев). Сперва глиняные стены нового города, потом жемчужная пустыня, потом барханы и камыш. Дошли около полуночи. Стоим на китайском постоялом дворе. Еще одна трудность: спины грузовых лошадей гниют, ибо караванщики никогда не снимают седла, и багаж пропитывается отвратительным запахом. В будущем необходимо урегулировать это караванное зло: лошади, верблюды, ишаки так трудятся, что их нельзя обрекать на съедение червям заживо. Тибетцы жалеют коней, но кашмирцы и [киргизы] обрекают их на червей. Поверить трудно.

12 марта.

Синьцзянский анекдот продолжается. Сегодня наш пресловутый эскорт хотел присоединить к нашему каравану арестованного преступника. С большим шумом удалось отменить это неожиданное приложение.

А весь день выдался такой красивый. Шли замысловатыми древними песчаниковыми формациями. Солнце уже пекло, но в тени лежал еще лед. Ни деревьев, ни селений – далеко вокруг пустыня, закончившаяся голубыми зубцами нагорий. Линии и просты, и мощны. В таких местах можно ждать старые памятники. На закате подходим к одинокому лянгару Тогракдонг. На песчаниковых скалах высоко что-то чернеет. Не сомневаемся, что это отверстия древних буддистских пещер. Так и есть. Часть пещер чернеет очень высоко, и подходы к ним обвалились. Но три пещеры на низком откосе. Потолок и стены закопчены – конечно, это мусульмане уничтожали ненавистные изображения. Около земли, пониже, еще видны остатки орнаментов, покрытые сверху тюркскими надписями.

Но самое заманчивое то, что под насыпью пола гудит пустота. Значит, в нижней засыпанной части скалы – тоже пещеры и даже не

заваленные. У Стейна не помним указаний на это место. Оно напоминает о тохарских древностях V–VIII веков. Обращены пещеры на восток. Перед глазами отшельников расстился широкий нагорный вид. Хорошее красивое место. Под пещерами журчит горный родник. Не водопад, но именно маленький светлый родник. Тонкая струйка бежит по деревянному желобку в деревянное ведро [киргизки]. Так же брали здесь воду и отшельники. Среди осколков в осыпях чернеет много кусков базальта. Конечно, кроме пещер здесь были и ступы, и отдельные строения, занесенные обвалами скал.

Звонят бубенцы, и торопится проехать почтарь с двумя запечатанными мешками почты. От Кашгара до Урумчи почта идет 13 дней.

13 марта.

Детишки из лянгара бросаются подбирать бумажки после каравана. Одной девочке достается цветная этикетка от спичек. Восторг обладательницы безмерен. Жалеем, что с нами нет цветных открытых писем для раздачи. Если хотите скорее проникнуть к детскому сердцу – сделайте это через ярко-цветную картинку. И примут с радостью, и запомнят.

Простились с пещерами. Идем мимо богатых песчаниковых строений. Точно высокие волны с застывшими гребнями. Или точно грозно протянутые пальцы. Или башни с мостами. Или бесчисленные шатры. После гор опять спустились в пески. Видимо, здесь прошел буран из Такла-Макана – все потонуло в облаках густой пыли. Будем стоять в Куштами, в пыльном лянгаре. Опять кто-то дерется и шумит. По пути встретили несколько табунов коней.

Все идут к Андижану, на русскую границу. Качество коней неважное. Приближаемся к конской стране, а качество коней ухудшается! Вообще оценки и репутации надо пересмотреть. Мы это видели уже на нефрите, шелке, конях, пении, на керамике и на многом другом. И не надо бояться пересматривать репутации, ибо пора от прошлого перенестись к будущему. Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее.

Во дворе лянгара стоит банда игроков-шулеров. Около стоянки видны две палатки. Именно здесь однажды данный амбанем эскорт ограбил путешественника. Какое безобразие, что оружие наша запечатано. Надо принять особые меры. Сторожей деревня не прислала.

Будь наши маузеры при нас, все было бы ладно, а то ведь эта демонстрация с запечатанием оружия сделана гласно, чтобы и слуги, и все придорожные жулики знали это. На китайский эскорт полагаться нельзя. Единственный сторож наш – тибетец Тумбал.

14 марта.

Как и следовало ожидать, ночью происходило безобразие. Выяснилось, что арестант, несмотря на наше запрещение, идет с нашим караваном. Ночью была азартная игра, арестант проиграл много денег. Его связывали... Словом, китайцы нам устроили «почетное» сопровождение. Скорей, скорей из этой области!

После бурана все погрузилось во мглу. Горы исчезли. Желтая пашня и редкие черные волы в плуге. Сеют. На тополях набухают почки, но около речек кое-где лежит запоздалый снег. Должны были стоять в городе Бай, но ужаснулись грязи на базаре и решили пройти еще пять потаев до маленького лянгара. Среди старых могил-мазаров стоим на поле. В темноте ставят палатки. Интересно отметить, что в Бае амбань – племянник дуту. Видимо, у него масса племянников и всем даются места амбаней и консулов. Синьцзянская компания! Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение.

15 марта.

Тусклый день. Лиловато-серое небо. Желтая пашня. Горы по правую руку – в слабом опаловом силуэте. В этих горах – пещеры, в трех потаях от Кизила, где будем стоять. Пещеры исследованы Стейном. Остатки живописи сожжены местными «иконоборцами». По пути попадаются огромные стада баранов и коз. Куда их гонят? Ответ один: в Андижан. И бараны, и козы, и кони, и быки, и хлопок – все потянулось на Андижан, к русской границе. Общая мечта – торговля и сношения с Советами. Самотеком идут туда ватаги [киргизов] работать, ибо здесь работы не достать. На Андижан, на Кульджу, на Чугучак – вот три артерии, которые привлекли внимание всего края. На базарах котируется русское золото. Червонец, недавно временно упавший, повысился вдвойне и достигает цены золота. Едем базаром, и нам кричат: «Хорошо едешь, урус». Откуда это? Завтра до Кучи большой перегон – 18 потаев. Надо выехать часов в пять.

16 марта.

Один из самых красивых дней. До семи часов морозно, потом жаркое солнце. Сперва бодрая пустыня в жемчужных тонах. Потом

перевал и самые невероятные песчаниковые нагромождения! Как застывшие океанские волны, как стобашенные замки, как соборы, как юрты – все в нескончаемом разнообразии. У лянгара Токракдонга кормили коней. Там же недалеко две пещеры со следами цветочного орнамента. За два потая до Кучи на откосе высится башня Кызыл Карга [Кизила], т. е. «красный ворон».

Оглядываемся и замечаем вблизи темные отверстия пещер. Соскакиваем и спешим туда по песчаным буграм. Ведь это те самые известные пещеры; помнится, кажется, у Лекока воспроизведена часть их. Но, как всегда, воспроизведение не дает и части действительного впечатления. Нужно прийти в этот амфитеатр бывших храмов под вечер, когда это место усугублено покоем природы. Нужно представить себе все эти пещерные молельни не ободранными, с почерневшими стенами и сводами, а ярко, бодро расписанными. В нишах надо представить унесенные теперь фигуры благословенного [Будды] и бодхисатв.

В одной пещере остались следы изображения тысячи Будд. В другой пещере осталось ложе Будды и часть плафона. Низ стен испещрен мусульманскими надписями. Под полом часто чувствуется пустота. Очевидно, имеется ряд нижних, не вскрытых помещений. Вряд ли можно считать раскопку законченной, если ясно звучат пустоты скрытых помещений. Не ламаизм, но следы истинного буддизма звучат в молчании этих пещер. Конечно, прекрасно, что образцы фресок разлетелись по музеям Европы, но ведь стены-то пещер остались голыми, но ведь подлинный вид молелен исчез – остались лишь скелеты.

Едем к Куче длинным рядом садов. Город кажется чище других. В чем дело? Здесь старый старший мулла заставляет чистить улицы. Конечно, на базаре все-таки стоять нельзя. Говорят о каком-то саде за городом. Но как достичь его в упавшей полной тьме? Спаситель является: из этой именно тьмы ныряет белая чалма и неожиданный друг – [киргиз] ведет нас за город. Там и сад, и дом, и конюшни. Конюхи просятся спать на кухне. Почему? В служебном доме живет «лишенный души человек», т. е. сумасшедший, и вся ватага здоровых мужиков боится его. Повар называет курятник «курочкина кибитка». Вот мы и в столице тохаров. Там, где тохарский царь Почан, может быть Пасседван, преследуемый китайцами, вылетел из города на

драконе, унеся с собою все свои сокровища. Много толкуют о золоте в буддистских пещерах.

17 марта.

Все утро уходит на переговоры с арбакешами, мафакешами и керакешами^[450]. Сперва все, оказывается, нельзя. Потом, после бездны ненужных разговоров, все можно. Сперва до Карашара путь исчисляется в 12 дней, тогда как всем известно, что восемь дней – обычный срок. Всматриваемся во все эти лица. Где же они, следы тохар? Не видно. Может быть, что-то более монгольское проскальзывает в чертах, но в общем это те же тюрки – [киргизы]. Так и ушли тохары бесследно, и никто не знает даже истинного произношения знаков их письменности.

Так, на глазах нашей истории пришел народ неизвестно откуда и неизвестно как растворился, пропал бесследно^[451]. И не дикий народ – с письменностью, с культурой. Так же как их царь Почан – неизвестно куда улетел на драконе. И странно сидеть в этой самой стране, в грушевом саду, и ничего не знать о бывших еще недавно здесь обитателях. Древностей опять не достать: «Где-то, кто-то их знает в Такла-Макане». Получена телеграмма от посланника Соединенных Штатов в Пекине...

18 марта.

В час ночи начались барабаны, трубы и пение. Громко, и призывно, и настойчиво неслись крики: «Алла». Это мусульмане готовились к посту рамазана. Днем они должны поститься, но ночью могут принимать обильную пищу. Чтобы не проспать времени пищи, добрые мусульмане играют и танцуют в преддверии дневного поста. Собаки очень лаяли и бросались ночью. Рамзана встал, чтобы обойти лагерь, и заметил, что правительственные сторожа, цирики, глубоко спят. Рамзана подхватил винтовку у одного из них, обошел стан и заснул с винтовкой. Цирик перепугался, проснувшись утром без оружия. Уж эти цирики несчастные!

Утром приехала шведская миссионерша. Уже пятнадцать лет в этом крае – и ни одного обращенного! Впрочем, миссионерша занимается лечением и акушерством, а это здесь совершенно необходимо, ибо все эти «города» без единого врача.

Затем начался русско-американский день. Поехали смотреть американское предприятие Бреннера из Нью-Йорка. Дело кишечное и

шерсть. Состав заведывающих русский – П. Г. Полтавский, Дмитриев – целая артель трудящихся, бодрых людей. Своеобразная коммуна с ребятишками и радостным сознанием растущего труда. Дело развивается. При полной примитивности аппаратов надо любоваться стройными результатами.

Вот разбирают и промывают шерсть. Вот на самодельном прессе прессуют ее. Тут же ждет вереница верблюдов, чтобы поднять белые выюки шерсти и нести их в Россию, в Тяньцзинь, в порты на Европу и Америку. У всей артели нет книг, на всю братию одно Евангелие и случайный том Короленко. Была радость, когда могли дать им старые газеты и две книги «Алатаса». Рассказы о делах, о [киргизах]. Хвалят убитого Ти-Тая. Расспрашивают, что творится в мире. Дмитриев умело подходит к местным нравам путем религиозных рассуждений.

Таким путем нетерпимость и суеверие, распространяемое муллами, находит отпор. А нетерпимости очень много. И много местных баев собирались задушить новое иностранное дело. Дмитриев и Полтавский являются пионерами Америки в этом крае. Полтавский послал детей своих, девяти и двенадцати лет, в Ташкент для образования. Малыши доехали одни через перевалы – ладно. Пишут отцу и хвалят жизнь. Дмитриев – алтаец родом. Вынес много странствий. Был разносчиком сластей. В переходах узнал край и нашел подходы к людям. Вся группа производит живое впечатление. Слушает рассказы наши об Америке. Дмитриев рассказывает о минеральных богатствах Торгоутского и Илийского края.

Калмыки – отличные стрелки. Управление калмыков не чуждается новшеств. [Киргизов-работников] русские хвалят, они инициативны, способны и [хорошо] приспособляются.

В крае ходит много сказителей легенд и сказок. Содержание касается вопросов Корана и религии. Часто слушатели вступают в диалог со сказителем. Часто разумные вопросы сбивают рутину суеверия. В Турфане существует любопытный обычай посылать молодых людей с опытным поводырем под видом сказителей по всему краю, даже до Мекки. Получается своеобразный опытный университет. Этим объясняется подвижность турфанцев...

Еще сведения о древних местах. О множестве пещер и ступах по течению Кизылдарьи. Частью раскопанных, частью еще скрытых. Еще недавно на базаре продавали «сундук с древностями», привезенный из

Лоба^[452] (около Лобнора). Рассказы о старых городах по течению Тарима (т. е. Яркенда). Есть лица, знающие эти города. Высохшие тела в погребениях там очень высокого роста – конечно, выше монголов. Бывшие здесь экспедиции сделали более легкую, более видную часть работы. Теперь остается более скрытая, требующая больших сооружений и подготовок.

В Куче уже тепло. Зеленеет новая трава в вершок вышины. Узнаем, что в Урумчи из Карашара можно пройти горной дорогой, короче на пять дней. Этим можно миновать жаркое место у Токсуна^[453], где уже спуск в Турфанский оазис (960 футов ниже уровня моря). Летом в Турфане люди закапываются в землю и не могут пройти более одного потая. Кроме близкой жары, на большой дороге уже теперь грязь. Лучше – через калмыков, по горным путям^[454].

19 марта.

Рамзана опять взял у спящего цирика ружье и обходил стан. И опять цирик кланялся ему в ноги, прося отдать оружие, иначе амбань будет бить его.

Спрашивают, на чем основан сравнительно высокий курс китайской валюты? Ведь все знают, что она ничем не обеспечена и вращается, подобно сухим листьям, по приказу губернатора. Конечно, это одно из очередных недоразумений, и справедливость эволюции скоро разъяснит его.

До сих пор существует в Тибете обычай особого преследования игорных и публичных домов. Особый лама, называемый гекор-лама, узнав о нахождении таких домов, берет десяток лам с розгами и в самый разгар разгула является в дом. Тут же производится экзекуция всех присутствующих.

Интересна калмыцкая песня «О пришедшем раньше»: «Один человек думал долго и забыл прийти на выборы нойона (князя). Другой человек не спал в эту ночь и пришел первым, и его избрали нойоном, ибо он вошел первым. И вот первый, думавший, сидит и грустит, что для него не нашлось места в юрте нойона».

Так же как в России, здесь много записей о кладах. Часто на скалах можно видеть торчки, сложенные из камней. Это знаки о кладах. В записях в монастырях можно найти указания на время дня, когда по направлению тени можно идти от одного торчка до другого до места клада. Д. здесь называют ишаном^[455], т. е. «святым», за его знание

религиозных тем. Б.^[456] недавно видел древнюю могилу. Берцовая кость достигала длиной 6 четвертей^[457]. Место (в направлении Лобнора) Б. отмечено. Получаются интересные отметки для будущего.

20 марта.

Простились с трудовой бреннеровской группой. Еще раз заметили, что где труд, там и радость. Полтавский – на тройке, Д. и М.^[458] – верхами провожали нас за город. Опять вопросы: где же встретимся? Долго будут дебатировать оставленные нами газеты и книги. На прощание показали прекрасную иноходь своих карашарских коней. «Теперь вы захватите часть Гоби», – кричит Д[митриев]. Погружаемся в молочную пустыню. Начинается шамаль. Засыпает глаза. Превращаемся в желтую массу...

Стоим в селении Якка-арык. Здесь часто применяются подземные арыки. Это вполне отвечает традиции подземных ходов, так принятых в Азии. Именно в середине Азии сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь.

Из Пекина предлагали дуту Синьцзяна установить аэропланное сообщение между Пекином и Урумчи. Дуту ответил, что в его провинции это неприменимо, потому что его народ дикий и разбежится в горы. Конечно, народ не разбежался бы, но быстрее разбежались бы слухи о разных действиях генерал-губернатора. Народ полюбил бы скоро этих воздушных вестников. Мечта Востока о коврах-самолетах, примененная народом к Соломону, воплотилась бы в ожидании железных птиц.

Ведь и в Тибете древнейшими пророчествами указаны железные птицы и железные змеи. Здесь так же, как в следах первоначального учения Будды, имеются указания на космогонические проблемы, на эволюцию планет и на развитие жизни. Как только мы начали говорить о буддизме как о реальном учении, миссионерша в Куче заторопилась уходить и сказала: «Письменный буддизм взят из христианства». Но ведь колонны Ашоки стояли до христианства, и в первом веке до Р. Х. уже было начато записывание заветов Штамы. Нужно проще и без предрассудков смотреть на вещи.

21 марта.

В лекции по истории искусства в Институте соединенных искусств [Нью-Йорк] непременно надо ввести обзор современного нам положения стран с точки зрения культуры. Этим спасете молодежь от

многих огорчений и разочарований. Вот китаец древности, вот современный китаец. Вот мудрый Ашока, вот современный нам махараджа. Безбоязненно пусть смотрит молодежь на эволюцию мира. Образуется новый Афганистан, возникнет новый Китай, осознает себя Монголия, [возродится] Тибет. Ничто не останавливается. Уходит неисполнивший свою миссию, приходит к сроку другой. Все движется.

Еще недавно путешествия Свена Гедина казались неслыханным геройством, а теперь Е. И. объезжает те же пустыни и высоты, не приписывая себе ничего неслыханного. Теперь уполномоченные Бреннера колятся по тем самым пространствам, где Свен Гедин, судя по его книгам, чуть не погиб от безводья. А скоро быстроходно полетят над этими самыми местами железные птицы. И сказка прошлого заменяется сказкой космической.

С вечера звенели цикады. Высоко стояла сверкающая луна. Пахла трава. Но в два часа ночи ударил буран. Именно ударил. Налетел, как дракон. И заревел грозно до утра. Палатка вся встрепелась. Пришлось приготовиться на случай отлета шатра. А утром опять жемчужная Гоби-пустыня. Перламутр и опал, и тусклый сапфир сверху. У дороги в порядке разложен большой караван. Это Бреннер, или, как его здесь зовут, Белианхан, идет на Тяньцзинь.

Навстречу звенит казанский тарантас тройкой. Две женщины и три девочки-татарки из Чугучака едут в Каракуль. Прошли мы 14 потаев и будем стоять в саду Янгиабада. Последние потаи опять задушили глубокими песками. Томми захромал – у него мокрец. Выйдет из строя дней на пять. К вечеру все стихло. Садится серебряное солнце. Нас называют Реренджи-бей. Уже пятое имя.

Священная молитва Ом мани падме хум,
выгравированная на скале. Гравюра XIX в.

22 марта.

Еще надо указывать на лекциях в Институте соединенных искусств, что никакие охранения не должны задерживать рост новых возможностей. Утрировка рескинизма^[459] приведет к одеревенелости. Наоборот, всякое новое понимание дает радость. Сейчас рассказывали, что калмыцкий геген-перерожденец катается на велосипеде и лихой наездник. Но это не мешает ему быть очень начитанным и замечательным правителем. К тому же где сказано, что лама не должен ездить на велосипеде? Право, даже порадовались, узнав, что сидение под деревом заменяется движением жизни.

Пробуем узнать, нельзя ли миновать Карашар и от Курита пойти через калмыцкую ставку, через монастырь Шарсюме, по горной дороге на Урумчи. Калмыки как целое, как народность ускользали от внимания. Поучительно пройти неделю их улусами.

Странное положение в крае занимают дунгане, то есть китайцы-мусульмане. Их определенно не любят ни мусульмане, ни китайцы, ни

калмыки. Само слово «дунганин» произносится с каким-то пренебрежением. Лица дунган мало привлекательны. Много жестокости.

Идем до Бугура. Пыльное, базарное место. Значится в девяти потаях, но, очевидно, больше, судя по времени. Здесь потаи считаются странно. Есть короткие потаи и длинные потаи. Под гору – длинный потай. В гору – короткий потай. Странная мера расстояния.

Сперва идем опаловой пустыней. Слева – холмы. За три потая до Бугура начинается болотистый оазис. На дороге грязь. Носятся большие стаи уток и гусей. Важно расхаживают большие чомги. Про них говорят: «Это бывший человек». Конец пути заканчивается опять облаками пыли.

Пыльный сад. На заборе сидит сын амбана. Сун вежливо уговаривает его: «Нехорошо сидеть на заборе». Ничто не помогает, и Сун применяет «обычное» здесь средство – кидает камнем. Мальчик исчезает.

Со всех сторон слышите одно замечание о неточности существующих карт. Где пропущены важные места и подробности. Где внесены несуществующие названия. Необходимо просмотреть и транскрипцию наименований. Где она взята с тюркского, где с китайского, а где с какого-то местного жаргона, который нигде более не признается. Даже в картах штабов внесена масса неточностей, сулящих много хлопот при следовании.

23 марта.

Не был ли Тамерлан великим дезинфектором? Он разрушил много городов. Мы знаем, что значит разрушить глиняные городки, полные всякой заразы. Вот мы проехали пять больших городов и семь малых. Что можно сделать с ними? Для народного блага их нужно сжечь и рядом распланировать новые селения. Пока догнивают старые, трудно заставить людей обратиться к новым местам. Вот тулин Куча устроил рядом со старым городом новый поселок. Широкие улицы, подземные каналы. Но народ боится нового места.

Идем широкой равниной. Прошли Янгигисар. Идем дальше пыльным лесом. Будем стоять за Шадиром. Темно. Прошли 16 потаев. Караван опоздал. У Сабзы вспухла спина. Удивительно идут Мастан и Олла. Никто не знает расстояний. Караван дошел в час ночи.

24 марта.

Утомительный день. Жарко. Идем пыльным лесом и низким кустарником. До Чирчи – 12 потаев. Обгоняем большой караван Белианхана. В Чирчи стоит еще караван той же фирмы. Пионеры Америки работают.

Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей^[460]. Посылаем наши мысли в Америку, в дом Музея и Школы, где этот день празднуется. Наши дорогие друзья, мы как бы присутствуем на вашем ежегодном собрании. Расстояние как бы не существует. Идя по здешним просторам, мы вспоминаем равнины Миссисипи и Миссури и степную необъятность России.

Даже каравану Белианхана мы рады, ведь это уже кооперация с Азией. Точно вспоминают оба континента о своей бывшей соединенности, разделенной космической катастрофой. Сколько монгольского в типах последних майев и у краснокожих индейцев^[461]. Сколько одинакового простора в Америке и в Азии. И сейчас, в момент возрождения, Азия вспоминает свои далекие связи. Привет Америке!

25 марта.

Показали еще один вид денежных знаков – какая-то промасленная тряпочка и грязная костяшка. Вот положение здешней валюты. Лан (или сар, или теза) равняется 400 дачанам. Но лан кашгарский равняется трем ланам урумчинским, а лан урумчинский равен трем ланам кульджинским. Лан хотанский считается 800 дачан. Вы скажете – это чепуха. Я с вами согласен, но от этой чепухи страдают миллионы людей. Может ли быть в одной провинции такой различный счет денег, усугубленный еще деревянными и тряпочными знаками? Потому-то и спрашивают, почему китайская валюта до сих пор стояла сравнительно высоко.

Нигде не попадаются древности. Видимо, верхний, доступный слой находок уже вывезен в Европу, а скрытые слои уже пусть останутся для самой Азии. Достоинство стран требует разумно распорядиться своим истинным достоянием. Пока же амбани распоряжаются ценностями народными в свою пользу. Амбань Янгигисара (назначенный консулом в Андижан) проиграл в карты много тысяч лан. Теперь он экстренно безмерно увеличил налоги и не едет на новую должность, пока не восполнит свой проигрыш.

Еще двенадцать потаев пустыней с мелким кустарником. Дошли до Тима. С утра еще прохладно, но к полудню солнце жжет. Караваны уже

начинают ходить ночью, по-летнему. Опять рассказы про жару Турфана, где летом пекут лепешки на камнях под солнцем. Говорят: «Там много подземных ключей. А еще много в местности подземных ходов. Там мучали когда-то святого человека, а он скрылся в подземный ход и вышел оттуда через шесть месяцев пути».

«А вот еще давно было: пошли люди бога искать, а в Буркуле был царь, который считал себя богом. Сидит царь и читает книгу, а кот перед ним свечу держит. Вот люди и решили испытать: в самом ли деле этот царь бог. Думают, если пустим мышь, убежит ли за ней царев хитрый кот. Если царь бог, то и кота его сила удержит. Пустили мышь, а царев кот и убежал, и свечу бросил. Видят люди, не бог царь. Пошли дальше. Повстречали пастуха бараньего. Дал он им хлеба и сам напросился в товарищи. Взяли его. А собаку свою пастух не захотел взять. Говорит, по животному нас люди скорее найдут. А собака за ним. Даже не пожалел собаку пастух – убил ее. Только бы идти бога искать. И подошли они к щели в горе, как бы ущелье.

А как вошли, так за ними каменная дверь и захлопнулась. Никому не ведомо, что творится у святых людей. Через несколько времени вышел оттуда пастух. Послали его за чем-то. Приходит он в город: хочет на базаре хлеба купить и деньги дает. А люди дивуются, откуда такой великан явился. А деньги его не берут. Сказали, что уже две тысячи лет таких денег и в обороте не было. Пошел пастух поскорее в гору обратно. А царь того места за ним поспешает, чтобы в диво проникнуть. Но, видно, у святых людей цари ненадобны. Как захлопнулась гора, не откроешь ее ни угрозой, ни молением. Привел царь все свое войско. Но сколько над горой ни трудились – все полегли, а гору не открыли. И могила царя у той горы. Вот какие здесь бывают дела, и какие здесь ходы подземные».

Нагоняет нас верхом молодой бакша^[462], который и сказки поет, и поверия знает, и «чертей отчитывает». «Спой, бакша, сказ о Шабистане». Достал он из-за плечей длинный струнный геджак. Поет и едет. Играет. Струны звучат ладно. Как-то забылись сыпучие пески и жаркое солнце. Два лада идут^[463]. То осилит высокий лад – не то просит, не то указывает; или загремит низкий лад – утверждает, гремит победою. Потом берется бакша за бубен и наполняет пустыню сменными ритмами. Мы рады, что в последний день [киргизской]

земли нас провожает пение и лады бакши-[киргиза]. Завтра уже доедем до улусов калмыцких.

Налево, на севере, приблизился из тумана хребет Тянь-Шаня. За ним калмыки, а дальше – Семиречье. При въезде в Тим – большая древняя ступа и развалины строений. Знамена буддизма. Рассказывают, гора, где Будда принимал посвящение, была вся огненная. Но по молитве благословенного пошел снег, погасил огонь, и теперь вокруг этой горы льды и снега, и трудно найти эту гору до срока.

Тихий теплый вечер. Молочное весеннее небо. Если бы удалось, не заходя в Карашар, пройти на ставку калмыцкого хана и оттуда монастырями и горами на Урумчи. Ждем калмыков. Имеет значение.

26 марта.

Хороший, красивый день. Сперва с севера приблизился хребет Тянь-Шаня. Весь сапфировый и аметистовый. Потом перешли песчаниковую гряду изысканной формации. С холма внизу блеснула синяя горная река. Мощная, полноводная. Пошли по реке. Впереди закрытые ворота – таможня, граница калмыцкой земли. Показались первые калмыки. Юрий попробовал на них свой монгольский язык – сговорились. Стоим в лянгаре. Недалеко от Мингесаура (тысяча развалин)^[464]. Развалины сопровождаются легендой: «Лама видел свет на определенном месте. Копали. Дошли до воды, и там показался водяной змей».

Есть предположения, что на этих местах стоял большой монастырь, где была чаша Будды, исчезнувшая из Пешавара и упоминавшаяся Фа Сянем в Карашаре.

Стоим у реки, около залежей каменного угля. Первый день без пыли – опять горный воздух. Первое дерево в цвету. Улыбнулась земля калмыцкая. Точно обходим ее границы. Ночью – полная луна. За рекою зажглись пастушьи костры.

Мы вспоминаем чаяния калмыков. Вспоминаем, как наш Чунда первый сказал нам о Таин-ламе. Уже потом пришли все сведения о том, что может сделать этот торгоутский предводитель, если он сможет принять то, что ему посылается. А если не примет, тогда прощай надолго, Джунгария^[465]. О чем говорить, если чья-то пригоршня дырява...

27 марта.

Переход до Карашара, или Карачара. Скоро ушли горы, и скрылась к югу река. Опять пыльная и голодная степь. Опять проселочная дорога вместо большого китайского пути. На поверхности много горючего сланца. В горах – уголь. В вихре пыли доходим до реки против Карашара. Перевоз на примитивных паромах. Такие переправы бывали на небольших волжских притоках. Пестрая толпа, груды тюков, арбы, ишаки, верблюды, кони. И опять, в самом городе ничего буддистского, все еще [киргизы] и китайцы. Лица калмыков редки. Смышленнее лица калмыков и проворнее они.

Встречает С[енкевич], представитель Белианхана. Хвалит калмыков. Предстоит перемена слуг. Наш страховидный Курбан, которого всюду боялись, оказывается очень боязливым. Он боится и китайцев, и калмыков, и дрожит за свои несчастные рупии. [Киргизы], видимо, боятся калмыков и монголов, боятся их подвижности. Придется восполнять убыль [киргизов] в караване калмыками. Как поучительно наблюдать эту народность, могущую войти на страницы истории. Как увлекательно опять углубиться в горы и покинуть пески и пыль. Даже кони встряхиваются, когда подходят к свежей воде и к горам. При виде гор наши тибетцы Церинг и Рамзана начинают прыгать от радости.

Улыбнись, земля калмыцкая. Задуманы сюиты «Ассургина» и «Оровани».

Глава 9. Карашар – Джунгария (1926)

28 марта.

Карашар в переводе значит «черный город». Урумчи китайцы называют Красный Храм (Хунмяоцзы).

На этом пространстве – земли торгоутов и хошутов. Странна судьба калмыков. Народность [рассеяна] самым непонятным образом: в Китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край^[466], торгоуты – Карашар, хошуты – Джунгарию. Ойраты – в Монголии, дамсоки – в Тибете. Калмыцкие улусы рассыпаны также по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Айши^[467]. В разбросанных юртах начинает шевелиться самосознание...

Словесное состязание между [казахским] беем и калмыком. [Казах] заявляет заносчиво: «У вас нет бога». Калмык тихо говорит: «Если к нам приходит сарт, мы накормим и напоим его, и коня его накормим, и в путь запас дадим. А если калмык придет к сарту, ему не дадут пищу, и коня его оставят голодным. Посуди сам, у кого истинное [учение]? [Казахи] поносят буддистское учение и издеваются над буддистскими изображениями. Но калмыки говорят: „Мы почитаем ваши надписи, а изображений у вас нет, потому что когда были даны первоизображения, то вы были слишком далеко и не могли познать их“».

С буддистами спорить трудно. Знающий учение может столько рассказать об эволюции жизни; скажет о посланцах от Шамбалы, ходящих по земле под разными обликами для помощи людям; без предрассудков будет говорить о новейших социальных движениях, припоминая заветы самого Гаутамы. Если же снять с этих повествований стилизации языка и образов, то мы встречаемся с учением истинного материалистического знания, далеко опередившего свою эпоху.

С[енкевич] хвалит калмыков за твердость слова. «Никаких письменных условий не надо, не то, что сарты, особенно беки и бай».

Встретили нескольких красивых карашарских коней. Это именно та порода, которая встречается на старинных миниатюрах и на статуэтках старого Китая. Некоторые ученые считают эту породу исчезнувшей, но вот она перед нами, живая, караковая и твердая на поступь. Хорошо бы

России и Америке исследовать эту породу. Завтра едем в ставку калмыцкого хана.

Еще не настал вечер, как наступила новая синьцзянская гадость. Приезжает взволнованный С[енкевич] и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками? Спешим к даотаю.

Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит все нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань «боится за большой снег по горной дороге». Мы объясняем, что теперь снега уже нет, что нам не надо идти через высокий Текедаван, что мы пойдем через более низкий Сумундаван^[468].

В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбаня вовсе не белого цвета. Каждый день способны испортить китайцы; каждый день подобные китайцы способны превратить в тюрьму и пытку. Ждем вечер и готовимся все-таки к отъезду. Пришли торгоуты, вернувшиеся из Кобдо^[469].

Пришел [также] хошутский лама. Просит полечить глаза. Принес ценные рассказы. Не сказки, но факты...

Вечером пришел ответ. Принесли его племянник даотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путем идти через горячий Токсун. Е. И. заявляет, что она умрет от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их генерал-губернатора сердце маленькое.

Составляем телеграмму генерал-губернатору:

«Будьте добры указать магистрату Карашара разрешить экспедиции Рериха следовать в Урумчи горной дорогой. Здоровье Е. И. Рерих не позволяет продолжать путь по знойной песчаной пустыне. Горная дорога гораздо скорее позволит дойти до Урумчи».

До получения ответа мы пойдем в ставку торгоутского хана и в монастырь Шарсюме.

Отвратительно это чувство поднадзорности и насилия. Какая же тут работа, когда за спиной стоит приказ амбаня и когда у генерал-

губернатора «сердце маленькое». Испорчено все настроение, и опять сидим в каком-то китайском средневековом застенке.

29 марта.

Встали с зарею. Все наши люди торопятся уйти раньше, чтобы китайцы не успели выдумать новых затруднений. Долго провожает нас С[енкевич]. В широкополой шляпе и в желтом старом френче лихо сидит на иноходце. Точно выехал из ранчо Новой Мексики.

Идем желтой степью. Высокая трава. Солнце палит. На севере – опять славный силуэт гор. Отдельные серые юрты. Стада верблюдов. Наездники в круглых, тибетского покроя шапочках. После девяти потаев доходим до ставки. Базар – чище, чем в [казахских] городах. Белые строения ставки горят на солнце. Стены, дворы, проезды выведены широко. Нас ведут на широкий двор в большую комнату. Белые стены, черная китайская мебель, шкуры медведей. Чаепитие. Приносят карточку от гегена-регента (за малолетством хана) – Добудун-цорын-чунбол. Это тот самый перевоплощенец Санген-ламы, о котором упомянуто в сиккимских заметках. Завтра увидим его. Стоять будем на поле за ставкой против гор – отличное ощущение.

Приходят калмыки, толкуют с нашим ламой. Калмыки спрашивают, нет ли у нас кусков магнита? Спрашивают о Тибете, о Монголии, все это осторожно, пока узнают доподлинно, кто мы. Женщины в очень красивых, хорошо пригнанных нарядах. За стеной звучит военная труба – это казаки Таин-ламы, гегена-правителя. У него две сотни калмыцких наездников, обученных казачьему строю.

30 марта.

Ясное утро. Лиловые горы. Будет жарко. Четкость гор и строений несколько напоминает Ладакх. Можно бы радоваться, но опять является китайское вероломство в лице конвойного солдата с наглым заявлением, чтобы мы здесь долго не задерживались и что лучше бы нам ждать приказ дуту в Карашаре, т. е. среди навозных полей, среди пыли и духоты. Истинно, от всех предложений китайцев можно задохнуться. Теперь уже конвойные солдаты стали делать замечания. Лучше бы они караулили арестованное оружие наше, которое брошено на пол без призора. Идем в десять часов к Таин-ламе.

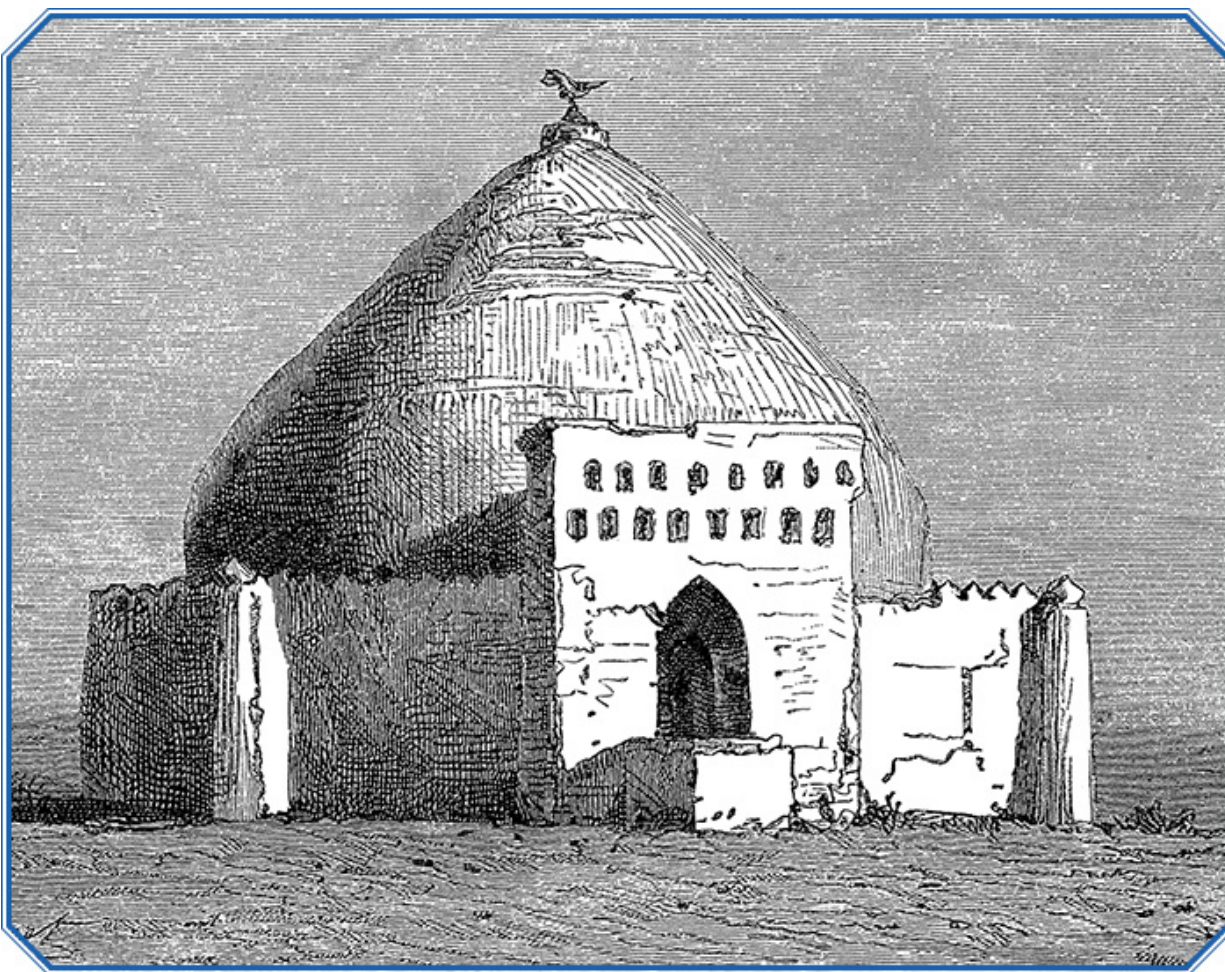
Приветливый человек низкого роста. Радует, узнав, что мы говорим по-русски: он знает несколько русских слов. Хотя лицо Таин-ламы и непроницаемо по обычаю, но при рассказах о храмах в Сиккиме

и Малом Тибете он оживляется и желает всяких успехов. Стоя выслушал весть. Боязнь китайцев леденит язык Таин-ламы. Лепечет: «Когда придет время...» Но ведь время-то пришло. Каждый сам отмерит...

Дом князя – белый, чистый, просторный. На дворах стоят юрты с золотыми куполами. Стены с зубцами. Знамена. Одни лица с улыбкой, другие хмурые. Можно понять, насколько сильно синьцзянское давление. Полунезависимость калмыков обвита синьцзянским драконом. А горы и белые стены так радостны!

Но без китайского вероломства не проходит и трех часов. Идет целая толпа «министров» и старшин гегена-правителя с двумя китайскими солдатами. Видите, амбань Карашара указывает нам немедленно вернуться в Карашар. Все это говорится долго и твердо, но письма при этом нет никакого. Мы говорим, что мы сами мечтаем как можно скорей вырваться из Синьцзяна, на что ждем ответа от дуту. И вот опять сидим в бездействии, ждем телеграмму из Урумчи, без уверенности, что наша телеграмма вообще была послана. Работать нельзя, ибо и без движения мы вызываем преследования. Между тем солдат уходит на базар и поручает свою винтовку Сулейману. Итак, солдатское ружье поручается нашему конюху, а наше оружие брошено посреди поля запечатанным. Наконец где же логика, где разум?

После трех часов начинается буран. Горы скрылись.

Усыпальница богатого киргиза.
Гравюра XIX в.

Друзья, вы будете думать, что я в чем-то преувеличиваю. Я рад был бы уменьшить что-нибудь, но происшествия чудовищны. Опять пришла толпа калмыков с китайскими солдатами и передала требование о нашем немедленном выезде из ставки по указу карашарского даотая. Шумели, грозились. Значит, ни работать, ни посетить Шарсюме нельзя. Вся цель экспедиции исчезла. Надо только мечтать скорее покинуть китайскую территорию. Через два часа идем требовать обратно наш паспорт и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашарского даотая, по обвинению нас в съемке карт. Дают и арбы, только бы скорее нас вывезти.

Говорю, что мне 52 года, что я был почетно встречен в двадцати двух странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке с территории полунезависимых торгоутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство: вопреки всем обычаям Востока – выгнать гостя? И куда же мы пойдем? В жару Токсуна? И вынесет ли Е. И.? Именно жару сердце ее не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей?

Над горами – буря.

31 марта.

Спали плохо. Встали до рассвета. Выхожу в предрассветной мгле. Навстречу идет наш лама. Расстроенный: «Сейчас мне надо ехать. Нас хотят арестовать». – «Кто сказал?» – «Ночью пришел знакомый по Тибету лама и сказал, что еще вчера калмыцкие старшины хотели нас всех связать, только побоялись револьверов». – «Берите Олла и киргиза с собой. Скачите степью в Карашар. Там найдем вас».

Через пять минут лама с киргизом уже скакали степью. Между тем подошли арбы. Мы стали спешно грузиться. Напуганный китайцами геген-правитель даже не приехал проститься. Ведь он был неоднократно задерживаем в Урумчи и потому боится до последней степени. Даже на религиозное празднество китайцы отпустили его всего на четыре дня из Урумчи. Хотя он и не храбрец, но все-таки нельзя же гостей попросту выгонять в угоду китайцам. Какие-то всадники снуют около нас, доглядывают. Опять едем той же степью. Но Карашар стал для нас уже истинно «черным городом».

Из Карашара нам запретили осмотреть буддистские храмы, обрекли двенадцать дней тащиться по жарким пескам и нелепо запретили прикоснуться к любимым горам. Из Карашара по приказу дуту опять нас сделали поднадзорными ссыльными. Но зато мы знаем, что бедный геген окружен китайскими шпионами и под калмыцким кафтаном часто скрыта китайская сущность.

Приезжаем в прежний навозный сад. Из ворот нам кричат «капр» (т. е. «нечистый» – мусульманское приветствие!). Сун кидается с плетью на обидчика. Обычная драка. [Киргиз] улепetyвает. Сейчас же едем к амбаню и по пути захватываем почтмейстера, говорящего по-английски. Амбань заявляет, что по телеграмме дуту мы должны идти дальним путем по пескам, несмотря на опасность для здоровья Е. И. Конечно, мы уже слышали, что у дуту «маленькое сердце», но все-таки

эта жестокость поражает. Амбань не отрицает, что он приказал вернуть нас из ставки и что нам запрещено смотреть буддистские храмы.

Мы говорим, что тогда нам нечего делать в Китае, и просим дать письменное извещение об этих запрещениях для сообщения в Америку. Амбань мнетя, ссылается на необходимость советоваться с даотаем. Мы еще раз удостоверяемся в том, что нам запрещено посещать храмы и писать горы и что для ускорения пути нас посылают по долгой дороге. Где же ты, Конфуций? Где же твоя справедливость и прозорливость?

Начинается скучная торговля с арбами. Требуют до Урумчи 180 лан, тогда как цена не более 90 или 100 лан. Так и кончаем день среди разных «дружественных приветов».

Земля калмыцкая улыбнулась лишь издали, а вблизи превратилась в синьцзянскую гримасу. Вспоминаем проникновенные сиккимские настроения, вспоминаем величие Гималаев. Недаром защемило сердце, когда стали спускаться с каракорумских высот к Такла-Макану. Киргиз рассказывает, как старшины торгоутов советовались после получения письма от амбаня: «Не связать ли их?! Нас много, а их всего трое». Киргиз Салим возмущен гегеном: «Это не князь, если через час слово меняет. Не бывать ему больше бурханом»^[470]. И опять видим сочувствие народа и злобствование старшин и беков. Лама возмущен поведением калмыков. Все это поучительно! Прошлый хан калмыцкий был отравлен. Более разумный советник – убит.

Далеко старшинам торгоутским до пробуждения.

1 апреля.

Разные рассказы о калмыках. Покойный калмыцкий хан под давлением или под внушением передал важные полномочия китайцу. Китаец спешно поехал в Урумчи, чтобы оформить и закрепить получение полномочия. Калмыки в горах догнали его и уничтожили со всем эскортом, так что и следов не нашли. Хана своего калмыки отравили... За малолетством наследника стал регентом брат хана Таин-лама. В июне этого года Таин-лама передает государственную печать (тамгу) молодому хану, а сам удаляется, как духовное лицо, в монастырь в Шарсюме. Долго ли направит двенадцатилетний хан? Таин-лама впал в немилость дуту после того, как он отказался дать своих солдат в экспедицию для убийства кашгарского Ти-Тая. Сплошное мрачное средневековье.

Благосостояние калмыков падает, ибо налоги велики. Кроме китайского налога они еще платят местный нойонский налог^[471]. Народу тяжело. Табуны простых людей редуют. А китайской ориентации старшины дошли до того, что пытались связать американскую экспедицию. В Хотане грозились нас выслать, а в Карашаре уже привели угрозы в действие. Будем надеяться, что погода окажется менее кровава, нежели урумчинский дуту, и не задушит Е. И.

Этот правитель посылает сборник своих указов британскому консулу и для Британского музея; но не мертвые листы указов, а действия дают облик деятелей. Посмотрите и послушайте на местах, и вы увидите истинное обличье правителей Синьцзяна. Недаром лучшие китайцы называют правление Синьцзяна «Синьцзянской компанией». И пока вы не увидите все это на месте, вы не можете поверить такому человеческому одичанию. Конечно, дуту стар, очень скоро умрет и вряд ли он возьмет в могилу награбленное добро, но кто будет тот, кто вычистит эти авгиевы конюшни?

Истинно, хотелось бы писать картины вместо описания этих вредных, человеконенавистнических безобразий. Но, видно, так надо. Видно, кому-то это будет полезно. Америка ждет мои картины буддистских высот, но пусть китайское правительство разъяснит, почему мы не допущены в монастыри. В Сиккиме нас встречали с трубами и знаменами, а на китайской земле – с веревками. Конечно, карашарский амбань никакого письма мне не дал. И не нужно. У нас есть письмо с печатью калмыцкого хана, где ясно указан приказ китайских властей. Скорей, дальше от китайской гримасы! Перед нами острова Японии, перед нами давняя мечта повидать острова Пасхи с их неведомыми каменными гигантами.

Солдат сегодня вообще не прислали, так что наше арестованное оружие само себя сторожит. Вечер кончается кучной процедурой отпуска трех конюхов, уходящих в Ладакх. Молодой тибетец Церин хочет идти с нами. Он не любит мачеху и говорит, что отец стал ему чужой, и он вообще хочет далеко идти с нами. Молодая душа стучится в окошко новых возможностей. Как же не взять его?

2 апреля.

Утро начинается драмой Церина. Ладакхец, отец его, сбит с толку злыми конюхами и запретил Церину идти с нами. Иначе, говорит, перебью тебе руки и ноги. Надо было видеть слезы Церина. Прощался с

нами, дрожа и глотая слезы. Какое право имеют люди отнимать чужое счастье? Ведь в этом порыве было столько стремления к свету. А теперь Церину придется снова бессмысленно шагать с ослами по сыпучим пескам, служа невежественности. Бедный мальчик! Иногда думаем, не убежит ли он? Конечно, это трудно, ведь за ним будет смотреть злой старик и не менее злые конюхи.

С семи часов возимся с арбами и караваном. Пишем условия. Шумим из-за негодности лошадей и присланных солдат. Возмутительная медлительность. Русский или американец обезумели бы от такого темпа. Когда же проснется этот народ?

Попутно поступают интересные сведения. Китайцы берут прививку оспы не от телят, а от людей и, таким образом, заражают сифилисом и другими болезнями...

Идем всего четыре потая. Вместо гор, вместо монастырей Майтрейи опять желтая степь вокруг нас. Какое право имеют китайцы лишать нас возможности увидеть красоту? Уход трех конюхов как-то освежил караван. Люди почему-то радостны. Рамзана ждет Церина и уверяет, что он прибежит сегодня или завтра. Это было бы по-тибетски!

3 апреля.

Сильно студено ночью и жарко в полдень. Желтая степь. Пыльная, каменистая дорога. На севере – гряда туманных гор. Доходим до грязного местечка Ушактал. Опять нужно стоять около скотных дворов. Неприхотливы все даотаи, титаи, амбани, тулины, веками кочующие на тех же самых грязных постоянных дворах. Из этого местечка проходит хошутская дорога на Урумчи. По хошутской дороге всего четыре дня до Урумчи, но мы по приказу генерал-губернатора должны идти долгой, пыльной, жаркой, некрасивой дорогой целых восемь дней. Такова китайская жестокость, чтобы заставить путешественников идти по пыли в духоте и знать, что тут же рядом – краткая дорога, полная горных красот. Недаром ни один из виденных нами даотаев и амбаней не мог назвать ни одного знаменитого современного китайского художника или ученого.

Представьте себе наше ощущение: видеть ущелье, через которое идет короткая дорога, а самим ползти в облаках жаркой пыли.

Еще вариант легенд о Турфане. «Из пещеры вышел высокий человек и пошел на базар что-то купить. За покупки предложил заплатить золотыми монетами стариною в тысячу лет. Затем человек

ушел в ту же пещеру и пропал. А у входа стоит каменная собака. Хотела она вскочить в пещеру за человеком, но окаменела».

Ушактал является центром хошутских коней. Они больше ростом, нежели торгоутские. За потай от Ушактала – следы старого укрепления времен завоеваний Андижана и Ферганы^[472]. Много комаров. Дикie гуси.

4 апреля.

«Старый хан решил передать сыновьям тамги (печати) на правление хошунами. Были тамги золотые, серебряные, медные и одна была деревянная. Говорит ханша любимому сыну: „Возьми, сынок, деревянную тамгу, не бери золотых“. Разобрали тамги ханы. И сказал старый хан: „Небо создало воду. Испытаем тамги водою. Которая тамга выше, та выше и останется. И осталась деревянная тамга на воде, а золотые и серебряные ушли под воду“».

На Черном Иртыше много золотоискателей. Десятки тысяч. Золото – всего на две четверти под землю. Дуту посылал отряды солдат перехватывать искателей, но, дойдя до золота, все отряды исчезали.

Сегодня красивый день. Со всех сторон показались горы, синие, сапфировые, фиолетовые, желтые и красно-бурые. Серое небо и жемчужные дали. По руслу широкого потока доходим до Кара-Кизыла, т. е. «черно-красного». Название верно, ибо скалы из черного и красного крупнозернистого гранита. Тишина пустыни. Насколько лучше эти уединенные лянгары, нежели города и грязные базары.

Только подумать, что мы могли идти четыре дня уединенными горами, среди дальних снегов. Сегодня показалась первая низкорослая хвоя. За весь день, за семьдесят четыре версты лишь один убогий лянгар с плохим колодцем в «сто аршин глубиной». За весь день – лишь два маленьких каравана тощих ишаков. Точно идете не большой китайской дорогой, а по новой, неоткрытой стране. Из гор торчат слои черных сланцев и угольных образований. И вся пустыня замерла, ожидая шаги будущего.

5 апреля.

Просто беда с цириками. Заваливается спать на арбу и не только наши, но даже свое ружье не бережет. Ночью люди какого-то проезжего амбана хотели выбросить наших коней из лянгара.

А горы так хороши! Стоят темно-бронзовые с зеленоватыми и карминными пятнами. За горами опять пустыня с темными галечными

скатами, усеянными светло-желтыми кустиками. Целый ковер Азии.

Днем жарко. Помогает восточный ветер. Прошли девять потаев до бедного местечка Кумыш. Какое-то ободранное, растерзанное селение. Два разбитых необитаемых лянгара. Когда-то что-то было. Е. И. спрашивает: «Но ведь ездят же здесь даотай и амбани? Неужели они останавливаются в такой грязи?» Сулейман смеется: «А им-то что? Этим амбаням?! Была бы трубка опиума да баба, в любой грязи проваляются!» Видно, не велико уважение к властям. От путников из Хотана доходит неясное сведение о смещении даотая Ма...

Молчат барханы. В голубой дымке залегли горы. Вспоминаем характерный случай. Путешественники из Китая в Тибет рассказывают, что на границе для досмотра были остановлены нянькой с ребенком. Оказалось, что пограничный служащий накурился опиума, жена его была занята по хозяйству, и няньке пришлось выполнить обязанности таможенного стражника. Это было напечатано в шанхайских газетах.

В прошлом году калмыкам-богомольцам не было разрешено пройти в Тибет на поклонение святым. Такое запрещение очень многозначительно.

Сегодня уже начинается китайская пытка – начинается жара, которую мы избежали бы по хошутской горной дороге. Нынче очень ранняя весна. Говорят, снег в Урумчи уже сошел. Вечером выговариваем Сулейману за его привычку пускать в ход нагайку по человеческим спинам. Он удивлен: «Да как же иначе мне с дунганином или китайцем дело иметь? Разве они понимают рассуждение? Или он тебя взял, или ты его взял. Вот вчера мафакеш-дунганин отчего быстро ехал? Потому что с утра дали ему пинка хорошего, а сегодня, наверно, поздно придет». Так здесь и живут – целая цепь зла.

6 апреля.

Жаркий день. Сперва пустыня со многими буграми и скалами вокруг. Через восемь потаев вошли в красивое ущелье. Шли мы около семи потаев. Сине-черно-бронзовые скалы. Все в трещинах. Полная безводность. Разрушенные лянгары по пути. Верно, вода ушла и заставила жителей отодвинуться. За весь день всего один караван ишаков и два всадника. Самая большая дорога представляет из себя каменистую пустыню. От семи утра до четырех с половиной [дня] не видно никакого движения по дороге. Если бы мы шли горами, то завтра уже пришли бы в Урумчи. Ночуем в Архай-Булаке – уединенном

лянгаре среди бронзовых гор. Говорят, здесь тоже была война с Андижаном.

Высоко в песчаниковой скале видна пещера. Подходы к ней все обвалились.

7 апреля.

По бесчеловечью генерал-губернатора идем жарким ущельем. Разнообразные песчаниковые формации, но все это в Ладакхе гораздо красивее. Среди песков вдруг ярко зеленеет каемка травы. Значит, из скалы нежданно бьет родник звенящей воды и растекается по песку. Конечно, можно бы легко собрать драгоценную влагу в обработанное русло, можно бы легко починить каменистую дорогу, но, конечно, улучшение края не входит в круг занятий китайской администрации. После небольшого перевала входим на палящую равнину. Е. И., задыхаясь от жары, говорит: «Это не губернатор, а старое чудовище». Действительно, заставить иностранцев получить четыре дня лишней палящей дороги – бессмысленно и бесчеловечно. Все равно что сказать американцу: «Можете ехать из Нью-Йорка в Чикаго только через Новый Орлеан». Вообразите негодование пассажира.

Среди песков, среди молочной мглы синее Токсун. Всего на день пути [отсюда] лежит Турфан, и из его девятисотфутовой ямы пышет жар. Как легко представить себе, летом в Турфане даже местные люди умирают от жары.

В Токсуне деревья все уже ярко-зелены. Посевы густо зеленеют. Стоим на берегу реки, бегущей многими рукавами. Лишь бы опять не было драки. Сегодня рассвет начался безобразной дракой. Сулейман избил Суна, и тот в крови прибежал к нам. Необходимо скорей освободиться от Сулеймана. Это животное не понимает никаких убеждений, и главное его преследование направлено на Суна за то, что этот не крадет. А в основании всего виноват в драках сам дуту, который арестовал наше оружие и возит его запечатанным напоказ всей провинции. Если бы револьверы были при нас, то и люди относились бы иначе. Жарко, даже в пять часов жар еще не спадает. Ночь тоже не принесла прохлады в палатки.

К вечеру приводят коней на реку. Проводят перед нами. Не купим ли? Цена от трехсот до тысячи лан. Красивый буланый конь. На спине черная полоса. Посадка головы напоминает зебру или кулана. Нет ли в породе карашарских коней скрещения с куланом?

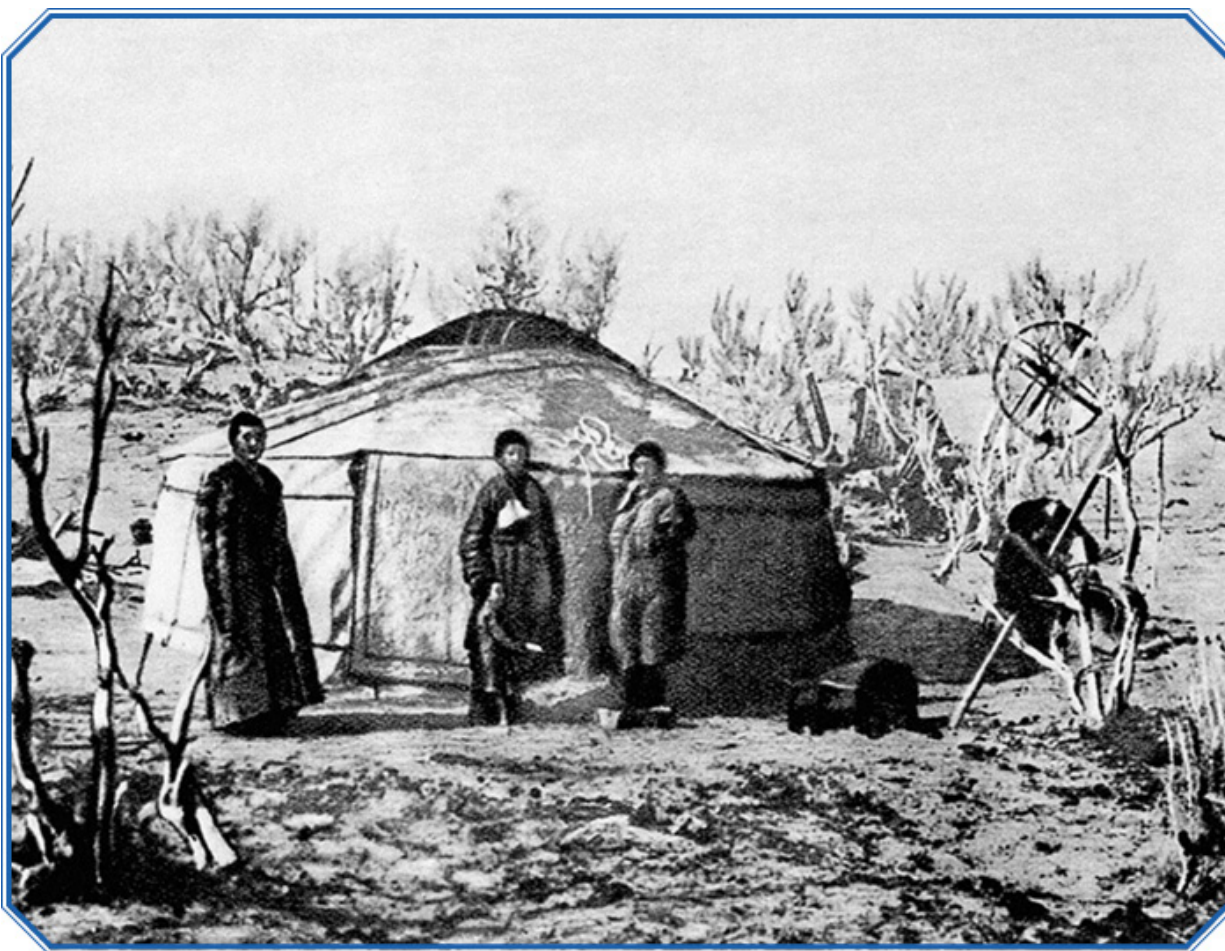
Приходит в сумерках дунганин – китайский доктор. Говорит по-русски. Почему? Оказывается, жена его – русская семиреченская казачка. Вот идет и она сама в розовых штанах и кофте, с ней черненькая девочка. И под звездами Токсуна звучит тихая жалоба на жизнь. С тринадцати лет родня продала ее дунганам. Бежала она. Там пришла революция. Родня ее исчезла. Пришел голод. И вот казачка оказалась в китайском наряде. «Скучно мне. Не о чем говорить с ними. Грязь у них. Теперь опять тянемся к России. Муж мой хочет в России быть. Купила я себе девочку – [киргизку]. Заплатила за нее двенадцать лан.

Сделала я себе из холста палатку, поставила ее в комнате – лишь грязь их прикрыть. В Урумчи много наших казачек от нужды за китайцев пошло. И образованные, и портнихи хорошие пошли за дунган. А вот здесь много скорпионов. Берегитесь ночью. Турфан и Токсун славятся скорпионами. Один маленький меня укусил – три часа кричала. Потом перетянули палец веревкой и положили опий. Будьте осторожны». И казачка-дунганка уходит во мглу со своим чуждым ей мужем и с купленной девочкой. А девочку назвала Евдокия. Итак, дуту нас послал не только в пекло, но и в город скорпионов.

Ночью жарко. Цикады звенят без устали. Юрий удивлен, что до сих пор идет продажа людей. Идет открыто и деловито. Может быть, в сборнике указов дуту, подаренном им Британскому музею, имеется «прекрасный» указ о продаже людей.

8 апреля.

По бесчеловечью генерал-губернатора провели безобразный день. Тянулись знойной каменистой пустыней. На горизонте трепетал жаркий воздух. Уплотнялись далекие несуществующие озера. И таяли миражи. И претворялись в серую беспощадную равнину. В зное потонули далекие горы. Только подумать, что сегодня мы уже были бы в Урумчи. Уже читали бы вести из Америки. И по самодурству чудовища еще целых три дня будем топтать ненужное нам взгорье. Будем стоять в лянгаре Паша-Сайган.

Стойбище в пустыне Гоби в зарослях саксаульника.
Фотография конца XIX в.

В пути думалось: не правы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободранные пещеры. Но когда придет время обновления Азии, разве она не спросит: «Где же наши лучшие сокровища, [созданные] творчеством наших предков?» Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения. Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели на погибель от индийского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами. В Лондоне части монументальных сооружений нагромождены в музее без указания их первоначального назначения и смысла.

Прав наш друг Пеллио, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая [исследования о них]. Пусть свободно обращаются по планете отдельные предметы творчества, но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушена. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски увезены им в Лондон и Дели. Голова бодхисатвы – в Лондоне, а расписные сапоги его – в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое прежде всего очищает и сберегает, и восстанавливает? Что бы сказал ученый мир, если бы фрески Гоццоли или Мантеньи^[473] были бы распределены таким «научным» образом по различным странам. Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободренные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей.

Сегодня за весь день мы видели один маленький караван ишаков и одного всадника. Мертвое молчание большой дороги прилично лишь омертвелости современного Китая. Придет молодежь, и зацветут пустыни.

В яхтанах растопились свечи. Желтое солнце заходит за янтарную гору. Завтра должно стать прохладнее – зайдем за горы, в первую зону алтайского климата.

9 апреля.

Идем последними отрогами «Небесных гор» – Тянь-Шаня. Минуем дорогу на Турфан. На распутии – старая китайская стела – плита с полуистертыми надписями и орнаментами. Там давно, в глубине столетий, кто-то заботился о видимости путевых знаков. Дальше дорога наша разветвляется. Один путь идет через перевалы, а другой – рекою с пятнадцатью переездами через воду. Люди наши долго, как государственное дело, обсуждают направление пути. Совет порешил: идти нам перевалами. Все говорится так серьезно, что мы можем думать о серьезности перехода. Но ожидания напрасны. Оба перевала очень легки и не годятся ни в какие сопоставления с Ладакхом и Каракорумом.

Спускаемся с гор к небольшой реке. Видны развалины старого форта. На черно-синем фоне гор светится неожиданная светло-золотая песчаниковая вершина. Нам говорят: «Там живет святой человек. Прежде он показывался людям, а теперь его никто не видит. А знаем,

что живет там. И стоит там как бы часовенка, а только дверей не видеть». Так сеется легенда.

Опять идем узким кочковатым проселком, и никто не поверит, что это самая большая и единственная артерия целой области с метрополией. Чудовищно и странно видеть такое одичание целой страны. Одно хорошо: мягкие колокола длинной вереницы верблюдов. Истинные корабли пустыни.

Стоим в Дабанчене (город перевала). Шли одиннадцать часов. Е. И. даже поцеловала свою лошадку. До Урумчи осталось двадцать два потая. Днем очень жарко. Необычно мерцают звезды. Первый раз слышали гонги в китайском храмике.

10 апреля.

С вечера начался буран. Укрепили палатки всеми гвоздями. Навалили вокруг яхтаны для тяжести и плохо провели ночь в трепещущем домике. Часа в два ночи в храме звонили гонги, но так и не пришлось узнать, какая это могла быть ночная служба. С утра шамаль даже усилился. Все ушло в серо-желтый сумрак. Горы исчезли. Весь переход движемся против свистящих волн вихря. С приближением к столице дуту селения становятся еще ободраннее. Дорога еще хуже, и типы дунган еще более разбойными и дикими. Непонятна разница цен на продукты. Здесь десять яиц стоят один сар, а рядом селение – наполовину дешевле. То же и с дровами, и с кормом коней.

Серая пустыня с белыми прослойками соли. Двигутся клубы пыли, и выются хвосты коней. Легко представить, что вихри Азии могут перевернуть груженную в пятьдесят пудов арбу или остановить тройку коней. Особенные трудности были с установкой палаток в грязном местечке Цзай-о-пу. Шатры развевались на ветру, все дрожало, и слой сора мгновенно засыпал все. И вот сидим среди глухих ударов вихря, среди слоя песка и мусора. Зачем нам нужно пройти через этот свирепый шамаль, когда уже три дня мы могли быть в Урумчи. Видно, дуту хотел показать нам свою страну в полной безнадежности. Глаза наполняются пылью, и на зубах хрустит песок. По гулу и по ударам ветра вихрь напоминает нам ужасное море, живо описанное в газетах, во время нашего последнего переезда через Атлантику.

Иногда строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана. К вечеру шамаль не унялся, как надеялись караванщики.

11 апреля.

Рассказывают, вот отчего здесь вихри: «Китайское войско гналось за калмыцким богатырем. Сильный был богатырь. Вызвал себе на подмогу вихрь с гор, а сам ускакал; вихрь разметал китайскую силу, но некому было заклясть вихрь. Так он здесь и остался».

Сегодня часть горизонта очистилась. Блеснули слабые очертания гор со снежными гребнями. Внизу блеснули стальные озера, окруженные белыми каймами соли. Вихрь остался. Заледенело за ночь. Шамаль стал сибирским студеным сиверко. Щиплет щеки и слезит глаза. Достали шубы. Видно, надо испробовать все особенности местного климата. Пустыня сменяется оголенными серо-желтыми молчаливыми буграми. Вдали голубеют горы. Путь не близкий. Судя по времени, потаев четырнадцать. Нажег вихрь щеки. Далеко, между двумя холмами, указали нам Урумчи.

До китайского города следуем по русской фактории. Широкая улица с низкими домами русской стройки. Читаем вывески: «Кондитерская», «Ювелир», «Товарищество Бардыгина»... Появляется посланный от фирмы Белианхана и везет нас в приготовленную квартиру. Низкий белый дом. Две комнаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения выселили двух русских, это так неприятно. Едем к Гмыркину – представителю «Белианхана» – посоветоваться.

Оказывается, в Урумчи все переполнено. Домов нет. Придется стоять в юртах за городом. Тем лучше. Юрий с Гмыркиным скачут искать место для ставки. Ходят какие-то люди. Всем им настойчиво нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках? Обедаем у Гмыркиных. Разговоры о нашей Америке, о жизни там, о напряженном труде, о надписях: «Улыбайся». Да, да, эта надпись очень нужна.

На обеде у Гмыркиных целый стол русских. Оказывается, сегодня важный день. Дуту призвал к себе дунган и заявил им, что ничего против них не имеет. В начале марта здесь была мобилизация, при этом было объявлено, что призываются все, а дунган не нужно. Дунгане встревожились, тем более что с некоторых постов дунганские чиновники были удалены. В самом городе оперирует опасная шайка дунган. По мобилизации было послано до десяти тысяч войск в направлении Хами^[474].

12 апреля.

С утра люди отказались переезжать за город в юрты. Боятся нападения грабителей. Поехали с Юрием к Кавальери, к Чжу Да-хену (знающему русский язык), к Фаню (заведующему иностранной частью) и к самому дуту. Долго ехали китайским городом. Тройные стены. Длинные ряды лавок. Продукты разно-образнее, чем в Кашгаре. Кавальери – симпатичный итальянец, заведует почтой. Изумляется всем нашим происшествиям и советует нам ехать на Чугучак через Сибирь – в Японию. Так же как ехал отсюда наш приятель Аллан Прист. Чжу Да-хен – молодой китаец, отлично владеет русским.

Улыбается, возмущается поступками в Хотане и в Карашаре и уверяет, что он готов помочь. Ведет нас к Фаню и дуту. Следуем через всякие ворота и закоулки. У обоих сановников пьем чай. Оба подкладывают нам сахар и уверяют, что в Хотане и Карашаре сделаны властями ошибки, что мы великие люди и потому должны простить малых людей. Уверяют, что более ничто подобное не повторится и мы можем быть совершенно покойны в Урумчи. Но о расследовании – ни звука.

Едем обратно через все длинные базары. Ряды ситца, шорных изделий, дешевой посуды и лубочных картинок. А дома Е. И. встречает нас с сюрпризом: именно в то время, когда дуту заверял нас в своей дружбе, содействии и благожелательстве, – именно в ту минуту у нас был сделан подробный обыск полицмейстером в сопровождении татарина-переводчика. Опять Е. И. допрашивали о наших художественных работах, опять вся нелепость была проделана от начала до конца. Как же можно верить уверениям дуту?

После обеда иду к консулу Быстрову просить устроить проезд через Алтай, через Сибирь подобно Присту. Ответ может прийти через две недели. Найти лучшую квартиру нельзя – все дома переполнены. Говорят, что через пять дней Ахматов уезжает на службу в Ташкент. Не удастся ли хоть на время переехать в более удобное помещение. «Улыбайся! Улыбайся!»

Сегодня я сказал трем китайским высшим чиновникам так: «Мне 52 года. Я был встречен почетно в 23 странах. Никто в жизни не запрещал мне свободно заниматься мирным художественным трудом. Никто в жизни меня не арестовывал. Никто в жизни не отнимал у меня револьвера как средства защиты. Никто в жизни не высылал меня

насильно в нежелательном мне направлении. Никто в жизни не вскрывал самовольно моих денежных пакетов.

Никто в жизни не возил вместе со мной арестантов. Никто никогда не обращался со мной, как с разбойником. Никто никогда не отказывал принять во внимание просьбу пожилой дамы, основанную на состоянии ее здоровья. Но китайские власти все это проделали. Теперь наше единственное желание – как можно скорее покинуть пределы Китая, где так оскорбляют мирную, культурную экспедицию Америки».

Все это сказано. Генерал-губернатор и вице-губернатор не возражают. Уверяют, что в Урумчи нас никто не тронет, а за спиной именно в эту же минуту проделывают обыск, и Е. И. должна бессмысленно раскрывать ящики и сундуки. «Улыбайся!» Ведь мы не в молодом Китае!

13 апреля.

Вы спросите: «Отчего гниет Китай?» От беспринципности и бесчеловечности. Спросите: «Вы, кажется, разлюбили Восток?» Вовсе нет, наоборот. Но во имя справедливости мы должны отличать молодые жизненные побеги от сухих ветвей. И сухие ветки должны быть отсекаемы для спасения общего блага. Совершается в Китае великий процесс.

Ищем какой-нибудь сносный дом. В Урумчи это труднее всего. Сегодня ночью у Гмыркиных увели лошадь. За ночь сломали высокую стену и угнали из конюшни. Собаки лаяли. Конюхи спали. Воры трудились, и лошадь исчезла. Конечно, полиция ее не найдет. Но может быть, ее удастся выкупить у местных киргизов.

Гремят барабаны. Со знаменем идет вновь сформированный полк. Отъявленные оборванцы. Но Фельдман (директор Русско-Азиатского банка) успокаивает: «Это еще ничего, а вот вы посмотрите солдат около Хами». Какие же там банды! «Улыбайся!» Улыбаясь, нам говорят китайцы: «Как вам интересно будет рассказывать в Америке все ваши приключения». Какое-то странное отношение к Америке. Точно к чему-то легковерному и мягкотелому. Так же странно, что все бумаги и удостоверения из Америки мало читаются и всегда спрашивается: «А что еще у вас есть?»

Вот и Присту не дали снять фото в Дуньхуане, а между тем в шести томах Пеллио пещеры эти давно изданы.

Приходит Фельдман, директор Русско-Азиатского банка, энергичный и широко смотрящий. Не знает, как ему возвращаться в Шанхай. По так называемой императорской дороге нельзя. Уже по пути сюда он был там арестован и задержан, а потом попал под обстрел хунхузов, которые часто сформированы лучше правительственных войск. Рассказывает о бывших событиях в Сибири. Очень плохого мнения об Оссендовском. Рассказывает ужасы об Унгерне, Семенове, Анненкове^[475]. Приходят Гмыркины. Новые рассказы об ужасах отряда Анненкова. Как сотник Васильев изрубил шестнадцать офицерских семей своего отряда, предварительно изнасиловав женщин. Где же человекообразие?

14 апреля.

Яркий, солнечный день. Сияют снега на горе Богдо-Ула. Это та самая гора, за которой «живут святые люди». Можно подумать, уж не на Алтае ли отведено место для них? Сегодня начнется праздник рамазана. Барабаны, кличи на мечетях и толпы людей.

Интересно было бы подойти ближе к психологии местной власти. Есть тут так называемые генералы и министры финансов, промышленности и просвещения. Надо надеяться, что нет министра путей сообщения, иначе чем бы объяснить отчаянное состояние дорог. Как просвещает народ министр просвещения? И где она, таинственная система промышленности? Когда министр промышленности спросил одного больного о состоянии его здоровья, тот сказал: «Так же, как и ваша промышленность». А дуту «скромно» заявляет, что благодарное население поставило ему памятник за процветание края.

Замечательна система налогов. Например, на золотых приисках налог взимается с числа рабочих совершенно независимо от результатов работ. Сейчас на Черном Иртыше роется до 30 000 человек. Конечно, все это сводится к порче золотоносной почвы.

Переезжаем в маленький домик при Русско-Азиатском банке. Вероятно, придется пробыть еще недели две.

15 апреля.

Рассказы о дуту. Пекинское правительство неоднократно пробовало смещать его, но хитрый дуту собирал подписи местных баев, и в Пекин следовала составленная им петиция населения о том, что лишь присутствие дуту Яня обеспечивает спокойствие области. Но спокойствие области для дуту подобно смерти. Правитель утверждает,

что построение фабрик и расширение производств создаст класс рабочих, а потому не следует развивать производства и строить фабрики.

В 1913 году правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Потому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных. В 1918 году дуту возымел злобу против одного из амбаней. Он послал опального в Хами, а по пути амбань был «заклеен бумагой», и таким необыкновенным путем задушен. В «Саду пыток» Мирбо^[476] это измышление зла было упущено.

Конечно, сборы на постройку памятника дуту были произведены по всему краю насильственной подпиской. И от «благодарного населения» появилась безобразная медная фигура с золочеными эполетами и звездами. Для улучшения нравов своих чиновников дуту запрещает им выписывать иностранные и лучшие китайские газеты. Чудовищно видеть все эти средневековые меры в дни эволюции мира. Немногим чутким молодым чиновникам приходится очень тяжело. Вспоминаю грустную улыбку амбаня Паня в Аксу. Понимаю, отчего у него были газеты лишь от Кавальери.

Надежда одна: дуту очень стар и его «благотворное» омертвление огромного края не сможет продолжаться долго. Не надо забывать, что население хорошо помнит тех немногих китайцев, которые не грабили и не проявили человеконенавистничества. Хорошо говорят о даогае Чугучака. Хорошо, тепло поминают Пан Да-чжэня, отца нашего знакомого из Аксу. Когда хоронили старого Пан Да-чжэня, весь город вышел его проводить. Сверх обычая старый чиновник не оставил никакого состояния, ибо не брал взятки.

Сегодня праздник рамазана. Город разделся в яркие платья. Ходят друг к другу с визитами. Утром до двух тысяч [мусульман] на поле слушало проповедь муллы. Два китайских визита. Чжу Да-хен и Фань с переводчиками. Молоденький Чжу Да-хен явно нам симпатизирует, и его живые глаза могут прямо смотреть на нас. Чаще отвертывает глаза Фань. Теперь у него новая отговорка: все наши неприятности происходили от пекинского правительства, которое не известило Синьцзян о нашем приезде. Но ведь с 12 октября по сегодня Фань имел

достаточно времени, чтобы снести с Пекином. И нечего валить на Пекин вину Синьцзяна.

16 апреля.

Дошли странные сведения о разграблении фресок Дуньхуаня. Если эти сведения верны, то такое вандализм должно быть исследовано, как совершенно недопустимый факт разрушения почти единственного сохранного памятника. Рассказывается, что «приехали какие-то американские торговцы, вырезали куски фресок и успели увезти много ящиков». Будто бы китайцы гнались за похитителями, но по обыкновению неудачно. И в результате – искалеченный памятник. Ученый мир не должен оставить без расследования разрушение единственного памятника. Конечно, Прист, бывший осенью в Дуньхуане, может дать достоверные и подробные сведения. Мы же можем лишь занести этот факт для сведения научного мира. Как будет возмущен Пеллиу, узнав о разрушении изученного и изданного им памятника. Здесь вся русская колония знает о случившемся.

Сейчас идет по улице «полк». Неужели это сборище оборванцев может кому-то оказывать какое-то сопротивление? Хитрый дуту играет на этих оборванных струнах. То он вызовет к жизни дунган, то мусульман, то калмыков, то киргизов. То он вынесет разноцветных петухов и скажет: чей петух победит, тот и будет первым. А петух соответственной окраски уже подготовлен и побеждает соперников, подтверждая желание правителя. То правитель изобретет несуществующий заговор или восстание. Много изобретательности поработителя...

Возмущаемся расхищением Дуньхуана, а нам приводят в пример расхищение мечетей Прикаспийского края^[477] в 1918 и 1919 годах. В Мерве, Полторацке, в оазисе Анау^[478] вырезаны и расхищены иностранцами ценные стенные изразцы. Французы разрушают Дамаск. Англичане расхищают мечети. Что это? Неужели исполняются какие-то космические законы? «Идущие к пропасти с содроганием продолжают свой путь судьбы». Так сказано в учениях мудрых об исполнении сроков.

17 апреля.

Среди долгих путешествий ускользают целые события. Только что мечтали о поездке на остров Пасхи, а здесь говорят о гибели [этого острова] три года тому назад. Неужели гиганты Атлантиды^[479] уже

навсегда погрузились в пучину, и поток космоса, эта сантана^[480] буддизма, совершает свое непреложное течение? За время наших хождений по горам и пустыням какие-то звезды из мелких сделались первоклассными величинами. Еще опустился в море какой-то остров с десятитысячным населением. Усохли озера, и прорвались неожиданные потоки. Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества^[481]. Вчерашняя «недопустимая» сказка уже исследуется знанием. Испепеляется отброс, и зола питает побеги новых завоеваний.

В тишине фактории Урумчи консул Быстров широкоохватно беседует о заданиях общины человечества, о движении народов, о знании, о значении цвета и звука... Дорого слушать эти широкие суждения. Одни острова погрузились в пучину, и вознеслись из нее другие, мощные.

Каракиргизы на верблюдах.
Фотография начала XIX в.

18 апреля.

Поездка за город, устроенная Янем Чан-лу и Чжу Да-хеном. Смотрели храм «бога-черта» с изображением ада. Храм бедный. Изображения безобразны. Чжу уверял, что это буддизм, но потом и сам сознался, что такая «народная примитивная религия» не имеет ничего общего с буддизмом. Ад представлен очень недекоративно. В продолговатом помещении на полу расставлена толпа плохо и недавно сделанных фигур. Своеобразный сад пыток. Смалывают грешников жерновами.

Сплющивают прессом, усеянным гвоздями. Распарывают животы. Кипятят в смоле. Раздирают крючьями и членовредительствуют над грешниками всеми мерами, доступными китайской фантазии. Особенно возмутительно поведение праведников, нагло и самодовольно наблюдающих мучения с мостиков и балконов рая. Не указано, в каком разряде ада будет помещен сам дуту. Весь этот паноптикум производит жалкое, ненужное впечатление.

Едем затем к статуе дуту со всем ее безжизненным, медным «величием», к павильонам и пруду, им устроенным... После того поднимаемся за рекою на гору к Таонскому храму с богом всех богов. По одну его сторону шестирукий бог лошадей и животных, по другую – бог насекомых. Впечатление [от] храма несколько лучше и чище, вероятно, благодаря более уединенному положению на горе. С ближней скалы виден весь город и округа всех гор и холмов. Лучшее место из всего виденного в Китайском Туркестане. После этого остается храм бога грома – бедный и малоинтересный, а затем чай и обед с утомительным сидением на полу. Старик Ян Чан-лу быстро напивается, и сын отправляет его домой.

Хороший разговор с Быстрым. Истинно, можно поражаться широте взглядов его.

От Богдо-Ула поднимаются тучи. Холодеет к вечеру. Надо будет найти время и съездить в старое Урумчи, которое находится в 10 верстах. Там-то и есть тот красный храм, по которому и называется новый город. К вечеру – игра в городки. На дворе консульства толпа народа. Качели, гимнастика, гигантские шаги. Русские, мусульмане, дунгане, китайцы, детишки. Там же предполагается устроить клуб. Просто, по-человечески. Весело смотреть.

19 апреля.

Похолодало. К вечеру пошел дождь. Это обстоятельство не спасло бога воды от большой неприятности. Ввиду бездождия генерал-губернатор приказал вынести водяного бога из храма и отрубить ему руки и ноги. Когда-то мы читали о дикарях, секущих своих богов за нерадение, но, оказывается, эти дикари живут в Урумчи и ими предводительствует генерал-губернатор, считающий себя магистром [философских] наук. Но кто знает, просто ли бог лентяй?

Не было ли у него зловредных мыслей возбудить народ против генерал-губернатора? При таком количестве богов можно ожидать всяких группировок, вредных для «правительства». Местные обыватели настолько привыкают к подобному правлению, что самые странные факты им начинают казаться естественными. Нельзя строить фабрик – это естественно. Нельзя добывать нефть – естественно. Нельзя получать газеты – естественно. Нельзя иметь врача – естественно. Все становится естественным.

Из горных щелей выются струйки дыма – это ползет подземный пожар угля и гибнет ценнейшее достояние края.

К Гучену, в долине смерти, лежат кучи костей – следы многотысячной резни. Большинство мертвых развалин стоит свидетелями резни и предательства. Но провинция «спокойна», и только кладбище спорит о большем спокойствии. Как взорвется это спокойствие смерти? Кто придет? Откуда придет? Кто возмутится изнутри? В молчании кладбища трудно понять, которая могила будет первой.

По ночам проходят какие-то банды оборванцев, именуемых солдатами, в направлении Хами. Говорят, дуту полагает, что, насильственно собирая оборванцев с базара в казармы, он освободит город от опасного элемента. Но какова будет судьба этих вооруженных шаек и против кого они обратят свое заржавленное оружие? Пришла шанхайская газета с описанием разгрома китайскими армиями американской миссии и убийства миссионера.

Прежде это известие кого-то взволновало бы, но теперь никто не изумляется. А как же иначе? Спрашивают нас: «Уверены ли мы в пропуске китайцами на Чугучак?» Мы отвечаем: «Куда же иначе нас денут китайцы?» Нам говорят: «Все возможно», – и приводят случаи каких-то нелепых запрещений и насилий. Когда изумляемся «местным делам», здешние жители нам говорят: «А разве в Америке и Европе не

знают, что такое Синьцзян?» Если бы мы знали половину действительности, мы никогда не продолжили бы путь через Китай.

На Богдо-Ула выпал снег. Надо топить печи.

20 апреля.

За ночь забелело. Давно не видали снежных гор со всею их хрустальностью и тонкостью линий. Горы, горы! Что за магнетизм скрыт в вас! Какой символ спокойствия заключен в каждом сверкающем пике. Самые смелые легенды рождаются около гор. Самые человеческие слова исходят на снежных высотах. К вечеру пошел снег и в низинах, вся округа приняла зимний характер. Приходит [Зенкевич^{\[482\]}](#). Говорим о всех темах, нам близких. Его странствия и приключения – это целое повествование. Невыразимая прелесть есть в том, что люди сдвинулись с мест и на невидимых крыльях сделали землю маленькой и доступной. И в этой доступности есть эмбрион доступности дальних миров.

21 апреля.

С утра снег. Богдо-Ула показался весь снежный и синий. Странно, [Ф.^{\[483\]}](#) не верит в ужас некоторых кварталов в Бомбее. Не может допустить, что эти позорные клетки с женщинами существуют. Но ведь каждый шофер это знает и, даже без вашего желания, привозит вас показать этот ад, существование которого земля терпит уже много тысячелетий!

М. говорит: «Китайцы хотят, чтобы их оставили в покое». Согласен, и всегда стою за неприкосновенность свободы, но тогда она должна быть подлинной и нелицемерной. Самая земная гадость – это лицемерие, невежество и предательство.

22 апреля.

В шесть часов утра все покрыто снегом. По Богдо-Ула тянутся клубы молочных облаков.

«Старый лама пошел искать Манчжушри, владыку мудрости. Долго ходил. Наконец видит человека, мнущего кожи. И стоит перед ним ведро с омылками от кож. Одна грязь. И спросил лама человека, не слышал ли он пути к Манчжушри? А тот дает ему пить из грязного ведерка. Лама ужаснулся и ушел скорее. Но встретился ему лама ясновидящий и пеняет: „Глупый лама, ведь ты нашел самого Манчжушри, и сама грязь обратилась бы в напиток мудрости, если бы ты нашел отвагу отведать ее“». Так говорят о бесстрашии прикоснуться

к материи. Очень значительны беседы этих дней. Олеты знают [легенду] об Иссе, так же как и торгоуты. Еще непонятнее становятся злоречия миссионеров против этого [рассказа]. Каждый образованный лама спокойно говорит об Иссе, как о всяком другом историческом факте...

23 апреля.

Вот и солнце опять! Сведения о том, что дорога в Китай совершенно непроездна. Решительно все говорят о войне, о грабежах и, конечно, о наступающей жаре. Этот путь закрыт. Странно также, что о вывозе фресок из Дуньхуана никто, кроме Ф[ельдмана], не слышал. Конечно, Прист должен знать все это дело.

Зенкевич читает дуту конституцию Советов. Дуту находит ее очень замечательной и «пригодной для Центрального Китая, но не для его провинции». Вот уж старый лицемер! Оказывается, у лицемера имеется даже юридическая школа в Урумчи. Можно представить, какое «право» там преподается! По какой статье этого «права» учитываются все грабежи и поборы, установленные чиновниками? Одни говорят: «Надо Китай изучать с его парадного крыльца – от океана». Но будет правильнее знать прикрытые недра, где ничто «не проветрено» и можно видеть тысячулетнюю атрофию. Конечно, дуту думает, что до него через пустыню никто не дойдет.

Неожиданно пришло письмо из Сиккима от полковника Бейли. Пишет о высланных книгах, но значительная часть их не дошла. Из Америки нет сведений. Верно, письма тоже исчезают или задерживаются. Какой чистый воздух сегодня!

После смерти Ленина Е Чин-бен писал: «Народы многих называют славными героями, но в сущности только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был Ленин, пользовавшийся всеобщей любовью. Ленин – «яркая звезда человечества» и может быть сравнен с Шакья-Муни и с Христом. Небеса безжалостны; он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно». Есть же где-то светлые, и смелые, и честные китайцы, но ведь мы-то их не видим. А так хотели бы увидеть!

24 апреля.

Получили приглашение от комиссара по иностранным делам Фаня на обед завтра. Разве это не лицемерие? Одной рукой все запрещать, а другой приглашать на обед. Если это «искусная» дипломатия, то она

вовсе не искусная, ибо умное действие познается по результатам. А лицемерный обед не может исправить отношения. Лучше бы разрешили побывать в буддистских монастырях. Кстати, оружие наше отобрано и так и не возвращено.

Список приглашенных на обед самый нелепый: миссионер-католик – голландец, Кёлин – немец, Кавальери – итальянец, Чанышев – мусульманин и какие-то китайцы. Из русской колонии всего один Фельдман. Посмотрим.

Г. ^[484] рассказывает о селах «кержаков» на Монгольском Алтае. Эти «кержаки», т. е. староверы, сохранили все свои обычаи. Свои моления, своих начетчиков, свою пищу и полное удаление от «мирских». Ни водки, ни табаку. Занимаются пчеловодством, пушниной, рыболовством, скотоводством. Среди дунган и киргизов стоят три села дворов по 50, по 60, и ничто новое не проникает за их околицу. Вероятно, поддерживают связи со своими единоверцами на Русском Алтае.

И странно, и чудно – везде по всему краю хвалят Русский Алтай. И горы-то прекрасны, и недра-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катунь должна быть последняя в мире война. А после – труд мирный.

Год назад в Тибет шло посольство из Монголии – около 30 человек монгол и трое русских. На тибетских перевалах умерло 20 монголов и двое русских. По описанию, умерли как бы от каких-то газов. Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов ^[485] или причиной зимние бури. Но факт любопытен, тем более что его трудно выдумать...

25 апреля.

Плавники акулы, древесные грибы, водоросли красные и белые, бамбук, семя лотоса, голубиные яйца, трепанги и много других склизких и скользких блюд. Подсахарились сладким рисом и розами. Кончили. В павильоне генерал-губернаторского сада три стола. Один весь китайский. Другой весь мусульманский, без ингредиента свинины. Третий – международный, где Китай, Россия, Америка, Германия, Голландия, Италия. Сам Фань – хозяин – ничего не ест. Объясняет своим строгим вегетарианством. Его водорослеобразное лицо улыбается; вероятно, он глубоко ненавидит всех иностранцев и полон самого тонкого лицемерия. Неужели Фань думает, что нелепый обед

смывает все сделанное хотанскими и карашарскими властями? Ни единого слова о расследовании не произнесено Фанем. Где же она, политика и дипломатия? На лице лишь лицемерие, такое явное, такое неприкрытое. После обеда – топтание около пруда, где стоят на мели две джонки. Потом низкие поклоны Фаня.

Проходим мимо истукана губернатора и едем к радушному Кавальери. Хорошо кончается день. Кавальери везет нас на моторе по кружной дороге. Свежий ветер. Яркие, поистине небесные горы. Испарения вновь выпавшего снега делают дальние цепи и пики воздушными и прозрачно-сапфировыми. А ближе – лиловые бугры и омытые солнцем глиняные зубчатые стены. Так бодро, так свежо и прекрасно, и сам «вегетарианский» лицемер Фань начинает превращаться в студенистую водоросль. Кёлин, представитель немецкой фирмы «Фауст», ехал через Россию и хвалит все условия проезда. Сообщает, что из Кульджи едет в Пекин «для магнитных съемок» Фильхнер и через неделю, вероятно, будет в Урумчи. Любопытно встретиться. В Урумчи хорошо поминают приезд С. Ф. Ольденбурга^[486].

26 апреля.

Киргизы скачут на белых лошадах. На головах – стеганные цветные шишаки – точь-в-точь как древние куаки русских воинов. На макушке – пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, входящая и в XII, и в XV века. И тут же, на улице, стоит мотор Кавальери. Сильный паккард, без повреждения проделавший весь путь от Пекина до Урумчи. Мотор принадлежит Русско-Азиатскому банку, но генерал-губернатор запретил пользоваться машиной, и ее пришлось за бесценок продать. Одним своим видом паккард напоминает, что путь от Урумчи до Пекина вполне может быть сделан на моторе. А человеческое невежество и лицемерие твердит свое мертвенное «нет!»

Сегодня русская колония провожает Стефановичей. Уезжают они по требованию китайцев, ибо Стефанович слишком многое о Китае знает. Почта из Москвы задержалась на семь дней. Вероятно, препятствует ледоход на Иртыше.

Опять студеный ветер. Опять сине-прозрачен небесный Богдо-Ула. Генерал-губернатор запретил продавать мясо на рынке, пока не пойдет дождь. Кажется, бездождие все-таки окончится сечением водяного бога.

Но вот истинно добрый знак. Тибетец-лама, которому мы дали 100 лан в Карашаре, пришел сегодня. Принес деньги, извиняется, что не может идти с нами. Ему не удалось продать лошадей и овец. Сейчас кони худы, корма нет, продать некому. Бросить табун нельзя, и вот он не может идти с нами. Пробудет здесь до нашего отъезда и пойдет обратно. Вот это по-тибетски! Пройдет десять дней, чтобы вернуть деньги и объяснить дело. До сих пор ничего дурного мы не видали от тибетцев-буддистов. Жаль, что не пойдет с нами. Начитанный и с отличным выговором. Напился чаю и чашку вытер. Поел творогу и тарелку вытер и стул на место отставил.

Ходили за город к озерам.

27 апреля.

Характер переговоров с Фанем. Ему говорят, что данная река течет на восток, а он говорит, что на запад. Ему ссылаются на карты, а он твердит свое. Ему указывают на личное свидетельство, а он твердит свое. Так вопреки очевидности, вопреки картам, вопреки фактам. Попробуйте делать договоры при таких условиях. Местный священник сделал из Ленина кесаря. Какие-то люди из русской колонии не решались прийти на открытие памятника Ленину^[487], опасаясь controversy с религией. Но священник сказал проповедь и указал: «Воздайте богу божие, а кесарю кесарево». Тогда затруднения исчезли...

28 апреля.

Паломники не пропускаются в Тибет. Хошуты собрались тайком и отправились в феврале. Удастся ли им пройти через границу? О черном камне здесь знают. Ждут камень. Также знают буддисты [легенду] об «Иссе, лучшем из сынов человеческих».

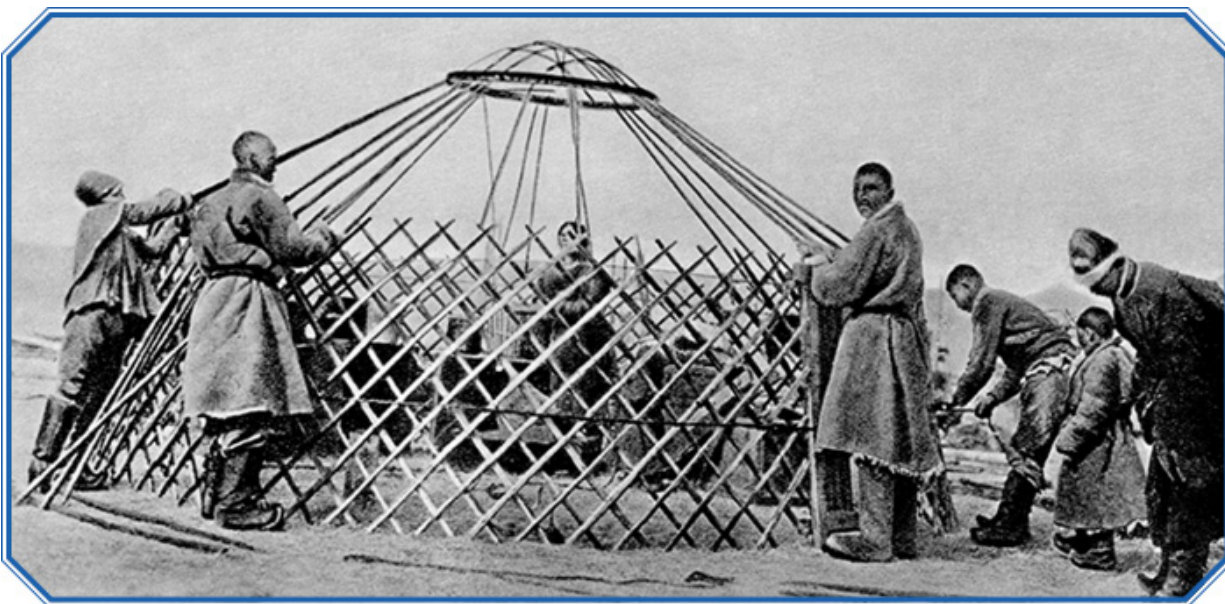
Целый ряд сведений о иезуитстве дуту и как он освобождался от неприятных ему чиновников, поражая их в спину. Вчера дуту запретил установку памятника Ленину на дворе консульства. Даже на внутренней территории консульства дуту пробует распоряжаться. Так, так! Так же дуту протестует против качелей, гигантских шагов и игры в городки во дворе консульства. Протест объясняется заботой о неприкосновенности консула. Опять лицемерие, грубое, неприкрашенное!

Это уже не лакированная старая китайская работа, а гримаса испорченной маски. Дуту требует отозвания консула Думписа из

Кашгара. Дуту из-за бездождия запретил на десять дней продажу мяса и «пролитие крови». Где граница лицемерия и фетишизма?! И стоит темный истукан дуту, и на темном теле горят золотые эполеты, ленты и звезды. Широко расставлены медные ноги истукана, и низко кланяется с улыбкой черепа Фань. Один лицемер приказывает, другой лицемер низко ухмыляется, третий лицемер в Хотане чистит свой маузер для предательства. Откуда этот обычай в Китае кончать с «неприятными» людьми после обеда в спину?

Из каких глубин человеконенавистничества, из каких веков темноты пришла эта техника предательства? И темнота эта прикрывается «учеными званиями». Дуту – магистр. Фань – доктор наук, юрист и писатель. А где же их сочинения против фетишизма, которому они потворствуют? Где же их осуждения продажи людей, предательства и лжи, которым они так низкопоклонно служат?

Весь день шумит сухой, палящий буран.

Установка юрты

29 апреля.

После жаркого бурана – сухой ветреный день. Дождя нет. Мусульмане, татары и [казахи] смеются над приказом дуту не колоть десять дней животных, не продавать мяса и сечь бога воды за бездождие. Буддисты, калмыки и тибетцы прямо глумятся над таким

фетишизмом. Дунгане и киргизы, как и мусульмане, тоже смеются и глумятся. Спрашиваю: для кого же устроен этот смехотворный акт дикого фетишизма? Значит, вся эта комедия сделана для китайцев. Значит, именно китайцы еще подвержены первобытным формам фетишизма. Ведь мы это не знали, относя китайцев к «справедливости» Конфуция. И не сам ли дуту в глубине души будет сечь «водяного бога»? Ведь «водяной бог» имеется лишь у китайцев. Значит, и сечение бога нужно только китайцам. И китайские «доктора» и «магистры» искренно инспирируют эту вредную чепуху. Но чепухой занимаются очень деятельно.

Сейчас – новый приказ. Разрешить продажу мяса в течение трех дней, а после опять мясо будет запрещено под страхом тюрьмы. Больше всех страдает от фетишизма дуту наш Тумбал, которому мясо нужно. Рядом с чепухой «водяного бога» происходит и другое странное действие.

По-прежнему каждую ночь в направлении Хами отправляются отряды оборванцев. Против кого же направлена эта своеобразная «мобилизация»? Может быть, против отрядов народных армий Фыня? Конечно, все эти посылаемые ночью оборванцы не солдаты, а просто фетиши, никуда не годные. Конечно, из двадцати четырех пушек всего две в порядке. Но ведь и пушки, вероятно, рассматриваются не более как фетиши. Сегодня назначен большой парад «войск».

Говорим себе: «Зачем Фань устраивал нам обед?» Не есть ли это начало каких-то неприятностей? Ведь и в Хотане все преследования даотая начались с сорокаблюдного обеда, с почетных караулов и с уверений «мы ваши друзья». Вообще здесь у синьцзянских китайцев слово «друг» имеет какое-то особое значение, и с нашими мерками нельзя подходить к местному понятию.

Наконец дуту посовещался и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Еще очень опасные занятия на дворе консульства – теннис. Не будет ли конфликта «водяного бога» и с этой противозаконной игрой? Где-то кто-то не знает о фетишизме дуту.

В Британском музее хранится сборник указов дуту, и кто-то вводится в заблуждение, принимая отжившую вредную ветошь за осколки бывшей цивилизации. Кто-то вводится в заблуждение «ученой степенью» дуту и вегетарианством Фаня. Кто-то вводится в

заблуждение, думая, что остатки фетишизма кроются в далеких тундрах и на уединенных островах дальних океанов. Нет, здесь, в столице Синьцзяна, под «мудрым» правлением дуту фетишизм возведен в государственную форму религии и поддерживается указами «правителя».

Письма и телеграммы не приходят. Не сомневаемся, что они задержаны. Полицейский спрашивал Е. И., веду ли я дневник. Е. И. сказала, что дневник отослан из Кашгара в Америку. Как бы наши тетради не исчезли! Куда их спрятать в этом царстве фетишизма?..

Завтрак у Кавальери. Среди русских – один китаец Чжу. Разговор о наших злоключениях в Синьцзяне. Чжу говорит: «Не судите Китай по Синьцзяну. Сюда хорошие китайцы не едут». Говорю ему откровенно, что мечтаю видеть лучших китайцев; хотел бы сказать о Китае самое лучшее, но вся Синьцзянская провинция, за исключением трех людей, не дала нам возможности к хорошим суждениям.

Сравниваем светлые настроения Сиккима, Гималаев, Индии, Ладакха с тюремными ощущениями Синьцзяна...

30 апреля.

Прошлым летом было разрушено до семидесяти буддистских монастырей в Амдосском крае^[488]. «Дунганские» войска сининского амбаня употребляли пулеметы... Много тангутов погибло. Теперь геген амдосский запросил голоков о помощи. Голоки горячо откликнулись на призыв; в течение наступающего лета возможны крупные столкновения. Дунганами разрушено знаменитое изображение Майтрейи.

Лама из Кобдо производит сбор на создание нового изображения. Голоки постановили набор в войско по три мужчины от каждого двора. В Лабране устроены казармы дунганских войск, и антибуддистское направление поддерживается. Все это нигде не напечатано, и все это чрезвычайно важно для будущего. Помимо волн, замеченных миром, идет внутреннее волнение, оценить которое можно лишь на месте. Ф[ельдман] повторяет: «Чжу вчера правильно сказал, что порядочные китайцы в Синьцзян не едут». Но тут же приводит случай незаконных задержаний в Центральном Китае. Ф[ельдман] сомневается, чтобы из наших протестов что-либо получилось. Говорит: «Здесь принимаешься к этому ко всему, как к песку в пустыне». Неправильно! Ведь даже в Хотане нам удалось сместить грабителя

Керимбека. Невозможно добру и злу «внимать равнодушно». Теперь главная задача – выбраться из Синьцзяна. Е. И. не делает иллюзий, она знает, что будут предстоять всякие трудности. Правильно сказано индийцами:

«Принеси одну рупию, и все поверят, но принеси миллион – и усомнятся».

Заболел Оренбурец (конь). Пускали кровь. Говорят, нужно еще два раза объехать киргизские могилы, тогда поправится. Так говорят здешние «опытные» люди.

В Лхасе есть храм Гэсэр-хана. По сторонам входа изображены два коня – красный и белый. По преданию, когда Гэсэр-хан приближается к Лхасе, то кони эти ржут. Не будет ли скоро слышен этот клич коней?

Обсуждаем вести из Синина. Как это замечательно, что нужные ламы приходят без опоздания. «Длинное ухо»^[489] Азии работает лучше радио. Из Кашгара на шесть радиogramм нет ответа. Единственно можно предположить, что радиogramмы перехватываются и вместо назначения попадают на совсем иной стол.

1 мая.

Первомайский праздник в консульстве. В половине первого обед с китайцами. Двор консульства удачно и красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым присмотром мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит усеченная пирамида – подножие запрещенного памятника Ленину.

Невозможно понять, почему все революционные плакаты допустимы; почему китайские власти пьют за процветание коммунизма, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии. Кроме всей русской колонии на обеде и Кавальери, и немец Кёлин, и англичане, и [казахи], и киргизы, и татары. Работа объединения, произведенная консулом Быстровым за полгода, поражает. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого дуту, который счел за благо «заболеть» и предпочел послать вместо себя своего девятилетнего сына.

Против нас сидит Фань. Ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат дуту – старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за

либеральные воззрения. За обедом первым напился комендант крепости. Начал безобразничать: разбил несколько рюмок, толкнул даму и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот взрыв мороженого заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удален посредством полицмейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущен поведением коменданта девятилетний сын дуту. У него даже слезы выступили от негодования. Он забрал с собой разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу. Китайцы дружно чокались за процветание.

Молодой хор спел несколько песен. Еще раз все потянулись к Быстрову с приветом. Гурьбою уехали китайцы. Е. П. Плотникова говорит мне: «Ведь мы, бывало, ходили смотреть на вас в щелочку, когда вы приходили к Куинджи»^[490]. Оказывается, она знала и Архипа Ивановича, и жену его В. Л. И вот в Урумчи мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные, свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память о Куинджи.

Так обидно, что имя Ленина не успели написать на подножии «запрещенного» памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени.

После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предположено ставить мусульманские и китайские.

Вечером подходят новые сведения о событиях в Амдосском крае, о притеснениях монастырей китайскими солдатами, о вступлении китайских войск в Лабран, о разрушении изображения Майтрейи. Сроки подходят.

Поздно вечером неистовствует Тумбал. Приносят куличи и яйца от Гмыркиных и от М. Завтра Пасха.

Совершенно так же, как во время Пржевальского, [казахи] мечтают освободиться от ига китайцев старого типа со всеми их поборами и притеснениями. Так же точно стоят еще дунганские могилы, свидетели «покорений китайских». Так же точно вспоминают люди Якуб-бека, кратко мелькнувшего в сознании [казахов]. Так же точно берегут [казахи] мечту о свободе. Так же точно гнездятся дразги ямыней. Так же точно криводушничают амбани, близоруко не отличая друзей от

врагов. Так же точно поет бакша песнь о бывших подвигах... Бывшее, бывшее, бывшее, дошедшее до края порога будущего. Скажем нашему знакомцу – китайскому свободомыслящему студенту: «Скорее установите новый порядок!»

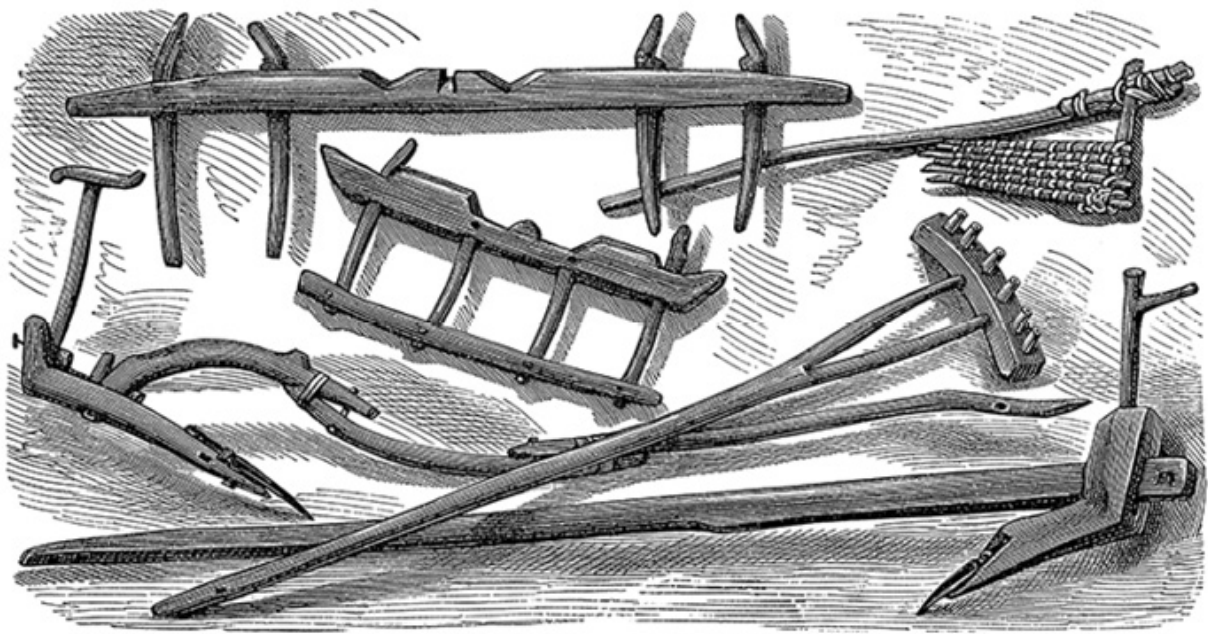
Доходят вести о движениях кантонских войск. Шепчутся и подмигивают: «Как-то теперь извернется дуту Янь?» Ведь тут сечением богов не отделаешься, и петушиный бой не поможет... Мечта работает и зовет невиданных кантонцев, которые должны убрать грабительских амбаней, должны умерить купцов и дать возможность краю свободно развиваться. О Фенге, или, как его зовут, Фыне, почему-то говорят осторожнее. Но Кантон привлекает народное сознание. Войска Кантона наделяются бывшими и не бывшими качествами.

А правительство Кантона^[491] называется и неподкупным, и справедливым. Если эти два свойства оправдаются, можно ждать повсеместных доброжелателей Кантона. Так промерзшие в ночной стуже путники ждут восхода солнца. И даже первые проблески света уже радуют. И мы радуемся. Кто знает? Ведь это, может быть, те самые культурные, устремленные к прогрессу и знанию китайцы, о которых мы так искренно мечтали, подходя к Хотану?!

Приходят, спрашивают: «Нет ли у меня плоскогубцев-клещей». – «Зачем?» – «А зуб вырвать». На перевалах, среди костров, был Босх или старый Брейгель, а тут уже Остаде^[492]. Однако зуб вырвали и клещи вернули.

Приходит китаец: «Кумашка яшка». Что такое? Смеемся, уж не согдийское ли наречие, или нет ли здесь яфетидов^[493]? Оказывается: «ящик для бумаг». Можете представить, как создаются комбинации наречий, а потом будут вспоминать известный анекдот: «Раз-мо-кропо-годилося»...

Самодельные комбинации всевозможных языков действительно представляют поучительное зрелище.

Тибетские и индийские земледельческие орудия.
Гравюра XIX в.

В результате мы видели людей, вообще не знающих ни одного языка. Немного калмыцкого, чуть-чуть тибетского, два-три слова русских, китайских и [казахских]. Когда же такой лингвист взволнован, он начинает говорить на всех пяти языках. Быстро и непонятно, но в его представлении очень убедительно. Так же он мало уверен и в своей национальности; с необычайной легкостью он оказывается и русским, и китайцем, и торгоутом... Так себе – «кумашка яшка». Интернациональный язык.

2 мая.

Ясное утро. Приходят ламы поздравлять с праздником. Говорят: «Христос воскрес». А ну-ка, христианские служители, придете вы поздравить буддистов с их памяtnыми днями? Раскрываем сундук с буддистскими картинами, развешиваем их и вместе с ламами любуемся звонкими красками и глубокими символами науки, собранными в этих изображениях. Только знание без всяких предрассудков открывает новые возможности. И вчерашнее «случайное» становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее «важное» оказывается часто просто случайным пережитком.

Вчера на обеде кто-то говорил нам, что вряд ли скоро удастся уехать из Урумчи. Может ли это быть? Столько срочного, столько безотлагательного впереди, а здесь полное неделание. Сидение на сундуках! Ожидание каждого дня. Ничего из Америки. Почему друзья не действуют там? Даже срок выезда М. и З.^[494] неизвестен. Впрочем, может быть, что-то опять на телеграфе или на почте пропало. Или телеграммы дойдут через полгода. Здесь и так бывает. Телеграмма от апреля дошла в октябре.

3 мая.

Приехал из Кобдо Цампа-лама; свой караван в 30 верблюдов оставил в Гучене. Самого его немедленно вызвали к дуту, [с которым] имел длинное совещание и был поселен в ямыне, что делается лишь для чинов не менее даотая. Ждут приезда двух чиновников из Кобдо. Двое монгольских лам по-прежнему остаются под арестом. Слухи, дошедшие в Карашаре, подтверждаются. Сведения от Быстрова. Получена телеграмма от Чичерина о проездной визе. Значит, около 15 мая можно будет тронуться.

Здесь уже не дождемся сведений из Синина о голоках. Надо теперь же хлопотать о подводах до Чугучака и надо пересмотреть багаж. Телеграмма из Москвы от 2 апреля дошла лишь 2 мая. Между тем от Москвы до Вахты (граница) телеграмма идет один день. Значит, около месяца телеграмма лежала в Чугучаке, задержанная китайцами. Пешком из Чугучака можно доставить весть куда быстрее. Лишь бы не было новых китайских преследований!

4 мая.

Бедному богу воды все-таки отрубили руки и ноги за нерадивость. Не успели отрубить, как пошел дождь. Неужели китайский бог нуждается в таких суровых воздействиях? Пошел дождь со снегом, и улицы Урумчи превратились в черное липкое болото. Можно себе представить, что здесь было за две недели до нашего приезда. Недаром рассказывают, что здесь и ослы и кони тонут. Ничего не стоило бы замостить базар, приказав каждому торговцу сделать мостовую против своей лавчонки. Но здесь «всемогущий» дуту не проявляет свою власть. «Магистр» наук легко мирится с бассейнами грязи.

Другое дело, если ему нужно пристрелить заподозренного противника в спину. Рассказывают, что лет двадцать тому назад знатный тибетец был почтен китайским императором необычно

высоким титулом. Для передачи титула был устроен обед у местного амбана. После церемонии и изысканного обеда за спиной гостя из-за занавесок выступил солдат и ударом сабли снес голову ошастливленному императорской лаской. Новые сведения!

Еще и еще раз можно оценить «почту» лам. Гораздо раньше государственной осведомленности, гораздо точнее приносят ламы самые лучшие вести. И каким огнем блеснут узкие глаза, если заметят незнание собеседника. И тогда уже не ждите правильных рассказов; тогда вас переведут в разряд не заслуживающих внимания; махнут пренебрежительно рукой и шепнут: «Пелинг!»

Пришли Быстровы, Плотниковы, Яковлева, Зенкевич, Алейников, Пурины, Краузе и другие смотреть серию «Майтрейя». Какие хорошие люди все они!

5 мая.

В Туркестане один мулла приказал за непосещение мечети вылить сорок ведер воды на темя «правоверного». После семнадцатого ведра неисправный «правоверный» умер. Однако что же делать с таким мышлением?

Все пошло как-то быстро. Уже нашлись возчики. Теперь надо решить путь. Предлагаются три комбинации. Одна – на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на Восток. Вторая – Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск – Москва. Третья – Тополевый Мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск, Москва. Заманчива третья комбинация, где едем пароходом по Иртышу среди долистных и холмистых далей. Уж очень заманчиво. Но не помешают ли опять китайцы? Мнения делятся. Одни полагают, что какая-то очередная гадость будет проделана. Другие думают, что на этот раз китайцы устыдятся. Лично я не оптимистичен. Ведь и в Кашгаре уверяли, что больше наглостей не будет, но одна из главных наглостей была проделана в Карашаре, т. е. после Кашгара.

Мы ходили с Быстровым за город по направлению к Богдо-Улу. Бесконечные дунганские кладбища. Ряды курганчиков. На вершине всегда поставлен горшок, сосуд или черепки горшка. Род курганной тризны. Несмотря на мусульманство, дунгане сохранили какие-то своеобразные черты. Китайская народная религия и шаманизм оставили свои следы.

Приехал Фильхнер. Кажется, ему разрешили все съемки. Странно, почему Германии все можно?!^[495]

6 мая.

Укладка. Уговор с возчиками. Три тройки до Тополевого Мыса за 660 лан.

7 мая.

Утро у Фаня. Все притворно любезны. Будто бы обещал не препятствовать нам ехать через Тополевый Мыс к Зайсану. Многие новости про Цампу. Как и в Карашаре, слышали, положение действительно серьезно. Предлагают 10 000 000 лан, чтобы привлечь 30 монгольских хошунов на сторону дуту.

Вечером гуляли с Быстровым по холмам за городом. Русское кладбище. Среди голого поля – десяток крестов и два памятника. История одного из них трагична. Молодой человек, солдат Кутейников, приехал к отцу после гражданской войны. Родные и добрые друзья набросились на него, всячески поносили его и, наконец, связали и заперли в чулан, где он и повесился. И вот над ним стоит высокий памятник с большим черным крестом и со слезливыми текстами.

Сегодня прямо знойный день, точно июль. Снег на Богдо-Уле значительно сошел. Через восемь дней опять в далекий путь. Яковлева говорит: «Доедете до большого города и будете скучать». Именно так.

8 мая.

Приносят сведения, слухи ползут: сининский амбань бежал с 20 тысячами войска под давлением тангутов. Неужели уже голоки подошли? Ведь это начало чего-то большого и длительного.

Давно было известно, что католические клирики пользуются оккультными силами. Об этом сообщено много раз в литературе, но, конечно, сами ксендзы упорно скрывают такие способы воздействия. Здешний католический миссионер очень откровенен в этом отношении. Он прямо и без особого повода рассказывает Е. И., как он может «производить чудеса», т. е. пользоваться спиритизмом и магнетизмом. Спешность нашего отъезда мешает, а то патер, наверное, продемонстрировал бы что-либо поучительное.

Как странно подумать, что здесь и фетишизм, и примитивный спиритизм, и суеверие, и крик муллы, и имя Конфуция – все спутано в нерасчленимый комок.

Скоро наш Геше^[496] уйдет в свои горы. Сегодня он рассказал, что настоятель медицинской школы в Лхасе говорил ему об «азарах», как они называют Махатм, живущих в горах и применяющих свое глубокое знание на пользу человечества. Слово «азара» никогда еще нам не встречалось. Это не санскрит. Не сензар^[497] ли? Но как трудно заставить Геше рассказать такие подробности! Скоро уйдет он. Скажет Таин-ламе все им упущенное. Страх – плохой советник.

9 мая.

Опять жара, несвойственная для начала мая. Кто говорит, что к дождю, кто успокаивает, что вообще уже началась жара. Китайцы своими проволочками точно преследуют Е. И. Телеграмма Чичерина^[498], отправленная из Москвы 2 апреля, дошла сюда лишь 2 мая. Где же она ходила? Так все сложно. Так много вопросов. И необыкновенных условий. Надо ускорять отъезд.

Настоятель медицинской школы говорил нашему Геше, что он сам встречал одного такого азара в горах Сиккима. Трудно узнать больше того, что там был маленький домик и что азара был очень высокого роста. Потом азара удалился с этого места. Те же самые вести ползут по всей Азии.

Ездили за город. Куковала кукушка. Летали удода и звенели цикады. К вечеру – гром. Читали записки Е. И. по основам буддизма^[499]. Как красиво выходит, когда шелуха позднейших наносов слетает, когда труд и знание занимают должное место.

10 мая.

Солдаты перестали учиться. Праздник. Говорят, потому, что сининский амбань разбит. В последней пекинской газете сообщается, что Ганьсу и Синьцзян остав. лены в сфере влияния народной армии. Для Синьцзяна это знаменательно.

Вдруг все повернулось так, что необходимо ехать как можно скорее.

Живет до сих пор сага о Гэсэр-хане: «Гэсэр Богдо-хану посылает семь голов, отрубленных у семи черных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш^[500], которые Гэсэр-хан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо^[501] и отдал ей чаши, и угостил ее. Но она взяла эти семь чаш из семи голов черных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь

чаш созвездие Долон-Обогод (Большую Медведицу), и сторожит оно сроки».

Как замечательно влиты символы в эти неясные и как бы лишенные значения слова, связывающие Гэсэр-хана с семизначным созвездием Севера. Монгольская «габала» и особенные чаши бутанских храмов напоминают о тех же устремлениях и надеждах. Твердится указание из Трипитаки^[502], что «Будда указал, что чаша его в срок новых достижений мира станет предметом искания, но лишь чистые носители общины могут ее найти». Так, так!

«Рибхвасы^[503] мчатся к Савитри – Солнцу за Сомой^[504]», – по мудрости Ригведы. На блюде джил-кор^[505] вычеканена в середине гора Сумеру, а по сторонам – четыре страны света в виде больших островов вокруг. Как бы точка на одинаковом расстоянии от четырех океанов...

Лама провозглашает: «Да будет жизнь тверда, как адамант, победоносна, как знамя учителя, сильна, как орел, и да вечно длится».

11 мая.

Завтрак у Фельдмана. Там же Фильхнер и католик-миссионер. Сильный и рабочий, в кожаной куртке, загорелый Фильхнер полон энергии. Задание его любопытно. Он соединяет магнитные исследования между Ташкентом и средним Китаем. Измерения были сделаны в России, а Институт Карнеги с большими затратами произвел работы в Китае. А теперь Фильхнер соединяет эти две области исследований, и тем его работа становится и срочной, и особо настоящей. Говорит: «Другие тратят миллионы, а мы сделаем ту же работу без затрат».

Вспомнили его приключения с голоками. Все-таки хвалит он их. И любит Азию, навсегда привлечен очарованием азиатских просторов. Истинный маршрут свой он утаил...

А холод ползет от Богдо-Ула, и ветер заглодел. Делаем всякие попытки ускорить выдачу китайских паспортов. Вечером Фильхнер просил консула сообщить германскому послу в Москву о препятствиях, чинимых ему Фанем. Обычная техника.

12 мая.

На столе у консула лежит прошение, подписанное отпечатком пальца. Киргиз-бедняк жалуется: «Три года назад около Манаса^[506] он с дочерью, девяти лет, ночевал у дунганина. За ночлег дунганин запросил дочь киргиза. Тот отказал. Дунганин избил его, выгнал, а

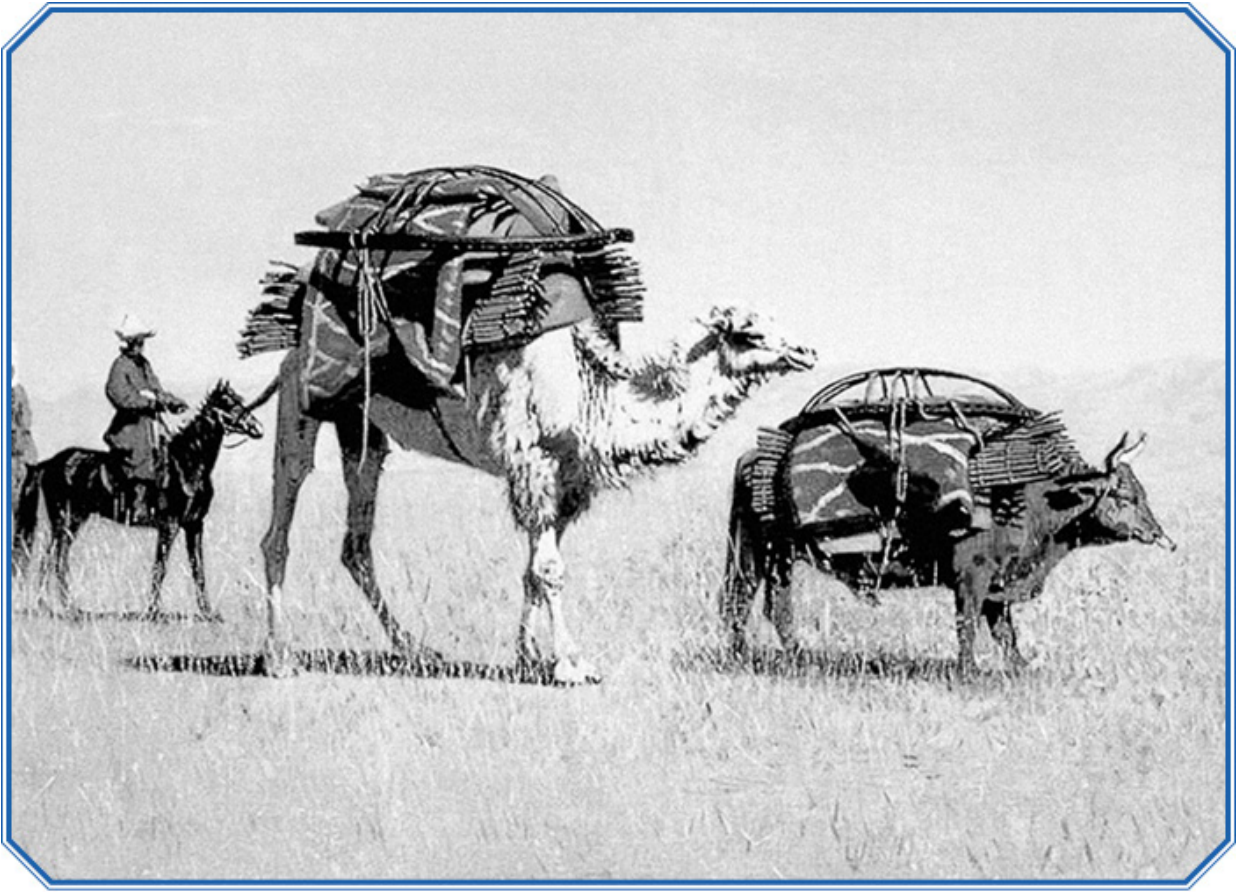
девочку оставил себе и держит ее уже три года». Обычное здесь явление умыкания и продажи детей с целью работы, а чаще с целью разврата. Зачем созывать лицемерные конференции о невольниках Африки, когда в срединной Азии и повсюду в Китае продажа людей является самым обычным явлением. Все деловые учреждения края знают этот институт рабства, и никто не требует его прекращения. Где же протесты и требования?

Получено приглашение от генерал-губернатора завтра на завтрак. Все те же люди: Фань, Фильхнер, миссионер, Кавальери...

На базаре возник слух о походе на Кобдо, и последнее посещение генерал-губернатором консула связывается с этим слухом. В Шарсюмэ спешно выехал даотай, алтайский командующий местными войсками. Это обстоятельство еще более усиливает слухи о возможных военных действиях.

Ясный, свежий день. Вот бы уже ехать! Но ехать до субботы не удастся.

Рин-се, то есть «сокровище», называется как бы каменисто-металлическая масса, остающаяся после сожжения мозга, от двух мозговых затылочных наростов. По количеству этой массы судят о психическом развитии умершего. Какое доказательство материализма! На границе Тибета мы видели такую «массу» после сожжения одного монгольского ламы. Она похожа на отложение янтаря.

В. В. Верецагин. Перекочевка киргизов

13 мая.

Утром приходит монгольский лама. Вот радость! То, что мы знаем с Юга, то самое он знает с Севера. Рассказывает, что именно наполняет сознание народов, что ждут и ради чего глаза его наполняются неподдельными слезами. Наш друг Таин-лама шесть месяцев был около Ланчжоу и ежедневно говорил о значении будущего. «Знали мы давно, — говорит лама, — но не знали, как оно будет, и вот время пришло. Но не каждому монголу и калмыку можем сказать мы, а только тем, кто может понять и действовать». И говорит лама о разных «признаках», и никто не заподозрит таких знаний в этом скромном человеке. Говорит о значении Алтая.

А после этих настоящих и серьезных разговоров — лицемерный завтрак у генерал-губернатора. Опять идем бесконечными переходами

ямыня, опять вопросы о здоровье, опять тосты за здоровье. Опять плавники акулы, бамбук и древесные грибы.

Хозяин уверяет, что местные [казахи] лучше всех земных народностей. Несколько лет тому назад он уверял то же самое о дунганах и даже завещал похоронить его на дунганском кладбище. Но теперь его «курс» на [казахов], и завещание уже отменено, а [казахи] провозглашены лучшей народностью. Е. И. шепчет: «Какой страшный старик». В настроении похоронного шествия идем обратно по переходам и дворикам, и генерал оказывает «высшую честь» – довести до экипажа. Ни слова о расследовании хотанских и карашарских дел; будто так все и кончилось, и все запрещения работы должны быть проглочены за завтраком.

Можно всячески оскорбить, а потом замазать все плавниками акулы. Сегодня запечатают наши сундуки, чтобы нас не тревожили на границе. Три часа длилась бессмысленная тягучая процедура отмыкания сундуков и никчемной переборки вещей. И когда эта нелепость будет оставлена?

К вечеру происходит уже знакомая нам провокация. Какой-то дунганин отвратительного вида набросился и избил Рамзану. Схваченный уверял, что принял Рамзану за китайца и потому избил его. Странное объяснение. Опять странно, что провокация происходит именно в день завтрака у губернатора. Вечером предупреждают о двух опасных местах по пути до Тополевого Мыса. Грабят киргизы. Конечно, здесь конвой не дается губернатором. Конвой нужен там, где безопасно.

Рассказывают, как дервиши иногда убивают «неверных». В толпе или танцуя, дервиш оцарапает гяура сильно отравленным ногтем, и смерть иногда наступает в тот же день. Средневековье!

14 мая.

Дали паспорт до Пекина, длиной в мой рост. Этакая нелепость – писать в паспорт число и описание всех вещей. Сколько изменений за дорогу произойти может. Китайцы Синьцзяна, зачем вы такими показались нам?

Оказалось, что наши возчики – вовсе не китайские подданные, а русские из Бухары. Теперь масса таких хамелеонов. Такая чепуха с паспортами!

Интересны вулканические показания в районе Чугучака, Кульджи, Верного [Алма-Аты] и Ташкента^[507]. Земля точно дышит. Как бы гигантская динамомашина работает в продолжение месяцев.

Сегодня прощальный обед у Гмыркиных. Ох, сколько хлопот с укладкой. Вещи – враги человека! Уедем ли завтра?!

15 мая.

А ведь так мы и не уехали сегодня. Возчик отказался грузить. Все силы и увещания были применены, но старик остался деревянным. Главная причина, что суббота считается у мусульман плохим днем. Такая чепуха! А целый день потерял.

Слышали рассказы о каракиргизах. Как в 60-х годах киргизы сварили в котлах три тысячи русских казаков. Такие же сведения варки и сжигания в печах киргизами известны и за ближайшее время. Напутствует нас целая серия историй о грабежах. Киргизы ограбили тридцать арб. Киргизы ограбили путешественников. Киргизы стерегут ущелье за семь дней отсюда. У киргизов – бомбы. Словом, какая-то каракиргизская тысяча и одна ночь.

16 мая.

Все-таки выехали. После всяких препирательств с возчиками кое-как погрузились. Конечно, китайцы остались верны себе. Последнюю ночь Сун плакал и сказал ламе, что полиция и ямын запретили ему идти с нами до границы. Кто знает, что за смысл в этом новом вторжении в нашу жизнь? Или Сун давал о нас слишком хорошие отзывы? Сун совершенно расстроен.

Провожают Быстровы и все хорошие люди из состава консульства и Госторга. Правда, сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке в пяти верстах за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними, и разъехались.

Налево лиловели и синели снежные хребты Тянь-Шаня. За ними остались калмыцкие юлдусы^[508]. За ними Майтрейя. Позади показался Богдо-Ула во всей его красоте. В снегах сияли три вершины, и было так радостно и светло, и пахло дикой мятой и полынью. Было так светло, что китайская мгла сразу побледнела.

И все-таки нас остановили на таможне. Несмотря на трехаршинный паспорт, опять к чему-то бессмысленно пересмотрели наше оружие... Дальше, дальше...

Стоим в Санджу; селение в 39 верстах (русские версты). Стоять за околицей нельзя: опасно ночью, да и наш верный страж Тумбал остался в консульстве. Стоим во дворе. Старая казашка в белом степенно ходит по двору. Девочки со многими черными косичками проворно шныряют из хаты. Уже шесть часов, а жар еще не начинает спадать. Как это будет с Е. И.? Сегодня ей было уже трудно. И какое право имел этот хотанский дьявол арестовывать и так задерживать нас? Ведь мы могли здесь проезжать более месяца тому назад, когда не было жара! И вместо расследования возмутительного насилия нас угощают лицемерными обедами и притворными тостами. Где же справедливость Синьцзяна? Вырождение.

Вечером опять приходили какие-то типы и смотрели вещи. Поймите же, китайцы Туркестана, пока путники в вашей стране не более как арестанты поднадзорные, до тех пор и вы сами останетесь на уровне тюремщиков. Пора вам знать больше и не утверждать, что текущая на запад река течет на восток, как делает «ученый» комиссар по иностранным делам. Говорят: «Китайцы – бывшая великая нация». Довольно всяких бывших людей. Теперь время людей настоящих.

Некоторые до того приняхались к здешнему произволу, что флегматично замечают: «Хоть сто лет судитесь с ними, они никакого расследования не сделают, а решение их суда зависит от количества тысяч долларов, уплаченных судьям». Так говорят люди, долго жившие в больших городах Китая. Как же трудно живым китайским ячейкам, задавленным преступным мещанством? Опять вспоминаю грустные глаза китайского студента в Америке; теперь он нас спросит: «Каково ваше мнение о китайских чиновниках?» Является вопрос: откуда же берутся эти пресловутые чиновники? Из народа? Разве?

*Типичный тибетский чортен.
Фотография начала XX в.*

17 мая.

В 5 утра уже тепло. День будет знойный. На базаре к столбу привязан человек. Преступник? Или слишком умный? Опасный? Нелюбимый? Оклеветанный? Богдо-Ула потонул в тумане, но влево протянулись на весь день цепи Тянь-Шаня. Истинно «небесные горы». После фиолетовых окаймлений звучат голубые кряжи и сверкают снега. Милые горные снега! Когда опять вас увидим?

Песчано и пыльно. К 12 часам пробежали 9 потаев, т. е. 36 верст. Будем стоять в дунганском селении Хутуби. Вода и вчера была скверная, и сегодня не лучше. Из-за зноя решаем выйти ночью, чтобы дойти до Манаса^[509] к полудню.

Вспоминаем Быстрова — исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со всеми «Географиями» на войне с 1914

года, природно интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Россия может гордиться такими новгородцами. Вспоминаем всю дружную группу из урумчинского консульства.

На придорожных ивах щелкают соловьи. Садык, кучер, предлагает еще сегодня вечером проехать 5 потаев и тем сократить завтрашний путь. Грузовые тройки опять отстали. Старик извозчик заявил мне, что он поедет не по условию, а как бог захочет. Я поручил перевести ему, что и вернется он, как бог захочет. Расстояние между Олон-Булаком и Кюльдиненом^[510] считается опасным местом по грабёжам. Всем повозкам советуют ехать вместе и оружие держать заряженным. Обстрел начинается с обеих сторон ущелья.

К вечеру жар еще усилился. В семь часов несколько не улучшилось. Экий преступник Ма, даотай хотанский. Из-за ареста и насилия его мы потеряли два с половиной месяца, иначе теперь уже были бы давно за пределами китайской пляски смерти. И неужели никто из вас, из тех китайцев, кто считает себя цивилизованными, не возмутится произволом хотанского чиновника? Неужели мне придется оставлять пределы Китайского Туркестана с твердым убеждением, что эта страна для культурных посещений не пригодна? А ведь так искренно нам хотелось сказать о Китае слово полного сочувствия, так хотелось найти лучшие оправдания! И вместо того едем с сознанием пленников, вырвавшихся из гнезда грабительской банды.

Знойно и душно.

18 мая.

Встали ночью в два с половиной часа. Всеми мерами подгоняли гнусного извозчика и в половине пятого вышли. Утро затучилось. Облака пошли в опаловую морщинку. Даже дождик прохладный пошел. Жар поднялся лишь после часу дня. Пестрели горы Тянь-Шаня. Лиловели ирисы. Густо зеленела свежая трава и чудесно пахла после дождя. Немного испортила настроение еще одна таможня и третий осмотр паспортов. К чему? Зачем ездить по дорогам, если, свернув к горам, можно проехать вовсе без досмотров. Эти досмотры для арб и для незнающих путников, но опытный наездник всегда легко минует все эти мишурные заставы.

Напомнили о резне при восстании дунган^[511] развалины старого Манаса. Стоят груды глиняных стен. Остатки храма. Пустые глазницы

окон и дверей. Манас перенесен за один потай дальше. А всего сегодня сделаем 16,5 потаев.

Те же базары Манаса. Те же дунгане. Иногда попадаетесь калмык. Здесь уже не торгоуты и хошуты, а олеты, которые занимают Илийский край, Кульджу. Разницы во внешности не видно. По всему пути растянулись караваны верблюдов, несущие 100 000 пудов шерсти, закупленной Госторгом для СССР. Важно звонят колокола. Садык, кучер, с особым ударением скажет: «На Чугучак – шерсть». Исполняется мечта края о восстановлении сношений.

Стоим у старшины. Здесь дворы несколько чище, нежели в Кашгарском и Карашарском округах. Говорят, и здесь будут смотреть паспорт. Лишь бы не разорвали эту длинную диковинку. Хочется довести его и воспроизвести.

Среди дня нам казалось, что мы едем четверть века назад по равнине Средней России. А теперь мы сидим в замаранной белой комнатке. Е. И. вспоминает, что так же точно двадцать пять лет назад мы сидели в хибарках в Меречи, или в Велюнах на Немане, или под монастырями Суздаля. Или позднее – в каморках Сиены и Сан-Жеминьяно. Видели, видели, видели!

День кончился еще третьим осмотром оружия и разбором нашего паспорта. Пришел от амбана какой-то полуграмотный курильщик опиума. По складам читал наш саженный паспорт. Потребовал вынуть ружья из чехлов и боязливо потрогал револьвер. Долго мялся и бубнил что-то, а потом ушел, поручив нас под ответственность содержателя постоянного двора. Можно ли включать такие власти в эволюцию человечества? Просто омывки какие-то. Но эти глупо-докучливые омывки способны затмевать сияющие горы; способны превратить каждое мирное настроение в ощущение участка^[512]. Долой невежественность!

19 мая.

Какой добрый знак! Так нам сказали. В чем дело? Слышим какую-то нескладную музыку: пискучий кларнет вроде волынки, тарелки и барабан. Эта писклявая дребедень продолжается весь вечер. В чем дело? Оказывается, рядом умер человек и его собираются хоронить. Недаром в Манасе в целом ряде лавочек множество пестро раскрашенных гробов. Говорят: для путешественников очень добрый

знак, если рядом умрет человек. Неизвестно, по знаку или нет – на полпути у нас сваливается колесо. Надо чинить в ближней деревне.

Сегодня путь совсем коротенький – всего 40 верст. Пришли уже к половине второго [дня]. Ясно, что можно было бы пройти еще 2,5 потая, но все дело в невозможном возчике. Сидим в Улан-Усуна, ждем телеги.

Яркий день. На дальних горах как будто прибавился снег. Заманчивы уходящие хребты. Степь залита сочной зеленью и лиловыми ирисами. Четкими силуэтами пасутся стада. Лама отошел в сторонку и обратился на восток – молится. Долетает ритм его славословий. Вероятно, зовет он новую эру, время Майтрейи, наступление которого знают все буддисты. Под линией снегов на горах притаилось несколько больших калмыцких монастырей. В каждом – несколько сотен лам. Монастыри большею частью в юртах – кочевые, но есть и храмы. А нам-то их нельзя увидеть. Если хотите, можете увидеть нелепый храм черта в Урумчи, но буддистские монастыри смотреть нельзя. Нелепо и глупо.

А трава так зелена, и скворцы и сойки кричат в листве карагачей. Кукушка наскоро считает года. По степи стоят столбы дыма – жгут камыш. Эти дымы из «половецкого стана» особенно характерны для горизонта степей. Вспоминаем сны – картины 1912 года: «Змий проснулся» и «Меч мужества», когда огненный ангел принес меч мужества стражам.

Говорят, на Алтае весною цветут какие-то особенные красные лилии. Откуда это общее почитание Алтая?!

Жара. Предупреждают, что здесь много краж. Генерал-губернатор о нашем проезде не послал обещанного приказа. В конце концов и хорошо! По крайней мере у нас нет и капли сознания, что китайцы хоть что-нибудь сделали, кроме оскорблений, насилий и препятствий. От Улан-Усуна четыре дня езды до торгоутского летника. Одинаково от Кучи, Урумчи и от Улан-Усуна.

20 мая.

Поднялись в 4 часа. Вот красиво! Горы розовеют. Бегут лиловые туманы. Пышнеет трава. Выехали в половине шестого еще до жары. Бодро пробежали 9 потаев (36 верст) до Янцзыхая. Отличная дорога. Свежо и сладко пахнет серебристая джидда [лох]. Поют птицы. Так много птиц давно не слыхали. Проехали равнину, усеянную

могильными бугорками, – следы боев в дунганское восстание. Как заповедная стена, стояли серебряно-голубые горы. Прибыли в половине десятого в Янцзыхай, и вовремя.

Солнце уже стало жечь. Все уже накалилось. С радостью входим в маленькую глинобитку. Будем здесь до 12 часов ночи, а там при луне, в холодке, дальше – до Шихо. В чем-то почти неуловимом уже чувствуется близость России. Шире ли улицы селений, больше ли пашен, чище ли постоянные дворы? Опять сидим в глинобитке. В комнате хлопочут касатки – под балкой их гнездо. И опять вспоминаем Подольскую или Казанскую губернию. Вспоминаем Ефима из Ключина.

Точно колеблется почва. В области Чугучака есть потухшие кратеры. Не так давно подземная работа была так напряжена, что ждали извержения.

21 мая.

Поднялись в час ночи. В темноте при начавшемся буране вышли в половине четвертого. Горы скрылись. Облака пыли. Прогремли на равнине крупной гальки. В час дня пришли в Шихо, пробежали 16 потаев.

На полпути остановились кормить лошадей. Собралась толпа дунган и китайцев. Топтались, щупали нашу коляску, пытались потрогать нас. Е. И. вспомнила их достойного предводителя – главу Синьцзяна. Вспоминали, как пятнадцать лет тому назад в Шарсюмэ был амбань-русофил, и против него было послано из Урумчи 10 000 дунган. Но из Зайсана успел подойти русский батальон, и 10 000 урумчийских войск немедленно разбежались. Теперь сын этого амбана, олетский князь, живет в дне пути от Шихо. Он получил образование в России. Там же находится и большой калмыцкий монастырь. Шихо является перекрестком между Урумчи (6 дней), Чугучаком (6 дней), Кульджою (9 дней) и Шарсюмэ (12 дней).

По пути встретили три арбы ценного груза – маральи рога. Вероятно, идут из Русского или Монгольского Алтая. Идут через Урумчи на Гучен в Китай для ценных лекарств. Вспомнили Чураевых, Гребенщикова. Староверы и зверская ловля маралов; нелепо, как уживаются эти особенности.

В Шихо во двор бывшего русского подданного нас не пустили. Ренегаты всегда особо усердствуют. Качество дороги здесь гораздо

лучше, нежели в Кашгаре, Аксу, Токсуне. Из широких пространств гальки можно легче легкого сделать прекрасное шоссе. Но для китайцев – чем меньше путей сообщения, тем спокойнее; чем меньше просвещения, тем способнее для «правителей»...

Е. И. спрашивает: «Если бы китайцы нас приняли ладно, ведь многое от этого изменилось бы?» Много, многое!

Никаких сведений из Америки. Когда и где сможем мы получить их? На телеграмму, посланную 12 апреля, до 16 мая ответ не пришел. Состояние телеграфных столбов, проволоки и изоляторов указывает: «Оставьте все надежды». Надо сказать Хоршу, чтобы не посылал телеграмм по бентлей^[513]. Тут и без шифра извращают слова неузнаваемо.

22 мая.

Пески до самого Чипейцзы, в 16 потаях. Легкие облачка скрыли солнце, иначе был бы зной несносный. Как Садык, кучер, говорит: «Лошадей бы зарезали». Никогда не видали столько дичи: золотые фазаны, куропатки, гуси, кроншнепы, утки, чайки, зайцы. Фазаны сидят на дороге перед самым экипажем. Вышли в пять утра, дошли в половине третьего. Предлагают лучше двигаться ночью. Чипейцзы – непривлекательное место, дворы грязны. Стоим за селением у речки. Позади скрылись отроги Тянь-Шаня, а далеко впереди, к северу, показалась легкая линия Тарбагатайских гор. По степи маячат китайские могилы в виде курганчиков. Опять пришел вонючий оборванец и унес куда-то паспорта. Уморительно сверял наши физиономии с карточками. Нескончаемый полицейский участок!

Узнали, кто такой Цаган-хутухта^[514]. Оказывается, он олет. Сейчас находится в Лабране. Как поучительно сверять сведения из-за Гималаев со сведениями с севера. Только так складывается истинный облик лиц, событий, верований. Каждая страна, не удаляясь от истины, вкладывает свои особенности в свою наблюдательность. Тибет преувеличил Таин-ламу, сведения о Цаган-хутухте совпадают.

Цветет джидда, розовеет свежая жимолость. Пахнет весенней свежестью к вечеру. Опять будет драма с возчиками, надо уговорить их двинуться ночью. Решили не спать, идти в одиннадцать ночи.

23 мая.

Вечер настроился беспокойно. Приехали странные китайцы с десятью солдатами. Исполняют какое-то таинственное поручение

генерал-губернатора. Едут в Пекин и Москву. Плетется сеть интриг.

Пришел совет – уезжать немедленно, привязать, заглушить колокольцы под дугою и погасить огни. Непокойно. Так и сделали, и вышли под дождь и ветер с заряженным оружием. Шли глубокими, тяжкими для лошадей песками. Восемнадцать потаев до Улун-Болыка взяло 12 часов, с двумя часами кормежки лошадей. Улун-Болык – бедный лянгар. Пищи нет. За семь потаев до лянгара пески перешли в темное галечное взгорье Джаирских гор. Все стало четко. Заклубились ослепительные грозовые тучи, и в стороне Чугучака^[515] загрохотало. Сидим на бугре около убогого китайского храма. Перед нами в последний раз тянется и тонет в тумане гряда Небесных гор. Так они небесны в тоне, так богаты белыми гребнями.

Так мало еще знают калмыцкие улусы. Когда и кому удастся пройти через все лабиринты захороненных богатств? Вся даль трепещет в сияющей радуге разложения. Сапфировая пустыня и эфирные горы влились в небо. Разубранные холмы в золоте. Уж очень красива ты, Азия. Твой черед. Прими чашу мира.

Едут дунгане и калмыки с ними. В тоне, каким калмык говорит с нами, звучит какое-то доверие и близость. Простодушно рассказывает, как он хотел охотиться в горах, а местный князь запретил. Через дорогу перебежали шесть серых серн. Можно представить, сколько дичи в горах. Телеги опять не пришли. Будем третью ночь без сна.

24 мая.

Для дальних путей пригодны лишь тибетцы и некоторые монгольские хошуны. Все остальные слабеют, теряют бодрость и впадают в уныние.

Простились с Тянь-Шанем. Впереди бесснежные мелкие купола Джаира. Сегодня тот самый страшный день, о котором твердят все караванщики. Именно в ущельях Джаира бывают грабежи и убийства. Взгорья Джаира встретили нас совсем сурово. Ледяной вихрь, дождь, град, а под ночь – лед и снег. Наш возчик ухитрился 17 потаев до Кюльдинена пройти в 22 часа. Дошли в половине третьего ночи. Измочалились окончательно плестись за арбами с заряженными винтовками. Отту – бедная станция в середине пути, утопающая в грязи. После нас приехали китайцы. Началось безобразие – ходили через нас. Плевали. Тут же развели кизяковый огонь, выедающий глаза. Накапали маслом и облили чаем. Мы были рады вечером убраться до

Кюльдинена. Разбойников не видели. Теперь говорят, что главное место разбоя – не сегодня, а завтра, между Кюльдиненом и Ядманту. В снегу добрались до Кюльдинена. Зажались в вонючую лачугу и спали четыре часа беспросыпно. А там опять грузились, опять ссорились с негодным возчиком.

25 мая.

Весь день красив. Верно, что в узких ущельях красных гор могут быть нападения. Где-то близко во время гражданской войны многие сотни русских были изрублены киргизами. В наших людях чувствуется настороженность. Как нарочно, в самой узкой щели у второй арбы ломается ось и остальные четыре повозки оказываются запертыми. Самый удачный момент для грабителей, но они не являются. Два часа возятся с телегой. В пути по косогорам еще три телеги перевернулись.

После красных и медных гор спускаемся к зеленой степи, окруженной синими хребтами, и опять чистота красок равняется волшебной радуге. Мапан (13 потаев от Кюльдинена) – степное радостное место. По окраинам селения стоят юрты. Толпятся стада. Киргизы в малахаях скачут, как воины XV века. Калмыки с доверчивыми лицами. Не успели найти двор в Мапане, как приходит калмык со сведениями чрезвычайного значения: «Во втором месяце, т. е. в марте, от урумчинского генерал-губернатора распространились известия по улусам, стойбищам и монастырям о том, что таши-лама избран китайским императором. Еще на трон не взошел, но уже принял тамгу (печать)». Только бывшие в Азии могут оценить значение этой выдумки для Монголии и Тибета. Конечно, в данном случае урумчинский властитель имеет в виду именно Монголию. Да, об этой выдумке газеты не пишут и Рейтер не телеграфирует, но именно эти незримые узлы создают будущую действительность.

Много вестей про таши-ламу будет бродить по калмыцким и монгольским просторам. На многие годы!

Петля на Монголии задумана генерал-губернатором широко^[516], и он думает, что никто об этом не знает. Но система китайских подкупов такова, что не только ямын губернатора узнает все события, но и о ямыне все, кто хочет, тоже узнают все. Налаженная машина действует в обе стороны.

Все богатство этой страны, вся ее красота, вся ее значительность ждут новых путей, новую культуру и самосознания. Оцените, каков

слух о новом китайском императоре. Калмыки радуются притоку товаров из Советского Союза. Говорят: «Теперь в России все хорошо».

26 мая.

Калмыки просидели у ламы всю ночь. Принесли много новостей. Эти «устные газеты» имеют обширный политический отдел. Калмыки очень хвалят Быстрова. Удивительно, как быстро добрая слава о нем прошла по всем калмыцким землям. Простились мы с калмыками. Ждут они.

Сегодня путь долгий – 90 русских верст. Бежим зеленеющей степью. Всюду юрты, стада. Над дальними Тарбагатайскими горами готовится новая непогода, и холодеет ветер. Справа – отроги Алтая. Пробежали поселок Курте, где дорога разделилась: большая – на Чугучак, малая и глинистая – на Дурбулджин. В Дурбулджине те же глинобитки, но еще больше смеси народностей. Исчезло преобладание [казахов] или дунган.

Стоим в «мойке шерсти» у Князева. Его представитель Р. любезно уступил две свои комнаты. Жена Р. недавно из Семипалатинска, но уже рвется обратно. Говорит: «Здесь в китайской грязи и тьме задыхаюсь». Хвалит жизнь в России.

Много хлопот с возчиками; надо уговорить доехать в один марш до русского поста. Не советуют на ночь оставаться в китайском посту или в полосе между постами (русских 30 верст). Там и кражи, и грабежи. Будем стремиться проехать все 75 русских верст до русского Кузеуня в один пробег. Лишь бы китайская таможня не задержала. Даже Садык, кучер, советует не задерживаться на китайском посту.

Еще анекдот: «В Урумчи лежит непохороненное тело чугучакского даотая. При теле живет белый петух, которого везут при гробе из Чугучака». Плохи дела мертвеца: из Пекина получен приказ возбудить посмертное суждение против бывших преступлений даотая и до конца процесса не погребать и не отправлять тело на родину. Вот уже подлинные мертвые души, и для балагана еще кукарекает белый петух. Не побывавши в Китае, невозможно верить подобным танцам смерти. Как мало знают Китай, а в особенности в Америке. Помню, доктор Б. Лауфер^[517] в Чикаго говорил мне: «И чего это носятся с китайцами, не зная их?» Тогда и мы еще знали только «музейный» Китай, но не действительность Синьцзяна.

Накопляются альбомы зарисовок.

27 мая.

День прекрасный по краскам. Синие горы. Шелковистая степь. По левую руку – снега Тарбагатая, а прямо на север – отроги самого Алтая. Алтай – середина Азии. Стада по степи. Великие табуны коней и юрты черно-серые и бело-молочные. И солнце, и ветер, и неслыханная прозрачность тонов. Даже звучнее Ладакха.

С утра измучил негодяй возчик. Все у него не в порядке, и телеги разваливаются – такого мы еще и не видали. После выступления возчика – ряд китайских интермедий. Амбань назначил солдата ехать с нами до пограничного Кузеуня. Солдат приехал, повертелся в воротах, сказал, что едет пить чай, и более мы его и не видели.

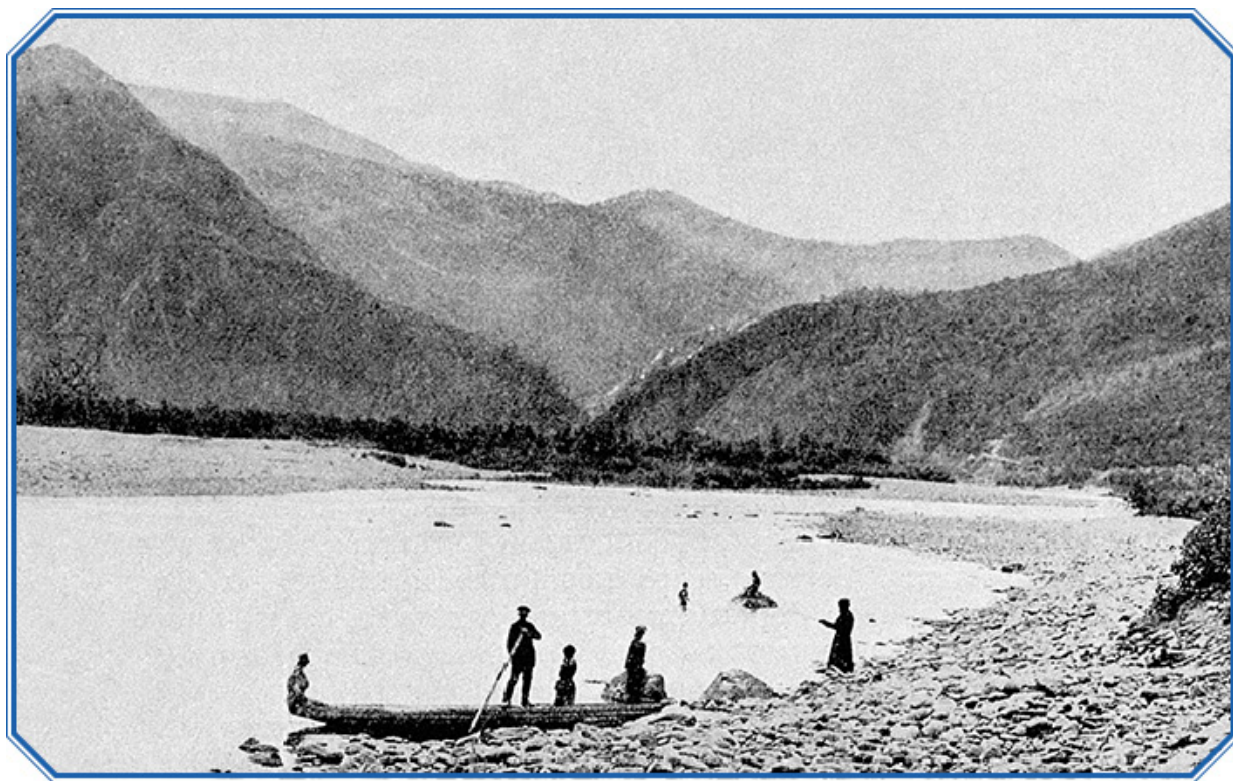
Когда же мы проехали пять потаев до пограничного пункта, тут началась комедия, но от нее хотелось плакать. Трехаршинный паспорт и печати генерал-губернатора мало помогли. Полуграмотный таможенник хотел вскрывать печати генерал-губернатора. Хотел снова пересчитывать все вещи и наконец пытался вообще отнять наш китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором русская виза. Еле отговорили его от этой затеи. Но тем не менее мучительство и выдумки таможенного идиота заняли около четырех часов.

Лишь в шестом часу мы тронулись, чтобы пробежать, а вернее, проползти двадцать пять верст до русского поста. Не отошли и версты, как сломалось колесо у возчика. Предстояла ночь в горах среди самого опасного места. Пришлось вернуться к китайскому посту. И вот опять сидим в палатке. Может быть, последний раз перед длинным перерывом. И горы-то милые, и палатка так многое напоминает. И полная золотая луна беспощадно глядит в открытый полог. Сегодня мы миновали несколько кочевых монастырей, где чтут Майтрейю. Избегая осложнений с китайцами, мы не завернули к юртам монастыря. Жалко, жалко.

28 мая.

Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощание она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами^[518] взгорий, но и пышной травой, и давно не виданными цветами. Красно-пунцовые дикие пионы, желтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И

воздух, полный весенних дуновений. Спускались и поднимались зелеными холмами. Поднимали свалившиеся телеги.

*Долина реки Ульбы близ Усть-Каменогорска.
Фотография конца XIX в.*

Около ехала киргизская стража. Те же скифы. Те же шапки и кожаные штаны, и полукафтаны, как на кульобской вазе^[519]. Киргизы гонялись за показавшимися через дорогу волками. Один из них нарвал для Е. И. большую связку красных пионов.

А там еще один перевал, и на гребне – кучи мелких камней. Это конец Китаю.

Здравствуй, земля русская, в твоём новом уборе! И еще травы, и еще золотые головки, и белые стены пограничного поста Кузеунь. Выходят бравые пограничники. Расспросы. Общая забота сделать нам так, как лучше. Где же грубость и невежественность, которой мог бы отличаться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?! Следует долгий внимательный досмотр вещей. Все пересмотрено. Извиняются за длительность и хлопоты, но все должно быть сделано

без исключения и по долгу. Вот и начальник поста. Вот и семья его помощника Фомина. Сын его трогательно собрал всевозможные портреты Ленина и сделал из них как бы венок над своей постелью. Ночуем на посту.

29 мая.

Покатили утром до села Покровского (70 верст) по чудесной гладкой дороге. Горы отступают. Понижаются. Киргизские юрты. Любопытные всадники. Бодро бежит сытый вороной конь красноармейца в зеленой пограничной фуражке, весело сдвинутой набекрень. Первый русский поселок – Рюриковский. Низкая мазанка. Видны уже белые стены и скудные сады. Здесь климат суров. Овощи не растут: хватает мороз. Но теперь уже началась летняя жара. Если бы доехать до Тополевого Мыса, но наш возчик не сделает это. Так и есть. На ровном откосе разлетается вдребезги колесо у брички. Надо посылать в комендатуру в Покровское за телегой. Долго стоим у мельницы Ященко – он не дружелюбен и не дал свою телегу.

Вот и Покровское. Больше белых домиков. Выходит навстречу комендант. Вот и начальник стражи. Вот и помощник коменданта. Наперерыв размещают нас по своим скромным квартирам. Еще больше вопросов. Еще настоятельнее ждут поучительных ответов. Понимаете ли, хотят знать. Хотят проверить свои сведения с нашими. Рамзана, не понимая языка, замечает: «Русские хорошие люди. Душа у них хорошая». Спрашиваем, как он дознался до этого. «А по глазам видно».

Оказалось, наш пароход по Иртышу отходит сегодня ночью, а следующий лишь через три дня. Возчик нас посадил. Но на посту радуются и просят погостить у них хоть один день. Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?!

30 мая.

С утра смотрели картины. Люблю этих зрителей без предрассудков. Свежий глаз и смотрит свежее. Толковали о разнице понятий культуры и цивилизации. Замечательно, что русские легче многих других народов понимают это различие. И еще замечательно: это сознание долга и дисциплины. А вот и «чудо». Были на собрании

крестьян и красноармейцев. Слушали доклад Джембаева о международном положении. В этой жажде знания – все реальное будущее и весь свет труда. Е. И. читала письмо об индийской философии. И мы сказали спасибо этим новым знакомым за все от них услышанное. Надо сказать, что эти пограничные красноармейцы мыслят гораздо шире многих западных интеллигентов. Где же та узость и грубость, о которой говорили подложные отзывы?

31 мая.

Джембаев на коне проводил нас в степь. Сердечно простились. Побежали 45 верст до Тополевого Мыса, до синего Зайсана. Взгорья и холмы. Пологие курганы. Седая трава и ярко-красные откосы. Аилы киргизских юрт... Извозчик наш совсем одурел. За 45 верст девять остановок и поломок. Наконец одна телега перевернулась вверх колесами; непонятно, как ямщик и лошади не были убиты. Вот синее Зайсан, за ним белеет гряда Алтайских белков. Не сама ли Белуха?

Вот и Тополевый Мыс, приземистое селение с белыми мазанками. Хороший пароход «Роза Люксембург» вчера ушел, и нам придется ехать на «Алтае». Будем стоять у старухи Федоровой.

Пьем чай с красноармейцем. Едим творог со сметаной. На стене висит Никола и премия «Нивы»^[520]: «Ломоносов показывает электрическую машину Екатерине». Приходят племянники Федоровой, бывшие красноармейцы. Интеллигентно толкуют о Китае, о Корее, о Чжан Цзо-лине. Хотят достать нам окуней и карасей из Зайсана. На окнах – красные и лиловые прим-розы и всегдашняя герань. Нашего гегена приняли за китайского генерала. Сколько легенд будет ходить о нашем проезде.

1 июня.

Старуха Федорова тоже жалуется на киргизов. Все крадут. Каждую ночь приходится сторожить стада. Но в основном жизнь налажена. Кучер Садык говорит: «Все-то брешут в Урумчи про советское житье. Живут себе, как и прежде жили». Солдат-красноармеец говорит про киргизов: «Приедешь к нему – он кричит: «Друг, друг», а сам норовит винтовку отнять да в тебя же стрелять. Так всю ночь приходится винтовку и не выпускать из рук».

Вместо «Алтая» пришел самый плохой пароход, «Лобков». Ну что ж, не судьба ехать на добром пароходе: возчик лишил этого. Озеро

лежит жемчужной сетью. Сегодня видна святыня калмыцкая – гора Сабур или, вернее, Саур.

«Лобков» оказался совсем уж не так плох, как о нем говорили. Ламу и Рамзану устроили на верхней палубе. Разместились.

Опять чудо: еще на сходнях около нас собираются грузчики и просят им «рассказать». На верхней палубе нас окружает целое кольцо всех возрастов. И все они одинаково горят желанием знать. У каждого свой угол подхода; у каждого свои сведения, но у всех одно жгучее желание – узнать побольше. И как разбираются в сказанном! Какие замечания делают! Кому нужно знать экономическое положение стран, кто хочет знать о политике, кто ищет сведений об индийских йогах, говоря: «Вот где истина». Народ, который так хочет знать, получит желанное. Подходит мальчик, хочет с нами путешествовать. У Юрия в тесной каюте скопилось четверо коммунистов, дружно толкуют о ленинизме. Над пристанью более не висит ругань. Спорится работа народная.

2 июня.

«Вот так бы и учился лет тридцать не переставая, да вот заработок мешает», – говорит рабочий на пароходе. И глаза его горят неподдельной жаждой знания.

В последний раз оборачиваемся в сторону Китая. На моей картине, которая в Пекине, есть надпись: «Друг Китая». Уменьшилась ли моя дружба после того, как мы видели весь танец смерти Синьцзяна? Нисколько. Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать столько ужасов. Лицемерный враг закрыл бы глаза на ужас действительности, но друг должен указать все то, что оскорбляет свежий глаз. В раскрытии этих язв лежит залог удачи будущего Китая, который уже растет. От прошлого, от древней цивилизации Китая можно провести мост лишь к будущему, новому осознанию в международном понимании истинной эволюции.

Все же настоящее уйдет во мрак как запятнанная страница истории. Губернаторы и амбани современного Китая станут как страшные гримасы паноптикума, нужные для человечества так же, как отрубание рук и ног водяному богу. Желаю, искренно желаю Китаю скорей скинуть все убожество и скорее смыть грязь, выросшую под шелком внешнего наряда. Желаю успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества.

Совершенно нелюбезно смотрю в глаза трудящейся России. Какая жажда знания! Ведь эта жажда горами двигает; ведь она дает непоколебимое мужество к новым построениям. За наш долгий путь мы давно не видали глаз русских, и глаза эти не обманули. Здесь оплот новой эволюции. Пришли утром просить прочесть лекцию о путешествии. Команда парохода и пассажиры просят.

Еще ночью покинули озеро Зайсан и пошли между пологими степными берегами еще узкого Иртыша. Вода малая сейчас, и пароход не один раз трогает мели. На носу промеряют глубину, несутся те же возгласы, как бывало на верховьях Волги. Селения киргизского типа. Кое-где стада. Много гусей и всякой дикой водяной птицы.

После обеда была беседа. Вся команда и все пассажиры третьего класса собрались тесным кольцом, и все ловили новые сведения с напряженным вниманием. Не игра, не сквернословие, не сплетни, но желание знать влечет этих людей. И они узнают. Трое беспризорных едут на родину, им собирают деньги на проезд. И трогает, и дает новые силы это явление растущей силы народа.

Показались зеленые холмы. К вечеру дойдем до гор. К шести добежали до села Ваты; русские домики уже начинают преобладать. А там и горы. И грозы над горами. Изумительный эффект светлой степи под синими горами и под облачным нагромождением. Этих облачных богатств давно не видали.

Вечером в столовую приходит мальчик: «А не заругают войти?» Едет к матери. Много толкует. Защищает киргизов: «Без русского и киргиз не украдет». Говорит о найденной им неизвестной киргизской горной дороге – «как шоссе через самый хребет». Толкует о рыбной ловле: «Поймали щуку в два пуда, как крокодил». Вспоминает встречу с медведем: «Я его напугался, а может, он меня еще больше».

Поздний вечер; до полуночи занят беседой с народным учителем о йогах, об общинах Индии, о перевоплощениях... Задают сложные, продуманные вопросы. Весело видеть ищущих, для которых денежный знак заслонен вопросами реального строительства жизни. Не в теоретическую аптеку повелительно зовет жизнь этих людей, а к построениям, возведенным руками человеческими. Таких народных учителей много. Они общаются друг с другом и ждут живых сведений.

К полуночи добежали до Нового Красноярска. К пароходу вышла целая толпа. Нигде нет сквернословия.

3 июня.

С утра проходим утесами. Серые глыбы сгрудились до самого течения. Иртыш стеснился, и еще сильнее течение. А там деревянный городок Усть-Каменогорск, и за ним кончаются горы. Иртыш развернулся в широкую плавную реку, а на горизонте остались отдельные гребни и пирамиды ушедших гор. Прощайте, горы!

Опять приходят с вопросами, и все о том же: об учении жизни, об Индии, о путях истины. Большая часть дня занята этими беседами. Наметился еще один сотрудник. Вот где насущно нужно то, что на Западе попирается.

Решаем от Семипалатинска до Омска следовать по Иртышу пароходом. Длинная пересадка, но поездом тоже не лучше. Двадцать часов до Новосибирска; приехали бы туда поздней ночью. На пароходе больше и с людьми общения, и воздуха. Сейчас прохладные дни и холодные ночи. Говорят, уже три года, как заметны перемены климата. Нет жары летом, но и зима менее студена.

Поздним вечером опять беседа и опять на те же темы. Прямо удивительно воочию убедиться, куда направлено народное сознание. Уже поздно, но приходят матросы и просят дать им статью в их газету. И вот первый «привет Востока» пишется для матросской газеты. Всячески хотят помочь эти обветренные, трудящиеся люди. Замечательные сердца! Новые друзья просят: «Позвольте писать вам»...

4 июня.

Семипалатинск. Три часа утра, перегружаемся на пароход «8 Февраля» до Омска. Решили ехать пароходом, ибо алтайская дорога поездом медленна – поезд идет 20 часов до Новосибирска. Едем в Госторг с письмом Быстрова. Опять встречаем заботливость и желание всячески помочь. Дают письма в Совторгфлот в Омске, где нам устроят места в международном вагоне. Заходим в книжный склад – удивительно: ни одной пошлой книги. Масса изданий по специальностям. И это все в пограничном захолустье, в уединенном Семипалатинске! Стоят и белые каменные дома, и серые деревянные – как будто все то же самое, но жизнь иная наполнила эти остоны.

Под пароход подтянуло лодку, опрокинуло течением. Дружно бросаются помочь беднякам. По пароходу бродят любопытные детишки, нет в них забитости, нет наглости – есть та же пытливость. А

Иртыш уже развернулся в могучую низовую реку. Гонят плоты. На них сидят, может быть, кержаки-староверы. «Коли скажешь им, что ел с киргизами, они ни за что за стол не пустят. И все велят креститься», – поясняет мальчик. Степная пословица: «Если товарищ твой кривой, старайся поджимать глаз, чтобы быть ему под пару».

Ушли кочевые айлы. Поредели всадники и пошли сибиряки каменнотесанные. А под Белухой еще снег лежит. Опять недавно выпал. А мясо там по 8 копеек за фунт. А хороший конь там восемьдесят рублей. И ко всему прибавлено крепкое, упрямое сибирское «однако». И киргизов сибиряки мало опасаются: так себе, барантачество – степное воровство-удальство. И команч, и зуни в Аризоне тоже угонит коня. Да своих ли коней стреножили скифы на вазе Куль-оба? Столько надо сказать. Столько запечатано красными печатями консула. Столько творится. И земля – земля Будды – переносится на великую могилу^[521]. Опять забудутся многие сроки и нельзя их записать. А новый друг твердит на прощанье: «Я не потеряю вас».

*Сибирские крестьяне.
Фотография начала XX в.*

5 июня.

И здесь на Иртыше достигают рассказы о жестокости китайцев. Едущие пограничники вспоминают о виденных ими китайских пытках. Осужденного опускают в полый столб с набитыми острыми шипами. Тело тяжестью своею опускается на шипы. Или через нос и носоглотку и через рот пропускают конский волос и начинают пилить. Или вводят конский волос в область глаза. Все это видят пограничники и везут эти вести в центр. О барантачестве сообщают центру. Когда недавно поймали богатого бая-разбойника и приговорили к ссылке на Камчатку, то 200 его сородичей приехало, предлагая все свое имущество как выкуп за своего старшину-грабителя. Твердыми мерами эти разбои

будут прекращены, особенно если китайцы перестанут поощрять контрабанду, за которую берут крупный выкуп.

Юрты почти кончились. Степь. Низкие сосны и кустарник. За окном беседуют два молодых рабочих. Говорят об организации местного театра, о трудностях с костюмами и освещением. Говорят так, как и в столице редко услышать можно. Пограничники толкуют о буддизме: понимают, что это не религия, а учение; оценивают, что Будда – человек, явная историческая личность; интересуются рукописью об Иссе; толкуют о великой материи. Откуда это ценное, ясное мышление? Ибо все это внутреннее содержание духа коммунизма – его стремление к красоте.

А вот идет Алексей Пивкин из Нижнего Новгорода и скорбит о том, что люди не понимают пользы практического объединения. «И все-то норовят отделиться в деревне, а как способнее бы скопом хозяйствовать».

6 июня.

Некоторые люди боятся гор и уверяют, что горы их душат. Не боятся ли эти люди и больших дел?

Еще шире Иртыш. Экая стремнина! Пожелтел Иртыш, и пошли белые гребни. Теперь верим, что здесь мог Ермак утонуть. Пришли от команды парохода: просят дать статью в их газету. Не успел написать: «Великая рука Азии», – а тут еще идут представители матросов и пассажиров с просьбой прочесть им лекцию. Вот это называется – стремление. Вот это поиски – нет ли где еще нового, нет ли полезного, чтобы просветиться. На картине «Сон Востока»^[522] великан еще не проснулся, и глаза его еще закрыты. Но прошло несколько лет, и глаза открылись, уже великан осмотрелся и хочет знать все. Великан уже знает, чем владеет. В Америке и Дымов, и Каральник, и другие писали об этой картине, спорили, а она уже – в жизни.

На пристанях все гуще и гуще толпа. Павлодар точно высыпал к пароходу. Малыш спрашивает другого, совсем крохотного: «А ты пионер?» Сколько здоровых лиц! Радостно отметить легкость передвижения. Послушайте говор: тот с Камчатки, был в Семипалатинске. Этот в Павлодаре – из Кронштадта. Этот побывал в Сеуле и Бухаре. Этот – от границ Польши. Этот от Нижнего – на Алтае. Ведь крылья растут! «Все возможно и все доступно!» И уходит главный

бич жизни – страх и предрассудки. Завтра последний день Иртыша. Омск. Поезд. Новый Восток. Новое, над чем знак розы.

7 июня.

Ветер и гребни сменились проливным холодным дождем. Попрятались толпы на пристанях. Е. И. довольна: нет зноя, которого она так опасалась. Спрашиваем себя, приехали ли уже в Москву Лихтманы. Последние письма из Америки были от начала января, а телеграммы от начала марта.

Т. ^[523] не знает, что мы проехали так близко от его родных мест. Вот рабочий рассуждает о религии. Слушайте в удивляйтесь, как широко, реально и практично судит он о применении новых методов. Вот он перешел к вопросу о пьянстве, и опять слышится здоровое суждение. Вот он толкует о дисциплине в армии; не удивительно, что такая армия представляет грозное своей сознательностью целое. Вот он оценивает экономические условия. Без вредного шовинизма он учитывает нарастание хозяйства. В его руках цифры и сопоставления. Говорит о налаженной работе народа со специалистами.

Нет ни ложного пафоса, ни хвастовства; спокоен жест руки, и безбоязненно смотрят серые глаза. Вот опять народный учитель. Тот, который работает двенадцать часов в сутки за 36 рублей в месяц. Он и учитель в трех школах, и режиссер, и народный лектор, партийный работник. Послушайте, как любовно он говорит о лучших методах преподавания; как он бережлив с индивидуальностью детей и как следит за достижениями науки. Сейчас едет, чтобы пройти дополнительный курс на биостанции.

А вот латыш – командир полка. Жена его шепчет: «Что делать с ним? Все, что имеет, раздает. Найдет каких-то бедных старушек, выдает им пенсию. А чуть скажешь ему, отвечает: «Да ведь ты сыта. Лучше я сам есть не буду». А ведь жалованье-то всего 125 рублей». Этот грозный латыш – убежденный коммунист самого чистого склада. И весело с ним говорить об эволюции материи. Это не тупой дарвинист, но реальный искатель и поклонник реального познания сущего... Радостно плыть по Иртышу и слышать доброе строительство. Радостно не слышать ни одного сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания. Как Ленин говорил: «Претворение возможности в необходимость».

Вспоминаем всякое бывшее с нами. Трехсуточная гроза в Гульмарке. Шаровидная молния около моей головы в Дарджилинге. Необъяснимый синий огонь в Ниму. Шесть часов с револьвером в Тангмарке. Бамбуковый мост в Ташидинге. Глетчер Сасир. Мертвый оскал даотая Ма. Переход ламою границы. Ползание по пещерам Кучи. Неожиданная стужа на Каракоруме. Буран после Токсуна. Буря на озере Вулар. И многое другое. И каждая эта буря, и каждая эта стужа, и каждая эта молния вспоминается, как неповторяемый сон. Плотников спрашивает в Урумчи: «Вошла ли в вас зараза Азии?»

Да, Петр Александрович, вошла, но не зараза, а очарование, и всегда оно было в нас. Гораздо ранее, нежели писался «Стан половецкий» или «Заморские гости»^[524]. И как же мы будем без тебя, Азия? Но ведь мы и не выехали еще за твои пределы. Да и выедем ли когда? И где граница твоя, Азия? Какие задачи могут быть решены без Азии? Какое построение обойдется без камней, без заветов Азии? «Длинное ухо» Азии слышит музыку сфер. «Великая рука» Азии возносит Чашу. О «Длинном ухе» Азии сложено много рассказов. О «Великой руке» Азии повесть только еще пишется. Из Азии пришли все великие Учителя. Е. И. читает письмо Махатмы. Лучше всего понимает письмо командир-латыш. Как понятно и ценно все его мышление. Потом я делаю доклад команде и пассажирам.

Следуют вопросы. Так же, как на «Лобкове», – напряженные вниманием лица. По откосам берегов еще лежит снег. Сегодня утром прошли селение Ермак и место, где утонул завоеватель Сибири^[525]. Рабочий поясняет: «Он бы выплыл, наверно бы выплыл, да доспех-то его на низ потянул». Так помянул рабочий героя этих студеных просторов. И с командиром, и с рабочим, и с учителем всегда встретимся радостно. Привет всем друзьям.

8 июня.

Омск. Мост через Иртыш. Севастьянов показывает «исторические» здания. Особняк, где жил Колчак. Здание колчаковского сената. Дом красноармейцев. Собор, где хранится ветхое знамя Ермака. Полуразрушенная тюрьма, где был заключен Достоевский. Вершинка старого острога XVII века. Оказалось, что оба нужных нам поезда только что отошли и мы должны сидеть в Омске три дня, до четверга вечера. Совторгфлот радушно заботится о нас. Б.^[526] многое рассказывает. Слышим о моих картинах. Высокие цены. Поверх всего

идут расспросы опять о йогах, об Индии и Тибете, о буддизме и об учениях жизни. Целый слой изучения воли и материи. И совершенно здесь не знают положения ни Америки, ни Китая. Газеты дают верные факты. Но молва плетет свой узор. Письмо о сложном положении Монголии.

В московских газетах пишут о том, что мы «нашли» манускрипт о Христе (Иссе). Откуда идет эта формула? Как могли мы найти то, что известно давно. Но мы на-шли большее. Можно было установить, что формула Иссы-общинника воспринята и живет на всем Востоке. И на границах Бутана, и в Тибете, и на холмах Сиккима, и на вершинах Ладакха, и в хошунах монгольских, и в улусах калмыцких живет текст манускрипта. Живет не как сенсация праздничных газет, но как твердое, спокойное сознание. То, что для Запада – сенсация, то для Востока – давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы.

9 июня.

Холодное солнце пробивается через узорчатые листья филодендрона в комнате [гостиницы] «Европа». Не к теплице, не к ботаническому саду, но в Сикким теперь будут переносить эти листья наше воспоминание. Там, когда от реки Тишты^[527] поднимались к Чаконгу, эти же самые листья вились по зеленым мшистым стволам, переплетались с блестящими цветами орхидей. И маленький храм в Чаконге, и одинокий сторож при храме. Высокий и статный, в одной холщовой рубахе. И вечерние рассказы ламы Мингюра. И так узорный лист будет теперь вести в далекие страны. И подле листа будут расцветать образы близкие и милые.

Сибирские крестьяне. Фотография начала XX в.

Едем в ОГПУ сдать на хранение оружие. Опять та же предупредительность и заботливость. «Чем можем помочь?» Управляющий Совторгфлотом сам едет на далекий вокзал, чтобы по недоразумению мы не переплатили за багаж. Идем в Краевой музей. Отделы художественный и этнографический. Из Ленинграда и из Москвы прислан ряд картин, умело подобранных, характеризующих течение русской школы. Есть не только Левицкий, но и Мусатов и Левитан. К удивлению, находим и две мои вещи.

Обе из неоконченных запасов, стоявших у стен мастерской. Одна – «Ладьи», 1903 г. (из сюиты «Город строят»), другая – «Древо преблагое», эскиз. Надо написать, что обе не окончены. Подходит местный учитель, удивленно спрашивает: «Вы – Рерих?» – «Да». – «Но ведь вы были убиты в Сибири в 1918 году». Опять та же сказка, которая

достигла нас в Лондоне и в Америке. Как же не убит, если были и панихиды, и некрологи. Но отпетому на панихидах светло работалось, плавалось по океанам и легко всходило на вершины. Верно, «панихида» помогает. И некрологи были очень душевные. Какие славные учителя в этом краю. Уже четвертая радостная встреча.

10 июня.

Едем. Поезд отходит в полночь. ОГПУ дало ордер помочь при посадке.

Друзья! Буду рад по окончании пути кроме этих кратких заметок передать вам весь дневник и рисунки. Но для этого нужно где-то временно осесть и разобрать записки и альбомы. Но где и когда?

Козлов пишет о Хангае. Интересны две статуи – черная и белая – добрая и злая. Но почему они в скифском наряде? Есть ли это Тары? Или приспособленные каменные бабы? Значительно, как и все из старой области Орхона.

Сегодня сабантуй – татарский посевной праздник. Скачки на конях и верблюдах. Татары с громкими бубенцами катят в загородную рощу. Празднуется новый посев.

В полночь приходит поезд^[528]. Агент ОГПУ проходит мимо, глазом дает нам понять, что все ладно. Едем под знаком розы, под знаком праздника посева. Привет друзьям!

Глава 10. Алтай (1926)

Приветствовать сибиряков – это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумеру Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества. Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое незабываемое место среди подобных зачатков нашего отечества. И сейчас разве мыслимо воображать, какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышленные и условные, поколебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встает понимание труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура, как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа, – эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслонилось высоко духовное наследие. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий?

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимоуничтожения! Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнечному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и о разрушении. Отравляющие газы и человеконенавистническая биологическая война не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры...

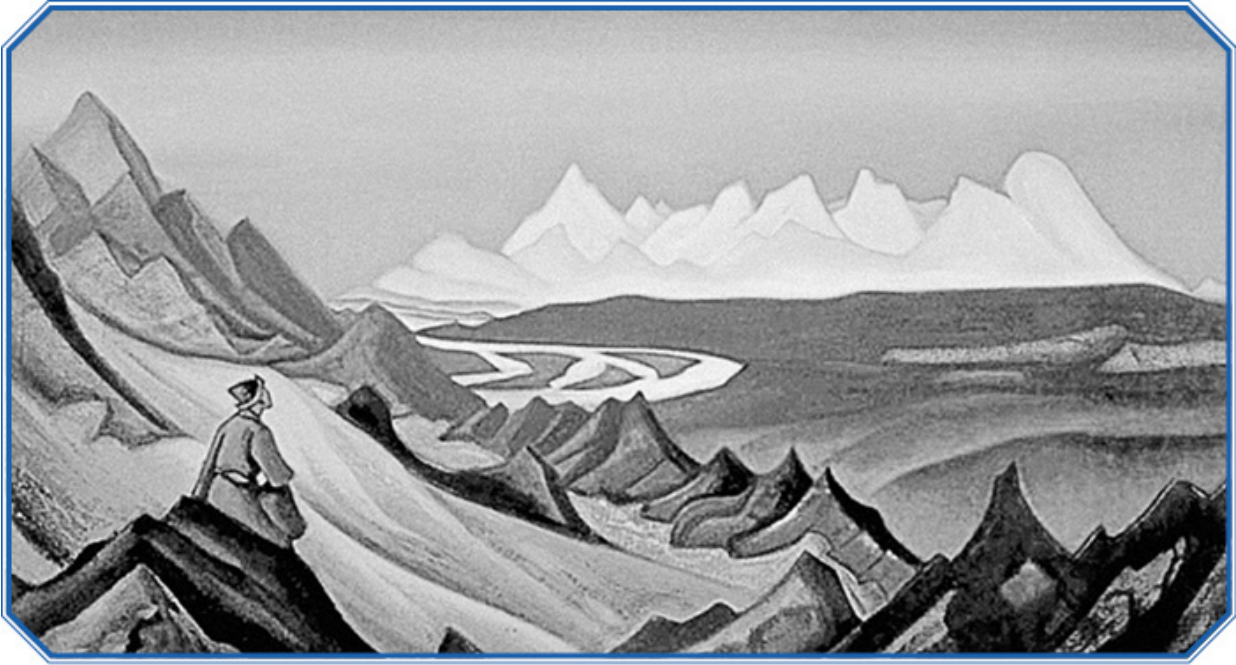
Словарь зла преисполнен, и необходимо обратиться ко всем мерам сотрудничества, к понятиям созидания.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства! Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по самым неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может преклонить голову перед преходящей невзгодой; от всех сибирских работников веет неутомимостью, и если добавить к тому дружелюбие и понимание кооперации, то вот вам и новый дом.

Могу добавить, что также в разных странах и наших глазах развиваются многие общества, которые в сознании своем идут рука об руку со здоровыми началами Сибири. Если путник знает, что он не одинок, если он, увидя дальние костры, знает, что это дружественные огни, то и силы его удесятятся. Путник, имея дальних друзей, дойдет в бодрости.

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь – родина жены и змия.

Шамбатион-река [\[529\]](#) стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на той стороне живут люди М. М – самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. *Каббала* помнит Шамбатион.

Н. К. Рерих. Песнь Шамбалы

Катит камни Катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом.

Катун по-тюркски «женщина».

«Додекаэдрон женского начала обозначается в географических понятиях, связанных со сроками эволюции».

«На Катуни и на Бии встанет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнется новая жизнь».

И еще приходили другие и толковали все о том же двадцать восьмом годе. Солнечные пятна сгущаются так через семьдесят семь лет. И пришел самый вдохновенный человек и о том же толкует. Вот диво-то: один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвертый по числам, и разговоры все о том же самом. Вот диво-то. К 1911-му прибавить 25 – получается тот же 1936 год.

Камень. Дивный камень. Тигеревский камень. И просто – камень. И весь край – весь камень.

Елен-Чадыр. Тоурак, Куюган. Карагай, Ак-Кам. Ясатар. Эконур. Чеган, Арасан. Урул. Кураган, Алахой. Жархаш, Онгудай. Еломан. Тургунда, Аргут, Карахем, Арчат, Жалдур. Чингис-тай, Ак-Ульгун. Хамсар. Все имена. Эти имена речек, урочищ и городищ – как

напевный лад, как созвучный звон. Столько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят.

Около Черного Ануя на Караголе – пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть кости и надписи.

А когда переломили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Встала трава и цветы в рост вершников^[530]. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали.

Поравнялся алтаец. Пугливо заглянул. Что за новые чужаки в его сторону пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синее, золотое, пурпуровое. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское – Николай.

За Ялуем начались алтайские аилы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Виднеется место камланий. Здесь не говорят «шаман», но «кам». К Аную и к Улале еще есть камы, «наводящие снег и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены. Заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина – молодая алтайка – почуяла новые шаги мира и хранит первый строгий устав.

Размытая ливнями дорога измучила коней. Стали в Кырлыке. Придется просидеть ночь. Но не жаль просидеть ночь в месте, где родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут прихода белого Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыком, чернеют входы пещер. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Пещеры и тайные ходы. От Тибета через Куньлунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же, как черный аконит^[531] Гималаев превратился в жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чужь остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чуждские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чужь подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье^[532]. Дед Атаманова^[533] и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы. Через Богогорше. Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые».

С юга и с севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же революционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание нового мира – существует. Время схода событий – улажено, соблазн собственности – преоборен, неравенство людей – превзойдено, ценность труда – возвещена. Не вернется ли чужь подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах – на Дальнем и на Студеном – пылают вершины.

«В 23-м году Соколиха^[534] с бухтарминскими^[535] поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» – «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддистского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут о магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладакх. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакхцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на

ладакхцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакхцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их поменять».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой. Народ помнит американскую *ARA*. Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», – зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напев на какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...»

Пики Алтая, названные в честь Н. К. и Ю. Н. Рерихов

Знакомо. Сказ про Иоасафа^[536]. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь бодхисатва – переделано в Иоасаф»...

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное – знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любитесь ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает об их полезности. Это уже Пантелей Целитель^[537], не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях жар-цвет вырос...

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скрынях^[538] наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ка скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаем. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить, а главное, старинные сарафаны. Так теперь их и зовут «сарафанники». Теперь, конечно, одумались. Встретится – морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин-американок завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким белкам. А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут пустыни.

Все носит следы гражданской войны. Здесь на Чуйском тракте засадою был уничтожен красный полк. Там топили в Катунь белых. На вершине лежат красные комиссары. А под Котандой зарублен кержацкий начетчик. Много могил по путям, и около них растет новая густая трава.

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не узнанные. Забайкальцы называют паука мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию – просто паук.

Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски – «хиус». Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы поставляют легочную чуму. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали лучи? Откуда шла знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, Сринагаре и в Барамуле^[539] была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре – скарлатина. Обычность делает обычным даже суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны.

Монголы и буряты хотят видеть разные страны, хотят быть и в Германии и во Франции. Любят Америку и Германию. Необходимость расширить кругозор характеризуется ими старинной притчей о лягушке и о черепахе. Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему, океан вдвое больше моего колодца?» – «Гораздо больше», – отвечает черепаха «Скажешь, в три раза больше колодца?» – «Гораздо больше». – «И в четыре раза больше?» – «Гораздо». Тогда лягушка прогнала черепаху как хвастуна и лжеца.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы^[540] (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере»). Сколько непонятных толков. А к Забайкалью среди семейских, т. е. староверов, сославшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы, и калашники. Темноверцы – каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолился на ту же икону, то она сделается оскверненной и негодной.

Еще страннее калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слыхали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. В лето 1926 года! Тут же и хлысты, и пашковцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов,

среди таежных зарослей не видать всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречник.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтой в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросив Бийск.

На следующий год сделана разбивка линии до Котанды^[541], т. е. в двух переходах от Белухи. До Котанды еще с довоенного времени проектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». – «Да когда – тогда?» – «Да известно, до войны». Таинственное «тогда» становится определителем довоенной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «додже» дойти до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную пряжу сообщений.

Ползут рассказы из Кобдо. Каждому занятно передать хоть что-нибудь из неведомой Монголии, из страны магнитных бурь, ложных солнц и крестовидных лун. Все хотят знать о Монголии. Все особенное. Толкуют, что часового солдата съели собаки. Он семь их зарубил, но от стаи отбиться не смог. Монгольский командующий в Улясутае съел человеческое сердце. Кто говорит – русское, а кто полагает – китайское. На Иро и к Урянхаю – много золота.

Тоже на Иро, у шаманки родился странный мальчик, который сообщил какое-то предсказание. Шептали про перевоплощение *богдо-гэгэна* монгольского. А другой такой же, какой-то особенный, родился в Китае. Но знатоки не признают ни того ни другого: ведь богдо-гэгэн никогда ни в Монголии, ни в Китае не рождался, а всегда это происходило в Тибете. На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали камнями в машину. Их называли «охранители». По пути в Маньчжурию из скалы течет в пустыню «минеральное масло». И такие магнитные места, что даже машина замедляет ход.

На перекрестках дорог ткутся сложные ковры – слухи азиатских узоров. Да и как же без вестей? Этак скоро не к чему будет в дальний

аил поехать и попить чай с крепким наваром рассказов. Монголия привлекает внимание.

«За периодом пробуждения Востока наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира».

«Курумчинские кузнецы». Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов^[542], аланов^[543], готов разбиваются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с твердыми датами иногда попадают в совершенно несоответственные, временно установленные периоды. Оленьи камни^[544], керексуры^[545], каменные бабы^[546], стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили. Как замечательны ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне^[547], появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомним, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнивать показания совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два коня загнаны, а третий свежий». Или: «Прошел табун и при нем два вершника».

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский: «Больше, – говорит, – ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Говорит: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много ходит поддельных картин под

меня. Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р. – один в Ленинграде, а другой в Москве поработали^[548]. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно.

Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины, и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Рущица, подписанную моим именем. Неисповедимы пути художественных произведений. Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропали «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках. Крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев... Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер¹. Нарастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко^[549]. И ходит художница, зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, разные балки и коньки крыш. Точно последний списочек вещей перед дальним путем.

И уйдут с крыши разные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец не вводят культуру. Вот молодым-то и задача. Дайте облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона ладили симфонию. Если даже и не удалось, то сама затея была звонка. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрассудков. Вон мастерские палеховские и холуйские иконники важно обновили свою работу. Как красивы их вещи в кустарном музее! Привет Вольтеру^[550]...

На Востоке применяют экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но и к группам, и как бы к целым местностям. Получается грандиозный опыт применения психической энергии. И все это делается молчаливо и анонимно.

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения – все это анонимно пускается по волнам мира. Книги по традиции приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических изделиях видите иногда марку производства, но не имя. И в этой основной анонимности Восток далеко оставил за собою Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых пришельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все выплаты поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда.

Открытие Теремина: «Мы видели на экране движение человеческой руки, происходившее в те же моменты времени за стеною в соседней комнате». Наконец-то «чудесное» делается просто «научным». Наконец-то начинают обращаться к реальному изучению всех свойств энергии.

Именно тогда, когда мы не просили, именно тогда, когда не ожидали, он сам сказал и показал свое знание особых мест Тибета. Наши простецы сочли бы это за сказку или за необычайное откровение, а он улыбнулся, запахнул желтый халат и показал знание, кто и где живет. «А с тем местом уже пятнадцать лет не было сношений».

В личных покоях далай-ламы поставлено недавно сделанное изображение Будды с пламенным мечом. «Будда – Победитель всепокоряющий».

К таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как встретилась эта китайская группа? Собрали ли их скитания Лао-дзина? Или более старые писания? Или книга утайшаньского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя «выдумка» и «магия» переданы в лабораторию исследования. И скептики негодуют, но благодаря их полной необразованности и непросвещенности. Прислушиваемся к шагам нового мира. Видим движение великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают, что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным.

*Алтай. Верхний Уймон. 1926 г. Слева направо:
З. Лихтман, Ю. Н. Рерих, Е. И. Рерих, Н. К. Рерих*

Толкуют об опытах Манойлова, исследовавшего пол растений и минералов, а также мужское и женское начала человеческой крови. Опыт с минералом пиритом дает результат, издавна указанный наукой Востока. «Пирит дает кристаллы двух видов – в виде куба и в виде двенадцатигранника. Если тот же единый реактив налить в пробирку с кубическими кристаллами, получится обесцвечивание жидкости – мужская реакция, а если то же сделать с двенадцатигранными кристаллами, получится фиолетовое окрашивание – женская реакция». Для Запада это открытие ново, но Восток в своих древнейших формулах говорит о двенадцатизначнике (додекаэдроне) Матери Мира – женского начала.

Также указывается о фиолетовом физическом женском излучении. Представьте себе, с какой спокойной улыбкой слушает ученый Востока о «новых» открытиях Запада. «Гемоглобин в крови животных и хлорофилл в соке растений по природе своей сходны». И ученый Востока кивает головой в знак давно известного согласия.

Луначарский говорит: «Ведь у нас до сих пор еще, несмотря на сердитый окрик, распространено представление о том, что культура вплоть до возникновения элементов культуры пролетарской сплошь «буржуазна», что она представляет собою опасный яд для всякого правоверного коммуниста и что следует всемерно ограждать таких правоверных не только от «совета нечестивых», то есть людей старой культуры, но и от того, что они произвели.

Порой, слушая таких людей, можно подумать, что мы не ученики Маркса, в колоссальной степени владевшего старой культурой и ценившего ее, между прочим, также и в области искусства, – вспомним его отношение к Гомеру, Шекспиру, Бальзаку, Гете и Гейне, – а ученики какого-то своеобразного Савонаролы, чуть-чуть что не его «Плаксы», боящиеся всякой радости жизни и готовые собрать на площади им. Свердлова большой костер для сожжения «Суеты сует». Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы»^[551].

В великом Ленине поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесо-образно вкладывал каждый материал в мировую постройку. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремлений. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь Ленина. Друзья, самый плохой советчик – отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве – вся гидра контрреволюции.

Знайτε, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилины пещеры сменятся сиянием простора? Ленин понимал это.

Маральи рога и струя кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана и мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все подробности мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей староверской моленной. По стенам еще видны четыре угольника бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кёреш.

На вершинах белков наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова^[552], ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на 2 августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего Уймона в прошлом году на вершине белка выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы – Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь – Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катунь, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. «Саин галабын судур»^[553] – «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредили Бальдру^{[554][555]}. Одна омела была забыта; именно стрела из омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узы».

Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой кажется милый сердцу хребет Куньлуня, а за ним – «Гора божественной владычицы», и «Пять сокровищниц снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное.

«Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Богогорше. По самому Ергору едет всадник...»

Глава 11. Монголия (1926–1927)

Выстрел. Пуля пробила окно. Хорошо, что Юрий как раз в эту минуту отошел от окна. Кто стрелял? Намеренно? Или озорство?

Предупреждают: «А вам не уехать». Отвечаю: «Уедем, как всегда, не отложим и на один день». Приезжают наши американцы, с ними Борис^[556]. Присоединяется доктор. После долгой переписки нашелся П. К. [Портнягин], Людмила и Рая^[557] поедут с нами. Первая тринадцатилетняя путешественница в Тибет.

Приходит тибетский донир (консул), приносит тибетский паспорт и письмо к далай-ламе. Донир выдает подобные паспорта паломникам. Наше знание буддизма дает нам право пользоваться тем же вниманием. Посмотрим, где донир искренен и в чем его ложь.

Приходят четыре бурятских ламы, просят взять их с собою. Шьют знамя миссии – изображение Майтрейи с акдордже наверху. Все служащие надели маленькие знаки акдордже на шапки и такими ополченцами ходят по Улан-Батору. Юрий учит их ружейным приемам. Прикупили еще восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящий в столовой «Льюис» – механическое ружье. Пусть знают, что у нас оружия достаточно.

Случай во время маневров. Монгольский полк брал штурмом укрепления. А с другой стороны наш конвой выполнял ту же задачу. Можете себе представить остоленение обеих сторон, когда они неожиданно столкнулись с винтовками наперевес.

«Владыка Шамбалы»^[558]. Совпадение картины с пророчеством ламы. «И показался «Великий Всадник», а головы всех людей были повернуты на Запад. Но рука Всадника повернула все народы к Востоку».

Приходит уполномоченный от Монгольского правительства и просит дать рисунок храма – хранилища, где будет поставлена картина «Владыка Шамбалы» с другими почитаемыми предметами.

Кончается печатание «Основ буддизма» и «Общее благо». Трудно дать книге облик в маленькой типографии. Прежний лама, а теперь литограф, с любовью переписывает для книги «Будду Побеждающего» с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешение перевести на монгольский «Основы буддизма».

Шаман с барабаном. Гравюра начала XX в.

Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е. И. напряженно стоит у притолоки и говорит: «Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает». А тут и телеграмма! Хлопочет Ж. ^[559], он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя Будды в Монголию. Странно услышать начало

повести в Индии, а конец – в Монголии. Так связывается вся молчащая пустыня одною напряженною мыслью.

Не знаем, как встретит нас Тибет. Если прекрасен Ладакх, называемый Малым Тибетом, то Великий Тибет должен быть необыкновенно величественен. Впрочем, часто человечество ошибается названиями: «малое» оказывается «великим». Без предрассудков и суеверий увидим действительность.

Затем всякие трудности. И опять неожиданные друзья. Из них – эсперантист в Улан-Баторе. Желание помочь выехать. И заботливое провожанье. И, как башни, высоко груженные моторы.

На реке Иро родился странный ребенок. Скоро после рождения он произнес пророчество, а затем стал как бы обычным мальчиком. Но пророчество оказалось тем самым – о будущем Монголии, которое передано нам в Сиккиме ламою. Монголы очень запомнили это.

В Монголии необычайно развиты волевые действия. Нам передавали несколько случаев воздействий на далеких расстояниях. Недавно молодой монгольский лама написал книгу о пути в Шамбалу. Известны книги, написанные об этом пути таши-ламою, настоятелем Утайшаня, бурятским ламою.

Теперь туда же направляется и мышление монголов. Да и многие соседние народы понимают всю реальность значения Шамбалы. Некоторые монгольские ламы многое знают. Мы им задавали вопросы, и все отвеченное ими было очень основательно. Но не так легко заслужить их доверие. По этим вопросам из ближайших к Улан-Батор-Хото монастырей хорошей славою пользуется Манджушри Хит, откуда был похищен покойный богдо-гэгэн. Все значительно легендами в Монголии.

На стоянках, среди юрт и стад, по холмам Гоби разносится песнь наших монголов. Поют песнь Шамбалы, недавно сложенную монгольским героем Сухэ Батором: «Мы идем в священную войну Шамбалы. Пусть мы перевоплотимся в священной стране...» Так бодро и звонко посылают монголы в пространство свои чаяния. Так и в новой Монголии знают действительность Шамбалы. Место Дуканга Шамбалы уже огорожено в Улан-Баторе.

Знают монголы о приездах «Владыки Шамбалы» в Эрдени-Цзу и в Нарабанчи^[560]. Знают о «Держателях». Знают о великих временах. Знают о чаше Будды, которая после Пешавара хранилась в Карашаре и

временно исчезла. Знают о приходе благословенного Будды на Алтай. Знают о значении Алтая. Знают о Белой горе. Знают о священных знаках над древним субургаиом около Хотана. Знают и вести из Китая. Знают вести из Индии. Через все молчаливые пространства Азии несется голос о будущем. Время Майтрейи пришло.

На моторах через мелкие реки по весеннему бездорожью. Десять поломок в день. Если пройти 70 миль, то уже день счастливый, а то и двенадцати миль не сделать. Много керексуров. Курганы – следы великого переселения. Замечательная «каменная баба» – здесь, говорят, жил знаменитый разбойник, а теперь он превратился в хранителя пути. Путники мажут жиром губы изваяния, чтобы испросить милость. Наш Кончок требует у изваяния хорошего пути для нас. На пути черепа и кости. Трупик ребенка, обернутый овчиной. Турпаны, дикие гуси, всякие утки летят к северу. Стада куланов.

Ясно, что на моторах далеко не уехать. Дорога не установлена. Местные проводники сами путаются направлением. А главное – машины совсем плохи. Лишь бы добраться до границы, до монастыря Юм-бейсе^[561]. Там придется взять верблюдов.

Слышим легенды. То, что говорилось о посещении «Владыкою Шамбалы» монастырей Нарабанчи и Эрдени-Цзу, подтверждается в разных местах. Юм-бейсе – неприятное, ветреное место. Сам монастырь неуютен, и ламы неприветливы. Над монастырем, на горе, воздвигнут огромный фаллос...

Бесконечные переговоры о найме каравана. До Шибочана (за Аньси)^[562] предположено идти три недели. Конец апреля для верблюдов уже нехорош. Уже жарко и шерсть падает, а с нею уходит и верблюжья сила. Находится проводник – старый лама-контрабандист. Предлагает вести короткой дорогой через дикие места. Обычно там не ходят, боясь безводья, но лама ходил там не менее двадцати раз и знает, что и там есть и колодцы, и речки, и родники.

Но и на обычной дороге весной могут пересохнуть колодцы, и потому лучше идти по краткой тропе. Единственная опасность этого нового направления – шайки знаменитого Джеламы. Но сам он уже убит, а его «сотрудники» рассеялись. Хотя этот район все-таки признается опасным, лама-проводник уверяет, что теперь можно пройти эти места безопасно. И мы предполагаем, что наш проводник не был ли сам доверенным лицом Джеламы. Слишком много он знает о

нем и очень уверен, что с ним мы пройдем. Знает, как Желамма заставлял пленников строить укрепленный город, мимо которого мы пройдем. Решили идти новым путем.

Монголка в старинной прическе (Халка).
Фотография конца XIX в.

Бесконечная Центральная Го-би. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-черная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадитесь в этот каменный вихрь. Гроза Гоби – высохшие колодцы. Иногда отверстие забито павшими животными. Можно миновать безводье обходным путем на Восток, но там китайские шайки.

Ночь. Костры. Дозорные. В этом ущелье недавно ограблен караван. И вдруг тишина нарушается крепким винтовочным выстрелом. Затоптаны огни. Залегла цепь с карабинами. Кто стрелял по лагерю? Где-то лают собаки... Вызывается доброволец на разведку. Условлено: если запоет, то благополучно. Настороженная тишина, и наконец из темноты веселая песня. Стрелял китаец – хозяин каравана. Очень испугался, увидев наши костры. Думал, разбойники...

Нирва, вожак каравана, насвистывает ветер среди зноя полудня. Как продавец ветра в приморье Древней Греции, монгол протяжно, минорно свистит – точно ветер шевелит головки пустынного ковыля. Ветерок начинается. Монгол кивает нам, чтобы обратили внимание. Продавцы ветров. Какой сюжет для оперы или симфонии!

Из белой гальки по лону Гоби выложены фигуры рукой неизвестного странника. Есть священные надписи, но есть и эротические изображения, отвратительные среди величия пустыни.

Опять нужны предосторожности. Опять нужно надеть монгольские кафтаны. Подходим к городу знаменитого разбойника Джелама, или Тушегун-ламы. На ночь станем где-то близко. В густых сумерках что-то темнеет за холмами. Лает собака... Хотя сам Джелама недавно убит монголами, но банды его еще не рассеялись. Огни на ночь не разводим. Удваиваем дозоры. На утро изумленные восклицания: «Вот и город над нами!» На холме высятся башни и стены – подлинный город. Внушительный и живописный. Юрий и П. К. [Портнягин] с карабинами на руке идут исследовать, а монголы провожают их советами осторожности. Следим в бинокли. Но вот наши показались на стене – значит, разбойники покинули замок.

Не простой разбойник-грабитель был Джелама. Он получил университетское образование в Петрограде. Обладал большими оккультными сведениями. Разве ночной грабитель будет ставить на высоком месте издали зримый город? Какие думы и мечтания тревожили седую голову Джелама, которую долго возили на копье по

базарам Монголии?.. По Центральной Гоби будет долго жить легенда о Джеламе, заманчивый сценарий для синема.

К каравану подъезжают какие-то странные верховые и спрашивают монголов о количестве нашего оружия. Монголы что-то шепчут им и размахивают руками, показывая что-то большое, а потом сообщают нам: «Люди Джелама. Они нас не тронут».

Подходим к Аньси. Неясные слухи о каких-то китайских войсках. Встретиться с ними хуже, чем с людьми Джелама. Обойдем Аньси ночью. Но Нирва теряет дорогу. Рассвет застает нас перед стенами Аньси. Поворачиваем верблюдов и спешим перейти широкий, быстрый арык. К вечеру уже выйдем за пределы Ганьсу и вступим в область Кукунора. На горах развалины крепостей – памятники бывших восстаний дунган.

Быстрые речки. Впереди снежная цепь Наньшаня.

Кончилась Центральная Гоби. Кончилась безлюдная Внутренняя Монголия с источенными временем золотоносными хребтами; величественное дно ушедших стремнин, где притаились всякие останки древних гигантов^[563]. Первое июня. Уже десять дней стоим на серебристых берегах Шибочена. Горит при восходе Наньшань. Журчит горный поток. Белеют стада коз и баранов. Мелькают всадники – какие-то вести? Ползут слухи. Когда же пойдем дальше? Пугают, что не раньше сентября.

Причин много. Еще и трава должна вырасти. И верблюды должны утучнеть и обрасти шерстью. И цайдамские опасные топи должны обсохнуть. И голубая река Янцзы должна улечься на осень. Ждем вести из Сучжоу и Чанмара, а пока хитрый Ма-Чен, ученик китайцев, обсчитывает нас. Старый хитрец называет меня «американским королем» и много раз в день скачет от своей ставки до нашего стана.

После удачных лечений монголы просят нас вызвать дождь ввиду неслыханной засухи. Предлагают по пяти долларов от каждой юрты.

Несмотря на все «козни» Ма-Чена, перебрались на Шарагол, под хребет имени Гумбольдта [Улан-Даван]. Вовремя перешли мутный, зыбучий Шарагол со всеми его бесчисленными рукавами. Кончок едва не утопил своего серого китайского коня. Стоим у горного ключа на взгорье перед Улан-Даваном (16 000 футов) по дороге на Тибет.

Тибетцы толкуют, что во время бегства далай-ламы в 1904^[564] году при проходе через Чантанг и люди, и кони почувствовали «сильное

трясение». Далай-лама пояснил, что они находятся в заповедной черте Шамбалы. Много ли знает далай-лама о Шамбале? Таши-лама знает больше.

Пятое июля.

Справили праздник Майтрейи. В палатке Шамбалы происходит долгое служение. Проходит толпа соседних монгол, и их голоса сливаются с пением наших лам.

Монгольские «дворяне» драпируются широкими складками средневековых кафтанов. Надели серые войлочные шапочки, с картин Гоццоли, и навесили на шею священные киоты и ладанки. Вихрь и песочный буран. В два часа дня пришлось наглухо зашиться в палатках и зажечь свечи.

Делаю проект субургана на месте Шамбалы, где останавливался на ночлег Великий Держатель. Одиннадцатого июля Нирва из Кумбума повез пророчества и молитву таши-ламы Шамбале.

П. К. [Портнягин] уже третий день скачет в Ма-хой за верблюдами.

Составляются три новые книги. Забелели снегом вершины, свеж воздух, и тишина напоминает наши гималайские высоты, куда стремится дух наш. Монголы заглядываются на виды Нью-Йорка. Для них Америка – страна обетованная. Они шепчут: «Это достижение Шамбалы». Не проходит и дня без толков о сказочной Америке.

Четырнадцатого июля годовой праздник монголов. Сооружают новое обо, скачки, пированье! Молодежь нашего стана отпросилась на праздник.

С утра беседовали о необходимости паназиатского языка, который хотя примитивно примирил бы триста наречий Азии^[565]. Вечером наши ламы читали молитвы Майтрейе и Шамбале. Если бы на Западе понимали, что значит в Азии слово Шамбала или Гэсэр-хан!

Начался дождь и ветер. Половина июля похожа на осень. Ночью в горах шумит ливень.

Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя сорок лет тому назад. Опять настоящий буран и ливень. Холодно.

Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающиеся следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе.

На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. Принесли золото от Улан-Давана. Опять вихрь. Рая вообще не слыхала о Христе, ей уже тринадцать лет. Так быстро уходят из жизни даже краеугольные понятия.

Азара первоначально значило «халдейский жрец».

24 июля.

Не только наш день, но и день окончания нашего субургана. Монголы помогают сооружению, привозят сокровище – норбуримпоче – камешки и зерна для вложения в чашу субургана. Туда же заложено и Акдордже, и Майтрейя, и Сингха.

Лал – на хинди означает «красный».

Монгольская княгиня (Халка).
Фотография конца XIX в.

Конец июля.

«Иду радостно в бой». Lapis exilis – «блуждающий камень». Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: «Посылают лучшие токи для счастливого решения дел». Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважмся пересечь Цайдам по новому пути.

К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч.^[566] с мечом и с кольцом. Не успели выслушать его, как по ущелью вместо мирного ручья хлынул губительный поток [селя]. Вот следствие странного ночного шума в горах. Снесло кухню, столовую палатку, шатер Юрия. Мы ходим по пояс в воде. Погибло множество незаменимых вещей. Погибло много монгольских юрт. Ч. рассказал, что за день до его отъезда от непонятной причины у Я.^[567] сгорели тханки, присланные нами. Знаменательно. Сопоставляйте.

Кончаем субурган. Старший лама Цайдама приедет освятить его. Князь Курлык-бейсе прислал посланцев, предлагает свой караван. Знаменательно, ибо этот князь обычно вредил проезжим.

Пятого августа.

Нечто очень замечательное. В десять с половиной утра над станом при чисто синем небе пролетел ярко-белый, сверкающий на солнце шаровидный аппарат^[568]. Семеро из лагеря наблюдали это необычайное явление. Направление с северо-востока на юг. Замечательно.

Седьмого августа освящен субурган. Приехал Цайдамский геген. Наехало до тридцати гостей-монголов. Служение у субургана. Обещали нам хранить субурган Шамбалы. Лишь бы дунгане не разрушили. Бунт среди бурят. Они пошли к китайцам с ложным на нас доносом. Вместо бунтоватых бурят взяли трех торгоутов. Хорошие стрелки.

После бурятского доноса приехали китайские солдаты с чиновником сининского амбаня^[569]. Осмотрели паспорта. Конечно, опять вымогательство. Заплатили китайцам. Монголы возмущены этим вымогательством.

Неожиданные гости прилетают из пустыни. Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотосшитом монгольском наряде. Кто он? Спешно прошел в шатер. Не называя себя, сказал, что он друг наш и должен предупредить о готовящемся на нас нападении на тибетской

границе. Предупредил о необходимости усиленных караулов и разведочных разъездов. Сказал и ускакал. Кто он? Наши ламы говорят: «Или вор, или разбойник, или сборщик на монастырь». Всем не понравился роскошный наряд незнакомца. Но он был друг. Он хотел помочь. Опять сюжет для оперы.

Девятнадцатого августа мы выступили через Цайдам на Тибет. Памятна ночь в Цайдаме, когда пересекали соляные топи. Остановиться нельзя. Нужно идти сто двадцать миль без отдыха. Во тьме ночи еле заметна тропа. Проходим самой опасной дорогой, не сознавая этого. По сторонам узкой тропы бездонные ямы. Неверный шаг, и вернуться нельзя. Трудно, но зато Цайдам пересечен в новом, кратчайшем направлении. Много неточностей в картах.

Когда мы проходили Цайдам, он оказался совсем не такой, каким он показан на картах; невольно смот— релось на Запад. Там розовели безбрежные пески. Вспоминалось, что от Цайдама до Куньлуна на картах показано сплошное пустынное пространство. Конечно, все это место не исследовано. Между тем там в складках нагорий может быть много замечательного. Из области Хотана и Черчена могли в этом направлении распространяться древние буддистские монастыри. Могли быть интересные отшельничества и памятники-пещеры. Но даже сами монголы мало говорят об этих местах. Толкуют о пропавших в песках караванах, о занесенных городах, но все это в пределах сказаний.

Замечателен жест приветствия у цайдамских монголов. Они поднимают руки так, как будто молятся солнцу. Это так ритмично, красиво, напоминает о прекрасном жесте индийских брахманов, которых я видел в Бенаресе во время утренней молитвы. И в то же время напоминает жест мусульман, совершающих молитву перед древним мазаром.

Толкуют о каких-то иностранцах, бывших в Тейджинере и скупавших старинные вещи. Опять говорят, что иностранцы увезли «бурханов» из Дуньхуана. Очевидно, со знаменитыми пещерными храмами что-то произошло. Уж очень упорно и в разных областях об этом рассказывается. Мало ли вещей похищалось для музеев Европы, но об этих «бурханах» от Кашгара, от Урумчи до границ Тибета толкуют.

Полуобглоданные трупы людей и коней у дороги. Следы недавнего боя монголов с голоками. Монголы снимают юрты и спешат под защиту

князя Курлык-бейсе. Скоро перевал Нейчжи^[570], место, о котором предупреждал наш неведомый доброжелатель. Все будто спокойно, но около стоянки найден свежий костер и оброненная длинная трубка. Здесь были люди недавно.

Утром идем, как всегда. Впереди Юрий и П. К. [Портнягин] в разъезде. Затем все верховые – мы и ламы. За нами на некотором расстоянии – торгоуты с мулами. А дальше отстал караван с верблюдами под охраной Голубина, Кончока и Церина. Впереди нас – ущелье между двумя холмами. Елена Ивановна, всегда чуткая, слышит далекий лай собак... Вдруг через ущелье между холмами начинают проскакивать вооруженные всадники, скрываясь за холмом. Санген-лама кричит: «Аранган» (т. е. «разбойники»). Даю приказ повернуть назад, чтобы занять вершину холма и соединиться с торгоутами.

На вершине вместо атакованных мы оказались атаковывающими и командующими положением. Отряд панагов остановился, очевидно не ожидав нашего маневра. К ним поскакали полковник, торгоут Очир и бурят Бухаев с грозным предупреждением. Остальные, готовые к бою, наблюдали. Панаги, неожиданно застигнутые, спешили и в знак покорности положили винтовки. Один из них держал длинное копье: знак объявленной войны. Мы хотели купить это копье, но они сказали: «Мы не можем продать, это друг наш».

Главное, всегда действуйте смело.

На другой день готовилось еще нападение, но сильная снежная метель с громом расстроила суеверных тибетцев. И так перешли Нейчжи. Любовались огромными стадами диких яков. Одного из них убили торгоуты. Впереди нас снежный хребет Ангар-Дакчин [Бокалыктаг], т. е. Марко Поло. Смешно давать европейские имена местностям, которые издавна имели свои наименования. К ночи умер от кровотечения монгольский лама. Жаль.

За Ангар-Дакчином – Кокушили, те самые Кокуши, о которых знают староверы на Алтае, искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы. Счастливо минуем реки. Ни весною, ни летом их не перейти верхом. Но сейчас, осенью, вода не выше стремян, и только две лошади завязли. Даже Голубая река [Янцзы] с ее быстрым течением не легла препятствием.

Ждем тибетские посты. Почему их нет? Что-то забелело вдали... Снег? Но нигде кругом снега нет... Шатер? Но это нечто слишком

большое. Оказалось, гигантский гейзер глауберовой соли^[571].
Белоснежная, сверкающая на солнце глыба; уже заповедная граница.

Во дворе Ученого комитета МНР, Улан-Батор. 1926 г.
Сидят слева направо: Г. О. Боровко, Б. Б. Польшов, Н. К.
Рерих, П. К. Козлов; *стоят:* Ю. Н. Рерих,
Е. В. Козлова, Ц. Жамцарано, Б. М. Куплетский,
С. А. Глаголев, В. И. Лисовский

Глава 12. Тибет (1927–1928)

6 октября.

Точно черные пауки на длинных ногах притаились черные палатки тибетцев на длиннейших веревках. Пограничные разъезды отбирают наш паспорт и предлагают стоять два дня, пока они привезут ответ генерала хортичапа, т. е. от главного правителя области Хор^[572], и главнокомандующего северным фронтом. Какие цветистые названия!

Стоим среди болотистой равнины, поросшей убогой колючей травой. На горизонте озеро и умершие горы. Называют их умершими, ибо это настоящее кладбище. Когда-то великие горы, может быть соперники Эвереста, разложились, распались мелким щебнем. Глубокие долины заполнились^[573], и получилось нагорье в 15 000 футов, открытое свирепым ветрам. Перед самыми знаменательными местами, перед небесными Гималаями, попадаете в жуткую тундру. Кони скользят и оступаются среди уродливых кочек. Ни птицы, ни зверя.

Юрий клонится в седле и почти падает с коня. Подскочили, сняли. Пульса почти нет. Два сильных приема дигиталиса, растирают руки. Становится легче.

Впереди плохо чувствует себя Елена Ивановна. Из арьергарда сообщают, что лама Малонов упал с коня и лежит без чувств на дороге. Доктор спешит туда. Так неприветливо встречает Тибет.

Пестрое знамя с покривившимся навершием. Музыка – барабаны и волынки. Стрельба салюта. В глубине шатра маленькая фигурка генерала в ярко-желтом халате. На круглой китайской шапке крестообразное акдордже из рубинов. Ласковая речь и опять просьба побыть у него в лагере только два дня. Затем генерал провожает нас в наш стан со знаменем и музыкой и с пестрой толпой свиты.

В полной ненужности проходят впечатления приема у Капшепа. Знамя с покривившимся навершием, бутафорский меч, нечистота под драгоценными камнями, вся старая китайщина, от которой сами китайцы уже отказались. Она и непригодна для жизни, и уже потеряла прежнюю декоративность, ибо ушло качество производства. Вся тонкость художества исчезла. Выступила вся неприглядность и убогость.

Вероятно, генерал думал, что впечатление от его желтого халата было очень велико. Но даже ближайший его конвой был оборван и украшен пуговицами трех армий, но не тибетской. Там же, где не хватало чужой пуговицы, там с особым успехом красовалась английская булавка. Ружья сомнительной пригодности, но зато множество музыкантов. Барабаны и салютные выстрелы. Генерал со всею разношерстной толпою провожает нас в наш лагерь. Заодно любопытствует посмотреть наши вещи, объявляя, чтобы «руки меньших чинов не касались вещей великих людей».

Генерал Капшепа принял подарок и через два дня скрылся. И вместо обещанного продвижения мы остались на открытой ветрам равнине под присмотром пяти солдат и вечно пьяного майора. Начались тягостные попытки послать письма и телеграммы далай-ламе, британскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли и американскому консулу в Калькутту. Но все тщетно. Уверяют, что телеграф разрушен и Лхаса не нуждается более в этом западном изобретении. Вместо помощи майор мешает покупать пищу в соседних аилах, препятствует переговорам с проходившим караваном и безбожно обсчитывает на размене китайских долларов. Доктор пророчествует о грядущих смертельных заболеваниях при крепнущих морозах. Н. В. [Кардашевский] предлагает переодетым пробраться в Индию, но без языка и при его росте это кончилось бы печально.

Капшепа будто бы приезжал, чтобы выяснить какие-то волнения среди хорпа. Он будто бы также запрещал охоту на мускусных баранов. Совершенно непонятно, почему можно убивать домашних баранов, яков, но все находящееся в диком состоянии защищено. Впрочем, население держится иного мнения и стреляет куланов.

Умирает Чимпа. Он был нам полезен при столкновении с панагами и при решении монголов бросить нас после Нейчжи. Но как только Чимпа дошел до Тибета, его природа взяла верх, а при переезде к лагерю хорчичабы он отделился от нас, забрал пять верблюдов, нашу палатку и прервал все отношения. Тибетская благодарность!

Даже тибетец не выдерживает здешнего климата. Это уже третий мертвец в караване. Монгольский лама от воспаления легких умер, харчинский лама — от высот. Не чуяли ли мертвеца медведи, когда подбирались к лагерю в ночь его смерти? Но им недолго пришлось ждать; уже утром труп был оставлен им на съедение.

Генерал уехал в Кам^[574], и ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев стояния в летних палатках при морозах свыше – 60 °С^[575], при ураганных вихрях на высоте 15 000 футов [около 4575 м]. Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца.

Малонов отек от сердечных припадков и наконец тоже умер. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает. Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче. Письмо мое к далай-ламе найдено на дороге в изорванном виде, а гонец будто бы исчез. Говорят о пропавших гонцах генерала. Перехвачены письма к полковнику Бейли, британскому резиденту в Сиккиме и к Генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте. Нельзя идти назад, запрещается двинуться вперед. Возмутительно! Несмотря на знание Юрием тибетского языка, мы можем лишь изучать тибетскую жизнь во всем ее неприкрашенном виде, но помочь своему положению не можем. Тибетцы лгут ежедневно^[576].

Рассказывают, что телеграф между Лхасой и Индией уничтожен, ибо теперь Тибет не нуждается в сношении с «пелингами», что лхасское правительство не принимает во внимание свидетельство доктора о болезнях. Что наш паспорт потерян по дороге, но тут же свидетели опровергают эту выдумку.

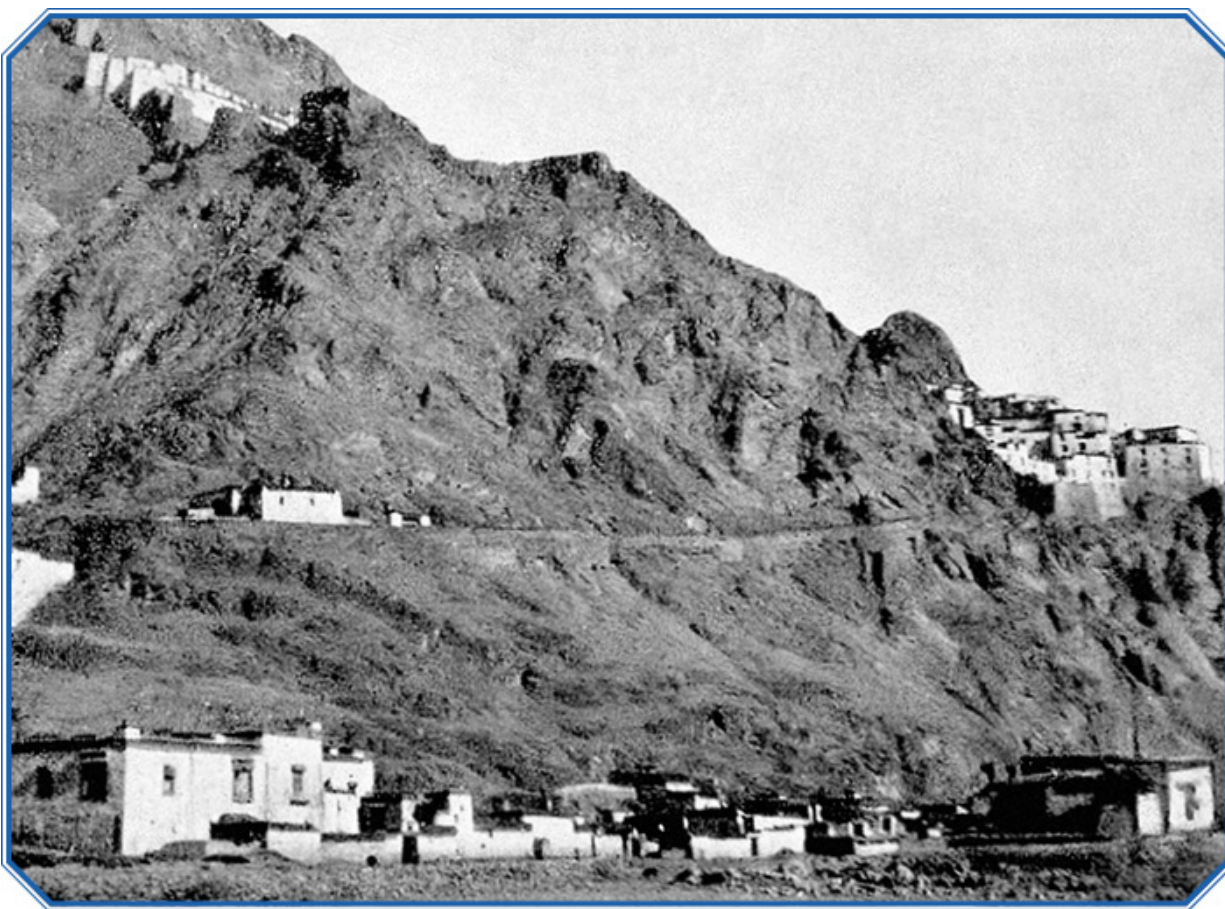
Весь народ, эти черные хоры, толкуются, как нибелунги. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, черными от копоти костров меховыми кафтанами. Шепчут: «Завалили край неслыханные снега. Падут наши яки и бараны. Не будет цампы (ячменя), умрут наши дети, и мыумрем. А все оттого, что правительство поступает с великими приезжими людьми бесчеловечно».

Гадают ламы, и все у них выходит, что вестник с добрым ответом уже едет, уже завтра прискачет. Но дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми. И закутанные в овчину люди тащат павших за несколько шагов от лагеря. Иначе стаи

диких собак и грифы-могильщики не дают покоя. Одна стая собак, около пятнадцати, уже пробовала нападать на людей. Весь день оружие остается при нас. Хочет майор купить наше оружие, чтобы лишить средств всякой защиты. Берегите оружие.

Морозы, вихри, запрещение покупать пищу и сноситься с проходящими караванами. Приходы лживого и пьяного майора. Восстание и отделение наших лам-бурят, думавших ложью и клеветой улучшить свое положение.

И так каждый день среди мерзлой равнины с вялыми линиями разложившихся гор. Затем – переезд из Чунаргена в Шаруген^[577]. Два часа пути – и опять тот же плен. Просили пустить нас в ставку Капшепа в Каме, ответили: «Нельзя». Просили пропустить нас Восточным Тибетом – «нельзя». Просили вообще отпустить нас назад – «нельзя». Все нельзя. А в то же время генерал Капшепа пишет нам нелепое письмо о каплях милосердия, падающих с пресветлых пальцев далай-ламы!

Вид на Шекар-Дзонг. Фотография начала XX в.

Проходят недели. И вдруг сами правители Нагчу едут^[578]. Неслыханное дело, чтобы сами правители выезжали. Пришли в черных очках, в мохнатых малахаях; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаем значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них – бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбая. Другой – старый маньчжурист-чиновник^[579], проевший зубы на кляузах. Пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы «упадут капли милосердия» и нам разрешат пройти на Сикким. Конечно, будет избран самый нелепый путь.

Конечно, при всяком удобном случае еще задержат, еще потребуют подарки, но все-таки когда-то двинемся. Кто из нас надеется, что наш плен ограничится ста днями, но не будет ли правильнее предположить сто пятьдесят дней, да прикиньте еще все задержки по пути. Значит, на

задержание положите полгода. Конечно, за это время тибетцы дают нам необычайный случай знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой. Без сношений с губернаторами, генералом, дзонгпенами^[580], офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение в действительности Тибета.

Всюду знаки креста. И старые монгольские монеты несторианских ханов с крестом. И над древним буддистским монастырем под Пекином – крест. И на чепраке седла – крест. И налобник уздечки снабжен крестом. И на камнях Ладакха и Синьцзяна – кресты. Несториане и манихеи широко прошли по Азии. На фресках монастырей – кресты. На узоре кафтана, на четках, на шее, на ладанках – тот же крест. Не свастика со струями огня, но равноконечный вечный символ жизни. На китайских шапках тибетских генералов горит рубиновое крестообразное дордже. Конь счастья несет знак его. Старые бронзовые фибулы, может быть из могил, – крест в круге.

Всюду же и знаки чинтамани. И колонки домов и стены глинобиток отмечены этим трижды мощным изображением. Налобники мулов, чеканные серебряные сосуды, военное знамя, лист деревянной гравюры, молитвенный флаг укреплены символом мощи.

Сравните современный сказ с первообразом. Теперь говорят: «И стал на земле великий голод, и погибали люди, и не могли жить более. Тогда благие бодхисатвы послали дождь из риса. Какое множество пищи, что не только напитались все люди, но они принесли горы риса и сложили из риса храмы и чортены. Такой величины храмы, что не обойти их и в несколько лет, а один главный чортен не обойти в несколько дней. Это место существует на острове, где некогда процветало истинное учение Благословенного».

Надо понимать: настал на земле великий духовный голод, и не могли более существовать в темном состоянии люди. Тогда Великие Учителя послали настоящий ливень духовной пищи. Поднятое этой благодатью человечество сложило великие памятники духовных достижений. Размеры этих достижений необъятны. Учение Шамбалы существует в защищенном месте, и мощь его проявится скоро.

Монастыри бон – черной веры, враждебной Будде, – вызывают любопытство. В черной вере, как и в «черной мессе» (дьяволиады), в точности повторяются ритуалы буддистской веры, но наоборот, и все враждебно буддистам. Если буддисты обходят храм слева направо, то

бон-по делают это в обратном направлении. Если свастика буддистов повернута по солнцу, то у бон она повернута в обратном направлении. У них свои собственные святые и свои священные книги.

Они изобрели своего особого покровителя вместо Будды, и если вы познакомитесь с биографией этого легендарного покровителя, то, к изумлению, обнаружите те же детали и происшествия, что и в жизни Будды: он так же происходил из царского рода. Бон не разрешают буддистам входить в их храмы и не признают ни далай-ламу, ни таши-ламу. Для них далай-лама – только светский правитель, собирающий налоги.

Они очень приветливы с иностранцами, потому что верят, что иностранцы не имеют ничего общего с буддизмом. Вначале они сердечно нас приветствовали и предлагали читать их книги и посещать храмы, где мы увидели множество перевернутых буддистских символов. Но когда они поняли, что мы интересуемся буддизмом, то их поведение изменилось.

Вы понимаете наше удивление, когда мы обнаружили подобное явление в буддистской стране. Как нам говорили, их много, и много богатых и очень самоуверенных. Это не тайная секта, и тибетцы рассказывают, что число их возрастает. Эти люди не только изобрели себе Будду, но и имеют мистических богов свастики. Это напоминает доисторические времена, примитивные религии огнепоклонников-друидов, боги которых здесь превратились в непостижимо странных богов свастики.

Вместо священного слога «ОУМ» («ОМ») они употребляют слог «А». В древних оккультных учениях такое же выражение «А» употреблялось для обозначения *materia matrix* [материнской изначальной материи]. Интересно бы исследовать происхождение бон, что-нибудь нашлось бы общего с друидами и огнепоклонниками^[581].

Вспоминаем, сколько раз тибетцы повторяли нам, что на Западе нет буддизма и что там вообще буддизма не знают. Сколько раз тибетцы презрительно говорили о японцах, китайцах, монголах, сиккимцах и о хиньяне Бирмы и Цейлона. Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться под произвол дикого правительства. Невежество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя – ушел из Тибета таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться.

Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетыми; кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо. Среди ужасающей грязи, зловония и падали в Нагчу тибетский чиновник удивленно говорил нам: «Если Нагчу вам кажется грязным, то что сказали бы вы о Лхасе, где даже питьевая вода иногда насыщена отбросами». По пути узнаем, что Ринпоче из Чумби не в Китае, а в монастыре Хум. И этот умный лама понял, что сейчас невозможно оставаться в Тибете.

Ни одному сообщению нельзя верить. Все мертво кругом. За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы-кочевники шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец губернаторы Нагчу удовлетворились подарками и после сообщения, что деньги у нас кончились, начали отправлять нас кружным путем через Чантанг на Намру-Дзонг, Шенцзе-Дзонг^[582], через не показанные на картах перевалы^[583] в 20 600 футов высоты, на Сага-Дзонг, через Брахмапутру, на Тенгри-Дзонг, на Шекар-Дзонг, на Кампа-Дзонг и через Сепола на Сикким. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнения в этой стране. Хотя не легкий путь, но от Улан-Батора до Сиккима никто не проходил.

Непонятно, для чего дзонгпены (власти) тибетских дзонгов (крепостей) стараются показать себя с самой отвратительной стороны. «Смотрите, мол, какие мы грязные, вонючие, невежественные и лживые». Народ рассказывает о лхасском девашунге (правительстве) мрачные истории. Недовольства и восстания. Требуют всюду приложения нашей печати, ибо не верят приказам своих властей.

Хороши одни лишь развалины старого Тибета. Эти древние башни и стены складывали какие-то иные люди. Строители их знали и о Гэсэр-хане и о владыке Шамбалы. Здесь были и ашрамы великих Махатм. Но ведь теперь ничего этого нет... Около Тенгри-Дзонга видели Эверест во всей его сверкающей красоте.

Вспоминаю камни «чудских» могил на Алтае; там прошли готы, пронизавшие своим влиянием всю Европу. Вот и в Трансгималаях мы встречаем такие же древние могилы. Находим места древних святилищ, которые переносят мысль к солнечному культу друидов. Мечи северян, жителей Трансгималаев, могут быть вынуты из готской могилы южнорусских степей. Наплечные фибулы готских погребений, разве не

напоминают они пряжки тибетских племен? И почему Лхаса когда-то называлась Гота? И откуда название племени готл? Откуда, куда и как двигались гонимые ледниками и суровыми моренами прародители готов?

Нет ли в застывшем обиходе северян-тибетцев древних черт их ушедших собратий? Удивительно: один хор-па напоминает Мольера, другой годился бы для типа д'Артаньяна, третий похож на итальянского корсара, четвертый с длинными прядями волос близок портрету Хальса^[584] или Паламедеса^[585]; а тот, черный и мрачный с орлиным носом, разве он не палач Филиппа II?^[586] Не будем бояться сопоставлять то, что ярко бросается в глаза.

«Ки-хохо!» – несется клич из стана голоков. «Хой-хе» – отвечает наш стан. Так всю ночь предупреждают врагов о недреманной бдительности стана. Но конечно, голоки уже осведомились о нашем оружии, учли всю боеспособность. Учет сделан в нашу пользу, и сегодня мы увидим дружественный лик опасных кочевников.

Свиреп предрассветный мороз. Конечно, более 70° Цельсия. Утром у доктора замерз коньяк. Сколько же градусов было, чтобы крепкое вино замерзло? Доктор по-прежнему пессимистичен и ждет опасностей. Здоровье Н. В. и П. К. плохо. Очеру предсказана смерть. Хорошо держатся Людмила и Рая, или, как тибетцы зовут их, Мила и Рея.

Какие скучные холмы между Чунаргеном и Нагчу. Давно разложились горы, и сейчас догнивают кучи щебня и гальки. Ни куста, ни дерева. Только высокие, неприятные коням кочки с усатой колючей травой. Говорят нам, что, придя к Центральному Тибету, мы будем поражены переменой природы, но другие усмеваются, говоря, что до самых Гималаев будем следовать кладбищем разложенных гор. Бедные хор-па! Зубы выпадают от цинги. Мускулы дряблы.

Сил меньше, чем у тринадцатилетней Раи. Конечно, тощее сырое мясо и горсть грязной цампы^[587] не дадут здоровья. И как безмерна подозрительность друг к другу. Не верят никому, боятся, готовы ждать постоянную напасть. Монголы, несмотря на дунганских каверзных чиновников, сравнительно с тибетцами – свободные люди.

Черная вера бон так гармонична с черными палатками. На длинных веревках, как хищные пауки, бесформенно чернеют палатки. Около них черные пятна – или отбросы, или падаль. Сухость воздуха

уменьшает зловоние тления. Пронзительный ветер уносит высохшие кости. Вспоминаем широковещательные полномочия ургинского донира. Как поразительно отличен Тибет на расстоянии. Толкуют и шепчут о восстаниях...

На каждой остановке то же самое. Если остановка у обычного аила, то и хлопот не будет с животными. Если в местечке живет старшина, то уже обеспечены неприятные разговоры. Но если вы попадаете в дзонг или монастырь, то будьте готовы к задержанию. Ничто не приготовлено, несмотря на несколько даиков – писем, посланных вперед заблаговременно. Окажется, что дайки вообще не дошли, что будто бы ошибкой их послали в другом направлении. Окажется, что аилы, где имеются животные, очень далеко, и потребуется несколько дней, пока соберут яков и коней.

Наконец, окажется, что по обыкновению крестьяне просто не слушают дзонгпена и не желают исполнять его приказ. Слишком он грабил их, слишком многое за ним известно, и крестьяне взяли его в руки. Опять дзонгпен предложит вам самим вести переговоры с крестьянами и написать в аилы наше письмо за нашей печатью; и печать должна быть красной, иначе же нам придется простоять около дзонга немало дней. Или так бывает, что один старшина предлагает нам арестовать другого непокорного.

Сам ведет нас в его ставку и предлагает связать и отправить в Лхасу. Было и так, и наши торгоуты накрепко скрутили за спиною руки старшины, и тогда его сородичи пришли с высунутыми языками и согласились исполнить указ далай-ламы. Или губернатор предлагал нам арестовать местного майора и самим везти его связанным в Лхасу. При таком обороте дела майор понизил тон и сделался сговорчивым.

Когда люди лгут для своей выгоды, еще можно, с огорчением, понять их низкие намерения, но когда они лгут против самих себя, тогда все становится окончательно мрачно непонятным. Что только не рассказывается тибетцами друг про друга, про правительство, про самого далай-ламу. Даже сочетали его с какой-то монахиней. Приписали ему убийство и отравление лам и сановников. Прямо делают из правителя какого-то изверга.

Перед Сага-Дзонгом два неожиданных перевала, один показан на картах, но другой, еще больший, более 20 000 футов, не указан. Впрочем, эта дорога на картах показана лишь пунктиром. Никто,

видимо, по ней не ходил. Есть другая, обычная южная дорога, но тибетское правительство посылает именно северной неисследованной тропой: пусть, мол, лучше узнают нашу страну.

По пути старшины отказываются давать животных и опять просят вместо паспорта правительства всюду посылать письмо за нашей печатью. Народ не послушает приказа из Лхасы. Но наша сургучная гербовая печать производит лучшее впечатление.

С гребня перевала показалась мощная белая цепь снежных великанов. Ведь это уже Непал, долгожданные Гималаи по ту сторону Брахмапутры.

Сага-Дзонг – также маленькое нищенское селение; питаются трупами животных, в ячмень добавляют мелкую гальку. Нас задерживают и опять бесконечно лгут. Менданги осквернены дохлыми собаками и всякой скверной.

В стане некоторое волнение. Подходим к Брахмапутре. Та самая, которая берет исток из священного Манассаровара^[588] – озера Великих Нагов. Где родилась мудрая Ригведа^[589], где близок священный Кайлас^[590], куда ходят пилигримы, предчувствуя, на каком великом пути лежат эти места. Уже попадаются вереницы пилигримов. С копьями, мрачные и всклокоченные.

Нет, эти ничего не знают. Просто ползают в безделии по лицу земли. Не грабят ли при случае?

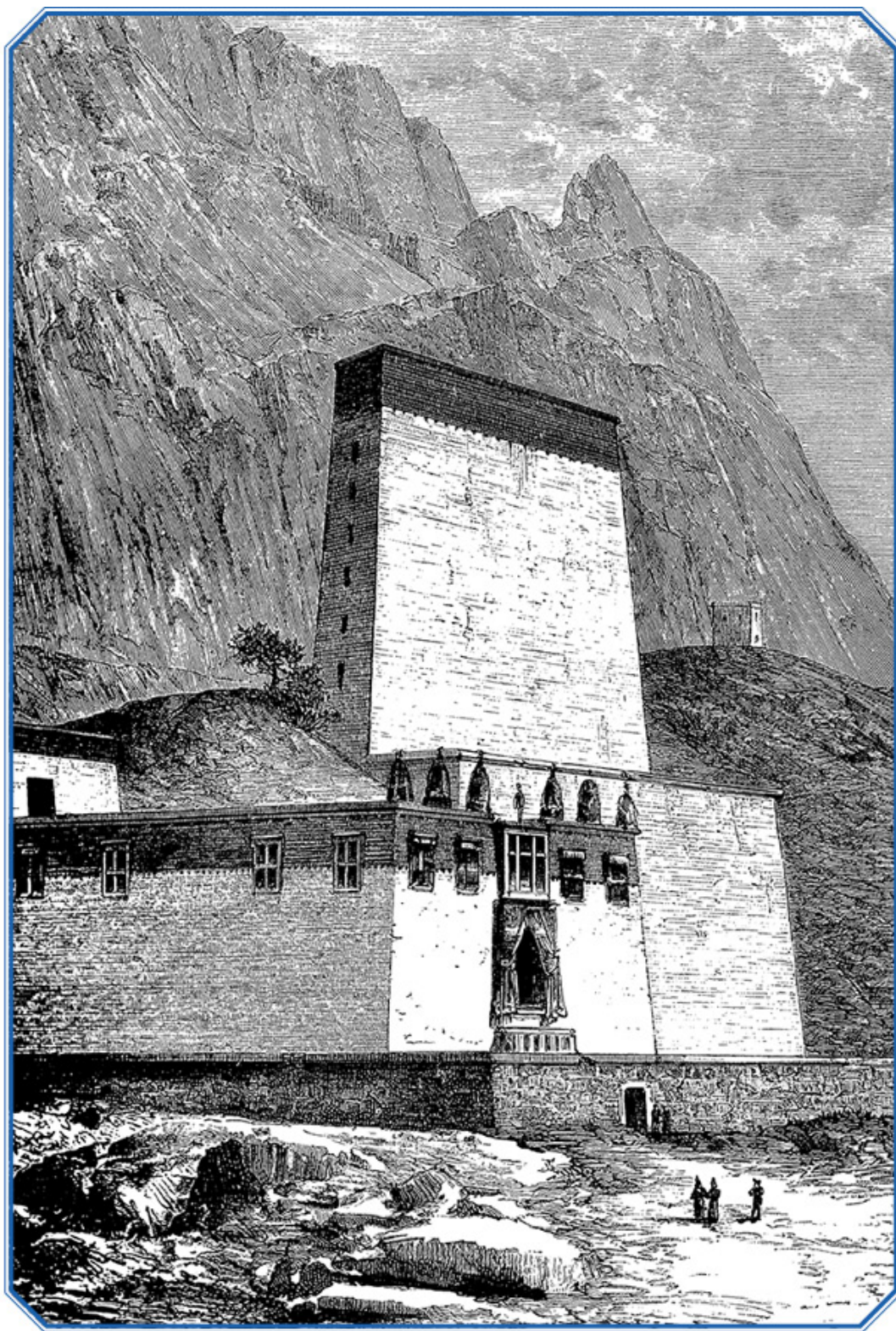
Среди скал и песков, в лиловых и пурпурных тонах залегла Брахмапутра. В мае она еще не полна, но разливы берегов показывают, насколько увеличивается река за июнь, когда к таянию снегов прибавятся еще и дожди. К Брахмапутре еще большее уважение, чем к Голубой реке. Голубая Янцзы – длиннейшая [в мире]^[591], но Брахмапутра (сын Брахмы) овеяна богатым узором преданий. Она связует священное русло Ганга с Гималаями, а Манасаровар близок к Сатледжу, к началу великого Инда. Там же зародилась и Ариаварта^[592].

Рассказывает монгольский лама: «Жил очень ученый и замечательный геше. Но он ходил всегда в самом скромном одеянии. Вот пошел геше навестить своего учителя, бывшего настоятелем большого лабрана. Увидели напыщенные приближенные настоятеля скромного посетителя и прогнали его. И еще раз пришел геше и еще раз выгнали его. Тогда пошел геше к торговцу на базар и просил его одолжить ему богатое платье, и положил геше за пояс несколько

камней, видом похожих на слитки китайского серебра, и в этом виде был немедленно допущен к своему учителю. Вошел геше, снял свое богатое платье, вынул из-за пояса камни и сложил все это в угол. Потом поклонился камням и платью, и только потом отдал поклон своему учителю.

Тот спросил геше: „Разве не я ваш учитель? Почему же раньше меня вы кланяетесь камням и одежде?“

„Правда, – отвечает геше. – Вы мой учитель, но без этих вещей я не мог дойти до вас, а потому я поклонился тому, что довело меня до моего почтенного учителя“».

Монастырь Ташилунпо.
Гравюра XIX в.

Очевидно, монгольский лама знал обычай Лхасы. Умные ламы, вспоминая о предсказании Танджелинга, шепчут: «Если далай-лама есть постоянное воплощение Авалокитешвары, то как объяснить, что один далай-лама высок разумом и ведет праведную жизнь, а следующий за ним и слабоумен, и даже преступен, и даже, говорят, обрекал достойных людей на пытки и мучения? В истории таши-лам не заметно таких странных колебаний достоинства». При этом ламы вспоминают, как грубо обращались приближенные далай-ламы с людьми, приходившими к нему во время его бегства в Индию. Один паломник был сброшен с лестницы и едва не умер.

Безбоязненно нужно рассматривать всю правду. Если полагается, что далай-лама обладает ясновидением, то почему его святейшество не знает, о чем ему своевременно надлежало бы знать?

Если его святейшество сохранил силу воли, то почему он не проявляет ее в отношении своих недостойных приближенных? Многие вопросы справедливо волнуют пытливые умы.

Недалеко от Брахмапутры прислонились к скалам Шату-Гомпа пять монастырей. Из них два – красной секты и три – бон, черной веры. Притом монастыри черной веры выглядят гораздо и новее, и чище, нежели красной секты. Из окон большого дуканга^[593] красного монастыря торчит солома, вокруг уныло бродят несколько лам безнадежно запущенного вида. Черноверцы, узнав, что мы сочувствуем буддизму, просят к их монастырям даже не приближаться.

С удивлением рассматриваем шо – единственно ходячую медную монету Тибета. Ни серебра, ни золота ни в дзонгах, ни у народа мы не видели. Хотя на маленьких медяках чеканка плоха, но зато громка надпись: «Правительство победное во всех направлениях». Удивительно, что полу-шо и четверть-шо размерами больше самого шо. Все наоборот.

Вот и переправа через Брахмапутру около монастыря Читу. Небольшая лодка-паром с резным коньком на носу. Особенно трудно грузить верблюдов. Течение довольно быстрое.

Тенгри-Дзонг хотя и называется сильной крепостью, но представляет жалкое игрушечное укрепление, имевшее значение разве до изобретения пороха. Монастыря нет, но есть субурганы красной секты со страшными ликами и полосами, как знак принадлежности к

красной секте. Вспоминаем те же страшные лики на тантрических тханках. Чего только на них нет! И магические мечи, и содранные человеческие кожи, и страшные рожи с оскаленными зубами, и обращенные вниз треугольники. Весь набор черной магии.

Около Тенгри-Дзонга показался Эверест во всей его сверкающей красоте.

Встречаем людей, знавших Свена Гедина. Хвалят его и жалеют, что он не говорил по-тибетски. Слышали здесь и о Фильхнере. Сложены уже какие-то легенды, что он на Голубой реке оставил трех мальчиков – Мышь, Хорька и Суслика. Откуда сие? Конечно, без языка было бы совсем трудно. Такое счастье, что знание Юрия самими тибетцами ставится вторым после сэра Чарльза Белла, которого нам называли «Офицер мира», ибо он вел мирные переговоры.

Старый монастырь Чундю, принадлежащий к королевскому монастырю Саскья. Видимо, над древними стенами прошло многое. Вот зонтик над большим субурганом – знак прежнего королевского отличия. Вот обвалившиеся китайские стены – память порабощения Тибета. Вот длинный ряд старинных субурганов – память о временах спокойного века. Вот нагромождение старых и новых закоулков и построек – вид современного нищего Тибета.

Тоже старинное место – Шекар-Дзонг. Когда тибетцы были смелыми орлами, они не боялись взлетать на отвесные скалы и лепили на кручах свои защищенные святыни. Целая декорация башен, переходов и храмов. Но теперь тибетцы опустили в долину. Начальники уже не живут в замке, а ютятся внизу, обирая народ произвольными жестокими поборами. Только издали привлекательны старые дзонги Тибета. Цены на продукты велики до бессмыслия. Мешок плохого ячменя в 29 фунтов (причем в этом числе до 5 фунтов камней) стоит в дзонгах 11 норсангов, т. е. около 9 рупий. Маленький кусок ячменного сахара – около 4–5 рупий. Лошадь на два дня пути – 8 рупий, а грузовой як – 4 рупии.

Переходы неравномерны. То они кратки, то вдруг идут почти рысью девять часов. Спешим к Кампа-Дзонгу. Последний дзонг перед границей Сиккима. Где же замок? Долго не принимаем массив, далеко видный уже, за дзонг. Правда, строение поставлено высоко, сливаясь со скалою. Дзонгпен приветливее прочих. Кажется, сильно пьет, но все-таки проявляет хоть какую-нибудь деятельность.

Еще выше замка на скалах вознесся монастырь. Теперь там всего восемь лам. Но ведь там двор, отмеченный в письмах. Там была школа, основанная Махатмами, теперь школы уже давно нет. Опять лхасское правительство мешало ее жизни. Но старики еще помнят, что здесь была «религиозная школа», и помнят про «высоких азара» из Индии.

Последний перевал – Сепо-ла. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко – место рождения [реки] Лачен. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непроходимым без моста.

Можете себе представить радость всех нас, когда после перевала Сепо-ла, подходя к сиккимскому селению Тангу, мы увидели ароматные кусты балю, кедры, тую, залитые цветами рододендроны и, наконец, настоящую землянику.

В Тангу уже ждал нас дом – дак-бунгало^[594] и даже кем-то забытые журналы 27-го года. Ведь более года мы вообще пробыли без известий из внешнего мира.

Из всех наших верблюдов два перешли Гималаи. Один родом из Балагуна (Северная Монголия), другой – из Цайдама. Они будут первыми, дошедшими до Гангтока^[595] – столицы Сиккима. Оставим их махарадже Сиккима. По всему пути от Нагчу до Гангтока верблюды привлекали толпы любопытных. Ведь этих зверей по всему этому пути вообще не видали. От Лхасы до Калькутты верблюды не водятся.

Сказка водопадов! Целая симфония. Узорчатые струи. Несколько дней идем книзу. Мимо проходят все пояса растительности. Наконец показались пальмы, и около реки прошли два леопарда. Красочно-желтые, с густыми черно-теплыми пятнами. Все перевидано. И черные с белым ошейником медведи Чантанга, и серны, и аргали, и каменные круторогие бараны, и, наконец, нарядные леопарды, которые дружелюбно приветствовали нас и скрылись.

Скромная финская миссия в Лачене. Приветливая мисс Кронквист, одиноко заброшенная среди скал. Ее рассказы об обвалах, угрожающих по всему Сиккиму. Неужели по южной стороне Гималаев идет тот же мертвящий процесс, который разложил вершины Чантанга? Под шум потока Лачена, который родился и окреп на наших глазах, вспоминаем Иматру, и Финляндию, и симпатичного Реландера, и Акселя Галлен-Каллела^[596]. Такие же синие дали в Финляндии.

Подводим итоги каравана. Американское снаряжение выдержало все испытания. Сундуки «белбер» прошли из Америки по всей Азии через все переправы и перевалы за четыре года без единого повреждения. Палатки «Аберкромби и Фитч» тоже устояли под всеми вихрями.

Затем осталась легкая часть пути до Гангтока. Гостеприимный дом британского резидента Ф. Бейли. Рассказываем о нашем пути. Полковник знает тибетцев и потому ничему не удивляется. Одно обстоятельство его изумляет: зачем было держать нас всю зиму на высотах? Посланы письма в Америку. Нам дан надежный сардар до Дарджилинга. Мы сделаем весь путь от Гангтока в один день. Но придется переменить три мотора, ибо на Тиште только что снесен мост и нужна пересадка. Значит, в один день три мотора и десять миль на лошадях – крутой подъем от Тишты через Пешок.

Нужно собрать и обработать все собранные материалы. Не скоро удастся все это. Юрий, доктор, Н. В. [Кардашевский] и П. К. [Портнягин] тоже готовят записки. Быстро разлетятся спутники – кто в Италию, кто в Китай, кто в Австралию. Всюду вспомнят неповторенную красоту Гималаев.

Наш путь шел от Гималаев и обратно к ним. Величествен Каракорум и ледяное царство Сасира. Прекрасен Куньлунь. Фантастичен Тянь-Шань – Небесные горы. Широк кругозор Алтая. Декоративен Наньшань. Суров Ангар-Дакчин. Но все это только пролог перед невыразимым величием Гималаев...

Наши друзья в Сиккиме рассказывают нам, что еще зимою они слышали, что перед Нагчу стоят сильные отряды русской кавалерии. Такие сведения причиняли много беспокойства. Между тем это была одна из очередных нелепых легенд о нас.

За эти годы мне пришлось побывать и французским и американским королем, и командиром русского корпуса, и королем всех буддистов. Успел два раза умереть. Успел быть одновременно в Америке, в Москве и в Тибете. По словам Бенуа, был закадычным другом далай-ламы, а по своим запискам, – критиком этого правителя.

По словам цайдамских монголов, я вел войну с сининским амбанем, а по словам хотанского даотая, привез маленькую пушку, которая в десять минут уничтожит весь Хотан и его сто тысяч жителей.

Ко всему привыкли, и никакими «достоверными» слухами удивить нас нельзя.

Монголы твердо запомнили об Амери-хан. Так претворилось [в их сознании] слово *american* в какого-то воителя. Из Лхасы нам передавали целые сказки, и мы с трудом находили в них свои признаки.

Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сага-Дзонга был один из ашрамов, недалеко от Брахмапутры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений.

Всегда жданные, нежданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они проявлялись. Если нужно, Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном разговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вошло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению? Но отчего Беме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется не знающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не видели. Но Крукс или Олинер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность

наблюдений, знает Махатм. Знают Их многие индусы и так берегут Их имена, что даже готовы отрицать существование Их, лишь бы не выдать, не предать.

Лишь бы не предать! Какое очарование заложено в этом понятии Гуру, в этих ступенях восхождения.

Но многие стучатся в эти двери великого знания. Часто Они не признаются в этом, даже сердятся, если этот вопрос затрагивается. Сколько молодых людей хотели бы искренно вступить в переписку с Гуру! Пробуют найти наставника, по-своему стучатся. И сколько из них находят разочарование, ибо стучались не по адресу и не было достаточно энергии устремления, чтобы получить истинный ответ.

«Какая это лаборатория», – может воскликнуть [тот], кто подходит к техническим приемам познания. Да, именно лаборатория, где труд, и настойчивость, и неустрашимость являются ключами врат. Но зато в этом здоровом рационализме, в этом истинном и бесстрашном материализме растут крылья духа, крылья сознания. Не оторванное от жизни, не уводящее, но созидющее – таково учение Махатм. Они говорят о научных основах существования.

Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые, превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверия и без предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд. Но сейчас внимание направлено на предсказания о возвращении таши-ламы, во всей его славе.

*Будда-Майтрейя. Деревянная скульптура.
Китай, XII—XIII вв.*

В Лхасе на улицах запрещено электричество. Запрещен кинематограф. С прошлого года в Тибете запрещено светским людям стричь волосы, носить европейскую обувь и опять приказано носить

длинные халаты. Современные формы и обычаи армии названы красными обычаями и запрещены. Так рассказывается самими тибетцами. Значит, и то небольшое, что открывало Тибету путь к обновлению, пресечено и отвергнуто. Значит, опять остается мрак невежества, со всеми суевериями, убийствами, пытками и отравлениями. Этот мрак оправдывается недопустимыми суевериями.

Так, отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущества отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужой пищей. Можно слышать многие рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищей, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и особенно кольцах.

Такие кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть. Такие вещи бывали и непальской работы. Видимо, и там подобные обычаи издавна процветали. Передают, что до сих пор при погребении махараджи старший брахман должен съесть кусок мяса покойного, и за это съевший попадет в верхние сферы неба. Много рассказывается такого, чему даже трудно поверить. Если привести рассказы о способах лечения, то тоже не верится, что сказанное относится к нашему времени. Но тем не менее с пищей надо быть очень осторожными, тем более что помимо намеренного отравления могут быть случаи [отравления] недоброкачественной [пищей].

Сушеное мясо может быть несвежим. Зерно – перемешано со всякой грязью, хлеб – недопечен. А китайские консервы вследствие долгого пути и плохой упаковки могут быть испорчены. Конечно, одна и та же посуда служит для всевозможных, неожиданных употреблений. Невежество и чистота не уживаются.

Все-таки пройдена прямая дорога от Монголии через Цайдам, Тибет и Гималаи. Сперва тропой Джеламы, потом, пересекая в новом направлении Цайдам, через дзонги Тибета, по горным проходам хранилищ снегов. Помог ли нам в пути паспорт далай-ламы? Помог ли паспорт, данный «в величественном снежном дворце» губернаторами Нагчу? Конечно, сундук серебряных рупий или китайских долларов помог бы больше.

Но зато мы видели, как старшины отказывались признавать приказ Лхасы. Начальники дзонгов просили нас прикладывать нашу печать, а иначе их не послушает народ. Нам предлагали связать непокорных старшин. Нам предлагали немедленно самим ехать в Лхасу и везти с собою арестованного майора. Сами губернаторы предлагали такие самочинные меры. И мы имеем право сказать, как зря избитый солдатами тибетец говорил нам, выплевывая кровь разбитых зубов: «Видите, как обращается девашунг со своим народом».

Есть что-то сужденное в умирании старого Тибета. Колесо закона обернулось. Тайна ушла. Тибету нечего охранять, и никто не хранит Тибет. Исключительность положения как хранителя буддизма более не принадлежит Тибету, ибо буддизм по завету благословенного Будды делается мировым достоянием. Глубокому учению не нужны суеверия. Исканию истины противны предрассудки. Первое изображение Благословенного получено Тибетом от Непала и Китая.

Получено только в седьмом веке, более чем через тысячу лет после учения и жизни Благословенного. Получено после того, как в Индии сложилась уже блестящая литература последователей буддизма. Получено первое изображение тогда, когда уже по всей Азии высились прекрасные вихары, перед которым дуканги Тибета стоят, как бедные младшие братья. Теперь, когда возникает мысль о восстановлении истинного буддизма, и эта волна минует Тибет.

Возьмем черную магию Тибета. Вспомним их «оживающие трупы», знаменитое ролланг-воскресение, которое не что иное, как грубая форма вампиризма. Вспомним блуждающих духов, которые убивают и всячески злоумышляют, причем часто бывают духами именно лам. Вспомним злые заклинания и наваждения, которыми вооружаются ламы для запугивания темного народа. Вспомним самоубивающие магические кинжалы, темные гаданья, заговоры, оборотней, принявших вид зверей, и всякие измышления злой воли.

Во-первых, все это очень дурно, и такие темные занятия лам не свидетельствуют в их пользу. Во-вторых, колдуны Малабарского берега воспроизводят всю черную некромантию гораздо сильнее. О них знают, их опасаются, но никто не поклоняется им и не считает их священными личностями. Малабарские «чудеса» опередили Тибет.

Многие, писавшие о Тибете, называли его «чудо из чудес». Но это название могло относиться или к прошлому Тибету, или к

непониманию тех писателей, загипнотизированных традицией. Правда, можно было назвать чудом школу, образованную Махатмами около Кампа-Дзонга. Но ведь уже много лет эта школа не существует. И кем же она разрушена? Теми лхасскими ламами, которые не имеют ничего общего с тем многим замечательным, совершившимся на территории Тибета. Все это – прошлое. Теперь же не многие тибетские ламы имеют зачаточные формы левитации, материализации, проблески воли и ясновидения.

Но самое большое испытание для лам – если, при их сомнениях, вы предложите им: «Спросите вашего оракула, что я сейчас думаю и какие намерения имею?» Тогда гадатель и прозорливец окажется отсутствующим, а ламы приходят в смущение. Те же, кто развил в себе ясновидение, не живут в монастырях, не живут в Лхасе.

Правда, в горах бывают удивительные явления, но они не имеют отношения к ламству. Вспоминаем этот поразительный огонь в палатке, опять бывший на Чантанге. Вспоминаем волны тепла среди жестоких морозов. Вспоминаем многие проявления тонких энергий, но ведь Лхаса-то тут ни при чем! Поразительно проходить местами, где еще недавно были ашрамы.

Но самая необычайная встреча не будет иметь ничего общего с правительством далай-ламы. Смещение двух совершенно различных понятий следует расчленить. И Тибет не имеет более права укрываться за не принадлежащей ему таинственностью. Рад, что мы шли открыто, что мы спрашивали открыто тибетское правительство и говорили с тибетцами открыто. Старая тропа переодеваний слишком импозантна для Тибета. Сейчас он должен сказать открытое слово.

Было бы нелепо осуждать все миллионное население Тибета. Опять ламы могут стать образованными. Опять может появиться просвещенное правительство. И народ снова может обрести восхождение. Много, что представляется «павшим», просто еще «не поднялось».

В Учении истинных заветов Благословенного имеются практические указания касательно всей жизни. При некотором прилежании можно ознакомиться и принять к руководству эти благие наставления. Теперь же те, которые позорят Учение, и негодные чины правительства должны понять, что их преступная деятельность осуждена и не может продолжаться.

Тибет провожает нас грустным сообщением. Наши три торгута – Очир, Дордже и Манджи – в сорока милях от Гьянцзе подверглись нападению тибетцев. Двое торгутов убиты и третий ранен. Деньги и вещи ограблены. Итак, даже единственная, будто бы упорядоченная и охраненная дорога от Индии на Лхасу уже в руках разбойников. Жаль бедных торгутов, возвращавшихся с заработком в родные кочевья. Они были храбрые люди. Надо думать, нападение было из предательской засады, иначе они дорого отдали бы жизнь.

Запросили мы британского резидента, чем можно помочь раненому. Природный тибетец хорошего типа говорит: «Раньше разбойники были на севере Тибета, но при нынешнем правительстве – они по всему Тибету. И само правительство не отличается от них», – с безнадежным жестом оканчивает огорченный тибетец. Сколько порядочных тибетцев, столько ученых лам должны страдать из-за недоброкачества правителей.

По другой версии, наши монголы дошли до Лхасы, но там были схвачены и брошены в тибетскую тюрьму. Во всяком случае, наши бедные торгуты отведали беду.

Последний слух из Тибета совершенно странен. Говорят, что все монголы собираются покинуть Тибет ввиду трудных обычаев правительства. Наконец говорят, что сам далай-лама собирается бежать из Тибета. Если даже это просто слух, то, во всяком случае, замечательный для настоящего положения.

Еще слух: тибетцы рассказывают, что хорчиаб купил свое назначение командующего северным фронтом за три тысячи норсангов. Не дорого.

Еще слух: бедный Церинг, наш монгол, также пострадал. По пути из Нагчу в Лхасу его ограбили, и теперь он просит милостыню на лхасском базаре. Шедуб, ехавший в Лхасу на десять лет, уже мечтает вырваться оттуда. И его и Кедуба совершенно обобрали в Лхасе. Кедуб тоже ищет случая выехать скорее, а ведь как стремился. Ламаджаб пробыл в Лхасе всего два месяца, лишился всех денег и уходит с каким-то караваном в Монголию. Благополучно дошли домой в Шарагольчи лама Санге, лама Таши и Кончок, потому что бросили намерение идти в Лхасу и повернули из Нагчу обратно. Жаль, жаль торгутов; как бодро носились они за куланами и дикими яками. Н. В. уже в Италии. Доктор, П. К и Г. уже в Китае. Так разошелся последний состав.

Новые работы. Новое здание начато в Америке. И закончится оно суб-урганом.

Тибетцы, переехавшие в Сикким, говорят: «Прежде в Тибете звучали трубы в храмах, но теперь раздаются лишь трубы войны». «Генералы Тибета слишком слабы, чтобы сражаться с внешним врагом, зато они умеют притеснять своих безоружных крестьян». «Все ученые ламы покидают Тибет, и теперь истинное учение надо искать за границей Тибета». «Теперь в Тибете мало кто знает о Шамбале, все учение забыто». «Тяжелое время пришло для Тибета. Девашунг (правительство) такой же ничтожный, как мизинец на руке». «Теперь придет год дракона. Прошлый год был годом тигра, а за ним будет год овцы – не будет ли легче тогда?» «По пророчеству – таши-лама ранее трех лет не вернется в Тибет».

«Много тысяч лам перешли индийскую границу, спасаясь от теперешнего ужасного правления Тибета». «Далай-лама удалился от дел и затворился».

Много чего толкуют. Нас нагоняет наш лама из Харчина. Думал пробыть в Лхасе десять лет, а пробыл всего три месяца. Обобранный, спасается из Тибета. С ним вместе бегут еще три ученых ламы из Ташилунпо.

Новости из Сиккима. Монастырь в Гуме расширяется. Прибавились новые постройки. Стены покрыты живописью. Также улучшаются монастыри в Калимпонге и Курсеонге. Везде помогает Геше Ринпоче из Чумби. Везде, где он прошел, вырастают изображения Майтрейи. Настоятель Гума по-прежнему хлопочет. По-прежнему там работает наш художник геше ларива. Все хорошо, дружественно.

Во всяком случае даже сами тибетцы, то есть более разумные и удалившиеся за границу, понимают, что так продолжаться не может. Страна с миллионами населения не может отказаться от всех признаков цивилизации. Но продолжать отрицание всего иностранного, и тайком покупать хотя бы третьесортные продукты иноземного производства, и самим стремиться проникать через все границы – уже недопустимо. Это шутовство невежества уже замечено и делается невозможным. Границы могут быть закрыты.

Также нельзя иметь за границей тибетских доньеров-консулов с широковещательными полномочиями и не признавать документов, выдаваемых этими государственными чинами. Нельзя называть себя

«Океан Знания», будучи невежественным. Нельзя называть себя «Победным во всех направлениях», когда тибетское войско вообще непригодно для современного боя. Вообще нельзя лгать по привычке к безнаказанности.

Как жаль, что лик Тибета затемнился мрачною действительностью. Но друзья остаются друзьями.

Спросили меня: «Как будете теперь говорить о Тибете?» Как всегда, буду возносить свет и поражать тьму. Только правдою исправляются несовершенства. Если таши-лама возбудил к себе общее уважение, это нужно сказать. Если лхасское правительство создало вокруг себя отвращение, и это должно быть сказано. Спросили: «Но ведь тибетцы не любят правду?» Не все, и мы будем с теми, которые желают совершенствоваться и исполнять учение Благословенного.

Кроме того, духовный водитель Тибета вовсе не далай-лама, а таши-лама, о котором известно все хорошее. «Обычаи Панчен Ринпоче (таши-ламы) совсем другие», – так говорят тибетцы. Теперь же совсем недавно Лхаса схватывала родственников таши-ламы и заковывала их в цепи. Дзонгпен в Пари-Дзонге обрезал женщинам уши, нескольким мужчинам – руки и ноги. Четверо умерло под мучениями. Все это известно от самих же тибетцев. Они осуждают теперешнее положение Тибета сильнее нас. Они ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он будет единым главою Тибета и Драгоценное Учение при нем процветет снова.

Но Гималаи и Сикким закрывают Тибет. Нигде нет такого сверкания, такой духовной насыщенности, как среди этих драгоценных снегов. Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины – герои, женщины – герои, скалы – герои, деревья – герои, водопады – герои, орлы – герои... Сюда шли великие отшельники, ибо где же в два перехода можно подняться от тропической растительности до вечного снега. Все стадии напряжения сознания здесь.

Приветлив Сикким. Приветлив махараджа Сиккима. Приветлив резидент. Приветлив Ладен Ла. И опять священная долина Ташидинга, как средоточие накоплений тайны и сокровищ. Это значительное место для всего Сиккима и Бутана. И старик настоятель Ташидинга еще жив, но постарел и уже не сходит со своей священной горы. И опять близость великой Индии.

Опять индус поет: «Как могу я говорить о самом Создателе, если знаю невыразимую красоту Гималаев».

Геше Ринпоче, настоятель донкара в Чумби, знает, что на север от Канченджанги лежит пещера. Вход в нее очень узок, но затем она расширяется и приводит в целый город. Настоятель многое знает и просит молчать до времени. Должное следствие получается лишь во времени, когда соблюден точный срок. Сознание Геше глубоко. Он видит далекие события. Выходя как бы из полудремоты сосредоточения, он говорит о самых неожиданных действиях, о дальних отсутствующих людях. «Как ей трудно, как она мучается», – вдруг замечает он и начинает молиться за лицо [Е. И.], находящееся за тысячу миль, которое болело в это время.

По старому обычаю высоких лам, настоятель спать не ложится, но проводит ночные часы сидя. Сейчас он является главою Сиккима, ибо, по завету, истинное Учение уйдет из Тибета. Настоятель знает о Шамбале во всем ее значении. Он заботится о восстановлении Учения и готов встретить новую эру.

Донкар в Чумби принадлежит к Ташилунпо. Около Шигацзе имели пребывание Великие. И все, что исходит оттуда, имеет на себе добрые знаки.

Сказано, как будет проявляться новая эра: «Раньше вспыхнет неслыханная война всех народов. Затем встанет брат на брата. Моря крови прольются. И люди перестанут понимать друг друга. Люди забудут, что значит слово Учитель. Но именно тогда появятся Учителя, и во всех концах земли зазвучит истинное учение. Люди начнут собираться к слову истины, но те, кто полон темноты и незнания, будут препятствовать. Как алмаз, горит свет на башне Владыки Шамбалы. Один камень на кольце Его стоит больше всех сокровищ мира. Даже те, кто случайно помог учению Шамбалы, получают теперь же стократное воздаяние.

Уже перевоплотились многие воители учения истины. Пройдут немногие годы, когда будут слышны мощные шаги Владыки – Обновителя жизни. Можно уже замечать небывалые явления и можно встретить необыкновенных людей. Уже открываются врата знания, и спелые плоды упдают с дерева».

Вот еще изображение Шамбалы, мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху идам, как знак

стихийной мощи, и тот таши-лама, который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре – как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне – Сам Он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву. Победа духа на великом поле жизни.

Памятный камень
на месте кремации Н. К. Рериха

В долине Кулу, в предгорьях Гималаев, на месте кремации Н. К. Рериха установлен обломок скалы, на котором высечена надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

«Ом рам» означает «Да будет мир».

Конечно, мы знаем, как во всей Азии ожидается наступление новой эры. Каждый толкует по-своему, кто ближе, кто дальше; кто прекрасно, кто извращенно; но все об одном и том же сужденном сроке. Особенно захватывающе видеть такое сознание на местах, когда не засохшая краска печатной буквы, но сам звук, само слово человеческое непосредственно выражает волнующую мировую мысль. Ценно слышать ее и повторять. Родина Гэсэр-хана, Ладакх, знает твердо, что время обновления мира уже наступило. Хотан помнит о знаках времени Майтрейи над древнею ступою. Калмыки в Карашаре ждут скорое появление чаши Будды. На Алтае ойроты отворачиваются от шаманизма и складывают новые моления ожидаемому Белому Бурхану. Вестник Бурхана, благой Ойрот, уже едет по миру. Монголы помнят о появлениях Владыки Мира и готовят дуканг Шамбалы.

На Чан-танге славословят Гэсэр-хана и толкуют о заповедных границах Шамбалы. На Брахмапутре знают об ашрамах Махатм и помнят чудесных Азаров. Евреи ждут у моста Мессию. Мусульмане ожидают Мунтазара. В Исфагане белый конь уже оседлан. Христиане Св. Фомы чают Пришествие и носят на себе тайные знаки. Индусы знают Калки Аватара. И китайцы на Новый год зажигают огни перед изображением Гэсэр-хана – Владыки Мира. Ригден-Джапо, Владыка, несется над пустынями, держит свой сужденный путь на Восток. Кто-то незрячий скажет: «Так ли все это? Нет ли здесь преувеличения? Не приняты ли отрывки пережитков за верования будущего?»

Значит, вопрошающий никогда не был на Востоке. Если вы были в этих местах, если вы прошли многие тысячи миль, если вы сами говорили со многими народами, то вы знаете всю жизненность этих устремлений. Вы поймете, отчего об этих священных понятиях говорят в тиши вечера, наедине, тихим задумчивым говором; отчего замолчат при каждом новом пришедшем. Если же скажете, что при госте можно продолжить беседу, то ваши слова встретят с поклоном. И получаете молчаливый, полный значения поклон не вы, но Сам Великий Майтрейя.

Список организаций, членом которых состоял Н. К. Рерих

1. Действительный член Российской академии художеств.
2. Основатель Института Объединенных Искусств в Нью-Йорке (США).
3. Основатель Международного культурного центра «Corona Mundi» (США).
4. Почетный директор Музея имени Н. К. Рериха в Нью-Йорке и его филиалов в Европе, Америке и странах Востока.
5. Действительный член Югославской академии наук и художеств (Загреб).
6. Действительный член Португальской академии (Коимбра).
7. Действительный член Реймской академии (Франция).
8. Действительный член Международного института науки и литературы (Болонья, Италия).
9. Почетный член Комитета по культуре (Буэнос-Айрес, Аргентина).
10. Вице-президент Общества Марка Твена (США).
11. Вице-президент Американского института археологии (США).
12. Почетный член Просветительского общества Бенареса (Индия).
13. Почетный член Общества Мора (Франция).
14. Член Красного Креста (Франция).
15. Член Общества по изучению древностей (Франция).
16. Пожизненный член Федерации французских художников (Париж).
17. Член Осеннего салона (Париж).
18. Пожизненный член Общества антикваров (Париж).
19. Почетный президент Международного союза в поддержку Пакта Рериха (Брюгге).
20. Почетный покровитель Исторического общества при академии (Париж).
21. Почетный президент Общества имени Рериха во Франции (Париж).
22. Член-учредитель Этнографического общества (Париж).

23. Почетный президент Академии имени Рериха (Нью-Йорк).
24. Почетный президент Общества за культурный прогресс «Фламма» (штат Индиана, США).
25. Почетный президент Общества имени Рериха в Филадельфии (США).
26. Почетный член Общества по охране исторических памятников (Нью-Йорк).
27. Почетный президент Латвийского общества Рериха (Рига).
28. Почетный президент обществ Рериха в Литве, Югославии, Китае.
29. Почетный член Института имени Субхас Чандра Боше (Калькутта).
30. Член Института Джагадиса Бозе (Индия).
31. Член Нагати Прачари Сабха (Индия).
32. Пожизненный член Королевского азиатского общества в Бенгалии (Калькутта).
33. Пожизненный член Общества «Искусство Востока» (Калькутта).
34. Почетный президент и доктор литературы Международного института по изучению буддизма в Сан-Франциско (Калифорния) [Международный буддистский институт (США)].
35. Почетный член Русского музея истории и культуры в Праге (Чехословакия).
36. Почетный член Общества Люзас (Париж).
37. Почетный член Лиги в защиту искусства (Париж).
38. Покровитель Культурного общества (Амритсара, Индия).
39. Член-благотворитель Ассоциации международных исследований (Париж).
40. Почетный член Ассоциации Филда (С.-Луис, США).
41. Почетный член Общества Браурведа (Ява).
42. Почетный член Национальной ассоциации естественной медицины в Америке (Лос-Анджелес, Калифорния).
43. Почетный президент Центра искусств и культуры (Аллахабад, Индия).
44. Президент Лиги культуры (США).
45. Почетный президент Американско-Русской культурной ассоциации в Нью-Йорке (США).

46. Вице-президент Американского института археологии (США)

Участники экспедиции

Основные участники экспедиции

1. Рерих Николай Константинович

2. Рерих Елена Ивановна, жена Н. К. Рериха.

3. Рерих Юрий Николаевич, сын Н. К. и Е. И. Рерихов, ученый-востоковед, лингвист.

Временные участники экспедиции

Рерих Святослав Николаевич, сын Н. К. и Е. И. Рерихов (в 1924 г.).

Лобзанг Мингюр Дордже, лама, филолог, тибетолог, профессор Дарджилингского университета (помогал участникам экспедиции в Сиккиме).

Ладен-Ла – тибетский генерал на службе в британской армии. (помогал участникам экспедиции в Сиккиме).

Сайкен-Хо, офицер китайской армии, переводчик.

Лобзанг, калмыцкий лама.

Лихтман Зинаида Григорьевна, ближайшая сотрудница Н. К. и Е. И. Рерихов (в Москве, на Алтае и в Монголии в 1926–1927 гг.).

Лихтман Морис Моисеевич (в Москве, на Алтае и в Монголии в 1926–1927 гг.).

Рябинин Константин Николаевич, врач (в Монголии и Тибете в 1927–1928 гг.).

Портнягин Павел Константинович, заведующий транспортом экспедиции (в Монголии и Тибете в 1927–1928 гг.).

Богданова Людмила Михайловна (присоединилась в Улан-Баторе в 1927 г.).

Богданова Ираида Михайловна, сестра Л. М. Богдановой (присоединилась в Улан-Баторе в 1927 г.).

Кордашевский Николай Викторович, полковник русской армии (в Тибете в 1927–1928 гг.).

Голубин Александр Алексеевич, заведующий хозяйством экспедиции (в Тибете в 1927–1928 гг.).

Примечания

Герберт Кларк Гувер (Herbert Clark Hoover) (1874–1964) – тридцать первый президент США с 1929 по 1933 г.

ARA (American Relief Administration) – американская благотворительная организация, работавшая в 1919–1923 гг. под руководством Г. Гувера. Ее задачей было оказание помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. Активно помогала и РСФСР, оказывая помощь голодающим, снабжая продовольствием и медикаментами госпитали, больницы, детские дома. По официальным данным, с октября 1921 по июнь 1923 г. ARA выдала около 2 млрд продуктовых пайков.

Даотай – китайский чиновник, управляющий административным округом.

Полковник К. – это Николай Викторович Кордашевский (1877–1945). Его встреча с экспедицией Н. К. Рериха произошла 28 июля 1927 г. Кордашевский оставил дневник «С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии», написанный под псевдонимом «Н. Декроа».

Падмасамбхава («рожденный из лотоса») – основатель Тибетского буддизма и его тантрической школы в VIII в. В Бутане и на Тибете известен также как Гуру Ринпоче (Драгоценный Мастер). По традиции считается, что Падмасамбхава являлся проявлением Будды Амитабхи. В современном написании – Падмасамбхава.

Атиша Дипамкара Шриджняна (982—1054) – великий буддистский учитель и проповедник, восстановивший буддизм в Тибете после жестоких гонений тибетского царя Лангдармы, именуемый Вторым Буддой.

Калачакра («Колесо времени») – одна из пяти систем, входящих в Ануттара-йога-тантру. По преданию, это учение возникло в Шамбале, а в Тибет было принесено в XI в.

Современное написание – Канченджанга, что означает «пять сокровищ великих снегов». Это – горный массив в Гималаях, в Сиккиме, достигающий высоты 8586 м над уровнем моря. По преданию, именно здесь расположена Шамбала.

Шива – в индуизме бог-создатель и бог очистительного разрушения. Один из верховной триады (тримурти) наряду с творцом Брахмой и вседержителем Вишну.

Лакшми – богиня изобилия и процветания. Изображается или с лотосом в руках, или сидящей на нем.

Таши-лама – духовный лидер Тибета, не занимающийся в отличие от далай-ламы светскими делами. Резиденцией таши-ламы является монастырь Ташилхунпо. Другое его имя – Панчен-Ринпоче, или просто Ринпоче («учитель»).

Ашока – третий император индийской династии Мауриев с 273 по 232 г. до н. э. Известен как распространитель буддизма. Был инициатором широкого строительства святилищ и активной миссионерской деятельности буддистов на всем Востоке. Поддерживал тесные дипломатические отношения со многими странами.

«Махабхарата» («Великая Индия (Бхарата)») – эпос народов Индии, одно из крупнейших литературных произведений в мире, которое называют «пятой Ведой». Ее авторство приписывают мудрецу Виасе (Вьясе), известному также как Ведавьеса, Бадараяна или Кришна-Двайпаяна. Он считается автором или составителем и других древних литературных памятников – Вед, Пуран, Веданты.

Авантисвамин – кашмирский раджа и поэт-лирик, основавший во время своего правления (855–883) город Авантипур.

Нагарджуна (предположительно II–III вв.) – великий индийский мыслитель, основатель буддистской школы мадхьямики. В дословном переводе с санскрита его имя означает «серебряный змей».

Великий индийский поэт, драматург, проповедник, живший предположительно во II в. Современное написание его имени – Асвагхоша.

Шринагар, или Сринагар, – город в Индии со множеством каналов-улиц, благодаря которым получил прозвище «Индийская Венеция». Был построен при царе Ашоке (III в. до н. э.). В окрестностях города имеется мазар (мавзолей) и след ноги пророка Йуз Асафа, но ряд легенд утверждает, что этот пророк и Иисус Христос – одно и то же лицо.

Майтрейя («Владыка, нареченный Состраданием») – грядущий Учитель человечества, бодхисатва и Будда нового мира – эпохи сатьяюги (века истины). Единственный бодхисатва, которого почитают все школы буддизма.

Речь идет о Фа Сяне (ок. 337 – ок. 422) – китайском буддистском монахе, который, чтобы разрешить открывшиеся ему неясности в учении, совершил паломничество в Индию в 399–414 гг.

Чже Цзонкапа (Цонкапа, Цзонхава, Дзонхава) (1357–1419) – основатель буддистской секты гелугпа в Тибете, составившей в буддизме направление, известное под названием ламаизма. У Н. К. Рериха он назван Дзонкапой.

Фа Сянь (см. примечание на стр. 20).

Китайский чиновник, управляющий населенным пунктом или областью.

Тохары (тогары, юэчжи) – относящийся к индоевропейской расе народ, о котором писали Фа Сянь и другие путешественники, населявший с начала нашей эры районы Центральной Азии, где теперь расположены Синьцзян и Ганьсу.

Сэр Марк Аурель Стейн (1862–1943) – венгерский путешественник и этнограф, внесший огромный вклад в исследование Восточного Туркестана. Результатом его исследований стали многотомные фундаментальные труды «Древний Хотан» и «Внутренняя Азия».

Фэн Юйсян – китайский политический деятель в 1913–1948 гг.

Сказитель, певец.

Шабистан (Шангри-Ла, Калапа) – одно из названий Шамбалы.

Барантчество – разбой, угон бараньих стад – барантов.

Слова «Ойротия», «ойротский народ» широко использовались в начале 20-х гг. XX в. применительно к инородцам Горного Алтая. В 1921 г. на совещании в Томском Губнаце обсуждался вопрос о создании Ойротской республики. В 1922 г. была образована автономная область ойротского народа, позднее переименованная в Горно-Алтайскую автономную область, в настоящее время являющуюся Республикой Алтай.

Монашеское поселение вокруг ступы.

Курганообразное погребальное сооружение в Монголии и Забайкалье, представляющее собой нагромождение камней.

Так же Джамби-Джамцан-лама, Джа-лама.

Свен Гедин (1865–1952) – известный шведский путешественник, исследователь Центральной Азии.

Беноццо Гоццоли (1420–1497) – итальянский художник, расписывавший монастыри во Флоренции и в Ватикане.

Веды («Знание») – древнеиндийские религиозно-философские произведения, считающиеся священными писаниями. Авторство этих книг приписывается великим мудрецам-праотцам – риши. Сложились на протяжении III–II тысячелетий до н. э.

Пураны – санскритские сборники, содержащие философские, космогонические произведения, а также повествования о происхождении мира, о повторных его сотворениях после периодических разрушений, о генеалогии богов и мудрецов-риши и хроники древних царей. Составителем Пуран, по преданию, был Вьяса.

Мунтазар (имам Махди аль-Мунтозор) – у шиитов последнее воплощение «божественной» души Мухаммеда, ожидаемый, «скрытый» имам (духовный руководитель) будущего, при котором наступит окончательная победа ислама.

Альберт Грюнведель (1856–1935) – немецкий археолог, индолог, член-корреспондент Российской академии наук.

У буддистов гелонг (гелунг) – верховный жрец, наставник банди (послушников, учеников).

Ашрам – обитель мудрецов и отшельников или религиозная организация, основанная духовным авторитетом для религиозно-просветительской деятельности, а также духовной и физической практики. Традиционно ашрамы располагались в уединенных и отдаленных местах – лесах, горах. Дословный перевод – ступень.

Махатма – великий духовный Учитель. Буквальное значение – «Великая Душа».

В буддизме человек, вышедший из «колеса перерождений», но не обладающий всеведением Будды.

По-видимому, речь идет о Мохенджо-Даро («холме мертвецов») – городе, возникшем в долине Инда около 2600 г. до н. э. Он не только является крупнейшим из древних городов Индии, но и одним из самых древних в Южной Азии.

Пелинг – по-тибетски означава «иностранец, человек с Запада».

Бодхгайя – место, недалеко от Сарнатха, где Будда обрел просветление под деревом Бо.

Ученики Будд, добровольно отказавшиеся от нирваны и вступившие на путь помощи человечеству в его духовном освобождении и совершенствовании. Один из особо почитаемых бодхисатв – Майтрейя, преемник Будды.

Аюши-хан – царь ойротов, при котором в начале XVII в. часть ойротов откочевала из Джунгарии к нижнему течению Волги, где они стали именоваться калмыками.

Белый Бурхан – алтайское наименование Грядущего Будды.

Богдо-гэгэн – второй титул Чжэбцзун-дамба-хутухта, ламаистского первосвященника Монголии.

К словам, помеченным цифрами, даны объяснения в конце этой книги (со стр. 435).

Источник Авраама – источник в оазисе на Синайском полуострове, близ побережья Средиземного моря, где библейский патриарх Авраам останавливался со своими стадами.

Джидда – порт на побережье Красного моря, откуда мусульмане-паломники следуют в Мекку – на родину основателя ислама Мухаммеда к священному храму Кааба.

Современное название Нубии – Судан.

Чермное море – старинное название Красного моря, встречающееся, например, в Библии.

Кория Мория – таинственная, сокровенная страна счастья и благополучия.

Находящийся на берегу Нила, близ Эль-Гизы, Сфинкс, высеченный из целой скалы и изображающий фигуру льва с человеческим лицом, пострадал во время египетского похода Наполеона: солдатам вздумалось избрать этот памятник III тысячелетия до н. э. в качестве мишени для упражнений в стрельбе из пушек.

То есть страна, называемая Ланкой в Рамаяне. Ланка – древнее название острова Цейлон (ныне Республика Шри-Ланка, т. е. «счастливая Ланка»). Рамаяна (колесница Рамы) – древнеиндийский эпос, повествующий о подвигах легендарного царя и героя Рамы, который во время своих походов похищал у царя Ланки жену Ситу.

Сингалезы (сингалы) – коренное австралоидное население Цейлона.

Будда («знающий», «просветленный») – сын царя из рода шакья (Шакьямуни) по имени Сиддхартха Гаутама, достигший просветления; основатель буддизма, философско-этического учения, изначально, возможно, не имевшего религиозной окраски. Как мировая религия буддизм складывался более двух тысяч лет. Согласно традиции, Будда жил между 624–544 гг. до н. э., однако ученые востоковеды указывают другие даты его жизни: 563–483 гг. до н. э. Майтрейя – грядущий Будда, который явится миру, когда закончится текущий цикл развития мира (калиюга).

Хинаяна («малая колесница») – одно из основных течений буддизма, преследующее индивидуальное избавление от бесконечной цепи перерождений, доступное немногим. Хинаяну называют еще «узкий путь».

Махаяна («великая колесница», или «широкий путь») – другое из основных течений буддизма. Предполагает возможность спасения для всех, а далеко продвинувшимся на пути «спасения» вменяет в обязанность помогать другим (отсюда – институт лам). Махаяна возникла в конце I тысячелетия до н. э. – в начале н. э. в Северной Индии и широко распространилась на всю Среднюю и Центральную Азию, Китай, Монголию, Корею и Японию. Считается, что хинаяна появилась раньше.

Ступа («навершие») – буддистский погребальный, мемориальный, символический или реликварный памятник.

Хануман – один из главных героев «Рамаяны», божественная обезьяна, сын бога ветра Ваю и апсары Пунджисталы, друг и верный союзник Рамы и Ситы. Широко почитается в Индии как идеал деятельности, предприимчивости и скромности.

Равана – герой «Рамаяны», десятиголовый повелитель ракшасов, владыка острова Ланка, антагонист Рамы, узурпировавший власть в трех мирах – земном, промежуточном и небесном. Повержен и убит Рамой.

«Лучшего времени учения» – то есть времени расцвета буддизма на Цейлоне в конце I тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия н. э.

Анурадхапура – город, основанный на Цейлоне в VI в. до н. э. Под названием Анурадха был резиденцией сингальских правителей более двенадцати веков. Указан на картах Клавдия Птолемея. Многочисленные памятники в центре и окрестностях этого города внесены в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Борободур – гигантский буддистский храмовый комплекс на Яве. Строился около 800 г. Сторона квадратного основания гигантской ступы, сооруженной здесь, составляет 118 м. На основании – восемь ярусов, символизирующих миры махаяны, и гору Меру – обитель богов.

Данушкоди – таможня в Калькутте.

Дравиды – группа темнокожих народов, населяющих преимущественно Южную Индию и говорящих на языках дравидийской семьи (телугу, тамили, малаялам, каннара и др.).

Мадурай – крупный город Южной Индии в штате Тамилнад; в годы путешествия Н. К. Рериха имел около 850 тыс. жителей, ныне – около 500 тыс. «Один миллион жителей» – ошибка.

Саиб (сахиб, сагиб) – «господин», индийское обращение к знатному лицу; в колониальные времена так обращались ко всем европейцам.

Махараджа («великий царь») – в древней и средневековой Индии титул крупного правителя.

Саливен Леви (1883–1935) – французский востоковед и санскритолог.

Наваб («наместник») – титул правителей индийских провинций, отделившихся в XVIII в. от империи Великих Моголов и превратившихся в самостоятельное государство. Этот титул носили также вассальные князья и крупные феодальные помещики – заминдары.

Бабу́ («господин», «почтеннейший») – в Бенгалии так вежливо и почтительно обращаются к именитым или ученым людям, а также к к домохозяевам и землевладельцам.

Абаниндранат Тагор (Обониндронатх Тхакур) – племянник Рабиндраната Тагора.

Бенгальская школа («Бенгальское Возрождение») – направление в индийском искусстве, опиравшееся на национальные традиции на рубеже XIX и XX вв., связанное с подъемом национально-освободительного движения в Индии.

Джагадис Чандер Бхош (1858–1937) – индийский физиолог и биофизик, основатель и директор научно-исследовательского института физиологии в Калькутте. Среди его заслуг – открытие биоэлектрической деятельности растительных организмов, долгое время игнорировавшееся, поскольку сам Бхош пытался объяснить его с точки зрения древнеиндуистских взглядов на роль психической энергии в природе.

Лаборатория имени Вивекананды – физиологическая лаборатория, организованная Бхош Сеном, которую материально поддерживал Н. К. Рерих.

Рамакришна Парамахакса (Гададхар Чаттопадхайи) (1835–1886) – известнейший и наиболее почитаемый реформатор индуизма, йог, жрец богини Кали храма в Дакшинисвара под Калькуттой. Проповедовал учение Веданты и считал, что все религии происходят от одного корня.

Ключевые понятия учения Рамакришны:

Осознание Бога является высшей целью человеческой жизни, поскольку только это может принести человеку высшую радость и мир.

Бог Един, Он одновременно и личен, и безличен; известен под разными именами в различных религиях.

Бога возможно осознать различными путями, которые можно узнать из мировых религий.

Все религии истинны настолько, насколько они ведут к осознанию Абсолютной Истины.

Чистота ума, целомудрие – главное условие для осознания Бога, но Божья милость может спасти даже безнадежного грешника.

Вместе с верой в Бога необходимо позитивное отношение к жизни, нельзя предаваться самоосуждению или унынию.

Бог живет во всех людях, поэтому ко всем людям нужно относиться с уважением.

Садху – аскет или йог, который полностью посвящает себя достижению освобождения. Довольно часто садху носят одежды цвета охры (желтые, оранжевые), что символизирует отречение. Садху живут в пещерах, лесах, странствуют. В Индии их насчитывается до 5 млн.

«Модерн Ревью» – журнал националистического направления, издававшийся в Индии в начале XX в.

«American Express» – американская фирма, обслуживавшая туристов.

Джайпур – город на северо-западе Индии, административный центр штата Раджастхан; в колониальной Индии был центром вассального княжества.

Голта-Пасс (правильно Галта) – архитектурный памятник XVI–XVIII вв. могольской эпохи в Амбере (близ Джайпура), старой столице раджпутских правителей. В этом храме, как и во множестве других, постоянно проживает множество обезьян.

Хатха-йог – аскет, практикующий хатха-йогу – систему упражнений, которыми достигается способность саморегулирования физиологических функций человеческого организма. Возможно, у Рериха речь идет о базарном факире-фокуснике.

Раджпутана – прежнее название области на северо-западе Индии, ныне штат Раджастхан, где расположены Джайпур и Амбер.

Фатехпур-Сикри (Фатехпур) – резиденция Великого Могола Акбара близ города Агры, основанная в 1569 г., постройки которой сочетают традиционные индийские и индо-мусульманские черты.

Агра – город на северо-западе Индии, в штате Уттар-Прадеш. С 1526 по 1707 г. – одна из столиц Могольского государства, в XVIII в. пришел в упадок.

Аджанта – преимущественно буддистский храмово-монастырский пещерный комплекс в Центральной Индии, создававшийся в течение III–VII вв. Представляет собой утес в виде подковы с 29 пещерами.

Новый Дели (Нью-Дели) – район столицы Индии с современной застройкой. Возник в колониальные времена после перенесения столицы из Калькутты (1911) как административный «европейский» центр.

Бенарес – искаженное европейцами название древнего индийского города Варанаси в штате Уттар-Прадеш, крупного центра индуизма, известного памятниками архитектуры, университетом и являющегося местом паломничества индуистов к священной реке Ганг. В настоящее время название «Варанаси» вытесняет «Бенарес».

Пуэбло – доисторическая индейская культура, материальные следы которой обнаружены на юго-западе США (штаты Колорадо, Юта, Аризона, Нью-Мексико), с характерным стилем керамики и сооружения жилищ. Их дома – глинобитные или каменные постройки вдоль утесов. Этот архитектурный стиль, также называемый «пуэбло», возрожден в современной архитектуре, например, в Санта-Фе.

Стокзунд – пригород Стокгольма.

Пранаяма – в йоге управление праной (или жизненной энергией ци) с помощью специальных дыхательных упражнений, цель которых – воздействовать на человека физиологически посредством изменения концентрации кислорода и углекислого газа, а также эмоционально с помощью применения специальных типов дыхания.

Брахманы – высшая варна в Индии, объединяющая духовное сословие.

Золотой Храм – главный храм города Варанаси.

Ибн-Фадлан (Ахмед ибн-аль-Аббас ибн Рашид ибн-Хаммад) – арабский путешественник и писатель X в. В 921–922 гг. посетил Волжскую Булгарию в качестве секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира.

Световит – у прибалтийских славян бог света, солнца и огня, ежедневно объезжающий небо на конях. «Световитовыми конями» Рерих называл керамические изображения коней, которые в Индии ставят вокруг полей, следуя культу богини плодородия.

Валькирии – в древнескандинавской и германской мифологии воинственные девы, дочери бога Одина (германского Водана), дарующие в битвах победу героям и относящие павших в чертог Одина Вальгаллу. Изображались мчащимися на конях.

Свами – в индуизме последователь какого-либо учения; вступая на путь духовного развития, он принимал новое имя, перед которым ставится «свами» (например, Свами Вивекананда, Свами Шивананда и т. д.).

«На высоте Пенджаба, в Майявати» – община последователей Вивекананды Майявати находилась в Кумаоне – пенджабских Гималаях.

Тримурти Элефанты – скульптура верховного божества шиваистов Шивы Махадевы (VIII в.) в пещерном храме на острове Элефанта, или Гхарапури, близ Бомбея. Шива изображен трехликим, поэтому ранее эту скульптуру считали образом Тримурти – «троицы»: Брахмы-творца, Вишну-хранителя и Шивы-разрушителя, – олицетворяющим здесь всех трех богов

Сарнатх – населенный пункт близ Варанаси, где, по преданию, в Оленьем парке Будда прочел свою первую проповедь. В честь этого события здесь царем Ашокой была поставлена памятная колонна и воздвигнута гигантская ступа, вокруг которой теперь расположены храмы последователей буддизма всех конфессий.

Ганеша – одно из популярнейших божеств у индуистов, воплощение житейской мудрости. Изображается ребенком с головой слона и четырьмя руками; в шиваизме считается сыном Шивы и супруги последнего – Парвати.

«Слова о семи нациях» – по одной из теорий, семь рас последовательно создавали «великие цивилизации»: лемурийская, черная, атлантская, семитская, арийская, турано-монгольская, белая.

Мировые катаклизмы – по представлениям индуизма, мир должен пережить четыре эпохи, к последней из которых относится наше время. При смене эпох, по индуистским представлениям, происходят катаклизмы.

Речь идет об экспортерах чая.

Китайский Туркестан – устаревшее название Синьцзяна.

Томас Кук и К° – английская фирма, обслуживающая путешественников и туристов, названная по имени ее основателя, который и придумал туристический бизнес, ставший со временем одним из самых доходных. Он придумал туризм. Его фирма существует и поныне, разрабатывая маршруты, организовывая заказ билетов, гостиниц, печатая путеводители и выдавая дорожные чеки.

Сварадж («собственное правление») – лозунг, выдвинутый индийскими националистами в период подъема освободительного движения в 1905–1908 гг.

Дас, Читтараиджан (1870–1925) – индийский адвокат, участник национального движения в Бенгалии, один из лидеров и идеологов правого крыла Индийского национального конгресса; вместе с Мотилалом Неру возглавлял движение свараджистов.

Ганди, Мохандас Карамчанд (1869–1948), прозванный индийцами Махатмой («великой душой») – выдающийся руководитель индийского национально-освободительного движения, почитаемый как «отец нации», проповедовал философию ненасилия (сатьяграху), пользовался огромным влиянием как среди индусов, так и среди мусульман Индии, старался примирить враждующие группировки.

Найду, Сароджинн (1879–1949) – участница национально-освободительного движения, видный деятель Индийского национального конгресса; поэтесса-лирик.

Неру, Мотилал (1861–1931) – индийский адвокат, один из руководящих деятелей Индийского национального конгресса, отец Джавахарлала Неру.

Линга – сосуд знания» – формула, возникшая во времена культа богов плодородия, излагающая краткую суть древнейших религиозно-философских представлений индийцев: все в мире происходящее – результат взаимодействия женского начала, хранящего истину, и мужского (линга), извлекающего эту истину.

Касты – эндогамные общественные группы людей с традиционными занятиями, принадлежность к которым определяется рождением. В Индии возникли на основе варн. Варн было четыре: брахманы – духовное сословие, кшатрии – военно-землевладельческое, вайшии – торговцы, ремесленники и земледельцы, шудры – все остальные, обслуживавшие высшие варны. Постепенно каждая варна (особенно вайшии и шудры) раздробились на более мелкие подразделения по профессиональным или профессионально-племенным признакам; эти-то подразделения, собственно, и называли кастами.

Воплощение – в индийских философско-религиозных системах тело, которое обретает душа каждого человека после смерти и возрождения

Адвайта-веданта – наиболее известная разновидность веданты, религиозно-философской системы индуизма. Основной тезис: «Брахман (Абсолют) реален, мир нереален, индивидуальная душа (джива) и Брахман – одно и то же».

Адвайта (кедуализм) – монистичное направление в школе Веданты, основанное Гаудападой и Шанкарой (788–820), признающее в мире только одну реальность – бога (Брахмана).

Кали – женская, или творческая, энергия (шакти) бога Шивы-разрушителя, его супруга. Известна в нескольких ипостясах – Умы («света»), *символизирующей мягкость и женственность*, и Парвати («горянки»), грозной богини Дурги («неприступной»), Кали («черной») или Бхайрави («ужасной»). В последних видах поклонение ей сопровождалось кровавыми жертвоприношениями.

Атман – душа; высшее «Я», абсолютный субъект, «осуществляющий себя», то есть мировая душа, бог.

Силигури – город у подножия Гималаев, в штате Западная Бенгалия, по дороге на Дарджилинг.

Лебонг – населенный пункт в Сиккиме у подножия Главного Гималайского хребта, где начинаются дороги на Тибет через перевалы Нату-ла и Джелан-ла.

«Здесь жил далай-лама во время своего... бегства...» – в 1911 г. далай-лама попытался отделить Тибет от Китая. Китайское правительство ответило оккупацией Тибета, и далай-лама вынужден был бежать в Индию под защиту англичан. Далай-лама жил в усадьбе Талай-Пхо-Бранг под Дарджилингом, в которой размещалась экспедиция Н. К. Рериха. После 1911 г. тибетское население изгнало китайцев и далай-лама вернулся.

Шерпы – наименование народности тибетского происхождения в высокогорной части Непала. Стало нарицательным в смысле людей, занимающихся выполнением тяжелых работ.

Ордос – пустынное плато в Китае внутри большой петли, образованной р. Хуанхэ.

Арья-Самадж – «Общество ариев», основанное Даянандой Сарасвати (1824–1883) с целью реформации индуизма под лозунгом «назад, к Ведам».

Кхампа – бродячая секта в Канаваре, на северо-западе Индии, до известной степени схожая с индийскими йогами. Ее представители посещают святыне места, живут в основном подаянием. Некоторые танцуют и поют, аккомпанируя себе на барабане или скрипке.

Голоки – непрочное объединение монголо-тибетских родов на северо-востоке Тибета.

Зигфрид – раннесредневековый германский эпический герой из «Песни о Нибелунгах», убивший дракона Фафнира. Нарушив клятву жениться на валькирии Брунхильде, погиб вследствие ее мести.

«Его страна», «Знамена Востока» – серии картин Н. К. Рериха, сюжеты которых навеяны впечатлениями описываемого путешествия. Под местоимением «его» подразумевается Майтрейя.

Темпера – краски, приготовляемые на основе сухих натуральных или синтетических пигментов, а также живопись ими. Связующим веществом темперных красок служат натуральные яичные желтки, соки растений, иногда нефть или искусственные масла, полимеры. Темперой традиционно пользовались при изготовлении икон, фресок. Н. К. Рерих широко применял эту технику.

«Ринпоче из Чумби» – ринпоче («великая драгоценность») – эпитет наиболее влиятельных духовных деятелей ламаистского Тибета; Чумби – крупный монастырь, буддистский центр в Сиккиме.

Атиша (982—1054) – крупнейший деятель тибетского буддизма, организовавший перевод буддистских текстов на тибетский язык. В монастырских уставах усилил дух аскетизма и этические требования, проповедовал в Тибете тантрийскую систему Калачакры. В 1050 г. созвал VII собор буддистов, на время объединивший монахов Тибета и индийских пандитов (ученых-буддистов).

Миларайпа (1038–1112) – буддистский поэт-отшельник, автор сборника гимнов и повестей о своих скитаниях, отвергал схоластику буддистских философских школ, выше всего ставил самосозерцание.

Татхагата («следующий сути мира») – эпитет Будды.

Гопи, Кришна, Лель и Купава – герои легенд о Кришне и персонажи оперы-сказки Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

Инвольтация – установление астральной связи между двумя объектами, а также колдовские действия над какими-либо предметами, с целью причинения вреда человеку.

Малабарские холмы – часть Бомбея, где расположены висячие сады.

Волевой удар – то же самое, что и энергетический удар: мысленное навязывание своей воли другому человеку.

Эверестская экспедиция – впервые сведения о следах «неизвестного существа» были опубликованы в 1898 г. в отчете Гималайской экспедиции Уэделла 1889 г., но, возможно, здесь речь идет о первой Эверестской экспедиции 1921 г., возглавлявшейся английским полковником Ч. К. Говардом-Бери, участники которой тоже видели за снеговой линией странные, человекоподобные следы.

«Statesman» – в то время ежедневная газета на английском языке, продававшаяся в Калькутте.

Махендра Пратап – один из членов теософского общества в Мадрасе.

Лемурия – гипотетический материк на месте Индийского океана, якобы существовавший несколько десятков миллионов лет назад. По другим представлениям, Лемурия существовала еще несколько тысяч лет назад и была колыбелью древнейшей цивилизации человечества, погибшей в геологической катастрофе вместе с материком.

«Тибет помнит о троекратном разделе... имуществ...» – местная историческая традиция в Тибете приписывает такой акт правителю Муни Дзэнпо (VIII–IX вв.), который конфисковывал то феодальные владения, то владения буддистских монастырей, то имущество сторонников бон.

Выдающийся буддистский мыслитель, основатель философской школы йогачара (IV в.). По преданию, получил свое учение от самого Майтрейи. В Тибет это учение принес Дхармаракшита, ученик Атиши.

Марк Аврелий (121–180) – римский император, философ, автор сочинения «Наедине с собой», где говорит о самосовершенствовании и выражает неверие в совершенствование политического строя.

«Дао дэ цзин» – сочинение китайского философа VII–VI вв. до н. э. Лао-цзы, в котором он излагает учение о дао («путь»). Понятие «дао», подразумевающее нечто абсолютное, неопределимое, лежащее в основе мира, имеет некоторые общие черты с индуистским Брахманом – абсолютным духом.

Упанишады – более ста прозаических трактатов-комментариев к четырем первым Ведам, созданным до VIII в. до н. э., содержащих религиозно-философскую систему космического характера и изложение системы самопознания. Являются основой всей позднейшей философии Индии, включая Веданту.

Бхагаватгита – важнейшее религиозно-философское сочинение индуизма, входит в Махабхарату.

«Последние раскопки начинают поддерживать этот... вывод» — речь идет о раскопках Мохенджодаро и Хараппы, городов III–II тысячелетий до н. э. в долине Инда, открытых Ракхалдасом Банерджи и Раем Бахадуром Сахни.

Колесница Джагарната, или Джаганнатха – колесница «владыки мира», служит для торжественной церемонии перевозки статуи божества (см. иллюстрацию на стр. 83).

Наги – небольшое племя, живущее в индийском штате Раджастхан (Раджпутан); одноименные племена обитают также в Ассаме и Северо-Восточной Индии, а также мифические обитатели подземного царства Поталы, имеющие облик змей, в индийской и тибетской мифологии.

«Есть, есть и они» – Рерих, видимо, говорит здесь о Махатмах.

Калиюга («век», «эпоха богини Кали», «черная эпоха») – эпоха, в которую мы живем. По представлениям индуизма, история мира циклична и разделена на эры, при смене которых происходят катаклизмы. Большой цикл – махаюга – делится на четыре эры: сатью-, или деваюгу («святую», «божественную» югу), третаюгу, двапараюгу и калиюгу. По завершении калиюги катастрофические катаклизмы изменят облик Земли, очистят ее от скверны, после чего начнется новый большой цикл и счастливая эра справедливости – сатьяюга.

Вишнупурана – одна из пуран, в которой богом-созидателем, хранителем и разрушителем, основой всего сущего считается Вишну. В этом произведении также фигурирует Майтрейя.

Чинтамани — в индийской и центрально-азиатской мифологии волшебный камень, исполняющий желания; иногда его везет белый конь.

«С двух сторон пытались поработить Тибет» – речь идет о борьбе за контроль над Тибетом между Китаем и Англией в первой четверти XX в.

Гум – местность и монастырь в непальских Гималаях, на левобережье истока р. Карнали – Мугу-Карнали.

Архат («достойный») – в буддизме – монах, достигший высшей земной ступени совершенства и святости, вырвавшийся из цепи перевоплощений

Каббала – мистическая традиция иудаизма, связанная с осмыслением Творца и Творения, его роли и целей, а также природы человека и смысла его существования. Каббала включает в себя философские размышления, медитации, изучение и применение мистических сил. Окончательно сформировалось в Средние века.

«Напоминает библейские обряды» — во время молитвы иудеи закутывают голову, чтобы «остаться наедине с богом».

Сен-Жермен – известный французский дипломат, художник, музыкант, композитор, путешественник, алхимик и оккультист XVIII в. Именовал себя графом Сен-Жерменом. С его именем связано такое множество легенд, что он до сих пор остается одной из самых загадочных фигур в истории Франции тех времен.

Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – писательница (в основном писала по-английски) и путешественница (совершила по крайней мере три круго-светных путешествия), а также то ли западный оккультист-спиритуалист, то ли русский философ-религиовед, жившая в США. В 1875 г. в Нью-Йорке вместе с полковником Г. С. Олкоттом она основала Теософское общество, одной из главных целей которого было «образовать ядро Всемирного Братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания», которое поддерживало антианглийское движение в Индии. Некоторые ее произведения перевела на русский язык Е. И. Рерих.

Бульвер-Литтон, Эдвард (1803–1873) – английский романист, написал «Последний день Помпеи» и другие произведения.

Бейли, Фредерик Маршман, полковник – английский резидент в Сиккиме, руководивший английской агентурой в Тибете и Синьцзяне; именно его стараниями экспедиция Рериха была задержана в Тибете в тяжелых зимних условиях, приведших к гибели вьючных животных и некоторых участников экспедиции.

Речь идет о третьей Эверестской экспедиции 1924 г. под руководством генерала Ч. Г. Брюса и полковника Э. Ф. Нортонa, во время которой два ее участника – Д. Г. Л. Меллори и Э. Эрвайн – погибли.

«Изберем раджу...» – в Индии в древнейшие времена раджа («царь») был выборным вождем племени, позже – наследственным правителем. Здесь Рерих, по-видимому, говорит об отборе «лучших» из всех индийских варн.

Речь идет об обряде сати – самосожжении вдов на погребальном костре мужа, характерном для высших каст. Считается, что его источник – легенда о самосожжении богини Сати, бросившейся в священный огонь, не вытерпев оскорблений в адрес супруга.

В 1987 г. индийский парламент принял закон, запрещающий сати: теперь наказанию подлежат как сами женщины, пытавшиеся совершить самосожжение (заключение до одного года и штраф), так и их родственники.

Сангха – буддистская община.

Хадак (хатык) – шарф, подношение с выражением уважения, почетный дар важному лицу.

«Пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан» – по современным данным, в Гималаях 11 вершин превышают 8000 м, а «семитысячников» более 80; средняя высота Главного Гималайского хребта – 6000 м, что намного превышает высоту Монблана, составляющую 4810 м.

Великий Рангит – река на северо-востоке Индии, берущая начало на склонах Главного Гималайского хребта в районе Канченджанги.

Изображение рыбы – у христиан символизирует имя Иисуса Христа, поскольку инициалы этого имени в соединении с греческим словом «тео» (бог) образуют криптограмму «ихтео», близкую латинскому «ихтиус» – «рыба». По другой версии, символом Христа является рыба, потому что он – мессия эпохи Рыб.

Библейский пророк Иезекииль имел на р. Ховар в Сирии видение концентрических и многоглазых колес. Сравнивая эти колеса с буддистским «Колесом Жизни», Рерих следует своим представлениям о едином источнике всех религий.

Серафимы («пламенные») – самый высший чин в иерархии ангелов, признаваемой как иудаизмом, так и христианством.

Дуккар – добуддистская «Матерь Мира», богиня плодородия, покровительница человечества, возникшая в эпоху матриархата и вошедшая в буддистский антеон в Ладакхе.

Зороастр (Заратуштра) – основатель религии зороастрийцев (огнепоклонников, магов), живший, по легенде, около начала V века до н. э., а по расчетам историков – 500 или даже на 5000 лет раньше. Зороастризм основан на представлении о борьбе добра и зла и на почитании основы жизни, всеочищающего огня. До арабских завоеваний эта религия была широко распространена в Персидской империи, Азербайджане и Средней Азии; ныне последователи этой религии в небольшом числе имеются в Индии (главным образом в районе Бомбея) и зовутся парсами.

Шекели – древнееврейская, а также современная (Израиль) денежная единица. Академик Окладников указывал, что здесь в тексте неточность: чеканка монет впервые началась в малоазиатском государстве Лидия, через 400–600 лет после времени Соломона (960–935 гг. до н. э.).

Чандрагупта Маурья – правитель Индии между 322 и 298 гг. до н. э., основатель династии Маурья, или Маурия (322–185 гг. до н. э.); его могущественная империя объединяла значительную часть Индии и западные области Ирана.

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) (1314–1392) – монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра, Загорск), преобразователь монашества в Северной Руси.

Бодхисатва («тот, сущность которого знание») – те последователи учения, которые, накопив добродетели, отказались от возможности стать буддами ради помощи в достижении просветления всем живым существам. Хинаяна признает лишь двух бодхисатв – Сиддхартху Гаутаму до его рождения и будущего будду – Майтрейю; в махаяне их много, но главных – восемь, и среди них – Авалокитешвара, якобы воплощающийся в каждом далай-ламе.

Друиды – у кельтских народов и древних саксов – жрецы. У друидов чашей жизни называлась чаша кедровой смолы-живицы, действительно целебный напиток. Смола кедра употреблялась также шумерами (в Хоросанском царстве) и зороастрийцами, которые считают, что от сожжения смолы в чаше родился огонь Зороастра.

Согласно легенде, Грааль – это чаша, из которой причащались ученики Иисуса Христа на Тайной вечере. В нее же собрали несколько капель крови распятого на кресте Спасителя. Испивший из чаши Грааля получает прощение грехов, а по некоторым версиям, и вечную жизнь.

«Камни Стефана» – речь идет о католическом «святом» Стефане, побитом камнями во время гонения на христиан.

Кампо Санто – традиционное итальянское кладбище в виде двора, окруженного аркадами, с гробницами под ними, украшенными статуями. Самое известное Кампо Санто – в Пизе, сооруженное в 1278–1283 гг. по плану Джованни Пизано, в готическом стиле, украшенное фресками.

«Орлиные гнезда Фазнцы или Монте-Фальконе» – города в Северной Италии, в области Эмилия-Романья, в окрестностях которых сохранились средневековые романские замки.

Гайя (ныне Бодхгайя) – место близ Сарнатха, где, согласно буддистской традиции, Сиддхартха Гаутама, неудовлетворенный аскетизмом как методом достижения истины, предался размышлениям и созерцанию. В результате на него снизошло «просветление», то есть он стал Буддой. Священное место для буддистов и индуистов.

«Известны места рождения и смерти учителя – в Непале» – согласно буддистской традиции, Будда родился в Непале, но умер он в Кушинагаре (ныне Касия), в округе Горакхпур, штат Уттар-Прадеш, Индия.

Меру – символическая гора, центр мира и обитель богов индуистской мифологии; в Махабхарате называется также Мандара, в поздних текстах буддизма – Сумеру.

Религиозный глава монгольских буддистов, именуемый «живым Буддой».

«Из этого окна» – то есть одного из окон усадьбы Талай-Пхо-Бранг.

Чудь – древнерусское наименование эстов, а также племен, обитавших в пределах владений Новгорода Великого – от Онежского озера до Урала. В Прикамье – легендарный древний народ. Это название входит в некоторые устойчивые обороты: чудь белоглазая; чудь заволочская, чудь псковская.

«Земля толкует о подземных городах... храмах, ушедших под воду» – имеются в виду легенды и предания у разных народов об «ушедших» под землю или под воду городах, например, «Сказание о граде Китеже». Такие легенды часто базируются на реальных событиях.

Гандан – буддистский монастырь вблизи Лхасы.

Дзонкапа (1357–1419) – известный тибетский реформатор буддизма, основатель ламаистской церкви и секты гелугпа, или «желтых шапок», автор множества буддистских сочинений. Современное написание Цзонкапа.

Мать Мира — культ «земли-матери», богини плодородия у древних народов, возник в эпоху матриархата, часто отличался грубым натурализмом.

«Култ... Медведицы и Ориона» – у ранних земледельческих народов засушливых районов существовал культ звезд, поскольку астрономические наблюдения непосредственно касались вопросов организации сельскохозяйственных работ.

Иов – автор одной из частей Библии – Книги Иова, философско-религиозного трактата, созданного в VI в. до н. э.

«Три Мага» – иначе три волхва (мага, ведуна), предсказавшие рождение Иисуса Христа и пришедшие ему поклониться; здесь – три яркие звезды «пояса» созвездия Орион, астрологически определявшиеся как «три мага».

Канченджанга (тибетск. Канг-чен-дзо-нга – «пять сокровищниц больших снегов») – пятивершинная гора, из которых главная, третья в мире по высоте (8585 м), находится в крайнем северо-западном «углу» Сиккима.

Бкра-Шис-Лкинг – буддистский монастырь в Сиккиме.

«Разноцветная толпа фигур ада...» – сцены, живописующие ламаистский ад, всегда изображаются в буддистских храмах Центральной Азии.

Белые духи — в ламаистской мифологии духи смерти, наказывающие грешников в аду.

«После узорчатости персидской и могольской миниатюры» – иранская, или персидская, миниатюра возникла на основе стенной живописи, а позднее оказалась связанной с оформлением рукописей. Ее расцвет относится к XVI–XVII вв. Могольская миниатюра сложилась в последней трети XVI в. при дворе императора Акбара и является первой в средневековой Индии светской школой живописи.

Хара-Хото (Харахото; монг. «черный город») – мертвый тангутский город X–XIII вв., развалины которого в начале XX в. обнаружил Козлов. В 1914 г. этот город исследовал английский археолог Аурел Стейн.

Хранители – духи-охранители закона и веры в ламаистском пантеоне. Говоря о масках, Рерих имеет в виду ритуальные маски, надеваемые ламами во время ритуальных танцев.

Тантра в общем смысле – текст с описанием основ той или иной индуистской культовой практики. Но в данном случае речь идет все-таки об одной из основ тибетского ламаизма – тантризме. Сущность его состоит в представлениях о том, что человек (микрокосмос) – копия Вселенной (Макрокосмоса), чем и обуславливается их тесная связь, поэтому считается, что человек способен управлять силами природы путем заклятий, таинственных формул, магических текстов и т. п.

«Трактат о переселении душ» – эта тематика является типичной для тибетских книг.

Кереш, Чома де (1784–1842) – венгерский филолог и путешественник, основатель европейской тибетологии. Умер и похоронен в Дарджилинге.

«Во времена бесед св. Иоанна Делакруа со св. Терезою» – то есть в конце XIX в., когда жили эти святые.

Менданг – небольшое каменное сооружение, увенчивающее вершину холма или иное возвышенное место, обращенное фасадом на восток. Служит местом уединения отшельникам и ламам, предназначено для сосредоточенного размышления и созерцания.

Напиток бессмертия у индийских богов, добытый при пахтанье «молочного океана».

Танжерини – апельсини из Танжера (Северо-Западная Африка).

«Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается» — конечно, этот факт легко можно объяснить обыкновенным жульничеством, у священнослужителей есть в запасе целый год, чтобы снять крышку, отлить или долить воды и снова опечатать сосуд...

Раху (Рагху) – демон, который стремится поймать и проглотить Луну и Солнце – так объяснялись затмения. По старым поверьям, в таких случаях надо производить как можно больше шума, чтобы испугать Раху и заставить его выпустить Солнце или Луну. Это здесь и описывается.

Асура – в индийской мифологии, в отличие от персидской, демоны, а не боги.

Один из величайших бодхисатв, олицетворение сострадания. Обычно изображается многоруким и многоликим.

Черные маги – по-видимому, Рерих имеет в виду колдунов дравидийских племен Малабарского побережья (юго-западная прибрежная полоса полуострова Индостан), которые широко применяли древнюю предметную магию.

«Владыка мира» – по-видимому, Рерих имеет в виду грядущего будду Майтрею.

«Недалеко от Ташидинга... жил сам Падмасамбхава» — здесь и в предыдущих нескольких абзацах излагаются буддистские легенды.

«И река донесла колокола...» – в этой легенде фигурируют китайский император Кан-си и первый из монгольских богдо-гэгэнов Ундур Геген (1636–1723). Легенда возникла в XVII в. по случаю пребывания этого богдо-гэгэна в Пекине.

«По неразумию они убивают животных» – буддизм в принципе запрещает убивать животных, так как в любом из них, согласно учению о переселении душ, может воплотиться человек. Но все-таки иногда животные даже употребляются буддистами в пищу, впрочем, при этом сами они их не убивают.

«Что делается на монгольской границе?» – весной 1924 г. умер последний богдо-гэгэн (глава церкви и государства), монархия была ликвидирована и в ноябре 1924 г. Великий народный хурал провозгласил Монголию народной республикой, начались реформы во всех областях жизни государства. О положении в Монголии и на ее границах ходили самые невероятные слухи, в том числе и связанные с таши-ламой.

Гаруда – в индийской мифологии божественный царь пернатых в виде получеловека, полуптицы, одно из олицетворений огня и солнца, исконный враг змей (нагов-демонов), символизирующих воду, тесно связанный с хранителем Мира богом Вишну, который летает на Гаруде вместе со своей супругой Лакшми.

Стихиры – краткое песнопение; поется на стих псалма на различных службах, причем их количество зависит от степени праздничности богослужения. Существуют стихиры, посвященные воспоминаниям дня, евангельские стихиры, которые поются в воскресные, литийные стихиры и стихиры отпевания. Этими песнопениями сопровождают свою работу и иконописцы.

Мунтазар – в шиитском толке ислама последнее воплощение «божественной» души Мухаммеда, «ожидаемый», «скрытый» имам (духовный руководитель) будущего, при котором ислам победит во всем мире. В этом смысле Мунтазара можно сопоставлять с Майтреей. По традиции, аль-Махди аль-Мунтазар будет «человеком арабской наружности, темным, высоким и крепкого телосложения. Его взгляд будет подобен «сияющей звезде», и лоб его будет высок. Глаза его будут черными, а брови – прямыми и сросшимися. У него будет густая борода и разделенные зубные резцы. На его правой щеке будет прекрасная родинка, и такая же родинка будет на правой руке. Нос его будет подобен клюву орла».

Пир-Панджал – западная часть Малых, или Низких, Гималаев, отделенная от предгорных Сиваликских холмов и Больших (Высоких) Гималаев депрессиями тектонического и ледникового происхождения.

Исчезнувшее колено Израилево» – согласно древнееврейской мифологии, израильский народ составлял 13 колен, то есть родов; 12 из них осели в Палестине («стране филистимлян»), а тринадцатое отделилось и ушло неведомо куда на Восток.

«Трон Соломона» – горы на западе Пакистана, Сулеймановы горы.

«Где пути Христа-странника?» – И. К. Рерих имеет в виду кашмирские и ладакхские легенды о путешествии Иисуса (Иссы) Христа на Восток в молодости.

Бон – религия Тибета, возникшая ранее буддизма и близкая к шаманизму. Характеризуется обожествлением природы, культом предков и домашних божеств. Называлась также черной верой, видимо, потому, что применяла магические обряды, шаманские призывания. Сейчас сохранилась в основном в Восточном Тибете.

Джахангир – индийский император из династии Великих Моголов;
годы правления – 1605–1627.

Хотан – река и оазис в пустыне Такла-Макан. У реки Хотан имеется два верховья: Каракеш с истоками в Каракоруме и Юйкеш, начинающуюся на южном склоне Куньлуня.

Амарант – сказочный герой, живший во дворце-пещере, полной сокровищ и чудес.

«Где тропа великого Александра к забытой Таксиле?» – Александр Македонский (356–323) подчинил себе царство пенджабского царя Пора Таксилу на последнем этапе своего похода на Восток. В древности город Таксила был достаточно крупным, до VI–V вв. до н. э. был столицей государства Гандхара, позже – резиденцией царей Таксилы. Развалины этого города находятся вблизи Равалпинди в Северном Пакистане.

Асвагхоша (I–II вв.) – проповедник буддизма, ученый, автор драмы и эпических поэм, в том числе «Буддхачариты» о жизни Будды.

Авантисвамин — вероятно, Авантисварман, кашмирский раджа (IX в.), поэт-лирик.

«Мудрые камни Ашоки» – известнейший из императоров Индии династии Маурья покровительствовал буддизму, но терпимо относился и к другим религиям. Указы свои он высекал на скалах и колоннах, именно этот его обычай имеет в виду Н. К. Рерих, говоря о «камнях Ашоки».

Пешавар – город в современном Пакистане, административный центр Северо-Западной пограничной провинции.

Сонамарг — одно из названий горного массива северо-восточнее г. Сринагар.

Соджи-ле (Зоджи) – горный перевал на пути из кашмирского Сринагара в ладакхский Лех через горный массив Зоджи. Высота перевала – 3529 м.

«Весна Священная» – балет российского композитора И. Стравинского на тему из жизни языческой Руси, написанный в 1913 г. Авторство либретто и декораций к постановке принадлежит Н. К. Рериху.

Станицы гусей – здесь «станицы» в смысле «стаи».

Сринагар – главный город штата (в прошлом княжества) Кашмир и Диамму на крайнем северо-западе Индии, в котловине между Малыми и Большими Гималаями. В Средние века этот город был летней резиденцией Великих Моголов. Начальный пункт путешествия Н. К. Рериха по Центральной Азии.

247

Жадеит – нефрит, полудрагоценный поделочный камень.

Гандхара – область, включавшая Восточный Афганистан и прилегающую к нему часть Пенджаба, где в первые пять веков нашей эры переплеталось искусство эллинистического и индийского мира, выраженное в скульптуре и архитектуре. Для гандхарского искусства характерны буддистские сюжеты, например изображения сцен из джатак (житий будущего Будды) и т. д. Скульпторами в индийской Гандхаре были главным образом местные, сильно индианизированные греки, частично их индийские ученики и мастера, выписываемые из Малой Азии. Вначале сильно эллинизированный образ Будды постепенно приобретает более индийские черты, поэтому Н. К. Рерих и говорит о том, что «Гандхара сводит воедино... ветви Запада и Востока».

«Облицовки стен Шах-Джахан и Аурангзеба» – при Шах-Джахане, правителе Великих Моголов с 1628 по 1658 г., было построено много дворцов, мечетей, облицованных белым мрамором и инкрустированных самоцветами. Из сооружений его времени наиболее известен Тадж-Махал. Его сын Аурангзеб правил с 1659 по 1707 г. и продолжал дело отца.

Император из династии Великих Моголов. Годы правления 1659–1707.

Махадева – «великий бог», один из эпитетов Шивы, третьего из Тримурти, главного бога шиваистов, заменяющего всех богов Тримурти.

«Такая же гора в [Русском] Туркестане» – горой Сулеймана назывался останец древних (палеозойских) пород у города Оша в Киргизии.

«На развалинах Мартанда и Авантипура» – речь идет о населенных пунктах на северо-западе Индии, в окрестностях которых находятся руины архитектурных памятников средневековой Индии: в Мартанде – храм Солнца VIII в., в Авантипуре – вишнуистский храм Авантисвами IX в.

Романеска – итальянский народный танец, распространенный в окрестностях Рима в XVI в. Исполнялся под мелодию, тоже называвшуюся «романеска».

Вишну – индийский бог, достигший в постведическую эпоху в религии вишнуизма значения верховного божества; второе лицо брахманской Тримурти – бог-хранитель Вселенной.

Гор – древнеегипетский солнечный бог, бог света, сын Осириса и Исида, победитель бога пустыни и тьмы Сета. Символ Гора – сокол, тотем фараона, поэтому фараон считался воплощением бога Гора.

Урей – один из отличительных знаков фараона в Древнем Египте: изображение поднявшейся для броска кобры над лбом царя, сделанное из металла или золоченого дерева.

Сихмет – древнеегипетская свирепая богиня, губительница людей; олицетворяла пустынные самумы и зной. В этой песне, прославляющей подвиги царя, противопоставляются Гор, покровитель Севера, и Сихмет, владычица Юга.

Сенусерт III – египетский фараон XII династии эпохи Среднего царства, правил в 1887–1849 гг. до н. э., успешно воевал в Нубии и Азии.

«Гулиджан-Марда», «Илло-Алладин – Шабаша» и т. д. – возгласы, которыми гребцы, говорящие на тюркских языках, подзадоривают друг друга.

Вальгалла – в древнескандинавской и германской мифологии чертоги отца богов Одина (Водана), куда валькирии уносят на крылатых конях павших в битве героев для вечного пира.

Готы – восточногерманские племена, в начале нашей эры обитали вдоль южного побережья Балтийского моря, во II и III вв. продвинулись в бассейн Вислы и в Северное Причерноморье, вторгались на Балканы. После разгрома в 375 г. гуннами готы разделились на остготов, занявших низовья Днепра, а затем ушедших в пределы Восточной Римской империи и Северную Италию, и вестготов, которые прошли всю Европу вплоть до Испании и Северной Африки. Восточнее Днепра готы никогда исторической роли не играли.

Фibuлы – застежки в виде булавки со щитком, с характерной для готов и скифов формой и орнаментом щитка. Фibuлы известны с III тысячелетия до н. э., когда для их украшения на огромных территориях был типичным «звериный стиль».

Бандипур – начальный пункт западного, более короткого пути на Хотан через перевалы Трагбал (около 3000 м), Бурзил (около 4200 м), Гилгит, долину р. Астор, мимо вершины Нанга-Парбат, долину Хунзы, перевал Балтит (через хребет Кайлас), далее через Каракорум и Восточный Памир в верховья р. Ташкурган.

Ситара (ситар) – народный струнно-щипковый индийский музыкальный инструмент. Известен также в Средней Азии, но здесь он смычковый и называется ситар.

Сааз (саз) – струнно-щипковый музыкальный инструмент в Закавказье, Иране, Афганистане, Турции.

«Серия «Знамена Востока» сложилась» – для этой серии Н. К. Рерих выбрал эпизоды из жизни тех великих людей, которые, по его представлениям, трудились на благо людей и выражали народные чаяния.

«На Двине сидел Прокопий...» – Прокопий Устюжский (?—1303), юродивый, выходец из Скандинавии, принявший православие в Новгороде, живший в Великом Устюге до конца жизни.

Манихейство – синкретическое религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III в. н. э. и названное по имени его основателя, перса Мани, или Манеса (216–273 или 276). Было смесью вавилонско-халдейских, иудейских, христианских, иранских (зороастризм) гностических представлений. Последователи манихейства были распространены от Рима до Китая вплоть до X в., а само учение было самым влиятельным среди иранских религиозных верований. Преследовалось как христианской, так и мусульманской церквями. Мани был убит по требованию священников – последователей Заратустры брошенным в него камнем.

Гоццоли, Беноццо (1420–1497) – итальянский живописец флорентийской школы. Здесь речь идет об одной из его фресок в Пизе, на Кампо Санто.

Пардусы – вообще, леопарды и другие кошки близких к ним видов; Н. К. Рерих, видимо, имеет в виду прирученных для охоты гепардов.

Блес, Генри (или Мет де Блес) (ок. 1480–1550) – фламандский художник, писал картины на библейские сюжеты; один из основоположников фламандской живописи.

Несториане – христианская секта, основанная в V в. константинопольским патриархом Несторием (V в.), осужденным как еретик на III Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. Подвергаясь гонению в странах Европы, несторианство было широко распространено среди христиан Азии до Китая включительно.

Гуаньинь (Гуань Инь, Гуань-инь, Гуаньшиинь; Гуаньцзыцзай) – богиня милосердия, почитаемая практически во всех конфессиях Китая. Буддисты отождествляют ее с бодхисатвой Авалокитешварой, «рассматривающей звуки мира». Самое старое из известных изображений Гуаньинь – деревянная статуя из Шэньси, относящаяся к династии Ляо (907—1125).

Фуриозо (ит.) — неистовство, свирепость, ужас; музыкальный термин.

Тирон, Федор – римский легионер, при императоре Диоклетиане, гонителе христиан, принял христианство и был замучен около 306 г.

Ладакх – хребет и историческая область в Западных Гималаях.

Сарасвати («богатая водами», «текущая река») – в индуизме богиня мудрости, знания, супруга Брахмы, бывшая первоначально речной богиней. Так же назывался один из истоков давно исчезнувшей реки Брахмаварта, крайнего восточного притока Инда.

«Говорил Будда...» – здесь и далее – цитаты из сутр (жизнеописаний и поучений Будды, созданных начиная с III–II вв. до н. э.) или их изложение.

Кашьяпа – по преданию, главный жрец одной из сект огнепоклонников (зороастрийцев), которого вместе с его последователями Будда обратил в буддизм после шестилетних убеждений.

«Восемьдесят лет... в учительстве...» – согласно преданию, Будда прожил 80 лет, а проповедовать начал в тридцатипятилетнем возрасте, следовательно, его учительство продолжалось только 45 лет.

Раджагриха, Весали (Вайшали), Патна (Паталипутра) – города на северо-востоке Индии, где во второй половине I тысячелетия до н. э. состоялись первые соборы буддистов, канонизировавшие ранние буддистские произведения и доктрины.

Озеро Юмцзо (Юмцо) – озеро Ямдок, находится в центральной части Южного Тибета.

Знаменитый мудрец древности, аскет, у которого Будда учился йоге.

Брамин-аскет, у которого Будда учился медитации.

«И сказание о Белом Бурхане...» – в сказаниях алтайцев это Майтрейя, будда будущего.

«Около таинственной Урувелы...» – правильное Урувилвы, на берегу р. Наирнагары, близ нынешней Бодхгайи, в Северо-Восточной Индии, где, по преданию, Будда достиг просветления, сидя в размышлении под деревом. Теперь на этом месте лежит памятная плита Ашоки.

Капилавасту – город, столица царства Шакиев в Непале, где, по преданию, находилась резиденция отца Будды, царя Судходданы.

Конфуций – правильно Кун-цзы (551–479), древнекитайский философ, создавший этико-политическое учение, регламентирующее поведение людей в семье и обществе. В основе этого учения лежит почитание старших (в том числе и по положению), проповедь гуманности и культа предков. Конфуцианство самым серьезным образом повлияло на представление о морали и правильном общественном поведении. Со временем Конфуций был даже введен в религиозный пантеон.

Ориген, или Origenes Adamantius, (ок. 185–254) – греческий христианский теолог, философ. Создал множество значительных трудов, самые известные из которых «О началах», посвященный основам христианского вероучения и методу богословия, и не дошедшие до нас «Гексаплы», объемистое сравнительно-критическое исследование разных изводов Ветхого завета. Разработанная им система понятий широко использовалась при построении христианской догматики. Однако в конце IV в. учение Оригена было осуждено II Константинопольским собором (553 г.) как еретическое. Осуждению подверглись в первую очередь его учение о предсуществовании душ и об «апокатастасисе».

«Все же верующие были вместе и имели все общее...» – Ориген сообщает исторические факты, описывая общину древнееврейской секты ессеев (II в. до н. э. – II в. н. э.). Как свидетельствуют Кумранские свитки, найденные в 1947 г. на западном побережье Мертвого моря, основой духовного мира ессеев было этическое развитие, выражавшееся в воздержании от клятв, лжи, равнодушии к наслаждениям, умеренности, скромности, постоянстве. Иоанн Креститель был одним из ессеев.

Амос – библейский пророк, проповедовавший в Израильском царстве около 850 г. до н. э. Призывал евреев к вере в единого Бога и отказу от идолопоклонничества.

Садур – в алтайской песне о Белом Бурхане так называется священная книга жизнеописания Будды.

Тангмарг – селение северо-восточнее Сринагара, на пути в долину р. Синдху.

Африди (правильно – афридии) – группа пуштунских племен, обитавшая на северо-западе Индии (ныне в Пакистане).

Балтал – невысокий перевал и селение на пути из долины р. Синдху на один из отрогов горного массива Зоджи.

Драс – населенный пункт на р. Шунго, на пути из долины Синдху в долину р. Инд, за перевалом через массив Зоджи.

Дарды – народности индоиранской языковой группы, живущие на севере Индии, Пакистана и северо-востоке Афганистана.

Хошун – монгольская территориально-административная единица в прошлом; также – отряд воинов из определенного хошуна.

Цайдама — обширная полупустынная котловина в провинции Цинхай, между главным хребтом Куньлуня на юге и горами Наньшань и Алтынтаг на севере.

«Балтистанцы, ладакхцы, астарцы, яркендцы...» – этнонимы разноплеменного населения областей Балтистана, Ладакха в бассейнах рек Шайок, Шигар, Астар и Яркенд.

Шикари – индийский охотник, проводник.

Маульбек – ламаистский монастырь и населенный пункт на пути из Драса к реке Инд.

«Фантастикой песчаных изваяний» – песчаники предпоследнего, третичного геологического периода, очень подвержены выветриванию, что позволяет природе создавать причудливые, иногда даже антропоморфные фигуры, поражающие воображение.

Фа Сянь – китайский паломник-буддист, совершивший в 399–411 гг. путешествие через Центральную Азию в Индию и на Цейлон. Оставил важные для истории и этнографии записки, в которых описывается все, что связано с буддизмом, а также культура в целом и политическая обстановка в странах, им посещенных.

Гэсэр-хан – главный герой героического эпоса, широко распространенного в Центральной Азии, «Гэсэриада». Считается, что прообразом Гэсэра могли послужить тибетский князь Госыло, Чингисхан и даже Александр Македонский. Этот герой неоднозначен: он прибегает к хитрости и колдовству, его поединки – это, как правило, охота за душой противника, а затем ее уничтожение. С другой стороны, Гэсэр – ниспосланный небом культурный герой, очищающий землю от чудовищ.

Ламаюру (Юнг-друн) – один из самых древних буддистских монастырей Ладакха, основанный в XI в. Долгое время здесь жили последователи религии бон. Сейчас это обитель школы ньингмапа («красные шапки»).

Саспул (Саспулгампо) – населенный пункт в долине верхнего Инда, на пути от Кхалацзе, где находится переправа через Инд в Лех.

Манджушри («очаровательное счастье»), бодхисатва, восходящее, по-видимому, к божеству китайского происхождения. По легендам XVIII–XIX вв., проповедовал в Непале, где основал монастырь Манджупаттана. Считается божеством Знания.

Авалокитешвара («Иглвара, взирающий с высоты») – один из восьми главных бодхисатв ламаизма, перерождением которого считаются все далай-ламы.

Лхамо – в ламаизме страшная «хранительница закона» и «защитница веры». Лхамо изображается увешанной черепами и костями, скачущей через море крови на муле, покрытом кожей ее собственного сына, убитого ею за измену буддизму, что символизирует ее беспощадность к отступникам от веры. Покровительница Лхасы.

Махакала («великое время») – один из эпитетов бога Шивы; в ламаизме – один из грозных «защитников» веры (докшитов).

Дюрандаль (Дурандарт) – меч доблестного рыцаря VIII–IX вв. Роланда, героя французской эпической поэмы «Песнь о Роланде».

Бругума – возлюбленная и жена Гэсэр-хана.

Брунгильда – одна из валькирий, осужденная за провинность к изгнанию на землю; Зигфрид дал клятву жениться на ней, но уступил ее другому, за что Брунгильда уговорила своего мужа и его родственников убить Зигфрида.

Локи – в древнескандинавской и германской мифологии бог огня, олицетворение разрушительной силы, лжи и коварства.

Саньясин – бродячий аскет в Индии. Оранжевый цвет типичен для
одежд монахов.

«Звучит «Ковка меча», и «Клич валькирий», и «Заклятие огня», и «Рычание Фафнира» – музыкальные картины Р. Вагнера из цикла «Кольцо Нибелунгов». Фафнир – дракон из «Песни о Нибелунгах»; в скандинавской и германской мифологии – дракон, охранявший сокровища карликов-нибелунгов, убитый Зигфридом.

«Необыкновенный огонь в местечке Ниму» – скорее всего, это было естественное явление, обусловленное значительной сухостью высокогорного воздуха, что приводит к перенасыщению его электричеством. Скопившись на поверхности предметов из непроводящих материалов, заряды «стекают» в виде холодного синего свечения (например, «огни святого Эльма»). В данном случае электростатическое электричество могло скопиться на шерстяном одеяле, а прикосновение к нему вызвало «стекание» заряда.

Франке – вероятно, Рерих говорит об О. Франке, немецком синологе конца XIX – начала XX в.

Баюль — то же, что Шамбала.

Брэгдон, Клод – американский художник и писатель, автор предисловия к американскому изданию книги Н. К. Рериха «Altai – Himalaya».

Ассур, или ашшур, – главное божество древних ассирийцев, бог войны, бог-воитель. Верховным жрецом Ассира был царь Ассирии.

Тенгирас Очиртай («Сошедший с неба с молнией») – у ордосских монголов одно из названий Майтрейи.

« «Охраненных» мест в пределах Хангая и Гоби» – Н. К. Рерих говорит о легендах, связанных с Шамбалой и чжоченами. Хангай – нагорье в центральной части МНР; Гоби – обширная центральноазиатская пустыня между Алтае-Саянской горной системой и Большим Хинганом, Наньшанем и Хуанхэ.

«Венок Гэсэра» – цикл эпических песен о Гэсэр-хане, часть из которых перечисляется у Рериха.

Уч-Сюре – толкование Н. К. Рериха основывается на значении тюркского слова «уч» – «три», тогда Уч-Сюре – «три жилища богов», или «жилище трех богов».

Уч-Орион – это название связано с тремя звездами в «поясе» Ориона.

«Особенно труден Кардонг и Сасир» – речь идет о перевалах через горные хребты Кардонг и Сасир, лежащие между котловиной Леха и горной системой Каракорум, высотой до 6000 м и более.

Хеми – ламаистский монастырь в окрестностях города Лех.

«О манускриптах об Иисусе...» – Н. К. Рерих повторяет рассказы о так называемой сокровенной литературе, восходящие не далее как к XVI–XVII вв., о путешествии молодого Иисуса Христа вместе с караваном купцов в Индию и Тибет и о его проповедях в этих краях.

Гелонг – по-тибетски означает монах.

Хутухта («святой») – титул, который маньчжурские императоры Китая жаловали высшим чинам монгольской ламаистской церкви во время своего правления, закончившегося после революции 1911 г. Ургинский (уланбаторский) хутухта был духовным главой Монголии.

«Мехески – лунный народ» – картина Н. К. Рериха (1915 г.).

« «Снегурочка» в чикагской постановке» – декорации и костюмы для постановки этой оперы Н. А. Римского-Корсакова в Чикаго делались по эскизам Н. К. Рериха (1921 г.).

Красный всадник – Ригден-Джапо, или Эрэгдын-Догбо-хан – 25-й, будущий царь Шамбалы в ламаистской мифологии, который возглавит буддистов в «северной войне Шамбалы» (естественно, бескровной) с неверными и отступниками. Пророчество об этой войне в ламаизме связывается с приходом Майтрейи. Н. К. Рерих написал и подарил правительству МНР картину «Красный всадник» (1926 г.).

Зоравар – вождь племени догра, вторгавшийся со своим войском в Западный Тибет из Кашмира.

Краледворская рукопись – одна из самых знаменитых подделок в области славянской литературы и фольклора, изготовленная чешскими просветителями Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой. «Найдена» в 1817 г. в Кралевом Дворе – 12 листов с четырнадцатью песнями, написанными чернилами, изготовленными по старинному рецепту, на больших обрезках древнего пергамента. Подделка была разоблачена только в середине XX в.

Евангелие эбионитов (Евангелие двенадцати) – имело хождение среди последователей эбионитской секты (II–IV вв. н. э.). В учении этой секты Иисус Христос считался не богом, а человеком-мессией.

Иероним – Иероним Блаженный (ок. 340–420), один из отцов христианской церкви, философ и ритор, славянин по происхождению. Перевел греческий текст Библии на латинский язык. Его перу принадлежит «Adversus Pelaglanos» – «Противостоящий Пелагианам».

Елифаний (?—403) – выходец из Финикии, епископ Кипрский.

Ириней (ок. 130–202) – один из отцов христианской церкви, грек из Малой Азии, проповедовал христианство в Галлии (Франции), где был епископом Лионским.

Кардонг – горный отрог (более 6000 м) между Лехом и массивом Сасир, перевал через него – Чангла (5599 м).

«На голой арктической поляне...» – в Тибете и Гималаях ниже зоны вечных снегов распространен ландшафт горных тундр и каменистых пустынь арктического типа.

Нубра – река бассейна р. Шайок, правого притока Инда. После перехода через Кардонг дорога идет вниз по течению р. Нубры.

Террит – небольшое поселение в долине р. Нубры в одном переходе от перевала Чанг-ла.

Ворота-чортен – ворота в форме ступы.

Сандолинг — ламаистский монастырь в долине р. Нубры на полпути от Террита в Панамик.

Панамик – небольшой поселок на левом берегу р. Нубры.

Караул-Даван – перевал через отрог массива Сасир в дневном переходе от Панамика.

Вопреки распространенным у нас представлениям о совершенно бедственном и абсолютно униженном положении исламских женищин, это не более чем миф. Обычай и законы ислама, восходящие к пророку Мухамеду, предписывают относиться к достойной женщине с уважением, хотя, конечно, той «свободы», которую имеют европейские женщины, у мусульманок нет.

Исламская секта, основанная в конце XIX в. Мирза Гулам Ахмад Каджани (1835–1908), провозгласившим себя Мессией для мусульман и христиан и Кришной для индусов. В настоящее время насчитывается более 1 млн последователей этой секты.

Ахмадии (ахмадие) – одна из сект в исламе суфийского толка, основана Мирзой Гулямом Ахмадом (1835–1908), выдававшим себя за новоявленных в одном лице Иисуса, Махди (мусульманского мессию) и воплощения Кришны. Проповедовал, что мусульмане Индии – отдельная нация, что вело к религиозной розни, прославлял «благонамеренность британского управления», организовал свои миссии в Европе и США.

«Не понимает двадцатипятивековую организацию» – видимо, Н. К. Рерих имеет в виду «организацию лам», в существование которой он не слишком верил. Скорее всего, единственной организацией была ламаистская церковь. И действительно, при том, что буддистская церковь возникла в Тибете в IX в., а окончательно оформилась только лишь в XV в., ни о какой «двадцатипятивековой организации» не может быть и речи.

Сасир – перевал (5364 м) через горный массив Сасир в долину притока Шайока р. Чапчак. После этого перевала экспедиция двигалась вдоль р. Шайок по долине.

«Чуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов» – в бассейне Шайока на юго-западном склоне Каракорума путешественника поражает нагромождение скал.

Чогори (Пик Годвина) – горный узел, высочайшая (8611 м) вершина Каракорума.

Экспедиция Филиппи – речь идет о Филиппе де Филиппи, возглавлявшем итальянскую географическую экспедицию 1913–1914 гг., исследовавшую Гималаи, Каракорум и Восточный (Китайский) Туркестан.

Каргалык — древний город в бассейне реки Яркенд, после выхода ее с гор.

Сугет-Даван и Санджу-Даван — высокогорные (св. 5000 м) перевалы через северные отроги Каракорума на пути в долину Хотана.

Каракорум – перевал Каракорум (5575 м) через одноименный хребет позволяет перевалить из долины р. Чапчак (бассейн Шайока) в долину р. Чобру. Далее экспедиция, переправившись через Чобру, поднялась на Сугет (5285 м), а затем спустилась в долину р. Каракаш (один из истоков р. Хотан).

«Дошли до раздела путей на Кокяр или Санджу» – путь в Хотан через селение Кокяр в долине р. Каракаш длиннее, чем через хребет Санджутаг.

Ак-Дордже – Джамьян Шадпэ Агван-дзондуй, основатель и первый настоятель монастыря школы гелугпа Лабран (XVIII в.).

Махатма Ак-Дордже (ак – «белый», дордже – «молния») – возможно, что Н. К. Рерих имел в виду кого-то другого.

Курул (Еараул-Сугет) – пост у северного подножия хребта Сугеттаг, по дороге от перевала Сугет-Даван в долину р. Каракаш.

«Кто хочет писать бегство в Египет?» – Н. К. Рерих сравнивает положение в стране с эпизодом из Евангелия, когда царь Иудеи Ирод приказал истребить всех первенцев-мальчиков, родившихся одновременно с Христом, однако родители Христа успели бежать из Иудеи в Египет.

Яхтан – тюрское название походного сундучка, сделанного из дерева и обтянутого кожей.

Ахун – у мусульман образованный, ученый человек.

Ахун – старший мулла у мусульман, также звание мусульманских образованных и ученых лиц.

Дуньхуан – древний город на западе китайской провинции Ганьсу, в окрестностях которого расположен буддистский пещерный монастырь IV в. Цяньфодун («пещера 1000 будд»), состоящий из более чем 200 пещер.

Босх Бан Акен, Иероним (около 1450–1516) – нидерландский живописец, сочетавший в своих картинах средневековую фантастику с демократическими тенденциями.

Брейгель, Питер Старший (ок. 1530–1569) – нидерландский живописец, рисовальщик и гравёр, лучшие произведения – сцены из народной жизни.

«Из Санджу-Базара или из Гума-Базара (Санджу и Гума) – оазисы и населенные пункты в долине Хотана у подножия массива Санджу, по дороге на оазис Хотан.

Дардистан – область на севере Индии и Пакистана, где живут дарды.

Дастархан (*тюрк.*) – застолье, угощение.

«Америка и Азия были неразорванным континентом» – на месте современных Берингова моря и пролива 15–20 тыс. лет назад существовала суша, соединявшая Азию и Северную Америку в единый континент.

Такла-Макан – обширная песчаная пустыня, занимающая Таримскую впадину в Западном Китае, между Куньлунем и Тянь-Шанем.

Тохары — народ из Тохаристана (территория современных Узбекистана и Таджикистана), во II в. до н. э. завоевавший Греко-Бактрийское царство.

«От Пиалмы до Зуава» – оазисы и населенные пункты у подножия гор Санджутага, по дороге на Хотан.

«Неожиданный Сан Марко» – собор в Венеции; Н. К. Рерих сравнивает мазар и мечеть с этим собором, по-видимому, из-за обилия в них голубей.

Даотай – возможно, даотай Хотана, ведавший по должности религиозными делами, запрещая Н. К. Рериху рисовать, руководствовался тем, что население Хотана было мусульманским, а Коран запрещает изображать людей?

Виктрола – так до начала тридцатых годов назывались механические проигрыватели пластинок, патефон.

Ямынь – канцелярия уездного начальника.

Урумчи – административный центр Синьцзяна.

Кашгар – город в западной части Синьцзяна на р. Кашгар, левом притоке Яркенда.

Фильхнер, Вильгельм (1877–1940) – немецкий геофизик, вел магнитометрические съемки в Центральной и Средней Азии и в Китае, результаты которых опубликовал в ряде капитальных трудов. Писал также о культуре Центральной Азии.

Сутры – обширная индийская литература, примыкающая к Ведам; буддистские сутры описывают легендарные случаи из жизни Будды и излагают приписываемые ему проповеди, образуют второй раздел основного буддистского канона Трипитака, или Типитака («Три корзины»).

«Вести о разрушении французами Дамаска» – в 1925–1927 гг. французские войска пытались усмирить сирийских повстанцев, добивавшихся независимости своей страны.

Белл, Чарлз Альфред (1870–1940) – эмиссар Великобритании, находившийся в Центральной Азии с 1913 по 1935 г. и проводивший английскую политику, пытаясь распространить влияние Англии на Тибет.

«Будда мог быть монголоидного происхождения» — для такого предположения нет никаких данных. Название его клана шакья (саки) скорее свидетельствует о его скифском происхождении.

«Почему китайская рука писала... о Майтрейе?» – потому, что в Китае тоже был распространен буддизм махаяны.

Стейн, Аурел (1862–1943) – крупный английский археолог и востоковед, с 1899 г. исследовал памятники Центральной Азии и опубликовал ряд трудов, не потерявших своего значения до сих пор.

Возможно, имеется в виду Вильгельм Воде (1845–1929) – немецкий историк искусства и музейный деятель.

Маршалл, Джон (1876–1958) – крупный английский археолог, с 1902 г. директор археологической службы Индии, руководивший раскопками в Таксиле и Мохенджодаро.

Аксу – приток р. Тарим, а также оазис и город на этой реке у южного подножия Тянь-Шаня.

Куча – оазис и город у северной окраины Таримской впадины, восточнее Аксу.

Дуньхуан – оазис и город в китайской провинции Ганьсу, в древности служивший воротами Великого шелкового пути в Китай из Южной Азии.

Ганьсу – провинция Северо-Западного Китая, граничащая с северо-восточным Тибетом.

Аппиева дорога – мощенная каменными плитами дорога от Рима до Капуи (около Неаполя), проложенная в 812 г. до н. э. по распоряжению римского цензора Клавдия Аппия. Позже ее продолжили до южного порта Бриндизи. Сохранилась и действует до наших дней.

Остия – морские ворота Рима, порт в устье р. Тибр, испытавший расцвет в конце I в. до н. э. – начале II в. н. э.

«Там везде... имеются следы буддизма... не открытые» – Н. К. Рерих был прав: в последующие десятилетия в Средней Азии открыты значительные памятники буддизма.

Пеллио, Поль (1878–1945) – выдающийся французский востоковед, автор трехтомного описания Дуньхуана.

Янь (Янь Цзэнь-синь) – губернатор Синьцзяна с 1908 по 1928 г.

Зоб – видимое увеличение щитовидной железы вследствие ее заболевания, связанного с нехваткой йода.

«Ездил с большим ученым П.» – неясно, о ком здесь речь.

«Гран Гиньоль» – парижский театр ужасов, созданный в 1899 г., один из первых в жанре «хоррор».

Музей Виктории и Альберта – художественный музей в Лондоне, основан в 1852 г.; обладает ценнейшей коллекцией произведений мирового искусства, в том числе народов Востока.

Чжан Цзо-лин (1876–1928) – глава фынтянской (мукденской) группировки генералов, прояпонский политический деятель; в 1924–1925 и 1926–1928 гг. контролировал центральное пекинское правительство.

«Превращенное в мумию тело одного ученого» – на большой высоте в условиях морозного и сухого климата может происходить естественная мумификация тел умерших.

Великая Аватара – в индуизме будущее, десятое воплощение на земле «хранителя мира», бога Вишну.

Давид-Ниль, Александра – французская исследовательница Тибета, перевела на французский язык восточнотибетскую версию Гэсэриады (Париж, 1931 г.).

Бамиан – город в Афганистане на р. Бамиан; до арабского завоевания в VII в. – крупнейший буддистский центр (сохранился монастырский комплекс I–VIII вв. из более чем 2000 пещер, украшенных росписями, резьбой, статуями Будды).

Камио – вероятно, имеется в виду один из изначальных духов – Камио-мусуби в древней японской религии синто; считается покровительницей города Нары, где находится главный синтоистский храм.

Двенадцатизначник – то же, что и додекаэдр.

«Зажигающий, явленный в молнии» — в последних абзацах главы приводятся древние гимны культов богинь плодородия.

Карашар – оазис и населенный пункт на северо-восточной окраине пустыни Такла-Макан, у подножия Тянь-Шаня.

Зангу (Чуда), Гума, Чолак, Акин – оазисы и населенные пункты у северного подножия Куньлуня, на юго-западной окраине Таримской впадины; Каргалык, Фоскан, Яркенд – города и селения у подножия крайних северо-западных отрогов Куньлуня; Кокрабат, Кизил, Янгигисар, Яборчат – подножия у восточных склонов Памира.

«Главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя» – речь идет, очевидно, о генерал-губернаторе Индии Гастингсе, в период 1813–1823 гг. покровительствовавшем вывозу индийского опиума в Китай.

Потаи – глинобитные колонны или башенки, которыми в старину отмечали вдоль дорог Китая каждые 10 ли, или 4,5 км. Н. К. Рерих употребляет это слово в значении меры длины, равной расстоянию между потаями.

Харон – в древнегреческой мифологии перевозчик душ умерших через пограничную реку царства мертвых, а также мудрый кентавр, воспитатель многих мифических героев.

Владимирцев Б. Я. (1884–1931) – выдающийся российский монголовед, автор фундаментальных трудов, среди которых «Чингисхан», «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», «Монголо-ойратский героический эпос» и др.

Руднев А. И. (1878–1958) – русский монголовед, первый учитель Ю. Н. Рериха.

Лянгар – постоянный двор в Центральной Азии и дореволюционной Средней Азии.

Дягилев С. П. (1872–1929) – русский театральный деятель; в конце 90-х годов XIX в. стал одним из создателей объединения художников «Мир искусства» (с 1910 г. председателем этого общества был Рерих), с 1907 г. – организатор «русских сезонов» – симфонических концертов, оперных и балетных спектаклей за границей, в оформлении которых участвовал Н. К. Рерих.

Больш, Адольф (Эмилий) Рудольфович (1884–1951) – русский артист балета, балетмейстер, в 1908–1916 гг. работал в труппе С. П. Дягилева.

Фынь, или Фын Юй-сян (1882–1948) – политический и военный деятель гоминдановского Китая, возглавивший объединенные в народно-революционную армию левогоминдановские и коммунистические отряды. Неоднократно действовал в союзе с коммунистическими силами (главным образом в борьбе с японцами) и конфликтовал с Чан Кайши.

Кашгарский хребет – такого хребта не существует, возможно, это отроги Куньлуня.

Каракумские пески названы по цвету, черному из-за пустынного «загара» – железисто-марганцевой пленки, оседающей на песчинках.

Мазар Мириам – достоверно неизвестно, кому принадлежит эта гробница, но и до сих пор это предание существует, и, говоря об этой гробнице, утверждают, что в ней покоится «Мария, мать Иссы».

430

Рицинус – растение семейства молочайных, желудочное средство.

Лакрица – растение из семейства бобовых, его корень входит в состав грудного чая.

Дигиталис – травянистое растение семейства норичниковых, наперстянка, сердечный гликозид.

«Пни и стволы давних лесов...» – юрские угленосные и меловые морские и озерные отложения (древность 70—150 млн лет) Синьцзяна содержат не только пни и стволы лесов того времени, но и остатки ранее погребенных лесов.

«Чепраси» (чапраси; хинди) – вестник, курьер, слуга, полицейский.

Увеселительные моторы – механические музыкальные ящики.

Лекок А. – немецкий археолог, возглавлял вторую (1904–1905), третью (1906–1907) и четвертую (1907) немецкие экспедиции в Центральную Азию, самостоятельно и совместно с искусствоведом Грюнведем изучал памятники оазисов от Турфана до Хами, в Куче, Карашаре, Комуле, Коляре, Хочжу и Малалбаши; занимался также проблемой роли античного наследия в центральноазиатском искусстве.

Кейсар (Кесар, или Гэсэр) – по-видимому, модификация имени Гэсэр-хан. Герой эпоса о Кейсаре Лингском, широко распространенного в Тибете и Монголии.

«Государство с 400 000 000 населения...» – имеется в виду весь тогдашний Китай; к настоящему времени население этой страны достигло 1,3 млрд человек.

Барат — название месяца в мусульманском календаре, соответствует времени от середины февраля до середины марта.

Торгоуты – этнографическая группа западных монголов, или олетов, говорят на торгоутском диалекте монгольского языка.

Кумган (кунган) – металлический сосуд с высоким носиком и ручкой, широко бытует в Средней Азии, Иране, Кашмире.

«Причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей...» – Н. К. Рерих излагает точку зрения французской исторической школы того времени, объяснявшей причину Великого переселения народов IV–V вв., завоеваний арабов и нашествия монголов «иссушением» климата в областях их обитания.

«Вспомнили рассказы М...» – возможно, речь о Мещерякове, служащем фирмы «Бреннер» в Куче.

Сарты – в царской России это было обидным прозвищем киргизов и казахов.

Учтурфан – оазис в низовьях р. Тарим.

Тамаша – шумное и веселое представление.

Якуб-бек – предводитель повстанческого движения среди мусульманского населения Хотана в шестидесятых годах XIX в.

Кокто, Жан (1889–1963) – французский писатель, художник, театральный деятель и киносценарист; после 1910 г. сблизился с С. П. Дягилевым и увлек его кубизмом и футуризмом, впоследствии сторонник абстракционизма и поп-арта.

Перевал Музарт в Восточном Тянь-Шане позволяет попасть в верхнее течение реки Или, а оттуда вниз, по Текесу в Джунгарию. У северного подножия Тянь-Шаня дорога с перевала Музарт разветвляется на запад в Кульджу, на реку Или, и на северо-восток, к предгорьям Алтая, где жили ойроты, которых, как и других западных монголов, относили в то время к калмыкам.

Так называют владельцев арб, повозок и лошадей.

«Пришел народ... и неизвестно как растворился, пропал бесследно» – в других местах этой книги Н. К. Рерих дает немало примеров, говорящих об обратном.

Лоб – средневековый город у древней западной береговой линии озера Лоб-Нор в Западном Китае, оставленный жителями вследствие отступления озера и изменения русла р. Тарим.

Токсун – населенный пункт у северной окраины Турфанской впадины.

«Через калмыков, по горным путям» – то есть через Восточный Тянь-Шань, населенный западными монгольскими племенами.

«Д. здесь называют ишаном...» – речь идет о сотруднике фирмы «Бреннер» Дмитриеве; ишан (*тадж.* эшо-н) – «они», вежливая форма множественного числа в обращении к духовному руководителю. Впрочем, ишанами были и светские владельцы, и правители.

Возможно, имеется в виду А. В. Быстров, Генеральный консул СССР в Синьцзяне, с которым Н. К. Рерих установил переписку еще во время пребывания в Хотане.

«Берцовая кость... длиною 6 четвертей» – по-видимому, кость одного из живших 15–20 млн лет назад, в миоцене, гигантских безрогих носорогов – индрикотериев – крупнейших из когда-либо существовавших наземных млекопитающих; в Центральной Азии сделано много таких находок.

Д. и М. – Дмитриев и Мещеряков, сотрудники фирмы «Бреннер» в Куче.

Рескинизм – утопическая теория, идеализирующая ручное производство, которое якобы одно может быть художественным в отличие от машинного. Ее создатель – английский искусствовед-теоретик и публицист Джон Раскин, или Рескин (1819–1900). Он же положил начало движению прерафаэлитов, оказавших большое влияние на бенгальскую школу индийской живописи.

«Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей» – то есть годовщина учреждения акционерного общества Музея Рериха в Нью-Йорке и Института и школы объединенных искусств при нем.

«Сколько монгольского в типах... майев и у краснокожих индейцев» — это естественно, поскольку американские индейцы относятся к монголоидной расе.

Бакша (багша) – у киргизов прорицатель (шаман), у калмыков – духовный титул, а также сказитель и певец.

«Два лада идут» – очевидно, Н. К. Рерих говорит о двухголосном пении, распространенном у эвенков, нанайцев, башкир, алтайцев, тувинцев и некоторых других народов Азии; певец сопровождает основную мелодию носовым звуком.

Мингесаур (Мингсаур) – по-тюркски «мин»– «тысяча», «саур» – «могила», получается «тысяча могил».

Джунгария – географическая область на севере Синьцзяна, между Восточным Тянь-Шанем на юге, Алтаем на северо-востоке и Джунгарским Алатау на северо-западе.

«Олеты занимают Илийский край» – здесь и ниже перечисляются племена западных монголов и районы их кочевок и поселений. Калмыцкие улусы Кавказа и под Астраханью – ныне территория республики Калмыкии; на Алтае имеются в виду алтайцы, в прошлом называвшиеся ойротами.

Айша – калмыцкий хан, в русских документах XVII в. «царь», при котором в Поволжье пришли западные калмыки, признавшие русское подданство.

Текедаван и Сумундаван – перевалы в Восточном Тянь-Шане.

Кобдо – город на западе Монголии на реке Буянту, административный центр, крупный транспортный и торговый узел в годы путешествия Н. К. Рериха.

«Не бывать ему больше бурханом» – в смысле, теперь уже этот хан не будет воплощением святого.

Нойонский налог (от *монг.* нойон – «князь») – значит, «княжеский налог».

«Времен завоевания Андижана и Ферганы» – уйгурский правитель Яркенда хан Абубекер в начале XV в. на короткое время завоевал часть Средней Азии – Бадахшан, Фергану, Андижан – вплоть до Ташкента.

Мантеньи, Андреа (1431–1506) – выдающийся итальянский живописец и график падуанской школы, писавший на религиозные и мифологические сюжеты; его главные произведения – росписи в церкви Деи Эремитани в Падуе и в палаццо Дукале в Мантуе.

Хами – город и оазис в восточной части Синьцзяна.

«Рассказывает ужасы об Унгерне, Семенове, Анненкове» – перечисляются руководители разных военно-политических антибольшевистских группировок, достаточно жестко действовавших на Алтае и в Монголии, что, впрочем, было характерным для того времени.

Мирбо, Октав (1850–1917) – французский романист, драматург, публицист и художественный критик, член Академии Гонкуров. Антибуржуазная направленность его творчества сделала его очень популярным в Советской России, хотя советские критики поругивали его за натурализм и эротику. Одно из таких самых известных его произведений – «Сад пыток».

«Расхищение мечетей Прикаспийского края...» – в 1918–1919 гг. англичане вывозили из оккупированных ими и занятых белогвардейскими войсками территорий ценности и художественные памятники.

«В Мерве, Полторацке, в оазисе Анау...» – Мерв – город и оазис в дельте р. Мургаб, ныне Мары, здесь – памятники античной эпохи и более поздние; Полторацк – ныне Ашхабад; Анау – холм и селение в Южной Туркмении, остатки древнейших земледельческих поселений культуры Анау (IV–III тысячелетия до н. э.).

«Гиганты Атлантиды» – Н. К. Рерих имеет в виду статуи острова Пасхи, о мнимой гибели которого до экспедиции дошли слухи. Согласно фантастической оккультной «истории», эти статуи были некогда воздвигнуты атлантами, империя которых будто бы простиралась от Тихого океана до границ Древнего Египта.

Сантана – «движение», «поток», в индуизме – непрерывный поток поколений.

«Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества» – в индуизме, буддизме, а также в тантризме существует представление о единстве микрокосмоса (человека) и Макрокосмоса (Вселенной). Поэтому процессы, происходящие во Вселенной и в организме человека, якобы взаимно влияют друг на друга, эволюция одного есть эволюция другого.

«Приходит Зенкевич...» – вероятно, А. П. Зинькович, старший переводчик консульства в Урумчи.

«Ф.» – Фельдман, директор Русско-Азиатского банка.

«Г.» – А. А. Голубкин, завхоз экспедиции.

«Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов» – со времени А. Гумбольдта долго существовало ошибочное мнение о наличии современной вулканической активности в горных системах Центральной Азии, поэтому, услышав о странном случае, якобы имевшем место в Тибете, Н. К. Рерих объяснил его вулканическими процессами.

Ольденбург С. Ф. (1863–1934) – крупный русский востоковед, академик, автор работ по буддизму, фольклору, этнографии и искусству народов России, Западной Европы, Индонезии, Китая, Афганистана; участвовал в научных экспедициях в Синьцзян.

«Не решались прийти на открытие памятника Ленину...» – речь идет о бюсте В. И. Ленина, который предполагалось установить во дворе консульства СССР в Урумчи; Н. К. Рерих спроектировал для него пьедестал в виде усеченной пирамиды на платформе; когда пьедестал был готов, губернатор Синьцзяна Ян Цзесинь запретил установку бюста и открытие памятника.

Амдосский край, Амдо – старинное название провинции Цинхай на северо-востоке Тибета (от 3,5 тыс. до 5 тыс. м).

«Длинное ухо», или узун-кулак, – по древнему обычаю кочевых народов, каждый, услышавший или увидевший что-либо новое, обязан передать новость дальше. Таким образом новости распространялись с большой быстротой на обширных пространствах.

Куинджи, Архип Иванович (1842–1910) – выдающийся русский живописец-пейзажист, учитель Н. К. Рериха.

«Правительство Кантона» – то есть правительство Сунь Ятсена, резиденция которого была в Кантоне; однако правительство Сунь Ятсена к тому времени уже не существовало около трех лет.

Остаде, Адриан, ван (1610–1685) – из Харлема (Нидерланды), живописец, рисовальщик и офортист, мастер крестьянского бытового жанра, представитель голландского реализма.

Яфетиды – якобы народы, говорившие на «яфетических» языках, создатели древней культуры, по терминологии известного советского лингвиста академика Н. Я. Марра, выдвинувшего ошибочное учение о существовании в прошлом особой, «яфетической», стадии развития у всех языков мира. С другой стороны – потомки библейского Иафета, одного из трех сыновей Ноя. Считается, что это Израилево колено расселилось по Европе и Северо-Восточной Азии (индоевропейские, уральские, алтайские и сино-кавказские народы).

«Срок выезда М. и З.» – Морис Лихтман и Зинаида Лихтман (позднее Фосдик), друзья и сотрудники Н. К. Рериха по Музею и Институту Рериха в Нью-Йорке; с ними Рерих вел переписку во время путешествия. Они участвовали в экспедиции по Алтаю.

«Почему Германии все можно?» – после поражения в Первой мировой войне Германия вела активную политику в Азии, стремясь восстановить свое влияние и расширить рынки. Во время экспедиции Н. К. Рериха в Китае уже действовала миссия немецкого генерала фон Секта, способствовавшая организации антиреволюционной армии и подготовке ее командного состава.

Геше — здесь монах-лама, сведущий в буддизме; во время описываемого путешествия был ассистентом Ю. Н. Рериха.

Сензар – условный, непонятный для посторонних язык эзотеризма.

Чичерин Г. В. (1872–1936) – второй после Троцкого советский нарком иностранных дел. Член ЦИК СССР, член ЦК ВКП(б) (1925–1930), крупный государственный деятель. Речь здесь о переписке по поводу посещения Рерихами СССР и проезде экспедиции через советскую территорию в Монголию.

«Читали записки Е[лены] И[вановны] по основам буддизма» – во время путешествия Е. И. Рерих писала брошюру «Основы буддизма», изданную позднее в Улан-Баторе.

«Из семи голов вышло семь чаш...» – обычай делать чаши из черепов побежденных врагов существовал у многих народов, находящихся на стадии разложения родового строя.

Манзал-Гормо – одна из богинь шаманского пантеона у монголов.

Трипатака (Типитака, буквально «три корзины») – основной буддистский канон, состоящий из трех частей, в которых излагаются правила приема и поведения в буддистских общинах, поучения Будды и сущность буддистской философии.

Рибхвасы (рибхва) – космические духи.

Сома – одно из имен Луны в индийской мифологии, божество мужского пола; по одной из версий – сын Сурьи – солнца; также священный напиток древних ариев, нечто вроде пива или браги.

Джиль-кор (мандала, у монголов «сансарин-хурде») – в индуизме, в Тибете и Монголии – модель Мира, на которой изображен «центр мира» и все «три мира» (например, подземный, земной и небесный), а также (в буддистской модели) – все стадии развития человеческого духа.

Манас – здесь река в Синьцзяне.

«Вулканические показания в районе Чугучака, Кульджи, Верного [Алма-Аты] и Ташкента» – ни в одном из этих районов «вулканических показаний» моложе двадцати миллионов лет нет, в настоящее время вся Центральная и Средняя Азия относится к вулканически неактивным зонам. Однако области, примыкающие к Памиру и Тянь-Шаню, подвержены землетрясениям.

Юлдусы – высокогорные котловины с хорошими пастбищами.

Манас – здесь город на реке Манас в Синьцзяне.

Олон-Булак и Кульдинен – населенные пункты к западу-северо-западу от Урумчи, у северного подножия Восточного Тянь-Шаня, на пути к долине реки Манас.

«При восстании дунган» – восстание, вспыхнувшее в 1862 г. в китайской провинции Шэньси среди китайских дунганов (хуэйцзы), исповедующих ислам. Позднее восстание перекинулось в Ганьсу, национальная верхушка отошла от восставших, и повстанцы постепенно были вытеснены в Синьцзян. В 1877 г. их остатки под предводительством крестьянского вождя Биянху перешли русскую границу и поселились в Казахстане. Волнения среди дунган Синьцзяна, однако, продолжались и позже, в частности во время экспедиции Н. К. Рериха.

«Настроение в ощущение участка» – имеется в виду полицейский участок.

Бентлей – телеграфный шифр.

Цаган-хутухта (святой старец) – титул «заслуженного» алтайского ламы.

Чугучак (Дачэн) – город в Синьцзяне, административный центр Тарбагатайского округа.

«Петля на Монголии задумана генерал-губернатором широко...» – генерал-губернатор Синьцзяна Ян Цзэсинь широко использовал предрассудки, религиозную и национальную рознь и всячески разжигал их. Увидев невозможность военного вмешательства в монгольскую революцию, он решил воспользоваться религиозными чувствами западных (из области Кобдо), а также тибетских монголов, распустив слух об избрании таши-ламы китайским императором, полагая, что личность этого почитаемого ламаистского главы привлечет верующих.

Лауфер, Бертольд (1874–1934) – американский антрополог и востоковед, участник экспедиций в Китай и Тибет, автор многих работ по археологии и филологии Востока.

Хризопраз – разновидность халцедона, полудрагоценного поделочного камня, который вследствие примеси никеля имеет яблочно-зеленый цвет.

Кульобская ваза – золотая ваза с изображением сцен из жизни скифов. Найдена в 1830 г. археологом И. А. Стемпковским в курганном захоронении скифского вождя в Куль-Оба под Керчью (Крым), датированным IV в. до н. э.

«На стене висит Никола и премия «Нивы»»— то есть икона Николая-угодника из популярного дореволюционного литературно-художественного журнала «Нива», который издавался в Петербурге. Постоянным подписчикам высылались премии, в частности репродукции картин. Издание прекратилось в сентябре 1918 г.

«И земля – земля Будды – переносится на великую могилу» – посетив в 1926 г. Москву, Н. К. Рерих передал народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину ларец со священной для индийцев гималайской землей, чтобы ее поместили «на могилу» В. И. Ленина, а также сопроводительное «письмо Махатм».

«Сон Востока» – картина Н. К. Рериха, написанная в 1920 г. Прибыв в СССР, художник привез в Москву развивающую эту тему картину «Явление срока» (1926 г.): над спокойной землей – голова гиганта-богатыря, в лице которого узнаются черты Ленина, зорко глядящего на Восток.

«Т. не знает...» – неизвестно, о ком здесь идет речь.

«Стан половецкий» и «Заморские гости» – работы Н. К. Рериха. «Половецкий стан» – эскиз и декорации, созданные для дягилевской постановки оперы Бородина «Князь Игорь» в 1909 г., «Заморские гости» (варяжские купцы) – известная картина 1902 г.

«Место, где утонул завоеватель Сибири» – место гибели Ермака точно не установлено.

«Б. многое рассказывает» – очевидно, Борис Константинович Рерих, брат художника, приехавший встречать его в Омск.

Тишта, или Тиста, – река в Сиккиме, ее истоки – с восточной стороны Канченджанги. В верховьях Тишты находится монастырь Чаконг.

«В полночь приходит поезд» – речь идет об отъезде Рерихов в Москву, где они пробыли с 13 июня по 22 июля 1926 г.

Шамбатион, или Самбатион, – река, упоминаемая в Ветхом Завете, где жили «потомки Моисея». Дословно – «Субботняя», поскольку, по преданию, шесть дней в неделю она бурная, а по субботам – тихая.

«Трава и цветы в рост вершников» – вершники (*старорус.*) – «всадники».

Аконит — ядовитое растение семейства лютиковых с оригинальными синими или фиолетовыми листьями (Рерих называет его черным), употребляется в фармакологии.

Беловодье – у русских староверов страна обетованная, с богатыми землями и природой, где живут праведники и нет бояр и «гонителей веры». В поисках Беловодья староверы уходили в уральские и сибирские леса и горы. По мнению Н. К. Рериха, на Алтае легенда о Беловодье приобрела некоторые черты легенды о Шамбале.

Атамановы – семья староверов на Алтае, у которых останавливались Рерихи.

Соколиха – Соколова, местная жительница.

Бухтарминские – жители долины р. Бухтармы на Алтае.

Сказ про Иоасафа – «Повесть о Иоасафе, царевиче Индийском», памятник средневековой русской литературы. Текст этой повести – вольный перевод с греческого (ромейского) языка жизнеописания Сиддхартхи Гаутамы.

Пантелей Целитель – врач Пантелеймон из Никомедии, в 305 г. казнен как христианин, признан Церковью святым.

Скрыня (или скрынь) – сундук, ларец.

«В Лахоре... Барамуле...» – Лахор – город в Западном Пакистане, на левом берегу р. Рави. Барамул – местность и населенный пункт на севере штата Джамму и Кашмир в Индии.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы и т. д. – русские религиозные секты разного толка, каких на Алтае было много: начиная с XVII в. туда бежали сектанты, спасаясь от преследования официальной церкви и правительства России. Особенно много было староверов, по-сибирски – кержаков.

«Сделана разбивка линии до Котанды» – этот проект постройки железной дороги не был осуществлен.

Гунны (хунну) – тюркоязычный кочевой народ, передвигавшийся в первые века нашей эры из Центральной Азии в Казахстан, Среднюю Азию, на Урал, Волгу, Дон и далее по Восточной и Западной Европе на запад вплоть до Франции и Испании.

Аланы – ираноязычные племена, обитали на Северном Кавказе до р. Дон, во II в. н. э. создали сильное государство, разгромленное в IV в. гуннами.

Оленьи камни – неолитические и более поздние памятники, каменные плиты или скалы, покрытые стилизованными изображениями оленей, человеческих фигур и т. п., очевидно, имели ритуальное значение.

Керексуры – огражденные каменными столбами или плитами с нанесенными на них знаками, похожи на кельтские менгиры в Европе.

Каменные бабы – намогильные памятники Алтая, многие из которых относятся к уйгурской эпохе (X–XIV вв.) и имеют надписи, частично прочитанные.

«Предание о черном камне...» – видимо, речь идет о чинтамани, или, как говорят монголы, чиндамани.

«Говорят, В. и Р... поработали» – идет речь о каких-то художниках, подделывавших картины Н. К. Рериха.

Щусев и Щуко – Щусев А. В., Щуко В. А. – выдающиеся русские советские архитекторы.

Вольтер А. А. (1889–1973) – советский художник, ученик Н. К. Рериха.

«Луначарский говорит...» – приведены слова А. В. Луначарского из его выступления, опубликованного в газетах в 1924 г.

«По заметкам Сапожникова» – речь идет о В. В. Сапожникове (1861–1924), ботанике и географе, исследователе природы Алтая.

«Саин галабын судур» (монг. – «Сказание о добром веке») – сказание о наступлении в будущем веке справедливости и счастливой жизни; источником, очевидно, была санскритская Бхадракальпасутра – «Сутра о счастливой кальпе» (кальпа – мировой период).

Бог весны в германо-скандинавской мифологии, один из асов. В обновленном мире убитый Бальдр должен воскреснуть.

Бальдр (Бальдур) – в древнескандинавской мифологии сын «отца богов» Одина, бог добра, юности и красоты, вероломно убитый по наущению злокозненного бога Локи.

Борис – Б. К. Рерих, брат художника.

«Нашелся П. К., Людмила и Рая поедут с нами» – П. К. – Павел Константинович Портнягин, Людмила и Рая – Богдановы.

«Владыка Шамбалы» – картина Н. К. Рериха, подаренная им в 1926 г. правительству МНР.

«Хлопочет Ж.» – Цэбэн Жамцарано (умер в 1941 г.), крупнейший ученый Монголии того времени, один из организаторов Ученого комитета (ныне Академия наук Монголии).

Нарабанчи и Эрдени-цзу – крупные монастыри в Монголии.

Юм-бейсе — монастырь, ныне населенный пункт на юго-западе Монголии, на северном склоне Гобийского Алтая.

«До Шибочена (за Аньси)...» – Аньси – город на р. Сулэхэ, у южного подножия хребта Бэйшань. Шибочен – озеро у северного подножия Наньшаня, к югу от Аньси.

«Где притаились всякие останки древних гигантов» – речь о местах скопления костей динозавров), обнаруженных американской экспедицией Эндрюса.

«Во время бегства далай-ламы в 1904 году» – далай-лама бежал в Монголию в связи с вторжением в Тибет английского военного отряда и попыткой подчинить страну Британской империи.

«Триста наречий Азии» – их гораздо больше: в Индии около 200 языков и 845 наречий, в Китае языков и наречий – около 200 и т. д.

«Прискакал Ч.» – Ч. – Чаханбула, прозвище участника экспедиции
Н. К. Рериха Н. В. Кардашевского.

Я. – Яруя, прозвище друга и корреспондента Н. К. Рериха В. А. Шибаета. Выезжая в Индию и опасаясь «внимания» английских властей к своей корреспонденции и дневникам, Н. К. Рерих условился со своими друзьями о шифровке имен и названий (Россия – «А», Кардашевский – «Ч», Шибаета – «Я» и т. д.).

«Пролетел ярко-белый, сверкавший на солнце шаровидный аппарат» – в английском издании записок Н. К. Рериха «Алтай – Гималаи» этот эпизод описан значительно подробнее и позволяет предположить, что речь идет о крупной шаровой молнии, плывшей на большой высоте в потоке воздуха, меняющем направление в зависимости от рельефа.

Сининский амбань – амбань города Синин, расположенного восточнее озера Кукунор.

Нейчжи – перевал через восточную оконечность Куньлуня, от Цайдама к верховьям Янцзы.

«Гейзер глауберовой соли» – видимо, речь идет об отложении солей вокруг выхода восходящего источника минерализованных подземных вод.

«Области Хор» – северо-восток тибетской провинции Цинхай (Амдо), населенной «людьми хор», представляющими собой смешанное тюрко-монгольское население провинций Цинхай и Ганьсу.

«Глубокие долины заполнились...» – Н. К. Рерих излагает гипотезу, согласно которой Тибетское плато – горная страна, разрушенная выветриванием и погребенная продуктами выветривания. На самом деле в основании плато лежит прорезанная тектоническими разломами платформа, возникшая около 2 млрд лет назад (в протерозое), поднятая на большую высоту во время горообразовательных процессов.

Кам – историческая область на юго-востоке Тибета.

«При морозах свыше $-60\text{ }^{\circ}\text{C}$ » – зарегистрированный минимум температур в Тибете $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$, но дневные перепады температур значительны (до $37\text{ }^{\circ}\text{C}$), что, в сочетании с высотой (свыше 4500 м) может давать субъективное ощущение гораздо более значительного холода.

«Тибетцы лгут ежедневно» – то есть лгут должностные лица, приставленные к экспедиции, изобретая самые невероятные предлоги, чтобы объяснить задержку. Вероятнее всего, задержка экспедиции была вызвана деятельностью полковника Бейли, к которому совершенно напрасно пытался апеллировать Н. К. Рерих, и пекинского правительства, в одинаковой степени опасавшихся появления русских как в Тибете, так и в Синьцзяне.

Чунарген и Шаруген – урочища и становища тибетцев в Восточном Тибете, в бассейне верховьев р. Янцзы, у северного подножия хребта Тангла.

Нагчу – город в Восточном Тибете, на р. Нагчу (исток р. Салуэн).

«Старый маньчжурист-чиновник» – то есть сторонник свергнутой в Китае Маньчжурской династии, служивший еще до революции 1911 г.

Дзонгпен – глава административной единицы в старом Тибете, начальник округа, города, крепости.

«Нашлось бы общего с друидами и огнепоклонниками» – Н. К. Рерих действительно прав: в религии бон есть элементы огнепоклонничества, например почитание солнечного бога Митры.

«Кружным путем через Чантанг на Намру-Дзонг, Шенцзе-Дзонг...» – тибетские власти в конце концов разрешили экспедиции Рерихов продолжать путь, минуя Лхасу и Шигацэ, через озерный край Тибета – южнее озер Селлинг и Дангра. Перечисленные здесь монастыри и населенные пункты лежат на этом отрезке маршрута экспедиции.

«Не показанные на картах перевалы» – Сангмо-Бертин (5819 м), юго-западнее оз. Дангра (или Данграюм); Сага-Дзонг – населенный пункт на левом берегу Брахмапутры в ее верховьях, почти прямо на север от столицы Непала Катманду; Тенгри-Дзонг в отрогах Главного Гималайского хребта, севернее Джомолунгмы, Шекар-Дзонг – между районами Джомолунгмы и Канченджанги; Кампа-Дзонг – у северной оконечности массива Канченджанги, а перевал Сепо-ла – восточной.

Хальс, Франс (около 1580–1666) – известный голландский живописец, портретист.

Паламедес-Стевартс – фамилия трех голландских живописцев. Вероятно, имеется в виду Антонис Паламедес (1601–1672), писавший сценки из быта среднего сословия и портреты.

Филипп II (1527–1598) – испанский король с 1556 по 1598 г.

«Горсть грязной цампы» – цампа – поджаренный ячмень.

Манассаравар, или озеро Нагов – озеро в Тибете, из которого вытекает один из основных притоков Инда – Сатледж. Н. К. Рерих ошибочно связывает это озеро с Брахмапутрой, истоки которой только близко подходят к озеру.

Ригведа – первая и древнейшая из Вед.

Кайлас – здесь вершина в Главном Гималайском хребте высотой 6714 м; наряду с хребтом Кайлас в западной части Каракорума в индуизме считается обителью бога Шивы. Поэтому этот район для индуистов священен и служит местом паломничества.

«Голубая Янцзы – длиннейшая [в мире]...» – длиннейшей рекой мира и тогда уже считалась система рек Миссури – Миссисипи, затем Нил и Амазонка.

Древняя, давно уже исчезнувшая река на востоке Пенджаба, бывшая когда-то притоком Инда; кроме того – древнейшее государство арийцев в Индии.

Дуканг – храм.

Дак-бунгало – гостиница при почтовой станции.

Гангток – столица княжества Сикким, расположена на левом (восточном) берегу р. Тисты (Тишты), конечный пункт описываемой экспедиции.

Галлен-Каллела, Аксель Вальдемар (1865–1931) – финский живописец, писал на сюжеты из народного эпоса «Калевала», увлекался модерном и символизмом, создавал и реалистические пейзажи.